Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина

На правах рукописи

Келлер Андрей Викторович

Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века

07.00.02. – Отечественная история
Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук
Редин Дмитрий Алексеевич

Екатеринбург – 2018

Оглавление

Введение.....3

Глава I. Обзор исследований и источников 30

1.1. Историография исследований вопроса.....30

1.2. Методологические основания исследования 61

1.3. Источниковая база исследования.....137

Глава II: Формирование института цехового ремесла 1712-1785 г. 151

2.1. Определяющие факторы появления цехов.....151

2.2. Введение цехов в Петербурге 201

2.3. Итоги формирования петербургского цехового ремесла 221

Глава III: Динамика развития ремесла Петербурга 1785-1914 гг......238

3.1. Ремесленное самоуправление: от сословного к корпоративному.....238

3.2. Дифференциация ремесленного образования.....289

3.3. Правительственная политика по отношению к цехам 343

3.4. Экономическое развитие цехов.....379

Глава IV. Иностранные ремесленники Петербурга 397

4.1. Положение иностранных ремесленников в XVIII – начале XX в.....397

4.2. Налогообложение иностранных ремесленников в XIX в. 430

4.3. Иностранные ремесленники на российских и международных выставках 462

Глава V. Ремесло в контексте индустриализации.....490

5.1. Формы организации ремесленного производства 490

5.2. Ремесло и промышленное развитие.....505

Заключение 550

Список сокращений.....567

Список использованных источников и литературы 568

Список таблиц 640

Список рисунков.....641

Приложения 642

Введение

Особое видение проблематики ремесла и ремесленника во всей истории человечества зависит, прежде всего, от аспектов универсального характера. Первый аспект – это образ творца, или человека в роли демиурга (от греч. demiurgos – мастер, творец), познающего реальный мир и преобразовывающего его, благодаря опыту[1]. Второй аспект касается мотивов ремесленного труда, существенно отличающихся от таковых в капиталистических экономиках, основой которых является система, построенная на капитале и крупном промышленном производстве. Ремесленный мастер стремится не только к материальному благополучию и не столько к обогащению, но и еще в большей степени к профессиональному и социальному росту, целью которого является достижение «максимального профессионального мастерства в соответствующем виде деятельности»[2]. Помимо этого, важную роль в локальном производстве ремесленного мастера, укорененном в конкретных «соседских отношениях», играет его социальный статус, который от повышает «с помощью развития [..] максимальной системы социальных связей». Иными словами, речь здесь «идет о стремлении к „вершине“ профессионализма и к „вершине“ социализации»[3]. Поэтому в исследовании акцент ставится не на владении средствами производства и не на увеличении капитала, не являющимися главными в работе и «жизненной философии» ремесленника. Последнего отличает особое отношение к своему труду, к производимому продукту как к уникальному и оригинальному, особое выстраивание социальных связей в ремесленной мастерской и за ее пределами.

Актуальность темы исследования определяется все большей востребованностью понимания исторической связи между ремесленной мастерской и сегодняшними малыми и средними предприятиями (МСП), играющими решающую роль в развороте современной российской экономики

[1] См. Смолко В.А. Концепции современного естествознания. Челябинск, 2007. С. 7.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 308.

в сторону «зеленой и умной экономики» в рамках устойчивого развития[4]. Для этого необходимо экологическое сознание, являющееся главной предпосылкой для создания нового формата предприятий с качественно новым наполнением. Именно на таких основаниях, по нашему твердому убеждению, должна строится диверсификация современной экономики.

Степень разработанности истории городского ремесла и ремесленной промышленности в целом, учитывая усиленное внимание многих поколений историков к экономической истории, высока. При этом надо отметить, что вектор позитивного анализа ремесла в средневековом городе меняется на негативный, как только речь заходит об эпохе индустриализации и промышленной революции. Потому в значительной степени задача заключается в теоретическом переосмыслении уже имеющегося обширного нарратива истории ремесла.

Цель настоящего исследования состоит в изучении социальных, экономических и ремесленных практик, сопровождавших жизнь и работу ремесленника в городе и связей с кустарными промыслами в старопромышленных районах. Исследование направлено на выявление изменений в социокультурном облике петербургского ремесленника после введения цехов и во время протоиндустриализации и индустриализации, затронувших многие отрасли ремесленного и кустарного производства. Для лучшего понимания развития городского ремесла и ремесла промысловых кластеров, они рассматриваются в контексте процесса форсированных модернизаций, инициированных государством, с подключением дополнительных производительных ресурсов в традиционных старопромышленных районах Центра, Северо-Запада и Урала, а также иностранных специалистов и иностранных организаторов производства, что должно помочь показать успешность взаимодействия этих акторов в зависимости от осуществления экономических проектов.

---

[4] См.: 17 целей по преобразованию мира в области устойчивого развития, декларированные ООН. URL: http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/ (Дата обращения: 08.11.2017).

Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

– выявить условия (экономические, социальные, политические), влиявшие на эволюцию городского и кустарного ремесла и появление сословной и корпоративной этики;

– изучить социальные и производственно-организационные стратегии городских и кустарных ремесленников, выработанные ими для адаптации в условиях индустриализации и форсированных модернизаций;

– показать динамику развития ремесла в эпоху индустриализации;

– показать, что развитие ремесла, индустриализация и процессы модернизации являются взаимодополняющими, а не взаимоисключающими историческими феноменами;

– показать потенциал развития ремесла в рамках устойчивого развития и «зеленой» экономики на основах кооперации и профессиональной организации.

Объектом настоящего исследования является ремесло как особый социально-экономический феномен, приобретавший, в ходе своей эволюции, различные формы бытования в городе, на селе и кустарно-промышленных районах. Под **ремеслом** понимается **ручной труд** с применением специальных орудий труда (инструментов) и технических приспособлений с целью изготовления предметов, прежде всего, повседневного массового потребления (пища, одежда, обувь) и быта (постройка и обустройство жилых помещений), а также специальных высокотехнологичных инструментов, приборов, изделий, применяемых в науке и промышленности, в меньшем количестве – предметов искусства. Регулярная городская ремесленная мастерская предполагала наличие мастера-собственника, учеников и подмастерьев, иногда рабочих. Но видовые градации ремесленников велики, как и виды ремесленной деятельности – от дипломированного цехового мастера, изготавливающего музыкальные, физические, оптические и многие другие сложные инструменты, до кустаря-одиночки, снимающего угол на съемной квартире, или кустарной избы, где кустарным промыслом могла заниматься

вся семья на постоянной основе или в виде приработка к основным занятиям земледелием. Поэтому и терминологическое определение «ремесленного предприятия» или ремесленной мастерской могло иметь очень большой диапазон, в зависимости от ее формата.

Анализ взаимодействия мелкой промышленности, в виде городского ремесла и крестьянских промыслов, и крупной промышленности, может быть проделан на основе анализа использования ремесленных практик и их микровкраплений в крупное промышленное производство, особенно на предприятиях мануфактурного типа в период протоиндустриализации. Более подробно, кроме нецеховых ремесленников, рассматриваются цехи Петербурга, как профессиональная корпорация и сословно-социальный институт, поднявший статус ремесленного мастера на новую высоту. Как любой институт, претерпевающий адаптацию к местным условиям, российский формат цехов предполагал их постоянное пополнение за счет временноцеховых мастеров, в основном из крестьян, остававшихся в своем сословии и не пользовавшихся сословными привилегиями. Это послужило толчком к возникновению конфликтного потенциала внутри цехов, особенно после реформ 1860–1870-х годов. Привилегии вечноцеховых мастеров стали тем очагом недовольства, который приводил к конфликту их интересов с посадскими ремесленниками из других городов или крестьянами, не пользовавшимися преимуществами цехового сословия.

Предметом исследования является эволюция городского и кустарного ремесла в эпоху протоиндустриализации в XVIII – первой половине XIX в. и индустриализации во второй половине XIX – начале XX в., его экономическое развитие и изменение социокультурного облика ремесленника – прототипа предпринимателя нового поколения. При этом, концептуально и методологически, городское ремесло и крестьянские промыслы рассматриваются как взаимодополняющие социально-экономические феномены, существовавшие не вопреки, а как разумная альтернатива и дополнение к крупной промышленности. Нужно заметить, что если кустарное

ремесло могло практиковаться как на селе, так и в городе, то городское, по определению – только в городе.

Территориальные рамки исследования определяются границами Петербурга, а также Центрального и Северо-Западного старопромышленных районов, обеспечивавших петербургское ремесло рабочими руками крестьян-отходников и посадских ремесленников, без которых оно не могло полноценно развиваться.

Хронологические рамки исследования определяются важными моментами в развитии ремесла Петербурга и охватывают период XVIII – начала XX века. Нижняя хронологическая граница приходится на время строительства Петербурга, первого упоминания и основания цехов. Верхней хронологической границей является начало Первой мировой войны, отрицательно сказавшейся на ремесле Петербурга, и подпитывавшей какое-то время промысловиков в старопромышленных районах с помощью государственных заказов для армии и флота.

Научная новизна исследования определяется концептуализацией петербургского и российского ремесла, как важной области производства, имеющей в отличие от крупной промышленности свои специфические цели и задачи. Настоящая диссертация призвана восполнить пробел в историографии цехового ремесла Петербурга, рассматриваемого с начала учреждения цехов в 1721 г. до их упразднения в 1917 г. Предлагая анализ цехов в эпоху индустриализации, исследование расширяет концептуальные границы цеховой проблематики и впервые открывает возможность написания полноценной истории цехов Петербурга.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке концепции ремесла как одной из универсальных компетенций любого творческого человека, как базисной деятельности, развивающей способности человека во всей их совокупности, способствуя повышению креативности в поиске интеллигентных, в том числе сложных технологических решений. Цеховая организация и кустарные промыслы в их современном изложении

могут послужить прототипом современной организации производства, объединяющей «ремесленных» мастеров по принципу **гибких сетей высокотехнологичных малых производств (small manufacturing networks)**, объединяющих в себе ремесленные практики, компетенции независимого мастера (предпринимателя), сетевой принцип, децентрализованность, элементы солидарности, кооперации и микрофинансирования.

Практическая значимость исследования напрямую связана с проблемой переоценки ремесленных практик начиная с воспитания подрастающего поколения и заканчивая организацией экономики на новых принципах. Для этого необходима экспертная оценка не только экономистов, но и историков ремесла о месте последнего в жизни российского общества. Не будет преувеличением сказать, что результаты настоящего исследования представляют большую значимость для оптимизации программ по развитию ремесленных практик, малых и средних инновативных производств, разрабатывающих и внедряющих на рынке новые прорывные технологии. Разработка новых концепций развития экономики с помощью культуры ремесла важна для стратегического планирования развития ремесленных практик в современной России. Материалы диссертационной работы могут быть использованы в рамках различных учебных курсов, а также в культурно-просветительских проектах.

Степень достоверности. Исследование механизмов формирования цехового ремесла и развития ремесла в целом обуславливает привлечение широкого круга исторических источников различной видовой принадлежности. Опора на комплекс разнообразных источников (подробнее в параграфе 1.3.) определяет высокую степень достоверности исследования.

Методология и методы исследования истории ремесла как сложного социально-экономического феномена предполагает применение **компаративного** метода. Глубоко разработанная история ремесла в немецкоязычном пространстве, странах Бенилюкса и в Великобритании

второй половины XX – начала XXI века дает возможность под различными углами посмотреть на заявленную тему[5]. Компаративный подход является в данном случае наиболее подходящей стратегией изучения этой темы, чтобы увидеть отличие и сходство российских цехов с западными, а также проанализировать различные формы ремесленного труда и ремесленных практик. Накопленный обширный отечественный и зарубежный опыт в философии, философии истории, этике, политэкономии и предполагает также **междисциплинарный подход**[6]. **Разноуровневый подход** (цехи, нецеховые, кустари и крупные промышленные предприятия), позволяет наиболее полно понять глубинные взаимосвязи экономического развития России в период протоиндустриализации и индустриализации, а также наметить, помимо капиталистической или социалистической доктрин, альтернативные линии развития в русской истории. Кроме методологии исторической науки и ее специальных направлений: социальной, экономической и истории культуры, методологические приемы данного исследования дополняются разработками из ряда смежных областей гуманитарных, социальных и экономических наук: философии, антропологии, социологии и экономики. К теории модернизации автор относится критически, но использует ее в качестве «партнера по спаррингу», диалог с которым в значительной степени помогает найти новые подходы в концептуализации истории ремесла[7]. Более подробно тема

---

[5] Epstein S.R., Prak M. (eds.). Guilds, Innovation and the European Economy, 1400–1800. Cambridge, 2008. 352 p.; Farr J.R. Artisans in Europe, 1300-1914. Cambridge; New York, 2000. 320 p.; Faulwetter S. Von der Zunft zur Handelskammer. Zur Entwicklung des Gewerberechts in thüringischen Staaten. Frankfurt, München u.a., 2011. 394 S.; Klemisch H., Rauhut I. Wissenslandkarte – Berufsbildung für nachhaltiges Wirtschaften im Handwerk. Schrift zur nachhaltigen Unternehmensentwicklung. München und Mehring, 2009. 223 S.; Kluge A. Die Zünfte. 2. Aufl. Stuttgart, 2009. 522 S.; Krempl S.-T. Paradoxien der Arbeit oder: Sinn und Zweck des Subjekts im Kapitalismus. Bielefeld, 2011. 339 S.; Prak M., Lis C., Lucassen J., Soly H. (ed.). Craft guilds in the early modern Low Countries: work, power and representation. Aldershot, 2006. 269 p.; Pusterla M. (Hg.). Die Basler Zünfte: Geschichte und Entwicklung der E. Zünfte, Ehren- und Vorstadtgesellschaften von 1226 bis heute. Basel, 2008. 127 S.; Schulz K. Handwerk, Zünfte und Gewerbe: Mittelalter und Renaissance. Darmstadt, 2010. Eine Wirtschaftsgeschichte 800–1800. 304 S.

[6] См.: Arendt H. Vita activa oder Vom tätigen Leben, 1958 // Hubig Ch. [Hrsg. u.a.]. Machdenken über Technik: Die Klassiker der Technikphilosophie und neuere Entwicklungen. Berlin, 2013. S. 58–62; Berger M. Arbeit, Selbstbewusstsein und Selbstbestimmung bei Hegel. Zum Wechselverhältnis von Theorie und Praxis. Hegel-Jahrbuch. Sonderband. Berlin, 2012. 312 S.; Hubig Ch. Historische Wurzeln der Technikphilosophie… S. 19–40; Karafyllis N.C. Handwerk, Do-it-yourself-Bewegung und die Geistesgeschichte der Technik. Ein philosophischer Werkstattbericht // Technik. Zeitschrift für Kulturphilosophie, Heft 2013/2, S. 305–328; Vašek T. Work, Life, Bull, Shit. Warum die Trennung von Arbeit und Leben in die Irre führt. München, 2013. 287 S.

[7] См.: Келлер А.В. Вытесняется и отмирает? История русского городского ремесла в контексте теории модернизации: к постановке проблемы // Quaestio Rossica. 2017. № 1. С. 15-31; он же. Мост из традиции в современность: Цехи Санкт-

методологических оснований работы и концептуального аппарата исследования раскрыта в параграфе 1.2.

На защиту выносятся следующие **основные положения диссертационного исследования**:

1. Введение цехов способствовало профессионализации городского ремесла, спецификации таких понятий как стандарт, качество, профессиональная честь и укреплению новых коннотаций;
2. Городское ремесло и кустарные промыслы являлись неотъемлемой частью процесса индустриализации, обладая не только потенциалом противостоять натиску последней, но и адаптироваться к новым условиям;
3. Процессам модернизации были подвержены не только средние и крупные промышленные предприятия, но и ремесленные мастерские;
4. Ремесленная промышленность являлась важным компонентом необходимого профессионального базиса для индустриализации Петербурга;
5. Ремесленная промышленность, вобравшая в себя малое и среднее производство, являлась наряду с крупной капиталистической промышленностью драйвером развития городской промышленности и традиционных промысловых кластеров, используя методы синтеза новых знаний и технологий и приобретая гибридные формы существования;

История ремесла помогает не только понять прошлое, но и создать концепции экономического развития в настоящем. С пониманием границ роста, невозможности бесконечной максимизации прибыли, постоянной экспансии фирмы или предприятия, по-новому видятся возможности малого (ремесленного) формата производства. Чтобы понять предмет, надо понять его генезис, а значит коснуться **терминологии**, подробно рассмотренной в параграфе 1.2.

История ремесла начинается с разбора двух феноменов истории человечества, переживших народы, государства и исторические эпохи –

Петербурга в эпоху индустриализации – новые перспективы // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Vol. 3. № 1. 2017. 178-190.

археологического продукта ремесленного производства как артефакта (материальный предмет) и языка (слово и термин). Иначе говоря, происходит возвращение и обращение не к структурам и моделям, а к человеку, сделавшему эту *вещь*: кусок ткани, кувшин, топор, и говорившему на этом *языке*. Эти мостики бытования ремесла из прошлого в настоящее помогает перекинуть феноменология. Язык вещи и ремесленная терминология могут помочь постичь не столько временную, сколько антропологическую составляющую истории – сознание, существующее вне времени и пространства, или, иными словами, преодолевающее их границы.

Через призму ремесла, следовательно, внимание фокусируется на человеке, а не на капитале, машине (инструменте, средствах производства) и продукте, являющимися его производными. Ремесло противопоставляет себя всему массовому: массовой продукции, массовой культуре, а любая ориентация на массовость означает смерть индивида. Возвращение к индивиду через возвращение к ремесленному мастеру, как полноценному индивиду, означает возвращение человеку его полноценного места в бытии и обретение человеком самого себя, а значит, – и окружающего мира, неподвластного машинам и экономическим кризисам. С началом и ускорением промышленной революции в XIX в., Европу и Россию, как неотъемлемую часть мирового хозяйства, все чаще начинают сотрясать экономические и социальные кризисы, сопровождающиеся периодическими крахами на биржах. Погоня за новыми рынками сбыта, сферами (колониального) влияния и политическое противостояние европейских военно-политических союзов, привели к двум Мировым войнам, а спекуляции на бирже – к крупнейшему финансовому краху 1929 г. В более широком историческом контексте это кризисы 1857, 1873–1878, Великая депрессия 1929–1933 гг. и 2008 г.[8].

[8] Kocka J. Arbeit im Kapitalismus. Lange Linien der historischen Entwicklung bis heute. URL: http://www.bpb.de/apuz/211041/arbeit-im-kapitalismus-lange-linien-der-historischen-entwicklung-bis-heute (Дата обращения: 06.04.2017).

Происходящее переосмысление роли ремесла сегодня позволяет по-новому прочитать его историю в рамках устойчивого развития, в котором социальное и экологическое определяют экономическое развитие, а не только капитал, инвестиции и технологии. Поэтому на первый план вновь выходят не ограниченные исполнители во фрагментированном производственном процессе, а специалисты с комплексным подходом и целостным видением предмета и конечного результата. Осмысленная работа (работа, наполненная смыслом) вновь вступает в свои права. В связи с этим, экономический, экологический и социальный векторы развития видятся не раздельно друг от друга как ранее, а в системном единстве устойчивого развития, что определяет не только взгляд в будущее, но и историческую ретроспекцию, исследования прошлого[9].

Для лучшего понимания постулированной в данной работе исследовательской перспективы, скажем несколько слов об историко-философском контексте. Необходимым условием возникновения и существования древнейших видов хозяйственной деятельности человека – земледелия и скотоводства, было ремесло. Ремесленники производили орудия труда, без которых любая производственная деятельность человека, в том числе и обустройство своего жизненного мира, была невозможна. Можно предположить с большой долей вероятности, что первые артефакты в истории человечества были произведены именно ремесленниками. Еще до середины XIX века валовой продукт любой европейской страны состоял, в большой степени, из двух основных частей: сельскохозяйственной и ремесленной. Поэтому трудно переоценить роль ремесленного труда, являющегося неразрывной частью культурного наследия человечества, внесшего значительный вклад в формирование таких базисных антропологических

[9] См. 17 целей для преобразования нашего мира в области устойчивого развития, декларированные ООН: «Малые и средние предприятия, занимающиеся промышленной переработкой и промышленным производством, играют решающую роль на ранних этапах индустриализации и, как правило, являются основными создателями рабочих мест. Они составляют более 90 процентов мирового бизнес-сообщества, и на них приходится 50–60 процентов рабочих мест» (URL: http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/ (Дата обращения: 04.09.2017).

признаков человека, как любопытство испытателя, креативность и усидчивость мастера.

Размышляя об особенности творческого интеллекта направлять свою перформативную энергию на материальный продукт, Анри Бергсон писал: «Мы рождаемся ремесленниками и геометрами, и даже геометры-то только потому, что мы – ремесленники»[10]. И далее: «Прежде чем стать художниками, мы бываем ремесленниками»[11]. Но философ идет еще дальше, в начало мира, и высказывает мысль о возможности изначального одновременного генезиса материи и интеллекта. Следовательно, «интеллектуальность и материальность должны были складываться в своих деталях путем взаимного приспособления»[12]. Бергсон, как любой радикальный философ, меняет устоявшуюся терминологию и предлагает заменить понятие *Homo sapiens*, как определение человеческого вида, на *Homo faber* (лат. faber художник, кузнец, ремесленник, мастер, «человек творящий» или «человек производящий»). Бергсон отмечает главную особенность человеческого интеллекта в творческой эволюции: «Итак, интеллект, рассматриваемый в его исходной точке, является способностью фабриковать искусственные предметы, в частности из орудий создавать орудия, и бесконечно разнообразить их выделку»[13]. При этом способность к *фабрикации* Бергсон находит уже у животных[14]. Эту способность у человека он называет жизненным порывом, находящим свою реализацию в потребности творчества[15].

Павел Флоренский одну из глав в своей книге «У водоразделов мысли» называет «Homo faber». Там он цитирует формулировку А. Бергсона, приведенную выше[16]. Соглашаясь с последним о тесной связи техники и интеллекта, он называет также Эрнста Маха, развивавшего мысль о

---

[10] Бергсон А. Творческая эволюция. Пер. с. фр. В. Флеровой; Вступ. Ст. И. Блауберг. М., 2001. 330 с. С. 75.
[11] Там же. С. 76.
[12] Там же. С. 193.
[13] Бергсон А. Творческая эволюция <авторизованный пер. с фр. В.А. Флеровой. М.-СПб., 1914. С. 123. Цит. по: Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 3(1): У водоразделов мысли. М., 2000. С. 378.
[14] Бергсон А. Творческая эволюция... М., 2001. С. 152.
[15] Там же. С. 246.
[16] Священник Павел Флоренский. Сочинения… С. 378.

взаимодействии науки и техники[17]. Флоренский приходит к выводу, что «если разум вовне раскрывает себя, как неопределенно возрастающая и осложняющаяся совокупность *орудий*, то, изнутри рассматриваемый, он есть совокупность *проектов этих же орудий*, схем и образов, обладающих притом импульсом к экстериоризации, к воплощению, к материализации. Разум есть потенциальная техника, техника есть актуальный разум»[18].

Оттеснение в эпоху модерна ремесла и мастера, в том числе и в историографическом смысле, на второй план, имеет глубокие исторические корни. В. Феллер говорит в этой связи о смене мировоззренческих парадигм в пятидесятые-семидесятые годы XIX века: «Теория Дарвина сменила гештальт Творца-Мастера, воспринимавшийся большинством европейцев как основное доказательство бытия Божия», а с ним привела к деградации высокого места ремесленного мастера в шкале ценностей модерного общества, «обесценились тысячи „образцов“ в „тонкой структуре приложений“, организованные образом человека-мастера, производящего, творящего вещи»[19]. И далее: «Для многих исчезновение одного из основополагающих метафизических доказательств бытия Бога [А.К.: аристотелевского мастеровитого и работного бога] и переключение с метафизической метафоры Мастера на метафизическую модель Рынка в условиях торжественного шествия капитализма и действительного вытеснения рыночными отношениями древних корпоративных, мастеровых отношений стало причиной полного изменения мировоззрения […]. Новая формула Рынка побеждала старую форму Мастера, действовали на мыслящих людей как те самые куновские „тонкие примеры приложений“»[20].

---

[17] См.: Hubig C. Historische Wurzeln der Technikphilosophie // Hubig, Christoph [Hrsg. u.a.]. Machdenken über Technik... S. 19-40.

[18] Священник Павел Флоренский. Сочинения… С. 379; Научно-философские и теоретические работы о скорости и пространстве физика и математика Эрнста Маха: он первым высказал мысль о возможном искривлении пространства, легли в основу теории относительности А. Эйнштейна.

[19] Феллер В. Введение в историческую антропологию. Опыт решения логической проблемы философии истории. М., 2005. С. 47.

[20] Там же. С. 47–48.

Именно поэтому мы обращаемся в теоретическом переосмыслении истории ремесла к понятию Homo faber, имеющему непосредственное отношение к творческой деятельности, к появлению ремесел и техники. Это понятие может быть также использовано как когерентное к Deus faber («Бог творящий»), архетипом которого является Бог-кузнец Гефест. Закономерно, что, находясь в европейской философской традиции, берущей свое начало в Древней Греции, американский философ и социолог Р. Сеннет обращается к одному из первых ремесленников-небожителей Гефесту, чье мастерство было воспето в гимне Гомера. Это позволяет реконструировать европейскую традицию в интерпретации труда ремесленника, нашедшего свое распространение в большинстве европейских культур как особой культурной ценности до ее инфляции в эпоху индустриализации и модерна:

«Муза, Гефеста воспой, знаменитого разумом хитрым!
Вместе с Афиною он светлоокою славным ремеслам
Смертных людей обучил. Словно дикие звери,
В прежнее время они обитали в горах по пещерам.
Ныне ж без многих трудов, обученные всяким искусствам
Мастером славным Гефестом, в течение целого года
Время проводят в жилищах своих, ни о чем не заботясь.
Милостив будь, о Гефест! Подай добродетель и счастье!»[21].

Принятое в антропологии противопоставление Homo faber и Homo ludens («человек играющий») предлагается нами снять с помощью построения взаимодополняющей, а не взаимоисключающей модели двух этих понятий[22]. Экспериментирование и работа с материалом и идеями, с одной стороны, и

[21] Перевод В. Вересаева. Античные гимны / Сост., общ. ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1988. С. 126.
[22] Хёйзинга Й. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. Составление, предисловие и перевод Д. В. Сильвестрова, комментарий и указатель Д.Э. Харитоновича. СПб., 2011. 409 с.

игра, с другой, являются составными частями одного феномена – творческой деятельности ремесленника.

Еще одной разновидностью биноминальной номенклатуры, которую необходимо рассмотреть, является понятие Homo economicus. Оно описывает человека как эгоистического индивидуума, заинтересованного исключительно в своей материальной выгоде[23]. Самюэль Боулз подвергает критике такой ограниченный взгляд на человека как субъекта экономической деятельности, свойственный концепции А. Смита[24]. Ученый показывает, что материальные стимулы, лежащие в его основе, могут иметь вопреки ожиданиям совершенно противоположный эффект, и что «одни только стимулы не могут служить основой для хорошего управления»[25].

Данное исследование опирается на **трехчастную модель времени**, состоящую из трех составляющих: прошлого, настоящего и будущего, так как человек перманентно существует, мыслит и действует в трехчастном времени, опираясь на традиции прошлого, новации настоящего и видение будущего. Ремесло, пережившее множество исторических эпох, несет в себе именно эту трехчастную модель времени. К примеру, авторы сборника статей «Ремесло в Европе: от позднего Средневековья к раннему Новому времени», увидевшего свет в 1999 г., рассматривают особенности ремесленного ученичества при профессиональной подготовке. Обучение в мастерской цехового мастера они называют сложным социальным и культурным процессом, находящимся в постоянно меняющемся историческом контексте[26]. По-новому оценивая профессиональное обучение в ремесленных цехах, Р.С. Элькар справедливо указывает на то, что не стоит недооценивать их роль в образовании и

[23] В данном случае латинская биноминальная номенклатура не используется для обозначения какого-либо особого биологического вида человека, но название историко-философской концепции.
[24] Боулз С. Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан. Перевод с англ. Даниила Шестакова. М., 2017. С. 20–29.
[25] Он же. С. 22.
[26] Идея постоянно меняющегося исторического контекста не потеряла своей актуальности особенно сегодня, когда интенсивно переосмысливается роль машины и «ремесленного труда», сочетающего в себе элементы мануального и интеллектуального, в жизни человека в антропологическом контексте. Иными словами, чтобы не потерять свои человеческие черты, человеку необходимо стать снова «ремесленником», мастером, или оставаться им в актуализированном контексте современных цифровых технологий и хай-тек.

трансфере знаний путем миграций, учитывая условия коллективной внутренней и внешней организации посредством правового регулирования, ритуализации и корпоративных механизмов защиты удивительно высокой мобильности цеховых ремесленников Средневековья, в особенности подмастерьев[27]. Для этого, по мнению Элькара, в поисках написания новой социальной истории необходимо попытаться связать дискурс и практику или, другими словами, двигаться от описания дискурса к анализу практики.

История ремесла непосредственно связана с *критикой рыночного капитализма* Адама Смита (победа либерального дискурса и идеи «промышленной свободы») и *критикой критики капитализма* Карла Маркса (преобладание капитала и техники), так как это разные социально-экономические, мировоззренческие и историко-философские модели развития[28]. Сегодня, во время перманентного экономического и экологического кризиса, особое значение приобретают поиски альтернативных форм экономического развития в рамках парадигмы устойчивого развития[29]. Немецкая исследовательница Николь Карафюллис рассматривает ремесленную деятельность, осуществляемую на грани техники и жизненного уклада с философской стороны, помогая преодолеть, таким образом, «конец истории» в виде капитализма[30].

150 лет назад был опубликован первый том «Капитала», с изданием которого пробил «последний час» ремесла. Этот труд кардинально изменил и укрепил взгляд на власть капитала не только на рынке, но и в сознании, как основополагающей идеи экономического развития. ЮНЕСКО назвала это

---

[27] Elkar R.S. Lernen durch Wandern? Einige kritische Anmerkungen zum Thema „Wissenstransfer durch Migration“ // Handwerk in Europa. Vom Spätmittelalter bis zur Frühen Neuzeit / hrsg. von Knut Schulz unter Mitarbeit von Elisabeth Muller-Luckner. München, 1999. S. 213.

[28] Misik R. Kaputtalismus. Berlin, 2016. 224 S.; Scheidler F. Das Ende der Megamaschine. Wien, 2015. 272 S.; Vašek T. Work, Life, Bull, Shit...

[29] Rifkin J. The Empathic Civilization: The Race to Global Consciousness In a World In Crisis. NY, 2010. 688 p.; Idem. The Third Industrial Revolution: How Lateral Power is Transforming Energy, the Economy, and the World. London, 2011. 304 p.; Idem. The Zero Marginal Cost Society: The internet of things, the collaborative commons, and the eclipse of capitalism. London, 2014. 356 p.; см. также: Mumford L. Mythos der Maschine. Kultur, Technik und Macht. Wien, 1974. 855 S.

[30] Karafyllis N.C. (Hg.). Das Leben führen? Lebensführung zwischen Technikphilosophie und Lebensphilosophie. Für Günter Ropohl zum 75. Geburtstag. Berlin, 2014. 288 S.; Idem., Haar T. (Hg.). Technikphilosophie im Aufbruch. Festschrift für Günter Ropohl. Berlin, 2004. 278 S.

произведение самой влиятельной книгой XIX века, кардинально изменившей взгляд на место ремесла, добавим мы, а значит – мастера, ученика и подмастерья в современной экономике, а также на корпоративные традиции цехового ремесла. Безусловно, Смит и Маркс правы по-своему. Человеку свойственно руководствоваться в своих поступках соображениями своей личной выгоды; капитал имеет свойство «бесконечно» расти и искать себе применение практически во всех областях жизни. Это факты, сопровождающие нас в нашей повседневности. И, тем не менее, эта фактологичность не является окончательным доказательством истинности именно этой реальности. Она – лишь одним из многих возможных вариантов развития.

Маркс определил на последующие 100–150 лет взгляд на труд как на товар, который в ходе товарного обмена должен порождать капитал. Ричард Лахман обозначил это так: «[…] история по Марксу – это история того, как функционирует капитализм и капиталисты […]»[31]. Ключевую роль здесь играет наемный труд: рабочая сила, создающая товар, а он, в свою очередь, прибавочную стоимость, аккумулирующую капитал. Человек в данном случае теряется или инструментализируется как придаток капитала или машины. Поэтому базисным процессом в традиционной экономической теории до сих пор считается капиталистическое накопление. Смысл производства заключается не в производстве полезных товаров, деградирующих, в действительности, в побочный продукт, а в производстве капитала, или прибавочной стоимости. Подобно Ньютону, объяснившему законы гравитации, Маркс разработал «теорию гравитации» экономических законов, показавших якобы безграничное могущество капитала. Эта теория вызвала эффект волшебства, сделавшего вдруг «все понятным». Одна из первых рецензий называла «Капитал» хорошим пособием по управлению фабрикой. Человек здесь – это орудие труда для извлечения и генерации прибыли по

[31] Лахман Р. Что такое историческая социология? М., 2016. С. 44.

схеме «товар-деньги-товар». Во избежание вопиющих системных диспропорций капитализма, В. Ойкен разработал теорию социальной рыночной экономики, нашедшей свое наиболее полное воплощение в социально-экономической модели послевоенной Германии (ФРГ). Развивая эту теорию и добавляя к ней экологическую составляющую, стало возможным говорить о концепции устойчивого развития, предполагающей смену парадигм от Капитала к Мастеру и новому качеству жизни, замену прежней схемы на новую – «человек-природа-человек».

С помощью истории ремесла переосмысливается ценность и смысл трудовой деятельности, где Homo faber бросает вызов Homo capitalicus, а время *антропоцена* переосмысливается как время *капиталоцена*[32]. Смена фокусировки исследовательского внимания, как это делает Джейсон Моор, помогают вычленить главную причину современного уничтожения производительных сил и окружающей среды – не человек как таковой, но господство финансового капитала. Его победное шествие началось во второй половине XVIII в., прежде всего после Великой французской революции, в ходе которой либеральная концепция победила корпоративную[33]. Из российской перспективы того времени события во Франции воспринимались как хаос и анархия, потрясающие основы. Поэтому в России именно в комбинации институтов монархии и сословий ожидалось (инстинктивно или осознанно) достижение необходимой «стабильности социума»[34].

Идея рыночной экономики прошла долгий путь развития от А. Смита (1776, саморегулирующийся рынок), К. Маркса (1867, капитал и средства производства), В. Ойкена (1939, социальная рыночная экономика), К. Поланьи (1944, роль государства как регулятора), Ф.А. фон Хайека (либеральная экономика и свободный рынок), до Э. Люттвака (1998, турбо-капитализм) и

---

[32] Moore J.W. Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism (2016). Sociology Faculty Scholarship. Paper 1. URL: http://orb.binghamton.edu/sociology_fac/1 (Дата обращения: 10.06.2017).
[33] Farr J.R. Artisans in Europe... P. 278-288.
[34] В XVIII в. под этим могло подразумеваться именно верховенство монархии в союзе с послушанием подданных, организованных в сословия.

У. Мёсснера (2011, устойчивое развитие и рыночная экономика)[35]. При разнообразии концепций названных авторов все они «работают» в рамках логики капитализма и рынка. Купюра, служащая мерилом экономики и человека, приводит к инфляции человеческих ценностей. Предполагаемая мотивация и целеполагание только на извлечение прибыли, бесконечная «флексибилизация» персонала приводит к постепенному вымыванию базисных ценностей и снижению мотивации[36]. Одним из показателей этого процесса является соотношение постоянных и временных работников в Германии: в 1970 г. – 5:1, в 2015 г. – 2:1[37].

Долгая история рецепции концепции рыночной экономики и места ремесла в ней имеется и в России. Особый интерес для нас представляют дебаты о капитализме последней трети XIX – начала XX веков. Основная конкуренция парадигм развития России происходила в рамках дискуссии между сторонниками легального и леворадикального марксизма и представителями народнической мысли, многие из которых также находились под влиянием идей марксизма, деятелями земств, которых можно причислить к реформистскому идейному крылу. В свете событий последних трех десятилетий и несостоятельности концепций неолиберализма, видится целесообразным и необходимым посмотреть по-новому на народническую концепцию ремесла и кустарных промыслов как альтернативной формы развития в посткапиталистическом мире. Историко-философская концепция (ремесленного) мастера в новом историческом освещении приобретает принципиально важное значение в рамках международной дискуссии о

---

[35] Ойкен В. Основы национальной экономии. М., 1996. 254 с.; Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. Перевод с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова и А.П. Шурбелева. Под общей редакцией С.Е. Федорова. СПб., 2002. 320 с.; Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. 688 с.; Хайек Ф.А. фон. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000. 287 с.; Luttwak E. Turbo capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. London, 1998. 241 p.; Mössner U. Das Ende der Gier: nachhaltige Marktwirtschaft statt Turbokapitalismus. München, 2011. 213 S.

[36] Авторский коллектив С.А. Липиной, Е.В.Агаповой и А.В.Липиной говорит об отрыве от реальности преобладающих направлений экономической теории, что требует пересмотра теорий спроса, предложения и роста; необходимо понимание экономического роста как богатства природы, восприятие людей и биосферы не как ресурс, а как выгодоприобретателей (Липина С.А., Агапова Е.В., Липина А.В. Развитие зеленой экономики в России: Возможности и перспективы. М., 2018. С. 130-131).

[37] Kocka J. Arbeit im Kapitalismus…

перспективах будущего развития человечества в посткапиталистическом мире.

Один из видных представителей народников-экономистов, В.П. Воронцов, отрицал необходимость развития России по капиталистическому пути[38]. Роза Люксембург писала, что «[…] именно Воронцов оказывал в 80-х годах огромное влияние на общественное мнение русской интеллигенции, и именно против него должен был в первую голову вступить в борьбу русский марксизм»[39]. Поэтому понятно, почему Ленин в своей работе о развитии капитализма в России оппонировал, кроме Н.Ф. Даниельсона[40], именно Воронцову, воззрения которого он называл не иначе как «романтическими предрассудками народничества»[41]. А ведь идея Воронцова экономики без капитализма, созвучная сегодняшней универсальной и всеобъемлющей концепции устойчивого развития, в сочетании с трудами А.Е. Теплоухова (природопользование, экология – здоровая окружающая среда) и С.А. Подолинского (энергия солнца и конечность ресурсов), могла стать основой для устойчивого развития не только российского ремесла, но и всей российской экономики[42]. Коренное различие между Воронцовым и Лениным состояло том, что для первого

---

[38] Воронцов В.П. Судьбы капитализма в России. 1-е изд. в 1882 г. М., 2008. С. 472; см. также: Он же. Очерки кустарной промышленности в России. СПб, 1886. 233 с.

[39] Люксембург Р. Накопление капитала. Т. 1-2. Перевод под редакцией Ш. Дволайского. С предисловием В. Мотылева. Изд. 5. Государственное социально-экономическое издательство. М.-Л., 1934. С. 188.

[40] Даниельсон принадлежал к первым марксистам в России, издал совместно с Г.А. Лопатиным и Н.Н. Любавиным первый перевод трех томов «Капитала» К. Маркса. С 1864 г. по 1914 г. Даниельсон проработал в Обществе взаимного кредита (ОВК), сначала на должности бухгалтера, затем главного бухгалтера. ОВК являлся одним из прототипов современного микрофинансирования, связанного с оказанием финансовых услуг субъектам малого предпринимательства, предполагающий более свободный доступ малых предприятий к источникам финансирования (см.: Патина Т.А. Инфраструктура финансовой поддержки субъектов малого предпринимательства // Молодой ученый. 2014. №19. С. 346-349. URL: https://moluch.ru/archive/78/13700/ (Дата обращения: 2017.12.02); Воздвиженская А. В России появилась первая микрофинансовая компания // Российская газета. 03.11.2016. URL: https://rg.ru/2016/11/03/v-rossii-poiavilas-pervaia-mikrofinansovaia-kompaniia.html (Дата обращения: 23.10.2017). С 1877 года, исполняя должность главного контролёра до 1914 г., Даниельсон неоднократно получал предложения, войти в правление ОВК, но отказывался, оставаясь верным своим демократическим принципам. Заметим, что ОВК, одним из первых, реализовал механизмы финансирования МСП в России.

[41] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 3. Развитие капитализма в России; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Изд. 5-е. М., 1979. С. 26.

[42] См.: Бейлин И.Г., Парнес В.А. Александр Ефимович Теплоухов. М., 1969. 154 с.; Николаев С.Ф. Хранители леса: Александр Ефимович и Фёдор Александрович Теплоуховы. Пермь, 1957. 48 с.; Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. М., 2005. 160 с.

«человеческое измерение» было исходным пунктом на пути «социального и экономического прогресса», а исторический процесс как открытый имел альтернативы развития, в то время как для второго логика событий определялась «железными законами истории», неизбежно ведущими к классовой борьбе и социалистической революции[43].

Единственное, что объединяло марксистов и народников, была критика капитализма. Но если главным требованием марксистов было необходимое развитие капитализма в России как закономерной предпосылки социализма, то их противники шли еще дальше и попросту отрицали его необходимость в России, чем опередили свое время на много десятилетий. Основывающаяся на концепции самобытного пути развития России к социализму (или назовем это справедливым социальным порядком) без повторения ошибок капитализма, народнические идеи привлекли внимание К. Маркса, которые он разделял лишь отчасти в отношении крестьянской общины как «социалистической ячейки»[44]. Первая книга «Положение рабочего класса в России» (1869), которую Маркс изучил в русском оригинале, принадлежала идеологу народничества В.В. Берви-Флеровскому[45]. Но главное не то, что объединяло или разъединяло таких разных мыслителей как Берви-Флеровский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский или П.А. Кропоткин по отношению к крестьянской общине как социально-экономическому идеалу, а заложенная в ней идея альтернативного капиталистическому «русского» развития под знаком социальной справедливости и экономического процветания, основанного на принципах солидарности и локальности.

Эта, казалось бы, далекая от городского и цехового ремесла тематика

---

[43] «Негативное влияние ленинской концепции состоит в том, что она ставила исследователей в жесткие рамки, требовала от них использовать экономические события для объяснения политических. Она также ограничивала российских исследователей в том смысле, что от них требовалось изучать экономические проблемы строго в рамках марксистских схем. Западные ученые тоже оказались захвачены схожей тенденцией, ориентирующей экономический анализ на объяснение политических событий. Александр Гершенкрон применил свою модель относительной отсталости к России для объяснения революции 1905 г. […] Модели — это мощные орудия. На их основе формулируются верифицируемые гипотезы» (Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста. 27.07.2015. URL: http://statehistory.ru/5165/Ekonomicheskaya-istoriya-Rossii-chto-my-o-ney-znaem-i-chego-ne-znaem--Otsenka-ekonomista/ (Дата обращения: 25.11.2017).

[44] Кара-Мурза С.Г.. Дорога в СССР. Как «западная» революция стала русской. М., 2016. С. 44.

[45] Флеровский Н. (В.В. Берви-Флеровский). Положение рабочего класса в России. СПб.,1869. 296 с.

крестьянской общины, на самом деле, им очень близка, так как затрагивает темы крестьянских промыслов, артелей и отхода на заработки в город[46]. Все земские деятели и исследователи крестьянских промыслов отмечали эту связь[47]. Цехи, вместе с артелями и крестьянскими промыслами, могли в социально-экономической ситуации того времени рассматриваться не столько тормозом на пути социально-экономичсекого прогресса, сколько институтами социальной защиты и развития ремесла[48]. Движение кооперации, как институт социальной солидарности и инструмент экономического развития, было характерно как для крестьянских общин, так и в меньшей степени для ремесленников Петербурга: «В 1913 г. в России было более 30 тыс. кооперативов с общим числом членов более 10 млн человек»[49]. Хотя следует уточнить, что, говоря о широком движении кооперации в России с конца XIX в., не следует отождествлять ее с нередко мифологизированной и идеализированной крестьянской общиной и системой «мира»[50]. Движение кооперации гораздо шире и предполагает взаимодействие экономически независимых субъектов экономической деятельности, объединяющихся на взаимовыгодной основе[51]. Причем, среди городских ремесленников прижились лишь кредитные товарищества. Тем не менее, городские ремесленники стали одними из первых инициаторов организации профсоюзного движения, как это было в Петербурге в начале XX века.

Важность рассмотрения данной историографической линии о крестьянских промыслах, кооперации и ремесленниках, идущей из народнической традиции и прерванной в начале 1930-х, а затем в начале

---

[46] Под артелью понимается рабочий коллектив, зарабатывающий на жизнь совместным трудом и живущий в одном месте. См.: Bürgertum und Stadt in Rußland 1760–1870. Rechtliche Lage und soziale Struktur. Köln, Wien, 1986. S. 197; Слово «артель» использовалось в основном в «образованной» речи и имело множество синонимов: ватага, дружина, стая, котляна. Ее участники назывались артельщики, пайщики, уженщики, покручники и т.д. См.: Сазонов Г. Программа для собрания сведений о русской народной артели // Русская мысль. январь 1881. Кн. 1. С. 284.

[47] См., напр.: Пругавин В.С. Промыслы Владимирской губернии. Александровский уезд: Вып. 1. М., 1882-84. 26 с.

[48] Корелин А.П., Шацилло К.Ф. П.А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Революция в начале века: революция и реформа. М., 1995. С. 30.

[49] Кара-Мурза С.Г. Дорога в СССР... С. 29.

[50] Михайлин В.[Ю]. Раб как антропологическая проблема // НЛО. № 142. Т. 2 (6/2016). Рабство как интеллектуальное наследие и культурная память. С. 403-404. URL: http://www.nlobooks.ru/node/8201 (Дата обращения: 18.02.2017).

[51] См. Боулз С. Моральная экономика… С. 23.

1970- х годов, заключается в том, что с ее позиций возможно еще одно написание истории «низов»: **мелкой и кустарной промышленности**, без которой, по словам В.В. Адамова, невозможно понимание промышленного и экономического развития России начала XX века[52]. К названной традиции принадлежат труды В.П. Воронцова, П.А. Кропоткина, М.И. Туган-Барановского, И.М. Кулишера, А.В. Чаянова[53]. Кропоткин писал о взаимопомощи как факторе эволюции: «И всякий раз, когда человечеству приходилось выработать новую социальную организацию, приспособленную к новому фазису его развития, созидательный гений человека всегда черпал вдохновение и элементы для нового выступления на пути прогресса всё из той же самой, вечно живой, склонности ко взаимной помощи»[54]. То, о чем писал Кропоткин, стало сегодня чрезвычайно актуальным[55]. Дж. Рифкин пишет вновь о солидарности (см. теорию солидаризма), как о важном социальном капитале. В дореволюционной России существовало, пожалуй, самое мощное кооперационное движение в Европе, которое могло дать в будущем примеры для подражания Западной Европе. Темпы роста промысловой (ремесленной и

---

[52] Поликарпов В.В. От Цусимы к февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 88–89, 112; Понятия мелкой и кустарной промышленности, могущих считаться в данном контексте синонимами, вмещают в себя широкий спектр ремесел, производившихся как в городах цеховыми с мастерскими и нецеховысми ремесленниками-одиночками, так и в сельской местности крестьянами-кустарями, занимавшихся исключительно ремеслами, и крестьянами, занятия ремеслом для которых были дополнительным приработком к основной деятельности в сельском хозяйстве. Согласно формулировке Л.В. Беловинского, «кустарный промысел – это производство каких-либо изделий вручную, при помощи простейших инструментов и приспособлений и на основе простейших технологий у себя дома или на стороне». И далее: «Промыслами для своих потребностей занималась почти вся крестьянская Россиия; промыслами же коллективными были заняты только отдельные группы кустарей, нередко имеющие слабую связь с земледелием. Серединой между этими двумя крайними формами кустарной промышленности можно считать массовой производство кустарных изделий на рынок крестьянами-кустарями, у которых коренное занятие лежит в земледелии и побочное в кустарничестве» (Л.В. Беловинский Л.В. Кустарная Россия. Не знавший покоя // Пономарев Н.В., Денисюк Н.Ф. Кустарные промыслы в России. Кустарная Россия: очерки. М., 2017. С. 11–12).

[53] См.: Воронцов В.П. Судьбы капитализма в России. СПб, 1882. 65 с.; Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М., 2007. 240 с.; Кулишер И.М. Очерк истории русской промышленности. Петроград, 1922. 156 с.; Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. СПб., 1900. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. 561 с.; Он же. Социальные основы кооперации. М., 1916. 521 с.; Он же. Социальные основы кооперации / Предисл., коммент.: Л.А. Булочникова, Г.Н. Сорвина, Т.П. Субботина. М., 1989. 509 с.; Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991. 456 с.; Осмысливая зарубежный опыт, Туган-Барановский издал исследования о жизни таких противоположных личностей, как теоретик анархизма П.Ж. Прудон и либерализма Д.С. Милль (Он же. П.Ж. Прудон: Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1891. (Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Флорентия Павленкова). 80 с.; Он же. Д.С. Милль: Его жизнь и учёно-литературная деятельность. СПб., 1892. 88 с.).

[54] Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции… С. 174.

[55] Rifkin J. Die Null-Grenzkosten-Gesellschaft. Das Internet der Dinge, kollaboratives Gemeingut und der Rückzug des Kapitalismus. Frankfurt/M. 2014. 525 S.

кустарной) кооперации в России, вплоть до 1917 г., впечатляют. Число ее участников составляло к этому времени 4,6 млн. человек[56]. Поэтому не случаен интерес к этой проблематике сегодня[57].

Идеи народников-экономистов конца XIX века были во многом созвучны экономическим идеям, получившим дальнейшее развитие в конце XX – начале XXI века. Изучавшиеся ими старопромышленные районы России, где процветали традиционные промыслы, актуальны сегодня как никогда. Концепция Альфреда Маршалла, разработавшего в конце XIX века понятие промышленных районов (engl. *industrial district*), представлявших из себя единые производственно-сбытовые региональные сети мелких производителей узкой специализации, ориентирующихся на единый рынок сбыта, прекрасно «ложится» на старопромышленные и традиционные промысловые районы России.[58] Сегодня они могли бы стать прототипом гибких сетей высокотехнологичных малых производств будущего (small manufacturing networks).

С помощью этой концепции могут быть описаны ремесленные кластеры как в городской, так и сельской среде, имеющие схожие признаки, отмеченные Н.В. Смородинской в отношении сетевой экономики будущего. Говоря о смене парадигмы мирового развития и становлении сетевой экономики, она подчеркивает особенности глобальной «*трансформации самого организационного кода экономических систем* (курсив – Н.С.) – их переход[а] к сетевому укладу на всех уровнях социальных взаимодействий»[59]. По мнению исследовательницы, это означает «смену парадигмы мирового развития – обновление не только способа производства (переход от индустриальной эпохи к постиндустриальной), но и всего общественного уклада (переход от

---

[56] Билимович А.Д., Никифоров Л.В. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М., 2005. С. 64.

[57] Егоров В.Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX в.). Монография. Казань, 2005. 330 с.; Соболев А.В. Кооперация: экономические исследования в русском зарубежье: монография. М., 2013. 360 с.

[58] См.: Маршалл А. Принципы политической экономии. М., 2012. 1217 с.; Marshall A. Principles of Economics. London, 1920 (first ed. London, 1890). URL: http://oll.libertyfund.org/titles/1676 (Дата обращения: 23.01.2018).

[59] Смородинская Н.В. Смена парадигмы мирового развития и становление сетевой экономики // Экономическая социология. Т. 13. № 4. Сентябрь 2012. С. 95.

капиталистической системы к посткапиталистической)»[60].

Экономика будущего предполагает наличие кластеров как структурообразующего звена мирового экономического пространства: «Глобальный характер конкуренции делает ее открытой и настолько мощной, что роль основного механизма в развитии систем переходит к кооперации, причем в ее высших коллаборативных формах, когда она связана с непрерывной координацией действий коллектива участников, обеспечивая синергию его совместных усилий»[61]. В сверхдинамичной мета-среде «коллективного созидания» (*co-creation*), образуемой «множеством саморегулируемых сетевых коллективов […] зарождаются новые структурообразующие звенья: […] трансотраслевые кластерные сети вместо промышленных отраслей». […] «Новое общество организаций» XXI века […] все шире высвобождает энергию социальной активности на местах. […] Участники инновационных экосистем не просто кооперируются, а вступают в коллаборативные отношения. Они интерактивно обмениваются явными и неявными знаниями, формируя *совместное видение* (shared vision) в отношении мер адаптации к гиперизменчивой среде»[62].

Предлагаемая автором концепция гармонично «вписывает» концепции Маршалла, а также Эрнста Шумахера в контекст истории ремесла[63]. Можно в чем-то не согласиться с последним, например, с идеей повсеместного акционирования всех компаний, достигших определенного размера, по американскому образцу[64]. Но главной является социальная и этическая доминанта этого автора, во многом предвосхитившая идеи социально ответственного бизнеса[65]. Говоря о начале и конце капитализма сегодня, современные авторы дискутируют альтернативные пути социально-

---

[60] Там же. С. 96.
[61] Там же. С. 98.
[62] Там же. С. 100; см.: Drucker P.F. The New Society of Organizations. Harvard Business Review. 1992. 70 (5). P. 95–104.
[63] Шумахер Э. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. Перевод с англ. Даниила Аронсона. М., 2012. 352 с.
[64] Там же. С. 339.
[65] Тульчинский Г.Л. Корпоративные социальные инвестиции и социальное партнерство: технологии и оценка эффективности: учеб. Пособие; Санкт-Петербургский филиал Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики». СПб., 2012. 236 с.

экономического развития[66]. Йохай Бенклер успешно интегрирует концепцию кооперации и глобальных сетей в реалии рыночной экономики[67]. Руководитель Центра коллективного разума при Массачусетском технологическом институте Томас Малон, в соавторстве с другими учеными, поднимает тему коллективного разума и группового перформанса[68].

Мы не считаем целесообразным доказывать «единство основных закономерностей развития городов России и Запада» ввиду тенденциозности европоцентристской модели развития, так же, как и не станем доказывать принципиальное отличие генезиса русского и западноевропейского города[69]. А потому не будем утверждать, что в русском городе XIX в. складывается гражданское общество и, что русский город становится колыбелью капитализма. Предположим, ничего этого не было. Но остается вопрос: если ремесленники русского города не соответствовали характеристике, данной В.В. Стоклицкой-Терешкович западноевропейским ремесленникам – «творцам города», то какую роль они играли тогда в формировании российского городского пространства в XVIII – XIX веках[70]? Рындзюнский справедливо полагал, что русский дореформенный город не отвечал новым общественно-экономическим потребностям, т. е. мобилизации денежных средств и кредитованию промышленников, а также не обеспечивал «предоставление убежища и первоначального обзаведения освободившимся от деревенских связей крестьянам, переходившим на положение мелких

---

[66] Kapitalismus und Alternativen. URL: (http://www.bpb.de/apuz/211037/kapitalismus-und-alternativen (Дата обращения: 17.4.2017).

[67] Algan Y., Benkler Y., Morell M-F., Hergueux J. Cooperation in a Peer-Production Economy: Experimental Evidence from Wikipedia. 2013. URL: http://spire.sciencespo.fr/hdl:/2441/5ulf84sluc9vlb5mrjr32mfetg/resources/cooperation-in-peer-production.pdf (Дата обращения: 17.01.2015); Benkler Y. The Penguin and the Leviathan: How Cooperation Triumphs Over Self-Interest Crown Business 2011. 272 p.; Idem., The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven and London. 2006. P. 272; Idem. Peer Production and Cooperation, forthcoming in J.M. Bauer & M. Latzer (eds.), Handbook on the Economics of the Internet, Cheltenham and Northampton, Edward Elgar. 590 p.; Idem., Practical Anarchism: Peer Mutualism, Market Power, and the Fallible State, Politics and Society 4(2) 213-251. 2013.

[68] Gimpel H. Interview with Thomas W. Malone on “Collective Intelligence, Climate Change, and the Future of Work, Business & Information Systems Engineering: 2015. Vol. 57: Iss. 4, 275-278; Woolley A.W., Ishani A., and Malone T.W. Collective Intelligence and Group Performance. Current Directions in Psychological Science Vol. 24, No. 6 (2015): 420-424; Handbook of Collective Intelligence. Malone T.W., Bernstein M.S. (Eds.). Cambridge, MA, 2015. 232 p.

[69] См.: Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 12.

[70] Стоклицкая-Терешкович В.В. Немецкий подмастерье XIV-XV веков. М., 1933. 59 с.; Она же. Основные проблемы истории средневекового города X-XV веков. М., 1960. 351 с.

промышленников или рабочих, а также способствование им в получении гражданских прав»[71]. И все же, как писал сам ученый, «мелкое товарное производство по количеству заведений (но не по объему производства) преобладало повсюду, даже в больших городах, что было обычным явлением в эпоху развитого капитализма во всех странах»[72].

Действительно, если мерить в «тонно-километрах», ремесленное производство не имело права на существование, как наиболее отсталое. Тем не менее, историк приводит этот пример, чтобы показать схожую типологию развития капитализма в Западной Европе и в России. На самом деле, применяя более дифференцированный и тонкий социальный анализ, можно прийти к выводу о возможности сосуществования, а не замене одного способа производства другим, так как они выполняют разные функции. Преодоление историографической традиции и изменение фокусировки на природу ремесла, помогает преодолеть эффект «растворения» и «растаскивания» ремесленников по классам и сословиям, в результате чего ремесло как **объект** исследования не исчезает, а сохраняется. Фокусируя внимание на цеховом ремесле как профессиональном ядре ремесленничества и важном институте городского ремесла, с одной стороны, не теряются из виду и «периферийные» области ремесла в городе и на селе, с другой.

Согласно логике и типологии форсированных модернизаций, в которых принимали непосредственное участие ремесленные мастера ввиду применения на предприятиях мануфактурного типа, особенно во время протоиндустриализации, ремесленных практик, для быстрого переноса технологий привлекались иностранный капитал и иностранные специалисты. Их приглашение сопровождалось мобилизацией российских мастеров первоначально в Центральном старопромышленном районе для обучения и содействия по постройке и эксплуатации предприятий металлообрабатывающей промышленности. Но возникает вопрос. Почему все

[71] Рындзюнский П.Г. Городское гражданство... С. 458.
[72] Он же. Утверждение капитализма в России, 1850-1880 гг. М., 1978. С. 46.

время начинали «с нуля»? Куда девались хорошо обученные кадры? Заключалась ли сложность в отсутствии свободы перемещения для большинства населения империи в период протоиндустриализации и, как следствие, в дефиците рабочих рук? Попытаемся найти ответы на эти вопросы.

Практическая применимость результатов данной работы может рассматриваться в двух аспектах. Во-первых, эти результаты могут использоваться при составлении учебных курсов по истории России, касающихся истории ремесла, позволяя пополнить учебные программы, посвященные российской истории Нового времени. Во-вторых, результаты настоящей работы могут использоваться при комплексном изучении российской экономики и промышленного развития в их неразрывной связи, а также в общеевропейском контексте. Междисциплинарный характер данной работы позволяет применять ее результаты как в исторической науке, так и в смежных областях гуманитарного знания: филологии, культурологии, философии истории, социологии.

Выводы, сделанные в настоящей работе, прошли разностороннюю **апробацию**. Результаты настоящего исследования нашли свое отражение в 21 научной статье, 15 из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, в том числе входящих в международные базы данных Web of Science и Scopus. Выводы и положения, выносимые на защиту, обсуждались на конференциях в Страсбургском и Кембриджском университетах.

Глава I. Обзор исследований и источников

1.1. Историография исследований вопроса

Несмотря на сравнительно обширную историографию по истории цехов в России в российской и зарубежной историографии до сих пор остается ряд недостаточно исследованных принципиальных вопросов, имеющих непосредственное отношение к процессам модернизации страны, начиная с петровских реформ первой четверти XVIII в. В чем кроется причина такого отношения цеха историков к ремесленным цехам в России, факт существования которых не удостоен пристального внимания ученых как некий исторический *casus exceptionis*, как институт, не имевший исторических корней в России? Следует ли из этого, что цехи не «прижились», что эпизод их существования в России является лишь «куриозным» фактом русской истории?

Долгое отсутствие институционализации ремесла и каких-либо обширных архивных фондов о ремесленниках вплоть до XIX века не способствовали появлению исследований по данной теме. В XX в. в России разрабатывалась, прежде всего, история «рабочего класса и крестьянства», включая крестьянские промыслы. А ведь история цехового ремесла дает уникальную возможность показать в новом свете проблемы модернизации России, в целом, и цехового ремесла, в частности. Безусловно, отсутствие какого-либо социального института или его «чуждость» российской традиции не говорит о принципиальной невозможности его существования на российской почве. История петровской модернизации и введение цехов как ее составляющей наглядно показывают это. Причина негативного отношения к цехам в российской историографии кроется в традиционном видении российской истории через призму истории европейской, согласно которой возникает иллюзия анахроничности, а значит, и «антипрогрессивного»

значения ремесленных цехов. И.И. Дитятин и Л.О. Плошинский, к примеру, говорят о насильственном или неестественном введении цехов в России[73]. Согласно этой логике, оно противоречило «прогрессивному, поступательному» движению промышленности, их постепенному упразднению в Западной и Центральной Европе в XVIII и XIX веках. Следовательно, причины недостаточного освещения темы цехового самоуправления в России кроются, прежде всего, в истории развития самой исторической науки[74]. Становление последней в России приходится на время, наследовавшее идеалы эпохи Просвещения, а с ними и постулат о «мрачном» и «темном» Средневековье. Представление о цехах, как об «отсталом» и «реакционном» социальном институте, сформировавшемся именно в эту эпоху, имело однозначно негативный характер и было перенято в XX в. большинством западных и советских историков[75].

К.А. Пажитнов справедливо заметил в своем труде, опубликованном в 1952 г.: «Позднее образование цехового устройства ремесла в России послужило основанием для широко распространенного мнения о его искусственности и нежизненности[76]. […] [Но] поскольку ремесло в XVIII в. продолжало оставаться господствующей формой промышленной деятельности, русские ремесленники […] не могли не испытывать потребности в организации, могущей способствовать улучшению их

[73] См., напр.: Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Ярославль, 1875–1877. 2 т. Т. 1: Города России в XVIII столетии. Ярославль, 1875 565 с.; Плошинский Л.О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. СПб., 1852. 309 с.

[74] Н. Степанов опубликовал в 1864 г. исследование об организационных и правовых нормах западноевропейского и российского ремесла (Он же. Сравнительно–исторический очерк организации ремесленной промышленности в России и западно–европейских государствах. Киев, 1864. 164 с.). В 1876 г. И.И. Дитятин в исследовании городов написал о ремесленном самоуправлении, составлявшем важную часть городского самоуправления (Он же. Устройство и управление городов России. Т. 2: Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль, 1877. 565 с.).

[75] Так, например, немецкий экономист и историк Вернер Зомбарт сделал в 1902 г. привычный для того времени прогноз о вытеснении ремесла крупной промышленностью (Dürig W. Wandel des Berufsbildes des selbständigen Handwerkmeisters in der wissensorientierten Ökonomie // Lagemann, B., Löbbe, K. &. Schrumpf, H. (Hrsg.): RIW–Mitteilungen – Wirtschaftlicher Strukturwandel und Wirtschaftspolitik auf dem Weg in die wissensbasierte Ökonomie, Bd. 53,Wirtschaftlicher Strukturwandel. 2002. S. 107–126; Zelnik R. E. Labor and Society in Tsarist Russia. The Factory Workers of St. Petersburg 1855–1870, Stanford, 1971. P. 12).

[76] См. напр.: Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII в. // Известия Академии наук СССР. Отд. Общественных наук. 1931. VII серия. С. 543, 568.

положения»[77]. Этот устоявшийся взгляд на цеховое ремесло, изложенный в начале цитаты, не претерпел значительных изменений и является в российской историографии общепризнанным: «Участие ремесленников в европейском коммунальном движении X – XIII вв. внесло свою лепту в формирование городского самоуправления, в частности, основ и принципов демократии и гражданского общества в целом. Ничего подобного в отечественной исторической реальности не происходило»[78]. Этим объясняется устоявшаяся историческая ретроспектива, определяющим вектором развития которой является безальтернативное введение бессословного общества в России, что само по себе верно, но имеет свою специфику[79]. С нашей точки зрения, нецелесообразно рассматривать введение цехов в России как ненужное, только потому, что оно было не таким как в Европе, так как это подменяет реальные потребности конкретной исторической ситуации ретроспективным оценочным взглядом на историю цехового ремесла. В этом смысле автор солидарен с точкой зрения К.А. Пажитнова, подчеркивавшего особенности российских цехов в отличие от западноевропейских на примере российского законодательства XVIII – XIX вв.[80].

Существует большое количество научной литературы по истории ремесла и кустарных промыслов, начиная с древнерусских городов и ремесла в Восточной Европе и заканчивая XVII – началом XVIII в.[81]. Следует особо

---

[77] Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952. С. 172.

[78] Егоров В.Г., Чистова С.М. Городское ремесленное производство...

[79] См. напр.: Дементьев Е.М. Цехи в России // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб., 1903. Т. 38. С. 131–134; Кулишер М.И. Цехи у нас и в Европе // Русская мысль. 1887. Кн. 11. С. 32–72; кн. 12. С. 74–88; Лешков В.Н. Очерк древних русских законов о ремесленной и заводской промышленности // Москвитятнин. 1852. № 23; Рычков Н.Д. О цехах в России и Западной Европе // Русский вестник. 1863. Т. 47. № 11. С. 789–822; Степанов Н. Сравнительно–исторический очерк...

[80] См.: Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов...

[81] Гессен В.Ю. К истории ремесленного труда в Древней Руси // Архив истории труда в России. Пг., 1924. Кн. 11–12. С. 98–105; Громыко М.М. Развитие Тюмени как ремесленно–торгового центра в XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 397–409; Гурьянова В.В. Ремесло в городах Тверского края во второй половине XVIII века // Города Европейской России. Повседневная жизнь горожан: Сб. статей. Тверь, 1992. Ч. II. С. 341–348; Данилова Л.В. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII начале XVIII в. (по материалам г. Ярославля) // История СССР. 1957. № 3. С. 87–115; Довнар–Запольский М.В. Организации Московских ремесленников в XVII в. // ЖМНП. 1910. Вып. XXIX. № 9. С. 131–158; Егоров В.Г. Социальная структура городского ремесла второй половины XIX начала XX вв. в отечественном обществоведении // Вопросы истории и культурологии: Научные труды. М., 2008. Вып. 343. С. 3–18; Он же. Социальный состав ремесленного населения России во второй половине XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 28–39; Ефименко Т.П. Очерк организации городских ремесленников в Московском государстве XVI и XVII веков // Журнал министерства юстиции. 1914. № 4. С. 114–

отметить публикации В.А. Ковригиной, проанализировавшей состав ремесленников московской Новой Немецкой слободы в конце XVII – начале XVIII в. и С.И. Сакович об общем составе ремесленников столицы 1720-х годов в отношении крестьянского сословия[82]. Но как только формально начинается время складывания единого российского рынка, появляются мануфактуры, фабрики и заводы в XVIII в., а с ними и постепенный приход капиталистических отношений, наблюдается значительное снижение количества публикаций о ремесле[83]. Преодоление этого историографического тренда в отношении кустарных промыслов начинается с середины 1990-х годов, в истории городского ремесла – с середины 2000-х годов[84]. Работа по переосмыслению роли городского ремесла и кустарных промыслов в эпоху промышленной и индустриальной революции продолжается и сегодня, когда

162; Лешков В.Н. Очерк древних русских законов…; Люцидарская А.А. Промышленное развитие г. Томска во второй половине XVII в. // Города Сибири. Новосибирск, 1974. С. 60–75; Лященко П.И. История народного хозяйства СССР, т. 1. М., 1947. 664 с.; Пажитнов К.А. Ремесленное устройство в Московской Руси и реформа Петра // ИЗ. М., 1940. № 8. С. 163-173; Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М., 1948. 802 с.; Сахаров А.М. Города Северо–Восточной Руси XIV – XV вв., 1959. 238 с.; Он же. Цехи в России // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. С. 762–763; Сербина К.Н. Ремесло и мануфактура в России в XVI–XVII веках…; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. 477 с.; Он же. О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси (XI–XV вв.) // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 22–33; Устюгов Н.В. Ремесло и мелкое товарное производство в русском государстве XVII в. // ИЗ. 1950. Т. 34. М.–Л., 1950. С. 166–197; Шунков В.И. Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639–1640 гг. // ИЗ. Т. 5. 1939. С. 102–111; и мн. др.

[82] Ковригина В.А. Ремесленники московской немецкой слободы в конце XVII – первой четверти XVIII века // Русский город. М., 1990. Вып. 9. С. 182–201; Сакович С.И. Социальный состав московских цеховых ремесленников 1720–х годов // ИЗ. № 42. М., 1953. С. 238–261; Троицкий В.И. Организация золотого и серебряного дела в Москве в XVII в. // ИЗ. М., 1941. Т. 12. С. 96–127.

[83] Гайсинович А.И. Цехи в России…; Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов…; Полянский Ф.Я. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII века. М., 1960. 200 с.; В 1949 г. Е.И. Заозерская привела традиционную («марксистско-ленинскую») трехчастную схему разделения ремесла, по-прежнему, как правило, берущуюся за основу анализа ремесла сегодня. Эти три формы ограничиваются домашними промыслами в крестьянском хозяйстве, городским и сельским ремеслом на заказчика и мелким товарным производством в форме городского ремесла и крестьянских промыслов. При этом, наемный труд и рост товарно-денежных отношений являются главными индикаторами развития ремесла, должными показать, якобы, неизбежное проникновение капиталистических отношений в ремесло и их окончательную победу (Заозерская Е.И. К вопросу о зарождении капиталистических отношений… С. 84).

[84] Воронкова С.Р. Массовые источники по ситории промышленности России конца XIX – начала XX века. М., 1995. 104 с.; Истомина Э.Г. Мелкая промышленность Подмосковья во второй XIX – начала XX века: историко-географический аспект // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М., 1997. С. 178–203; Серова Е.В. Крестьянские неземледельческие промыслы Верхнего Поволжья (вторая половина XIX – начало XX века). Ярославль, 1999. 108 с.; Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М., 1995. 280 с.; Ширгазин О.Р. География кустарной промышленности России в начале XX века // Наследие и современность. Вып. 5. М., 1997. 112 с., и др.

появляется множество работ и диссертаций по истории ремесла в так называемую эпоху капитализма, начиная примерно с середины XIX в.[85].

По истории профессионального и ремесленного образования в России до начала XX века в последние годы появился ряд фундаментальных публикаций, дающих общую картину его развития и создающих основу его дальнейшего исследования[86]. Особого внимания заслуживают статьи А.В. Ефанова и А.В. Моисеева, открывающих новые горизонты в понимании роли ремесленного образования и ремесла, не только для гармоничного развития личности, но и для развития «зеленой» экономики завтрашнего дня[87]. В схожем ключе анализирует ремесленный социально-экономический уклад Д. Е. Гаврилов[88].

Наиболее полно отражена тема ремесленников Петербурга в XVIII в., занятых на строительстве новой столицы. Первые работы, посвященные строителям Петербурга из низших и средних слоев работных людей и ремесленников, появляются в советской историографии в контексте истории возникновения «рабочего класса», что объясняет обращение авторов почти исключительно к развитию в городе мануфактур, фабрик и заводов. П.Н. Столпянский в книге о «жизни и быте петербургской фабрики» приводит

---

[85] Алимова Л.Б. Художественная промышленность России XVIII – начала XX веков: производство декоративно–прикладной роскоши: автореф. дис. ... д–р ист. наук. Челябинск, 2007; Антипова Т.Б. Традиционные ремесла и промыслы в «кормящем ландшафте» Нижнего Поволжья: потери и обретения // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. №3. С. 64–72; Барченкова О.Б. Владимирская ремесленная управа в XIX начале XX в. // Материалы исследований Российского Владимиро–Суздальского заповедника. Владимир. 2006. № 12. С. 8–13; Волобуева Т.О. Эволюция городского костюма как отражение модернизационных процессов в российском обществе второй половины XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; Гонтарь С.М. Генезис творчества художников и мастеров фирмы Фаберже: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2000; Давыдова С.Г. Развитие малого предпринимательства в Великом Новгороде: прошлое и настоящее // Псковский регионологический журнал. 2010. № 9. С. 19–25; Л.В. Беловинский. Кустарная Россия. Не знавший покоя // Пономарев Н.В., Денисюк Н.Ф. Кустарные промыслы в России. Кустарная Россия: очерки. М., 2017. С. 3–22); Мельникова О.Н. Из истории развития часового производства в России: XVIII – начало XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2004; Терещенко А.А. Городское ремесленное производство Центрально–Черноземного края во второй половине XIX в // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2008. № 1. С. 50–57; Чистова С.М. Отечественная историография городского ремесленного производства России: дис. … канд. ист. наук. М., 2010.

[86] Батышев С.Я., Новиков А.М., Осовский Е.Г. (науч. ред.). История профессионального образования в России. М., 2003. 672 с.; Батышев С.Я. (науч. и лит. ред.). Энциклопедия профессионального образования: в 3 т. М., 1998–1999. 566, 440, 486 с.; Проблемы становления профессионального ремесленного образования в России: коллективная монография / Г.М. Романцев [и др.]; под ред. Г.М. Романцева. Екатеринбург, 2012. 233 с.

[87] Ефанов А.В. К вопросу о ценностях современного ремесленничества… С. 17–22.

[88] Гаврилов Д.Е. Теоретические основы… С. 311–313.

довольно разрозненные сведения о первых ремесленниках Петербурга[89]. А.Л. Шапиро разобрал в своей статье вопрос крестьянского отхода в Петербург петровского времени[90]. В.Г. Гейман рассмотрел развитие мануфактурной промышленности того же периода[91]. Первой важной статьей в советской историографии по истории цехов в XVIII в., в том числе и в Петербурге, стала работа А.И. Гайсиновича, вышедшая в 1931 г.[92]. Главы, написанные М.П. Вяткиным, Н.В. Киреевым, Г.Е. Кочиным, Д.Г. Куцентовым, А.И. Копаневым и А.Е. Сукноваловым по населению и промышленности столицы в Очерках истории Ленинграда, содержат ценную информацию об условиях работы, формах оплаты и повседневного быта ремесленников и рабочих[93]. Результаты своей исследовательской работы по населению Петербурга первой половины XIX века А.И. Копанев опубликовал в отдельной книге[94]. Большой вклад в историю петербургского ремесла внесли работы Л.Н. Семеновой, где ремесленный труд описан в контексте истории рабочих столицы, а также истории ее населения и быта[95]. Статьи Н. И. Ивановой здесь могут быть упомянуты как не очень удачная попытка ввиду своей компилятивности и отсутствия серьезной аналитики, а также частого отсутствия ссылок на источники. Ее работы страдают фрагментарностью, так как основываются в своих статистических выкладках

---

[89] Столпянский П.Н. Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования 1704–1914. Л., 1925. 199 с.

[90] Шапиро А.Л. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время. Уч. зап. Лен. гос. пед. института им. М.Н. Покровского, т. V, вып. 1. Л., 1940. С. 23–53; В Москве в это время около 46% цеховых приходилось на крестьян (См. о крестьянском отходе в Москву: Заозерская Е.И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII в. (К вопросу о начальных формах экспроприации сельского и городского населения в России) // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII-XVIII вв.). Сб. ст. Ред. кол. Л.Г. Бескровный, Е.И. Заозерская, А.А. Преображенский. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 144–189; Сакович С.И. Социальный состав московских цеховых ремесленников... С. 238–261.

[91] Гейман В.Г. Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени // А.И. Андреев (ред.). Петр Великий. М.-Л., 1947. С. 246–283.

[92] Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII в. // Известия Академии наук СССР. Отд. Общественных наук. 1931. VII серия. С. 523–568.

[93] Очерки истории Ленинграда. Т. 1. М., 1955. С. 52–114, 294-319, 447–549; т. 2. Л., 1957. С. 75–125, 170–230.

[94] Копанев А.И. Население Петербурга в первой половине XIX века. М.–Л., 1957. 155 с.; Ремесленникам в аналогичный период времени Копанев уделил внимание в отдельной статье: Он же. Ремесленники Петербурга первой половины XIX в. // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике. Материалы II Сов.–фин. симпозиума по соц.–экон. истории, 13–14 дек. 1972 г. / Ред. коллегия: Н.Е. Носов (отв. ред.) [и др.] Л., 1975. С. 78–89.

[95] Семенова Л.Н. Рабочие петербургских заводов артиллерийского ведомства в первой половине XVIII века // Исследования по истории феодально–крепостнической России. М.–Л., 1964. С. 69–115; Она же. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974. 216 с.; Она же. Быт и население Санкт–Петербурга (XVIII век). М., 1998. 227 с. См. также: Рабочие Ленинграда 1703–1975. Л., 1975. 359 с.

почти исключительно на адрес–календарях Санкт–Петербурга и учитывают лишь владельцев недвижимости[96]. Этнографу Н.В. Юхневой принадлежат этносоциологические работы, увидевшие свет в 1980-е-1990-е гг., в которых проанализирован национальный и социальный состав ремесленников города, а также их распределение по районам[97]. Из последних работ необходимо назвать работы Е.В. Анисимова и О.Е. Кошелевой, содержащих значительный материал о первых ремесленниках Петербурга[98].

Материалы по истории ремесла можно найти также в смежной области гуманитарных наук по истории искусства, а именно художественных промыслов и истории петербургской Академии художеств[99]. Немаловажную роль в создании конкурентоспособного ремесла Петербурга сыграло тесное взаимодействие российских ремесленников Петербурга с иностранными, по большей части немецкими, привнесшими технические и организационные инновации, что оказало положительное влияние на развитие городского ремесла в целом[100].

Одна из первых историков, обратившихся к теме иностранных ремесленников Петербурга – петербургская исследовательница

---

[96] Ivanova N.I. Deutsche Handwerker und Unternehmer in St. Petersburg vom Beginn des 19. Jahrhunderts bis zum Jahre 1913 // Dittmar Dahlmann u. Carmen Scheide (Hrsg.), „... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat“. Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert, Essen 1998 (Veröffentlichungen des Instituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa, hrsg. v. Detlef Brandes, Dietmar Neutatz u. Maria Rhode, Bd. 8). S. 275–312; Иванова Н.И. Немецкие предприниматели в Санкт–Петербурге (XVIII – XIX вв.). СПб., 2002. 266 с.

[97] Юхнева Н.В. (ред.). Старый Петербург: историко–этнографичесике исследования. Л., 1982. 200 с.; Она же. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 56–65; Она же (ред.) Петербург и губерния. Историко–этнографические исследования. Л., 1989. 173 с.; Она же. Немцы в многонациональном Петербурге // Немцы в России: люди и судьбы / Отв. ред. Л.В.Славгородская. Ред.-сост. Г.И. Смагина. СПб., 1998. С. 56–68.

[98] Анисимов Е.В. Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. 366 с.; Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. 486 с.

[99] Алимова Л.Б. Художественная промышленность России…; Пронина И.А. Декоративное искусство...

[100] Веретенко Т.Е. К вопросу о деятельности мастерской Генриха Гамбса (по документам ЦГИА) // Проблемы развития русского искусства. Вып. XVII, тематический сборник научных трудов, ред. И.А. Бартенев. Ленинград, 1984. С. 68–75; Ипполитова Г.А. Владельцы фортепианной фабрики «Я. Беккер» (1841–1917) // Немцы Санкт–Петербурга: Наука, Культура, Образование. СПб., 2005. С. 339–354; Многонациональный Петербург: История. Религии. Народы / Н.В. Бессонов, В.А. Дмитриев, В.А. Дымшиц; и др.; Науч. ред. И.И. Шангиной; Отв. ред. Н.В. Ревуненковой, Н.В. Юхневой. СПб.: Искусство–СПБ, 2002; Семенова Л.Н. Иностранные мастера в Петербурге в первой трети XVIII в. // Наука и культура России XVIII в.: Сб. ст. Л., 1984. С. 201–224; Следует также упомянуть серию сборников статей, издающихся по сегодняшний день: Шрадер Т.А. (ред.). Немцы в Санкт–Петербурге (XVIII—XX века): биографический аспект. вып.2. СПб., 2002; Смагина Г.И. (ред.). Немцы Санкт–Петербурга: наука, культура, образование = Die Deutschen in Sankt–Petersburg: Wissenschaft, Kultur, Bildung. СПб., 2005; Юхнева Н.В. Немцы в многонациональном Петербурге… С. 56–68.

Л.Н. Семенова. Она рассмотрела участие иностранцев в строительстве Петербурга в XVIII в.[101]. Е.В. Анисимов сообщает обширные сведения об иностранных мастерах в эпоху Петра I[102]. В работах Н.В. Юхневой представлен подробный анализ иностранных ремесленников Петербурга в XIX в. в этноконфессиональном, профессиональном и аспектах социальной топографии[103]. Из последних работ, касающихся Петербургского ремесла, следует упомянуть статьи О.В. Вахромеевой и М.В. Сергеева[104]. В статьях последнего рассматриваются разнообразные аспекты деятельности музыкально-инструментальных мастеров столицы. Также имеется несколько статей в научных сборниках, выпущенных под редакцией Л.В. Славгородской, Г.И. Смагиной и Т.В. Шрадер[105].

Особую тему составляют финские ремесленники, многие из которых были ювелирами[106]. Результатом исследований историков, писавших или затрагивавших тему цехового ремесла Петербурга, явились дальнейшие классификация и упорядочение тематики. По теме ремесленного ученичества во второй половине XIX в. петербургская исследовательница И. В. Синова

---

[101] Семенова Л.Н. Быт и население…; Она же. Иностранные мастера…; Она же. Рабочие Петербурга...

[102] Анисимов Е.В. Юный град…; См. в немецкой историографии: Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg…

[103] Юхнева Н.В. (ред.). Старый Петербург…; Она же. Этнический состав…; Она же (ред.). Петербург и губерния...; Она же. Немцы…

[104] Вахромеева О.В. Петербургская ремесленница в концу XIX начале XX века // Петербургские исследования: Сборник научных статей. СПб., 2014. С. 40–50; Сергеев М.В. Музыкально-инструментальное дело в России по материалам первых мануфактурных выставок (1829–1839) // Научные дискуссии. Том 3. 2015. С. 16–22; Он же. Музыкально-инструментальное производство в России в первой четверти XIX века // Научные дискуссии. Том 1. 2015. С. 32–37; Он же. Новые материалы о фортепианных мастерах России XVIII – первой половины XIX вв. // Вопросы музыкального источниковедения и библиографии: Сб. ст. СПб., 2001. С. 39–51; Он же. «Он оставляет по себе добрую память, не оскорбив ничьего слуха»: Петербургский фортепианный мастер К. Вирт // Научный вестник Московской консерватории. № 1 (28). 2017. С. 18–33; Он же. Первая фортепианная фабрика в России: Новые открытия // Общество и цивилизация. Т. 2. 2015. С. 130–136; Он же. Петербургский ремесленник XVIII века // Печать и слово Петербурга: Петербургские чтения 2003. СПб., 2003. С. 245–252; Он же. Профессия фортепианного мастера в России. Цеховой ремесленник как классический тип настройщика фортепиано // Opera Musicologica. № 2 (28). 2016. С. 75–92; Он же. Русские периодические издания для ремесленников // Книга. Культура. Общество: Сб. науч. тр. по мат. 12–х Смирдинских чтений. СПб., 2002. С. 100–107; Он же. Формирование системы изданий для русских ремесленников XVIII – XX вв. // Печать и слово Петербурга. Петербургские чтения 2003. СПб.: Изд-во СЗИП, 2003. С. 10–16; Он же. Фортепианная фирма «C.M. Schröder» в 1852–1889 гг. В поисках совершенного инструмента и всеобщего признания // Музыковедение. № 3. 2017. С. 22–33; Фортепианное дело в Петербурге XIX века: (По материалам русской периодической печати) // Российская культура глазами молодых ученых. СПб., 1994. Вып.3. С. 74–92; Он же. Фортепианный мастер Иоганн Фридрих Шредер (1785–1852): К 200-летию основания фирмы «C. M. SCHRÖDER» // Музыковедение. № 9. 2016. С. 43–49.

[105] Шрадер Т.А. (ред.). Немцы в Санкт–Петербурге (XVIII—XX века): биографический аспект. вып.2. СПб., 2002; Смагина Г.И. (ред.). Немцы Санкт–Петербурга: наука, культура, образование. СПб., 2005.

[106] Юнгар С. Финляндские ремесленники в С.–Петербурге // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике. Л., 1975. С. 90–99; См. также: Гонтарь С.М. Генезис творчества художников и мастеров фирмы Фаберже…

совершила настоящий историографический прорыв, если посмотреть на прошедшие лишь эпизодические упоминания этой темы в российской историографии[107].

В 1960-е годы Ф.Я. Полянский и Ю.Р. Клокман попытались доказать относительно высокий уровень развития ремесла, что, ввиду слабо развитых малой и средней промышленности, получилось не столь убедительно[108]. В двух томах истории русской культуры в XVIII столетии обозначены основные черты развития ремесла[109]. Более подробно историография русского городского ремесла рассмотрена в монографии В.Г. Егорова и С.М. Чистовой, а также в диссертации последней на аналогичную тему[110]. В упомянутой монографии двух авторов по историографии городского ремесленного производства России с древнейших времен до 20-х–30-х гг. XX века делается кардинальная смена оценки ремесла, учитывающая международный опыт его развития: «Установившийся в советское время взгляд на мелкую городскую промышленность как на рудимент, неизбежно исчезающий в эпоху индустриального производства, становится неубедительным в связи с

---

[107] Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX– начале XX вв.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014; Она же. Дети трудящегося населения в городском российском социуме в 1861–1914 гг.: проблемы девиантности и виктимизации (на материалах Санкт-Петербурга): автореф. дис. … д-р ист. наук. СПб., 2014; Она же. Повседневная жизнь детей трудящегося населения Санкт–Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв. СПб.: Астерион, 2013; Она же. Повседневная жизнь ремесленных мастерских на рубеже XIX–XX вв. // Человек в истории: героическое и обыденное: материалы науч.–практ. конф., посв. Году российской истории (Петрозаводск, 18–20 сент. 2012 г.). Петрозаводск : Изд–во ПетрГУ, 2012. С. 77–81; Она же. Ремесленное ученичество в Санкт–Петербурге во второй половине XIX – начале XX века: дискурс повседневной жизни // Труды Карельского научного центра РАН. № 4. 2013. Серия «Гуманитарные исследования». Выпуск 4. С. 68–73; Она же. «…Следить за добрыми и отеческими отношениями мастеров к своим ученикам…». Документы о ремесленном ученичестве на рубеже XIX–XX вв. в Центральном государственном историческом архиве Санкт–Петербурга // Отечественные архивы. 2012. №6. С. 76–92. См. досоветскую и советскую историографию: Бахрушин С.В. Ремесленные ученики в XVII веке // Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 101–118; Беззащитность ремесленных учеников // Вестник Европы. 1879. Т. 5. Кн. 10 (октябрь). С. 793–795; Иордан В.О. Ученики–ремесленники // Русская мысль. 1894. Кн. 4. С. 1–23; Кронгауз А. Фабрично–заводские и ремесленные ученики в царской России // Исторический журнал. 1941. № 2. С. 99–111; Кремлев А.Н. Об отмене телесного наказания для ремесленных учеников. СПб., 1900. Ч. 1–3. Здесь ч. 3. С. 297–299; Радецкий И.М. Мученики темного царства. Ответы на вопросы о положении ремесленных детей. СПб., 1894. 44 с.; Ракеев Г.Ф. Об ученичестве у мастеров // Труды общества для содействия русской промышленности и торговле, Записки V отделения по кустарной и ремесленной промышленности 1889–91. СПб., 1892. С. 1–5; Он же. Об улучшении положения ремесленных учеников. СПб., 1890. 16 с.

[108] Клокман Ю.Р. Социально–экономическая история русского города. Вторая половина XVIII–го века. М., 1967. 335 с.; Полянский Ф.Я. Городское ремесло…

[109] Очерки русской культуры XVIII века, ч. 1–6. М., 1985–1990. Т. 1, 1985. С. 157–177; т. 2, 1990. С. 254–256, 260.

[110] Егоров В.Г., Чистова С.М. Городское ремесленное производство России в отечественной историографии. М., 2009. 272 с.; Чистова С.М. Отечественная историография...

широким присутствием ремесла в развитых капиталистических странах»[111]. Они констатировали факт развития городского и цехового ремесла в России, в частности, несмотря на активную индустриализацию последнего двадцатилетия XIX в., и его дальнейший рост, вплоть до 1919 г.[112]. Важную методологическую роль в анализе промышленной статистики играют работы Н.Я. Воробьева и Ю.Я. Рыбакова[113].

Зарубежная историография русского ремесла не столь обширна. Оно рассматривается авторами, как правило, в контексте истории крупной промышленности, индустриализации и рабочего класса или сословий крестьян, купцов и мещан[114]. Что же касается истории ремесла Петербурга в XVIII-XIX вв., то здесь можно назвать, пожалуй, лишь одну монографию А. Келлера, в которой сделана попытка дать целостную картину развития ремесла столицы на протяжении всего петербургского периода 1703–1914 гг., несмотря на ограничение серединой XIX в. в названии[115]. Джеймс Батер в своей монографии о Петербурге во время индустриализации упомянул только некоторые ремесленные профессии кузнецов, булочников, кондитеров, золотых и серебряных дел мастеров и ювелиров в контексте промышленной географии[116]. Обширная монография М. Хильдермайера о российском городе

---

[111] Егоров В.Г., Чистова С.М. Городское ремесленное производство России... С. 215.
[112] Там же. С. 242.
[113] Воробьев Н.Я. Очерки по истории промышленной статистики в дореволюционной России и в СССР: методы наблюдения и разработки. М., 1961. 132 с.; Рыбаков Ю.Я. Промышленная статистика России XIX века. М., 1976. 277 с.
[114] Bonnell V.E. Roots of rebellion; workers' politics and organisations in St. Petersburg and Moscow, 1900–1914. Berkeley, Calif. 1983. 560 p.; Daniel R. Brower. The Russian city between tradition and modernity: 1850–1900, Berkeley 1990. 253 p.; Crisp O. Labor and industrialisation in Russia // The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VII, Part 2, London, 1976. P. 308–415; Hildermeier M. Bürgertum und Stadt in Rußland 1760–1870. Rechtliche Lage und soziale Struktur. Köln, Wien, 1986; Hogan H. Forging revolution: (metalworkers, managers and the state in St. Petersburg), 1890–1914. Indiana 1993; McKean R.B. Saint Petersburg between the revolutions: (workers and revolutionaries, June 1907–February 1917). New Haven, 1990; Pipes R. Social Democracy and the St. Petersburg labor movement, 1885–1897. Cambridge, Mass., 1963. 154 p; Puttkamer J.v. Fabrikgesetzgebung in Rußland vor 1905: Regierung und Unternehmerschaft beim Ausgleich ihrer Interessen in einer vorkonstitutioneller Ordnung (Beiträge zur Geschichte Osteuropas Bd. 20). Köln, 1996. 506 S.; Share M. The Central Workers Circle of St. Petersburg, 1889–1894: A Case study of the "Workers' Intelligentsia". New York and London, 1987. 396 p.; Surh G.D. 1905 in St. Petersburg: labor, society and revolution. Stanford. 1989. 456 p.; Zelnik R.E. Labor and Society…
[115] Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914. Frankfurt a. M. u.a., 2002. 601 S.
[116] Bater J.H. St. Petersburg. Industrialization and change (Studies in urban history 4, hrsg. v. H. J. Dyos). London, 1976. Pp. 129, 138–139, 194, 197, 269, 372–373.

и «гражданстве» касается вскользь ремесленников и концентрирует свое внимание в основном на купечестве и мещанстве[117].

Р. Зельник и И.ф. Путткамер касались проблематики ремесленных цехов, но только в связи с промышленным законодательством и работой правительственной *комиссии для пересмотра уставов фабричного и ремесленного* 1857–1862 гг., возглавляемой бароном Адольфом Федоровичем фон Штакельбергом[118]. Показательно, что позиция исследователей в этом вопросе совпадает по отрицательной интенции, относительно цехов, с негативными отзывами комиссии, предлагавшей отмену цехов и введение промышленной свободы[119]. В этой связи важно выделить археографическую традицию презентации цехов. Показательно, что российская либерально-демократическая, советская, российская и западная традиции сходятся во мнении, что цехи «не принесли той пользы и не оправдали тех надежд, которые возлагались на них законодателем», играли сдерживающую роль для промышленного развития, особенно в XIX в., и представляли из себя в сущности продолжение государственно-полицейского аппарата[120]. Цехи, по мнению Е.В. Анисимова, «были привнесены в русскую действительность насильно, административным путем». Это заставляет предположить, что, в отличие от России, как институты, так и капитализм на Западе Европы развивались на добровольных и ненасильственных началах, а это далеко не так. Обезземеливание крестьян и создание армии пролетариев в Европе сопровождалось социальными революциями и экономическими катаклизмами[121].

Можно согласиться с утверждением уважаемого историка, что оно справедливо для той конкретной социально-политической ситуации 1720-х

---

[117] Hildermeier M. Bürgertum... S. 15, 23, 61, 142.

[118] См. Штакельберг А.ф. Цеховое устройство и свобода промышленности в Европе // Труды комиссии для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. СПб., 1865. См: Puttkamer J.v. Fabrikgesetzgebung… S. 113–118.

[119] Zelnik R.E. Labor and Society… P. 11–12, 69–119, 283–331; Puttkamer J.v. Fabrikgesetzgebung...

[120] См. Дитятин И.И. Устройство и управление городов России... Т. 1. С. 296–299; Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997. С. 136; Zelnik R. E. Labor and Society… P. 12; Hildermeier M. Bürgertum… S. 45–46.

[121] Анисимов Е.В. Петр Великий... С. 164–165.

годов. Но это не должно создавать впечатления ненужности, искусственности или нецелесообразности введения института цехов в России. По мнению ученого, введение цехов противоречило «логике развития», так как «объективно» «затормозило процесс оформления капиталистических отношений там, где они могли бы развиваться»[122]. Отчасти можно согласиться с этой характеристикой, соответствующей устоявшемуся взгляду на цехи и в российской историографии, так как институт цехов был действительно неизвестен до этого времени в России, но это совсем не значит, что он противоречил «логике» исторического развития и «объективно» «тормозил» развитие капиталистических отношений.

Схожую по интенции точку зрения на российские цехи высказал в свое время Регинальд Зельник: «В дополнение к их руководящей роли в цехе, старшины выполняли роль административных и налоговых агентов правительства, что противоречит концепции цеха как самостоятельной ассоциации производителей. Кроме того, в отличие от цехов Западной Европы, цехи в России не были по-настоящему закрытой корпорацией. Мало того, что членство в них не ограничивалось количественно, они были открыты даже для таких неконкурентных категорий населения, как крепостные крестьяне, если помещик давал свое разрешение. В рамках определенных цеховых ограничений, вступление в цех не требовалось для всех местных ремесленников. Наконец, не было положено каких-либо ограничений в количестве производимых произведений, изготовленных в каждом цехе. Короче говоря, цех был не столько добровольной ассоциацией с целью протекционизма и монополии, сколько квазигосударственной административной единицей, направленной на обеспечение более рациональной организации, стимулирования производства и организации налогообложения городского населения»[123].

---

[122] Там же. С. 165.

[123] «In addition to their leadership roles within the tsekh, the elders were expected to function as administrative and fiscal agents of the government, thus contravening the concept of the guild as an independent association of producers. Furthermore, in contrast to the guilds of Western Europe, the tsekh was not a truly closed corporation. Not only was its membership not restricted

Иными словами, мерилом для российского цехового ремесла, в первом случае, служит концепция развития капитализма в России, во втором – западноевропейских цехов, что неизбежно ведет к негативной оценке российских цехов или как архаичного института, «тормозящего» развитие капиталистических отношений, или как института запоздалого и «куриозного», поскольку отклоняющегося от воображаемого «магистрального исторического пути развития» и, следовательно, от западноевропейской нормы. В этом смысле логично задаться вопросом по аналогии с Гуревичем: «А был ли феодализм [АК: в России]?» versus «А был ли капитализм в России XVIII в.?» и если да, могли ли, таким образом, цехи тормозить его развитие[124]?

Если российские цехи не являлись слепком с западноевропейских, что является общепризнанным фактом, и если в России не было капитализма без множества развитых городов, буржуазии и свободных граждан подобно западноевропейским, то как можно утверждать, что, а) первые были средневековыми, б) антикапиталистическими? Тем более, что предполагаемой логике некоего исторического развития не противоречит ни отсутствие капиталистических отношений в их классической форме, ни введение цехов, как института, способствовавшего возникновению профессиональных корпораций как нововременного института профессий в России.

Капитализм в России не был ни безальтернативным, ни необходимым в той форме, в которой он существовал в Западной Европе, следовательно, нет надобности представлять капитализм в виде айсберга, в который неминуемо должен врезаться российский «Титаник». Как нам представляется, от такой

---

numerically, it was even open to such nonurban categories of the population as manorial serfs if the serf was granted authorization to join by his lord. Within certain limitations, membership was not required of all local artisans. Finally, there were no provisions for limiting the quantity of items produced in each tsekh. In short, the tsekh was not so much a voluntary association for protective and monopolistic purposes as it was a quasigovernmental administrative unit aimed at providing a more rational basis for the organisation and stimulation of production and for taxing the urban population» (Zelnik R.E. Labor and Society… P. 12).

[124] См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972; Он же. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990; Важным в этом контексте является вывод авторов книги по истории России о том, что «новейшие исследования организации работ на тульско-каширских металлургических заводах, механизма извлечения и присвоения прибавочной стоимости от эксплуатации наемного труда […] показали отсутствие возможностей капиталистического накопления в отраслях, с которыми традиционно в отечественной науке связывали начало генезиса капитализма в промышленности [АК: в XVII в.]» (История России с древнейших времен до конца XVII века / Л.Н. Вдовина, Н.В. Козлова, Б.Н. Флоря; под ред. Л.В. Милова. М., 2010. С. 560).

телеологичности «исторического процесса», а значит и его «закономерностей» можно без особого труда отказаться в пользу исследования столь «архаичного» исторического феномена как российские цехи. Первым шагом на пути к решению этой задачи должно стать «вытягивание» концепции истории цехов из западноевропейского контекста развития капитализма, чтобы избавить его от негативной телеологичности. Это даст шанс ремеслу, реализоваться, наконец, как полноценному историческому институту русской истории не только в прошлом, но и как профессиональной корпорации в настоящем и будущем, чтобы придать так нехватавшую ему динамику в контексте исторической событийности, «заглядывающей» в настоящее и будущее. Таким образом, история капитализма не должна противопоставляться истории цехов или ремесла, так как, и индустриализация как следствие промышленной революции, и ремесленная промышленность имели свою отдельную богатую историю, свои длинные линии развития, которые необязательно подменять фазами или формациями, сменяющими друг друга[125].

В современной литературе считается опровергнутым тот факт, что цехи и их (относительная) монополия сдерживали промышленное развитие даже в такой классической стране капитализма как Англия[126]. Более того, цехи и гильдии зачастую способствовали развитию (крупной) промышленности как в домодерной, так и в модерной Европе, являясь важным (универсальным) инструментом профессиональной организации и повышения качества продукции также и в других регионах мира: в Китае, Турции, Египте, странах Средней Азии, Японии[127]. Иными словами, социальный капитал таких

---

[125] «Ремесленная промышленность и индустрия» (АК: „Gewerbe und Industrie“) не являются синонимами, у каждого из них есть своя длинная история. Тем не менее, долгое время это различие оспаривалось. […] На рубеже XIX в. половина из 2,2 млн. занятых в промышленности Германии работали в ремесленных мастерских. Примерно 1 млн. работал в рассеянной мануфактуре на дому и только около 100 000 человек работают на мануфактурах, фабриках и в горнодобывающей промышленности» (Pierenkemper T. Gewerbe und Industrie im 19. und 20. Jahrhundert. München, 2007. S. 3, 5).

[126] Richardson G. Guilds, laws, and markets... P. 2

[127] См.: The Return of the Guilds, Conference of the Global Economic History Network Utrecht, Utrecht University 5–7 October 2006. URL: http://www.cgeh.nl/return–guilds–programme (Дата обращения: 25.05.2017); Lucassen J., Moor T.d., and Zanden J.L.v. The Return of the Guilds. Cambridge, Cambridge University Press, 2008; Lucassen J., De Moor T., and

гибридных образований как цехи, помогал формировать человеческий капитал[128]. К этим выводам помогли прийти новые подходы в экономической, социальной, институциональной истории и истории труда[129].

Что было бы с промышленной революцией, если бы мастера не построили машин, благодаря которым она произошла? Петр Кропоткин точно подметил эту связь, когда писал о ситуации с квалифицированными мастерами в Англии, после упадка городов и ремесел в средневековой Европе: «Что сталось с брюжскими полотнами, с голландскими сукнами? Куда девались те кузнецы, которые умели так искусно обращаться с железом, что чуть ли не во всяком европейском городке из-под их рук выходили изящные украшения из этого неблагодарного металла? Куда девались токари, часовщики, те мастера, которые создали в средние века славу Нюрнберга своими точными инструментами? Вспомните хотя бы Джеймса Уатта: в конце XVIII в. он напрасно искал в продолжение тридцати лет людей, которые сумели бы выточить точные цилиндры для его паровой машины, его мировое изобретение в течение тридцати лет оставалось грубой моделью, за неимением мастеров, которые могли бы сделать по ней машину»[130].

В данной работе мы попытаемся изменить «оптику», с помощью которой рассматривается объект исследования, чтобы максимально приблизить его, а приблизив, получить более полную картину жизненного мира (цехового) ремесленника, во избежание искажения картины социальной

Zanden J.L.van. The Return of the Guilds: Towards a Global History of the Guilds in Pre-industrial Times. International Review of Social History 53 (2008). P. 5–18.

[128] Bert De Munck. How did guilds define human capital? „Social capital in the creation of human capital“ in Antwerp guilds, 15th and 16th century // The Return of the Guilds...; Гибридный от ГИБРИД, м. [лат. hibrida] – организм, полученный в результате скрещивания; потомство, образованное вследствие гибридизации; «поколение» от скрещивания растений, принадлежащих к различным линиям (Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М., 2014. С. 159). В данном случае имеется ввиду «скрещивание» цеховой организации по образцу западноевропейской с ремесленными практиками, существовавшими в России до введения цехов.

[129] Lucassen J., Moor T.d., and Zanden J.L.v. The Return of the Guilds: Towards…P. 5-18, 8.

[130] Кропоткин П.А. Государство, его роль в истории // Он же. Анархия, ее философия, ее идеал. М., 2004. С. 665; см. также: «[…] Джемс Уатт, изобретатель современной паровой машины, потратил около двадцати лет своей жизни, чтобы сделать свое изобретение практически полезным, так как он не мог найти в XVIII веке таких помощников, каких он с легкостью бы нашел в средневековой Флоренции, Нюрнберге или Брюгге, т. е. ремесленников, способных воплотить его изобретения в металле и придать им ту артистическую законченность и точность, которые необходимы для паровой машины»: Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции... С. 226–227.

и экономической жизни российского ремесла[131]. Авторский взгляд на российские цехи близок к выводам К.А. Пажитнова, Ф.Я. Полянского и А.И. Копанева, не отрицавших целесообразность введения цехов, но показывавших их своеобразие в России[132]. Это и понятно, ведь в работах этих авторов появляется историческая перспектива развития цехов, а значит, и возможность оценки их развития на российской почве, как важного самобытного социально-экономического института. Пажитнов, в частности, справедливо критиковал В. Лешкова и М.В. Довнар-Запольского за их попытку доказательства существования в Древней Руси организаций, подобных цеховым корпорациям ремесленников на Западе[133].

Принципиальный интерес для данного исследования представляют работы зарубежных коллег по истории ремесла. Отсчет современной историографии ремесла в Германии можно вести с 1950-х годов. Первый автор, поднявший историю ремесла на качественно новый уровень – В. Вернет, позиционирует ее как самостоятельную отрасль знаний исторической науки, давая соответствующую терминологию и методику[134]. К.Ф. Вернет продолжил работу по методологическому и теоретическому вычленению истории ремесла как самостоятельной отрасли в исторической науке и определил более четкие границы между крупной и ремесленной промышленностью[135]. Ф. Зак описал процессы интеграции и приспособления ремесла во время индустриализации, а Х. Клейнен – одну из его форм – побочную торговлю, помимо продуктов собственного производства[136]. В 1970–1980-е гг. появляется целая плеяда историков, закрепившая позиции

---

[131] Vgl. Tuchtenhagen R. Osteuropäische Geschichte en panne // Osteuropa 5, 1999, S. 518–526, hier S. 524.

[132] Копанев А.И. Ремесленники Петербурга в первой половине XIX в. // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике. Л., 1975. С. 78–89; Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов…

[133] Пажитнов К.А. Организация ремесленной промышленности… С. 164.

[134] Wernet W. Geschichte des Handwerks in Deutschland. Dortmund, 1953; Ibid. Handwerk im Widerstreit der Lehrmeinungen: das neuzeitliche Handwerksproblem in der sozialwissenschaftlichen Literatur (Forschungsberichte aus dem Handwerk. 3). Münster/W., 1960.

[135] Wernet K.F. Handwerksgeschichte als Forschungsgegenstand. Münster, 1961, 1963; Ibid. Wettbewerbs– und Absatzverhältnisse des Handwerks in historischer Sicht Bd. 1: Nahrung, Getränke, Genußmittel. Berlin, 1967; Ibid. Zur Abgrenzung von Handwerk und Industrie. Die wirtschaftlichen Zusammenhänge in ihrer Bedeutung von Abgrenzungsfragen (Forschungsberichte aus dem Handwerk, Bd. 11). Münster/W., 1965.

[136] Kleinen H. Die Einzelhandelstätigkeit des Handwerks. Wiesbaden, 1963; Sack F. Integration und Anpassung des Handwerks in der industriellen Gesellschaft. Dargestellt am Schreinerhandwerk in Deutschland. Wiesbaden, 1966.

ремесленной истории как социальной науки: В. Абель, Е. Виссель, К.Х. Кауфхольд, Ф. Ленгер, Р.С. Элькар, И. Эмер, У. Энгельгардт[137]. Ремесла булочников, портных и прочих нашли свое отображение в отдельных монографических исследованиях[138]. Актуальными остаются также исследования ремесла в контексте индустриализации Нового и Новейшего времени. В 1990-е годы выходит ряд публикаций, задавших новый вектор в исследованиях[139].

Истории ремесла и цехов посвящены работы видных британских, бельгийских и нидерландских историков. В сборнике статей, вышедшем в под редакцией Б. д. Мунка, С.Л. Каплана и Г. Соли в 2007 г. Де Мунк и Соли отмечали в совместной статье, что дополнительное конкурентное преимущество создавал гораздо более дешевый человеческий капитал в Западной Европе, как и в России, добавим мы, чем в Азии[140]. Важной

---

[137] Abel W. (Hg.). Handwerksgeschichte in neuer Sicht. 2. Aufl. Göttingen, 1978. S. 1–25; Elkar R.S. Fragen und Probleme einer interdisziplinären Handwerksgeschichte // R.S. Elkar (Hg.). Deutsches Handwerk in Spätmittelalter und früher Neuzeit: Sozialgeschichte – Volkskunde – Literaturgeschichte. GBWSG, Hg. v. W. Abel. Bd. 9. Göttingen, 1983. S. 3–32; Ibid. Umrisse einer Geschichte der Gesellenwanderungen im Übergang von der frühen Neuzeit zur Neuzeit. Problemskizze und Zwischenergebnisse // R.S. Elkar (Hg.), Deutsches Handwerk in Spätmittelalter und Früher Neuzeit. Göttingen, 1983. S. 85–116; Engelhardt U. (Hg.). Handwerker in der Industrialisierung. Lage, Kultur und Politik vom späten 18. bis ins frühe 20. Jahrhundert. Stuttgart, 1984; Ehmer J. Schuster zwischen Handwerk und Fabrik. Zum Verhältnis von sozialem Profil und politischorganisatorischem Verhalten einer Berufsgruppe // H. Konrad u. W. Maderthaner (Hrsg.), Neuere Studien zur Arbeitergeschichte = Materialien zur Arbeitergeschichte 35, Bd. 1, Wien, 1984. S. 3–23; Ibid. Die Herkunft der Handwerker in überregionalen städtischen Zentren: Zürich, Wien, Zagreb zur Mitte des 19. Jahrhunderts // Handwerk in Mittel– und Osteuropa: Mobilität, Vermittlung und Wandel im Handwerk des 18. und 20. Jahrhunderts, München, 1987. S. 47–68; Ibid. Ökonomischer und sozialer Strukturwandel im Wiener Handwerk – von der industriellen Revolution bis zur Hochindustrialisierung // U. Engelhardt (Hg.). Handwerker in der Industrialisierung. Stuttgart, 1984. S. 78–104; Ibid. Soziale Traditionen in Zeiten des Wandels. Arbeiter und Handwerker im 19. Jahrhundert. Frankfurt/Main; New York, 1994; Kaufhold K.H. Das Gewerbe in Preußen um 1800. Göttingen, 1978; Lenger F. Sozialgeschichte der deutschen Handwerker seit 1800. Frankfurt/Main, 1988; Ibid. Zwischen Kleinbürgertum und Proletariat: Studien zur Sozialgeschichte der Düsseldorfer Handwerker 1816–1878, Diss. Göttingen, 1986; Ibid. Polarisierung und Verlag: Schuhmacher, Schneider und Schreiner in Düsseldorf 1816–1861 // U. Engelhardt (Hg.). Handwerker in der Industrialisierung. S. 127–145; Ibid. Sozialgeschichte der deutschen Handwerker seit 1800. Frankfurt/Main, 1988; Ibid. Zur Sozialgeschichte des rheinischen Stadthandwerks im 19. Jahrhundert // Rheinische Vierteljahresblätter. 1988. Nr. 52. S. 171–189; Wissel E. Die Entwicklung des Nürnberger Gewerbes zwischen 1648 und 1806. Stuttgart, 1968; Ders. Des alten Handwerks Recht und Gewohnheit. Bd. 1–2. Berlin, 1971, 1974.

[138] См.: Götz I. Unternehmenskultur: die Arbeitswelt einer Grossbäckerei aus kulturwissenschaftlicher Sicht. 1997; Schulte to Bühne J. Das Bäckerhandwerk 1896 bis 1996 am Beispiel der Stadt Münster. Münster, 2000; Steffens S. Schneiderei, Konfektion, Heimarbeit. Aspekte des Zerfalls und der Umstrukturierung eines städtischen Handwerks in Belgien (19. bis Frühen 20. Jahrhundert) // Tijdschrift Voor Sociale Geschiedenis 20 (1994), S. 428–60; Sprenger R. Die hohe Kunst der Herrenkleidermacher Tradition und Selbstverständnis eines Meisterhandwerks. Wien; Köln; Weimar, 2009.

[139] В 1990-е годы выходит ряд публикаций, задавших новый вектор в исследованиях ремесла: Cerutti C. Mestieri e privilegi: nascita delle corporazioni a Torino, secoli XVII–XVIII. Turin, 1992. 279 p.; Ehmer J. Soziale Traditionen…; Haupt H.-G. Die Werkstatt // Haupt H.-G. Orte des Alltags. Miniaturen aus der europäischen Kulturgeschichte. München, 1994. 291 S.; Kaplan S.L. Le meilleur du monde…; Lenger F. Sozialgeschichte…; Reininghaus S.W. Gewerbe in der frühen Neuzeit. München, 1990. 141 S.; Reith R. (Hrsg. u. Autor mehrerer Beiträge). Lexikon des alten Handwerks. Vom späten Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert. München, 1990. 325 S.

[140] Munck B.d. and Soly H. „Learning on the Shop Floor" in Historical Perspective // Munck B.d., Kaplan S.L. and Soly H. (Eds.). Learning on the Shop Floor. Historical Perspectives on Apprenticeship. New York & Oxford, 2007. P. 9.

инновацией цеховых столяров-мебельщиков Антверпена в XVI – XVII в. де Мунк называет контроль качества, благодаря чему появляется сама категория качества как таковая, и аксиологический фактор. Ученый релятивирует такие понятия как исключительность, консерватизм и наследственность, бывшие традиционно основными негативными характеристиками цехов[141]. Основной же фундаментальный вопрос сборника статей, касающийся всего ремесла доиндустриального периода, ставит резюмируя в заключительном эссе С.Л. Каплан: «[…] если повсюду находятся доказательства, указывающие на умаление значения цехов во многих областях, включая ученичество, почему эти институты, были так важны, а ремесленники настолько решительны в своем желании присоединиться к ним? Традиционная историография, основанная главным образом на нормативных источниках, таких как уставы цехов, принимала цехи как фундаментальную экономическую, социальную и политическую структуру организации труда домодерного типа, но в последнее время критически настроенные историки (такие как Майкл Соненшер, Филипп Минар, Стивен Каплан и [Джеймс Фарр]) указывают на то, что более широкий взгляд на ремесленный труд заставляет нас признать факт существования огромного поля трудовой деятельности, выходящей за рамки компетенций цехов»[142].

В 2000-е годы происходит окончательный концептуальный поворот в рассмотрении истории ремесла и цехового ремесла, в частности, когда преодолеваются хронологические рамки Средних веков и разрабатываются сюжеты Нового времени. В истории ремесла, как самодостаточного и

---

[141] См.: Munck B.d. Construction and Reproduction: The Training and Skills of Antwerp Cabinetmakers in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Munck B.d., Kaplan S.L. and Soly H. (Eds.). Learning on the Shop Floor... P. 85–110.

[142] «In a searching essay at the close of this volume, Kaplan poses the fundamental question that informs the contributions to this book on apprenticeship and, indeed, to all studies on craft work in the pre-industrial world: if evidence here and elsewhere continues to point to the growing irrelevance of guilds ‘in many domains including apprenticeship’ (p. 215), why did the institutions remain so important, and artisans so resolute in their desire to join them? Traditional historiography, based largely on normative sources like guild statutes, took guilds to be the fundamental economic, social, and political armature of pre-modern work, but recently revisionist historians (such as Michael Sonenscher, Philippe Minard, Kaplan, and myself) point out that a more inclusive and expansive field of vision on work forces us to come to grips with the vast amount of work activity that was occurring beyond the purview of the guilds. This volume engages with this debate, and focuses on what may be considered the quintessential institution within the guild structure: apprenticeship» (Farr J.R. Review of Munck B.d., Kaplan S.L. and Soly H. (Eds.). Learning on the Shop Floor... // Review in: Economic History Review. 62. 1 (2009). P. 235–237; Kaplan S.L. Reconsidering Apprenticeship: Afterthoughts // Farr J.R. at all. Learning on the Shop Floor… P. 203–215).

уникального рода человеческой деятельности, выходящего за рамки чисто производственных и экономических процессов, рассматривается не только производство как таковое, но также аспекты образа и качества жизни, социальных и культурных практик. Традиционная история институтов и права дополняется историей конкретно взятого человека, формами коммуникации и взаимодействия различных социальных корпоративных и государственных институтов, стратегиями мастеров, подмастерьев и учеников при достижении своих личных целей. Этот тренд сегодня не случаен как с аксиологической: небольшие, локальные, традиционные предприятия, так и с экономической точки зрения, если принять во внимание тот факт, что согласно исследованию Керстин Демон, по результатам которого 21 октября 2010 г. в газете Financial Times Deutschland была опубликована статья под названием «Непримечательные звезды», 500 самых успешных малых и средних семейных предприятий Германии, не становящиеся сознательно акционерными обществами, создают абсолютное большинство рабочих мест и более рентабельны по сравнению с «промышленными гигантами», зарегистрированными на фондовой бирже во Франкфурте на Майне[143].

По истории мелкой промышленности: крестьянских промыслов и промышленных сел, поставлявших в ремесленные мастерские Петербурга рабочие кадры, обладавшие необходимыми навыками ремесленного труда, имеется обширная историография[144]. Частично ремесленники упоминаются также в работах, посвященных истории промышленности и рабочих, в том

[143] В 2010 г. таких предприятий в Германии насчитывалось около 3,3 млн. Они создавали 57% рабочих мест, их доля от оборота всех предприятий страны составила 42% (Dämon K. Die heimlichen Stars // Institut für Mittelstandsforschung der Universität Mannheim. URL: http://www.ifm.uni–mannheim.de (Дата обращения: 15.12.2016)).

[144] См., напр.: Водарский Я.Е. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972. 256 с.; Корсак А.К. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. М.: Тип. Грачева и К°, 1861; Безобразов В.П. Народное хозяйство России. Московская (центральная) промышленная область. Ч. 1-3. СПб.: Департамент торговли и мануфактур, 1882-1885. Ч. 1. VIII+316+303 с. Ч. 2. II+384 с. Ч. 3. II+146 с.; Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60-е – 80-е годы XIX в.). М., 1966. 261 с.; Он же. Утверждение капитализма в России…; он же. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. 269 с.; он же. Мелкая промышленность: ремесло и мелкотоварное производство…; Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981. 329 с.; Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России...; и др.

числе в металлургической и металлообрабатывающей сферах промышленности в старопромышленных районах[145].

До сих пор довлеет еще зачастую максималистский ригоризм В.И. Ленина, видевшего лишь «романтические предрассудки» в попытках народнических теоретиков осмыслить потенциал ремесла и «народных промыслов»[146]. Данная совершенно «естественная» логика в рамках неумолимого капиталистического развития становится более уязвимой, если поставить ее в сегодняшний пост-капиталистический дискурс, когда активно обсуждается движение кооперации и новые формы организации производства, вне механизмов крупного капитала и финансовых рынков[147]. В этом свете не только желательно, но и необходимо учитывать теоретическое наследие российской экономической мысли, выработанное такими экономистами-народниками или близкими к ним по убеждениям общественными деятелями, как В.В. Берви-Флеровский, В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниельсон, П.А. Кропоткин, В.С. Пругавин, а также работы легального марксиста М.И. Туган-Барановского, взгляды которого эволюционировали в сторону более социальной экономики[148].

---

[145] См., напр.: Балагуров Я.А. Формирование рабочих кадров Олонецких петровских заводов (первая половина XVIII в.). Петрозаводск, 1955. 120 с.; Валк С.Н., Дякин В.С. (ред.). История рабочих Ленинграда. Т. 1. (1703 – февраль 1917). Л., 1972. 555 с.; Глаголева А.П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957ю 247 с.; Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I. М.–Л., 1947. 190 с.; Она же. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953. 516 с.; Она же. У истоков крупного производства в русской промышленности. М., 1970. 476 с.; Лившиц Р.С. Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955. 295 с.; Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века. М., 1947. 763 с.; Лященко П.И. История народного хозяйства СССР…; Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953. 536 с.; Рыбаков Ю.Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX века (источниковедческие очерки). М., 1986. 212 с.; Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга…; Струмилин С.Г. Промышленный переворот в России. М., 1944. 47 с.; Он же. Очерки экономической истории России. М., 1960. 548 с.; Он же. История черной металлургии в СССР. Т. 1. М., 1954. 535 с.; и др.

[146] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 3. Развитие капитализма в России… 1979. С. 26.

[147] См. Егоров В.Г. Отечественная кооперация…

[148] Берви–Флеровский В.В. Избранные экономические произведения в 2–х томах. Т. 1. М., 1958. 618 с.; Флеровский В. (В.В. Берви–Флеровский). Положение рабочего класса…; Воронцов В.П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. 103 с.; он же. Артель в кустарном промысле. СПб., 1895. 200 с.; он же. Очерки кустарной промышленности в России…; он же. Судьба капиталистической России. Экономические очерки России... С. 725–916; он же. Судьбы капитализма в России… С. 417–481; Даниельсон Н.Ф. (Николай-он). Апология власти денег как признак времени // Русское богатство. 1895. № 1. Отд. 2. С. 155−185; Он же. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. [Санкт-Петербург], 1880. 66 с.; Кропоткин П. А. Поля, фабрики и мастерские. Промышленность, соединенная с земледелием, и умственный труд с ручным. Петербург–Москва, 1921. 272 с.; он же. Взаимопомощь как фактор эволюции… 2007; он же. Этика: Избранные труды. М.: Политиздат, 1991. 495 с.; Пругавин В.С. Промыслы Владимирской губернии…; Он же. Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда Владимирской губернии. М., 1884. 397 с.; Туган–Барановский М.И. К лучшему будущему. Сборник социально–

Современные историки В.Г. Егоров и О.С. Зозуля, адаптировавшие в своем научном творчестве часть данного наследия, говорят уже в совсем ином ключе о ремесленной промышленности: «Творческая составляющая содержания труда мелкого промышленного производителя докапиталистической эпохи, являющаяся его первозданным природным качеством, обусловила высокий адаптивный потенциал средневековой формы хозяйственной организации в современной реальности. Универсальные навыки рукоделия оказались востребованы в развитых экономиках. Например, труд костромского портного, работавшего непосредственно на потребителя, в 1880-х гг. приносил доход в 2,5 раза больше, чем мелкому товаропроизводителю, „работающе[му] деревянную посуду“; в 2,3 раза больше производителей валенок, работающих на рынок, в 2,5 раза больше мастеров, изготавливающих для продажи телеги, колеса, сани и т.д.»[149]. При этом, политизированную «средневековую форму», характерную для стадиальной схемы развития, можно без всякого вреда для смысла высказывания опустить.

Егоров и Зозуля отходят от традиционной историографической линии и говорят о кустарных промыслах как о перспективной отрасли народного хозяйства: «Однако в смысле социального потенциала и трансформации в рыночную организацию, ремесленное производство обладало значительно большими возможностями. Так, 61 из 88 товарных отраслей кустарной промышленности Нижегородской губернии, функционировавших в 1870–

философских Произведений. М., 1996. 528 с.; он же. Социальная теория распределения // Социальная теория распределения / С.И. Солнцев, М.И. Туган–Барановский, А.Д. Билимович : под ред. М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычковой. М., 2009. 436 с. С. 297–374; он же. Социальные основы кооперации…; см. также: Корсак А.К. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. М., 1861; Очерк деятельности министерства государственных имуществ по развитию и улучшению кустарной промышленности в 1888–1890 гг. СПб., 1890; Рыбников А.А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий: доклад Организационного бюро по созыву Земского съезда по вопросам о совместной деятельности земств по сбыту кустарных изделий. М., 1913; Справочный указатель кустарных производств и кустарных мастеров. Вып. I–V. СПб., 1892–1902.

[149] Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. XIII. СПб. 1885. С. 1–432; Вып. XIV. СПб. 1885. С. 4367–4598; Вып. XV. СПб. 1886. С. 4759–4875. Цит. по: Егоров В.Г., Зозуля О.А. Трансформация кустарных промыслов России во второй половине XIX в. // Вопросы истории. № 6. Июнь 2015. С. 88–102. С. 89.

1880 - е гг., уходили корнями в традиционное ремесло»[150]. Симплификация В.И. Лениным и марксистскими историками исторической ситуации и интерпретация ее с исключительных позиций марксизма приводила к искажению специфики многоукладности российской экономики и альтернативных перспектив ее развития, упрощению более сложной и противоречивой реальности. Ведь взгляды народников по оценке Ленина всего лишь «затушёвыва[ли] полное преобладание низших и худших форм капитализма в пресловутой „кустарной промышленности“»[151].

Сошлемся еще раз на статью Егорова и Зозули, указывающих на неоднородность промышленного развития и архаичность уже не самих ремесленников, а тех теоретиков, которые повторяли раз и навсегда заученную догму об отмирании ремесла: «Ремесленники, работавшие на заказ потребителя, испытывали влияние новых условий только в части необходимости адаптировать свое предприятие к влияниям „моды“ и запросам сельских обывателей. При этом, докапиталистический „рудимент“ традиционного хозяйства не подавал явных признаков деградации и не воспроизводил, согласно теоретической схеме Булгакова, домашнюю организацию крупной промышленности. Товарный сегмент промысла, в свою очередь, структурировался на две группы, объединявших кустарные хозяйства, отличающиеся направлением социальной перспективы»[152]. Именно движение кооперации и самоорганизация на локальном и региональном уровне давало им такую перспективу. Так, в Нижегородской губернии «в различные формы кооперации в 1870–1880-е гг. в модернизирующихся отраслях было вовлечено 90,4% кустарей»[153]. Авторы справедливо замечают, что «результаты развития кустарной промышленности к началу XX в. показали в основном правильность выбранных направлений государственной

[150] Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып.VL. СПб. 1880. С. 1–432; Нижегородский сборник Т.VII. Н. Новгород, 1890; То же. Т. X. Н. Новгород, 1890; Цит. по: Егоров В.Г., Зозуля О.А. Трансформация кустарных промыслов… С. 88–89.
[151] Егоров В.Г., Зозуля О.А. Трансформация кустарных промыслов… С. 90.
[152] Там же. С. 91.
[153] Там же. С. 28–29.

политики содействия неземледельческим занятиям крестьян», в чем неоценимую помощь оказывали «земства, хорошо ориентирующиеся в нуждах крестьянского хозяйства». Они «верно определяли свою стратегию в развитии крестьянской промышленности»[154].

Понятие **многоукладности** используется здесь как историографический термин, применявшийся в рамках теории социально-экономических формаций, разработанной К. Марксом и Ф. Энгельсом, и в связи с формационным подходом при попытке объяснить сосуществование в российской экономике «феодальных» и «капиталистических» форм производства, предполагавшим, согласно российской историографической традиции, первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую формации. С целью избежания нежелательных с марксистским учением коннотаций, предлагаем заменить понятие «многоукладности» нейтральным понятием **полиморфизма**[155], т. е. многообразия производственных форм. В этой связи, необходимо сказать о работах историков так называемого «нового направления» на рубеже 1960–1970-х гг., которое не смогло лечь в основу анализа ремесла в рамках новой историографической традиции по ряду причин[156].

Поводом для «закрытия» данного исследовательского направления послужил «рецидив» народнических взглядов с новым толкованием понятия «многоукладности», от которого напрямую зависело исследование истории

---

[154] Там же. С. 96; см. Орлов А. Содействие земства кустарной промышленности // Известия Московской губернской земской управы. Вып 1–2. М., 1912.

[155] Полиморфизм – наличие в пределах одного и того же вида животных или растений сильно отличающихся друг от друга особей (биол.) (Егорова Т.В. Словарь иностранных слов… С. 519). В данном случае имеется ввиду существование множества разновидностей и форм организации ремесленного труда, позволявшего ему приспосабливаться к различным социально-экономическим условиям.

[156] Поликарпов В.В. Цусима советской историографии // В.В. Поликарпов. От Цусимы к февралю... С. 19, 21, 34, 106, 110. См.: В.В. Адамов. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 225–256; Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России. Взаимодействия и противоречия. XVIII – первая половина XIX века. М.: 2000. 258 с.; Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Интеграция аграрного окружения в заводское производство (Урал, Западная Сибирь XVIII – первой половины XIX в.). Екатеринбург, 1995. 54 с.; Побережников И.В. Проблема полиморфизма в современных теориях социального развития // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв.: К 90-летию со дня рождения В.В. Адамова: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2004. (Вопр. истории Урала. Вып. 18). С. 126–136, и другие статьи данного сборника.

ремесла[157]. Ведь «примитивные формы и остатки докапиталистических укладов, […] на основе старокапиталистических и докапиталистических отношений» могли рассматриваться не иначе как изживший себя архаизм[158]. К примеру, Ю.Н. Нетесин и В.И. Бовыкин критиковали приверженцев «нового направления»: «Историки в последнее время (т. е. ок. 1969 г.) чрезмерно увлеклись изучением отсталых, неразвитых или пережиточных укладов в ущерб истории монополистического капитализма». В.В. Адамов заверил их, что их опасения напрасны, т. к. «изучение отсталых и переходных структур на настоящей стадии развития науки является ключом к познанию высших форм капитализма», изучение которого происходило «в полном отрыве от тех процессов, которые шли в основной толще экономики страны»[159].

Важность «нового направления» для изучения истории ремесла становится понятной, поскольку оно сближалось с дореволюционной историографией и «денационализаторской» школой» 1920-х гг. Диспут 1928–1929 гг. на конференции Общества историков-марксистов по вопросу о «наслоении хозяйственно-различных, исторически-преемственных типов», соответствующих понятию многоукладности или полиморфизма, наглядно показал это[160]. Предполагаемое изменение фокусировки, направленной на изучение ремесла в рамках капитализма, но вне его парадигмы, позволяет посмотреть на ремесло не как на «пережиток» «традиционализма, инерции и отсталости» по выражению Дэвида Сондерса, а как на альтернативную экономическую форму организации производства[161]. Поэтому приходится говорить не о вытеснении фабрикой и заводом ремесла, а об их сосуществовании, что и является полиморфизмом, роль которого в экономике страны нуждается в дальнейшем переосмыслении: «… никаких других

---

[157] В.В. Поликарпов. От Цусимы к февралю... С. 22.
[158] Там же. С. 84. См.: Келлер А.В. «Средневековый институт» или инновация в духе Петровских реформ? Цехи в России и корпоративное самоуправление ремесленников на примере Санкт-Петербурга с начала XVIII до начала XX века // Россия XXI. 2014б. № 5. С. 74–95.
[159] В.В. Поликарпов. От Цусимы к февралю... С. 88–89, 112.
[160] Там же. С. 85–86.
[161] Там же. С. 90, 112–113; Saunders D. Russia in the age of reaction and reform, 1801–1881. London/New York 1992. P. 127, 136–137.

теоретических открытий [А.К. – многоукладности], столь же широко раздвигающих горизонт, позволяющих логически упорядочить, систематизировать столь сложную историческую реальность, как общественное развитие России начала XX в., – никаких других столь же тонких и эффективных инструментов историки не получали и на Западе»[162]. Именно научные школы по истории экономики М.И. Туган-Барановского и И.М. Кулишера, а спустя примерно три десятка лет – В.В. Адамова на Урале, позволили творчески переосмыслить народнические взгляды на ремесленную и кустарную промышленность в рамках полиморфизма, как на важный ресурс российской экономики[163].

О том, что роль кустарных крестьянских неземледельческих промыслов и городского ремесла нельзя недооценивать и во время индустриализации конца XIX в. говорит тот факт, что «в ряде отраслей мелкая промышленность в начале XX в. по сумме производства превосходила крупную»[164]. Для дальнейшего изучения полиморфной (АК: многоукладной) социальной реальности при переходе от традиционного к современному обществу И.В. Побережников предлагает модель парциальной (или частичной) модернизации[165]. В связи с этим возникает ряд вопросов: должно ли

---

[162] Поликарпов В.В. От Цусимы к февралю… С. 113; Haumann H. Kapitalismus im zaristischen Staat 1906 – 1917: Organizationsformen, Machtverhältnisse und Leistungsbilanz im Industrialisierungsprozeß. Hain, 1980. S. 65–69, 143–144; Haumann H. Unternehmer in der Industrialisierung Rußlands und Deutschlands. Zum Problem des Zusammenhangs von Herkunft und politischer Orientierung // Scripta Mercaturae. 20. 1986. S. 157, 159; Hildermeier M. Bürgertum und Stadt… S. 17, 47–51, 234–246; Keller A. Die Handwerker... S. 66–68.

[163] См.: Бугаева С.Я. Вклад В.В. Адамова в концепцию «нового направления» в исторической науке // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. N 3 (79). С. 263-265; Побережников И.В. Проблема полиморфизма…; Дальнейшее развитие концепции многоукладности в рамках теории модернизации привело к появлению новых терминов. И.В. Побережников предлагает использовать понятие **анклавно-конгломеративного типа развития**, введенный А.Д. Богатуровым и А.В. Виноградовым (Побережников И.В. Протоиндустриализация как субпроцесс... С. 16–17; см.: Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. 1999. № 4. С. 60–69; Они же. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток-Запад-Россия. М., 2002. С. 109–128).

[164] Кашаева Ю.А. Основные направления изучения кустарных промыслов Пермской губернии конца XIX – начала XX вв. в дореволюционной и советской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VI Всерос. науч. конф., 7 апр. 2004 г.: [в 2 т.]. Т. 2 / Урал. гос. техн. ун-т [и др.]; [редкол.: В.В. Запарий (гл. ред.) и др.]. Екатеринбург: АМБ, 2004. Т. 1. С. 79; Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / Ред. В.В.Алексеев. М., 2000. С. 60.

[165] Побережников И.В. Проблема полиморфизма... С. 128, 131; см. также: Побережников И.В. Акторы российской имперской модернизации: проблемы и перспективы исследования // Уральский исторический вестник. 2015. 4 (49). С. 16–25; Он же. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М. 2006; Побережников И.В. Протоиндустриализация как субпроцесс… С. 15–16; Он же. Теория модернизации: основные этапы эволюции // ПИР. Вып. 4: Европейское пограничье. Екатеринбург: НПМП «Волот»,

сохранение таких «патриархальных» институтов как ремесло говорить о том, что этот переход от традиционного к современному обществу еще не состоялся? Значит ли это, что история ремесла должна рассматриваться лишь в контексте понятий «разложения», «дифференциации», «укрупнения», «поглощения» и «разорения»[166]?

Сэйбель и Зайтлин, пользуясь термином **промышленных районов**, имеют ввиду именно кооперацию малых и средних предприятий, сочетающих высокотехнологичное ремесленное производство и уникальные компетенции ремесленного мастера, а не промышленные районы в классическом понимании старопромышленных районов: таких как Нижняя Силезия, Урал, Донбасс, Рур, для которых характерны добывающие и отрасли тяжелой промышленности[167]. Это районы, пик развития которых пришелся на конец XIX – первую половину XX века, связанные с высокими экологическими рисками и тяжелыми последствиями для окружающей среды. Пример традиционных ремесленно-промысловых сообществ, организованных в индустриальные округа (дистрикты), можно найти в Италии: Terza Italia (Третья Италия), представляющие собой не только экономический, но и социокультурный феномен в более широком контексте[168].

В России политика по стимулированию кустарного и ремесленного производства во второй половине XIX – начале XX в. проводилась с помощью земств как органов местного самоуправления, организацией курсов

2001. С. 217–245; Цивилизации / Институт всеобщей истории РАН. М.: Наука, 1992 – Вып. 10 : Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века / отв. ред. А.О. Чубарьян; [сост. О.В. Воробьева]. 2015.

[166] См.: Побережников И.В. Модернизация: теоретические и методологические проблемы // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 7. М., 2001. С. 163-169; Побережников И.В. Парадигма модернизации в историческом исследовании // Урал в модернизационной динамике России XX века. Екатеринбург, 2015. С. 197–214.

[167] Группа «старопромышленных районов […] 2-го цикла, – угольно- или руднометаллургические, так называемого бассейнового типа с высокой заводской концентрацией» (Приваловская Г.А. Территориальная структура хозяйства староосвоенных районов. М., 1995. С. 79).

[168] Верняев И.И. Промысловые кластеры как локальные этнографические группы: Хозяйство, социум, культур и идентичность (Европейская Россия, середина XIX– первая треть XX в.) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып. 1. С. 48–49.

профессионального образования[169], промышленных и кустарных выставок[170]. К 1912 году в общественности, среди ученых-экономистов и хозяйственников-практиков, появилось понимание того, «что успешность мероприятий земства по развитию кустарных промыслов зависит от единства трех направлений: улучшение техники производства, увеличение размеров кредита и организация постоянного сбыта»[171]. Вследствие этого «пореформенный период был отмечен бурным ростом протоиндустриальной промышленности – кустарных промыслов», составлявших не столько конкуренцию, сколько готовивших кадры для ремесленников Петербурга[172].

Неудивительно, что характеризуя развитие кустарной промышленности в России, М.И. Туган-Барановский отмечал: «В России кустарная промышленность имеет широкое развитие в деревне, особенно в центральном районе, преимущественно там, где земледелие по тем или иным причинам не удовлетворяет потребностям населения, малоземелье является одним из важных условий возникновения кустарной промышленности... Но не нужно преувеличивать значение этой связи: совершенно неправильно мнение тех, кто видит в кустарной промышленности промысел только подсобный при

---

[169] См., напр.: Карташова М.В. Реализация государственной политики по техническому образованию крестьян-кустарей в Российской империи в конце XIX – начале XX века // Экономическая история. №2 (37), 2017. С. 71-82; Носань Т.М. Просвещение Карелии: обучение традиционным ремеслам в конце XIX начале XX века // Человек и образование. 2009. № 3. С. 230–234; Панина Н.В. Становление и развитие профессионально-технического образования в губерниях Верхнего Поволжья во второй половине XIX-начале XX веков: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2016; Щавинская Л.Б. Обучение строительному ремеслу в Томской губернии во второй половине XIX начале XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2013. № 4. С. 257–262; М.В. Карташова классифицирует группы профессионально-образовательных учреждений, существовавших в Российской империи в 1888–1917 гг. на селе по четырем видам: «Первый вид – частные учебные школы-мастерские. Второй вид – земские мастерские, финансируемые губернскими и уездными земствами. Третий вид – школы и мастерские различных обществ и местных кустарных комитетов неземских областей. Четвертый вид – инструкторские школы земледельческого ведомства, им открытые и существовавшие на государственный счет. Все эти учебные заведения в общем и целом составляли единую профессиональную образовательную сеть, направленную, главным образом, на повышение технического уровня кустарного производства в империи. Кустарные мастерские, находившиеся в ведении земледельческого ведомства, земств, общественных организаций, были разных типов: учебно-показательные, производственные, смешанные…» (Карташова М.В. Реализация государственной политики… С. 73).

[170] Верняев И.И. Промысловые кластеры... С. 50; см.: Dushkova N.A., Grigorova V.A. The state policy of stimulating handicraft production in the second half of the XIX century: expirience oft he past fort he development of modern entrepreneurship, Klio, 4 (112) (2016), 50–55.

[171] Кашаева Ю.А. Пермское земство и развитие кустарных промыслов 1880-х – 1914 годах // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2010. № 3. С. 104; Панина Н.В. Становление и развитие профессионально-технического... С. 119-157.

[172] См.: Готрелл П. Значение Великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 119–120; Побережников И.В. Протоиндустриализация как субпроцесс... С. 33; Тарновский К.Н. Мелкая промышленность…

земледелии, ибо сплошь и рядом, наоборот, земледелие является подсобным занятием для кустаря»[173].

С 1990-х гг. происходит переосмысление важной экономической роли мелкой крестьянской промышленности, с одной стороны, благодаря фундаментальным разработкам этой темы предыдущих десятилетий, с другой, новым методическим подходам[174]. Как отмечает М.В. Карташова, «в последние годы появляется масса статей, диссертаций и монографий, посвященных изучению кустарных промыслов в Российской империи»[175]. Мы придерживаемся классификации кустарных промыслов, предложенной М.В. Карташовой и включающей в себя 6 групп: деревообработку, металлообработку, обработку волокна, обработку кожи, обработку минералов, прочие (смешанные) промыслы: «Эта классификация позволяет охватить все промыслы, не усложнять структуру и в то же время она не противоречит Статистической классификации видов экономической деятельности в Европейском экономическом сообществе (редакция 2) — Statistical classification of economic activities in the European Community (NACE Rev. 2)»[176].

Кустарная промышленность в пореформенные десятилетия, как и городское ремесло, показывала способность развиваться, помимо или вне парадигмы крупного индустриального капитализма, и генерировать из своей среды самодостаточные субструктуры. Здесь можно говорить о двух типах

---

[173] Туган–Барановский М.И. Основы политической экономии. М. 1998. С. 178.

[174] См. напр.: Антонов О.Ю. Развитие кустарных промыслов Воронежской губернии во второй половине XIX–начале XX веков. Автореф. дисс. на соиск. … канд. ист. наук. М., 2014; Архипова Л.М. Мелкая крестьянская промышленность центрально–черноземного района России в начале XX века. М., 1995; Ватутина В.В. Социально–экономическая трансформация кустарных промыслов Владимирской губернии во второй половине XIX–начале XX столетий. Автореф. дисс. на соиск. … канд. ист. наук. Орел, 2010; Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004; Дорина Е.М. Кустарная промышленность Московской губернии в конце XIX – начале XX веков. Проблема капитализации и модернизации: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Рязань, 2010; Зозуля О.А. Земские инициативы в контексте политики государства по повышению эффективности функционирования кустарной промышленности (на примере московской и Нижегородской губерний) // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 658–663; Кашаева Ю.А. Кустарные промыслы Пермской губернии (конец 1880–х–1914 г.). Дисс. на соиск. … канд. ист. наук. Пермь, 2007; Фукленков С.А. Кустарные промыслы Новгородской губернии в конце XIX–начале XX века. Дисс. на соиск.… канд. ист. наук. СПб., 2008.

[175] Карташова М.В. Структура кустарных промыслов в российской империи // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2016. №1–2. С. 16.

[176] Там же. С. 17.

мелкого и крупного предпринимательства, связанных с различными социально-экономическими и технологическими практиками, взаимодополняющими друг друга[177]. Именно этот практический опыт в сочетании с народническими концепциями развития народного хозяйства, когда поддерживаются и мобилизуются малые формы предпринимательства, привел к повышению объемов правительственного кустарно-промышленного финансирования. М.В. Карташова пришла к выводу, что «[…] основным фактором, влияющим на объемы правительственного кустарно-промышленного финансирования, являлись объемы региональных вложений в кустарно-промышленную политику. […] превалирующая часть финансовой помощи шла на восточно-европейские земские губернии и на Урал», – в те районы, где существовала неблагоприятная экономическая ситуация в связи с упадком сельского хозяйства и фабрично-заводской промышленности с целью поднятия благосостояния населения[178]. Отметим, что при этом наблюдается тренд концептуального разворота в сторону применения данного опыта в развитии современного предпринимательства в рамках государственно-частного партнерства (ГЧП).[179].

Говоря современным языком, посредством микрокредитов ремесленники и кустари должны были избавиться от излишней зависимости от скупщиков и кредиторов. Потребительский и кооперативный кредит получил сегодня вторую жизнь благодаря системе микро-кредитов экономиста и лауреата Нобелевской премии по экономике 2006 года из Бангладеш Мухаммада Юнуса. Его успех вполне сопоставим с аналогичной

---

[177] М. Гутман подтверждает, что в исследованиях, посвященных начальному периоду промышленного роста Центральной и Западной Европы отмечены многие стороны развития, характерные для Центральной России: значение сельского хозяйства, постепенное нарастание темпов развития, устойчивость ремесленных промыслов и взаимосвязь мелкого и фабричного производства (Gutman M. Toward the Modern Economy: Early Industry in Europe. 1500-1800. New York, 1988; Gooodman J., Honeyman K. Gainful Pursuits: The Making of Industrial Europe. 1600-1914. London, 1988).

[178] См.: Карташова М.В. «Межбюджетные трансферты» в правительственной кустарно-промышленной политике российской империи в начале XX в. (с использованием ГИС и статистического анализа) // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2013. № 4. С. 75-76.

[179] См. Душкова Н.А., Григорова В.А. Государственная политика стимулирования кустарного производства во второй половине XIX в.: опыт прошлого для развития современного предпринимательства // Клио. №4 (112). 2016. С. 50–55.

российской историей успеха последней четверти XIX – начала XX века[180]. Аналогичные эффекты описал П. Гестрелл в своей статье об экономическом и социальном развитии России в начале XX в. По его мнению, увеличение числа торговых и кредитных кооперативов (АК: Не в последнюю очередь среди кустарных промысловиков и ремесленников), свидетельствовало о растущем процветании и динамизме российской экономики последнего периода монархии[181].

Осознание упущенных возможностей вызывает горечь потерь – ведь целый ряд лауреатов Нобелевских премий по экономике, среди них Рональд Коуз (1991) и Элинор Остром (2009), являются носителями и пропагандистами именно идей, развивавшихся в последней трети XIX века и в начале XX века российскими экономистами и деятелями народнического толка.

Новым словом в исследовании темы крестьянских промыслов, промысловых кластеров, торгово-промысловых сел или «незаметной промышленности» стали работы петербургского историка И.И. Верняева[182]. В контексте сказанного, вполне понятен призыв Л.Б. Алимовой к уходу «от одностороннего подхода изучения только стратегически важных отраслей промышленности, поскольку это не позволяет увидеть всей сложности процессов и явлений, происходивших в период генезиса капитализма, индустриализации и модернизации экономики. Вышесказанное в полной мере относится к производству роскоши, возникшему в условиях рыночных отношений, но по целому ряду показателей, находившемуся вне законов

---

[180] Юнус разработал концепцию микрокредитования, создав Grameen Bank и став в 1983 году его генеральным директором. За успешный социальный и коммерческий проект ученый и предприниматель получил в 2006 году Нобелевскую премию мира (см. Юнус М., Жоли А. Создавая мир без бедности. Социальный бизнес и будущее капитализма = Vers un monde sans pauvrete / Пер. И. Савельева. М.: Альпина Паблишерз, 2010).

[181] Гестрелл П. Экономическое и социальное развитие России в начале XX в. // Реформы или революция? Россия, 1861-1917… С. 183-184.

[182] Верняев И.И. «Незаметная промышленность»: крестьянские производящие промыслы России в теоретических концепциях и эмпирических исследованиях конца XVIII – начала XX в. Ч. I // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2014. №2. С. 75–98; он же. «Незаметная промышленность»: крестьянские производящие промыслы России в теоретических концепциях и эмпирических исследованиях конца XVIII – начала XX в. Ч. II // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2014. №4. С. 113–132; он же. Промысловые кластеры как локальные этнографические группы… С. 47–84; Он же. Реформа 1861 г. в торгово–промысловом селе Павлово Нижегородской губернии. Часть 1–я // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2012. №3. С. 16–41; Он же. Реформа 1861 г. в торгово–промысловом селе: село Павлово Нижегородской губернии. Часть 2–я // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2012. №4. С. 3–30.

рынка»[183]. Можно лишь присоединиться к данному пожеланию, и попытаться дополнить большое количество работ, «посвященных изучению имущественного уровня, структур потребления, бытовой материальной культуры различных слоев российского общества, словом, всего того, что относится к проблемному полю истории повседневности и входит в сферу историко-антропологического интереса»[184].

[183] Алимова Л.Б. Художественная промышленность России...

[184] Редин Д.А. Государственное управление на Урале в эпоху петровских реформ (Западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.): автореф. дис. … докт. ист. наук. Екатеринбург, 2007. С. 30.

1.2. Методологические основания исследования

Петербургское ремесло в российской историографии как тема специального исследования, а тем более история ремесленных цехов, разработана недостаточно, что требует поиска новых методологических подходов. Для достижения поставленных задач используется ряд **методов** и **подходов**. Учтены как труды по истории городского ремесла XIX – начала XX в., так и теоретическое наследие российской экономической мысли, выработанное исследователями и теоретиками, стоящих на позициях народничества или близких к ним (В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниельсон, П.А. Кропоткин, и др.). Последние обосновывали точку зрения, что России нет необходимости проходить все стадии развития «классического» капитализма и непременно «изживать» традиционные формы ремесленного, кустарного производства.

Методологической основу исследования составляют теоретические размышления названных российских мыслителей и теория социальной рыночной экономики В. Ойкена, которые объединяет убеждение в том, что нет необходимости подвергать теоретической и практической унификации существующее историческое многообразие экономических форм: «… кажущееся необозримым множество экономических *форм*, […] при правильном подходе может быть проанализировано и сведено к обозримому числу хозяйственных систем и разновидностей. Тем самым создается базис для познания экономической действительности»[185].

В нашей работе мы считаем целесообразным и продуктивным использовать принцип, допускающий познание качественно различных

[185] Ойкен В. Основы… С. 260; Вальтер Ойкен является основоположником «фрайбургской школы» ордолиберализма. Одним из главных аспектов его теории является исследование взаимосвязи власти, несвободы и бедности. На основании этого анализа, Ойкен исходил из того, что государство должно определять и создавать рамочные условия или системные предпосылки для такого экономического порядка (Wirtschaftsordnung), который создаст условия как для реализации наивысшей степени свободы для каждого индивида, так и для рационального управления экономикой. Главная задача государства, по убеждению ученого, заключается не в управлении экономическими процессами, а в создании соответствующего экономического порядка, который сегодня носит название социальной рыночной экономики.

хозяйственных порядков, одним из которых является ремесло. Поэтому анализ данного исследования основывается на принципе исторического разнообразия экономических форм, перекликающегося с биоразнообразием в природе. Одной из основных теоретических предпосылок данного исследования является сочетание народнического интеллектуального наследия, настаивавшего на альтернативности путей развития на основах кооперации и развития ремесел и промыслов, теории социальной рыночной экономики и принципов устойчивого развития, включающих в себя гармонизацию трех компонентов: социального, экономического и экологического. Согласно этому, в работе представлен исторический материал, который использован для обоснования модели социальной рыночной экономики, основывающейся на принципах устойчивого развития, в которой малое и среднее производство, основанное на ремесленных практиках и принципах ремесленного труда, должного занять достойное место в экономике страны. Это, в свою очередь, должно помочь в выстраивании здоровой экологичной производственной и жизненной среды человека.

Именно такое концептуальное сочетание истории ремесла с идеей гармоничного экономического развития, основывающегося не только на исключительно антагонистических «экономических законах», но и на принципах кооперации, социальной экономики и этики, позволяет достичь нового понимания истории российского ремесла. Для наиболее глубокого раскрытия механизмов пополнения рабочих кадров петербургского ремесла рассматриваются кустарные промыслы (также промысловые ареалы или кластеры) в Центральном и Северо-Западном старопромышленных районах[186].

[186] Так называемые Северо-Западный и Центральный старопромышленные районы являются исторически сложносоставными конгломератами территорий. Северо-западный район включает в себя древние новгородские земли от озера Ильмень до Белого моря, Олонецкие заводы, Карелия, Петрозаводск, позже – крупный промышленный центр Петербурга. Центральный промышленный район включает Волжский до Нижнего Новгорода включительно, Тульско-Серпуховской и Московский районы (более подробное описание «промышленной страны» см.: Рындзюнский П.Г. Мелкая промышленность: ремесло и мелкотоварное производство // Очерки экономической истории России первой половины XIX века: сб. ст. под ред. М.К. Рожковой. М., 1959. С. 85).

Новая исследовательская перспектива позволяет проанализировать петербургские ремесленные цехи как конкретное проявление модернизации промышленности и общества. Центр тяжести в данном исследовании предполагается перенести с изучения цехов как «средневекового» института на цехи как инструмент вестернизации российского общества и перенесения новых коммуникативно-управленческих, хозяйственных и технологических практик. В изучении социальной эволюции цехов предполагается сосредоточить внимание на исследовании инструментов интеграции и развития западноевропейского института на российской почве: правовых нормах, системе местного управления и самоуправления, создающих институциональные рамки для акторов, вынужденных действовать в пределах заданных российских норм и правил.

Это актуально особенно сегодня, когда разрабатываются новые концепции развития будущего, ищутся альтернативные пути экономического развития, основывающиеся не на ресурсной, а на ресурсосберегающей экономике, где в центре внимания находится человек. Немецкая модель промышленного развития показывает, что наиболее успешное технологическое развитие возможно при сочетании драйверов экономики среди малых и средних предприятий, имеющих генетическую связь с ремесленной промышленностью, с крупными технологическими концернами. Следует отметить, что именно такая модель позволяет достичь наибольшую занятость населения и высокое качество жизни. Ряд современных исследований, как в российской, так и зарубежной историографии, показывает, что именно в этой плоскости ищутся решения, как это ни парадоксально звучит, в уже «случившейся» истории.

А. Штайдль в одной из своих последних работ в 2017 г. писала: «Исторически мир малых предприятий был миром в движении. За последние несколько десятилетий упорство и гибкость доиндустриальных институтов и менталитетов, культурных и институциональных основ в XVIII и XIX веках

стали центральными темами в исторических исследованиях»[187]. Действительно, исследование истории бытования ремесленной промышленности важно не только для понимания «развития» ремесла, истории научно-технической и первой промышленной революции, но и для концепций существования его современных наследников среди МСП, в декоративно-прикладном искусстве и народных промыслах. Для этого необходимо изменить перспективу «поступательного развития» и «вытеснения ремесла», согласно «логической» цепочке «ремесленная мастерская – феодальная мануфактура – капиталистическая мануфактура – фабрика/завод», и попытаться посмотреть на все эти институты и акторов в их взаимодействии в едином коммуникативном пространстве, где сосуществуют различные формы хозяйствования и предпринимательства[188]. Новое видение открывает новые горизонты[189].

Ремесленный мастер не только управляет своим бизнесом, как это происходит на крупном промышленном и капиталоемком производстве, а является производителем, технологом, новатором, «финансистом» и управленцем в одном лице. Это позволяет ему быть открытым вызовам

---

[187] «Historically, the world of small enterprises has been a world in motion. Over the last few decades, the perseverance and flexibility of pre-industrial institutions and mentalities, of cultural and institutional frameworks in the 18th and 19th centuries have become central themes in historical research» (Steidl A. Between home and workshop. Regional and social mobility of apprentices in 18th and 19th centuries Vienna // Les intermédiaires du travail. Acteurs du recrutement et de la gestion des travailleurs, (XVIe-XXIe siècle) – Nouvelles approches et nouveaux objets du fait religieux en sciences sociales – Varia. 2017: 129-1. URL: https://mefrim.revues.org/2491 (Дата обращения: 14.11.2017); см. напр.: Prak M., Lis C., Lucassen J., Soly H. (ed.). Craft guilds in the early modern Low Countries...; Munk B.d. Technologies of Learning. Apprenticeship in Antwerp from the 15th century to the end of the ancien régime. Turnhout, 2007. 306 p.; Davids K., Munk B.d. Innovation and Creativity in Late Medieval // Late Medieval and Early Modern European Cities. – Aldershot, 2014. P. 1–33; Lucassen J., Moor T.d., and Zanden J.L.v. The Return of the Guilds. Cambridge, 2008. 270 p.; Sennett R. The Craftsman. New Haven, 2008. 326 p.; Steidl A. Auf nach Wien!: die Mobilität des mitteleuropäischen Handwerks im 18. und 19. Jahrhundert am Beispiel der Haupt- und Residenzstadt Wien, 2003. 233 S.).

[188] См.: Kienapfel I. Tagungsbericht: «Geschichte des Handwerks – Handwerk im Geschichtsbild». Probleme der Archivierung, Forschung und Vermittlung., 16.09.2013 Berlin // H-Soz-Kult, 08.03.2014 (Archivar. Mai 2014. Vol. 67. Issue 2. P. 182–184. URL: www.hsozkult.de/conferencereport/id/tagungsberichte-5261 (Дата обращения: 10.06.2017); Roelcke E. «Verachtet mir die Meister nicht» // Deutschlabdfunk Kultur. Unter der Rubrik: Tradition und Wirklichkeit des Handwerks. URL: http://www.deutschlandfunkkultur.de/tradition-und-wirklichkeit-des-handwerks-verachtet-mir-die.1024.de.html?dram:article_id=343339 (Дата обращения: 10.06.2017).

[189] Этой схемы придерживаются, например, П. Кридте, Х. Медик и Ю. Шлюмбом из Института Макса Планка в Геттингене (Побережников И.В. Протоиндустриализация как субпроцесс и стадия модернизации: теоретические проблемы // Экономическое развитие и практика реформ (История мировой экономики, вып. 4): Сборник статей. М.: Институт экономики РАН, 2015. С. 22–23). Критерием для идентификации названных фаз развития здесь служат традиционное «проникновение капитала в сферу производства с целью получения прибыли» в рамках парадигмы капиталистического развития, не рассматривающего ремесло как самостоятельную сферу производства, развивающуюся вне этой парадигмы (Там же. С. 22).

времени, более гибко реагировать на них и находить инновативные решения, а значит тратить гораздо меньше средств на достижение своих целей по сравнению с крупными концернами. Последние создают небольшие дочерние предприятия, выводя их из своей структуры ввиду уникальных компетенций и формата малого предприятия, имеющего генетическую связь с ремесленной мастерской и особую организацию труда, что позволяют ему оставаться наряду с крупными компаниями конкурентоспособным. Более того, такие малые компании являются зачастую мировыми лидерами в области своей узкой специализации. Ввиду этого, и как показывает опыт, крупным компаниям не всегда выгодно уничтожать или поглощать мелкие предприятия, исторические корни и настоящее которых непосредственно связаны с ремеслом[190].

К примеру, немецкие концерны Даймлер (г. Штутгарт) и Фольксваген (г. Вольфсбург) имеют каждый более 1000 субподрядчиков, среди которых большинство составляет малые и средние предприятия, без сотрудничества с которыми «Мерседес» или «VW» попросту не проехали бы и метра[191]. Одним из наиболее успешных примеров таких малых компаний в автомобилестроении является шведская фирма «Кёнигсегг», специализирующаяся на производстве штучной продукции одного из самых дорогих автомобилей ручной сборки в мире, многие технологии которой основываются на ручном производстве, а компетенции сотрудников сравнимы с таковыми у ремесленного мастера[192]. Таких мастеров можно было найти в

---

[190] Вместо термина *ремесленничество*, нашедшего широкое применение в литературе по ремесленно-техническому образованию, мы будем использовать традиционный в исторической науке термин *ремесло*, вбирающий в себя как технологии, так и совокупность ремесленников, их культурные и социальные институты, особый социально-экономический и технологический уклад. Согласно А.В. Ефанову, двухуровневое понятие *ремесленничества*, включает в себя ремесло как первичную основу производства и технологии, и ремесленничество, включающего в себя личность ремесленника, его социальные и культурные практики, социальные институты: см. Ефанов А.В. К вопросу о ценностях современного ремесленничества (Становление и развитие ремесленничества и профессионального ремесленного образования в России: сб. науч. ст. 4-й междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Рос. гос. проф.- пед. ун-т, 2011. С. 17–22).

[191] Для поддержания качественной ремесленной работы лучшим мастерам по нанесению надписей и специальной покраски на автомобили концерн Daimler в рамках акции «Современное ремесло» ежегодно присуждает премию на конкурсе (Sterne des Handwerks 2016. URL: http://www.zorn.mercedes-benz.de/de/desktop/about-us/news-overview/sterne-des-handwerks-2016.html (Дата обращения: 23.05.2017)).

[192] Стоимость одной из моделей может доходить до 3,3 мил. евро (URL: http://koenigsegg.com/ (Дата обращения: 10.06.2017).

свое время в Санкт-Петербурге, Москве, Туле и других российских городах, на Урале.

Учитывая специфику истории ремесла, можно говорить об актуальности ее рассмотрения как новой или особой отрасли исторической науки. С переосмыслением истории европейского ремесла, и петербургского ремесла в том числе, пересматриваются его роль и значение не только в прошлом. Изменение перспективы и понимание ремесла как самодостаточной хозяйственной деятельности меняет на него взгляд сегодня и на его развитие в будущем, согласно трехчастной модели времени, в которой прошлое, настоящее и будущее соприсутствуют в индивидууме как неотъемлемые составляющие его жизненного мира[193].

Анализ истории российского ремесла позволяет произвести теоретическую диверсификацию воззрений традиционной экономической школы, постулирующей безусловную прогрессивность крупного (капиталистического) промышленного производства. На первый взгляд, основным парадоксом истории России XVIII – XIX вв., наряду с укреплением системы крепостного права в XVIII в. и модернизацией государственных институтов, является введение, развитие и расцвет цехов в Петербурге во время их «заката» в Западной Европе. На самом деле, цехи явились в России институтом развития профессий, стандартов качества и инструментом институционализации городского ремесла, без которых модернизационный рывок Петра I был невозможен.

Ввиду фрагментарно исследованного вопроса возникновения и традирования общности цеховых ремесленников Петербурга в XVIII – XIX вв., видится крайне актуальным, рассмотреть амбивалентную проблему существования цехов, как полуоткрытого социального института,

[193] Близкой к представленной здесь универсальной трехчастной модели времени является формулировка И.В. Побережникова, имеющая, однако, свое значение лишь на переходном периоде, когда (ещё) сосуществуют различные социально-экономические уклады домодерного и модерного типов: «Переходный процесс можно представить […] как продолжительный континуум, в рамках которого осуществляется взаимодействие между прошлым, настоящим и будущим, между традицией и новацией, трансформирующее как ту, так и другую» (Побережников И.В. Протоиндустриализация как субпроцесс… С. 19).

позволявшего ремесленникам крестьянского и иных сословий интегрироваться в социально-экономическую жизнь столицы первоначально в качестве временно-, а затем вечноцеховых ремесленников, получавших статус городских жителей, с другой, в качестве полузакрытой корпорации вечноцеховых мастеров. Видится целесообразным, сфокусировать внимание на исследовании формирования корпорации цеховых ремесленников Петербурга, как одного из институтов раннемодерного общества. Наблюдение административных практик ремесленного управления Петербурга позволит лучше понять функционирование и особенности взаимодействия на трех уровнях – цеховой и городской администраций и органов государства. Это позволит выявить степень эффективности внутренних и внешних коммуникативных связей цехов с государственным аппаратом и оценить эффективность и дееспособность ремесленного управления в диалоге властных институтов и цеховых мастеров. Успешность последних определялось их умением пользоваться коммуникативно-управленческими практиками.

Такие термины как поликультурность, трансграничность, социокультурный подход, социальные страты, горизонтальная и вертикальная мобильность определяют вектор данного исследования. Согласно воззрениям большинства проправительственных экономистов XIX в., *цеховое ремесло*, как и ремесло в целом, стояло, вместе с крестьянской общиной, на пути развития капитализма как «высшей» экономической ступени[194]. Рассмотрение кустарных промыслов, как неотъемлемой части большинства крестьянских хозяйств, вместе с ремесленными цехами, как наиболее технически развитой части городского ремесла, обусловлено методологически с целью их «реабилитации» как традиционных институтов с долгой историей. Если попытаться интегрировать полярные точки зрения на природу крестьянской общины В. Михайлина (рабство) и С. Кара-Мурзы (община) с рациональным

[194] См.: Кара-Мурза С.Г. Дорога в СССР… Особенно глава 4: Крестьянская община в России: конфликт марксизма с ленинизмом. С. 44–50; Михайлин В.[Ю]. Раб как антропологическая проблема...

зерном народнических концепций экономического развития XIX в. (артели и кустарные промыслы), то получится именно тот модус развития, который был наиболее актуальным для обоих базисных сфер народного хозяйства – ремесла и сельского хозяйства[195]. Д.И. Менделеев, размышляя о путях развития индустриализации в России, видел в «общинном и артельном началах» многие решения задач промышленного развития[196].

В свете затяжного глобального финансового кризиса понятно пробуждение повышенного интереса российской и международной научной общественности к истории ремесла, с целью переосмыслить данный социально-экономический и культурно-антропологический феномен. При этом историческая наука находится по отношению к смежным научным дисциплинам в более выгодном положении. Так, специалисты в области профессионального образования А.В. Моисеев и А.В. Ефанов справедливо отметили в совместной статье 2014 г. по историко-педагогическому наследию отечественного ремесленного образования: «[…] анализ категории „ремесленная деятельность“ показал, что данное понятие теоретически не разработано, нормативно не закреплено и семантически противоречиво. Его деформация в общественном сознании обусловлена, в первую очередь, технологическим развитием общества, в экономике которого доминирующее положение занимает поточное, конвейерное производство, девальвацией культуры потребления товара, а также противоречивой сущностью самой ремесленной деятельности, её внутренней неоднородностью»[197].

Аналогичную мысль высказал экономист Д.Е. Гаврилов в 2012 г.: «„Девальвация“ категорий ремесла, ремесленничества, кустарничества есть

---

[195] См. Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX–начала XX века. Избранные произведения / Сост. Я.И. Кузьминов. М., 1994. 416 с.

[196] Кара-Мурза С.Г. Дорога в СССР… С. 45; см.: Артель и артельный человек / Сост., введение В. В. Аверьянова / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2014. 688 с.; Если крестьяне, занимавшиеся кустарными промыслами, должны были брать промысловые свидетельства, введенные в 1863 г., то в случае с артелями, их получали рядчики, набиравшие артель для каких-либо работ (Л.В. Беловинский. Кустарная Россия… С. 12; ПСЗ-2. Т. 38. № 39118. – *Высочайше утвержденное положение о пошлинах…*; СЗ. Т. V. Устав о прямых налогах, раздел второй. Положение о государственном промысловом налоге. СПб., 1912. С. 44–69).

[197] Ефанов А.В., Моисеев А.В. Исследование историко-педагогического наследия отечественного ремесленного образования (онтологический, аксиологический и функциональный аспекты) // Инициативы XXI века. 2014. № 4. С. 80.

процесс, обусловленный развитием технологий, совершенствованием механизмов экономической жизни и противоречивой сущностью ремесленной деятельности»[198]. Исследователь приходит к выводу «о противоречивости изложенных в словарях значений», где «смешивается понятие ремесленной и кустарной деятельности». Гаврилов отметил, что «технологии ремесленного производства признаются исключительно или по преимуществу ручными, хотя этимологический анализ слова „ремесло“ говорит о возможности применения в ремесленной деятельности машин и механизмов, [..] ремесленная деятельность в одном из значений рассматривается как шаблонная работа, а ремесленный труд признается нетворческим, что вызывает отторжение категории ремесла, ремесленничества и кустарничества в общественном и научном сознании […]»[199]. Исследователь делает вывод о том, что «сегодня требуется преодолеть сложившийся стереотип понимания ремесленничества, как предтечи крупного товарного производства, использующего ручной труд и примитивные технологии»[200].

Видится целесообразным принять за основу **понятие ремесла**, предложенное Д.Е. Гавриловым, в его модифицированном виде, заменив понятие ремесленничества на ремесло: «Ремесло – это система общественных отношений, возникающих в процессе производства и реализации продукции малых предприятий и семейных хозяйств, в которых отсутствует (АК: или присутствует в незначительном размере) функциональное разделение труда, средства производства находятся в собственности или на праве аренды у производящего субъекта, а продукция производится в малом объеме и преимущественно на индивидуальный заказ»[201]. Мы исходим из расширенной концепции **ремесленного труда** или **ремесленных практик**, включенных в первое понятие, имеющих различные градации в профессиональном

---

[198] Гаврилов Д.Е. Теоретические основы развития ремесленной деятельности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 311.
[199] Там же. С. 312.
[200] Там же. С. 313.
[201] Там же. С. 312. См. к современному понятию ремесла: Ефанов А.В. К вопросу о ценностях современного ремесленничества // Становление и развитие ремесленничества и профессионального ремесленного образования в России: сб. науч. ст. 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Рос. гос. проф.- пед. ун-т, 2011. С. 17–22.

мастерстве и зависящих от их социальной, географической или территориальной локации. Исходя из этого, ремесленный труд или ремесленные практики рассматриваются в их различных формах проявления: цеховой, нецеховой, городской, сельской, кустарной, промысловой, подрядной, индивидуальной, артельной, художественной (как отрасль декоративно-прикладного искусства, например, в художественном литье).

В данной работе принимается более расширенная трактовка **ремесла** как *совокупности ремесленников, особого социально-экономического и технологического порядка, где преобладает личностное начало мастера, его компетенции и навыки, при минимальном разделении труда, и способностью каждого участника ремесленного производства, т. е. подчиненных мастеров и подмастерьев, за исключением рабочих и учеников, изготовить или воспроизвести по мастерскому образцу законченную и годную к употреблению вещь*.

Под **ремесленным трудом** понимается преимущественно *ручной труд с применением инструментов и механических приспособлений*. В отличие от рабочего, у мастера есть целостное видение конечного продукта ремесленного труда. Со временем, как в городских ремеслах, так и в еще большей степени в ряде кустарных ремесел, наблюдалась тенденция к дифференциации производственного процесса с двумя основными вариантами: в первом случае последний разбивался на несколько более простых операций, где промежуточный продукт поступал далее в распоряжение других кустарей для его дальнейшей обработки, или же, во втором случае, происходила дальнейшая специализация ремесла и возникновение более узких профессий с углублением умений и навыков в специальной области производства. Отсюда возникло современное слово специалист или специальность[202].

[202] Первое упоминание в русском языке в 1663 г., латинское происхождение слова (от lat. specialis к species), заимствованного из польского specialny (Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. Heidelberg, 1955. S. 707).

Понятие **ремесло** рассматривается в контексте теории «истории понятий» (*Begriffsgeschichte*), чтобы проследить предысторию его бытования в предшествующий период[203]. В данном случае, анализируя исторические источники, возможно освещение еще одной грани публичных и непубличных коммуникативных практик для понимания трансфера, трансформации и адаптации смыслов в русском социокультурном пространстве.

Рассмотрим сначала историю понятия «ремесло» в русском языке, для понимания взаимосвязи «ремесла и художества», выявления смысловых акцентов и практик их применения на протяжении Нового времени[204]. Человек, занимающийся ремеслами в XI – XVII вв. – *ремесленикъ* или *ремесленникъ* (прил. ремесленый и ремесленный), т. е. *мастер* (мастеровой, мастерство) какого-либо ремесла или мастер в каком-либо деле, искусник[205]. Синонимами ремесла (искусство, умение; дело, занятие) и ремесленника являются *художник* и *художество*, которые, в свою очередь, совпадают со значением *искусства* (умение, знание, опыт; *искусный* – умелый) в древнерусском языке. В XVIII в. искусство является именно художеством, употребляющимся в контексте понятий ремесло, рукоделие, художник и мастеровой[206]. Этим объясняется долгое соседство в Академии наук, а позже и в Академии художеств ремесел и «высоких искусств».

В записках В.Н. Татищева, относящихся к 1740-м годам, часто встречается определение ремесла как «рукоделия»[207]. В записке «О

---

[203] См. Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в. Челябинск, 2011. С. 8–15; Koselleck R. Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache. Mit zwei Beitr. von Ulrike Spree und Willibald Steinmetz sowie einem Nachw. zu Einl.-Fragmenten Reinhart Kosellecks von Carsten Dutt. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2006. 569 S.; Brunner O, Conze W., Koselleck R. (Hrsg.). Geschichtliche Grundbegriffe : Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. 8 Bände in 9. Klett-Cotta, Stuttgart, 1972–1997.

[204] Тимофеев Д.В. Методология «истории понятий»: от теории к практике исследований истории общественной мысли России первой четверти XIX века // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 157; Примечательной в названном контексте является работа Хорошкевича А.Л. Ремесло Пскова по немецко-русскому словарю начала XVII в. // Города феодальной России. Сборник статей памяти Н.В. Устюгова. М., 1966. С. 207–215.

[205] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидатися-Рященко) / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М., 1997. С. 142–143.

[206] Виноградов В.В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 13–14; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6 (Зипунъ–Иянуарий). М., 1979. С. 64–66; Там же. Вып. 9. М., 1982. С. 36–39.

[207] Экономические записки В.Н. Татищева // Исторический архив. Т. VII. М-Л., 1951 г. С. 401, 408, 410–414, 417, 419.

рукоделиах и ремеслах» характерен образ Левиафана, к которому обращается Татищев, чтобы описать с его помощью экономическое тело с антропологическими признаками: «Всем искусным в гражданстве известно, что всякой области богатство, сила и честь произходит единственно от прилежности народа к рукоделиам и добраго состояния купечества […]; уподобя [Далее зачеркнуто: ремесла] рукоделиа желудку, которой трудится приятую писчу изнурить туком, во все жилы разделить, а купечество, яко сердце тот тук, мешая с текучею к нему от всех членов кровию, паки чрез аттерии во все тело разделяет, оные в бодрости и добром состоянии содержит, тако рукоделии сырые те припасы переделывают, а купцы, всюду развозя, требуюсчим продают и, на избытки оных меняя, всех доволствуют [Далее зачеркнуто: Другое видимо]. И оное, явно нам показуя, уверяет, где рукоделиа и купечество в добром состоянии, тамо все жители земские, крестьяне и пр., богати и доволни»[208].

Смысловая созвучность русского ремесла с аналогичными словами, как в славянских языках, так и в языках Центральной и Западной Европы, вплоть до латыни, не случайна[209]. Древнерусское *рукоделие* перекликается с английским (handicraft, craft) и немецким (das Handwerk) языками[210]. Само «ремесло» восходит в современном произношении к XVII в.[211]. Слово *искусник* опосредованно указывает на семантическую связь ремесла с искусством и *художеством*, хотя В.В. Виноградов указывал на то, что этимологическое толкование слова «искусство» не соответствует его

[208] Там же. С. 410. В словаре В.И. Даля ремесло рассматривается как «рукодельное мастерство»: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 3. М., 2003. С. 404.

[209] Англосаксонское «remain» (чинить, восстанавливать), болгарское «ремество», древнепольское «rzemeslnik» (ремесленник), древнелитовское «remesas» (ремесленник), древнепрусское «romestue» (топор, рубить топором), украинское «ремесло» и «ремество», чешское «remeslo» (Гаврилов Д.Е. Теоретические основы... С. 311).

[210] Присутствует прямое структурное сходство этих слов с древнегреческим χειρουργημα (рукоделие, от χέρι рука и операция), дословно ручная операция. В древнегреческом и латинском языках также имеются синонимы ремесла, давшие основу для образования современных понятий техники и искусства. Это слова, образованные с помощью «техне» (греч., τέχνη – ремесло, совр. техника, art, craft, workmanship, trade, artfulness, нем. Artefakt, англ. artifact) и «арт»: τεχνουργειμα (техника и операция), χειροτεχνια и χειρουργια, artificium (артефакт), opificium manum (мастерство рук) и opus manufactum (работа человеческих рук). «Слово „рукомесло“ (церковно-славянский) является, вероятно, производным от слов „ремесло“ и „рукоделие“» (Поликарпов-Орлов Ф.П. Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704).

[211] Гаврилов Д.Е. Теоретические основы развития ремесленной деятельности… С. 311.

семантической истории в древнерусском языке и появляется в русском литературном языке не раньше второй половины XVII в., поэтому скорее это западноевропеизм на древнеславянской основе[212]. Нововременная смысловая нагрузка *искусства* предполагает не только художество или ремесло отдельно взятого *искусного* мастера или *художника* – слово, являющееся сегодня антонимом ремесленнику, но и искусство в современном его понимании: музыкальное, изобразительное, театральное etc.[213]. Поэтому лишь в начале XIX в. происходит отделение ремесла от «высокого искусства».

На протяжении всего XVIII в. и, отчасти, до середины XIX в., сочетание «художества и ремесла» указывает на семантическую близость ремесла как к художеству, так и к искусству. Семантика слова художник имеет непосредственную связь с ремесленником (также рукохудожним), ремеслом (рукоделием) и искусством (художеством)[214]. Слова худогий, художный, т. е. «сведущий, опытный», соответствуют художнику, художеству (укр. худога «искусник, художник», др.-рус. худогъ «сведущий», художьство, старо-славянский хѫдожьникъ). По мнению М. Фасмера первоначальное слово *xǫdogъ заимствовано из готского *handags «ловкий», образованного от handus «рука» (отсюда нем. der Handwerker – ремесленник, die Hand – рука и das Werk – произведение). Слово художник может также обозначать сельского, нецехового ремесленника – кустаря: кустарный (промысел) заимствовано из средне-нижне-немецкого kunster «знаток искусства, ремесла» или ново-верхне-немецкого kunster, künster (с XV в.), которые считают исходным ново-верхне-немецкого Künstler – «художник, мастер своего дела» [нем. die Kunst – искусство][215].

---

[212] Виноградов В.В. Семнадцатитомный академический словарь… С. 13.

[213] Он же. С. 12–13; Киселев М.А. Возникновение российского промышленного законодательства в 1-й четверти XVIII в. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010. С. 114, 140–144.

[214] Поликарпов-Орлов Ф.П. Лексикон треязычный…; Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка [В 3 т.]. Репринт. изд. М., 1989. Т. 3. Ч. 1. С. 114; ч. 2. С. 468–469; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополн. Академика РАН О. Н. Трубачева. Т. 3, ч. 2. М., 2004. С. 468–469; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1999. т. 1. С. 513, т. 2. С. 110–111.

[215] Срезневский И.И. Словарь… Т. 1, ч. 2. С. 358; т. 3, ч. 2. С. 1415; Фасмер М. Этимологический словарь… Т. 4. С. 282; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь... Т. 2. С. 359.

В более широком смысле слово «искусство» в XVIII в. является синонимом художества и науки[216]. Действительно, словосочетание «искусный художник» могло подразумевать под собой любого ремесленника. В словаре Ф.П. Поликарпова-Орлова само слово «ремесленник» отсутствует, но есть его синонимы «рукодельник», «рукохудожий», «рукоделатель», а синоним художника и художества – «хитрец» или «хитрость», что скорее применимо к ремесленнику[217]. В последней трети XVIII в., наряду с сохранением традиционного значения слова *художник* как ремесленник, наблюдается смещение смысловой нагрузки от ремесленной в сторону «высоких искусств». В словаре Ф. Гёльтергофа 1771 г. слова «ремесленник» (der Handwerker) и «художник» (der Künstler), т. е. художник в современном понимании артиста или художника, разведены как различные слова[218].

Понятие мастер (мастак, ремесленник) является синонимом художнику, а искусство – мастерству. В древнерусском к художнику применялось также слово «хытрец»[219]. Близость ремесла и искусства в русском языке XVIII в. не случайна. Ведь к этому времени произошла адаптация и наложение западноевропейских смыслов на понятие ремесла в русском языке.

У русского *понятия* ремесла имеются и далекие генетические связи с латинским. Устаревшее английское название ремесленника *articifer* произошло от латинского *ars* или *artis* (искусство, природная склонность, умение, талант; лат. artifex – ремесленник), одинаково применимых как к ремеслу, так и к искусству (отсюда *артист* в русском языке), причем дальнейшие значения ремесла/искусства вбирают в себя и фабрику (*fabrica* – мастерская), и разум (*ratio*), и знание (*scientia*, ставшее впоследствии

---

[216] Weismann E. Lexikon bipartitum latino-germanicum et germanico-latinum in quo latinitas prisca et pura ... ex probatissimis autoribus methodo perspicua explicatur. Stuttgart, 1673, Bd. 1, S. 353; Вейсман Э. Вейсманнов немецкий лексикон с латинским. Преложенный на российский язык / [Перевели на русский язык И.И. Ильинский, И.П. Сатаров и И.С. Горлицкий], изд. 2-е. СПб., 1782. С. 420.

[217] Поликарпов-Орлов Ф.П. Лексикон треязычный…

[218] Гёльтергоф Ф. Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон. [Москва], 1771. С. 569.

[219] Хитрец, художник, τεχνιτις, artifex; Хитрость, художество, τεχνη, μεφοδος, ars, artificium; Худог, мудр, επιςεμων, sapiens, doctus; Художник, зри хитрец. См. Поликарпов-Орлов, художник; Срезневский. Т. 1. Ч. 2. С. 358; Он же. Т. 2, ч. 1. С. 115; Он же. Т. 3, ч. 2. С. 1415; Фасмер М. Т. 2. С. 578–579; Черных. Т. 1. С. 513; Слово *мастер* заимствовано из немецкого „Meister, Handwerksmeister" через польский „majster" (Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. Heildelberg, 1955. S. 102).

производным для науки *science* в английском)[220]. Пример из английского языка (так же, как и из древнегреческого и немецкого более раннего периода) приведен, чтобы показать, как по мере увеличения экономических и культурных связей с Западной Европой, начиная уже с конца XV в., могло усиливаться межязыковое взаимодействие и влияние при пересечении или накладывании смысла слов и понятий. В более широком хронологическом диапазоне интенсивные культурные связи имелись преимущественно: в IX – XV вв. – с викингами, греками, итальянцами, в XVI – XVIII вв. – с англичанами, поляками, голландцами, немцами, французами. При этом, заимствования могли происходить не только через прямое введение нового иностранного слова, но и за счет изменения значения уже существующего в русском языке. В 1569 г. в Россию из Англии ждали прибытия специалистов (articifers – an artistic worker), «которые также должны были обучать русских людей производству железа»[221]. Факт смысловой близости английского искусного мастера, артиста своего дела, и русского ремесленного художника, говорит о принципиальной возможности нахождения общего языка и технических заимствований в области ремесел.

В современном английском языке ремесленник – это и craftsman, и artisan. А.В. Моисеев справедливо отмечает, что утраченные «ремесленничеством» в XX веке присущие ему ценностные характеристики вновь возвращаются. В «Современном экономическом словаре» ремесло определяется как «владение искусством» по созданию материальных вещей, предполагающее наличие «значительного мастерства»[222].

Проблема социально-экономической **многоукладности** или **полиморфности** ремесла рассматривается как один из видов жизненного многообразия и как специфическая форма экономического взаимодействия,

---

[220] Громыко И.Н. Русско-латинский словарь. Минск: Новое знание, 2000. С.110, 141, 275; Поликарпов-Орлов Ф.П. Лексикон треязычный...

[221] Киселев М.А. Возникновение российского промышленного законодательства... С. 62.

[222] Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 5-е изд. М., 2007. С. 295, Цит. по: Моисеев А.В. Развитие ремесленного образования на Урале в XVII – начале XX вв. (Историко-педагогический аспект), автореф. дисс. канд. пед. наук. Екатеринбург, 2015. С. 21.

отличная от гомогенизированной и унифицированной экономики любого вида[223]. В ходе реконцептуализации понятия «многоукладность» оно наполняется новым значением. Его «старые» смыслы «отсталости» и «несвоевременности» заменяются новыми: экономико-культурного многообразия, социальной справедливости, нового качества жизни, «зеленой экономики»[224]. Все они являются составными частями концепции **устойчивого развития**[225]. Новый взгляд на историю ремесла помогает лучше понять возможности и потенциалы принципов ремесленного труда сегодня и раздвинуть горизонты его применения в будущем.

Признаком экономико-культурного многообразия является экономически неоднородная среда. Согласно Е.К. Карпуниной, понятие многоукладности описывает «функционирование сложной хозяйственной системы, действующей в экономически неоднородной среде»[226]. Исследовательница отмечает, что «одним из главных признаков экономического строя России является его *многоукладность,* которая обусловлена широким многообразием условий хозяйствования»[227]. Под «укладом» Карпунина понимает систему экономических отношений, т. е. «комплексные характеристики определенных социально-экономических взаимосвязей, характеризующих, а иногда и объединяющих, определенные

---

[223] Калугина З.И., Фадеева О.П. Новая парадигма сельского развития // Мир России. Социология. Этнология. - 2009. - Т. XVIII, № 2. С. 34–49; Коновалова М.Е. Технологическая многоукладность и ее роль в структурной сбалансированности экономики России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. №5(24) 2008. С. 9–11; Курцев И.В. Основные положения системы ведения хозяйств при малых формах предпринимательства // Достижения науки и техники АПК. №10. 2007. С. 15-20; Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х – 90-е годы XX столетия) / Е.С. Строев, С.А. Никольский, В.И. Кирюшин и др.; Под ред. Е.С. Строева. М., 2001; Сычев Н.В. Диалектика многоукладной экономики. М., 1999. 318 с.; Он же. Многоукладная экономика: (Полит.-экон. исслед.). М., 1999. 290 с.; Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию / под ред. З. И. Калугиной. Новосибирск, 2015. 262 с.

[224] См.: Green Economy Policies, Practices and Initiatives. Green economy in the context of sustainable development and poverty eradication. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/partnerships/greeneconomy; см. также URL: https://www.un.org/development/desa/ru/; https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?menu=1225 (Дата обращения: 15.11.2017); См.: Grober U. Die Entdeckung der Nachhaltigkeit. München, 2010. 300 S.
Nachhaltiges Wirtschaften – Stand der Transformation zu einer Green Economy / Walz R., Gotsch M., Gandenberger C., Peters A., Bodenhiemer M., Günther E. Karlsruhe: Fraunhofer ISI, 2017. 28 S.

[225] См.: Вайсман Я.И., Рудакова Л.В. Стратегия устойчивого развития: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2008. 486 с.; Jörissen J., Kopfmüller J., Brandl V., Paetau M. Ein integratives Konzept nachhaltiger Entwicklung. Forschungszentrum Karlsruhe GmbH. Karlsruhe, 1999. 200 S.

[226] Карпунина Е.К. Развитие многоукладности как ориентир современной экономической политики России // Социально-экономические явления и процессы, 3-4 (25-26). 2011. С. 142.

[227] Там же.

социальные группы населения по какому-либо одному или нескольким экономическим признакам»[228]. Важным является вывод, сделанный Н.В. Сычевым еще в 1999 г.: «Многоукладность как важнейший атрибут историко-экономического процесса обусловливает необходимость синхронного развития всех типов укладов и соответствующих им форм, благодаря чему достигается макроэкономическая стабильность». И далее: «Становление социально-ориентированной многоукладной экономики современного типа невозможно без опоры на достижения НТР и развития микрохозяйственных связей»[229]. Именно эти связи подразумеваются в концепции *small manufacturing networks*, развиваемой в данном исследовании. Также необходимо сказать о микровкраплениях ремесленных практик на крупном производстве в виде отдельных цехов, где может производится декоративно-художественная продукция в штучном или мелкосерийном виде. Это объясняется тем, что как на крупном (крупносерийном), так и в ремесленном (мелкосерийном) производстве, возможны именно им присущие определенные трудовые и технологические практики, трудно переносимые в другие условия.

Занимаясь историей ремесленных практик в России, невозможно оставить без внимания два главных момента в развитии русской исторической науки: историзм и теорию модернизации. Зародившись в середине XIX века, они органично дополнили друг друга, обосновывая взгляд на ремесло как на отживший институт, который неизбежно должен был быть заменен крупным промышленным производством. Переосмысливая термин **модернизации,** придется разобраться, почему, выражаясь образно, одна большая швейная или обувная фабрика явились в представлениях реформаторов целесообразнее, чем тысяча портных или сапожников, и почему стало гораздо сложнее сшить костюм или туфли по персональной мерке. Ответ на причины такого видения, когда ремесленная («мелкотоварная») форма хозяйствования рассматривается

[228] Там же.
[229] Сычев Н.В. Диалектика многоукладной экономики... С. 287; НТР – научно-техническое развитие.

по отношению к крупному производству как более отсталая, кроется в представлениях ученых, описывающих историко-экономические феномены в духе историзма. Это предполагает, «что хозяйствующий человек ведет себя в каждую эпоху по-разному. Считается, что наиболее отчетливо историческая изменчивость хозяйствующего человека проявляется в том, что раньше он действовал согласно „принципу удовлетворения потребностей“, а вот в эпоху капитализма действует уже на основе „принципа максимизации дохода“. Противопоставление этих двух принципов и смена одного из них другим и составляет основной предмет доминирующего учения о хозяйственном духе»[230]. И далее ученый говорит принципиально важную вещь для данного исследования: «Однако капитализм приходящ – посткапиталистические [..] хозяйственные системы снова приведут к победе принципа удовлетворения потребностей», что является сегодня для всех современных обществ в контексте устойчивого развития первоочередной задачей[231].

150 лет спустя видны плоды этого развития и они неутешительны. Крупная капиталистическая индустрия превратилась в огромную машину по производству массовой продукции, бóльшая часть которой через сравнительно короткое время оказывается на свалке. Крупная промышленность, пользующаяся идеологией «научно-технического прогресса» и новой индустриальной революции, оказалась пожирателем жизненного пространства человека, уничтожающим живую природу вокруг него, отравляющим питьевую воду и воздух, заполняющим потребительскую корзину суррогатами. В данном контексте хочется спросить вместе с А.К. Гендерсон, использовало ли человечество, данный ему шанс быть модерным: «I give you your chance to be modern»[232]. Проблема выбора, перед которой был поставлен человек на протяжении последних 150 лет, если

---

[230] Ойкен В. Основы… С. 260–261. Не удивительно, что Ойкен оппонировал Зомбарту, настаивавшему на различии в целеполагании и установках хозяйствующих субъектов различных эпох и экономических порядков. Согласно такому взгляду, Зомбарт скептически относился к шансам на будущее для «ремесленного» экономического порядка.

[231] Там же. С. 261; Не будем называть эту посткапиталистическую хозяйственную систему социалистической. Она будет попросту *другой*.

[232] См.: Latham S., Rogers G. Modernism. Evolution of an Idea. London, 2015. 272 p.

прислушаться к Бруно Латуру и Бенжамину Штайнеру, так и не была решена. Человечество так и не смогло стать модерным, а значит найти гармоничное решение по интеграции традиционных ремесленных и культурных практик в современное индустриальное общество гипер-потребления. Как результат последнего, все чаще возникают гипер-кризисы, ставящие под вопрос существование всего человечества[233].

Конечно, было бы недопустимым преувеличением обвинить индустриальную революцию и технический прогресс во всех бедах сегодняшнего дня. Без них многое, что сегодня считается само собой разумеющимся: высокий жизненный стандарт и комфорт, ставшие неотъемлемым атрибутом индустриальных и постиндустриальных обществ, было бы невозможно. Благодаря им решены важнейшие вопросы жизнеобеспечения человечества, добычи полезных ископаемых, производства электроэнергии и многого другого. Мы обращаем внимание на то, что без ремесла, ремесленного продукта и ремесленного труда любая культура, фундаментом которой является ремесло, стала бы невозможна. Поэтому ремесло, с одной стороны, и модернизация или индустриализация, с другой, являются понятиями, дополняющими друг друга. В этом смысле, история конкретного ремесленника может дать «лучшее понимание тех обстоятельств и мотивов, которые определяют поступки действующих лиц: их многослойность и противоречивость рассматриваются как „культура“, направляющая человеческую деятельность»[234].

Концепция полиморфности рассматривается нами как в социально-экономической, так и в культурной плоскости, которой придается не менее важная роль, «а значение экономики, напротив, сильнее релятивируется, благодаря чему и „предпосылки“ действий, и механизм действий предстают в более дифференцированном виде. Исторические соотношения сил выглядят в

[233] Steiner B. Nebenfolgen der Geschichte. Eine historische Soziologie reflexiver Modernisierung // Historische Zeitschrift. Beihefte N. F. 65. Berlin, München, Boston, 2014. S. 29.
[234] Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей. Человек в истории. История в сослагательном наклонении? М., 2000. С. 96.

такой перспективе более сложными и одновременно более хрупкими, нежели при системном подходе»[235].

В 1985 г. немецкий историк Томас Штеффенс отмечал в своей диссертации о рабочих Петербурга начала XX в., что ремесленники, в том числе и цеховые, совершенно забыты историками: они находились, по его мнению, «im toten Winkel»[236]. И это можно было сказать не только о петербургском ремесле. Представление о цеховом ремесле как об «экстравагантном, тираническом и обскурантистском», названном так испанским экономом Форундой в 1780-х годах, разделялось не только учеными мужами эпохи Просвещения, но и историками недалекого прошлого. Такой негативный взгляд был результатом понимания модернизации как замены традиционных «отживших» «старых» институтов «современными» новыми согласно модели поступательного развития от «традиционных» мелких форм хозяйствования к более «прогрессивным» индустриальным и поточным[237]. В экономической науке для доказательства такого постулата хорошо подходит метод количественного анализа, основанный на моделях. Для описания (микро)истории ремесла такого инструментария недостаточно, так как верификация производится не только с помощью индикаторов роста, но и качества. Поэтому критериями оценки того или иного феномена ремесла являются как институт и структура, так и событийность и интерактивность, что позволяет решить проблему высокого уровня сложности в больших моделях. Игровые модели в анализе экономического поведения помогают, отчасти, понять сложность порой непредсказуемого поведения[238].

Рассматривая историю цехов в контексте взаимодействия традиций и инноваций, в особенности того факта, что культурно-антропологический метод стал активно применяться историками цехового ремесла в 1990-е годы,

---

[235] Там же. С. 99-100.
[236] «В мертвой зоне»; Steffens T. Die Arbeiter von Petersburg 1907 bis 1917. Soziale Lage, Organisation und spontaner Protest zwischen zwei Revolutionen, Freiburg, 1985. S. 45.
[237] Haupt H.-G. (Hrsg.). Das Ende der Zünfte: ein europäischer Vergleich. Göttingen, 2002. S. 24.
[238] Thompson E.P. The Making of the English working class. New-York, 1966. P. 234–268.

можно говорить о смене парадигмы, приведшей к пересмотру роли цехов в развитии ремесла и в протоиндустриализации. Назовем только две публикации последних лет – сборник статей, вышедший под редакцией Гейнца-Герхарда Гаупта в 2002 г. с характерным названием «Конец цехов: сравнительный анализ института цехов в Европе» и книгу Р. Сеннета «Ремесло», увидевшую свет в 2007 г. Сборник статей Гаупта подводит черту под развитием традиционной историографии, занимавшейся историей «институтов» и интересовавшейся в основном правовой стороной вопроса[239].

Работы Г.-Г. Гаупта, С. Каплана К. Лиз, Я. Лукассена, Ф. Минара, Б. де Мунка, М. Прака, Г. Рихардсона, Р. Сеннета, Г. Соли, Д.Р. Фарра, С. Черутти, С.Р. Эпштейна и др. позволяют посмотреть на цехи как институты сохранения корпоративных, социальных и профессиональных традиций, способствовавших социальной стабильности, становлению и развитию городов, принятию и развитию технологических инноваций[240]. Их развитие в XIX – XX вв. в ремесленные палаты и союзы в Германии показало потенциал развития данного института, возникшего в Средневековье и переживавшего в премодерных обществах процессы адаптации и трансформации. Основной упор в исследованиях делается не на институте как таковом, а на практиках акторов и феномене «мастерства» как основе любого профессионализма. Цехи у этих авторов рассматриваются как институт, создавший предпосылки и условия для развития городов, капитализма и технологической революции позднего Средневековья и раннего Нового времени, а также эпохи индустриализации в XVIII – XIX вв. Отказ от проекций западноевропейского общества и цехов на российский кейс делает возможным анализ российского

[239] Caplan S.L. Le meilleur du monde. Les boulangers de Paris au XVIIIe siècle, Paris 1996. 766 p.; S. Cerutti, Mestieri e privilegi…; Reininghaus W. (Hrsg.). Zunftlandschaften in Deutschland und den Niederlanden im Vergleich. Münster-Aschendorff, 2000.

[240] Cerutti S. Mestieri e privilege...; De Munck B., Kaplan S.L., Soly H. (Eds.). Learning on the Shop Floor. Historical Perspectives on Apprenticeship. New York & Oxford, Berghahn Books, 2007. 232 p.; Epstein S.R. Technology, Skills and the Pre-modern Economy in the East and the West: Essays Dedicated to the Memory of S.R. Epstein Brill, 2013. 353 p.; Farr J.R. Artisans in Europe, 1300-1914. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2000. 320 p.; Epstein S.R., Prak M. (eds.). Guilds, Innovation and the European Economy...; Haupt H.-G. (Hrsg.). Das Ende der Zünfte…; Prak M., Lis C., Lucassen J., Soly H. (ed.). Craft guilds in the early modern Low Countries…; Richardson G. Guilds, laws, and markets for manufactured merchandise in late–medieval England. In Explorations in Economic History 41 (2004). P. 1–25.

общества без таких искусственных понятий в российском случае как «третье сословие» и «гражданское общество».

Теперь методика исторического исследования больше помогает понять сущность взаимодействия между институтами власти и социальными институтами, рассмотреть стратегии мастеров и их подопечных при достижении своих личных целей, чтобы понять, что цехи служили не столько преградой в развитии промышленности, сколько трансмиссионным механизмом, позволявшим смягчать противоречия промышленного развития, решавшего социальные вопросы и сдерживавшего какое-то время напор крупного капиталистического производства XIX века, сметавшего на своем пути последние социальные нормы труда и общежития. В такой перспективе роль институций и «роль личности» уравновешиваются[241].

В 1981 г. Франклин Мендельс ввел в научный оборот термин «протоиндустриализации», отчасти объясняющий условия возникновения индустриализации задолго до ее появления[242]. Мендельс переместил центр внимания с целых стран на отдельные сельскохозяйственные регионы с развитым ремесленно-промышленным производством, что помогло переосмыслить их роль как более мелких единиц индустриализации. Однако, в 1980-х годах Р.Л. Рудольф продемонстрировал в серии статей, что развивающаяся в России протоиндустрия в виде кустарных промыслов не привела к ослаблению крепостной системы[243]. Сам Мендельс не абсолютизировал свою концепцию и говорил о том, что «протоиндустриализация» относится к региональному росту рыночно ориентированного сельского хозяйства и промыслов в XVII – XVIII веках на протяжении десятилетий, предшествовавших Промышленной революции, а в России до второй половины XIX в. По его мнению, «протоиндустриализация

[241] Haupt H.-G. Neue Wege zur Geschichte der Zünfte in Europa // Idem. (hrsg.). Das Ende der Zünfte... S. 9–38.
[242] Kriedte P., Medick H., Schlumbohm J. Industrialization before Industrialization. Cambridge, 1981.
[243] Review: Grant J.A. // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History 3.3 (2002) 533-536 URL: https://muse.jhu.edu/article/18754/summary (Дата обращения: 21.10.2017); See: Gestwa K. Proto-Industrialisierung in Russland: Wirtschaft, Herrschaft und Kultur in Ivanovo und Pavlovo 1741-1932. Göttingen, 1999.

никогда не представлялась „достаточной“ причиной Промышленной революции. При первом поверхностном знакомстве с экономической историей последней сразу же станет понятно, что было много регионов Европы, где ручное ткачество и другие крестьянские промыслы исчезли, так и не став основой для фабричной промышленности»[244]. Можно принять за рабочую концепцию Клауса Гествы о том, что примерно с середины XVII в. – до конца 1860-х годов в России длился период протоиндустриализации, когда создаются условия для последующего промышленной революции в последней трети XIX в.[245].

Сеннет показывает в своей книге ценность ремесленного труда в контексте современной промышленной цивилизации и самоценность человека производящего (Homo faber). По его мнению, ремесленный труд может вернуть отчужденному в процессе крупного промышленного производства человеку радость и удовлетворение от труда и от произведений, возникших в результате его умений и навыков, его креативности[246]. В настоящее время Сеннет работает над книгой с характерным заголовком – Homo faber, в которой хочет дать фундаментальное обоснование данному концепту.

Ремесло может рассматриваться как уравновешивающая альтернатива излишнему технократизму, индустриализации и стандартизации, безусловно имеющим свои сильные стороны. Ввиду когнитивной и терминологической специфики теории модернизации, ремесло в ее рамках не может быть рассмотрено как полноценная экономическая деятельность в прошлом (цеховое и городское ремесло), настоящем (инновативное малое производство) и будущем (гибкие сети высокотехнологичных малых производств / small manufacturing network). Противоположным направлением

---

[244] «Proto-Industrialization». Franklin Mendels, reply by Lawrence Stone // The New York Review of Books. October 25, 1984 ISSUE. URL: http://www.nybooks.com/articles/1984/10/25/proto-industrialization/ (Дата обращения: 20.10.2017).

[245] Gestwa K. Proto-Industrialisierung... S. 579; И.В. Побережников рассматривает протоиндустриализацию как особую, переходную, стадию модернизации (Побережников И.В. Протоиндустриализация как субпроцесс…). Мы считаем, что протоиндустиризализация, это не только переходный процесс, но и развилка, с которой пути ремесла и крупной промышленности расходятся ввиду их дифференциации и превращения мануфактурного типа промышленности, где ремесло и крупные машины сосуществуют, в современные фабрику и завод.

[246] Sennett R. Handwerk... S. 390.

в исторической науке является история ремесла, не как традиционного института экономической и промышленной деятельности рудиментарного характера, а как элемента современного производства, где ремесленный мастер или специалист играет роль самодостаточного производителя материальных и идеальных ценностей[247]. Данный прием не является «осовремениванием» ремесла, но служит получению иной перспективы («оптики») и контекста для переосмысления движения ремесла от «примитивной ручной работы» к высокотехнологичному узкоспециализированному производству. Ремесленник эволюционировал в ходе промышленной революции так же, как мануфактуры, заводы и фабрики, только с иным результатом.

Принципиально важными в данном контексте являются размышления Сеннета о ремесле как универсальном виде человеческой деятельности, являющейся базисной составляющей любой человеческой культуры, ее существенным признаком с тех пор, как философы открыли такие понятия как «удовольствие», «игра» и «культура»[248]. Сеннет расширяет понятие ремесленничества или мастерства и говорит о ремеслах по деревообработке так же, как и о военной муштре или солнечных батареях в контексте профессионализма: «“Ремесленничество“ гораздо более широкое понятие, обозначающее не только квалифицированный ручной труд. Оно распространяется и на компьютерного программиста, и на врача, и на музыканта»[249]. Ученый предлагает решение этого противоречия, обращаясь к стремлению человека, и в особенности ремесленника, делать качественную работу[250].

---

[247] Егоров В.Г., Чистова С.М. Городское ремесленное производство... С. 222.
[248] Sennett R. The Craftsman... P. 6, 8–9.
[249] Ibid. P. 9.
[250] Ibid. P. 20; У Д.Э. Харитонович находим описание этического фактора в работе западноевропейского ремесленника, укрепившегося в России с введением цехов в 1721/1722 г.: «Мастер роднился не только с собратьями по цеху, но и с производимыми изделиями. Они не были безликим товаром, но как бы частью его самого. В изделиях отпечатывается личность мастера во всей его целостности, со всеми его жизненными качествами. Так что плохой человек как бы не мог сделать хорошую вещь. Высокие моральные требования к мастеру становятся необходимыми и для его производственной деятельности. И наоборот, ремесленный трактат, содержащий указания о том, как сделать прекрасные вещи, становится как бы трактатом педагогическим, повествующим о том, как стать прекрасным

Действительно, можно сказать, что ремесло – делать что-то руками, является антропологическим признаком homo sapiens и homo sapiens sapiens, где тонкая связь между руками и головой рождает «интеллигентные руки», а навыки ремесленного мастера являются незаменимыми в любой творческой профессии.

По поводу ценности ремесленного труда, в свете современной промышленной цивилизации, Сеннет говорит, что «„ремесленничество“ олицетворяет образ жизни, который с виду ослабевает с появлением индустриального общества, но это всего лишь заблуждение. Ремесленничество являет собой прочный человеческий импульс, основанный на желании делать работу хорошо, ради нее самой. […]; качество воспитания улучшается, когда оно практикуется как квалифицированное ремесло (АК: мастерство), равно как и гражданское общество. Во всех этих областях мастерство фокусируется на объективных стандартах, на самой сути. Тем не менее, социальные и экономические условия часто препятствуют проявлению дисциплины и самоотдачи ремесленника: школы не всегда могут быть инструментами для хорошей работы, а требования на рабочих местах не всегда могут стать по-настоящему адекватными стремлению к качественной работе. И, хотя ремесленничество может вознаградить человека чувством гордости за выполненную работу, эта награда не так легко достижима»[251].

Мануальная активность рассматривается Сеннетом не в отрыве, а в сочетании с интеллектуальной деятельностью и эмоциональной сферой, благодаря чему повышается ее значимость. Вполне логично, что Сеннет

человеком» (Харитонович Д.Э. Ремесло: Цехи и миф // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4-х томах / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. С. 118–124).

[251] Sennett R. The Craftsman... P. 9: «„Craftsmanship“ may suggest a way of life that waned with the advent of industrial society—but this is misleading. Craftsmanship names an enduring, basic human impulse, the desire to do a job well for its own sake. Craftsmanship cuts a far wider swath than skilled manual labor; it serves the computer programmer, the doctor, and the artist; parenting improves when it is practiced as a skilled craft, as does citizenship. In all these domains, craftsmanship focuses on objective standards, on the thing in itself. Social and economic conditions, however, often stand in the way of the craftsman's discipline and commitment: schools may fail to provide the tools to do good work, and workplaces may not truly value the aspiration for quality. And though craftsmanship can reward an individual with a sense of pride in work, this reward is not simple».

обозначает человека, обладающего такими способностями, универсальным понятием «Homo faber»[252], объединяющим в себе как человека креативного (homo creativicus), так и человека экономического (homo economicus)[253]. Ремесленник фокусирует свое внимание на объективных стандартах, на самой вещи, в отличие от рабочего, занятого определенной операцией (операциями). Поэтому неправомерно говорить о «конце истории» ремесла с началом индустриальной революции: «Ремесленничество просто остается недопонятым, […] если оно приравнивается лишь к ручному мастерству некоего плотника. Немцы используют слово *Handwerk,* французы слово *artisanal*, чтобы обозначить работу ремесленника. Английский язык может быть более инклюзивным, как в случае с термином *государственное ремесло*. Антон Чехов применил русское слово *мастерство* в равной степени как к своему ремеслу врача, так и писателя. Я хочу, во-первых, рассмотреть такие конкретные практики, включающие как лаборатории, в которых можно исследовать чувства и идеи. Во-вторых, изучить то, что происходит, когда руки и голова, техника и наука, искусство и ремесло разделены. Я покажу, как в этом случае страдает голова; как в прямом, так и в переносном смысле»[254].

Многие историки XIX и XX вв. решили, что ремесло вместе с цехами, как антипрогрессивный институт, приговорено исчезнуть с исторической сцены и перестали обращать на них пристальное внимание, обходясь общими замечаниями об их несвоевременности[255]. Но именно цехи были институтом, где существовали основы демократических практик, которые, выходя за пределы цехов, способствовали активному участию ремесленников в жизни

---

[252] Ibid. Сеннет делает также различие между понятиями homo faber и animal laborans, ставя первого на более высокую ступень: „Whereas Animal laborans is fixated in the question 'How?' Homo faber asks 'Why?'".

[253] Мокир Дж. Рычаг богатства: Технологическая креативность и экономический прогресс / пер. с англ. Н. Эдельмана ; науч. ред. Т. Дробышевская, А. Смирнов. М., 2014. С. 277.

[254] Sennett R. The Craftsman... P. 20: «Craftsmanship is poorly understood, […] when it is equated only with manual skill of the carpenter's sort. German employs the word *Handwerk,* French the word *artisanal* to evoke the craftsman's labors. English can be more inclusive, as in the term *statecraft;* Anton Chekhov applied the Russian word *mastersvo* equally to his craft as a doctor and as a writer. I want first to treat all such concrete practices as like laboratories in which sentiments and ideas can be investigated. A second aim of this study is to explore what happens when hand and head, technique and science, art and craft are separated. I will show how the head then suffers; both understanding and expression are impaired».

[255] Haupt H.-G. Neue Wege… S. 9.

городов и их самоуправлении[256]. Как нам видится, причины сложностей возродить традиции общественного самоуправления XIX – начала XX вв. лежат именно в уничтожении городского, в том числе и корпоративного, самоуправления в российских городах и особенно в Петербурге.

Обращаясь к политической антропологии, можно сказать вместе с Жоржем Баландье, что традиционные структуры и институты целесообразно рассматривать не как препятствия на пути в Новое время, которые должны были уйти вместе с Ancien Régimes. Понять их роль во влиянии на формы социальной жизни сегодня – значит уравновесить соотношение традиции и инновации[257]. Традиция, говорит Баландье, может быть использована в целях реставрации, или она может получить новую функцию в изменившемся контексте, вести к акциям сопротивления или к оправданию современности[258]. Важно понять, почему многие русские мастера держались за цеховую форму организации ремесла во второй половине XIX в., когда многие «прогрессивные» деятели списали их как отживший институт. Потому что цехи превратились в социальный институт или корпорацию, где профессионалы своего дела нашли, выражаясь образно, свой социальный дом.

Можно выделить одну из ярких черт Петербурга, наложивших свой отпечаток, как на большинство его жителей, так и на ремесленников – это исключительное культурное многообразие, бывшее, в какой-то степени, отражением Большой Европы и являющееся одной из главных ее ценностей. Как правило, из числа иностранных ремесленников на протяжении почти всего XIX века, особенно в первой его половине, рекрутировалось значительное количество представителей ремесленной элиты, что говорит об их долгом доминировании над российскими коллегами[259].

В смешении и противостоянии идентичностей жителей Петербурга рождалась идентичность петербуржца, которую можно реконструировать с

---

[256] Idem. S. 10.
[257] Balandier G. Anthropologie politique. Paris 1984. Zitat: Haupt H.-G. Neue Wege… S. 10.
[258] Idem.
[259] Интервью с Кристиной Конде де Берольдинген // DE Magazin Deutschland, Ru 2/2013.

помощью междисциплинарного подхода и понятия *остранения* В.Б. Шкловского, помогающее добиться эффекта нового видения ремесла и ремесленника[260]. Данный прием автор применил в отношении «маленького человека» Акакия Акакиевича Башмачкина – героя повести Н.В Гоголя «Шинель», в одной из своих статей[261]. Это понятие актуализируется и конкретизируется в историческом контексте с помощью термина *«феномен Башмачкина»* (или *«эффект титулярного советника»*), введенного уральскими историками Еленой Алексеевой, Дмитрием Рединым и их французской коллегой Мари-Пьер Рей[262]. Попробуем расширить его методологические границы с помощью теории Шкловского: «В 1916 году, – писал он, – появилась теория „остранения“. В ней я стремился обобщить способ обновления восприятия и показа явлений»[263]. Ученый так определил «приём остранения»: «не приближение значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание „ви́дения“ его, а не „узнавания“»[264]. На примере Л.Н. Толстого, Шкловский объясняет, что «прием остранения […] не называет вещь ее именем, а описывает ее, как в первый раз виденную, а случай – как в первый раз происшедший, при чем он употребляет в описании вещи не те названия ее частей, которые приняты, а называет их так, как называются соответственные части в других вещах».[265] А вот другая формулировка: «Обновление значения [происходит] через перестановку признаков. Разгадывая, мы располагаем признаками и радуемся тому, что раньше мы не знали смысла отдельности. Собранная вещь является вещью узнанной. Загадка является предлогом к наслаждению узнавания. Но в

[260] См. Калинин И. Вернуть: вещи, платье, мебель, жену и страх войны. Виктор Шкловский между революционным бытом и теорией остранения // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 62 (2005), S. 351-386; Он же. Виктор Шкловский. Фигуры и жанры теоретического воображения // Новое литературное обозрение. № 128 (4/2014). С. 1–28.
[261] Келлер А.В. Петербургский портной – законодатель мод первой половины XIX века // Россия XXI. № 1. 2015. С. 92–111.
[262] См. Алексеева Е.В., Редин Д.А., Рей М.-П. «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 15.
[263] Шкловский В.Б. Избранное. В 2-х т. Т. 2. Тетива. М., 1983. С. 6.
[264] Он же. О теории прозы. М., 1929. С. 18.
[265] Там же. С. 14.

загадке обычно есть две разгадки. Первая — прямая, но неверная. Вторая — истинная»[266].

Чтобы получить феномен Башмачкина в нашем случае, нет необходимости переноситься в провинциальный город N-ск, в котором титулярный советник из Петербурга становится представителем местной элиты[267]. Возможно сменить контекст в ходе мысленного эксперимента, не покидая петербургской обстановки с жестокосердными коллегами – рядовыми канцеляристами, получающими удовольствие от злой забавы: сыпать клочки рваной бумаги на голову несчастного безобидного Башмачкина. Достаточно представить последнего в роли непонятого художника, всецело поглощенного своим делом, и он превращается из забитого копииста в непревзойденного мастера искусства каллиграфии: «Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, — нет, он служил с любовью. Там, в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его»[268].

Он тот человек, письмом которого будут восхищаться поколения будущих историков, открывающих документы далекой эпохи и немеющих от красоты, созданной рукой бедного канцеляриста. Одержимый красотой письма, мастер не замечает вокруг себя низких забав жестокосердных коллег, одержимый лишь одним – придать изгибу заглавной буквы то совершенство линии, которая укажет на его замысел по созданию совершенного государственного шрифта, достойного столицы великой империи – Северной Пальмиры, который вобрал бы в себя и величие российской европейской

[266] Шкловский В.Б. Избранное… С. 54.
[267] Алексеева Е.В., Редин Д.А., Рей М.-П. «Европеизация», «вестернизация»… С. 15.
[268] Гоголь Н.В. Петербургские повести. Пьесы. М.: Дрофа, 2002. С. 127.

столицы, и изгиб ножки красавицы на сцене Александринского театра, и красоту ажурных оград в свете белых ночей, и легкость крыл ангела на шпиле Петропавловского собора.

Применение приема остранения позволяет обращаться и к литературным героям-ремесленникам и неремесленникам, пользующимся ремесленными практиками, образы которых описаны в рассказах и повестях Н.В. Гоголя, Н.С. Лескова, М.Е. Салтыкова-Щедрина и многих других авторов. Таким образом, открываются новые интерпретационные перспективы, образы героев начинают играть невиданными до сих пор гранями, позволяющими получить новые смыслы и новое видение прошедших эпох, далеких героев, становящихся более близкими и понятными. Происходит герменевтический поворот. Образ св. Акакия (др.-греч. Ἀκάκιος – *«не делающий зла, кроткий, неплохой»*) – мученика христианской церкви в Сирии, прекрасно накладывается на образ Башмачкина, тоже мученика, только канцелярской службы, терпящего унижение ради красоты, которой он служит. Гоголь дает ему это имя в квадрате, указывая на величие в ничтожестве: и последние станут первыми, сказано в Библии[269]. Искусство герменевтики встречается здесь с искусством каллиграфии, рождая волшебный свет, преображающий историческую реальность в историческую правду (принимая в расчет в том числе и фиктивность самого Башмачкина, как литературного героя). Герменевтический круг замкнулся, создав новый смысл.

То же самое происходит с забытым ремесленным мастером, в котором начинает проглядывать не примитивный ремесленник: сапожник, подбивающий прохудившиеся сапоги, портной, латающий старые панталоны – но великий мастер, шьющий блестящий фрак для поэта Пушкина или для петербургского денди и философа Чаадаева, получающим благодаря ему достойное облачение, чтобы оказаться не голыми королями, но титанами мысли и искусства. Ремесленник-художник сообщает драгоценному

[269] Гоголь Н.В. Сочинения. М., 2002.

содержанию достойную форму, чтобы его, именно таким русским европейцем, увидел Рим, Дрезден и Париж[270]. В этом смысле глубоко символична картина итальянского художника Алессандро Феи (1543–1592) «Мастерская ювелирного мастера XVI века» (Флоренция, палаццо Векьо Студиоло), изображающая мастера, держащего в руках корону, должную украсить голову очередного властителя судеб.

Компаративный подход является в данном случае наиболее подходящим методом для лучшего понимания механизмов взаимодействия ремесленной управы и цехов с цеховыми ремесленниками, с одной стороны, и с правительственными органами и городскими властями, с другой, в более широком контексте – позиционирование цехового ремесла Петербурга в европейском и мировом контексте[271]. Имеющийся опыт в европейской историографии может помочь в этом. Сегодня установлены не только разделяющие, но и общие признаки цехового ремесла в Европе, включая Россию, вплоть до Османской империи, в которой цехи распространились с XV в. после ее проникновения на Балканы[272]. Причем, для петербургского ремесла являются общими некоторые черты развития, с ремеслом в Германии

---

[270] Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. под общ. ред. Д. Д. Благого и др. Т. 2. М., 1959. С. 177.

[271] См., напр.: Prak M., Lis C., Lucassen J., Soly H. (ed.). Craft guilds in the early modern Low Countries…; Немецкий историк ремесла Гейнц-Герхард Гаупт пишет про цеховое ремесло в различных регионах Европы: «Конец „старого режима“ в городе совпадает с концом цехового порядка. Монополия производства и сбыта товаров была заменена на промышленную свободу, привилегированное положение городских мастеров – на права для всех его жителей, а регулируемые цеховым правом отношения мастера с подмастерьями – на право заключения свободного договора. Эти изменения в европейских обществах произошли в разные моменты XVIII XIX вв. На пути к гражданскому обществу цехи воспринимались как препятствия для капиталистического развития, как неподвижная, закрытая система. […] Если посмотреть с иной точки зрения, то придется признать факт продолжающегося в XIX в. влияния идеи цехов и цеховых институтов. Все это принуждает нас видеть в цехах институт со многими модификациями, отличительной особенностью которого является статика, а не динамика, институт, который способен приспосабливаться к изменяющимся условиям, а не застывшее реликтовое образование прошлого. […] Сегодня внимание акцентируется прежде всего на значении цехов для тех или иных возникающих или изменяющихся профессиональных групп. Исходной точкой для исследований является не институт и его место среди других [А.К.: государственных] институтов, но отдельные мастера и их интересы, для которых цех являлся инструментом в рамках определенной стратегии. Ревизионизм Стива Каплана, Симоны Черутти, Йозефа Эмера и Фililппа Минара заключается именно в том, что оно предложили рассматривать цехи, исходя из стратегий их членов, с помощью которых они достигают свои экономические и политические цели. Но гораздо больше методический вызов заключается для новых исследований цехов гораздо больше в том, чтобы найти доказательства того, как и почему при меняющихся правовых, экономических и политических аспектах отдельные мастера, подмастерья или купцы продолжали держаться за цеховую организацию, как выглядела внутренняя жизнь цехов и как они представляли интересы мастеров (Haupt H.-G. Neue Wege zur Geschichte der Zünfte in Europa… S. 9–13).

[272] Kluge A. Die Zünfte… S. 460–464; см. также: Lucassen J., Moor T.d., and Zanden J.L.v. The Return of the Guilds. Cambridge. Cambridge University Press, 2008.

во время индустриализации. В. Фишер отметил, что рост ремесла первоначально обеспечивают такие массовые ремесла, не имеющие узкой специализации, как ткачи, обувщики, портные, булочники, мясники и каменщики, в то время как с развитием индустриализации рост обеспечивают и специализированные ремесла[273].

Продуктивным является также сравнение роста числа ремесленников, и цеховых, в отдельности, в Петербурге с динамикой промышленной революции не только в России, но и в Германии 1840-х гг. Если посмотреть число занятых среди ремесленников Петербурга, то заметим, что их кривая роста примерно совпадает с началом промышленной революции в Германии[274]. Согласно экономическим представлениям XIX – XX вв., ремесло должно было остаться, выражаясь фигурально, «на обочине научно-технического прогресса» и уйти в прошлое. Ремесленнику, ассоциировавшемуся с примитивными орудиями труда, малой производительностью и ориентацией на традицию, не было места в промышленной революции, а значит, и в будущем. Но это была лишь проекция европейских правительств, руководствовавшихся идеей «промышленной свободы» и отменивших цехи посредством декрета[275].

На самом деле: цеховое ремесло, как и ремесленная промышленность в целом, не проигрывало во всех отраслях производства крупной промышленности, но где-то даже успешно выдерживало конкуренцию[276]. Более того, именно ввиду понимания важности профессионального образования в ремесленной мастерской, а не только фундаментальной консервативности русского правительства, цехи как сословно-

---

[273] Fischer W. Wirtschaft und Gesellschaft im Zeitalter der Industrialisierung. Aufsätze – Studien – Vorträge. Göttingen, 1972. S. 334.

[274] Hahn H.-W. Die Industrielle Revolution in Deutschland. München, 2005; Idem. Zwischen Fortschritt und Krisen: die vierziger Jahre des 19. Jahrhunderts als Durchbruchsphase der deutschen Industrialisierung. München, 1995. C. 28–30; Pierenkemper T. Gewerbe und Industrie… S. 60, 64–66.

[275] Epstein S.R. Craft Guilds, Apprenticeship, and Technological Change…

[276] Вольфрам Фишер привел в 1972 г. убедительный факт, свидетельствующий о витальности ремесла в Германии. Все основные ремесла не только сохранились, но в большинстве своем в абсолютных и относительных числах выросли (по отношению к населению, а иногда даже и к крупной промышленности). К примеру, плотность ремесленников по отношению к населению с начала XIX в. до начала 1970-х гг. удвоилась. В то время как в 1800 г. четыре ремесленника приходятся на 100 человек, в 1972 г. их уже восемь. См.: Fischer W. Wirtschaft und Gesellschaft… S. 396.

профессиональная организация просуществовали до 1917 года, а в Петрограде неформально уже как профессиональная организация до 1919 года[277].

Развитие ремесла не прекращалось с промышленной революцией, но претерпевало значительную модернизацию, с сохранением базисных основ ремесленного производства: мастер как производитель, руководитель и владелец в одном лице, малые формы производства с уникальной штучной продукцией и небольшими сериями, высокая специализация[278]. Переосмысливая традицию ремесленного труда в прошлом и настоящем, ученые всего мира подчеркивают его важность особенно сегодня. Монотонной работе в рабочем цеху на заводе противопоставляется творческий ремесленный труд, предлагающий оптимальную трудовую социализацию подрастающего поколения. Еще Г.В.Ф. Гегель писал о сущности такой работы как инструментальной обработке материала, дающей ей характер основательного, осмысленного и целеполагаемого труда. В данном смысле это может соответствовать ремесленному идеалу и полному удовлетворению сделанным, способном предотвратить опасность отчуждения человека[279].

Р. Сеннет предлагает уделить ремеслу более пристальное внимание как инструменту гармонизации человека и труда в разобщенном и социально холодном обществе: «Гордость за свой труд лежит в основе любой ремесленной деятельности, умений и знаний мастера, поскольку награду он получает за свое искусство и увлеченность»[280]. Такая работа наполняет мастера удовлетворением от сделанного и чувством собственного достоинства: сосредоточение, размышления, созерцание, интуиция, – вот

[277] Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов... С. 173.
[278] Краткий пример того, к каким последствиям вело улучшение орудий труда среди обувщиков Каталании в XV в.: “If a shoemaker comes along with new tools and makes 70 shoes in a day where others make 20 . . . that would be the ruin of 100 or 200 shoemakers” In: Cochrane J.H. Guilds // The Grumpy Economist. John Cochrane's blog. 17.11.2014. URL: http://johnhcochrane.blogspot.ru/2014/11/guilds.html?m=1 (Дата обращения: 25.05.2017).
[279] Krempl S.-T. Paradoxien der Arbeit... S. 88; See: Berger M. Arbeit, Selbstbewusstsein... S. 15, 31.
[280] Krempl S.-T. Paradoxien der Arbeit... S. 88.

элементы новой («старой», традиционной) трудовой и жизненной этики, которую обосновывает своим *мастерским* трудом Сеннет[281].

Тема института (цехового) ремесла Петербурга является частью проблематики существования городских экосистем в их социально-экономической плоскости. Методологические подходы новой *институциональной истории* или *неоинституционализма*, одним из видных представителей которой является Дуглас Норт, позволяют посмотреть на историю цехов в новой перспективе[282]. Переосмысление этой истории возможно на основании теоретических разработок Р. Коуза, Э. Остром, Д. Потсома и др., прежде всего, с точки зрения принципов существования креативных институтов и инновативных производств, приобретших сегодня новую актуальность в связи с концепциями развития «зеленой экономики»[283]. Предлагается модификация методов микро- и макроэкономического анализа. Если ранее вводились ограничения, т. е. сужение поля индивидуального выбора и изменение поведенческих предпосылок, описанные в работах Э.Г. Фуруботна и Р. Рихтера, что было обусловлено институциональной структурой общества, то теперь предлагается исследование не только функционирования взаимодействия и коммуникаций между институтами, но и личностного фактора, тактик и стратегий мастеров внутри институтов (цехи) и вне их в процессе коммуникации с государством и обществом[284]. Примером

---

[281] Ibid..

[282] Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. Кирилла Мартынова, Николая Эдельмана. М., 2010; Он же. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. Предисловие и научное редактирование Б.З. Мильнера. М.:. Начала, 1997; см. более расширенную интерпретацию в контексте устойчивого развития: Dekkers R. (R)Evolution: Organizations and the Dynamics of the Environment. Berlin, 2005. 522 p.

[283] См.: Остром Э. Постановка задачи исследования институтов // Экономическая политика. 2009. № 6. С. 89–110; Brears R.C. The Green Economy and the Water-Energy-Food Nexus. 1st edition. London, 2017; Блауг М. Коуз, Рональд Гарри // 100 великих экономистов после Кейнса = Great Economists since Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past. СПб., 2009. С. 128–130; Coase R. The Institutional Structure of Production // The American Economic Review. Vol. 82. Nr. 4. 1992. Pp. 713–719; Ostrom E. Understanding institutional diversity. Princeton, 2005.

[284] Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории / Пер. с англ. под ред. В. С. Катькало, Н. П. Дроздовой. СПб., 2005.

для таких исследований служат уже упомянутые работы Г.-Г. Гаупта, С. Каплана, С. Черутти, Й. Эмера, Ф. Минара и др.

Ремесло и модернизация – не взаимоисключающие понятия, но суть стороны одного процесса бесконечных изменений и попыток их гармонизации. На помощь идее о необходимости развития ремесла приходит концепция побочных последствий, существующая внутри теории модернизации. Загрязнение окружающей среды, границы роста, конечность ресурсов, общество потребления, рассматриваемые ранее как побочные последствия модернизации и индустриализации, выходят на первый план и становятся центральными, от разрешения которых во многом зависит успех будущего развития[285].

Таким образом, во второй модернизации происходит актуализация исторического опыта городского ремесла. Наряду с ремесленным мастером и ремесленной мастерской, появились малые и средние предприятия и новые профессии, имеющие генетическую связь с ремесленным мастером. Они являются, как правило, более ресурсосберегающими, экологичными и социально нейтральными, т. е. наиболее близкими к масштабам и принципам модернизированной ремесленной мастерской, еще недавно сданной в утиль истории как переживший себя архаизм. Рассматривая историю городского ремесла в данной перспективе, получаем принципиально новое видение и понимание того, что у ремесла есть не только история, нуждающаяся в новом прочтении, но и большое будущее, в контексте парадигмы устойчивого развития и «зеленой экономики»[286].

Если история мыслится как процесс, который имеет логическое начало и конец, то в этом случае она не является одним и тем же навсегда заданным и предопределенным процессом. Это путь или тропинка со множеством

---

[285] См. напр. главу «Техника с человеческим лицом»: «Как ни странно, техника, хотя и является произведением человека, развивается, как правило, согласно своим собственным законам и принципам, которые очень сильно отличаются от законов и принципов человеческой природы или живой природы в целом. Природа, скажем так, всегда знает, где и когда остановиться. […] Техника не знает самоограничивающего принципа, например, когда дело касается размера, скорости или насилия» (Шумахер Э. Малое прекрасно… С. 183-184).

[286] См.: Ostrom E. A general framework for analyzing sustainability of social-ecological systems // Science 325(5939), pp. 419–422.

развилок, свернуть на которые зависит от выбора индивида или сообщества индивидов, а также от многих «внешних» причин. Цеховое ремесло и кустарно-промышленные кластеры в России имели по своей форме и содержанию отличия от западноевропейских и носили в этом смысле гибридный характер, шли гибридными путями развития[287]. Но эти пути не линейные, а цикличные, а значит независимо от того, в какой стадии развития или ее завершения находились цехи в Западной и Центральной Европе, именно российские ремесленники нуждались в таком институте, дающем им определенную организацию и стандарты качества. Как любой другой исторический феномен в истории России, цеховое ремесло предлагает такую возможность концептуального поворота от (негативной) линейности к (позитивной) цикличности.

Необходимо сказать, что в данной работе речь идет не только о городском ремесле как таковом в его классическом понимании со строгим отделением от «сельского» или «кустарного». Поэтому экскурсы в иные области ремесленной деятельности как в географическом, так и в социальном ракурсах считаем допустимыми. Множество разновидностей ремесленников мы классифицируем, прежде всего, с точки зрения уровня ремесленного труда в зависимости от их квалификации, места, времени и социального положения. А они могли быть очень разными как на селе, так и в городе. В связи с этим, классификация И.М. Кулишера, разделявшего ремесленников на две категории: городских ремесленников и крестьянских кустарей[288], видится нам излишне схематичной. Часто области их хозяйственной деятельности дополняли друг друга[289]. Кустари могли уходить на заработки в город, цеховые мастера могли нанимать их на работу в зависимости от получения

---

[287] См. о «гибридности» путей развития России и Китая в контексте теории модернизации: Терборн Й. Мир: Руководство для начинающих / пер. с англ. Е.М. Горбуновой, Л.Г. Титаренко; под науч. Ред. С.М. Гавриленко; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М., 2015. С. 98-105.

[288] За образец можно взять понятие «кустарных крестьянских неземледельческих промыслов», являющихся отдельным предметом исследования у Е.М. Дориной (Дорина Е.М. Трансформация хозяйственного строя кустарей Московской губернии в контексте модернизации экономики России второй половины XIX – начала XX столетий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитраные науки. Выпуск 2 (82). 2010. С. 224–229).

[289] Кулишер И.М. Очерк истории… С. 135, 141, 156.

крупного подряда и сезона, бывшие кустари могли становиться городскими мастерами.

Еще один вопрос касается не только различий городского и сельского или кустарного ремесла, но и того, какие предприятия относятся к ремесленным мастерским, а какие к заводам и фабрикам. В XIX в. за основу была принята формальная граница с числом в 16 занятых рабочих, включая мастера, подмастерьев и учеников. Это не мешало существованию заводов и фабрик с еще меньшим числом занятых, как и ремесленных мастерских с несколькими десятками сотрудников, что затрудняет определение количественной границы, отличающей ремесленную мастерскую от крупного предприятия. Поэтому в каждом отдельном случае необходимо рассматривать конкретное предприятие по нескольким параметрам социальной и профессиональной принадлежности владельца ремесленной мастерской, объему ремесленных практик, занимался ли мастер сам ремеслом или его функции переместились в область управления и менеджмента. К последним могли относиться купцы, также открывавшие ремесленные мастерские, нанимая при этом ремесленнных мастеров для организации на них ремесленного производства. В таком случае, купец не играл и не мог играть роль ремесленного мастера, а само предприятие не числилось среди ремесленных, так как подчинялось не ремесленной управе, а Департаменту мануфактур и внутренней торговли, позже переименованному в Департамент торговли и мануфактур министерства финансов.

Объединяющим принципом для всех этих мастерских: в городе или на селе, были ремесленные практики, т. е. ручной труд, как основополагающий принцип, с применением инструментов, незначительной механизации, а позднее и небольших двигателей. Поэтому понятия «ремесла» и «кустарной промышленности» можно включить в общее понятие «мелкой промышленности». В более широком значении, понятие ремесла включает в себя ремесленников, технологии и институты, причем, граница между ремесленным продуктом и высокохудожественным произведением:

художественное литье, ковка, изделия из дерева, ткани, кожи, и т.д., зачастую трудно различима. Кроме того, ремесла могли сильно отличаться по части необходимой технической подготовки ремесленника. Изготовление сложных механических и научных инструментов, часов или машин требовало гораздо больше вложений средств, времени и сил в образование специалистов, нежели, к примеру, в ложечном ремесле или при плетении корзин.

Формально, ремесленником в городе считался тот, кто принадлежал к населению города – состоянию цеховых ремесленников, являвшемуся после 1785 года частью сословия мещан, позже – сословию цеховых ремесленников. Фактически этот слой дополнялся, ввиду своей социальной гетерогенности, множеством промежуточных состояний ремесленников из иностранцев, мещан, солдат, дворовых, помещичьих, государственных и монастырских крестьян, не состоявших в цехах.

Ремесленный труд или **ремесленные практики** (система обучения, профессиональные иерархия, навыки, технологии) могли применяться не только в ремесленной мастерской или кустарной избе, но и на предприятиях мануфактурного типа, а также на заводах и фабриках в виде «микровкраплений» отдельных цехов или мастерских. Ремесло Петербурга мыслится как трансграничный феномен и открытая система взаимодействия различных форм ремесленного труда. Поэтому, большое значение в исследовании уделяется связям петербургского ремесла с регионами кустарной промышленности, «городского» и «сельского», цехового, нецехового и кустарного ремесла, что обусловливало его чрезвычайную гибкость в реагировании на кризисные ситуации.

Надо отметить, что в большинстве работ советских авторов рассматривалось в основном средневековое ремесло, так как для более позднего времени его исследование считалось не столь «актуальным», что было связано с господствующей моделью стадиального развития общества[290].

[290] Арциховский А.В. Новгородские ремесла в XVI веке // Новгородский исторический сборник. 1939. № 6. С. 3–15; Бахрушин С.В. Москва как ремесленный и торговый центр в XVI веке // Очерки по истории ремесла, торговли и

Согласно ей, ремесленники как социально-экономический феномен относились к феодальной стадии развития. Со всё большим вступлением в права капитализма, ремесло, согласно приведенной выше схеме, теряло свое значение и позиционировалось как исключительно архаичная переходная форма, обреченная на вытеснение[291]. Соответственно, в рамках проблемы индустриализации России XIX–XX вв., занимавшей внимание многих историков, ремесло имело маргинальный характер. Авторы пытались выяснить, с какого времени можно говорить об индустриализации в России и какие особенности она имела. Можно полностью согласиться с выводами, сделанными в этих исследованиях, опуская при этом их классовый подход и фокусирование на проблемах генезиса капитализма, для которого ремесло, согласно теоретико-идеологическим установкам, не имело большого значения.

Прежде всего, указывалось на тот факт, что подавляющее большинство рабочих на крупных предприятиях рекрутировалось из среды крепостных крестьян. Отмечалось, что во второй половине XIX в. российская экономика в большой степени зависела от политики государства, получая от последнего как заказы, так и значительные субсидии для их выполнения. Многообразные ограничения российским правительством частного предпринимательства и высокое налогообложение оказывали сдерживающее влияние на рост частной инициативы в экономике и промышленности. Это проявлялось в постоянной

городов русского централизованного государства XVI – начала XVII веков, научные труды, т. 1. М., 1952. С. 107–142; Бахрушин С.В. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI – начала XVII веков. Т. 2. М., 1954; Данилова Л.В. Мелкая промышленность…; Орехов А.М. Товарное производство и наемный труд в промышленности по переработке животного сырья в Нижнем Новгороде XVII в. // Русское государство в XVII в. М.: 1961. С.75–109; Пронштейн А.П. Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957; Сербина К.Н. Очерки из социально–экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVIII веках. М.–Л., 1951; Сербина К.Н. Ремесло и мануфактура в России в XVI–XVII веках // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике. Л., 1975. С. 20–31; Шунков В.И. Ремесло в Пскове и Новгороде... С. 102–117; Устюгов Н.В. Ремесло и мелкое товарное производство...

[291] Их описание даже в научной литературе нередко уподобляется описанию купечества в пьесах А.Н. Островского. Альфред Рибер отметил в 1982 г., что в то время во многих исторических исследованиях московские купцы в основном представлены бесчестными и отсталыми деспотами, какими их изображал в своих пьесах А.Н. Островский. См.: Rieber A. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill (N. C.), 1982. P. 133-178; Ruckmann J. The Moscow Business Elite...

нехватке капитала, вследствие чего было тяжело конкурировать с промышленно развитыми странами Западной Европы.

Ввиду такой исследовательской перспективы на развитие (крупной) промышленности, высокоразвитое и узкоспециализированное цеховое ремесло Санкт-Петербурга в эпоху индустриализации имело мало шансов привлечь к себе внимание специалистов. О каком ремесле могла идти речь, если даже крупные российские предприятия с трудом выдерживали конкуренцию их западных коллег, поставлявших более дешевую и более качественную продукцию? На самом деле, ремесленники Петербурга оказались, с началом индустриализации во второй половине XIX в., в схожем с европейскими ремесленниками положении. Крупные предприятия в некоторых отраслях промышленности полностью вытеснили ремесленников и ремесленные мастерские из их традиционных ниш производства. Благодаря этому, создавалось впечатление, что у ремесла нет развития, а значит, и будущего, отсутствует инновационный потенциал. Со временем стало ясно, что это далеко не так, и что ремесленники, в отдельных отраслях, не только смогли устоять в конкуренции с крупной промышленностью, но и освоить новые области производства.

Именно в данном контексте выводы П.Г. Рындзюнского помогают по иному взглянуть на неоднородность и отсутствие шаблонности в экономическом развитии ремесла: «Работа промышленников по заказу купца в большинстве случаев не означала, что их заведения становились частью рассредоточенной мануфактуры. […] данная экономическая система не выходила за пределы стадии мелкого товарного производства. […] Переходные формы продолжали существовать в течение многих десятилетий и сделались как бы нормальным состоянием для большей части городской промышленности» (АК: конца XVIII – начала XIX вв.)[292]. Ремесленные занятия, имевшие наибольшее распространение в области удовлетворения

[292] Рындзюнский П.Г. Городское гражданство... С. 28–29.

повседневных нужд горожан и окрестного населения, «в большей части прочно сохраняли свою неизменную экономическую форму»[293]. Для большей убедительности Рындзюнский подытожил, что «достаточно убедительными данными, говорящими о такой эволюции цехового ремесла (АК: в сторону «работы на дому в системе складывающейся мануфактуры, либо превращения ремесла в мелкотоварное производство»), мы не располагаем ни по одному городу»[294].

Современные исследования позволяют дать более дифференцированный ответ на вопрос, как развивалось и в каких условиях существовало ремесло в период индустриализации и все более доминирующего крупного промышленного производства, в том числе горнозаводского хозяйства Урала. Уральские историки С.В. Голикова, Н.А. Миненко и И.В. Побережников предварили свою коллективную монографию выводом о том, «… что в отечественной историографии промышленность и аграрная среда рассматривались преимущественно как две обособленные друг от друга сферы», хотя, по их мнению, горнозаводская промышленность непосредственно влияла на хозяйственный уклад деревни и изменение в хозяйственной ориентации аграрного окружения[295]. Это способствовало появлению многих (художественных) промыслов, колоссально обогативших русскую культуру[296]. В свете работы названных авторов задача данного исследования по рассмотрению обозначенных областей ремесленного труда – от городской мастерской цехового мастера до мастерской в избе кустаря – в их динамической и органичной связи с другими формами промышленности значительно облегчается[297].

---

[293] Там же. С. 29.
[294] Там же.
[295] Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда... С. 5.
[296] См.: Павловский Б.В. Касли. Свердловск, 1957. 87 с.; Он же. Крепостные художники Худояровы. Свердловск, 1963. 43 с.; Он же. Художественный металл Урала XVIII-XIX веков. Свердловск, 1982. 205 с.
[297] Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда... С. 84-103; См.: Гуськова Т.К. Эволюция горнозаводского хозяйства Урала во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Сб. статей / Отв. ред. В. В. Адамов. Свердловск, 1972. С. 257–267.

Результаты этого исследования являются актуальными в применении к кейсу петербургского ремесла. Предваряя возможную критику, скажем, что данное исследование выходит за строгие рамки традиционной истории «городского ремесла», как это следует из заголовка диссертации. Ремесло рассматривается не только как сугубо городское в территориальных рамках Петербурга, но и как **ремесленные практики** в городе, на селе, в горнозаводском поселке, взаимодействующие посредством своих носителей-ремесленников – акторов ремесла, встречающихся в Петербурге, как центре притяжения ремесленников из самых отдаленных уголков империи. Формально, структуру данной работы можно представить в виде малой и большой окружностей, которым соответствуют городское пространство Петербурга и прочее обширное пространство, как на Западе, так и на Востоке, с которыми город связан огромным количеством нитей, множащихся, подобно фракталу. Данная структура не противоречит, как может показаться на первый взгляд, тому, что основная часть работы посвящена петербургскому ремеслу. С методологической точки зрения целесообразно преодоление формального деления ремесла на «городское» и «сельское», чтобы показать всю сложную диалектику его развития.

Долгое время не существовало четкой границы между «**ремесленной промышленностью**» и «**легкой и тяжелой промышленностью**» (нем. Gewerbe und Industrie), граница между которыми четко обозначилась лишь в эпоху индустриализации[298]. Под промышленностью (= промысел) в XVIII в. понималась любая хозяйственная деятельность, приносящая прибыль, а индустрия означала ничто иное как прилежное старание, деятельность (ср. лат. industria, industrius от *endostruos «строящий в глубине, внутри)»[299]. В.В. Виноградов дал важное разъяснение относительно происхождения этого

[298] Pierenkemper T. Gewerbe und Industrie... S. 3.

[299] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. Т. 3. СПб., 1996. С. 132, 375; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М., 1999. С. 346–347. В чешском индустриальный (чаще průmyslový), индустрия «průmysl», и польском przemysłowy и przemysł, т. е. идентично русскому «промысел»; См.: Pierenkemper T. Gewerbe und Industrie…

слова: «Слово *промышленность* представляет собой образование от причастия *промышленный* („т. е. добытый, полученный каким-нибудь промыслом“). Оно употреблялось в русском литературном языке XVIII в. докарамзинского периода в значении: „Способ или род промысла, в чем кто упражняется, особенно занимается. *Всякой живет своею промышленностию*. *Промышленность полезная и честная*“. Глагол же *промышлять* в высоком слоге имел значение: „заботиться, попечительствовать“, а в просторечии обозначал: а) Кормиться, добывать, доставлять, получать пропитание себе каким-либо промыслом. *Промышлять рукоделием*, *подрядами*. б) Искать, стараться найти, достать что. *Промыслить денег*»[300]. Иными словами, чистые понятия «ремесла» и «ремесленной мастерской» ставятся в более широкий контекст ремесленной промышленности и ремесленных практик в городе, деревне, горнозаводском поселке, морском торговом судне, в ремесленной мастерской, кустарной избе и т.д. Главное, что их объединяет – ручная работа мастера с помощью различных инструментов и технических приспособлений штучного или мелкосерийного формата. Благодаря этому свойству ремесленного труда мы предлагаем использовать вместо понятия *многоукладности* понятие *полиморфизма*, т. е. многообразия производственных форм ремесленного труда.

Г.-Г. Гадамер определил один из существенных вопросов философии, постулировав задачу осознания соотношения слова и понятия. Немецкий философ предложил проанализировать практику применения слова в устной и письменной речи, а также понятия в научной мысли, обусловленную уже сложившимся словоупотреблением[301]. Такая постановка вопроса особенно актуальна для истории терминологии ремесла, переосмысление которой должно открыть новые горизонты не только в изучении последнего, но и в появлении нового событийного горизонта будущего, в котором ремесло, как

[300] Виноградов В.В. История слов: ок. 1500 сл. и выражений и более 5000 сл., с ними связанных; отв. ред. Н.Ю. Шведова; ред.-сост. Е.С. Копорская [и др.]. М., 1999. С. 574.
[301] Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 30–31.

особый социально-экономический порядок, альтернативный экономике крупной капиталистической индустрии, может играть роль дополнительного инструмента развития от ресурсо-ориентированной индустриальной экономики к «зеленой экономике» будущего.

Говоря о терминологии ремесла в имперский период, нельзя не сказать о важной роли Петербурга, как о месте, где трансфер знаний и технологий происходил наиболее интенсивно. По аналогии с трилогией Фернана Броделя, посвященной Средиземному морю и средиземноморскому миру[302], уместна параллель с Балтийским морем. На протяжении многих столетий mare balticum представляло из себя единое *трансграничное пространство*, характеризующееся огромным количеством исторических связей с Северной и Западной Европой: экономических, культурных, семейных. Пограничное положение Петербурга как города-порта с его маритимной экономикой (см. International Maritime Economic History Association), в отличие от материковой экономики Москвы, являющейся средоточием центрального экономического района России, определяло в значительной степени его экономические связи и особое место как внутри Российской империи, так и за ее пределами. Петербург был не менее тесно, во всяком случае до строительства железных дорог, связан с европейскими портами, в том числе с Любеком на северном побережье Германии, чем с центральной Россией. Для примера, доставка груза морем из Любека в Петербург (ок. 1400 км) длилась примерно неделю. Столько же, сколько по Московско-Петербургскому тракту в 1746 г., протяженность которого составляла на тот момент 778 км[303]. Не забудем, что главные торговые центры Северо-Западной Руси – Новгород и Псков – на протяжении долгого времени были втянуты в сферу экономической активности одной из крупнейших торговых корпораций Средневековья и Раннего Нового времени – Ганзейского союза (Deutsche Hanse). В него

[302] Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II : [в 3 ч.]; [пер. с фр. М.А. Юсима ; послесл. А.Я. Гуревича, М.А. Юсима]. М., 2002. 496 с.
[303] История железнодорожного транспорта России: [В 2 т. / Под общ. ред. Е.Я. Красковского, М.М. Уздина; Предисл. Г.М. Фадеева] Т. 1: 1836-1917 / [С.В. Амелин, Ф.К. Бернгард, Г.И. Богданов и др.]. 1994. С. 12.

входили торговые города северной Германии, побережья Балтийского моря и прилегающих к нему территорий[304].

Трансграничная история позволяет сравнивать схожие социально-экономические феномены в различных культурах и обществах, в данном случае российской и западноевропейской. Трансграничность предполагает иной горизонт событий, помогающий видеть в культуре не герметично закрытый сосуд, а как нечто постоянно меняющееся, относительно открытое и динамичное (особенно с конца XVII в.), но имеющее в своей основе «статичную» традицию. Эта система, содержащая мобильные и статичные элементы, сочетала в себе интенсификацию соревновательного принципа, способствовала сравнению своего с чужим, что является одним из древнейших механизмов развития культур, культурной практикой, присущей в той или иной степени любой культуре. Поэтому понятие «оригинала», на который надо равняться, есть всего лишь иллюзия. На самом деле, существуют бесконечные ряды модификаций.

Если *слово* **ремесло**, обозначающее какую-либо производственную или творческую деятельность, употребляется сегодня обычно как нейтральное, то в случае с *понятием* ремесла в современном употреблении бытует зачастую негативная оценочность, что связано с историей научно-технического прогресса, возникновением индустриально-промышленной цивилизации и, в определенной степени, историографической традицией. Значение «ремесленный» выстраивает, как правило, синонимический ряд с негативными коннотациями: рутинный (ремесленник, а не творец, не художник), узкий, примитивный (примитивные орудия труда), противозаконный (воровское ремесло). В этой связи мы попытаемся разобраться, что собой представляет работа и произведение ремесленника – ремесло это или искусство? Ремесленный мастер – кто он, ремесленник или художник? На самом деле, это кажущееся противоречие. Данные понятия

[304] Симонян Р., Кочегарова Т. Новый Ганзейский союз – оптимальный формат сотрудничества России и Евросоюза // Власть. №12. 2009. С. 22–23.

могут быть взаимозаменяемыми и взаимодополняемыми. Ремесло может быть искусством, а ремесленник – художником, но это зависит от интерпретатора, участников и контекста событий, их места и времени. Это мы и попытаемся выяснить и «вытащить» ремесленного мастера из забвения. Пришло время вернуть голос этому «великому немому» прошедших эпох с помощью Г.В. Лейбница, А.К. Нартова, В.Н. Татищева и многих других.

Выяснить степень интегрированности ремесла в процесс индустриализации, значит понять, какие производственные, технические и профессиональные качества и навыки существовали до этого и как они повлияли на успех или неуспех развития той или иной отрасли крупной промышленности. Чрезвычайно интересно в этом смысле выяснить, каким был механизм заимствований и трансформаций в ремесле и как ремесленные мастерские становились основой для появления крупных производств, как это можно видеть на примере портновского ремесла и ремесел в металлообрабатывающей, кондитерской, хлебобулочной, других отраслях производства.

Широкие заимствования в профессиональных городских языках происходят уже в XVII в., когда «в Московскую Русь направляется с юго-запада волна художников и ремесленников»[305]. Это видно на различных ремесленных диалектах, в которых закрепляются западноевропейские слова (напр., нем. *der Geselle* – подмастерье; в рус. гезель: помощник, товарищ; фр. *артизан* – ремесленник)[306]. В сапожном ремесле это дратва, рашпиль, вакса, клейстер, шлифер и мн. др., в столярном и слесарном – стамеска, бляха, бондарь, гайка, верстак, клапан, кран, винт и др. Во время Петровской эпохи начала XVIII в. эти процессы заимствования еще более усиливаются[307]. Московский исследователь С.М. Шамин показывает, как новые заимствования из голландского, немецкого, французского, английского языков находили свое

[305] Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982. С. 63.
[306] Там же. С. 66.
[307] Там же. С. 63–64.

вхождение в российскую, и особенно петербургскую, повседневность. Петр I и его окружение ревностно следили за применением западноевропейской лексики: «Между тем Петр I с особой любовью относился к иностранным словам. Его примеру следовало придворное окружение. В глазах царя это было свидетельством поддержки реформ и показателем политической благонадежности. Отказ от употребления лексики иноязычного происхождения восприняли бы как откровенный вызов власти»[308].

В.В. Виноградов писал о том, что в русский язык проникает «множество технических слов, относящихся […] к разным видам „мастерства“, ремесел», преимущественно из польского и немецкого языка. С усилением, в начале XVIII в., немецкого влияния, частичным изменениям подверглась и лексика книгопечатного дела, заимствованная в XVI–XVII веках из итальянского языка. Поэтому мы не случайно обращаемся к немецкому языку, чтобы проследить интенсивность употребления в немецком языке слов, связанных с ремеслом: «Кроме варваризмов, связанных с реорганизацией государственного управления, военного и морского дела, проникает в русский язык XVIII в. множество технических слов, относящихся к инженерному и горному делу, к „градостроительному художеству“, […] к разным видам „мастерства“, ремесел»[309]. Примерно на 1700 год приходится резкий спад, а затем, примерно с 1710 по 1740 гг., рост частотности употребления слова «ремесло» в немецком языке (см. рис. 1).

[308] Шамин С.М. Россия после Петра I: реакция на преобразования в области языка (по материалам Коллегии иностранных дел) // Русский язык и литература во времени и пространстве: Сборник научных статей и докладов. К 45-летию Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина. М., 2011. С. 181.
[309] Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка… С. 61.

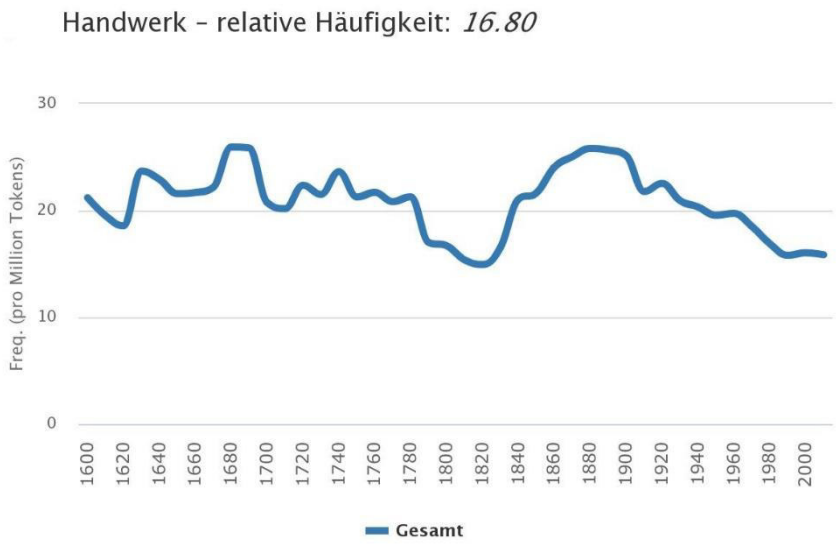


Рисунок 1: Среднестатистическая частотность употребления слова «Handwerk» (ремесло)[310].

Из графика видно, как среднестатистическая частотность употребления слова *Handwerk* (ремесло) в немецком языке на 1 млн. токенов[311] в 1600–2000 гг. составляет 16,80 и коррелирует с развитием немецкого ремесла и промышленности. В XVII в. наблюдается стабильный рост частотности его употребления с 21.20 (32 упоминания в абсолютных числах) до 25.86 токенов (100 упоминаний) (+4.66 токена) (1600–1699). К началу XVIII в. число несколько снижается до 20.76 (95 упоминаний) и к концу века опускается до 17.00 токенов (154 упоминания) (–3.76 токена) (1700–1799), но показательно, что до 1789 г. число токенов «ремесла» в 21.28 (150 упоминаний) остается стабильным. После 1789 г., видимо из-за эпохи политической нестабильности и войн в Европе и роста влияния мануфактур, наступает статистическое

[310] Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart (DWDS). Handwerk. URL: https://www.dwds.de (Дата обращения: 15.02.2017). Понятие токена применяется в информатике для проведения лексического анализа, во время которого происходит аналитический разбор входной последовательности символов с целью получения на выходе последовательности символов, называемых «токенами» (подобно группировке букв в словах). При этом, группа символов входной последовательности, идентифицируемая на выходе процесса как токен, называется лексема, т. е. в процессе лексического анализа производится распознавание и выделение лексем из входной последовательности символов.

[311] Понятие токена применяется в информатике для проведения лексического анализа, во время которого происходит аналитический разбор входной последовательности символов с целью получения на выходе последовательности символов, называемых «токенами» (подобно группировке букв в словах). При этом, группа символов входной последовательности, идентифицируемая на выходе процесса как токен, называется лексема, т. е. в процессе лексического анализа производится распознавание и выделение лексем из входной последовательности символов.

снижение и стагнирование слова «ремесло», продолжавшееся до конца 1830-х гг. (14,94 токена и 43 упоминания). С началом промышленной революции 1840-х гг. и последовавшей индустриальной революцией в Германии частотность упоминаний с 1800 до 1899 г. значительно вырастает с 16.70 до 25.81 токенов (+9.11)[312]. Симптоматично – когда фабрика «обошла» ремесло в 1830-е гг. (12.52/15.90), она «потянула» его за собой[313]. Данная корреляция характерна и для России и соответствует всеобщей тенденции как для немецкого, так и для российского ремесла, динамика роста которых совпадает с начавшимся в этих странах примерно с середины XIX в. промышленным переворотом, соответствовавшем специфике развития России (с небольшим запозданием по сравнению с Германией) и Германии (с первоначальным значительным отставанием от Англии).

Не следует преувеличивать роль книги в культурном, научном и технологическом трансфере в XVIII в., особенно среди ремесленников. Из 1301 перевода книг этого столетия, основная часть приходится на литературу историко-географического, морально-политического и религиозного характера, в то время как на область науки и техники всего лишь четыре публикации[314]. Гораздо важнее был практический опыт общения и обучения российских учеников не только у иностранных мастеров в России, но и за рубежом[315].

Посмотрим, как понятие «художества и ремесла» отразилось в законодательных актах. Исследователи из различных научных дисциплин давно подчеркивали значение петровских реформ, за которыми «стоят глубокие перемены в области народного образования, просвещения, всей духовной и материальной культуры России – образа мыслей, круга ведущих

---

[312] См. Hahn H.-W. Zwischen Fortschritt und Krisen: die vierziger Jahre des 19. Jahrhunderts als Durchbruchsphase der deutschen Industrialisierung. München, 1995. 47 S.

[313] DWDS. Fabrik. URL: https://www.dwds.de/wb/Fabrik (Дата обращения: 10.02.2017).

[314] Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016. С. 21.

[315] Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по истории лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 28–29; Пронина И.А. Декоративное искусство в Академии художеств: Из истории русской художественной школы XVIII – первой половины XIX века (К 225–летию Академии художеств СССР) / АХ СССР. Научно-исслед. ин-т теории и истории изобр. искусств. М., 1983. С. 14–15.

идей, интересов, форм быта», с одной стороны[316]. С другой, несмотря на эпохальные изменения на заре возникновения российского промышленного законодательства в 1-й четверти XVIII в., хорошо видна историческая преемственность слов *ремесленник, ремесло, мастер и мастерство*, применявшихся в Древней и Московской Руси (старославянское, древнерусское *ремьство* или *ремество* как умение, способность, также *рукоделие*)[317].

Практика применения и связь «наук и искусств», а значит «ремесел и художеств» хорошо прослеживается в законодательных актах петровского времени. В «Регламенте или уставе Главного Магистрата» 1721 года для обозначения ремесленников употребляются такие слова и выражения, как «художники и ремесленные люди», занимающиеся *промыслами* (отсюда еще один синоним ремесленника – *промышленник*) и живущие в городах «для художества или какого рукоделия».[318] Здесь также «художество и рукоделие» находятся в одном синонимическом ряду[319]. Именной указ «О цехах» 27 апреля 1722 г. повелевает «в цехи писать ремесленных всяких художеств […], дабы всякий свое рукоделие делал добрыми мастерствы», «…каждое художество или ремесло [имеет] свои особые цунфты (цехи)»[320]. Ремесленники называются как «своего художества ремесленны[е] люд[и]» и «художники». 16 июля того же года в дополнение к этому вышел сенатский указ «о записке в цехи мастеровых и ремесленных людей из купечества и из разночинцов, дворовых и приказных людей»[321].

Приведем еще два законодательных акта, опубоикованных 3 декабря 1723 г., где понятия «цехи», «мануфактуры», «фабрики», «машины»,

---

[316] Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по истории... С. 31.

[317] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. 1982. С. 37–38; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. 1997. С. 143, 250; Фасмер М. Этимологический словарь Т. 3. С. 468–469.

[318] Слова *ремесленник* и *рукоделие* находятся для В.Н. Татищева в одном синонимическом ряду: Экономические записки В. Н. Татищева // Исторический архив. Т. VII. М.-Л., 1951 г. С. 412–414.

[319] ПСЗ-1. Т. 6. № 3708: *Регламент или устав Главного Магистрата*. С. 292–293, 295.

[320] ПСЗ-1. Т. 6. № 3980: Именной указ. – *О цехах.* С. 664–665; Слово *цех* происходит от ср.-в.-нем. zëch, zëche, означавшее «объединение лиц одного сословия». Русское и украинское слово *цех*, заимствовано, вероятно, из польского *cech* (Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 3. Heildelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1958. S. 291).

[321] ПСЗ-1. Т. 6. № 4054: Сенатский, в дополнение указа 1722 года апреля 22. – *Записке в цехи*. С. 746.

«инструменты», «науки», «художества, «искусство» употребляются или в одном синонимическом ряду или в родственном смысловом поле. В Регламенте Мануфактур-Коллегии находим понятия и выражения «мануфактуры и фабрики», «куриозные художества», «искусные мастера», а в именном указе ученики должны посылаться в «чужие краи» «для вкоренения мануфактур и фабрик и для искусства художества» и обучаться там «мануфактурному искусству».

«Художествами» могли называть и другие «искусства»: научную дисциплину, военное дело или механику. В одном из указов 1724 г. говорилось об обучении переводчиков следующим «художествам»: «математическое хотя до сферических триангулов, механическое, хирургическое, архитектур, цивилис, анатомическое, ботаническое, милитарис, гидроика и прочие тому подобные»[322]. Также говорилось «о выписывании для фабрик инструментов и машин», где под фабрикой и фабрикантом скрывался никто иной, как ремесленный мастер. Предписывалось более строго наблюдать за выполнением иностранными мастерами взятых на себя обязательств по обучению русских учеников: «… иноземцы мастеры будучи в фабриках, и отжив сроки, отъезжают в отечество, а по себе учеников без совершенства науки их оставляют». Законодатель задавался вопросом, «не имеют ли [иностранные мастера] при цехах, отколь выехали, присяжного обязательства, чтобы иностранных им не обучать». По возвразщении на родину, бывшим ученикам обещалось давать привилегии «по разсмотрению их науки», т. е. соответствующего ремесла[323].

Кроме цеховых мастеров и городских ремесленников, как правило мещанского сословия, существовала еще одна категория ремесленников, прибывавших в Петербург из других городов и регионов. Ремесленники из крестьянского сословия относились, в основном, к строительным профессиям

---

[322] ПСЗ-1. Т. 7. № 4438: Именной. – *О приготовлении переводчиков книг обучением их художествам*. С. 217.

[323] ПСЗ-1. Т. 7. № 4378: *Регламент Мануфактур-Коллегии*. С. 167-170; № 4381: Именной. – *О посылке в чужие краи учеников для обучения мануфактурному искусству*… С. 181–182.

столяров, плотников, каменщиков, штукатуров, маляров, шлифовщиков и резчиков камня и пр. К ним применялось понятие «мастеровых или работных людей», определявшихся как на государственные и частные мануфактуры, так и в работу к ремесленным мастерам[324].

Среди типичных ремесленных профессий мастеровых: плотников, столяров и др., трудившихся на Адмиралтейских верфях в 1712–1721 гг., имеются такие нетипичные «ремесла» для сегодняшних понятий как архитектор, лекарь, живописец, толмач или музыкант[325]. Вспомним, что и ремесленные мастера зачастую могли выйти за строгие рамки своей профессии. Царский токарь А.К. Нартов по прошествии времени стал вникать в архитектурное дело и даже давать советы Петру I. Синтетичность или универсальность специального знания и отсутствие пока четкого понимания профессиональной специализации позволяло мастеру токарного дела постигать не только в искусство токарного мастерства, но и искусство архитектурного дела. То же можно сказать и о мебельных мастерах, отце и сыне Генрихе и Петре Гамбсах, в конце XVIII – начале XIX вв.[326].

В 1722 г., с введением цехов, происходит знаменательное и принципиально важное событие. Новые слова и представления входят в русский жизненный мир, превращаясь в действия и осмысленные поступки. С цехами появляется иная концепция развития русской промышленности и профессионального образования, иной горизонт событий. Начинает формироваться социальный слой ремесленников с осознанием принадлежности к единой профессиональной группе, а с городской реформой 1785 года – и принадлежности к одному сословию, одной влиятельной социальной группе. С этим новым институтом в российской культуре прописываются на постоянное проживание новые модифицированные

---

[324] ПСЗ-1. Т. 5. № 3142: Именной. – *О взятии свидетельств мастеровым людям*. С. 531.

[325] Материалы для истории русского флота. Ч. 3. СПб., 1866. 727 с. С. 46–47, 153–155, 259–260, 264–265, 277, 280–281.

[326] Кочеткова Н. Династия мебельщиков Гамбсов в Петербурге // Немцы и немецкая культура в истории Санкт-Петербурга = Die Deutschen und die deutsche Kultur in der Geschichte von Sankt Petersburg : [Сб. по материалам конф. учащихся Школ. центра Гос. Эрмитажа, 24 мая 1997 г.] / Гос. Эрмитаж. [Шк. центр]. СПб., 1997. С. 97–98.

понятия цехового профессионального кодекса поведения, этоса цехового мастера и корпоративной солидарности. Выскажем предположение, что со строительством Петербурга происходит повышение статуса ремесленника: от мастерового к цеховому мастеру, мастеру на казенном предприятии, руководящему мастеровыми людьми[327].

Таким образом, происходит расширение понятия ремесленного мастера, и как артиста своего дела, и как специалиста и профессионала, получившего диплом или патент, подтверждающий его статус. Традиционная система ремесленного обучения Древней Руси дополняется и модифицируется новой, практикующейся в Академии наук и на государственных предприятиях мануфактурного типа. Это хорошо видно на примере петербургского Адмиралтейства с необычной структурой профессиональных кадров. В 1715 г. здесь имелось, кроме 70 мастеров, 12 подмастерьев и 48 учеников, еще 3953 мастеровых, поступавших, видимо, в распоряжение мастеров[328]. Поиск новых производственных и организационных форм ремесла был связан с неудовлетворительным состоянием массовых и специальных ремесел. И.Т. Посошков в «Книге о скудости и о богатстве» (1724), говоря о плохом состоянии ремесла в России, по причине отсутствия надлежащего управления и надзора, неполного ремесленного образования, ввиду раннего отхода учеников от мастера, и отсутствия клеймения ремесленной продукции, назвал именно те задачи, которые и должны были решить цехи. В главе «О художестве» он называет ремесленников «художниками доброго мастерства», а ремесла – «художествами» или «художественными мастерствами»[329].

Основание Академии наук и художеств в 1724 г. также явилось важным этапом в развитии ремесла. Ведь семантика слов *художества и науки* близка к ремеслу. Как будет показано ниже, в выражении: «Понеже ныне в России

---

[327] ПСЗ-1. Т. 7. № 4442: *Высочайшие резолюции на докладные пункты подполковника Вырубова*. С. 219; Пронина И.А. Декоративное искусство…. С. 11.
[328] Материалы для истории русского флота… Ч. 3. С. 154–155, 265, 280.
[329] Иван Тихонович Посошков. Книга о скудости и о богатстве. Завещание отеческое. Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. В. Козлова, Л. Н. Вдовина. М., 2010. С. 17, 139–143.

здание к возращению художеств и наук учинено быть имеет» есть коннотации не только с наукой и искусством, но и с ремеслом[330]. В некоторых случаях понятие *наука* может рассматриваться даже как синоним понятий *ремесло* и *художество*. В 1717 г. из России в Амстердам отправляются 34 человека «для устройства „в разные науки“ в Голландии, Англии и Франции». На самом деле, большинство из них специализировалось, к примеру, не в математике, физике или нравоучительной философии – классических точных, естественных или гуманитарных науках, а в ремеслах из области декоративного искусства и кораблестроения[331]. Поэтому нельзя согласиться с Ю.Х. Копелевич, склонной видеть в Академии наук и художеств узкоспециальное научное (академики) и образовательное учреждение (гимназия и университет)[332]. Хотя этот же автор указывает на важность идеи практической «пользы» в концепции новой Академии. К практическим функциям, кроме «обязанности академиков заботиться „о совершенстве художеств и наук“ и обучать юношество», относилась также забота о пользе для «вольных художеств и мануфактур» для внедрения «удобных машин» и «исправления инструментов»[333]. Для этого при Академии устраивались ремесленные мастерские и имелись механики, обязанные вместе с членами Академии производить экспертизу технических изобретений, причем ученые обязывались, кроме своих специальных научных интересов, производить научные исследования по практическому применению этих изобретений[334].

Петр не был одинок в своих увлечениях ремеслами, будучи человеком «барочным» по своему мировоззрению. Французский король Людовик XIII (1601–1643) владел не меньшим количеством ремесел, кроме того был

---

[330] ПСЗ-1. Т. 7. № 4443: Именной. *Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицентных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга*. С. 220.

[331] Пронина И.А. Декоративное искусство… С. 14–15; Процессы инновационной диффузии и заимствований был характерен, кроме России, и для других европейских стран. См.: Davids K. The transfer of technology between Britain and Netherlands, 1700-1850, in J.R. Bruijn and W.F.J. Mörzer Bruyns eds. Anglo-Dutch Mercantile Marine Relations 1700-1850, Amsterdam/Leiden, 1991. Pp. 7–24.

[332] Копелевич Ю.Х. Основание Петебургской академии наук. Л., 1977. С. 56.

[333] ПСЗ-1. Т. 7. № 4443: *Об учреждении Академии*... С. 221.

[334] Копелевич Ю.Х. Основание… С. 159–160.

неплохим каретником, кучером и отменным кулинаром[335]. Первое непосредственное знакомство с науками, художествами и ремеслами Петра I в Западной Европе происходит во время Великого посольства 1697-1698 гг., где он, кроме изучения кораблестроения и связанных с ним ремесел, посетил Королевскую Академию в Лондоне, университеты в Лейдене, Оксфорде, Галле и Лейпциге[336]. Второе большое путешествие Петра I в Западную Европу в 1716–1717 гг. отличалось от первого тем, что вместо военных специалистов, приглашались в основном архитекторы, художники и ремесленники. Постепенно созревает и оформляется идея создания Академии, включающая в себя Академию наук, будущую Академию художеств, университет с гимназией и технические науки, *вкупе* с ремеслами. В связи с этим стоит поручение Петра И.Д. Шумахеру, во время поездки 1721 г. по Германии, Франции, Англии и Голландии, кроме приглашения для работы в России видных европейских ученых, нанять в Англии слесаря и купить «книгу о всех художествах и протчие новые издания»[337].

В 1720-1721 гг. намерения Петра I по организации Академии наук и художеств транслировали его ближайшие сотрудники лейб-медик, впоследствии первый президент Академии, Л.Л. Блюментрост, А.К. Нартов и царский библиотекарь И.Д. Шумахер, осуществлявшие роль коммуникаторов с европейскими академиями наук, в том числе в Берлине и Париже[338].

Известно, что токарных дел мастер Нартов имел к планам создания Академии наук в Петербурге хотя и опосредованное, но существенное отношение, будучи в разное время в Берлинской и Парижской Академиях наук[339]. В 1720 г. Нартов проходил в последней «курс математики, механики и

---

[335] Глаголева Е. Повседневная жизнь Франции в эпоху Ришелье и Людовика XIII. М., 2007. С. 77–78; См. о европейском влиянии на Петра I: Петрухинцев Н. Раннее европейское влияние на Петра I: Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в. // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. № 1. С. 198–218.

[336] Копелевич Ю.Х. Основание… С. 20–21.

[337] Летопись Российской Академии наук. Т. 1, 1724–1802 / отв. ред. Н. И. Невская. СПб., 2000. С. 24; Задание по закупке и привозу книг было обычной практикой того времени при поездках в Западную Европу: Бугров К.Д., Киселев М.А Естественное право и добродетель... С. 83.

[338] См.: Мезин С.А. Пётр I во Франции. СПб., 2015. С. 204–210. Прим.: Королевская или Парижская Академия наук.

[339] «Петр I был избран членом Французской Академии наук [..] 22 декабря 1717 г.» // Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. URL: http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Mezin-book/Glava-1.html (Дата обращения: 04.08.2017).

различных ремесел: токарного, медалиерного и др.» и привез Петру письмо от библиотекаря Людовика XIV и президента Парижской Академии аббата Жана Поля Биньона, побудившее царя «заняться вновь вопросом об Академии Наук и Художеств (ремесел) в России»[340]. Интересен тот факт, что Татищев, в своей аналитической записке «Например представление о купечестве и ремеслах» от 12 мая 1748 г., ссылается именно на его предложение в декабре 1724 года основать Академию наук и *ремесел* (АК – курсив автора) и на составленное лично Петром I расписание художеств-мастерств, должных преподаваться в ней[341].

Учреждению Академии предшествовало несколько законодательных актов. В «Высочайшей резолюции на мемориал иноземца Фика» от 11 июня 1718 г. постановлено «сделать Академию», чтобы, среди прочего, «из детей искусных купеческих людей художников, ремесленников […] получить могли»[342]. В указе от 20 января 1724 г. говорилось среди прочего: «О Академии, в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатным художествам»[343]. 22 января 1724 г. «обсужден и одобрен Сенатом „Проект об учреждении Академии наук и художеств“»[344]. История создания этого документа неизвестна. По своему содержанию он соединил в себе идеи Петра

---

[340] Андреев А.И. Основание Академии Наук в Петербурге // Петр Великий: Сборник статей / Под ред. доктора ист. наук А.И. Андреева. М.-Л., 1947. С. 293.

[341] Экономические записки В.Н. Татищева… С. 415; В список Петра I входили следующие «художества ремесла»: «живописцы, скульпторы, тушевальщики, граверы, столяры, токари, плотники, гражданские архитекторы, строители мельниц, шлюзов, фонтанов и специалисты по гидравлике, оптики, мастера по математическим инструментам, мастера по медицинским инструментам, слесари, медники, часовщики» (В.В. Пономарева. Академия наук и становление научного знания в России // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 7; см.: Белявский М.Т. Основание Академии наук в России // Вопросы истории. 1974. № 5. С. 23); см.: Юхт А. И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. / Отв. ред. А.А. Преображенский. М., 1985; Он же. Поборник новой России: Василий Никитич Татищев // Историки России. XVIII – начало XX века / Члены редколлегии: М.Г. Вандалковская, Р.А. Киреева, Л.А. Сидорова, А.Е. Шикло; Отв. ред. чл.-кор. РАН А.Н. Сахаров; Институт российской истории РАН. М., 1996. С. 6–27.

[342] ПСЗ-1. Т. 5. № 3208: *Высочайшая резолюция на мемориал иноземца Фика*. С. 574; См.: Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации российской политической элиты в первой половине XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / ред. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М., 2013. С. 149–177; Он же. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / ред. М.М. Кром, Л.А. Пименова. СПб., 2013. С. 323–337.

[343] ПСЗ-1. Т. 7. № 4427: … *о Академии ученья языкам*. С. 207.

[344] Летопись Российской Академии наук... С. 25. Такое название дано документу в литературе, оригинальная же рукопись «Проекта» с дополнениями и исправлениями, сделанными на полях собственноручно Петром I, не имеет заглавия.

и его приближенных, высказывавшихся раньше в различных письмах и записках. Окончательная обработка документа, вероятно, принадлежала Блюментросту[345]. Наконец, 28 января появляется именной указ «Об учреждении Академии», гласящий: «Сие есть собственный образец Академии Художеств и Наук»[346]. Там же в §17 оговаривалось, что «ежели который Академик похощет за деньги партикулярные коллегии иметь, то ему позволено: однакож де не надобно ему токмо ради корысти вельми много Коллегиев держать, и тем прочим своим наукам и размышлениям вред чинить». Имеется ввиду возможность устройства мастерских при Академии. Петербургский проект подробно объяснял своеобразие русской Академии по сравнению с подобными учреждениями Европы, что диктовалось условиями российской действительности.

Устав Академии так и не был составлен и им служил ее проект. Но дело этим не закончилось. В 1734 г., с утверждением нового штата, расширяется сфера «художественной» деятельности Академии наук и художеств. В 1735 г. из бывшей мастерской Петра I получены токарные станки и в штат вошел Нартов, возглавивший Токарную и Инструментальную палаты Академии[347].

По новому штату императорской Академии наук и художеств, согласно Устава 1747 г., в ней имелись две типографии «российских и иностранных языков», где работали ремесленники по специальностям «рещик медалей и литер» в «словолитном искусстве» с одним подмастерьем, два словолитных мастера с двумя подмастерьями, также несколько человек, «которые литеры льют и которые отбирают». Там же имелись мастер и подмастерье переплетного мастерства, типография «грыдыровальных фигур» с шестью мастерами, шестью подмастерьями, а также работниками[348]. Кроме них, в других мастерских имелись «художники и мастеровые люди»: архитектор,

---

[345] В приглашении Блюментроста к Якобу Герману от 27 декабря 1723 г. тот ссылается на решение царя «основать академию для взращения художества и наук» // Летопись Российской Академии наук... С. 25.
[346] ПСЗ-1. Т. 7. № 4443: *Об учреждении Академии*… С. 220–224.
[347] Пронина И.А. Ломоносов и основание Академии художеств // URL: http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st009.shtml (Дата обращения: 10.06.2017).
[348] Летопись Российской Академии наук. Т. 1… С. 25.

живописец, «грыдыровальщик портретов», подмастерье, «грыдыровальщик литер», «резного дела мастер», «механик, который притом и математические инструменты делает», мастер барометров, часовой мастер, слесарный, столярный, токарный. Было предписано, «во все мастерские палаты ко всем упомянутым художествам распределить учеников по рассмотрению президента до пятидесяти человек»[349]. Кроме обязанности членов Академии предоставлять регулярные разработки или изобретения по механическим устройствам, они могли принимать экзамены на звание мастера. 21 февраля 1739 г. академики Л. Эйлер и Г.Ф. Крафт, а также А.К. Нартов и механик И. Брукнер обязывались принять экзамен у подмастерья А. Мартынина из Адмиралтейств-коллегии на звание мастера[350].

В проекте создания Академии наук и художеств, мыслившихся Петром I как единое целое, а затем и в именном указе от 22 января 1724 г., где недвусмысленно сказано: «Об академии, в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатным художествам», эта связь явственно прослеживается. Трактовка понятия наук, искусств и художеств отличается в период реформ Петра I «необычайной широтой, в полном соответствии с комплексным их восприятием»[351]. В это время, кроме традиционных ремесел в современном понимании, существуют «мастерства живописные», «художество артиллерийское», «художество флота морского», горное дело и механика как художества или «рудное художество или мастерство»[352].

Когда же появляется в русской языковой и символической практике эта философская и мировоззренческая греко-римско-европейская традиция существования ремесла в одном смысловом поле с наукой и искусством?

---

[349] Регламент Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, 1747 г. // Уставы Академии наук / отв. ред. Г. К. Скрябин. М., 1975. С. 40–61; Грыдыровальщик – гравировальных дел мастер.

[350] Летопись Российской Академии наук. Т. 1. С. 27; Данный эпизод не являлся случайным. А.М. Сафронова описала данную практику в одной из своих статей в применении к заводам Урала (Сафронова А.М. Подготовка учеников инструментального дела для заводов Урала в Академии наук в 1735-1739 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы V региональной научной конференции, декабрь 2002 г. Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 2003. С. 77–80.

[351] Стенник Ю.В. Эстетическая мысль в России XVIII в. // XVIII век. Сборник 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1986. С. 42.

[352] Там же; Киселев М.А. Возникновение российского промышленного законодательства… С. 114; Поликарпов-Орлов.

Точной даты указать невозможно, ввиду специфики взаимодействия культур, как в большей или меньшей степени открытых систем, многовекторности взаимодействия и огромного множества одномоментных контактов. Одним из таких многочисленных контактов или событий, подготовленных многими годами переписки и проектов, явился указ Петра I от 01.11.1712 г., подписанный им в Карлсбаде после встречи с Г.В. Лейбницем: «[…] Готфрида Вильгельма фон Лейбница […] в наши тайные юстиц раты определить и учредить, […] чтоб *науки и искусства* [АК: курсив автора] в нашем государстве ввящей цвет произошли, употребить, […]»[353]. Показательно, что в петровском указе дословно воспроизведена формулировка Лейбница из немецкого оригинала его проекта указа, который ему было поручено составить: «[…] so sind wir auch entschlossen Uns Seiner zu dem habenden grossen Zweck, die Studien *Kuenste und Wissenschaften* [АК: курсив автора], in unserem Reich mehr und mehr floriren zu machen, zu bedienen»[354].

Назначение Лейбница имело 15-летнюю предысторию. Уже в его записке Петру, написанной в 1697 г., ученый говорит о необходимости основания центрального учреждения для наук и художеств. В записке на имя Петра, посланной в 1708 г. русскому посланнику Урбиху в Вене, Лейбниц, говоря о «необходимо[сти] учреждения особенной влиятельной коллегии» и имея ввиду Академию наук, называет необходимых в ее ведении «художник[ов] и ремесленник[ов] с их произведениями»[355]. Позднее именно этот формат и был реализован.

Из этого примера видно, каким образом мог функционировать механизм трансфера западноевропейских понятий, представлений, концепций и социальных инноваций в Россию, и с помощью каких понятий страна вписывалась в общеевропейский контекст. Ведь связка «науки и искусства» не

[353] Готфрид Вильгельм Лейбниц. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. Москва, 2013. (репринт издания: Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. Изд. В. Герье. СПб., 1873). С. 269–270.
[354] Там же. С. 269.
[355] Копелевич Ю.Х. Основание… С. 33–34.

могла существовать в Московской Руси, где *раздельное* употребление этих слов имело иной контекст и практику бытования. Имплицитно новая традиция «ремесел и художеств», являющихся теперь частью понятий науки и искусства, получает свое вхождение в российский лексикон и повседневную практику применения, именно в своеобразной комбинации западноевропейских коннотаций и древнерусской традиции. Лейбниц так и не смог реализовать свои далеко идущие планы по основанию Академии наук в Петербурге, а в более широком контексте и по созданию моста между Европой и Азией посредством России, но влияние его идей очевидно[356].

После смерти «ганноверского мечтателя» в 1716 г., находится другой продолжатель дела Лейбница немецкий ученый-энциклопедист, философ, юрист и математик, профессор университетов в Галле и Марбурге, учитель М.В. Ломоносова – Христиан Вольф. Вольф в переписке с Шумахером и Блументростом продолжает говорить об учреждении двух Академий в Петербурге. В своем письме Блюментросту от 11 января 1721 г. он говорит, как об основании Академии наук, так и об Академии художеств и ремесел: «Его царское величество намерился как академию веждеств, так и другую при оной в которых чиновным людям в веждествах, такожде и другим в художествах и рукоделиях обучатися»[357]. Именно этим объясняется существование будущей Академии художеств и ремесленных мастерских многие годы как субструктуры Академии наук и позже ее выделение как самостоятельного культурного института. Именно такое сочетание наук и ремесел, пусть только гипотетически, должно было способствовать

[356] Утверждать о прямом влиянии идей Лейбница на проект основания российской Академии наук нельзя, ввиду комплексности и неоднозначности трансфера идей, и, тем более, их адаптации в новых условиях. Но весомое мнение немецкого ученого учитывалось в формировании концепций и видения развития «искусств и наук» «по примеру „стран инородних“» (Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель… С. 68, 82, 120). О необходимости дальнейшего углубленного исследования механизмов этого влияния и степени трансформации или адаптации западноевропейских идей и концепций в России см.: Алексеева Е.В., Редин Д.А., Рей М.-П. «Европеизация», «вестернизация»…; См. более подробно о проектах Лейбница и его переписке с Петром I: Копелевич Ю.Х. Основание… С. 27, 32–38.

[357] Андреев А.И. Основание Академии Наук в Петербурге… С. 294.

изобретению «перпетум мобиле», согласно желанию Петра в отношении обязательств марбургского профессора Вольфа в 1722 г.[358].

П.А. Кропоткин говорит о мнимой или явной потере ремесленной (технической) культуры с упадком средневековых городов в Западной Европе[359]. Тем не менее, в XVIII в., а зачастую и в XIX в., понятия «ремесло-художество-искусство-наука» как там, так и в России все еще довольно тесно связаны, зачастую образовывают одно большое смысловое и понятийное поле, хотя и имеют тенденцию дальнейшей дифференциации и отчуждения друг от друга. До конца XVIII в. словосочетания «художники и ремесленники» устойчивы в использовании. На это указывают и описания Петербурга, составленные И.Г. Георги (1790), А.К. фон Шторхом (1794) и Г.Л. фон Аттенгофером (1820). Все они говорят о ремесле как об искусстве и художествах, а о ремесленниках – как о художниках (нем. die Künstler)[360]. 17 июня 1812 г. даже появляется манифест с характерным названием: «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах»[361].

Сочетание слов «искусства и художества», в связи с основанием Академии художеств в 1757 г., также имеет непосредственное отношение к истории слова ремесла. При имени «Академия художеств» у современников возникает естественная идентификация этого высшего учебного заведения с «высокими искусствами»: изобразительным искусством, ваянием и зодчеством. Это было не всегда так. В Московской Руси слову *искусство* придавались такие значения, как умение, знание; опыт, эксперимент, что указывает на его близость к ремеслу[362]. В.В. Виноградов указывал именно на этот контекст, ссылаясь на лексикон Петровского времени: «слово

---

[358] Там же. С. 303.

[359] Кропоткин П.А. Анархия: [Сборник]; Сост. и предисл. Р.К. Баландина. М., 2002. С. 112–113.

[360] Аттенгофер Г.Л. фон. Медико-топографическое описание Санктпетербурга, главнаго и столичнаго города Российской Империи. СПб., 1820. С. 167, 205; Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1996. С. 133, 190, 192, 195–207; Storch H. Gemälde von St. Petersburg. Teil 2. Riga, 1794. S. 44, 46, 53, 55, 57, 60, 61, 382, 383.

[361] ПСЗ-1. Т. 32. № 25143: Манифест. *О привилегиях на разные изобретения и открытиях в художествах и ремеслах*. С. 355–356.

[362] Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1979. Вып. 6. С. 266.

эксперие́нциа (лат. *experientia*, польск. *eksperjencja*) (опыт, испытание) поясняется при помощи слова *искусство*».

Другой пример ученый приводит из примечаний Антиоха Кантемира к переводу сочинения Б. Фонтенеля «Разговоры о множественности миров» (1688/1730): «Эксперие́нциа. „Искус, искусство, знание, полученное через частое повторение какого действа“»[363]. Из чего ученый справедливо делает вывод о влиянии латинского языка как языка западноевропейской науки и философии на другие языки. Усиление этого влияния приходится на начало XVIII в., когда латинский язык становится основным языком преподавания, в том числе в одном из ведущих учебных заведений гуманитарного профиля – Славяно-греко-латинской академии, специализировавшейся первоначально на преподавании классических языков – греческого и латыни: «Московская академия возникла как школа славяно-греческая, но с 1700 г. происходит полная переориентация ее на латынь, которая становится языком преподавания во всех классах[364].

И.А. Пронина считает, не без доли академического пуризма, что, основанная в 1724 г., Академия наук не смогла воплотить в себе идею «социете художеств и наук»[365]. Такое совмещение, считает исследователь, было нерациональным и пагубным для развития как «“наук“ (т. е. исследовательского и научно-образовательного центра)», так «и „художеств“ (центра искусств, ремесел и профессиональной школы)»[366]. Возможно, осуществленный проект был далек от идеала, но интерпретировать этот союз исключительно отрицательно из ретроспективы XX в., на наш взгляд, нельзя, без учета бытования этих слов в рассматриваемый период и существования Художественного отделения при Академии, которое преобразуется при Анне Иоанновне в граверно-рисовальную школу. Результатом этого развития явилось основание в 1757 г. отдельной Академии художеств, в которой наряду

[363] Виноградов В.В. Семнадцатитомный академический словарь... С. 14.
[364] Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по истории… С. 31.
[365] Пронина И.А. Декоративное искусство… С. 29.
[366] Пронина И.А. Ломоносов...

с «тремя знатнейшими художествами живописи, скульптуры и архитектуры» соседствуют ремесленные мастерские[367]. В 1747 г., когда Академия официально стала называться Академией наук и художеств, а изучение искусств было узаконено, при ней продолжали действовать инструментальная, переплетная, столярная, токарная, пунсонного и резного дела палаты, сохранявшие характер производственных мастерских, а в каком-то смысле, и практических научно-исследовательских лабораторий[368]. Тесную связь науки и ремесла можно проследить на примере А. ван Левенгука, который «был одновременно и опытным мастером по изготовлению линз, и исследователем, увлеченно работающим с микроскопом». Левенгук «по праву считается одним из основоположников научной микроскопии»[369]. Отметим, что «первые формы преднауки связываются с элементами ремесла (греч. techne), возникшего на основе опыта»[370].

В этом свете – не оказался ли петровский проект, благодаря глубокой интуиции и чутью Петра I. и его духовных наследников, наиболее прозорливым в отношении дальнейшего развития европейских Академий? Ведь берлинская Академия искусств находилась до 1907 года в одном здании с Академией наук на улице Унтер ден Линден, а название самой Академии до 1809 года: Королевско-прусская Академия художеств и механических наук, долгое время совмещала в своем названии именно комбинацию из «классических искусств» и механических ремесел.

Современники, предлагавшие основать ремесленные школы или Академию ремесел, находились вполне в «концепте времени», если можно так выразиться. Близость или концептуальная нераздельность ремесла и «высокого искусства» сквозит в проектах основания как художественной школы, так и самой Академии художеств «с отчетливо выраженным

[367] Пронина И. А. Декоративное искусство… С. 16; Прим.: Классические искусства вплоть до начала XIX в. относились к ремеслам.
[368] Там же. С. 37.
[369] Смолко В.А. Концепции... С. 494.
[370] Там же. С. 32.

ремесленно-техническим уклоном»[371]. Ф.С. Салтыков (1712-1714 г.), Г. Фик (1718 г.), Ф. Прокопович (1719-1720 г.), М.П. Аврамов (1721 г.), А.К. Нартов (1724 г.), Л. Каравакк (сер. 1720-х гг.), план В.Н. Татищева (1747 г.), составленный при участии выдающихся архитекторов П.М. Еропкина, Б.К. Растрелли и Л. Каравакка[372] – все они в своей интенции, организовать в России систематическое обучение «художествам», естественно говорят об обучении в этих «художественных» школах и академиях плотничному, столярному, слесарному, штукатурному, шпалерному, золотарному, зеркальному и др. ремеслам, наряду с живописью, иконописанием, ваянием и архитектурой. Действительно, Петергофская золотарная мастерская, находившаяся в ведении Кабинета императорского двора, «готовила не художников, а мастеровых», но «художником могли назвать человека любой профессии», и в этом заключались реалии времени[373]. Поэтому не было ничего естественнее для того времени делать подобные предложения. И.А. Пронина констатировала в конечном итоге тесную связь искусства с ремеслами, вытекающую из представления современников «о неразрывном единстве живописи, скульптуры, архитектуры и графики с отдельными отраслями прикладного мастерства»[374].

В.Н. Татищев в своей аналитической записке от 12 мая 1748 г. об основании Академии наук и художеств в 1724 г., называет ее «Академи[ей] наук и ремесел». По его словам, царь лично составил расписание «художеств-мастерств», должных преподаваться в ней[375]. В XVIII в. происходит дальнейшая дифференциация в области не только наук и возникновение все новых научных дисциплин, но и «художеств», которые должны были быть выделены, согласно проекту Василия Татищева 1747 г., в отдельную Академию ремесел[376].

---

[371] Пронина И.А. Декоративное искусство… С. 13.
[372] Там же.
[373] Там же. С. 16–17, 50.
[374] Там же. С. 51–52.
[375] Экономические записки В.Н. Татищева… С. 415.
[376] Там же. С. 37, 52–53.

Данная полифункциональная коммуникативная традиция бытования слова *ремесло* наблюдается, но уже в меньшей степени, и в XIX в. В 1846 г. московский литограф Корнилий Я. Тромонин издал книгу с характерным названием: «О художестве в ремеслах», а в 1847 г. петербургский мастер Василий А. Резанов называет «портное мастерство» искусством, показывая старинную семантическую связь ремесла и художества[377]. В 1893 г. В.И. Межов издает третий том Русской исторической библиографии, в которой вновь видна генетическая связь ремесла с наукой и искусством. В разделе «История учебных заведений, посвященных искусствам», находим следующее. В Москве в 1826 г. некий *Любитель полезных искусств* на страницах журнала «*Вестник Европы»* рассуждает «О необходимости образования для ремесленников и об открытии для них училища рисования в Москве». Им следуют в 1827 и 1838 гг. статьи в «Московском вестнике» и «Северной пчеле» на аналогичные темы о «школе рисования в отношении к искусствам и ремеслам», основанную графом С.Г. Строгановым. 10 июня 1850 г. профессор химии Киевского университета И.М. Фонберг (1801–1891 г.) выступает с речью о необходимости наук для успеха искусств и ремесел[378].

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что понятия «ремесла» и «художества» в XVIII в. вбирали в себя как науки, так и будущие высокие искусства: «Тесная связь искусства с ремеслами, свойственная допетровскому времени, также оставалась характерной вплоть до конца XVIII столетия»[379]. «С постепенным усилением разделения труда, […] разграничивающего область практического ремесла и сферу искусства, декоративно-прикладное мастерство начинает вытесняться из стен Академии»[380]. По уставу Академии художеств 1802 г. «мастерства отменились, исключая необходимые для

[377] Резанов В.А. Взгляд на ход портного мастерства в России и на учение крестьянских мальчиков ремеслам, в особенности портному. СПб., 1847. С. 5; Тромонин К. О художестве в ремеслах. М., 1846.
[378] Межов В.И. Русская историческая библиография: указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам: за 1800–1854 вкл. : [в 3 т.]. СПб., 1892–1893. Т. 3. 1893. С. 460, 499.
[379] Пронина И.А. Декоративное искусство… С. 51.
[380] Там же. С. 57–58.

художественных произведений», а в другом документе указывалось, что «столярная и токарная работы к художественным произведениям не относятся». Несмотря на это, класс литейного и чеканного мастерства были оставлены при Академии[381].

Вхождение новых речевых практик, приблизительно со второй половины XVII в., особенно с началом петровских преобразований конца XVII – первой четверти XVIII вв., может быть прослежено, как нам видится, с помощью модели накладывающихся смысловых полей, взаимодействие которых усиливалось с интенсификацией реформотворческой деятельности и заимствований из западноевропейской культуры. Это приводило, в свою очередь, к появлению адаптационных практик, помогавших приспособить новые и старые понятия и слова к новым реалиям, или отторжению нововведений как варваризмов и грубых калек из европейских языков – избыточных копий, бывших бледным отражением церковнославянских и русских слов. В зависимости от контекста, в который ставится понятие ремесла и ремесленника, может быть получен новый смысл, функция и назначение: искусство может субсумировать особенно хорошо ремесла, связанные с производством мебели, одежды, обуви, драгоценностей, а наука – связанные с производством инструментов, приборов, часов и других сложных механизмов.

Согласно коммуникативным практикам XVIII в., понятия *науки*, *искусства*, *художества* и *ремесла* могли применяться в самых различных комбинациях и контекстах, получать новое или дополнительное семантическое значение из западноевропейской традиции, как это произошло со словами *наука* и *искусство*. Этим объясняется кажущаяся противоречивость и «неестественность» их совместного применения, исходя из речевых практик XXI в. Выступая в различных сочетаниях, они являлись медиумом передачи представлений человека Нового времени о науке,

[381] Там же. С. 58, 139–141.

искусстве и художестве как о ремесле. Объединение наук и искусств с ремеслами (художествами) не было случайным, ввиду специфики семантической традиции и тяготения к «универсалиям» того времени. По материалам немецко-латинско-русского словаря лютеранского священника Эренрейха Вейсмана, впервые изданного в Штутгарте в 1673 г., и переизданного в Петербургской Академии наук в 1731 г. и 1782 гг., а также пятой части Словаря Академии Российской 1794 г. издания, хорошо прослеживается именно эта взаимосвязь и преемственность[382].

Так называемая гибридность форм существования ремесленной промышленности может быть проанализирована с помощью понятий ремесленной мастерской, мануфактуры, фабрики и завода, для чего попытаемся выявить смысловую и терминологическую границу между ними. В «Очерках русской промышленности», увидевших свет в 1924 г., И.М. Кулишер наглядно показал, что в петровские и екатерининские «фабрики» и «заводы» в XVIII веке современниками мог вкладываться другой смысл. Иная «фабрика» ничем не отличалась от ремесленной мастерской[383]. Это значит, что граница между названными типами «промышленных» предприятий была зачастую условной и могла перемещаться как в ту, так и в другую сторону, в зависимости от цели и успеха проекта. Призванные в 1813–1814 гг. в Златоуст немецкие и эльзасские мастера из Золингена и Клингенталя именовались «фабрикантами» холодного оружия, хотя в большинстве своем были ремесленными мастерами[384]. Это и есть объяснение того, что известный «фабрикант» Петр Вейерсберг приехал с братом и сыновьями: Фридрихом, Василием, Густавом, Эдуардом и Рейнгардом, на Оружейную фабрику в

---

[382] Weismann E. Lexikon bipartitum latino-germanicum et germanico-latinum in quo latinitas prisca et pura ... ex probatissimis autoribus methodo perspicua explicatur. Tl. 1–2. Stuttgart: o. V., 1673; Weismanns Petersburger Lexikon von 1731 (I–II). München: Verlag Otto Sagner, 1982, 1983, Bd. 1. S. 353, Bd. 2. S. 413; Вейсман Э. Вейсманнов немецкий лексикон с латинским... С. 326, 420, 495; Словарь… 1794, столбец 114–115; см. Виноградов В.В. Семнадцатитомный академический словарь... С. 14; Словарь русского языка XI–XVII вв… Вып.6. С. 266.

[383] См.: Кулишер И.М. Очерк истории... С. 135–136, 140–142.

[384] Боков В. Немецкие оружейники на Златоустовском заводе // Журнал императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1913. № 5–6. С. 290–292; Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика. Москва, 2011; Показательно, что иностранные мастера в первые годы селились отдельными подворьями, при которых находились их ремесленные мастерские, как это было заведено у них на родине.

Златоуст и работал там браковщиком, получая при этом самое высокое жалованье в 3000 рублей в год[385]. Мог наблюдаться и обратный эффект, когда ремесла идентифицировались с крупными предприятиями. В своем путеводителе по Петербургу 1820 г. Г. Л. фон Аттенгофер писал: «Рукоделия, доставляющие пропитание большей части жителей города и его окрестностей в новейшие времена весьма размножились и усовершились. На императорских фабриках и частным лицам принадлежащих занимаются до 30 000 человек»[386].

Не всегда можно было с точностью отделить предпринимателей нового крупного машинного производства от самих ремесленников, становившихся зачастую заводчиками, принимавшими самое активное участие во внедрении новаций. Ведь революция машин предполагала революцию в сознании, в идеях, которые захватывали и будоражили умы не только купечества, но и самих ремесленников. По иронии судьбы, именно известный английский предприниматель и потомственный *гончар* Джозайя Уэджвуд рекомендовал Джеймсу Ватту управлять своим телом так же, как он это делает с любой другой машиной под его руководством[387]. В 1812 г., после нескольких продаж и банкротства «гончарной фабрики», наследство Уэджвуда досталось Джону Мозли (John Mosley), сдававшему «фабрику» в аренду небольшими частями различным гончарам. Эту же форму производства описывал Туган-Барановский в России. Позже на этой фабрике было налажено производство фаянса для североамериканского рынка[388].

---

[385] Ермакова О.К. Государственная политика привлечения иностранных специалистов на уральские заводы (первая половина XIX в.) // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 242–252; она же. Западноевропейские специалисты на казенных заводах Урала в первой половине XIX в. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. С. 4. См.: Она же. Иностранные мастера – основатели оружейного дела в Златоусте (первая половина XIX в.) // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия — Гуманитарные науки, 2012. № 4–5. С. 40–44; Она же. Опыт привлечения иностранных специалистов на Камские заводы в первой половине XIX в. в контексте промышленной модернизации // Модернизация в условиях освоения восточных регионов в XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2012. С. 78–89; Она же. Условия службы западноевропейцев по контракту в первой половине XIX в. // Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.) Коллективная монография / отв. ред. – Е.В. Алексеева. Екатеринбург, 2011. С. 248–256.

[386] Аттенгофер Г.Л. ф. Медико-топографическое описание Санктпетербурга… С. 265.

[387] Munk B. Artisans, Products and Gifts... P. 57.

[388] The Wedgwood Family Blog. URL: http://wedgwoodfamily.blogspot.ru/2007/04/churchyard-house-and-pottery-works.html (Дата обращения: 07.07.2016).

Применение данного термина мало чем отличалось в Петровскую эпоху. Достаточно привести несколько хрестоматийных случаев. Указом от 8 июня 1717 г. подканцлеру барону Петру Шафирову и тайному советнику графу Петру Толстому представлено «труд приложить, дабы в нашем государстве учредить фабрику или художества всяких материй и парчей», где художества являются синонимом ремесел или промышленности вообще[389]. Во многих случаях такие предприятия являлись расширенными ремесленными мастерскими[390]. Ведь в том же указе говорилось, что правительство брало на себя обязательство, предоставить сановным предпринимателям там, где «те заводы завесть заблагоразсудят, на первое время готовые дворы строением безденежно»[391]. Из текста указа видно, что слова *завод* и *фабрика* применяются как синонимы. В 1718 г. купец Павел Вестов получает «право на исключительное устройство в Москве сахарных заводов на 10 лет, в 1719 г. стольнику Афанасию Савелову и купеческим сыновьям Томилиным [даются] привилегии на устройство скипидарных, канифольных и гарпиусных заводов».[392] По мнению Кулишера, с которым можно согласиться, законодатели имели ввиду не форму производства, а производство как таковое: оружия, тканей, льна, сукна (АК – примечание автора: сельское хозяйство и кустарная изба в т. ч.)[393]. Характерно, что под словом *завод* или *заводчик* в XVII-XVIII вв., мог пониматься также мелкий или средний предприниматель, «*завод*ивший промышленные *завед*ения», производительность и форма производства которых могла ненамного отличаться от ремесленной или кустарной мастерской.

---

[389] ПСЗ-1. Т. 5. № 3089. С. 496–497.
[390] Кулишер И.М. Очерк истории… С. 140.
[391] ПСЗ-1. Т. 5. № 3089. С. 496–497.
[392] Кулишер И.М. Очерк истории… С. 103; Гарпиус – тождественное с канифолью; слово, заимствованное, видимо, от немецкого Kolophonium, производное от ионического города Колофон, являвшегося в античности центром торговли данным сырьем, – вареная и очищенная белая смола; твердая и ломкая смола, остающаяся от перегонки жидкой (живицы), при добыче скипидара. Иногда так называют смоляную мастику, сплавную смолку. Гарпиусовый, из гарпиуса сделанный; гарпиусный, то же, или к нему относящийся: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 1. СПб.-М., 1903. С. 848.
[393] Кулишер И.М. Очерк истории… С. 136.

В дальнейшем повествовании И.М. Кулишер приводит множество примеров, когда под собирательным словом *промышленность* в XVIII в. могли пониматься фабрика, завод, мануфактура, ремесленная мастерская или кустарная изба.[394] В двух последних случаях Кулишер разделяет понятия ремесленника и кустаря. Первый работает на себя и локализуется, как правило, в городе, второй – на селе и работает на скупщика[395]. До начала XX в. расхожее понятие «ремесленная промышленность» применялось в противовес крупной. Почему – становится понятным из этимологии этого слова. Оно происходит от глагола промышлять, а то, в свою очередь, от сущ. м. р. промысел. По мнению М. Фасмера, первоначальное слово *куста́рный* (про́мысел) заимствовано из средне-нижне-немецкого *kunster* «знаток искусства, ремесла» или ново-верхне-немецкого kunster, künster (с XV в.), которые считают исходным ново-верхне-немецкого Künstler – «художник, мастер своего дела» [нем. die Kunst – искусство][396].

В 1696 г. Петр I, обращаясь к тульскому кузнецу Никите Антуфьеву (родоначальнику горнозаводчиков Демидовых): «“Постарайся Демидыч распространить свою фабрику“, […] предлагает ему расширить свое чугунное, плавильное и оружейное производство, которое выполнялось в то время тульскими казенными кузнецами в своих же избах ремесленным способом»[397]. То же касается и тульского «оружейного завода» с 70-х годов XVII в., вплоть

---

[394] Там же. С. 135–142; Под ремесленной мастерской понимается ручное производство с применением ручных инструментов и/или механических приспособлений (прялка, ткацкий, токарный станок и т.д.) с небольшим количеством работников, включая мастера, подмастерьев и учеников, владеющих, за исключением последних, как правило, всеми операциями для производства конечного продукта.

[395] См. Об аналогичной роли кустарных промыслов, распространенных так же широко, как и традиционное ремесло в протоиндустриальный период при образовании капиталистических отношений в Западной Европе XIX в. пишет Г. Фоглер. Кустарные мастера получали от скупщиков материалы и отдавали готовый продукт или его часть. Если практически они становились наемными рабочими на дому, то это еще не значило, что они действительно должны были стать в ближайшем будущем таковыми на фабрике. Отчасти можно согласиться с Фоглером, считающим, что таким образом они готовились принять фабричные порядки. И все же не стоит преувеличивать роль такой подготовки кустарного производства как фактический переход к фабричным порядкам. Такие промежуточные состояния могли трансформироваться в различные производственные формы от фабрики до кооператива (Duchhardt H. Europa am Vorabend der Moderne: 1650–1800. Stuttgart, 2003. S. 121; Vogler G. Europas Aufbruch in die Neuzeit: 1500–1650, Stuttgart, 2003. S. 274-275; Pierenkemper E. Gewerbe und Industrie… S. 9, 14).

[396] См. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка [В 3 т.]. Репринт. изд. М., 1989. Т. 1. Ч. 2. С. 358; Т. 3. Ч. 2. С. 1415; Фасмер М. Этимологический словарь… Т. 3. 2003. С. 282; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь… Т. 1. М., 1999. С. 359.

[397] Кулишер И.М. Очерк истории… С. 136.

до 1873 г., означавшего «лишь нечто собирательное в смысле целой группы мелких самостоятельных заведений, работавших, главным образом на казну, но также и для вольного рынка»[398]. В указе Петра 1712 г. с выражением «завод суконный размножать», имеется ввиду ничто иное как «la fabrique de soie lyonnaise», или «лионск[ая] шелков[ая] промышленность, которая производилась исключительно в кустарных мастерских»[399]. Эти случаи невозможно подвести под один знаменатель, так как в это время сосуществуют разные виды мануфактур: централизованной и рассеянной, имевших в своей основе разделение труда и ремесленные технологии производства. Этим объясняется «растворение» мануфактур с началом промышленной революции и их вытеснение заводом и фабрикой. Ремесленная же мастерская продолжала соседствовать с последними, оставаясь в отдельных отраслях производства до сегодняшнего дня безальтернативным поставщиком качественных индивидуальных продуктов.

Кажущееся современному читателю «смешение» понятий совершенно естественно для XVIII в., когда ремесло стоит в близкой связи со всеми словами, связанными с производством (ремесленным, фабричным, заводским). Слово *завод* происходит от глагола *заводить* (др.-слав. водить) в смысле *хозяйствовать*, имевшим широкий спектр применения в области производства продуктов потребления. С индустриализацией и возникновением крупного промышленного производства во второй половине XIX в. слова *заводчик* и *промышленник* получают однозначную коннотацию с крупным предпринимателем. Эволюционирует и слово *мануфактура*, послужившее производным для слов *мануфактурщик* и *мануфактурные товары* легкой промышленности, подразумевавших обработку волокнистых веществ и выработку тканей. Слово мануфактура заимствуется в немецком из

[398] Там же.
[399] Там же.

французского и английского языков *manufacture* от лат. *manus рука* и *factūra делать*, *обрабатывать*, а из немецкого в начале XVIII в. в русский язык.[400]

Чем дальше мы уходим вглубь веков, тем чаще мы встречаемся с ремесленной мастерской, как основной производственной единицей. В Словаре русского языка XI-XVII вв., наряду со словом *мастерская*, применялись синонимы *мастерская изба* или *мастерская горница*. Употреблялось это слово и в названиях государственных учреждений. В XVII в. имеются Мастерская палата и Приказ мастерской палаты, в ведении которого находилось ткацкое дело[401].

Этимология слова „фабрика“ (лат. fabrica „искусство“, „мастерство“, „мастерская“; „способ изготовления“, „фабрикация“, „производство“; лат. faber „художник“, „кузнец“, „ремесленник“), означающее сегодня крупное промышленное предприятие, имеет прямое отношение к ремесленной мастерской, а „фабрикант“ происходит от латинского слова, означающего в переводе на русский язык „ремесленник“. В XVII в. французское слово *fabrique* заимствуется в немецком языке *die Fabrik*, и в начале первого десятилетия XVIII в. появляется в русском языке ранее всего у польских двуязычных лиц через польское fabryka в двух значениях: производство, изготовление чего-либо, а также завод, предприятие, выпускающее какие-либо изделия (также произведенный продукт, от лат. fabricātum-fabricāre)[402]. В это время различие между противоположными понятиями *фабрика* и *мануфактура*, как другого рода производства, еще не сложилось, а слова фабрика – мануфактура – завод употребляются синонимически. Вот как объяснял словарь XVIII в. значение завода/фабрики: «Заводы бывают двоякие: одни людьми, другие водою или ветром действуют, к первым всякия великия

---

[400] DWDS. Manufaktur. URL: https://www.dwds.de/wb/Manufaktur (Дата обращения: 10.02.2017); См. лат. facere ‘делать’, также лат. manufactūra ‘ручная работа’.

[401] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9 (М) / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М., 1982. С. 38.

[402] С XVI в., и особенно к концу XVII в. Польша стала важным проводником западных влияний, которое несли среди прочего западнорусские учителя (см. Киселева М.С., Чумакова Т.В. Вхождение России в интеллектуальное пространство Европы: между Царством и Империей // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 22–40, здесь с. 27–28; Киселева М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII–начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011).

фабрики, яко суконныя, полотняныя, селитренныя, стеклянныя, и тому подобныя, сии гречески называются мануфактуры [АК: лат.], […] ко вторым все крущцовыя, золотыя, серебряныя, медныя, сии Французы фабриками, немцы Верк [АК – завод, нем. die Werkstatt, ремесленная мастерская] называют, обоя точно Руски работа»[403]. Более поздний Словарь Академии Российской 1794 г. издания указывает также значение, близкое по смыслу к ремесленной мастерской: «Фабрика – лат., завод или место, где в большем количестве производится какое-либо рукоделие. *Чулошная фабрика. Суконная фабрика. Купить что на фабрике. Работать на фабрике. Содержать, завесть фабрику.* […] *Фабрикант* – содержатель одной или многих фабрик»[404]. В XIX в., вследствие индустриализации, слова завод и фабрика принимают современное значение[405].

Некоторые ремесленные понятия с измененной семантикой существуют и сегодня. Слово цех (ремесленный, мн. ч. цехи) осталось в обозначении заводского цеха (мн. ч. цеха). Цеховой мастер, как мастер цеха или бригады, также остался в измененном значении. Практика применения вышеназванных слов в XVIII в. определялась размытой семантической границей или смысловой близостью слов. В записке «Предложение о размножении фабрик» от 2 мая 1745 г. В.Н. Татищев пишет о вопросах развития ремесла, комментируя с сожалением: «токмо Мануфактур-коллегия, в то вступя, у меня руки отняла»[406]. Это и понятно, ведь Татищев предлагал изъять ремесленников из ведомства Мануфактур-коллегии и передать их в ведение магистрата, т. е. вернуть им статус, данный Петром I. при учреждении цехов в 1721–1722 гг. Новаторство Татищева заключалось в его предложении четко разделить мануфактуры и ремесленные мастерские. Для этого он определяет понятие фабрики, выделяя ремесла: «Хотя фабрика французское слово есть весьма

[403] Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по истории… С. 143.
[404] Словарь Академии Российской. Санктпетербург: При Имп. Акад. наук, 1789–1794. Ч. 5, 6: от Т до конца. 1794, Ч. 6, стлб. 479.
[405] Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по истории… С. 143; DWDS. Fabrik.
[406] Экономические записки В.Н. Татищева… С. 399–400, 407–409.

пространного разумения, заключаюсчее в себе всякие ремесла, однако ж мнитца, что его императорского величества высокое определение касается токмо до одних тех фабрик, которые во множественном числе людей и работ состоят, как то суконные, шелковые, полотняные и тому подобные великие заводы, а не все единственные ремесла»[407].

Это не мешает Татищеву в записке «Например представление о купечестве и ремеслах» от 12 мая 1748 г. поставить фабрики, заводы и ремесленников в один ряд, упоминая среди заслуг царя Алексея Михайловича, что тот «междо многими его знатными и вечной славы достойными делами не менше он о рукоделиах, ремеслах и купечестве его труда показал», устроив «медные и железные заводы, яко же и оружейные […], [заведя] холсчевые и шелковые фабрики, […] [призвав множество] ремесленников иностранных»[408].

Анализируя частотность употребления слова мастерская, мануфактура и фабрика в немецком языке, можно увидеть корреляцию развития ремесла и крупной промышленности в Германии. Если на эти данные наложить рост численности ремесленников Петербурга на протяжении двух веков, получим примерное совпадение кривых роста, что говорит о глубокой интегрированности российской столицы в общеевропейский рынок и чутком реагировании ремесленной промышленности на взлеты и падения его экономической конъюнктуры (см. рис. 2). Если сравнить диаграммы на рисунках 1, 2 и 3, невозможно избавиться от впечатления, что язык является камертоном бытия, пересекающим культурные, государственные границы и языковые барьеры, как это ни парадоксально звучит.

[407] Там же. С. 407–409.
[408] Там же. С. 414.

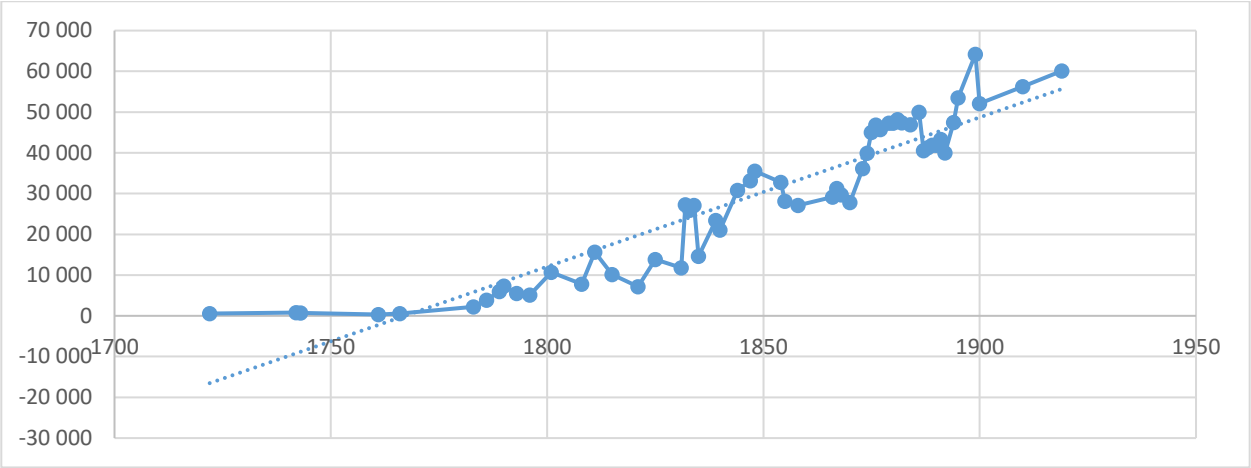


Рисунок 2: Российские цехи Санкт-Петербурга всего, 1722–1919[409].

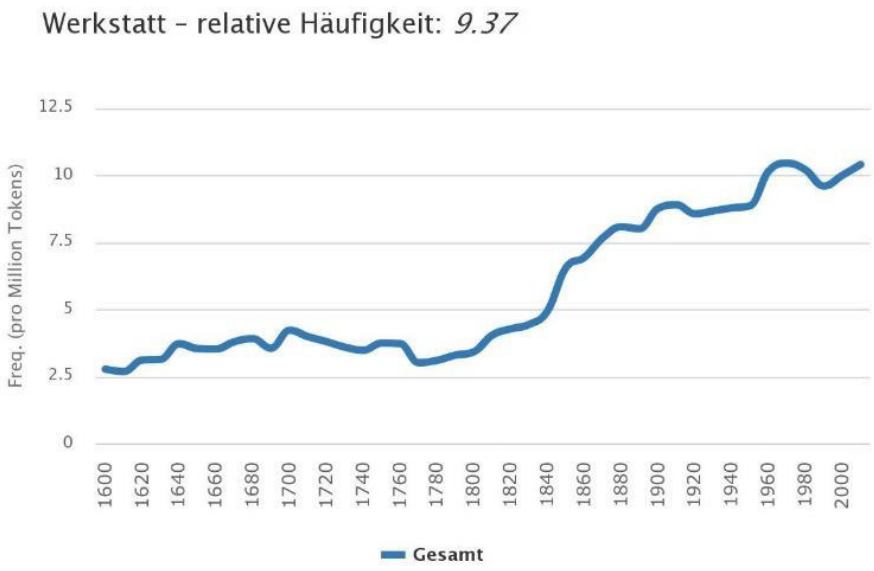


Рисунок 3: Среднестатистическая частотность употребления слова «Werkstatt» (ремесленная мастерская) в немецком языке на 1 млн. токенов, 1600–2000 гг.[410].

Если «Капитал» К. Маркса, а вслед за ним и основательная работа В.И. Ленина «О развитии капитализма в России» закрыли тему ремесла для истории развития промышленности[411], то статья Г.А. Белковского о ремесле в

[409] Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg… S. 479–480, 482–484.

[410] *Die Werkstatt – das Werk продукт, завод; die Statt (die Stätte) – место (работы)* (DWDS. Werkstatt. URL: https://www.dwds.de/r/plot?q=Werkstatt (Дата обращения: 10.02.2017)).

[411] См. критику позиции К. Маркса Луи Альтюссером: Althusser L., Balibar E. Das Kapital lesen. Bd. 1. Reinbek, 1972. S. 31–32 (Berger M. Arbeit, Selbstbewusstsein… S. 31–32); Альтюссер меняет перспективу и говорит не об экономических категориях в Капитале, а рассматривает его с точки зрения методики и способа презентации проблем. Маркс сосредотачивает основное свое внимание на средствах производства, капитале и логике исторического процесса, выключая человека как действующего и рефлексирующего субъекта из него. Следовательно, намерения, взгляды и поступки субъекта, которые последний полагает вырабатывать и производить самостоятельно, на самом

1899 г. дает новое понимание места ремесла в экономике страны, иной горизонт событий, а значит, и новые перспективы его развития и изучения[412].

Согласно Белковскому, «ремеслом называется такая система производства в области обрабатывающей промышленности, когда производитель создает меновые ценности обыкновенно по заказу и на ограниченный местный рынок, при участии лиц, принадлежащих к одинаковому с ним общественному классу»[413]. Автор различает в ремесле две «системы производства»: «домашнюю или кустарную» и «фабричную», и признает, что «в действительной жизни» существует «ряд промежуточных систем производства, не укладывающихся в определенную схему. Производство может сохранять свой ремесленный характер при работе на чужой стороне или на дому не по заказу, а на запас, с применением машин (моторов разного рода)». И далее автор приходит к выводу, что невозможно «точно разграничить существующие системы производства» из-за чисто механического приема определения «в зависимости от числа занимаемых ими рабочих»[414]. В России эта граница определялась, как уже сказано выше, 16 рабочими.

Данная техничность определения ремесленной мастерской и крупного промышленного предприятия таит в себе опасность телеологичности, т. е. желания показать неизбежность укрупнения и вытеснения ремесленных мастерских. На самом деле здесь нет никакой закономерности,

---

деле не играют роли, но являются результатом, продиктованным механизмами процесса. Человек становится заложником предполагаемых исторического процесса и закономерностей в концепции Маркса. Тот же методологический ход в своей критике народников-экономистов совершает и В.И. Ленин. В.П. Воронцов и Н.Ф. Даниельсон восставали против такого концептуального подхода, стараясь вернуть человека в экономику как главного актора, «очеловечить» экономическую теорию Маркса. В том числе и методом масштабирования, аргументируя в «человеческих» масштабах. В этом смысле Г.-Г. Гаупт говорит о гармонизации отношений между личностью и институтами: Haupt H.-G. Neue Wege zur Geschichte der Zünfte in Europa…; Воронцов В.П. Очерки кустарной промышленности в России…; Он же. Судьбы капитализма в России…; Он же. Судьба капиталистической России…; Даниельсон Н.Ф. (Николай-он). Апология власти денег как признак времени…; Он же. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства...

[412] См. напр.: Водянова И.Н. Новая ремесленная экономика / New Artisan Economy // Общество и экономика. 2009 (11–12). С. 210–217; Она же. Новая ремесленная экономика как вид малого предпринимательства // Проблемы современной экономики. 2010. № 2. С. 206–209.

[413] Белковский Г.А. Ремесло // Энциклопедический словарь. 1899 Т. 26А. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1899. С. 557–558.

[414] Там же.

оформляющейся в сценарии грядущего будущего. К примеру, у авторов истории России XVIII – XIX вв. Л.В. Милова и Н.И. Цимбаева находим именно такой сценарий: промышленный переворот, т. е. переход «от мануфактуры к машинному производству, к замене мускульной силы рабочего и энергии падающей воды силой пара», когда «на смену водяному колесу пришла паровая машина», имел и социальную сторону – «он был невозможен без рынка свободной наемной рабочей силы»[415]. Как раз с этого места авторы попадают в ловушку социальной детерминации, выстроенную Марксом, в которой историю «творят» «дв[а] новых общественных класс[а] – промышленной буржуазии и пролетариата»[416]. Наступает конец истории, исчерпывающийся образованием и интеракцией только этих доминирующих на исторической арене «классов», ведущих к двум системным вариантам – социализма или капитализма.

Подводя итог, можно сказать, что в период протоиндустриализации, когда уровень смешения понятий и форм производства еще был высок, под производством, представляющим ремесленную мастерскую, могла скрываться фабрика или завод, и наоборот. С развитием индустриализации во второй половине XIX в. фабрика и завод начинают однозначно идентифицироваться с крупными промышленными предприятиями, хотя и состоящими зачастую из ряда расширенных «мастерских», позже – «цехов». Претерпевала модернизацию и ремесленная мастерская, внедряя «миниатюрную» технику в виде электромоторов, бензинового, дизельного и газового моторов.

1.3. Источниковая база исследования

[415] История России XVIII-XIX веков / Л.В. Милов… С. 402; Периодизация промышленного переворота в России датируются авторами на 1820-е – 1880-е гг., «когда закончилась техническая и социальная перестройка уральской горнозаводской промышленности, которая целиком была построена на крепостном труде. […] Однако ручной труд продолжал практически полностью господствовать на российских мануфактурах вплоть до 1840-х гг., когда резко увеличился ввоз в страну машин и станков». В 1840-1850-е гг. начинается процесс вытеснения мануфактуры фабрикой, проходивший в разных регионах крайне неравномерно. См.: там же. С. 403.
[416] Там же. С. 402.

Используемые источники можно подразделить на следующие виды: материалы делопроизводства, законодательные акты, статистика и справочные издания.

Первый вид источников представлен **материалами делопроизводства,** отложившихся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного исторического архива Санкт–Петербурга (ЦГИА СПб.) и Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ)[417]. Они содержат протоколы, журналы заседаний, отчеты, доклады, прошения, представления, межведомственную переписку, служебные формуляры, служебную статистику, списки российских и иностранных ремесленников, штаты сотрудников ремесленной управы. Комплексы делопроизводственных документов, а также материалы служебной статистики отложились в фондах центральных органов управления промышленностью: Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, департамента торговли и мануфактур Министерства финансов и Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, имеющих большой информативный потенциал и обладающие в большинстве случаев высокой степенью достоверности. **Проекты и записки** частных и государственных лиц позволяют вычленить мировоззренческие аспекты, служившие мотивационным базисом для тех или иных поступков и принятия решений. Проекты и записки Г.В. Лейбница, В.Н. Татищева или мнения членов С.-Петербургской ремесленной управы: прошения, предложения, отчеты – все это дает богатый материал для анализа идей, если не движущих миром, то по меньшей мере дающих импульсы к преобладанию определенного вектора развития.

В **РГИА** множество документов, касающихся ремесленников Петербурга, содержится в фондах государственных учреждений, контактировавших с ремесленными цехами в связи с их отраслевой

[417] ЦГИА СПб. Ф. 221, 223; РГИА: Ф. 18, 20, 472, 560, 571, 1286, 1287, 1341; ЦИАМ. Ф. 32.

подотчетностью. Это, прежде всего, дела фонда 18 (Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов):

Оп. 2: «О присвоении петербургскому фабриканту Х. Фрезе звания придворного фабриканта живописных красок (Д. 180. 1816); «О выдаче денежной ссуды фабриканту Джону Баннистеру» (Д. 278. 1818), «Дело Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов о разрешении каретному мастеру И. Иохиму открыть каретную фабрику в Петербурге и об употреблении изображения государственного герба на вывеске и изделиях фабрики (Д. 296. 09.03.–07.06.1820); «Переписка с Деп-ом разных податей и сборов М.Ф., Петербургской городской думой, московским и петербургским губернаторами о доставлении сведений о количестве ремесленников, иностранных мастеров и подмастерьев, состоящих в управе немецких цехов. Ведомотси Московской ремесленной управы» (Д. 435); «По прошению здешних ткацких мастеров и выдаче им видов на получение свидетельств для свободного производства работ на их небольших заведениях и об учреждении иностранного цеха» (Д. 471. 1824–1841); «По прошению старшин русского и немецкого инструментального цеха о запрещении лицам не принадлежащим к цеху заниматься их ремеслом». Здесь: «От министра финансов Канкрина к Санктпетербургскому генералгубернатору от 1 апреля 1826 г.» (Д. 489. 1826); «Дело об устройстве в 1829 г. первой выставки русских мануфактурных изделий» (Д. 623. 1829–1830 г.); «О наградах фабрикантам участникам 1-й выставки 1829 года» (Д. 624. 1829–1832); «Алфавитный список фабрикантам и заводчикам, получившим награды по выставкам Российских мануфактурных изделий; Фабрика роялей "К. М. Шредер"» (Д. 625); «Дело об отпуске средств на выдачу пособия Попечительству (Д. 664); «Отношения петербургского генерал-губернатора о промышленных предприятиях, открытых в Петербурге и уезде в 1850 г.» (Д. 1382); «Уведомления петербургского генерал-губернатора о промышленных предприятиях, открытых в Петербурге и уезде в 1853 г.» (Д. 1453);

«Уведомления петербургского генерал-губернатора о промышленных предприятиях, открытых в Петербурге и уезде за 1854 г.» (Д. 1468);

Ф. 20 (Департамент торговли и мануфактур министерства финансов). Оп. 3: «Об открытии фабрик в Петербургской губернии (Д. 1985); «О выдаче свидетельств на открытие фабрик и заводов и других промышленных заведений в Петербуре» (Д. 2079); «Сообщения Петербургского градоначальника о выдаче различным лицам разрешений свидетельств на производство работ в устроенных ими мастерских» (Д. 2144 а, б:); «Об открытии различных мастерских в Петербурге» (Д. 2160); «О выдаче свидетельств на открытие мастерских и заводов» (Д. 2251);

Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов): «Об улучшении быта рабочих людей в С.Петербурге. Мнение статского советника Ознобишина» (Оп. 8. Д. 577. 1841);

Ф. 571 (Департамент разных податей и сборов министерства финансов). Оп. 3: «Об уменьшении податей с петербургских иностранных ремесленников» (Д. 337. 1808–1827);

Ф. 1287 (Хозяйственный департамент министерства внутренних дел). Оп. 37: «Об обревизовании иностранной ремесленной управы в Петербурге статским советником бароном Корфом» (Д. 92); «По проектам мастеров портного цеха Резанова и Кесснера об обучении мальчиков портновскому ремеслу» (Д. 93); «По прошению жительствующего в Петербурге трубочистного мастера К. Гепнера, об употреблении в С. Петербурге изобретенного им состава для смазки в домах внутренних труб» (Д. 129. 04.1843–12.1844); «По предложению ювелира Гронмейера об освобождении ремесленников от рекрутской повинности в натуре» (Д. 135); «По прошению старшин немецкомузыкальноинструментального цеха о неправильном домогательстве английского подданного Лихтенталя в принятии его в сказанный цех. Здесь: Министр внутренних дел Перовский Санктпетербургскому военному генералгубернатору от 30 сентября 1843 г.» (Д. 137); «По отношению С. Петербургского военного генерал-губернатора об

освобождении саксонского подданного мастера портного цеха Ранфта от платежа податей. Здесь: Отношение С. Петербургского генерал-губернатора министру внутренних дел от 30 ноября 1843 г. и Рапорт барона Корфа…» (Д. 171); «По прошению мясничного мастера Эрнста Мартенса, о дозволении ему открыть в С. Петербурге образцовую мясничную лавку» (Д. 350. 08.11.1845); «По прошению мясничного мастера Эрнста Мартенса, о дозволении ему открыть в С. Петербурге образцовую мясничную лавку.» (Д. 409. 08–11.1845); «Об устройстве Ремесленной управы иностранных цехов в Петербурге» (Д. 667. 12.04.1849–11.12.1851); «По прошению мастеров Петербургского макаронного цеха Петровой и Кубовой о запрещении булочникам приготовлять макароны» (Д. 846); «О дозволении С. Петербургскому третьей гильдии купцу Ивану Паллизену устроить в городах Российской империи пекарни для печения хлебов в особо устроенных привилегированных печах» (Д. 892. 1850); «Об открытии в Петербурге воскресных классов для ремесленников и об издании особого журнала, предназначенного исключительно для распространения ремесленных познаний» (Д. 1931. 1858); «О разрешении жителю Петербурга митавскому уроженцу К. Кеснеру открыть в столице справочную контору для ремесленников» (Д. 1508).

Оп. 38: «О поручении попечителем о бедных надзора за положением учеников в ремесленных заведениях Петербурга» (Д. 78. 1861); «Об обревизовании иностранной ремесленной управы…». Здесь: «Рапорт барона Корфа министру внутренних дел от 10 октября 1842 г.» (Д. 92); «По доносу гласных ремесленного отделения Петербургской городской общей думы – о растрате суммы в ремесленной управе и о разного рода неправильных действиях ремесленного старшины Малкова» (Д. 413, 04.1864–09.1867); «О возбуждении делопроизводителем собрания выборных петербургского ремесленного сословия П. Александровым и братом его маклером управы Ф. Александровым беспорядков в среде ремесленного сословия». Здесь: «Прошение вечноцеховых мастеров министру внутренних дел в январе 1871 г.», «Докладная записка», «Доклад от 13 сентября 1869 г.» (Д. 1058); «О

назначении для присутствования в собрании выборных мещанского и ремесленного сословий С. Петербурга за упразднением должности уездного стряпчего особого лица. Здесь: Доклад С. Петербургского губернатора управляющему министерством внутренних дел» (Д. 1072. 10.1869–07.1870; 06.05.1870); «По ходатайству временно-цеховых мастеров Петербургского ремесленного сословия с предоставлением им права участия в делах Собрания выборных ремесленного сословия, наравне с вечно-цеховыми мастерами» (Д. 1281. 30.11.1880–22.09.1881); «По прошению петербургских мастеров разных ремесленных цехов Чистякова, Поликарпова и других об устранении от должности старшины ремесленной управы Полозова и назначении на эту должность новых выборов; переписка о беспорядках по Петербургскому ремесленному управлению и назначении ревизии его». Здесь: «Прошение управляющему министерством внутренних дел от временноцеховых мастеров в С. Петербурге» (Д. 1952. 27.08.1880); «По жалобе С. Петербургского временноцехового ремесленника Иванова на оставление петербургским по городским делам присутствием в силе неправильных выборов заседателей в местную ремесленную управу от причисленных к временным цехам ремесленников» (Д. 2254. 1885–1886).

Ф. 1341 (Первый департамент Сената). Оп. 107: «Об устройстве заводов и фабрик». Здесь: «По высочайшему повелению, о возложении на попечителей о бедных, надзора за положением учеников в ремесленных заведениях С. Петербурга» (Д. 1389. 1861).

В **ЦГИА СПб.** имеются фонды 221 Петроградской купеческой управы и 223 Петроградской ремесленной управы российских цехов, охватывающие соответственно периоды 1846–1917 гг. и 1785–1917 гг. В составе фонда Ремесленной управы числится около 14 000 делопроизводственных и личных дел ремесленников, большинство из которых еще предстоит изучить.

Ф. 221 (Петроградская купеческая управа. 1846–1917). Оп. 1: «Ведомость цеховых ремесленников Петербурга». Составлено в 1766 г. по ревизским сказкам 1747 и 1764 гг. (Д. 80).

Ф. 223 (Петроградская ремесленная управа. 1785–1917). Оп. 1: «Обряды русского и иностранного слесарного цеха» (Д. 2328); «Обряды русского и иностранного позументного цеха» (Д. 2334); «Обряды русского и иностранного кузнечного цеха» (Д. 2332); «Обряды русского и иностранного переплетного цеха» (Д. 2333); «Обряды русского и иностранного часового цеха» (Д. 2340); «По предписанию военного генерал-губернатора от 29.08.1865 с резолюцией Распорядительной думы от 3 сентября с подпискою слесарного мастера Егора Гринберга в том, что он обязывается содержать учеников Петра Андреева, Алексея Анюхина и Ивана Петрова хорошо для наблюдения за исполнением» (Д. 3444), «О созыве схода мастеров портного ремесла, для рассмотрения вопроса о лицах торгующих готовым платьем и о избрании делегатов на конгресс портных в Бельгии (Д. 5279. 1897); «По вопросу о предоставлении возможно больших льгот для поездки на Всемирную выставку в Париже в 1900 году» (Д. 5349. 1899); «По ходатайству заседателей С.-Петербургской Ремесленной управы о допущении к выборам на цеховые должности временно-цеховых мастеров на равных правах с вечно–цеховыми» (Д. 5427. 24.11.1905–9.12.1905).

Фонд 223 является наиболее ценным для исследования повседневной жизни ремесленников. К сожалению, аналогичный фонд иностранного отдела Петроградской ремесленной управы, а именно иностранных цехов, не сохранился[418]. По вышеназванной причине пришлось воспользоваться материалами ремесленной управы российских цехов, чтобы проанализировать как общее развитие цехов, так и роль в них иностранцев, игравших важную роль в технологическом трансфере среди ремесленников.

В Центральном историческом архиве г. Москвы хранятся документы, касающиеся судьбы А.А. Кнауфа («Дело по Указу Мос. Губернского Правления о записке иностранца Петра Андреева с. Кнауфа временно в здешнее купечество» (Ф. 32. Оп. 4. Д. 2758. 1795)). Некоторые сведения о

[418] Жукова Н.Г. К истории Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга 1918–1936 (на правах рукописи, инв. № 2485). СПб., 2002. С. 4.

немецких ремесленниках Петербурга в первой половине XIX в. удалось почерпнуть в Тайном государственном архиве Прусское культурное наследие в фонде министерства иностранных дел, охватывающем временной промежуток 1610–1805 гг. и 1806–1935 гг. (GStA PK. III. HA MdA, III Nr. 12045). Дела немецких ремесленников, работавших в Санкт-Петербурге, позволяют реконструировать механизмы трудовых меграций, условия их существования, выявить уровень их адаптции.

Второй вид источников, используемых в работе – **законодательные акты** Российской империи, опубликованные в **Полном собрании законов** Российской империи первого (т. 1, 3-8, 11-16, 20-27, 31, 32, 35, 39, 42, изд. 1830 г.) и второго (т. 17, 20, 21, 27, 37, 40, 41, изд. 1830–1884 гг.) изданий и **Своде законов Российской империи** (Уставы ремесленные: Т. 11. Ч. 2. СПб., 1857; Т. 9. Ч. 2. Отд. 3. СПб., 1906; Устав о прямых налогах, раздел второй. Положение о государственном промысловом налоге. Т. V. СПб., 1912. С. 44–69).

Законодательные акты можно поделить на несколько разновидностей, причем, надо отметить, что важное значение для их анализа играют проекты, записки, мнения, выраженные различными лицами и не вошедшие в текст самого закона, но повлиявшие на его характер и напрвление.

К первой группе разновидностей относятся *манифесты*, вошедшие в первое Собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ-1): «О вызове иностранцев в Россию […]» (Т. 4. № 1910. 16.04.1702), «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» (Т. 16. № 11880. 22.07.1763.), «О экипажах […]» (Т. 20. № 14290. 3.4.1775), «О свободной торговле […] (Т. 22. № 15935. 22.02.1784.), «О мерах к уменьшению государственных долгов; о прекращении выпуска в оборот новых сумм ассигнациями и о возвышении некоторых податей и пошлин […]» (Т. 31. № 24116. 2.2.1810), «О привилегиях на разные изобретения и открытиях в художествах и ремеслах (Т. 32. № 25143. 17.06.1812). Особенность источников данной группы заключается в том, что

манифесты являлись формой прямого обращения верховной власти к подданным, являлись открытыми и публичными документами, которые, как правило, зачитывались в церквях.

Вторая группа законодательных актов – *именные указы:* ПСЗ-1: «О смотрении губернаторов […]» (Т. 4. № 2485, 15.02.1712), «О недержании никому у себя в доме никаких пришлых людей без поручных записей […]» (Т. 5. № 2862, 06.12.1714), «О принятии и употреблении к делу нанятых овчаров и суконных мастеров […]» (Т. 5. № 3017. 29.04.1716), «О взятии свидетельств мастеровым людям […]» (Т. 5. № 3142. 17.01.1718), «Об управлении во всех коллегиях […]» (Т. 5. № 3255. 12.12.1718), «Об увольнении заводчиков от градских служб» (Т. 6. № 3710. 17.01.1721); «О цехах» (Т. 6. № 3980, 27.04.1722), «[…] О Академии ученья языкам» (Т. 7. № 4427. 20.01.1724.), «О приготовлении переводчиков книг обучением их художествам (Т. 7. № 4438, 23.01.1724); «О посылке в чужие краи учеников для обучения мануфактурному искусству, о выписывании для фабрик инструментов и машин, а для табачных заводов семян и мастеров и об употреблении на заведение новых фабрик прибыльных денег за гербовую бумагу» (Т. 7. № 4381. 03.12.1723); «Об учреждении Академии […]» (Т. 7. № 4443. 28.01.1724), «Об учреждении Кадетского Корпуса» (Т. 8. № 5811. 29.07.1731), «Правителю С. Петербургской губернии генерал-майору Потапову. – О непринуждении иностранных мастеров, в Санктпетербурге поселившихся, записываться в цехи вечно» (Т. 21. № 15331. 22.01.1782), «О распространении на все возвращенные и приобретенные вновь Области узаконения, чтоб всякий пребывающий в России избрал непременно род жизни» (Т. 24. № 18223. 26.10.1797), «Объявленный президенту Академии наук барону Николаю. О извлечении из иностранных журналов и сочинений всего относящегося до открытий по разным частям ремесел, художеств и земледелий» (Т. 27. № 20144. 12.02.1802). «О городских повинностях по Санктпетербургской столице» (Т. 28. № 21131. 19.01.1804), «Об облегчении мещан и ремесленников в платеже недоимок» (Т. 39. № 30114. 14.11.1824); ПСЗ-2:

«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Отд. II: «О нарушении постановлений ремесленных» (Т. 20. Ч. 1. № 19283. 15.08.1845. С. 918–926); «О новом положении о общественном управлении С. Петербурга» (Т. 21. № 19721. 13.01.1846).

Третья группа законодательных актов – *указы из Сената и сенатские указы*: ПСЗ-1: «О сборе мастеровых людей и заготовлении припасов для Санктпетербургскаго Адмиралтейства» (Т. III. № 2449. 09.11.1711), «О выдаче провианта мастеровым людям […]» (Т. 5. № 2626. 12.01.1713), «О высылке на житье в Санктпетербург купецких и ремесленных людей […]» (Т. 5. № 3016, 27.04.1716), «О разпределении ведомства […]» (Т. 5. № 3320, 4.3.1719), «В дополнение указа 1722 года апреля 22 […]» (Т. 6. № 4054, 16.07.1722), «О явке в Главном магистрате занимающимся художествами и ремеслами для объявления, чем занимается» (Т. 6. № 4102, 6.10.1722); «О писании в цехи мастеровых людей, пришлых из за рубежа […]» (Т. 7. № 4395. 23.12.1723), «В следствие доношения генерала Фермора […]» (Т. 12. № 9012, 3.8.1744), «О выписывании фабрикантам из чужестранных государств для своих фабрик рисовальных и красильных мастеров […]» (Т. 13. № 10129, 12.8.1753), «О числе учеников, определяемых к обучению ремеслам при Кадетском Корпусе […]» (Т. 15. № 11224. 27.03.1761), «О записке выходящих в Россию на поселение иностранных ремесленников […]» (Т. 16. № 12290, 9.12.1764), «О невоспрещении мещанам, казенным и господским ремесленникам записываться в общие цехи на такое время, сколько кто в оных быть пожелает […]» (Т. 23. № 17438. 6.2.1796). Указы могут быть самого различного характера. Одни имеют нормативный характер, приобретая силу закона, и не уступают в своем значении манифестам, другие – носят сугубо частный характер.

Четвертая группа законодательных актов – *высочайшие указы, резолюции, жалованные грамоты*: ПСЗ-1: «Об управлении казенными и земскими делами» (Т. 3. № 1579. 31.03.1697); «Высочайшая резолюция на мемориал иноземца Фика. […] об учреждении Академий» (Т. 5. № 3208.

11.06.1718), Высочайшие резолюции на докладные пункты подполковника Вырубова (Т. 7. № 4442. 27.01.1724); «Жалованная грамота подканцлеру Шафирову и тайному советнику Толстому. Об означении товаров, какими могут крестьяне торговать в больших селах и деревнях» (Т. 12. № 9201. 19.08.1745); «Грамота на права и выгоды Городам Российской империи» (Т. 22. № 16187. 21.04.1785); «Ремесленное положение» (Т. 22. № 16188. 21.04.1785). П. 120–123, пп. 1–117); ПСЗ-2: «О изменении порядка внутренней раскладки податей с иностранных мастеров» (Т. 18. № 16624. 15.03.1843).

Пятая группа законодательных актов – *высочайше утвержденные доклады Сената, положения и мнения Государственного совета.* ПСЗ-1: «О бытии в С.Петербурге Главному Магистрату, а в городах Магистратам на прежнем основании» (Т. 11. № 8734. 30.09.1825); ПСЗ-2: «Об освобождении от телесного наказания купцов 3 гильдии и мещан, служащих по выборам городских обществ» (Т. 17. № 15206. 09.01.1842); «О дозволении иностранцам заниматься ремеслами во всех городах Российской империи» (Т. 40. № 30513. 30.09.1825). ПСЗ-2: «Высочайше утвержденное мнение Гос. Совета. О проекте изменений и дополнений в Свод Ремесленных Постановлений» (Т. 27. № 26171. 16.04.1852); «Положение об общественном управлении города Москвы» (Т. 37. Ч. 1. № 38078. 20.03.1862); «Высочайше утвержденное Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов» (Т. 38. № 39118. 01.01.1863 г., на основании именного указа Правит Сенату от 1 января 1863); «Высочайше утвержденное положение о пошлинах за право торговли и других промыслов» (Т. 40. № 41779. 09.02.1865, на основании именного указа Правительственному Сенату от 9 февраля 1865); «Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. О дозволении свободного производства промысел и содержания промышленных заведений, а также о порядке разбора споров между хозяевами и работниками в Остзейских губерниях и в городе Нарве, С.-Петербургской губернии» (Т. 41. № 43455, 04.07.1866); «Высочайше утвержденное Городовое Положение» (Т. 45. № 48498. С. 821-839).

Шестая группа законодательных актов – *уставы и регламенты*. ПСЗ-1: Регламента или Устав Главного Магистрата (Т. 6. № 3708. 16.01.1721); Регламент Мануфактур-Коллегии (Т. 7. № 4378. 03.12.1723); Указ из Камер-коллегии. – Об означении товаров, какими могут крестьяне торговать в больших селах и деревнях (Т. 12. № 9201. 19.08.1745); «Ремесленное положение» (Т. 22. № 16188); «Устав столичного города Санктпетербурга» (Т. 25. № 18663. 12.09.1798); «Устав цехов» (Т. 25. № 19187. 12.11.1799).

А также уставы и обряды, опубликованные помимо Полного собрания законов Российской империи: «Устав Ст. Петербургского немецкого собрания», «Устав общества распространения художественно-ремесленного образования», , и цеховые обряды^ («Обряды для Санкт-Петербургского русского булочного цеха», «-“- бриллианто-золотого и серебряного цеха», «-“- циркульного и парикмахерского цеха», «-“- гончарного цеха», «-“- печного и трубочистного цеха», «-“- кондитерского цеха», «-“- пряничного цеха», «-“- сапожного цеха», «-“- столярного и токарного цеха», изданные в Санкт-Петербурге в 1850–1856 гг.).

Данные документы показывают взаимодействие и взаимовлияние или отсутствие такового между различными акторами официального пространства, что позволяет широко осветить законотворческую деятельность государства в отношении ремесленников, проанализировать инструменты воздействия. Использование материалов законодательных актов позволяет выявить горизонт ожиданий законодателя. Прецедентный характер законодательных актов позволяет вычленить множество случаев из повседневной практики ремесленников, отражает конкретные представлений верховной власти о способах и формах реформирования и регулирования ремесленной промышленности. Особое место в ряду законодательных документов этого вида занимает «Соборное уложение» 1649 года (ПСЗ-1. Т. I. № 1), позволяющее создать длинную перспективу развития ремесленного законодательства и проследить его преемственность и новизну.

Законодательные акты Полного собрания законов Российской империи третьего издания не учитывались в исследовании ввиду их компилятивности по сравнению с прошлыми, что вызвано «консервацией» ремесленного сословия и заимствованием подавляющего большинства статей ремесленного устава из Ремесленного положения 1785 г. и Устава цехов 1799 г. Таким образом, законы, относящиеся к ремесленному сословию, продолжают регулирование, но не привносят ничего нового.

Третий вид – *статистические источники*. К ним относятся «Статистические сведения о Санктпетербурге», изданные А.П. Заблоцким-Десятовским в 1836 г., «Таблицы к статистическим сведениям о Санктпетербурге» 1836 года издания, «Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов, получивших награды на мануфактурной выставке 1861 г.», а также Юбилейный статистический сборник «Санкт-Петербург. 1703–2003»

Четвертый вид – многочисленные *справочные издания*, изданные в период с 1829 по 1911 гг.) дают самую разнообразную информацию о мастерах и ремесленных мастерских. Награды на выставках (каталоги и описания выставок), объекты недвижимости и их расположение (адрес-календари, адресные и справочные книги, указатели, путеводители, энциклопедические словари), устройство мастерских дают прямую или косвенную (этнографическую) информацию о социальном статусе и материальном положении ремесленников. Современные информационные сайты walkspb.ru и citywalls.ru предоставляют ценную информацию о владельцах домов, их строительстве и убранстве (дома Валлота и Вольфа, С.Г. Строганова, Санкт-Петербургского ремесленного общества, банка И.В. Юнкер и К., торговый дом С. Эсдерс и К. Схейфальс). Списки заводов и фабрик, помогают выявить противоречивость промышленных статистик, содержащих большой процент предприятий, сохранивших свой ремесленный профиль. Этого не нужно делать при профильных изданиях, посвященных кустарным промыслам.

Выявленные источники позволяют сформировать принципы изучения профессиональных сообществ ремесленников С.-Петербурга и трех старопромышленных районов. В этих пространствах обмена знаниями происходит трансфер идей и технологий, адаптация практик, становящихся ритуалами и элементами повседневности. Здесь происходит распространение новых знаний и технологий при постоянном взаимодействии вновь прибывающих иностранных специалистов.

Европейские специалисты, привлекавшиеся на службу российским правительством и частными заводовладельцами, составляли первоначально особую социальную общность, которая со временем трансформировалась в различные сообщества по профессиональному и социальному признаку. В результате чего, западноевропейцы, уходя от обособленного и закрытого состояния своих диаспор, превращались в полноценных российских граждан, для которых были характерны билингвальность и поликультурность. Выявленные источники служат не только для исследования механизмов взаимодействия отечественных и иностранных специалистов, но и помогают выявить потенциалы и ресурсы внутреннего развития российской экономики.

Глава II: Формирование института цехового ремесла 1712-1785 г.

2.1. Определяющие факторы появления цехов

Введение цехов в России и в Санкт-Петербурге, в частности, обуславливалось рядом факторов: личностью Петра, в более широком контексте – социально-экономической и отчасти – внешнеполитической ситуацией. Обратимся к личности Петра I как к «работнику на троне», «царю-ремесленнику». Известно пристрастие царя к ремеслам. Образ царя-ремесленника или царя-работника тесно связан со строительством Санкт-Петербурга, армии и военно-морского флота, жизнь и существование которых непосредственно зависели от развития ремесел[419]. В 1714 г., согласно передаче брауншвейгского резидента Вебера, Петр, празднуя спуск военного корабля в Петербурге, обратился с речью к присутствующим: «Кому из вас, братцы мои, хоть бы во сне снилось лет 30 тому назад, что мы с вами здесь, у Остзейского моря, будем плотничать и в одежде немцев, в завоеванной у них же нашими трудами и мужеством стране, построим город, в котором вы живете, […] что увидим у себя такое множество иноземных художников и ремесленников […]»[420]. Для царя было характерным и естественным, говоря о своих удавшихся и перспективных идеях и замыслах, обращаться к своим соратникам и сотрудникам, используя образы и понятия «художников», «ремесленников» и «ремесел». Это был способ преобразования России, способ строить ее в прямом и переносном смысле по-новому.

Поэтому, говоря об истории ремесла в Санкт-Петербурге, нельзя не сказать о личности Петра I и его пристрастии к ремеслам. И речь идет не только об исторических штампах и политических инсценировках власти и «потентата». Известна крайняя непосредственность Петра I и

[419] Анисимов Е.В. Юный град... С. 13, 44–45, 74–146, 262–290.
[420] Ключевский В.О. Петр Великий среди своих сотрудников / Он же. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. / Сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Александрова. М., 1991. С. 220–221.

задокументированные факты, по которым можно довольно полно реконструировать личные пристрастия царя к ремеслам, не остававшиеся «всего лишь» его свободным времяпрепровождением, но являвшиеся существенной частью в методике его преобразования действительности. Живой интерес государя к ремеслам, ремесленникам и их образу жизни мог проявляться в повседневности самым неожиданным образом. Камер-юнкер голштинского герцога Карла-Фридриха Берхгольц зафиксировал в дневниковой записи от 5 ноября 1724 г., как царь запросто зашел в гости к немецкому булочнику: «У одного немецкого булочника, живущего в соседстве императорского Зимнего дворца, была свадьба […]. Император, вероятно мимоездом, услышав музыку и любопытствуя видеть, как справляются свадьбы у этого класса иностранцев, совершенно неожиданно вошел в дом булочника с некоторыми из своих людей, приказал накрыть там два особых стола, один для себя, другой для своей свиты, и более трех часов смотрел на свадебные церемонии и танцы. Во все это время он был необыкновенно весел»[421].

Будучи человеком «барочным» по происхождению и став сыном эпохи Просвещения[422], Петр Великий не был исключением среди европейских монархов, освоив множество ремесленных профессий, среди них: столяра, плотника, кораблестроителя, кузнеца, слесаря, токаря[423]. Как образно писал В.О. Ключевский: «[Его] рука инстинктивно просилась за инструмент; ему все хотелось сработать самому. Охота к рукомеслу развила в нем быструю сметливость и сноровку […] По смерти его чуть не везде, где он бывал, рассеяны были вещицы его собственного изделия, шлюпки, стулья, посуда, табакерки и т.п. […] Успехи в рукомесле поселили в нем большую

[421] Анисимов Е.В. Петр Великий. Личность и реформы. М. [и др.], 2009. С. 17.
[422] См. об образе просвещенного монарха и «темного русского народа» у британцев в XVIII в.: Binney M. Empire, Spectacle and the Patriot King: British Responses to the Eighteenth-Century Russian Empire // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. № 2. С. 385–405.
[423] Анисимов Е.В. Петр Великий... С. 27.

уверенность в ловкости своей руки»[424]. Не стесняясь учиться «художествам и ремеслам», Петр I охотно брал на себя роль «ученика». Его современник, Жак Савари де Брюлон (1657–1716), писал о нем в «Экстракте», опубликованном в 1747 г., в духе своего времени: «Ничто от любопытства сего Великого Монарха не ушло, и никакое ремесло от Царских ево очей не укрылось; а все сие изволил для такого ревностного усердия смотреть, дабы подданных своих таким же мануфактурам, ремеслам, и художествам обучить. А понеже намерен был сам мастером и учителем у них быть, во всяких работах и мануфактурах; то для сего высокого намерения сам всему учился, и к мастерам всякого художества собственною особою ходить изволил. С кузнецами, молотом трудился; с плотниками бревна, брусья, и доски тесал; с кожевниками кожи строгал, и одним словом; все то с неописанным усердием своими Монаршими руками делал»[425]. Не было ничего естественнее для царя-ремесленника, понимавшего «образование и науку как сугубо практические общественные институты», внести перечень ремесленных мастерских в штат петербургской Академии наук и художеств[426]. Логично, что и ремесленники Петербурга – рукотворные создатели города – удостоились пристального внимания историков[427].

С начала XVIII в. статус иностранцев в России резко меняется. Их массивное присутствие, а также радикальный отход Петра I от «русской старины» накладывает свой отпечаток на восприятие его в народе. Согласно распространенному мнению того времени, Петра I «подменили немцы», конечно же «на немца». Но кроме отрицательно коннотированных и

---

[424] Ключевский В.О. Петр Великий, его наружность, привычки, образ жизни и мыслей, характер // Он же. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. / Сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Александрова. М., 1991. С. 176–177.

[425] Савари де Брюлон Ж. Экстракт Савариева лексикона о комерции / Пер. с фр. С.Волочков. [СПб.], [1747]. С. 21–22; Анисимов Е.В. Юный град… С. 27.

[426] Ларина Я. Осмысление роли образования в государственном строительстве: проекты Генриха Фика первой четверти XVIII века // «Регулярная академия учреждена будет…». Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / ред. И. Федюкин, М. Лавринович. М., 2015. С. 71.

[427] См.: Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII в. ─ Известия Академии наук СССР. Отд. Общественных наук. 1931. VII серия. С. 523–568; Кошелева О. Люди Санкт-Петербургского острова... 226–242; Луппов С.П. История строительства Петербурга первой четверти XVIII века. М., 1957. С. 89–92; Полянский Ф.Я. Городское ремесло... С. 20.

бытовавших среди населения образов «царя-немца» или «царя-антихриста», позже в литературе утвердился и образ царя-ремесленника, воплощенного в памятнике, установленном в Петербурге напротив Адмиралтейства. Монарх изображен с засученными рукавами работающим топором при постройке лодки[428]. Здесь же у подножия другие ремесленные инструменты: циркуль, угол и киянка. Этот памятник служит буквальной иллюстрацией выражения А. С. Пушкина о том, что «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек»[429].

Этот мотив также использован художником А. Толяндером в 1874 г. Напротив памятника расположился берег Васильевского острова, речь о котором пойдет ниже. При строительстве новой столицы в «финских болотах», царь-реформатор имел ясное представление о новой столице, как о цветущем городе ремесленников: «Желание мое – насадить в столице сей рукомеслие, науки и художества вообще»[430]. В связке «наук и художеств» преобладали последние, так как имели прежде всего прикладное значение и отвечали таким практическим интересам Петра I, как строительство Санкт-Петербурга, армии и флота. К «художествам» относили как технические науки, так «и сложные ремесла, требовавшие больших навыков и длительного обучения»[431]. Как отмечал С.П. Луппов, «переселение в Петербург большого числа ремесленников создавало в городе постоянные кадры мастеровых людей разных специальностей, что содействовало как развитию промышленности Петербурга, так и строительству самого города и его благоустройству»[432].

---

[428] Первоначально установлен в 1910 г. Скульптор Леопольд Адольфович Бернштам. Повторно — в 1996 г. Этот памятник подарен городу Санкт-Петербургу Королевством Нидерландов и открыт Его Королевским Высочеством Принцем Оранским.

[429] Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской. — Полное собрание сочинений в 10 тт. Т. 6. Критика и публицистика. М., 1959–1962. Т. 6. С. 408.

[430] Нартов А.К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого / Предисл. и коммент. Л.Н. Майкова // Записки Императорской Академии наук, 1891. Т. 67. С. 46.

[431] Загорский Ф.Н. Андрей Константинович Нартов, 1693–1756. Л., 1969. С. 28.

[432] Луппов С.П. История строительства… С. 25, 27; см. указы с 1700 по 1719 г.: ПСЗ-1. Т. 4. № 2449: *О сборе мастеровых людей*; Т. IV. № 2485: *О смотрении губернаторов, чтобы в числе высылаемых из Губерний плотников и мастеровых людей не было дряхлых и увечных*; Т. V. № 2626: *О выдаче провианта мастеровым людям*; Т. V. № 2862: *О недержании никому у себя в доме никаких пришлых людей без поручных записей*; Т. V. № 3016: *О высылке на житье в Санктпетербург купецких и ремесленных людей.*

Можно сомневаться в достоверности и точности записок А.К. Нартова, но важен его посыл, не способный исказить главный смысл петровских начинаний и черт характера самого Петра. Нартов писал, что царь говаривал во время работы на токарном станке: «Я должен у моего механика и токарнаго мастера урок свой кончить»[433]. Нартов пишет также о том, что во время своего путешествия по Европе в 1697 г. царь «посещал ремесленников, осматривал работу и рукоделие их» в Кёнигсберге, а в Саардаме «обучался […] корабельному строению, здесь работал, яко простой плотник, […] здесь имел знакомство с лучшими рукодельщиками и в часы отдохновения учился токарному искусству»[434]. Для Петра как практика, было естественным сравнивать воспитание «нового человека» с обработкой материала на токарном станке: «Таково-то, Андрей, кости точу я долотом изрядно, а не могу обточить дубиною упрямцов»[435]. Таким образом, царева токарня была не просто производственным помещением, но являлась экспериментальной лабораторией, важным жизненным пространством царя, где он, кроме непосредственной работы на токарных станках, размышлял о новых проектах, обедал и принимал членов правительства с докладами, обсуждал решение государственных проблем, в том числе и вопросы «регулярного» ремесленного образования[436].

Известно, что в петровской библиотеке имелось одиннадцать иностранных произведений по токарному искусству, что позволяет предположить наличие глубокого понимания Петром важного значения токарного искусства в развитии русской промышленности, как крупной, так и ремесленной. Характерно, что во время месячного пребывания Петра: конечно со своим токарным станком и с Нартовым, на Истецких железных заводах Миллера в 1724 г., царь собственноручно выковал 18 пудов железа, за что и

---

[433] Нартов проходил до 1712 г. первоначальное обучение в токарной мастерской в Сухаревой башне у Иоганна Блюхера. В 1712 г., когда старший токарь, конструктор и строитель токарных станков Блюхер умер, станки были переданы его ученику, переведенному в этом же году в Петербург // Загорский Ф.Н. Андрей Константинович Нартов… С. 10─11; Нартов А.К. Достопамятные повествования... Т. 67. С. 91.
[434] Нартов А.К. Достопамятные... С. 2–3.
[435] Там же. С. 34.
[436] Там же. С. 35, 53–54.

потребовал платы с заводчика в 18 алтын. На эти деньги он приобрел себе в московских торговых рядах башмаки, «которые, подлинно купя и нося, показывал многим и разсказывал, что выработал (АК: заработал) он их сам своими руками»[437]. Не следует излишне обобщать этот факт, ведь известно, что царь охотно носил обувь голландского производства.

Заметим, что токарное мастерство было не только способом зарабатывать себе на жизнь, но и излюбленным занятием многих представителей дворянства, вплоть до императоров и королей. Петр I страстно любил токарничать, для чего при Летнем дворце имелась специальная токарная мастерская («токарный кабинет») с целой коллекцией в 27 токарных станков. Первоначально царь работал на станках из Амстердама и из Франции, позже коллекция пополнялась изделиями собственных мастеров. Петр особенно любил вырезать предметы из слоновой кости и из дерева – именно те предметы, которые изготавливал немецкий токарный подмастерье Герман Верман в «Островитянах» Н.С. Лескова[438].

В начале XVIII века резьба по кости вошла в моду в Европе, где при многих европейских дворах имелись токарные мастерские: «В этом отношении токарня при дворе [Петра I] придавала личности монарха оттенок рачительного хозяина государства и человека высокой европейской культуры»[439]. Известно, что царь, находясь в дружеских отношениях с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I, подарил ему в октябре 1718 г. кубок, изготовленный им лично, и доставленный в Берлин «любимым токарем» Петра А.К. Нартовым, вместе с токарным или «медальерным» станком, на котором тот обучал короля токарному делу[440]. Еще один токарно-копировальный станок для «медальерных» работ, подаренный Петром французскому двору в 1720 г., был изготовлен, по-видимому, специально для несовершеннолетнего Людовика XV. Эти станки разных конструкций,

[437] Там же. С. 54–55, 115.
[438] Лесков Н.С. Островитяне // Полное собрание сочинений. Изд. 3. Т. 12. СПб., 1902. 192 с.
[439] Загорский Ф.Н. Андрей Константинович Нартов... С. 11–12.
[440] Нартов А.К. Достопамятные… Т. 67. С. 60, 123.

разработанные «царскими токарями» И. Блюхером (Еган Блеер), Ф. Зингером, А. Нартовым, Г. Занепенсом, С. Яковлевым можно увидеть сегодня в Государственном Эрмитаже (12 станков), Летнем дворце Петра I и в Меншиковском дворце в Санкт-Петербурге[441]. Что пристрастие Петра к токарному ремеслу стало традицией в семье Романовых, свидетельствует учебная комната сыновей Николая I, Николая и Михаила в Эрмитаже. Основу экспозиции в ней составляют станки из придворной токарной мастерской Петра I: три боковых токарно-копировальных станка, два медальерных и станок для нарезания зубчатых колес, созданные за период с 1712 по 1729 гг. мастерами «токарни». Во времена Анны Иоанновны токарные станки вместе с учениками и мастеровыми не случайно переданы в ведение Академии наук[442].

Написано множество «историй» Петербурга XVIII в., в которых он предстает как город чиновников и военных, место пребывания императорского двора. Тема города мещан, ремесленников и купцов, среди которых числились ремесленные мастера, требует иного подхода и иных (массовых) источников. Но уже сам этот факт говорит о невозможности полного охвата объекта исследования, уподобляющегося вершине айсберга, большая часть которого скрыта от взора историка. Поэтому при описании ремесла XVIII в. следует учитывать сложность количественного анализа цехового и, тем более, нецехового ремесла, а также определенный допуск незначительных разночтений статистических выкладок, позволяющих все же сделать важные выводы о тенденциях его развития. Ремесленники Петербурга, неравномерно распределенные по различным социальным стратам посадского населения (цеховые, мещане, купечество и крестьянство), являются социальной группой, для которой характерны необычайное многообразие и высокая социальная мобильность. Это одни из главных признаков, по которым столичное ремесленничество отличалось от западного (цехового), при том, что

[441] Борисов В.П. Токарные художества Петра Великого // Природа. № 7. 2004. С. 93–94.
[442] Нартов А.К. Достопамятные... Т. 67. С. XIX.

европейский опыт после петровских реформ воспринимался большей частью элиты как положительный и достойный к подражанию. Европейский опыт цехового ремесла служил идеально-типической моделью, с которой сравнивались российские ремесленные цехи, сильно отличавшиеся от своего западноевропейского прототипа. Отсутствие ограничения количества цеховых мастеров давало хорошие предпосылки для экономического роста. Кроме того, российские цехи не могли запретить «кормиться» ремеслом «тому, кто занимается им для дневного пропитания», т. е. иным посадским без учеников и подмастерьев и без права владеть магазином с вывеской при мастерской, но и сами не были стеснены ни размером мастерской, ни количеством мастеровых, ни объемом производимой продукции, ни фиксированными ценами[443].

Помимо сложной социально-сословной идентификации российского городского ремесленника, существовала еще одна трудность, характерная для протоиндустриального периода, особенно в XVII и XVIII вв., – это проведение границы между ремесленными мастерскими, фабриками и заводами[444]. В каких-то случаях ремесленная мастерская сохраняла свой формат, в каких-то – она перерастала в мануфактуру, фабрику или завод, или входила в последние как их составная часть в форме «цеха». Эта специфика размытости границ между формами промышленного предприятия существовала большую часть XIX в., не говоря уже о XVIII в., где фабрикантом или заводчиком могли назвать и ремесленного мастера. Все зависело от того, проходил ли промышленник по ведомству Мануфактур-коллегии или другого государственного ведомства, цехового ремесленного управления после его введения в 1722 г., или купечества и мещанства. Так, посадские люди вообще

[443] Пажитнов К.А. Проблема… С. 124.

[444] Согласно Жалованной грамоте городам 1785 г. состояние цеховых ремесленников входило в сословие городских обывателей. См.: Бугров К.Д., Киселев М.А. Рец. на: A.K. Smith. For the common good and their own well-being: social estates in Imperial Russia. N.Y., 2014. ix, 278 p. // Российская история. 2016. № 1. С. 172–175; См.: Побережников И.В. Протоиндустриализация как субпроцесс... С. 14-34; Kriedte P., Medick H., Schlumbohm J. Eine Forschungslandschaft in Bewegung: Die Proto-Industrialisierung am Ende des 20. Jahrhunderts // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte, Bd. 1998/2, S. 9–20; Mendels F. Proto-Industrialization: The First Phase of the Industrialization Process // The Journal of Economic History. 1972. Vol. XXXII, № 1. P. 241–261.

редко отмечали свою специальность в сказках 1718 г., тем не менее О.Е. Кошелевой удалось выявить среди этой категории населения каменщиков, слесарей, столяров, мастеров серебряного дела, калашников, портных, шапошников, сапожников, шорников и седельников[445].

«Труднейшим разделом истории русского ремесла» назвал Б.А. Рыбаков «вопрос о ремесленных корпорациях»[446]. Исследователю принадлежит заслуга более дифференцированного подхода, заключающегося в возможности сравнительного анализа объединений ремесленников Древней Руси с цехами Западной Европы, который не обязательно должен вести к утверждению об их полной идентичности. Поэтому он ставит под вопрос правильность утверждений В.Н. Лешкова[447], считавшего несомненным существование цеховых организаций в Древней Руси. Как и справедливость мнения, вступивших с последним в полемику, Н. Степанова, Н.Д. Рычкова, И.И. Дитятина и др., высказывавших мысль об искусственности цехов, которые «никогда не были потребностью русского народа»[448]. С мнением Рыбакова о том, что «„улицы“, „ряды“, „сотни“, „обчины“ и „братчины“ были формами корпоративных организаций XIV – XV вв.»[449], можно частично согласиться, при условии, если не рассматривать их в рамках российской юридической школы, исходившей из принципов классического римского права. Отсутствие такового в Московской Руси не мешает предположить

---

[445] Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова... С. 228.
[446] Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси... С. 729.
[447] Лешков В.Н. Очерк древних русских законов о ремесленной и заводской промышленности // Москвитянин. 1852. № 23, декабрь, кн. 1, отд. III. С. 7; см. также: Дементьев Е.М. Цехи в России // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб., 1903. Т. 38. С. 131–134.
[448] Рычков И.И. О цехах в России и Западной Европе… С. 789–822; Степанов Н. Сравнительно–исторический очерк… С. 1; Дитятин И.И. Устройство и управление городов России... Т. 1. С. 248.
[449] Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси... С. 781. Аналогичной с Рыбаковым точки зрения придерживается М.Н. Тихомиров, перенесший возникновение ремесленных корпораций в XVII в.: Тихомиров М.Н. О купеческих и ремесленных... № 1. С. 29–30, 33; Здесь точка зрения автора совпадает с мнением К.А. Пажитнова о том, что торговые ряды являлись только местом торговли, где отсутствовало производство. См.: Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 19–20; см. также: Довнар- Запольский М.В. Организации Московских ремесленников… С. 163–164: Московские торговые ряды XVII в. находились в периоде «развития корпоративных стремлений». Среди существенных отличий от цехов Довнар-Запольский называл «объединение ремесленников и торговцев и административно-полицейские функции, навязанные организациям московскими приказами»; Позиция Пажитнова совпадает с выводами, сделанными П.И. Лященко о том, что «в Московском государстве XVI – XVI вв. не имелось ни цеховой организации населения как промышленного класса, ни цеховой регламентации ремесла» (Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 1… С. 268).

существование первичных неформальных корпоративных форм организации посадских ремесленников на основании обычного права, которые не могли получить своего дальнейшего оформления в корпорации, ввиду сильной централизованной монархической власти, не заинтересованной в существовании каких-либо институтов, способных составить ей конкуренцию. Не имея ничего общего с западноевропейскими цехами, эти первичные протокорпорации так и остались типично российской формой территориальной организации посадского населения в случае с городами, или крестьянского – в случае с артелями[450]. Если учесть, что эти объединения не являлись ни юридическим, ни фиктивным правовым лицом (persona ficta), права которого были закреплены юридическим актом, введение цехов в 1722 году предполагало установление института организации городских ремесленников на принципиально новых началах[451].

Историография российских ремесленных объединений берет свое начало в XIX в. И.И. Дитятин, отрицавший корректность сравнения с цехами, настаивал на совершенной самобытности русских артелей. Согласно его классификации, это были *артели промыслов*, т. е. сезонные и крестьянские по составу – «союз полноправных» как по отношению к промыслу, так и к его результатам. Временные артели русских ремесленников крестьянского происхождения, меняющиеся от сезона к сезону по составу, не обладали ни структурными, ни организационными признаками, сравнимыми с цехами в Западной и Центральной Европе[452]. Рычков, имевший схожее мнение, считал, что сообщества ремесленников не имели подобия с цехами. Он показывал это на примере отсутствия каких-либо ограничений со стороны правительства в отношении ремесленников во время правления Алексея Михайловича. По его мнению, Петр I ввел цехи из фискальных и полицейских соображений для

[450] Можно согласиться с мнением Манфреда Хильдермайера, считающего, что в средневековой Руси не было достаточно значимой социальной, политической или экономической силы, способной инициировать или поддержать возникновение таких профессиональных корпораций как цехи (Hildermeier M. Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. München, 2013. S. 79, 81, 94–95, 196–198).
[451] См.: Пажитнов К.А. Ремесленное устройство в Московской Руси и реформа Петра... С. 163-166.
[452] См.: Дитятин И.И. Устройство и управление городов России... Т. 1. С. 268–287, 281.

того, чтобы повысить профессиональную подготовку ремесленников и для контроля качества товаров. Благодаря этому, потребитель должен был получить качественный продукт, а правительство – квалифицированные кадры. Цель, заложенная в петровском законодательстве, по мнению Рычкова, не была выполнена[453]. Характерно для того времени, что во время написания автором своей статьи в 1863 г., когда он обозначил петровские цехи мертворожденными, у него по соседству в столицах в 1840–1860-е годы существовали вполне себе процветавшие цехи.

М.В. Довнар-Запольский и Т.П. Ефименко, не соглашаясь с В. Н. Лешковым о сходстве российских артелей с цехами, находили его в слободах, торговых рядах и сотнях городов московского государства, особо выделяя золотых и серебряных дел мастеров в Серебряных рядах, склонных, по их мнению, к образованию корпораций[454]. Тем не менее, концепция Лешкова была использована в 1950-е гг. М.Н. Тихомировым и А.М. Сахаровым, считавшими, что русские артели были непосредственными предшественницами петровских цехов, указывая на существование патронажных церквей, построенных определенным ремесленным сообществом, как существенный структурный признак, указывающий на существование корпорации[455]. Тем не менее, предостережение Тихомирова о чрезмерной модернизации этого феномена при переносе его в XII – XIII вв., не позволяет согласиться с ним и считать правомерным возможность его применения в XVI в. В соответствии с позицией, занимаемой автором, это предостережение необходимо применять прежде всего по отношению к истории XVIII – начала XX вв.

Именно в этом контексте сошлемся на П.И. Лященко, К. А. Пажитнова, Ф.Я Полянского и К.Н. Сербину, предостерегавших проводить прямые параллели с западноевропейскими цехами, считая такое сравнение

---

[453] Рычков Н.Д. О цехах в России и Западной Европе… С. 811.
[454] Довнар-Запольский М.В. Организации Московских ремесленников... С. 137–139; см.: Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 14; Ефименко Т.П. Очерк организации… С. 114–162.
[455] Сахаров А.М. Цехи в России // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. С. 762–763.

неуместным, ввиду своеобразия российских цехов. Исследовать именно это своеобразие они и призывали[456]. Логическое завершение этой историографической линии должно было привести к убеждению, что российские цехи не были чем-то искусственным, но имели своим оправданием усовершенствование ремесел, введение новых технологий и подготовку квалифицированных кадров, от чего зависело успешное развитие не только ремесла, но и всей промышленности.

Таким образом, данной работой автор пытается довести эту историографическую традицию до конца и преодолеть вердикт, вынесенный цеховому ремеслу в начале XX века, как «искусственно перенесен[ному] с германской почвы на совершенно чуждую им русскую»[457]. Г.Л. Фриз отметил относительно «искусственности» создания цехов государством, что «формирование специфических социальных категорий не зависело исключительно от государства; как бы ни была важна его политика в отношении юридического закрепления или установления общественных порядков, царский режим с его пресловутой „недоразвитой бюрократией“ был просто не способен конструировать социальную систему, законодательно оформлять ее и управлять ею»[458]. Иными словами, правительство при всем желании не могло вводить цеховое управление, не считаясь с уже сложившейся традицией. Чтобы найти компромиссное решение и был введен разряд временноцеховых ремесленников и дополнительный институт немецких цехов в Петербурге, куда могли записываться иностранные

---

[456] Лященко П.И. История народного хозяйства СССР, т. 1… С 268–269; Пажитнов К.А. Организация ремесленной промышленности в Московской Руси…; Он же. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма…; Полянский Ф.Я. Городское ремесло... С. 15; Сербина К.Н. К вопросу об ученичестве в ремесле русского города XVII века // ИЗ. Т. 18 / отв. ред. Б.Д. Греков; АН СССР, Ин–т истории. М., 1946. С. 148–168; Она же. Очерки из социально–экономической истории…; Она же. Ремесло и мануфактура в России в XVI–XVII веках...

[457] Дементьев Е.М. Цехи в России // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб., 1903. Т. 38 (75). С. 131–134.

[458] Фриз Г.Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Имперский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 143; «Посвященная сословной парадигме статья Грегори Фриза удачно дополняет работы Раева и Бушковича, в ней подчеркивается контраст между социальной структурой в России и сословными системами Западной Европы. Работа Фриза, поражающая широтой охваченных проблем, где предпринят синтез самых разнообразных материалов из области социальной истории, в какой-то мере стала кульминацией научной деятельности всего поколения „детей“» (Дэвид-Фокс М. Введение: Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // Там же. С. 28–31).

ремесленники, а также признано законным производство владельческих и монастырских ремесленников для собственных нужд, но не на продажу.

Возвращаясь к проблематике артелей, Пажитнов показал, что между различными организационными формами артели и цеха существовала принципиальная разница, ввиду отличных принципов их организации. В то время, как артели решали поставленные задачи общими силами на началах равноправности, ремесленные цехи регулировали «условия хозяйственной деятельности своих членов как самостоятельных мелких производителей»[459]. Артели руководствовались нормами цивильного или гражданского права, цехи же подчинялись нормам административного права. Он доказал, что как Лешков, так и Довнар-Запольский с Ефименко, ошибались, проводя параллели в развитии артелей или сотен, слобод и торговых рядов с цехами, и считая их прототипами последних. Если «артель преследует только частные интересы», то «цехи – вместе с частными также интересы общественные, регулируя условия ремесленной деятельности данной отрасли в целом на всем пространстве определенной территории. Соответственно с этим, права и обязанности членов артели определяются в феодальном обществе всецело свободным договором, права же и обязанности членов цеха определяются уставом, нуждающимся в санкции городского управления или даже часто государственной власти. Артели, следовательно, принадлежат к организациям типа товариществ (societas), а цехи – к организациям корпоративного характера (universitas)»[460].

Поэтому, приведенных доводов авторов, говорящих о схожести ремесленных институтов в Западной Европе и в России до 1722 г., недостаточно. В попытке провести параллели между ними, видна тенденция, показать «историческую закономерность» и «детерминированность» исторического развития на примере «корпоративных институтов» ремесленников средневековой Руси. Это, в свою очередь, должно было

[459] Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 27.
[460] Там же. С. 28.

доказать правильность принципов марксистско-ленинской теории во всех областях исторического знания. Поэтому неважно – Россия или Западная Европа – «исторические законы» должны были распространяться на все области и регионы земного шара, в том числе и на историю возникновения городов, в которой ремесленники и их цехи сыграли решающую роль[461].

На самом деле, предполагаемая (формальная) схожесть ремесленных институтов исчезает при более пристальном рассмотрении средневекового ремесла. По существу, формы организации русских ремесленников не имели ничего общего с западноевропейскими. Упомянутый Рычков справедливо замечал, что цехи в России совершенно новый, хотя и совершенно чуждый российской жизни, по его мнению, институт.

Что же касается развития цехов в России, то среди подавляющего большинства авторов: И.И. Дитятин, А.И. Гайсинович, А.М. Сахаров, М.Н. Тихомиров, Е.В. Анисимов и мн. др., существует единодушное мнение о бесполезности и ненужности введения цехов как чисто бюрократического проекта, и об отсутствии будущности их в России, как института «средневекового феодализма». Это сравнение, подразумевающее исключительно рестриктивную роль российских цехов как «феодального» и устаревшего института в XIX и XX вв., страдает излишней схематичностью и при ближайшем рассмотрении развития цехов в этот период требует своего переосмысления[462].

---

[461] Сахаров А.М. Города северо–восточной Руси…; Тихомиров М. Н. Древнерусские города... С. 33; Он же. О купеческих и ремесленных...

[462] См.: Richardson G. A Tale of Two Theories: Monopolies and Craft Guilds in Medieval England and Modern Imagination, Journal of the History of Economic Thought, 23 (2001), pp. 217–242;
Lis C. and Soly H. Craft Guilds in Comparative Perspective: The Northern and Southern Netherlands, A Survey, in Prak et al. (eds.). Craft Guilds in the Early Modern Low Countries, pp. 1–31, 2–5; Epstein S.R. Craft Guilds in the Pre-modern Economy: A Discussion, Economic History Review, 61 (2008), pp. 155–174; Kluge. Die Zünfte, pp. 13–21; Lucassen J., Moor T.d., and Zanden J.L.van. The Return of the Guilds: Towards... P. 7: «Twenty years ago, guilds were decidedly out of fashion with historians. The accepted wisdom was that guilds were a European medieval phenomenon which stifled entrepreneurship and innovation by laying down specific rules for the production of goods and services, and had therefore become less important in English towns by the seventeenth century, and never became established in the Americas. On the European continent their importance dwindled towards the end of the ancient re´gime, when economic corporations were toppled along with the rest of the old order» (По мнению авторов статьи, двадцать лет назад цехи не были в моде у историков. Общепринятая истина гласила, что цехи в средневековой Европе были феноменом, тормозившим развитие предпринимательства и появление инноваций за счет установления определенных правил для производства товаров и услуг и поэтому к XVII веку их значение в городах Англии падает, а на американском континенте они не получили никакого развития. На

Видимая дилемма существования цехового ремесла в России с 1722 г. решается, с помощью различия универсальных принципов развития ремесел и технологий (технологический аспект), с одной стороны, и институтов ремесла (социальный аспект) в разных странах, с другой[463]. К этому добавляется диахронное развитие ремесла в России и Западной Европе, что создавало дополнительную сложность для анализа, в рамках концепции «догоняющей/отстающей экономики» теории модернизации, и заставляло пересмотреть историю цехов и ремесла в целом в контексте глобальной истории[464].

До 1721 года в России отсутствовала какая-либо юридически закрепленная форма организации городских ремесленников, за исключением сотен или торговых рядов, игравших преимущественно фискальное значение, а также привилегированных объединений ремесленников, выполнявших государственные заказы, вроде кадашевских ткачей или тульских оружейников[465].

Первые были подведомственны в XVII в. дворцовым приказам Царской и Царицыной мастерских палат, в ведении которых находилось ткацкое дело

европейском континенте их значение упало с концом «старого режима», когда экономические корпорации были упразднены вместе с остальной частью старого порядка).

[463] Новые методологические подходы так называемой новой институциональной истории (New Institutional Economics (NIE) или неоинституционализма, обоснованной в книге Дугласа Норта в 1981 г., позволили посмотреть на историю цехов в новой перспективе. См: North D. Structure and Change in Economic History. New York, 1981; На основании методов микроэкономического анализа вводятся ограничения, обусловленные институциональной структурой общества. В данных условиях сужения поля индивидуального выбора меняются поведенческие предпосылки, определяющиеся факторами ограниченной рациональности и оппортунистического поведения. См.: Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 160 с.; Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория...; Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория / 4-е перераб. и доп. изд. М., 2010. 591 с.

[464] Lucassen J., De Moor T., and Zanden J.L.van. The Return of the Guilds: Towards... P. 7: «We have the Great Divergence debate that recently stimulated new research into the comparative institutional and economic development of the different parts of Eurasia»; Термин «Великого расхождения» или «Великой дивергенции» введен политологом Самюэлем Хантингтоном. Он известен также под названием «Европейского чуда», который ввел в 1981 году австралийский экономист и историк Эрик Джонс: Jones E. The European Miracle: Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia (2rd ed.), Cambridge University Press, 2002. P. 6; Этот термин подвергся критике излишнего европоцентризма: Mokyr J. The Enduring Riddle of the European Miracle. 2002. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/cd8f/1e78fb87473b8325987a30aa575592fa06f5.pdf (Дата обращения: 10.11.2017); Blaut J.M. The colonizer's model of the world: geographical diffusionism and Eurocentric history, New York, 1993, p. 64; Mokyr J. The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy. Princeton, 2002. 386 p.; Mokyr J. The Enlightened Economy: an Economic history of Britain, 1700-1850. Harmondsworth, 2004. 550 p.

[465] В Кадашевской слободе (название произошло от бочкарей и кадочников, находившихся здесь ранее). Там же был построен в 1658–1661 гг. Хамовный двор; см. Луппов С.П. История строительства... С. 58.

и снабжение среди прочего двора царскими одеяниями и постельным бельем[466]. Вторые – Пушкарскому приказу, «которому подведомственны все, кому приходится заниматься […] вообще военными вооружениями, [производством пороха, литьем пушек и ядер]. Таковы литейщики, кузнецы, точильщики сабель; пушкари, мушкетёры, мастера ружейные и пистолетные»[467].

Существовавшая в XVII в. разветвленная сеть приказов, непосредственно или косвенно ведала различными категориями ремесленников, живущих, помимо иных, государственными заказами. К ним относились, кроме названных выше, приказы: Денежный двор, Золотая палата (Приказ золотого дела. Золотой приказ), Каменных дел, Мушкетного дела, Оружейная палата (Палата оружейного дела, Оружейный приказ), Пушкарский, Серебряный (Серебряная палата), Ствольный[468]. Оружейная палата ведала ремесленниками, занятыми изготовлением холодного и ручного огнестрельного оружия. Записные ремесленники имелись в Приказе каменных дел, организующим казенное каменное строительство[469]. Но все это «многоотраслевое промысловое хозяйство царя, которое при Алексее Михайловиче включало многочисленные винные заводы, пивоварни и медоварни, солодовни и маслобойни, мукомольные мельницы, кирпичные сараи, солеварни, а также железоделательные, стекольные, поташные, кожевенные заводы, вовсе не было связано с рынком, а обслуживало потребности царского двора», а «[…] мастера Денежного, Пушкарского двора, Оружейной палаты и многих других ведомств и отраслей, фактически обладали статусом служилого населения»[470]. Нахождение под управлением приказов давало существенные преимущества ремесленникам: они

[466] Словарь русского языка XI–XVII вв… Вып.9 (М). С. 38. См.: Русова Ю.С. Проблема производства царской одежды в структуре дворцового ремесленного комплекса в России XVII века в отечественной историографии // Преподаватель XXI век. 1 (2017). С. 253–265.
[467] Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. СПб., 1905. С. 281.
[468] Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI — XVII веков / Отв. ред. И авт. Предисл. С.О. Шмидт. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 61, 69, 99, 106, 135, 155, 160.
[469] История России с древнейших времен до конца XVII века / Л.Н. Вдовина… С. 583–584.
[470] Там же. С. 554.

освобождались от посадского тягла, получали хлебное и кормовое жалованье, но не могли добровольно оставить службу, а соответственно и быть самостоятельными хозяевами, свободно распоряжающимися собой и своими ресурсами[471].

С экономикой царского двора и государственными потребностями было связано и появление первых мануфактур и заводов, что не означало начала мануфактурного периода, так как в России в XVII в. «продолжал сохраняться натуральный характер экономики»[472]. Иными словами, появление «крупного производства» не было связано с общим уровнем экономики страны и с логикой развития ее производительных сил. Да и сами мануфактуры пользовались трудом ремесленников, с частичным применением машин, и располагались в светлицах и избах. Первые шелковые и суконные предприятия в Москве были основаны казной или иноземными купцами в условиях, не предполагавших создания крупных промышленных капиталов и дальнейшего развития ремесел для широкого рынка. Изделия таких производств как Бархатный двор, шелковая фабрика Паульсена, суконное заведение И. Тауберта, как и все изделия мануфактурного производства, составляли лишь незначительную часть обращавшихся на российском рынке товаров, оставаясь маргинальным явлением в экономической жизни, полностью зависящим от заказов казны и монополий, призванных к укреплению этих производств, но не выполнявших эти функции. Как только монополии отменялись, мануфактуры в большинстве своем приходили в упадок. Ремесло и мелкотоварное производство оставалось вне конкуренции, удовлетворяя по-прежнему потребности населения в товарах широкого потребления[473].

Схожая с текстильным производством ситуация существовала в металлургической отрасли, ориентированной на удовлетворение военных

[471] Там же. С. 554–555.
[472] Там же.
[473] Там же. С. 561.

нужд государства. Для этих целей, начиная с 1630-х годов, с помощью иностранного капитала, с привлечением иностранных предпринимателей и около 600 иностранных мастеров, построены первые металлургические заводы[474]. Что же касается общего развития товарно-денежных отношений, то социально-экономический уклад России, особенно в условиях укрепления абсолютизма в XVIII в., не способствовал появлению сильного предпринимательского слоя и образованию значительных капиталов. Это означало, что на протяжении длительного периода протоиндустриализации в России, вплоть до середины XIX в., существовали относительно благоприятные условия для существования «нерегулярного» ремесленного производства на низшей ступени его развития, без высокого уровня профессионализации и регламентации стандартов качества среди ремесленников. Эти формы ремесленного производства существовали вплоть до появления массового производства товаров народного потребления.

Среди факторов, сдерживавших развитие капитализма, не представлявшего безальтернативного варианта развития были: отсутствие непрерывного цикла производства, т. е. спорадичность заказов, и высокий уровень оплаты труда наемных ремесленников. Результатом этого была мизерность получаемой прибыли ремесленными мастерами, отсутствие стимулов для накопления капитала и укрупнения ремесленных мастерских до крупных предприятий с высоким уровнем разделения труда. Тем более, что два последние фактора не были абсолютными ориентирами, определявшими ход хозяйственной деятельности ремесленника, жизненный мир которого определялся не рентой, а отношением к производимому продукту и социальными связями, возникающими в процессе производства этого

[474] Там же. С. 558. «Из 28 металлургических мануфактур, действовавших в разные десятилетия XVII в., на средства казны было основано 3, русских торговых людей – 3, феодальной знати – 2 и иностранным капиталом – 20»: см. там же. С. 559.

продукта с учениками, подмастерьями и членами семьи, с одной стороны, и социумом, с другой[475].

В результате, крупное промышленное производство развивалось точечно и существовало, в основном, для удовлетворения нужд государства. Это объясняет, почему в Туле, вплоть до 1870-х годов, наряду с крупным производством, существовали отдельные ремесленные мастерские, дававшие основной объем продукции так называемого «Тульского оружейного завода»[476]. Важно еще другое. Л.Н. Семенова, внесшая огромный вклад в исследование истории рабочего, заводского, мануфактурного и ремесленного населения Петербурга[477], с одной стороны, и Л.В. Милов, известный своими работами по истории русского крестьянства, с другой, рассматривают ремесло, прежде всего из перспективы первоначального накопления капитала и созревания условий для развития капитализма как подсобный материал, выражаясю фигурально, бросаемый в топку капитализма. Это значит, что по мере развития капиталистических отношений как исключительно «прогрессивных», ремесло как малая форма предпринимательства и одна из важных областей производства «закономерно» должно отмирать[478]. При этом А.М. Панкратова в своей монографии, написанной еще в 1952 г., справедливо утверждала, что «ни в XVII, ни даже в XVIII в., за исключением двух-трех его последних десятилетий, не может быть и речи ни о капитализме, ни о пролетариате…»[479]. В этом ее точка зрения противоречила мнению С.Г.

---

[475] См. об альтернативных формах собственности и минимизации влияния капитала на ход развития сегодня: Шумахер Э. Малое прекрасно… С. 323-345.

[476] История России с древнейших времен до конца XVII века / Л.Н. Вдовина… С. 558.

[477] Семенова Л.Н. Быт и население Санкт–Петербурга (XVIII век). М., 1998. Она же. Иностранные мастера… С. 201–224; Она же. Рабочие петербургских заводов артиллерийского… С. 69–115; Она же. Рабочие Петербурга…; Она же. Снабжение хлебом Петербурга в XVIII в. (правительственная политика) // Н.В. Юхнева, Петербург и губерния. Историко–этнографические исследования, Л., 1989. С. 5–20.

[478] История России с древнейших времен до конца XVII века / Л.Н. Вдовина… С. 560; Seumer M. Vom Reinigungsgewerbe zum Gebäudereiniger-Handwerk: die Entwicklung der gewerblichen Gebäudereinigung in Deutschland (1878 bis 1990). Franz Steiner Verlag, 1998. S. 2; Е.И. Заозерская, к примеру, подразделяет мелкую промышленность или мелкие промыслы на три формы: «домашн[юю] промышленность, […] трудно выделяем[ую]» из «крестьянского хозяйства; городское и сельское ремесло на заказчика; мелкое товаропроизводство в форме городского ремесла и крестьянских промыслов», подчеркивая, прежде всего, развитие товаро-денежных и капиталистических отношений в ремесле (Заозерская Е.И. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII века // Вопросы истории. 1949. № 6. С. 84).

[479] Панкратова А.М. Формирование пролетариата в России (XVII–XVIII вв.). М., 1963. С. 9.

Струмилина, считавшего мануфактуру этого времени капиталистической по своей природе[480].

Москва, как крупнейший центр ремесленной промышленности России, располагала множеством ремесленных кварталов и слобод[481]. Вот как описывал Адам Олеарий московских ремесленников в Китай-городе: «Перед Кремлем находится величайшая и лучшая в городе рыночная площадь. […] На площади и в соседних улицах каждому товару и каждому промыслу положены особые места и лавки, так что однородные промыслы встречаются в одном месте. Торговцы шелком, сукном, золотых дел мастера, шорники, сапожники, портные, скорняки, шапочники и другие – все имеют свои особые улицы, где они и продают свои товары. Этот порядок очень удобен: каждый, благодаря ему, знает, куда ему пойти и где получить то или иное»[482]. Далее Олеарий сообщает о различных ремесленниках, преимущественно булочниках, в Белом городе.

Слободской принцип расселения ремесленников одной специальности был характерным структурным признаком городских поселений с древнейших времен в Европе, Азии, на Дальнем Востоке. Ремесленные слободы как территориальные корпорации с фискальными функциями дополнялись объединениями ремесленников в форме артелей при отхожих промыслах, крестьянами-кустарями, «промышлявшими» ремеслами, иногородними ремесленниками, а также представителями городских состояний: мещанского, в меньшей степени купеческого, и, в редких случаях, даже дворянского[483].

Все эти группы являлись неотъемлемой частью представителей русского городского ремесла, создавая его характерную особенность, но одновременно и сложность «самого предмета исследования, не получившего, как и ряд

---

[480] Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР... С. 264–303.

[481] Заозерская Е.И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII в… С. 183; Сакович С.И. Социальный состав московских цеховых ремесленников… С. 238–261.

[482] Олеарий А. Описание путешествия… С. 154–155. Олеарий побывал в Москве в 1634, 1636, 1639 и 1643 гг. в качестве секретаря посольства шлезвиг-голштинского герцога Фридриха III, пытавшегося наладить торговлю с Персией через Россию.

[483] Артель – объединение мастеровых, преимущественно крестьян, работающее в области строительства домов и дорог. Артельщики жили на месте работы и питались всем «обществом».

других социальных реалий, завершенности и определенности»[484]. Ремесло воспринималось многими не как профессия, а как способ заработать на жизнь, освященный традицией: для иностранцев, мещан, купцов, стрельцов, как отдельного военно-служилого сословия, остального населения на посаде и в слободах, крестьян. Отсюда отсутствие узкой специализации и частое перепрофилирование на новые ремесла, дающие больший доход. Дворцовые ремесленники: оружейники, литейщики, ювелиры, золотых и серебряных дел мастера, часовщики и механики составляли здесь исключение и не оказывали большого влияния на общее состояние ремесла. Отсутствие спроса на сложные технические продукты, например, в области изготовления медицинских и научных инструментов, сложных технических приспособлений и машин, долгое время приводило к тому, что спектр ремесленной продукции ограничивался исключительно товарами повседневного назначения для массового потребителя.

Такой порядок, выглядевший не самым худшим, и даже, возможно, весьма удобным с точки зрения самих ремесленников, не мог устраивать царя-реформатора, Петра Великого, видевшего в этом, по-своему налаженном порядке, лишь «хаос» московской старины, противопоставляемой им идеалу строго централизованного регулярного государства, организм которого можно было сравнить с часовым механизмом. Поэтому не удивительно, что «в дореформенной административной практике России центральных органов управления промышленностью не было»[485].

«Расхождение» путей мануфактуры и ремесленной мастерской хорошо видно, если сравнить графики на рисунках 2 и 4. Ремесленная мастерская «расходится» с мануфактурой, примерно с 1780-х гг., во время первого периода индустриализации в Германии и началом внедрения паровых машин в текстильной (легкой) промышленности (1770–1840 гг.), т. е. когда кривая

[484] Егоров В.Г. Социальный состав ремесленного населения России во второй половине XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 28.
[485] Анисимов Е.В. Государственные преобразования... С. 129.

ремесла, петербургского в том числе, идет вверх, а мануфактуры – вниз (см. рис. 4).

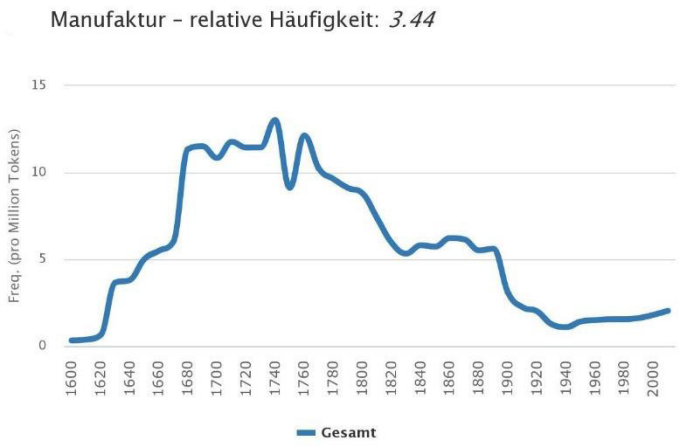


Рисунок 4: Среднестатистическая частотность употребления слова «Manufaktur» (мануфактура) в немецком языке на 1 млн. токенов, 1600–2000 гг.[486].

Мануфактура возникает в раннее Новое время. Прежде всего, в государствах с абсолютистской монархией, способной мобилизовать значительные трудовые, денежные и материальные ресурсы. Мануфактурное производство достигает своего пика в XVIII в. в производстве, прежде всего, фарфора, шелка, гобеленов, обоев, кожгалантереи, игорных карт, часов, оружия и бумаги. Упадок мануфактуры и ее вытеснение текстильными фабриками происходит там, где она была наиболее распространена (см. рис. 5).

[486] DWDS. Manufaktur.

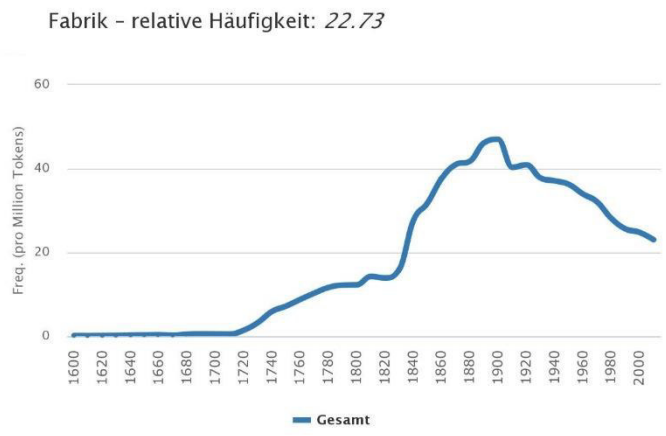


Рисунок 5: Среднестатистическая частотность употребления слова «Fabrik» (фабрика) в немецком языке на 1 млн. токенов, 1600–2000 гг.[487].

Второй период индустриализации в тяжелой промышленности (1830–1890 гг.), последовавший за революцией в обработке волокон и тканей посредством машин в текстильной промышленности, – строительство железных дорог, развитие металлургии и машиностроения, и третий (1880-1914) – в «новой индустрии» (химия, электротехника, двигатели внутреннего сгорания) дают новые толчки к развитию ремесленной промышленности и появлению ее новых видов[488]. Замечено, что увеличение выпуска массовой продукции неуклонно вело к повышению спроса на ремесленные изделия более высокого качества. Периоды взлета и падения в Германии примерно совпадают с российскими, с некоторым запозданием последних. Динамика их роста совпадает с начавшейся, примерно с середины XIX в., второй фазой индустриализации в России и в Германии. Примерное совпадение трендов роста ремесла и крупной промышленности во время индустриализации не является случайным. Ремесленники и мастера активно участвовали в промышленном развитии, многие из них становились предпринимателями[489].

---

[487] DWDS. Fabrik.

[488] См.: Ziegler D. Die Industrielle Revolution. Darmstadt, 2005. 152 S.

[489] См.: Hahn H.-W. Die Industrielle Revolution in Deutschland. Enzyklopädie deutscher Geschichte. 3. Ausgabe. Oldenbourg Verlag, 2011. S. 44–45; см. об «индустриализации» ремесла: Gessner D. „Industrialisiertes Handwerk“ in der Frühindustrialisierung. Ein Beitrag zu den Anfängen der Industrie am Mittelrhein und Untermain. 1790–1865 // Archiv für hessische Geschichte und Altertumskunde Neue Folge 40, 1982. S. 251–301; MacLachlan A.J. Der Übergang vom Handwerker zum Unternehmer in Mainz 1830–1860 // Ulrich Engelhardt (Hrsg.). Handwerker in der Industrialisierung. Lage, Kultur, Politik vom späten 18. Bis ins frühe 20. Jahrhundert. Stuttgart, 1984. S. 146–164; Hahn H.-W. Zwischen Fortschritt und Krisen…

Говоря о первых ремесленниках Петербурга, нельзя не сказать и об их предшественниках, более 60 специальностей которых числилось в городе Ниене, основанном в 1632 г. по указу шведского короля Густава II Адольфа в устье реки Охты[490]. Можно предположить, что некоторые из этих мастеров влились в состав посадского населения Санкт-Петербурга. С первых лет после его закладки 27 мая 1703 г. на строительство города и флота посылаются десятки тысяч работных людей из крестьян, тысячи мастеровых и ремесленников-переведенцев. Среди них есть и квалифицированные мастеровые, как правило, строительных профессий: плотники, каменщики, каменотесы и др. Посадские ремесленники и крестьянство, преимущественно центральных и северных губерний, становятся главным источником притока ремесленников. Так, царскими указами регулярно предписывается присылать мастеровых людей. В 1710 г. 4720 из них переводятся в Петербург «на вечное житье», в 1711 г. из городов московской губернии прислано 1417 ремесленников с семьями, в 1714 – 300 «мастеровых людей всех художеств»[491]. Уже к 1712 г. только на Адмиралтейском острове возникло 10 новых ремесленных слобод. В южной части Городского острова (Петроградская сторона), на Васильевском острове, также селится множество мастеровых[492]. Кузнецы происходили, в основном, из центральных губерний, в том числе из Тулы. В 1718 г. оттуда в распоряжение артиллерийской канцелярии прибыло 246 оружейников[493]. Поэтому не будет преувеличением, если Петербург будет назван городом мастеров, сильно правда различавшихся по своему статусу, уже на заре своего появления.

Для возможно более ясного деления мы проводим терминологическую и техническую границу между ремесленниками, с одной стороны, работными и мастеровыми людьми, с другой. Слово «мастеровые», в свою очередь, может

---

[490] Анисимов Е.В. Юный град... С. 12–13.
[491] Семенова Л.Н. Быт и население Санкт–Петербурга... С. 5.
[492] В петровское время среди прочих имеются исключительно ремесленные или слободы с большим количеством ремесленников на Городовом острове: Оружейная, на Васильевском острове: Французская, на Адмиралтейском острове: Кузнечная, Немецкая, одна или две Пушкарские, Прядильная, причем «улицы» и «слободы» были синонимами. См. Анисимов Е.В. Юный град... С. 328.
[493] Валк С.Н., Дякин В.С. (ред.). История рабочих Ленинграда. Т. 1… С. 21.

послужить собирательным названием для представителей всех ремесел, при этом имеет тенденцию сближения с артельными ремеслами. «Ремесленник» имеет бóльшую семантическую близость к посаду, городу, а с 1721 г. – к цехам и мастеру. При этом, налицо также возможность взаимозаменяемости этих слов для современников. Работные люди и чернорабочие, как еще более низшая категория малоквалифицированных работников, выполняли, как правило, менее квалифицированную и черную работу на земляных работах, при постройке домов и дорог. О данном разделении *ремесленников*, составлявших особую социальную группу посадского населения, и *работных людей* говорилось уже в Никоновской летописи[494]. Между ними есть тонкая разница, не всегда ясно различимая, но, в большинстве случаев, верная. Мастеровых и работных людей находим, как правило, на заводах, фабриках, мануфактурах, т. е. на крупных предприятиях, и в работных командах под началом мастеров. Данные рабочие кадры происходили, в основном, из различных категорий крестьян и посадского населения. Ремесленные мастера, напротив, находились в ремесленных мастерских или на более высоко оплачиваемых должностях на казенных и крупных частных предприятиях, в обязанности которых входило обучение учеников и подмастерьев и руководство мастеровыми и работными людьми.

Это разделение является существенным, если рассматривать нецеховое ремесло на казенных предприятиях, особенно в первые десятилетия их существования. Русские и иностранные ремесленники и мастеровые, а тем более работные люди, трудившиеся в ведении Адмиралтейства, на Литейном дворе, в арсенале, на галерных и городских верфях, а также государственных мануфактурах в Петербурге и его окрестностях, могли кардинально отличаться по своему социальному статусу. Это отражалось и на их материальном положении. В ведении государственных предприятий и учреждений, в том числе, пол началом Канцелярии городовых дел, находилось

[494] Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. 3-е издание стереотипное. Челябинск, 2008. С. 99.

множество самых разных специалистов, как массовых: плотников, мостовщиков, каменщиков, кирпичников, печников, каменотесов, штукатуров, столяров, каменоломщиков и других, так и редких ремесленных профессий: корабельных и инструментальных мастеров, механиков, часовщиков, слесарей, токарей и пр.[495].

Спектр многочисленного слоя нецеховых ремесленников чрезвычайно широк: от мало- до высококвалифицированных российских и иностранных мастеров[496]. Посмотрим на примере адмиралтейства имевшееся разделение различных категорий ремесленников[497]. У И.К. Кирилова находим в графе «О адмиралтейских мастеровых» мастеров, подмастерьев, учеников и рядовых, т. е. мастеровых в аналогичных ремеслах[498]. Вот что пишет Кириллов: «Мастера и подмастерья имелись лишь по наиболее важным на каждом заводе специальностям. Те работники, специальность которых была представлена на заводе небольшим числом людей, подчинялись непосредственно комиссару. Назывались они либо ремесленниками („о меховых ремесленниках“, „о паникадильных и медного дела ремесленниках“), либо просто по названию своей профессии [печники, слесари, пильники железного дела и др.] Мастера, подмастерья, ученики, ремесленники вместе назывались мастеровыми людьми или служителями»[499].

Л.Н. Семенова сообщает подробные данные о структуре работных команд: «Начиная с 1723 г. казенные мастеровые Канцелярии от строений делились на классы, как и мастеровые Адмиралтейства. 12 июня 1723 г. Петр I, „будучи в Петергофе указал у мастеровых людей во всех командах от 50 до 100 человек определять комендоров“. Первичной производственной единицей должен был стать „десяток“. Десятки создавались на всех тех

---

[495] Луппов С.П. История строительства... С. 63.
[496] См. Анисимов Е.В. Юный град... С. 87–93, 101–112, 119–128, 135, 140–146, 151, 159–165, 175–176, 193, 318, 311–318, 325, 339–343, 346–347; Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова… С. 82–98, 218–220, 228–233, 235–241, 248–249.
[497] См. Гейман В.Г. Мануфактурная промышленность... С. 252–256; см.: Валк С.Н., Дякин В.С. (ред.). История рабочих Ленинграда. Т. 1… С. 9–19.
[498] И.К. Кирилов. Цветущее… С. 23, 48–49.
[499] Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга... С. 113.

работах, где число людей превышало 20 человек. В десятке находилось 3 „старших мастеровых“ второго класса и 6 „молодших“ мастеровых третьего класса»[500]. О количестве присылаемых мастеровых в первые годы строительства города исследовательница сообщает, что «в 1704–1712 г. Петербург строился силами приблизительно 12,8–13,3 тыс. присылаемых по разнарядке и переведенных на постоянное жительство квалифицированных работников. Помимо этих двух категорий, в дельте Невы уже в 1703 г. трудились мастеровые, привлеченные из находившихся там войск, а начиная с 1704 г. — отдельные специалисты, прибывшие вне разнарядки, но их было немного. Кроме того, мастеровых, преимущественно плотников, ежегодно, начиная с 1705 г., присылали также в Петербургское адмиралтейство. Так, осенью 1705 г. было назначено отправить туда 500 плотников. В следующем году там трудились 1047 человек 17 специальностей, из которых больше половины составляли плотники. В 1709 г. — 900 человек (381 плотник). В 1710 г. — 456 плотников, в следующем — 1005, но неизвестно, сколько было мастеровых других специальностей. В 1712 г. назначалось прислать туда 4000 (или 4040) человек»[501]. Эти работники делились по нескольким категориям: на мастеровых и работных людей, на тех, кто приезжал «на вечное житье» или бессрочно, и присланных на установленный срок, согласно указному переселению, на время[502].

Новые технические компетенции ремесленников требовались для постройки Петербурга, его обустройства и жизнеобеспечения, снабжения армии (вооружение и одежда) и флота (судостроение). Артели, как поставщик рабочей силы, играли важную роль в строительстве Петербурга. В основной своей массе они состояли из беглых крестьян, гулящих людей, крестьян-отходников (крепостных, государственных). Большинство вольнонаемных рабочих на строительстве Петербурга не были свободными людьми, в

[500] Там же. С. 117.
[501] Андреева Е.А. Петербург Петра I – «Город на костях»: Миф или правда. (1703–1712) // Меншиковские чтения — 2006: Материалы чтений / Отв. ред. П.А. Кротов. СПб.: Историческая иллюстрация, 2006. Вып. 4. С. 15.
[502] Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова… С. 88.

юридическом отношении[503]. Из более свободных категорий населения можно назвать посадских и государственных крестьян. Также в строительстве участвовали солдаты, матросы и каторжники[504]. Все эти артельные или вольнонаемные рабочие имели соответствующие строительные специальности и работали на многочисленных государственных крупных предприятиях и в мастерских в Канцелярии городовых дел, Адмиралтействе, Литейном дворе и т.п.[505]. На заработки крестьяне приходили, в основном, из северных нечерноземных районов европейской России: Новгородского, Старорусского, Вологодского, Ярославльского, Суздальского, Ростовского, Московского, Бежецкого, Костромского и других уездов[506].

Ниже указаны некоторые типичные ремесленные профессии мастеров, работавших на крупнейшем мануфактурном производстве города, в Главном Адмиралтействе, но в их списках, например, за 1717 г., находятся и такие профессии, как архитектор, лекарь, живописный мастер, толмач или музыкант, которые сегодня мало ассоциируются с ремеслом. За 1715 г. и 1721 гг. из общего числа нами вычтены соответственно 12 и 20 живописцев. Между 1712 и 1721 гг., по отдельным ремеслам, количество плотников увеличивается с 709 до 3609 чел., кузнецов – со 128 до 500 чел., столяров – с 12 до 124 чел., токарей – с 1 до 55 чел., слесарей – с 0 до 35 чел., котельников – с 2 до 43 чел., медников – с 0 до 24 чел. (см. таб. 1).

[503] См.: Казанцев Б.Н. Законодательство русского царизма по регулированию крестьянского отхода в XVII-XIX вв. // Вопросы истории. № 6. Июнь 1970. С. 20–31
[504] Луппов С.П. История строительства... С. 89–90.
[505] Шапиро А.Л. Крестьянские отходы и крестьянский наем... С. 42.
[506] Там же. С. 36.

Год **Ремесло**	**1712**	**1713**	**1715**	**1717**	**1720**	**1721**
Плотники	709	1761	1867	1483	3677	3609
Кузнецы	128	265	260	308	351	500
Прядильщики	50	189	275	381	592	448
Парусники	-	112	135	185	100	246
Столяры	12	86	133	7	126	124
Токари	1	20	30	41	48	55
Слесари	-	12	14	28	39	35
Котельники	2	31	32	39	38	43
Медники	-	-	6	20	21	24
Всего	**1907**	**3263**	**4077**	**3191**	**5481**	**5794**

Таблица 1: Ремесленники Адмиралтейства (выборочно), 1715–1721 гг.[507].

Надо учесть, что в указанных общих цифрах всегда присутствуют две группы специалистов: мастера с подмастерьями и учениками (от 100 до 150 человек), среди которых высокий процент иноземцев, и мастеровые, составлявшие абсолютное большинство. Так, в 1712 г. среди мастеров насчитывалось 19 иноземцев. Для примера, в 1713 г. число мастеровых и рабочих людей составило 2869. Если к ним добавить ок. 400 ремесленников астраханцев, среди которых числилось еще 150 плотников, и 3500 работников, получим 6763 ремесленника, из числа которых вычтено 5 живописцев. Всего же мастеровых и работных людей при адмиралтействе 9370 человек[508]. Мастеров, подмастерьев и учеников в 1715 г. насчитывается 70, 12, 48 и в 1717 г. 154 мастера, 90 подмастерьев и учеников, что говорит о ремесленном формате обучения, бывшим аналогичным на мануфактурах, фабриках и заводах[509]. Генетическая связь этого вида предприятий с ремесленной мастерской прослеживается еще до середины XIX в., до конца протоиндустриального периода.

[507] Материалы для истории русского флота. Ч. 3… С. 46-47, 153-155, 259-260, 264-265, 277, 280-281.
[508] Там же. С. 259–260.
[509] Там же. С. 154–155, 265, 280.

С 1712 г. по 1721 г. количество ремесленников в Адмиралтействе сильно выросло – с 1907 до 5794 человек, причем всего на нем трудилось до 10 000 человек. Больше всего в 1721 г. насчитывалось ремесленников в деревообрабатывающих и ткацких ремеслах, а именно: плотников, столяров и токарей около 3800, прядильщиков и парусников – около 700 человек[510]. При наличии такого большого числа мастеровых мастер играл скорее роль бригадира как организатора работы и контролера качества (нем. der Polier). Для примера, кузнечный мастер Юрьев (Hansz Jürgen) писал адмиралтейской канцелярии 6 июня 1714 г., что в августе 1713 г. он просил предоставить в его распоряжение 150 человек кузнецов, что было подкреплено царским именным указом, который, правда, так и не был выполнен адмиралом А.В. Кикиным. После смерти Петра I количество специалистов в Адмиралтействе резко падает. По сведениям И.К. Кирилова за 1724–1726 гг. на службе состояли 51 мастер, 48 подмастерьев и 99 учеников, а всего 3958[511]. Если такое сокращение произошло уже при жизни Петра I, можно предположить, что это связано, прежде всего, с завершением Северной войны.

На значение ремесленников, трудившихся в огромных по тем временам казенных «фабриках, заводах и мануфактурах», указывают суммы, тратившиеся на оплату труда ремесленников, ремесленных рабочих и материалов, составлявших значительную часть из всех трет на содержание армии и флота. Согласно сенатскому указу от 9 ноября 1711 г., несмотря на первоначальные сложности с присланными со всех губерний мастеровыми людьми, так как «[…] оных по се время полнаго числа не прислано, а которые и присланы, им на содержания положенных денег на провиант и на жалованья многаго числа не прислано, и от того многие бежали», «[…] во все Адмиралтейства на дачи мастеровым разным чинам иноземцам и Русским

[510] См. Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга… С. 59–73.
[511] Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. 2-е изд. М., 1977. С. 48–49.

людям, на покупку корабельных припасов в год 252 583 рубли. […] Всего во флоты и драгунам и солдатам и в Адмиралтействы 433 999 рублей»[512].

Кроме Адмиралтейства, другими центрами применения ремесленного труда являлись Литейный двор, галерные и городские верфи, а также государственные и частные мануфактуры в Петербурге и его окрестностях. Все эти многочисленные предприятия удовлетворяли, в основном, запросы государства, на ремесленников же падала непосредственная обязанность в обеспечении населения всем необходимым. Отличительной чертой казенных мануфактур столицы являлось то, что почти все они были заняты в военном производстве, не связанном с рынком[513]. Хотя провести четкую линию между потребностями государства и населения, также, как и ограничить возникновение побочных эффектов при распространении новых технологий строгими рамками мы не можем. К примеру, хотя «шляпн[ый] мастер[..] данцигск[ий] жител[ь] Крестьян[..] Брискорн[..]», обязывался по контракту от 18.12.1718 г. служить «три года и делать по образцам шляпы и чулки», имея «при себе подмастерья иноземца Христофора Леека и русских учеников 7 человек», по прошествии этого времени была высока вероятность, что ученики могли также производить товары и для широких слоев населения. Этими силами Брискорн готов был изготавливать 70 шляп в месяц, «да в другом месяце чулок 32 пары». Третий пункт контракта предусматривал обучение до

[512] В ведении Адмиралтейства в Петербурге находилось множество других предприятий. Для примера, в Москве «иноземцам корабельным и иным мастеровым людям, которые на Воронеже из Адмиралтейского приказа в даче бывает 8008 руб. […] На Хомовном дворе: мастеровых разных чинов людям и матросам и наемным работникам, и на дрова и на уголье и на золу и на иные разные припасы 8533 рубли […]. На Прядильном дворе: подмастерью одному, прядильщикам, трепальщикам, чесальщикам 34, матросам 50 человекам, 522 рубли. […] Железные заводы Ижевские да Тырпицкие и Тульские […] На те заводы в покупке припасов и на жалованье мастеровым людям бывает в год 9844 рублей. Поташные заводы к ним три волости, в них 2507 дворов делают поташ, к той их работе посылается по 4000 рублей в год. […] и на отсылку денег на Воронеже и на железные при Воронеже заводы 53979 рублей [..]. Иноземцам и русским корабельным мастерам и прочим разных художеств 65575 рублей [..]. И того 119555 рублей. […] Санктпетербург. 1709 года корабельным мастерам и иным разным чинам 25021 рубль [..]. В Азове и Троицком: иноземцам и русским мастеровым разных художеств и каторжным невольникам 4422 рубли; […] У города Архангельского: корабельным мастерам и прочим провианта и припасов на 5138 рублей». Денежные единицы алтын и деньга, содержащиеся в суммах, автором опускаются ввиду их незначительности (ПСЗ-1. Т. 4. № 2449. *О сборе мастеровых людей и заготовлении припасов для Санктпетербургскаго Адмиралтейства*. С. 756–758).

[513] Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга… С. 90.

50 учеников, каждый из которых должен был изготовлять десять шляп в месяц, а чулок восемь пар[514].

Другим средоточием ремесленников служила Охтенская слобода. По указу от 21 февраля 1720 г. в устье реки Охты были построены 500 домов, куда переселены 824 семьи плотников и столяров из Вологды, Белоозера, Каргополя и Устюга[515]. Так было положено начало Охтенской слободе, ремесленники которой специализировались на производстве деревянной продукции не только для Адмиралтейства, но и в свободную продажу. И здесь можно увидеть побочный эффект государственного проекта для населения. Хорошо это было для развития ремесла или плохо? Ведь спорадические заказы государства не обеспечивали постоянного безбедного существования охтенских ремесленников, что заставляло их работать на частный рынок, но долгое время не позволяло сделаться им самостоятельными хозяевами, а значит, и быть по-настоящему мотивированными в развитии своего производства.

Автор статьи в Энциклопедическом словаре о кустарной промышленности упомянул «мебельно-столярную промышленность» охтенских мебельщиков, которых он отнес к кустарям, хотя и с оговоркой, так как они не занимались земледелием. К тому времени они были освобождены от государственной службы и производили на городской рынок[516]. Автор отметил высокое разделение труда между отдельными охтенскими мастерскими, где «одни производят только кривые и изогнутые части мебели (кривьевщики), другие – прямые и плоские, третьи – точеные части, четвертые – резные украшения, пятые занимаются золочением и т. д.»[517]. О высокой квалификации некоторых из ремесленников говорит тот факт, что 20

[514] Материалы для истории русского флота... С. 426.
[515] Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России... С. 38.
[516] 24 марта 1858 года Государственным Советом издан указ *«о присоединении Охтенских селений к С.-Петербургу»* // Городские поселения в Российской империи. Т. 7. Столичный город С.-Петербург. СПб., 1864. С. 487–488.

[517] А. Я. Кустарная промышленность // Т. 17 (33): Култагой – Лёд. СПб., 1896. С. 123.

охтенских столяров находились на службе в дирекции императорских театров[518]. В общем же, по сравнению с цеховыми столярами, охтенские ремесленники уступали им в качестве, поэтому продавали свою продукцию по большей части в Апраксином, а не в Гостином дворе[519]. Известны многочисленные промысловые поселения в старопромышленных районах, подобные Охтенской мслободе, также отошедшие от земледелия, население которых занималось исключительно кустарным производством.

При строительстве Петербурга широко применялся труд солдат и каторжников. В 1713 г. 44 портных – каторжных невольников, на о. Котлин шьют «невольничий мундир»[520]. Естественно, одежда арестантов отличалась по запросам к качеству значительно от пошива обмундирования для солдат и матросов, где требовалась более высокая квалификация. Здесь использовался труд свободных портных, более искусных в изготовлении европейского платья[521]. Из донесения адмирала Крюйса 10 февраля 1706 г. можно увидеть, что разнообразие униформ гражданского и военного платья не могло ограничиваться трудом «каторжных невольников». Он сообщал, что для каждого из 1500 солдат требовалось следующее обмундирование: зеленый кафтан, серый ямурлук[522] «для зимнего времени от снегу и стужи, а серые бостроги[523] и штаны годны им солдатам на кораблях носить у работы, а ямурлуки на караул им же солдатам надобно. Да надобно ж чтоб сержантам и капралам бы различное особое платье»[524].

Большой спрос на пошивочные материалы удовлетворяли дворянские суконные мануфактуры, основанные на крепостном труде, для пошива же одежды вероятнее всего привлекались крестьянские и ремесленные

---

[518] Мансуров Б. Охтенские Адмиралтейские селения: Историческое описание, ч. 1–3. СПб., 1856. Ч. 1. С. 55, 92.
[519] Луппов С.П. История строительства Петербурга… С. 87–88; Мансуров Б. Охтенские Адмиралтейские поселения... С. 9–10.
[520] Материалы для истории русского флота… С. 259.
[521] Там же... С. 403–409.
[522] Емурлук – дождевик, болгар. ямурлук – плащ // Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1992. С. 51.
[523] Бострог — узкая, приталенная, со стоячим воротником куртка с двумя карманами по бокам, на шести пуговицах — одежда голландских моряков и крестьян. В русском военном флоте бострог появился вместе с нанятыми Петром I матросами — иностранцами. Эта одежда прижилась на императорском флоте и несколько десятков лет русские моряки были одеты в бостроги голландских крестьян // Словарь русского языка XVIII в. Вып. 2. Л., 1985. С. 115.
[524] Материалы для истории русского флота... С. 403.

портные[525]. Как тем, так и другим была хорошо известна артельная форма[526]. Причем артели могли быть и неремесленного характера, как, например, в случае с биржевыми артелями Петербурга, существовавшими с начала XVIII – до начала XX века[527]. Одной из первых биржевых артелей при Петре I. числилась в 1714 г. Ярославская артель. Артели могли быть смешанными по составу, т. е. состоявшими как из крестьян, так и из посадских, как в случае с большой артелью портных, разместившейся в доме кн. Я. Лобанова-Ростовского[528].

Такое разделение труда, где крупное мануфактурное, позже фабричное производство, специализировалось прежде всего на прядении, а «ткачество оставалось в сфере надомного ручного труда»[529], было характерно как для России, так и для остальной Европы. Эти два способа производства дополняли друг друга, стимулируя взаимное существование. Мануфактуристы и фабриканты способствовали распространению ремесел и промыслов среди крестьянского населения, обеспечивая его заказами на производство продукции, крестьянские промыслы потребляли материалы и полуфабрикаты, производимые на крупных предприятиях.

Л.В. Милов и Н.И. Цимбаев, говоря об относительности успеха мануфактур, имевших компенсационные механизмы выживания, основанные на подневольном труде, назвали три фактора, негативно сказывавшихся на развитии крупных форм производства и генезиса капитализма в России, что в свою очередь обеспечивало благоприятные условия существования для ремесленных форм производства[530]. Это отсутствие экспроприации непосредственных производителей ввиду «остр[ого] дефицит[а] свободной

---

525 История России XVIII – XIX веков / Л.В. Милов, Н.И. Цимбаев; под ред. Л.В. Милова. М., 2006. С. 241.

526 Зарождение артелей на Руси относится к XIII в. Согласно сенатскому указу 1722 г. артельщики обязаны были записываться в цех.

527 Лизунов П.В. Биржевые артели Петербурга: два века истории (XVIII – начало XX в.). Отечественная история и историческая мысль в России XIX – начала XX веков: Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 257–266.

528 Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова… С. 251.

529 Аллен Р. Глобальная экономическая история. Краткое введение. М., 2013. С. 56.

530 История России XVIII – XIX веков / Л.В. Милов, Н.И. Цимбаев… С. 288; см. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 418–493.

рабочей силы, господство краткосрочной системы вольного найма (поденщины) как в ремесленном, так и в мелкотоварном производстве и высокий уровень оплаты труда»[531]. В XVII в. «изделия мануфактурного производства […] составляли незначительную часть обращавшихся на нем товаров. Потребности населения в промышленных изделиях по-прежнему удовлетворялись ремеслом и мелкотоварным производством. В условиях отсутствия товарного характера промышленного производства не могли осуществляться ни увеличение предпринимательского капитала, ни расширенное воспроизводство»[532]. Согласившись с выводами Милова, можно все же, сославшись на данные Е.И. Заозерской, констатировать определенное развитие на текстильных мануфактурах в первой четверти XVIII в. в сторону вольнонаемного труда. 90% рабочей силы на этих мануфактурах комплектовалось по найму, и лишь в 1730–40-х гг. наблюдался резкий рост

[531] Милов Л.В. Великорусский пахарь... С. 487; Структура крестьянских промыслов Европейского Севера, описанная В.А. Саблиным, может быть распространена за некоторыми исключениями на все рассматриваемые старопромышленные районы: «Условия, в которых приходилось вести хозяйство северному крестьянину, способствовали складыванию многоотраслевой структуры деревенского производства. Для восполнения дефицита своего бюджета крестьянин издавна прибегал к различным промысловым занятиям. […] Степень вовлечения северного крестьянства в промысловые занятия была различной. На их географию влияли, в первую очередь, природно-климатические условия, определявшие интенсивность развития сельского хозяйства. Если сравнительно мягкий климат Вологодской и Северо-Двинской губерний позволял крестьянину сосредоточить свои усилия в основном на земледелии и скотоводстве, то в лесной и тундровой зоне Архангельской губернии, территории Карелии и Коми такой возможности не было. […] Среди кустарно ремесленных промыслов Карелии получили развитие сапожный, кузнечный, портняжный, плотничий, столярный, печной, слесарный, бондарный […]. В Архангельской губернии – косторезный (Холмогорская волость) промысел, баржестроение в Шенкурском и Пинежском уездах, бондарное, сапожное, пенько-прядильное, точильное производство и др. В Коми – замшевое производство (Ижмо-Печерский уезд), плотницкий, сапожный, портняжный, валяльный и столярный промыслы и другие. В Вологодской губернии – кузнечный, кружевной (22 185 кружевниц по данным 1927/28 года), роговой (718 мастеров по тем же данным), сапожный, мельничный, гончарный, корзиночный, валяльный и другие. В Северо-Двинской губернии кустарно-ремесленными промыслами было занято 18,3 процента – 19 процентов дворов. Наибольший удельный вес среди домашних промыслов принадлежал группе промыслов по изготовлению одежды и обуви (валяльное, портняжное и сапожное занятие) и обработке дерева (выгонка смолы, бондарное, столярное производство, плетение корзин). Меньшее развитие получили металлообработка (кузницы), производство продовольственных продуктов (водяные мельницы и маслобойки), обработка глины (посуда и кирпич), производство инвентаря, инструментов, выделка кож и овчин. Ежегодно из Кемского уезда Карелии и приморских волостей Летнего берега и Онежского уезда Архангельской губернии на промысел уходило до 2700–2800 «промышленников» (Саблин В.А. Промыслы и их роль в крестьянском хозяйстве Европейского Севера в 1910-е – 1920- е годы // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / Гл. ред. Г.В. Судаков. Сост. С.А. Тихомиров. Вологда, 2007. С. 258-267. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/2_12.htm (Дата обращения: 29.01.2016)).

[532] История России с древнейших времен до конца XVII века / Л.Н. Вдовина... С. 561.

принудительного труда, после чего наемный труд снова нашел более широкое распространение и занял ведущее место[533].

Приведенные Миловым данные об оплате ремесленного труда, дают хороший ориентир для оценки последующего развития оплаты труда и цен на продукты повседневной жизни, прежде всего на питание и одежду. Минимальная поденная оплата малоквалифицированного или неквалифицированного труда чернорабочих в XVII в. достигала одного алтына или 3 коп. в день. Примерно столько же получали мастеровые при эпизодическом найме у ремесленников, оплачивавших свободный труд по его стоимости. Во второй половине XVII в. «на один алтын можно было купить 5-6 кг ржаной муки или каравай хлеба в 9 кг, или 4 кг гречневой крупы, или 9 кг яшного солода, или пять-шесть десятков яиц, или 1,7 кг свиного сала, 1,5 кг свежей осетрины или семги»[534]. Трудясь только 5 дней в неделю, «поденщик мог заработать в год на алтынной оплате примерно 7 руб. 50 коп. А годовой прожиточный минимум (на питание) одного работника мог быть равным 2–2,5 руб. […] Комплект летне-зимней одежды стоил ориентировочно 1,5–1,8 руб. Готовый сруб большого дома (ок. 70 м^2) стоил 8–10 руб.»[535]. Сравнительно с ними, монастырские ремесленники или так называемые «шваленные» мастера: кузнецы, кожевники, сапожники, суконники, портные, коновалы и т.д., имели более благоприятные условия, так как получали бесплатное питание и одежду, но годовое жалованье у них было гораздо ниже: от 0,7 до 1 руб., редко доходя до 2–2,5 руб.[536]. С дневным алтынным заработком, поденщик мог жить 3-5 дней.

Фабрикам и мануфактурам трудно было перебить предложение ремесленной промышленности, ввиду значительно более высокого уровня оплаты квалифицированного свободного ремесленного труда, целью которого

---

[533] См.: Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I…; она же. Развитие легкой промышленности в Москве…; Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности…; Струмилин С.Г. История Черной металлургии в СССР, т. 1…

[534] Милов Л.В. Великорусский пахарь... М., 2006. С. 487.

[535] Там же. С. 488.

[536] Там же.

не являлось все большее капиталистическое накопление, играющее не самую важную роль в жизненных ориентирах ремесленника, основанных на иной системе ценностей. Его интерес заключался, прежде всего, в обеспечении своего безбедного и достойного существования. В 1613–1614 гг. рядовые ремесленники в Москве поденно зарабатывали 3–4 коп., что соответствовало 4,2–5,6 коп. по ценам второй половины XVII в. и составляло при 250 рабочих днях условный годовой оклад от 10,5 до 14 руб. Для примера, сапожник «в начале XVII в. получал за шитье пары добротных сапог один алтын (3 коп.)»[537].

Примерно такое же соотношение в оплате труда квалифицированного и малоквалифицированного ремесленника существовало в XVIII в., с постепенной тенденцией ее роста в связи с дороговизной в новой столице. Для сравнения, сапожник первой четверти XVIII в. в год мог заработать 12 руб., если принять в расчет его среднюю производительность в неделю (8–10 пар). Соответственно, суммарный идеальный итог стоимости его работы за год при производительности в 400 пар мог составлять 12 руб., а то и 18 руб. при шитье более дорогой обуви[538].

Характерно для своего времени, С.В. Луппов в категорию рабочих помещает как работных людей, так и мастеровых, что объясняется попыткой расширения понятия «рабочий класс» на широкие слои ремесленников. В 1716 г. столяры, «„которые обретаютца при доме его царского величества“, получали по 24 руб. в год, маляры – по 14 руб. 40 коп. – 18 руб. в год, медник – 19 руб. 40 коп. в год, токари, плотники, кузнецы и другие — всего по 10 руб. 80 коп. в год, „огородники„ – 12 руб. в год и т. д.»[539].

Не в пример лучше оплачивался труд иностранных специалистов. Среди «огородников» Ян Розен получал «500 руб. в год, Л. Гарнифелт – 248 руб., а “живописец„ Ян Тоннауер – 641 руб.»[540]. Схожий уровень жалованья наблюдался в Оружейной канцелярии, типографии и канцелярии городовых

[537] Там же.
[538] Там же. С. 489.
[539] Луппов С.П. История строительства... С. 91.
[540] Там же.

дел, находившихся на Санкт-Петербургском острове. Согласно ведомости 1718 г., наборщик иноземец получал оклад 105 руб. И, хотя русские наборщики зарабатывали гораздо меньше – 40 и 48 руб., они, в отличие от иностранных мастеров, получали еще хлебное жалованье[541]. Несомненные плюсы в положении казенных мастеров по сравнению с работными людьми: казенные квартиры, более высокая оплата труда и более высокий хлебный паек, скрашивались тем, что жалованье выплачивали не регулярно, а выдачу хлебных пайков могли сильно задерживать[542]. Поэтому многие казенные мастера вынуждены были (имели право) время от времени «кормиться вольною работою». При этом, оплата их труда была примерно та же, что и работа квалифицированных мастеров по частному найму от 12 до 15 рублей в год[543].

Работные люди, ежегодно высылавшиеся в Петербург в порядке отбывания трудовой повинности по строительству города, и, как правило, выполнявшие работу чернорабочих, находились в наиболее худших условиях. Из денежного жалованья по 1 руб. в месяц у них вычиталось «хлебное жалованье» (хлебный паек), поэтому на руки, как видно из текста указа от 31 декабря 1709 г., работным людям выдавалось лишь по 50 коп. в месяц. Это не так много, если учесть, что в 1712 г. четверть муки стоила 2 руб., а четверть крупы 2 руб. 16 коп. Размер хлебного пайка в месяц составлял полуосмину муки, или около 29 кг, и малый четверик крупы, или около 5 кг. Соответственно, на месяц получалось около 34 кг[544]. В более выгодном положении находились мастеровые люди или так называемые переведенцы с более высокой квалификацией, выписанные в Петербург «на вечное житье», т. е. переселенные туда в принудительном порядке. В их годовое хлебное жалованье входило 5 четвертей муки, или около 580 кг, и 4 четверика крупы,

[541] Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова… С. 236.
[542] Там же. С. 237.
[543] Там же. С. 95, 238.
[544] Луппов С.П. История строительства... С. 91.

или около 58 кг. Кроме того, каменщикам и кирпичникам из этой категории полагался надел земли на семью в 6 десятин[545].

Отдельную категорию мастеровых составляли артельщики, приходившие в столицу на заработки и нанимавшиеся отдельными мастерами или купцами, получавшими подряды от отдельных казенных ведомств или у частных лиц. Сложный технологический цикл постройки дома отражался в широком профессиональном составе строительных артелей, выполняющих, как правило, «каменн[ую], штукатурн[ую], столярн[ую], плотничн[ую], кузнечн[ую], оконичн[ую] и проч[ую] работ[у]»[546]. Можно предположить, что при тенденции к универсальности русских мастеровых, среди определенных специальностей существовал высокий уровень взаимозаменяемости, как, например, среди ремесленников, работающих по дереву или по металлу. Е.В. Анисимов установил определенную закономерность в выполнении государственных строительных подрядов. Если в случае невыгодных условий или низких расценок желающих взять подряд не находилось, «в дело вступали вначале штатные бригады работных от Канцелярии, а если они были заняты на других объектах, то к месту работ отправляли партии каторжников или снятых со службы солдат, а также матросов»[547].

Надо сказать, что государственные подряды вообще были широко распространенным способом решения многих технических и снабженческих задач. Причем артельщики могли получать подряды на большие партии товаров и на крупные суммы. Предположительно в 1719 г., «пошехонский крестьянин Федос Мараш взялся поставить в Адмиралтейство 3350 пудов гвоздей, на что выдано ему было в Ярославле две тысячи рублей в качестве задатка»[548].

Говоря о развитии частной промышленности петровского Петербурга, Л.Н. Семенова писала: «Попытки привлечь в Россию иностранных

---

[545] Там же. С. 92.
[546] Анисимов Е.В. Юный град… С. 102. См. Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова… С. 252–254.
[547] Анисимов Е.В. Юный град… С. 104.
[548] Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова… С. 255.

мануфактуристов дали весьма скромные результаты. Число фабрик, основанных в Петербурге было невелико, а масштабы производства на них ничтожны»[549]. К началу 1720-х годов «частные предприятия Петербурга исчислялись единицами». На 1737 г. их приходилось 20, в 1747 г. число их выросло до 27[550]. Особенно в первой половине XVIII в. «связь [петербургских] мануфактур с общероссийским рынком и экономикой страны была ничтожно мала», из-за чего «частная промышленность Петербурга постоянно испытывала трудности со сбытом продукции»[551]. Отрицательное впечатление от столь нерадостного вывода скрашивается успехами в развитии ремесел.

Обряды коронации Екатерины I с 7 по 11 мая, погребальные процедуры и эстетическое воплощение похорон Петра I с 28 января по 10 марта 1725 г. в рамках европейских эстетических канонов не могли состояться без совместной работы иностранных и российских мастеров. Интересная деталь, говорящая об успешном обучении российских специалистов, – среди имен ремесленников, призванных для работы над траурным убранством Зимнего дворца, практически отсутствуют иностранные имена[552]. Велико было символическое значение похорон, продуманных до мельчайших подробностей. Не случайным стало и изображение царя-ремесленника на его личной эмблеме, где он изображен высекающим новую Россию. Это же изображение было перенесено на знамя, «как один из основных идеологических элементов процессии»[553]. Уловив эту тенденцию, М.А. Киселев, говоря о Петре I, провел аналогию с «искусн[ым] механик[ом], подбира[вшим] различные элементы иностранного законодательства и затем использова[вшим] их в качестве элементов для создания собственного идеального механизма»[554]. Излюбленная метафора эпохи Просвещения, использованная Лейбницем в одном из писем царю, относилась к часам, с

[549] Семенова Л.Н. Быт и население… С. 72; см. она же. Рабочие Петербурга… С. 10.
[550] Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга… СПб. С. 95.
[551] Там же. С. 96.
[552] Матвеев В.Ю. «Разных художеств мастера» (Новые архивные материалы к истории русской культуры первой половины XVIII в.) // Наука и культура России XVIII в. Сб. ст. Ленинград, 1984. С. 149–153.
[553] Там же. С. 146.
[554] Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель… С. 90.

которыми сравнивается отлаженный с помощью мудрых законов государственный механизм. Согласно этой логике, где имеется часовой механизм, там есть и «искусный механик».

После смерти Петра субсидирование фабрик сократилось, из-за чего большинство из них разорилось. В 1747 г. в столице и «в близости» к ней действовало 18 промышленных предприятий, принадлежащих иностранцам, и 9 – русским[555]. По другим данным, «в 1730 г. многие фабриканты оказались „подложными“, а в 1744 г. „за неразмножением фабрик и за худым мастерством сделанных на тех фабриках товаров“, закрыты были 44 фабрики; немало предприятий закрылись и сами собой»[556]. Характерно сходство первых «фабрик» с ремесленными мастерскими или кустарными избами. Мануфактуры, фабрики и заводы петровского времени «по большей части […] представляли двор с несколькими избами и сараями». Стрельнинский кирпичный завод состоял из двух ветхих изб и четырех сараев «на погнивших столбах». На Тосненских заводах имелось, среди прочего, три избы ветхие и четыре худых сарая. За артиллерийскими заводами числились «при кузнице старая ветхая изба, в которой работают пильники железного дела, також и слесари во оной избе исправляются с великою нуждою»[557]. Недостаток средства и теснота были характерным признаком почти для всех предприятий города. Любопытно описание Арсенала, где велось «всяких артиллерийских, колесных и плотничных работ вольное число, токмо за теснотою и за неимением мастерских изб исправляютца в летнее время на дворе и в сараях, а которыя… мастерских 6 изб и построены, но из оных в четырех светлицах исправляютца токарныя, столярныя и протчия всякия мелочныя деревянные поделки, а две светлицы отданы… сверленным мастерам»[558].

---

[555] Семенова Л.Н. Быт и население… С. 72.
[556] Кулишер И.М. Очерк истории… С. 92.
[557] ЦГИА СССР (РГИА). Ф. 467. Оп. 73/187. Кн. 12. Ч. 1. Л. 34; кн. 7. Ч. II. Л. 383 и послед. Цит. по: Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга… С. 109–110.
[558] ЦГИА СССР (РГИА). Ф. 467. Оп. 4. Д. 443; Доношение капитана Зеленого. АВИМ (Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных вой1ск и войск связи). Ф. 2. Оп. 9. Д. 154. Л. 34. Цит. по: Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга… С. 109–110.

Несмотря на столь скромные по современным меркам успехи, данное развитие означало огромный технологический прорыв своего времени, так как в этих неказистых избах и светелках российские ученики учились новым ремеслам, получали новые навыки в уже известных ремеслах или перенимали совершенно новые ремесленные технологии. Интересно наблюдение Семеновой о том, «что наибольших успехов предпринимательство достигло в тех отраслях производства, где частные фабрики были основаны в период петровских преобразований»[559]. Это значит, что на частных фабриках образовались квалифицированные кадры, профессиональный и социальный капитал, позволивший им развивать свое дело. Причины их успеха связаны не только с их личным талантом и целеустремленностью, но и с системными предпосылками, созданными русским правительством.

Мануфактур-коллегия в своих постановлениях и указах недвусмысленно заявляла о мотивах приглашения иностранных мастеров: «иностранные мастера призваны не для того, чтобы шпалеры их работы были потребны, но паче для ускорения того их художества»[560], т. е. для обучения русских учеников. В другом документе читаем: «имеется надежда, что по прошествии урочных лет их, иноземцев, возможно будет отпустить во отечество и ко оной работе… подданных е. в. употребить и таким образом оное художество в Российской империи останется»[561].

Почему же Петр I интенсивировал проведение внутренних реформ по организации мануфактурной и крупной промышленности именно с 1717 г., а ремесленной – с 1721 г.? Е.В. Анисимов дает на это убедительный ответ. Понимая, что победоносное завершение Северной войны, благодаря русской *регулярной* армии, рано или поздно неизбежно, государь заявляет, что «надлежит трудиться о пользе и прибытке общем»[562]. По его мысли, «ныне, управя оное, и о земском правлении не пренебрег, но трудитца и сие в такой

[559] Семенова Л.Н. Быт и население… С. 73.
[560] Там же.
[561] Там же. С. 74.
[562] Анисимов Е.В. Государственные преобразования... С. 9–10.

порядок привесть, как и воинское дело»[563], т. е. теперь и внутренние дела необходимо привести «в добрый порядок». Попробуем расширить эту мысль и поставить ее в контекст учреждения нового порядка – цехового ремесла. Петр занялся введением цехов из осознания того, что одно насаждение мануфактур, на что до сих пор делался основной упор в рамках меркантилистской политики, при хроническом недостатке профессиональных ремесленных кадров, в долгосрочной перспективе обречено на неуспех. Иностранные ремесленники должны были, по замыслу государя, служить примером и обучать российских учеников, но первоначально цехи не получили должного развития, что побудило некоторых историков даже сделать вывод, что цехи в России вообще не прижились и прекратили свое существование в скором времени после их основания[564].

Промышленную политику Петра I в отношении ремесла можно разделить на два периода: с 1699 по 1721 гг. и с 1721 по 1725 гг. До введения цехов городская ремесленная промышленность существовала в рамках регулирования традиционного законодательства, где ремесленники управлялись не по профессиональному и корпоративному признаку, а по принадлежности к посадскому населению и состояниям или «чинам», т. е. по принципу принадлежности или непринадлежности к посаду или разряду крестьян.

До учреждения цехов, городские ремесленники или мастеровые люди, желающие определиться на мануфактуры, должны были, согласно именному указу от 17 января 1718 г., получать свидетельства «в удостоверение искусства или познания в том художестве или ремесле, к которому кто желает определиться» за подписью «коллегии мануфактурной, от губернатора и от коменданта и прочих начальников того места […], что они прямые тому художеству мастеровые, а не подложные»[565]. С учреждением Берг- и

---

[563] Там же. С. 9.
[564] Kluge A. Die Zünfte... S. 461.
[565] ПСЗ-1. Т. 5. № 3142: *О взятии свидетельств мастеровым людям, желающим определиться на мануфактуры*.

Мануфактур-Коллегии, заведовавшей преимущественно промышленностью мануфактурного типа[566], им подчиняются, согласно именному указу от 12 декабря 1718 г. «Об управлении во всех Коллегиях…», «рудокопные заводы и все прочия ремесла и рукоделия»[567]. Сенатский указ от 4 марта 1719 г. подтверждал подчинение «ремесленных людей», вызванных в Петербург на вечное житье, Берг- и Мануфактур-Коллегии[568]. Когда произошло фактическое разделение на две коллегии не позднее первой половины 1722 г. и его законодательное оформление Регламентом Мануфактур-коллегии от 3 декабря 1723 г.[569], городские ремесленники с 1721 года уже подчинялись Главному Магистрату и должны были быть по замыслу законодателя организованы в цехах. Следовательно, «ремесла и рукоделия» были изъяты из ведомства Мануфактур-коллегии, заведовавшей отныне лишь «мануфактурами и фабриками»[570].

В связи с данной терминологией укажем на особенность статистик XVIII в., где, среди «мануфактур и фабрик», наряду с крупными предприятиями, учитывались мелкие и средние. Это характерно для всех статистик XVIII в. И.К. Кирилов, собравший данные за 1724–1726 гг., согласно ведомостям Берг-Мануфактур-коллегии, привел 233 крупных и мелких промышленных предприятия. Не удивительно поэтому, что в настоящее время эта цифра считается ошибочной[571]. Путем привлечения

---

[566] Анисимов Е.В. Государственные преобразования… С. 130–134; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 378–379; Каменский А.Б., Корчмина Е.С. Реформирование экономики // Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в. В 4 т. М., 2016. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. А.Б. Каменский. С. 77; Лященко П.И. История народного хозяйства СССР... Т. 1. С. 443–444; В главе книги «Реформы в России», посвященной экономическим реформам XVIII в., цехи и ремесло не упоминаются вообще – только государственные и крупные предприятия, крестьяне, промышленники и купцы. По нашему мнению, употребляемые у названных авторов понятия «легкой и тяжелой промышленности», излишне модернизируют хозяйственный строй России XVIII в. Такие понятия возможно применять лишь со второй половины XIX в., когда появляются ткацкие и прядильные фабрики с паровыми машинами, железные дороги, тяжелое и легкое машиностроения во время индустриализации. Здесь же более целесообразно использование понятий крупной, средней и мелкой или ремесленной промышленности, причем к первым двум видам подходит понятие промышленности мануфактурного типа.

[567] ПСЗ-1. Т. 5. № 3255: Именной, объявленный из Сената. – *Об управлении во всех коллегиях и в губернияхъ дел с 1720 года по новому порядку и о разделении дел между коллегиями*. С. 601.

[568] ПСЗ-1. Т. 5. № 3320: Сенатский: *О разпределении ведомства дел между разными присутственными местами*.

[569] ПСЗ-1. Т. 7. № 4378. 03.12.1723: *Регламент Мануфактур-Коллегии*.

[570] Там же. С. 169.

[571] Новлянская М.Г. Иван Кирилович Кирилов. Географ XVIII века. М., Л., 1964. С. 22.

других источников установлено, что их в то время насчитывалось только 200[572].

К 1794 г. их количество в Петербурге, по данным К.К. Злобина, существенно сокращается до 163 заводов, фабрик и мануфактур[573]. В приведенной ведомости среди «фабрик» также находим предприятия с характерным ремесленным производством, вероятно насчитывающими менее 16 мастеровых: карточные, макаронные, басонные, золотошвейные, позументные и одну шоколадную[574]. Тем более, что «фабрика XVIII в., как тип производства, недалеко ушла от ремесленного заведения, к тому же они часто работали в разных, не конкурирующих между собой областях»[575]. Под названием «фабриканта» часто скрывался никто иной как ремесленный мастер, принадлежавший иным социальным стратам, помимо ремесленного сословия цеховых. Наименование «фабрикант» по отношению к ремесленным мастерам применялось еще в 1810-е годы, например, при вызове золингенских мастеров холодного оружия в город Златоуст.

В.Г. Гейман после исследования мануфактуры петровского времени пришел к выводу о том, что «большинство промышленных предприятий петровского Петербурга, хотя и носивших громкие названия „фабрик“, „мануфактур“ и „заводов“, таковыми могли быть названы лишь очень условно. На большинстве из них […] количество рабочих было крайне незначительным, и разделение труда, за некоторыми исключениями носило очень примитивный характер. В сущности, многие из этих предприятий являлись не „мануфактурами“, а простыми ремесленными мастерскими»[576]. Именно поэтому, как справедливо отметил С.Н. Валк, «фабрично-заводские рабочие обрабатывающей промышленности Петербурга первоначально составляли

[572] Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века. М., 1962. С. 5.
[573] Злобин К.К. Ведомость состоящим в С.-Петербурге фабрикам, мануфактурам и заводам на сентябрь 1794 г. // РИО. 1867. № 1. С. 352–361; Кирилов И.К. Цветущее состояние…; Очерки истории Ленинграда. Т. 1: Период феодализма (1703–1861). М.-Л., 1955. С. 449.
[574] Злобин К.К. Ведомость… С. 352–361.
[575] Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII в… С. 559.
[576] Гейман В.Г. Мануфактурная промышленность Петербурга… С. 283.

лишь небольшой отряд в общей массе трудового населения города»[577], причем о «фабрично-заводских рабочих» в Петербурге, особенно в XVIII в., можно говорить лишь условно.

Детальной разработке в законодательстве первой четверти XVIII в. подверглись вопросы, касающиеся ремесленников[578]. Их регламентация, характерная для русского абсолютистского государства, была одним из методов регулирования и введения элементов регулярного государства в жизнь страны[579]. Регулярного, но не «полицейского» – в современном понимании этого слова. В главе X «О купечестве и мануфактурном деле» Регламента Главного Магистрата от 16 января 1721 г. сказано: «Понеже всякое каждого города изобилие при Божией помощи и доброй полиции, в начале от корабельного морского хода, також от свободного и безобидного во всем везде купечества и искусного рукоделия, собственную свою иметь силу и умножительное действо»[580], где под «доброй полицией» понимается кроме функций безопасности доброе управление и добрый порядок вообще. Далее законодатель еще раз расшифровывает, что понятие «полиции» он рассматривает в гораздо более широком контексте, чем это было сделано в «Пунктах» для первого генерал-полицмейстера Петербурга А.М. Девиера (1673–1745) об устройстве полиции, опубликованных 25 мая 1718 года[581]. Правила, описанные в Регламенте, «[…] полезн[ы] ко установлению полиции, или добрых гражданских порядков к поправлению». Подытоживая задачи полиции, законодатель максимально расширяет ее узко утилитарное значение: «[…] полиция […] рождает добрые порядки и нравоучения, […] непорядочное и непотребное житие отгоняет, и принуждает каждого к трудам и к честному

[577] Валк С.Н., Дякин В.С. (ред.). История рабочих Ленинграда. Т. 1… С. 8.
[578] Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII начало XX века). М., 2010. С. 343.
[579] См. Луппов С.П. История строительства… С. 5.
[580] ПСЗ-1. Т. 6. № 3708. С. 297.
[581] ПСЗ-1. Т. 5. № 3203. С. 569-571; До 1718 г. полицейские функции выполняла Расправная палата при Губернской канцелярии (см. Кошелева О. Полиция есть душа гражданства // Отечественные записки. № 2 (17). 2004. URL: http://www.strana-oz.ru/2004/2/policiya-est-dusha-grazhdanstva#s4 (Дата обращения: 03.08.2017).

промыслу […], полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальной подпор человеческой безопасности и удобности»[582].

Таким образом, Петр, с одной стороны, создал орган городской полиции, внеся в его понятие, далеко опередив свое время, современное функциональное содержание, а с другой, использовал более широкий смысл, характерный для Лейбница и Вольфа, «когда надежды ранних просветителей на усовершенствование мира и людей, основанные на установлении разумного порядка, получили решающий импульс благодаря политике вестернизации Петра I»[583]. В данном контексте слова «полиция» и «гражданство» сочетаются иначе, не как антиподы. Здесь «полиция» прочитывается как правила правильного (справедливого) управления и порядка в жизни граждан города (государства). Под *гражданством* здесь понимаются именно граждане или горожане – жители города (церк.-слав. град), т. е. – посада. Следовательно, Регламентом Главного Магистрата регламентировалась, т. е. упорядочивалась на новых основаниях, жизнь жителей города (др.-греч. πόλις «город, государство»)[584]. Этимология слова полиция восходит к двум древнегреческим словам: упомянутому полису, и к πολιτεία (др.-греч. гражданское право, управление и законы государства). В русский язык оно вводится при Петре I и заимствовано из польского (policja) или из немецкого (die Polizei)[585].

---

[582] ПСЗ-1. Т. 6. № 3708. С. 297.

[583] Мерль Ш. Существует ли «трансатлантическая модернизация»? Размышления роли России в концепте «модернизация» // Диалог со временем. 2016. № 57. С. 5.

[584] Magistrat – гражданское правительство (Weismann E. Weismanns Petersburger Lexikon von 1731, [Nachdr. der Ausg. St. Petersburg 1731], Bd.: 2, München, (1983). S. 326); Слово полиция в русских словарях XVIII в. отсутствует.

[585] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополн. О.Н.Трубачева. 3-е изд. М., 1996. Т. 3. С. 310; В книге Р. Моля (1866) разъясняется, что организация полиции как органа надзора за порядком есть лишь часть общей «полицейской» науки, т. е. управления государством, включающего не только государственную власть и правительство, но и все области экономической жизни страны. Поэтому логична констатация немецким специалистом по философии права Генрихом Аренсом в 1871 г. (первое издание 1846 г.) факта, что понятие «полиции» не являлось еще в науке того времени однозначным. Он цитирует баварского правоведа А.В. Крейттмайра (1769), который назвал полицию «жизнью и душой государства» (die Polizei – „das Leben und die Seele des Staates“). Поэтому глубоко симптоматично, что Петр I в своей формулировке полиции в инструкции А.М. Девиеру использует не понятие государства, а понятие гражданства, что являлось новацией для того времени. Другими словами, Петр со свойственным ему нетерпением в быстрых преобразованиях обратился сразу к двум понятиям – городской полиции в узком понимании этого слова, как института поддержания порядка, укоренившегося в Западной Европе лишь во второй половине XIX в., и городского гражданства, т. е. посадского населения, в Регламенте Главного Магистрата, где понятие полиции трактуется в более широком контексте. Это можно объяснить наслоением впечатлений Петра I от поездки в Республику соединенных провинций (Нидерланды) и концепции естественного права Лейбница-Вольфа.

В лексиконе Й.Г. Цедлера, близком по времени к петровской эпохе, имеется толкование слова «полиция (нем. *Policey oder Polizey*, lat. Politia) есть сообщество, республика, форма правления или законы, учреждения и предписания в городе или стране. Под „полицейскими законами“ (нем. *Polizey-Gesetze oder Policey-Ordnung*) понимаются законы, касающиеся благосостояния всего государства [А.К. в оригинале – *республики*] или сообщества (нем. das gemeine Wesen, англ. Commonwealth), с целью обеспечения мира, покоя и благосостояния населения[586]. Список немецкой и французской научной литературы по Polizei-Wissenschaft, на которую ссылается адъюнкт по кафедре законов государственного благоустройства и благочиния в С.-Петербургском университете доктор прав Н.Ф. Рождественский в книге с характерным названием: «Основания государственного благоустройства, с применением к российским законам»,

---

Здесь вспоминается картина Х. ван Р. Рембрандта «Ночной дозор» (1642, Die Nachtwache), символизирующая именно эту «душу гражданства» – самоорганизацию городских коммун, в том числе в виде городской полиции в мирное время или гражданского ополчения (die Bürgerwehr) в военное. Другое дело, что для России того времени это была словесная фигура, которая, будучи перенесена в российскую действительность, с одной стороны наполнилась новыми европейскими коннотациями (гражданство), а с другой продолжила традицию наместников, затем воевод, губных старост, целовальников, городничих и объездных голов, функции которых выполняла теперь полиция (см.: Кошелева О. Полиция есть душа гражданства…). Корни амбивалентности данного понятия Аренс объясняет существованием различных школ государственного права, предполагающих два полярных значениях полиции (Polizei-Wissenschaft, позже – административное право) в рамках философии естественного права Лейбница и Вольфа, впоследствии Юсти, считавших главной задачей государства (полиции, управления) заботу о благосостоянии и счастье населения страны, с одной стороны, и Канта, считавшего главной функцией полиции, в более узком смысле, наблюдение за порядком и обеспечение безопасности, с другой. Изменение смысла и функциональной нагрузки понятия полиции было вызвано, отчасти, становлением централизованного абсолютистского государства Нового времени, которое начинает отделяться от общества и стоит над ним, в отличие от средневековой автономной городской коммуны. Именно поэтому Аренс обращает внимание читателя на то, что под понятием полиции без уточнения ее значения в узком смысле можно было бы представить всю деятельность государства, тогда как ее современное значение предполагает, прежде всего, орган государства, следящий за порядком. К концу XVIII в. имелось 24 определения полиции, к середине XIX в. – около 100, а в конце века доходило до 150 (См.: Шеймин П.Н. Полиция // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. Т. 24. СПб., 1898. С. 320–339; Ahrens H. Naturrecht, oder Philosophie des Rechts und des Staates: Bd. 2 : Das System des Privatrechts, die Staatslehre und die Prinzipien des Völkerrechts: auf dem Grunde des ethischen Zusammenhanges von Recht und Kultur. 6., durchaus neu bearb., durch die Staatslehre und die Prinzipien des Völkerrechts verm. Aufl. Wien : Gerold, 1871. S. 436–437, 452, 454; Justi I.H.G. Grundsätze der Polizeiwissenschaft. 1. und 2. Aufl. Göttingen, 1756, 1759. 782 S.; Ders. Grundfeste der Macht und Glückseligkeit der Staaten, oder ausführliche Darstellung der gesamten Policey-Wissenschaft. Königsberg, 1760; перевод на русский язык: Юсти И.Г.Г. Основание силы и благосостояния царств, или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного Благочиния, перев. с немецк. Иван Богаевский. СПб., 1772–1775; Kreittmayr W.X.A.F. Frhr. v. Grundriss des Allgemeinen Deutsch- und Bayerischen Staatsrechts. Frankfurt und Leipzig, 1769; Mohl R. v. Die Polizei-Wissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates. 3. Aufl., Bd. 2. Tübingen, 1866. 716 S.; Там главы о частной собственности, приобретении капитала, поощрении производства: сельского хозяйства, горной и прочей промышленности и торговли; Stolleis M. Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland: Bd. 2. Staatsrechtslehre und Verwaltungswissenschaft, 1800–1914. München, 1992. S. 107–108).

[586] Zedler J.H. Grosses vollständiges Universallexikon Aller Wissenschaften und Künste. Erste Auflage. Halle und Leipzig, 1732–1754. Bd. 28. Spalte 1503; см. о значении Лексикона Цедлера: Соколовский С. Бремя традиции: прошлое в настоящем российской антропологии // Антропологический форум. № 15. С. 205–220.

опубликованной в 1840 г., убедительно показывает, что в традиции XVIII – первой половины XIX вв. речь идет не столько о «полиции» в узком значении этого слова, сколько о науке или искусстве управления государством, с целью повышения благосостояния подданных и умножения их счастья, что предполагало развитие ремесел, как наиболее эффективного способа решения вопроса занятости населения[587]. Лишь во второй половине XIX в. понятие *полиция* приобретает свое современное значение.

Д.К. Бугров и М.А. Киселев обращают внимание на то, что «…тема „хорошо организованного полицейского государства“ (well-ordered police state»), разрабатывавшаяся с 70-х гг. XX в. М. Раевым и его учениками», не нова. Новым в свое время был подход в изучении «практик государства в области социального конструирования, рационального упорядочения и модернизации»[588]. Своевременной является и постановка вопроса названными авторами, которые обоснованно считают, что «… модернизаторские усилия российской монархии могут считаться весьма своеобразными. Правомочно задаться вопросом о том, насколько регулярным было государство, созданное Петром I и его наследниками?»[589].

Данный экскурс в историю понятия «полиция» позволяет предположить, что аналогичным образом обстоит дело и с нововведенным понятием и институтом «цехов». В этом смысле нас интересует своеобразие российской цеховой системы, как оригинальной формы организации городского ремесла,

---

[587] Рождественский Н.Ф. Основания государственного благоустройства, с применением к российским законам. СПб., 1840. С. 21–22; см. также: Молинари Г.де. Производство и распределение богатств: курс политической экономии; пер. на рус. яз. под ред. Я.А. Ростовцева. Изд. 2-е. М., [2012]. 382 с.; Симоненко Г.Ф. Государство, общество и право с точки зрения законов народного хозяйства: Опыт политико-экономического анализа государственной и общественной деятельности. Т. 1. М., 1870–1872. 508 с.
О значении государственной деятельности как одной из сфер народного хозяйства. 1870. С. 15.

[588] Бугров К.Д., Киселев М.А. Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII в.? Принципы работы по входящим делам в Екатеринбургском уездном суде // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 2. С. 29; см.: Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth- Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // The American Historical Review, Vol. 80, Nr. 5 (Dec, 1975); Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй. Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993; Geyer D. Staatsaufbau und Sozialverfassung. Probleme des russischen Absolutismus am Ende des 18. Jahrhunderts // Cahiers du monde russe et soviétique. Année 1966. Volume 7. Numéro 3. P. 366–377; Geyer D. „Gesellschaft“ als staatliche Veranstaltung. Sozialgeschichtliche Aspekte des russischen Behördenstaates im 18. Jahrhundert // D. Geyer (Hg.). Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland. Köln, 1975. S. 20–52.

[589] Бугров К.Д., Киселев М.А. Насколько регулярным было «регулярное государство»... С. 29.

заключающуюся в гибридности ее форм от начала и до конца своего существования[590].

Цеховые мастера были частью посадского населения при Петре I, так же, как и состояние цеховых ремесленников входило в сословие городских обывателей при Екатерине II, члены которого могли записываться в цех временно, сохраняя иную сословную принадлежность. Свести городское общество под один социальный знаменатель представлялось в России чрезвычайно сложным делом. К этому правительство и не стремилось, осознавая невозможность осуществления данного предприятия в его полном объеме: «Сложная социальная терминология Московского царства во многом отражала сложность и неоднородность самого общества. В одном из терминологических словарей, посвященных лексике того периода, зафиксировано около пятисот отдельных социальных категорий, обозначавших различные ранги и статусы»[591].

Д.И. Фонвизин определил в своем сочинении «О вольности французского дворянства», написанном в 1764–1766 г., задачу образования «третьего чина» так: «Сей третий чин не трудно учредить и в России. Со временем можно будет оплатить долги государственные или партикулярные, смотря на состояние всякого от неволи освобожденного раба; надлежит только продавать увольнение всем знатным купцам и славным художникам; надлежит разделить все различные художества по цехам; должно всякому члену доказать свое искусство и исправить то, что до него надлежать будет. Сверх того, каждый цех должен купить увольнение всем своим членам, что всегда тем полезнее будет государству и самим господам, чем более добрые художники в состоянии будут в цех приниматься»[592]. Конечно же, теоретические рассуждения Фонвизина приходят в резкое противоречие с

---

[590] Ackermann A. Das Eigene und das Fremde: Hybridität, Vielfalt und Kulturtransfers // Friedrich Jaeger; Jörn Rüsen (Hrsg.): Handbuch der Kulturwissenschaften. 3 Bde., Stuttgart / Weimar 2004, Bd. 3. S. 138–154.

[591] Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М., 1937. С. 436–439; Фриз Г.Л. Сословная парадигма… С. 126.

[592] Фонвизин Д.И. Сокращение о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина. URL: http://fonvizin.lit-info.ru/fonvizin/articles/fonvizin/o-volnosti-francuzskogo-dvoryanstva.htm (Дата обращения: 18.10.2017).

российской действительностью, где третье сословие должно образовываться из «рабов». Здесь важно другое. Автор ассоциирует идею создание третьего сословия вместе с цехами, одним из институтов которого они должны стать, и называет его/их по аналогии с полицией «душой общества» как аналог доброму порядку[593]. Существовавшие уже несколько десятилетий в России, цехи не ставятся им под сомнение как нечто искусственное. Эта негативная коннотация появилась гораздо позже и усилилась в либеральной мысли к середине XIX в.

2.2. Введение цехов в Петербурге

Первое известное упоминание цехов в Северной столице, также находившихся в парадигме «доброго полицейского порядка», относится к 1712 г., когда сюда приезжают иностранные ремесленники из московской немецкой слободы. Этот эпизод ввиду его кратковременности можно назвать «московским десантом», так как упомянутые мастера задержались в Петербурге ненадолго. Многие московские иностранные мастера были вынуждены переехать в Петербург вслед за своими клиентами. Некоторым, как в случае с Михаелем Рексом и Йозефом Армандом, бывших там непродолжительное время старшинами портного и парикмахерского цехов в 1712 г., было приказано, что не помешало им уехать обратно в Москву[594].

---

[593] Там же: «Власть и дворянство старается весьма во Франции не презирать третьего чина: он душа общества; он политическому корпусу есть то, что желудок человеческому; он счастливое посредство, чрез которое вышняя часть сообщается, не унижаясь, нижней части и чрез которую сия возвышается к другой».

[594] РГАДА. Ф. 158. 1707 г. Д. 211; 1710 г. Д. 3; Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 94. Л. 1. Цит. по: Kovrigina V.A. Die Deutschen im Moskauer Handwerk in der zweiten Hälfte des 17. und im ersten Viertel des 18. Jahrhunderts // Hamburger Beiträge zur Geschichte der Deutschen im europäischen Osten, 4 hrsg. v. Norbert Angermann. Lüneburg 1997. 44 S. S. 39–40; см.: Stolz S. Die Handwerke des Körpers: Bader, Barbier, Perückenmacher, Friseur; Folge und Ausdruck historischen Körperverständnisses. Marburg, 1992. 352 S.; Укрепление Петербурга в статусе новой столицы происходило постепенно на протяжении довольно продолжительного периода с 1709 по 1714 гг. Перемещение в Петербург структур государственной власти и иностранных посольств или послов в 1709–1712 гг. и переезд царского двора в 1712 г. началось после победы под Полтавой и занятия Эстляндии, Лифляндии, Карелии и Финляндии, вселивших уверенность в том, что Россия закрепилась на берегах Финского залива и Балтийского моря надолго. Анисимов называет 1712 г. датой превращения Петербурга в столицу, когда сюда переезжает Правительствующий Сенат и слово «поход», обозначающее время, когда царь находился в отъезде из столицы (Москвы), перестало распространяться на время пребывания Петра I на берегах Невы и исчезло в официальных документах, когда речь шла о пребывании царя в северной столице (См.: Анисимов Е.В. Юный град… С. 67–73).

Не является случайным совпадением тот факт, что именно в конце 1712 г. Ф.С. Салтыков посылает Петру из Англии «Пропозиции», где в пятой главе: «О мастеровых всяких людях и промышленниках», говорится об организации их в цехах[595]. Заметим, что это произошло задолго до учреждения цехов в 1721/1722 гг., что можно интерпретировать как первую попытку со стороны властей простимулировать иностранных мастеров для устройства цехов, которым такая форма организации была привычна. Но Рекс и Арманд, имевшие в Немецкой слободе свои дома и получавшие заказы от представителей высшей знати и царского двора, не увидели для себя смысла в дополнительной для них организационной нагрузке и предпочли вернуться обратно в более дешевую и обжитую Москву. Есть все основания предположить, что Петра I никогда не покидала мысль ввести цеховое ремесленное управление в городах, как только это позволит успешное завершение Северной войны. 14 января 1715 г. Петр I сделал записи в своих заметках «о цейхмейстерах» и о «цехах», а в 1720 г. поручил обер-президенту главного магистрата князю Ю.Ю. Трубецкому устройство городского магистрата и цехов[596].

Первым делом, столичные ремесленники были переписаны. Согласно переписи 1721 г., их оказалось 1455 человек. Абсолютное большинство из них составляли крестьяне – 368 дворцовых, патриарших, архиерейских и монастырских и 470 помещичьих, или 838 человек всего. За ними следовали приезжие посадские (269), иностранцы (188) и «пришельцы из новозавоёванных городов» (96). Из петербургских жителей имелось всего лишь 17. О том, что магистратские служители пытались охватить по возможности все категории населения города, говорит наличие дворцовых людей и конюшенного чина (16), патриарших дворовых (2), монастырских служек (2), церковных причетников (10), солдатских, стрелецких и казачьих

[595] Пропозиции Федора Салтыкова: Рукопись из собрания П.Н. Тихонова. СПб., б. г. С. 18–19; Цит. по: Киселев М.А. Возникновение российского промышленного законодательства… С. 145–146.
[596] Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII в… С. 524.

детей и ямщиков (9), приказных служителей и оружников (3), гуляк (5)[597]. Исключение было сделано для тех, «которые в службе е. и. величества и получают жалованье, также и домов господских служители»[598], что соответствовало законодательной практике XVII в.[599]

Но дальше переписи дело не сдвинулось. По прошествии года, 19 января 1722 г., обер-президенту Главного магистрата князю Юрию Трубецкому последовало грозное предписание царя: «Понеже давно имеете указ и регламент о исправлении дела, вам врученного, а именно: о учинении перво магистрата правилного и цехов в Питербурхе, в пример другим городам, а потом в Москве, и тако в протчих, но по се время никакого успеха в том не делаете, того ради определяем, что ежели в Питербурхе сих двух дел, то есть магистрата и цехов, не учините в пять месяцов или полгода, то на тебе и на товарыще твоем Исаеве жестоко будет взыскано»[600]. Отличие магистратов от ратуш заключалось в том, что теперь они представляли не только купечество, но и ремесленников[601].

В законодательных актах цехи впервые упоминаются в Регламенте или Уставе Главного Магистрата, причем одной из важных функций нового органа управления являлось «мануфактуры размножать (сии мануфактуры разумеются не те, которые большие яко всякие, например: суконные, парчевые, также железные медные заводы и прочие сим подобные, но на ряду необходимо нужные, яко портные, сапожники, плотники, кузнецы, серебреники и им подобные, и в лучшее состояние производить»[602]. Иными

---

[597] Там же. С. 537.
[598] Там же. С. 532.
[599] Об образовании цехов в Москве см.: Сакович С.И. Социальный состав московских цеховых ремесленников... С. 238–261; Молева М.Н. Цеховая организация художников в Москве XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 43–54. Последний автор неправомерно относит «зарождение цеховой организации московских художников к первой половине XVII в., точнее – ко времени появления в составе Оружейной палаты иконописцев». Эпизод, говоривший о степени влияния цеха московских художников после их образования в 1721 г., говорит факт прекращения существования Изуграфской конторы после их жалобы на последнюю в московскую контору правительствующего Сената в 1725 г. о неправомерном требовании с них дополнительного налога // Там же. С. 43, 54.
[600] ЦГИА СССР (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. № 18. Л. 329; Цит. по: Луппов С.П. История строительства Петербурга… С. 166; см. также: Высочайшие указы и повеления императора Петра I [...] // Сборник Русского исторического общества. Т. XI. СПб., 1873. 665 с. С. 449.
[601] Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII в… С. 524; Луппов С.П. История строительства... С. 167.
[602] ПСЗ-1. Т. 6. 3708. СПб., 1830. С. 292.

словами, Магистрату вменялось «стараться о размножении ремесел и мастерств», бывших в данном случае синонимом *мануфактурам*, учтя при этом всех ремесленников «даже до последнего сапожника и партнова»[603].

Согласно мысли законодателя, выраженной в положении Регламента о разделении гражданства, «пестрое» население русского города, состоявшее, кроме посадских, из жителей разных чинов, должно быть подвергнуто унификации. Отныне городское гражданское население должно быть разделено на две гильдии. Из ремесленников к первой гильдии, наряду с первостатейным купечеством, причислены золотари и серебряники, ко второй же вместе с теми, «которые мелочными товарами и харчевыми всякими припасы торгуют, также рукомесленные, рещики, токари, столяры, портные, сапожники и сим подобные», а «каждое художество и ремесло свои особливыя цунфты (цехи) или собрания ремесленных людей» имеет[604]. Регламент предписывал также вести счет жителей города, среди которых названы более крупные категории ремесленников как в рамках цехов, так и выходящих за них: «…сколько есть всяких художников, мануфактурных мастеров и ремесленников с подмастерьями и учениками»[605].

В особом «Формуляре ко описанию жителей в городе и оных художеств» среди «имен[..] художествам жителей» можно увидеть многие ремесленные профессии, имевшиеся на тот момент: золотари, серебряники, корабельные строители, часовые мастера, живописцы, резные мастера на меди, «меденные мастера, которые золото бьют, мастера, которые серебро бьют, мастера, которые медь бьют», оловянишники, парикмахеры, рукавичники, маляры, корабельные плотники, чулочники, пуговичники, суконные мастера, «шляпошники, которые золото и серебро тянут», сапожники, портные, хлебники, столяры, колесники, станочные мастера, седельники, красильщики красные, кожевники, плотники, каменщики, жестяные мастера, горшечники

[603] Там же. С. 293; ПСЗ-1. Т. 42. Ч. 2. Реестр алфавитный. С. 821.
[604] ПСЗ-1. Т. 6. № 3708. С. 295.
[605] Там же. С. 304.

или 33 вида ремесел[606]. В путеводителе по Петербургу А. Богданова и В. Рубана названо даже 44 цеха, намеченных, по утверждению авторов, к учреждению монаршими указами от 10 апреля, 26 июня и 4 октября 1722 г., из которых цехи токарный, резчиков по дереву, малярный и фонарный являлись казенными[607].

О важности начатого дела для Петра I свидетельствуют характерные формулировки в указах о введении цехов. Проходит более года, но дело пока, по всей видимости, не сдвинулось с места. Поэтому 27 апреля 1722 г., появляется более детальный указ, касающийся непосредственно введения цехов и заканчивающийся формулировкой, недвусмысленно выражающей нетерпение государя: «И для того те цехи как в Санктпетербурге, так и в Москве из наличных ремесленных людей, какие ныне на лицо обретаются, сочинить по прежнему указу наискорее, и потом и в других городах чинить немедленно ж»[608]. Сенатский указ от 16 июля 1722 г. о «записке в цехи» в

---

[606] Там же. С. 306. Правописание документа сохраняется.

[607] Богданов А.И., Рубан В. Историческое, географическое и топографическое описание С.–Петербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 г. 1-е изд. СПб., 1779. С. 480–485. Цехи: золотых дел мастера, которые делают золотыя, алмазныя из других дорогих каменьев вещи, которые отправляют в золоте и серебре, яко запонки, перстни, кресты, серьги и прочее сему подобныя вещи; серебреников, которые делают серебреную посуду и вещи; золотарей, в которых находятся мастера, которые золотят запарным золотом по серебру и на меди; чеканщики, которые всякую работу чеканную делают на серебре и на меди; сусального дела мастера, которые делают и бьют листовое золото и серебро; гранильщики, которые гранят всякие дорогие каменья; медники, которые делают всякую медную работу; котельники, которые всякую медную посуду делают; оловянишники, которые делают оловянную посуду; инструментальных дел, которые делают математические инструменты; пуговичники, кои делают медные пуговицы; часового дела мастера, которые делают и починивают часы стенные, карманные и солнечные; кузнечный, которые куют всякую железную работу; шпажный, которые к шпагам эфесы и черены делают; слесарный, которые всякую железную работу деликатную делают; портных мастеров, кои шьют мужское и женское платье; шапочников, кои шапки шьют; сапожников и башмачников; рукавичников, которые для работных людей шьют рукавицы, в том числе и те, которые и замшевые рукавицы шьют; шорники, которые делают седла, узды и шоры; перчаточники, которые не только одни перчатки, но и другие вещи замшевые шьют; столярный; токарный, которые делают токарную работу; сего цеха вольного нет, но казенной; рещики, кои режут на дереве всякия фигуры, так же казенный; плотников, которые делают хоромное строение; каретный, которые делают кареты, коляски, сани и пр.; молярный, кои красками красят, сей цех казенный; живописный, кои пишут картины; иконописцов, которые пишут святые образа; шубников, которые шьют для работных людей шубы; сыромятников, кои сыромятныя кожи делают; шерстобитный, кои бьют шерсть овечью на пряжу; фонарщики, кои делают фонари, сей цех казенный; пояльщики, кои всякую жестяную работу делают; свешников сальных свеч; свешников, кои делают восковые свечи; оконишников; переплетчиков, кои переплетывают книги; перукмахерный, которые перуки делают; фершелов, кои бороды бреют; гончарный, которые делают к печам образцы и горшки муравленые и пр.; бочарный, кои делают бочки, ведра и прочую посуду; печников, которые печи делают; точильный, которые точат на точиле шпоры и протчее, однако ж в сем цехе и все подлыя черной работы приписаны; Нам удалось обнаружить лишь последний из названных сенатский указ (ПСЗ-1. Т. 6. № 4102: *О явке в Главном магистрате занимающимся художествами и ремеслами для объявления, чем занимается*. С. 779). В этом указе говорится о том, что в июле 1722 г. «из Главного Магистрата и в Немецкой слободе в разных пристойных местах публиковано чтоб все ремесленные и мастеровые люди» из московских жителей явились к записи под угрозой штрафа в случае неявки в 10 рублей, с воспрещением «художеством и ремеслом промышлять» (Там же. С. 779-780).

[608] ПСЗ-1. Т. 6. № 3980: *О цехах*. С. 665.

дополнение указа от 22 апреля, поданного из Магистрата, также заканчивается понуждением: «А о сочинении цехов, в Главном Магистрате чинить по прежнему Его Императорского Величества указу со всяким поспешением»[609]. Хотя нужно сказать, это была типичная черта характера Петра I – его нетерпение, выражавшееся в требовании, проводить строительные работы в новом Парадизе «с крайним поспешением»[610].

Именной указ о цехах от 27 апреля 1722 г. предполагал введение монопольного права цехов на производство ремесленных товаров в Петербурге[611]. Принципиальным отличием этого указа от прежних попыток, законодательно закрепить статус городского ремесла, было создание института цехов, дающего возможность развития «регулярного» ремесла, а также категорий вечно- и временноцеховых мастеров. Членство в цехах излагалось очень широко: «В цехи писать ремесленных всяких художеств и гражданских жителей, как из Российских всяких чинов и из иноземцев, завоеванных городов, так и чужестранных людей, которые похотят вечно или временно […] художники и кроме граждан и из других чинов людей и из людей Боярских и из поселян […] если у таковых будут от помещиков или от прикащиков их отпускныя письма, потому же записывать»[612].

Определяющую роль здесь играл спрос, стимулируемый новыми потребностями государства, дворянского сословия и, не в последнюю очередь, быстрым ростом населения города. Особенностью русских цехов, по сравнению с западноевропейскими, является то, что, с введением первых, фактически невозможно было добиться их абсолютной монополии, предусмотренной именным указом о цехах, хотя формулировка о том, что «в цехи писать ремесленных <…>, которые похотят вечно или временно, а в неволю не принуждать»[613], породила множество разногласий и побудила

[609] ПСЗ-1. Т. 6. № 4054: *[О] записке в цехи*. С. 746.
[610] Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга… С. 120; В одном из писем А.Д. Меншикову в 1706 г. царь писал о своем пребывании в Петербурге: «С Божиею помощью я здесь нашел все изрядно, и живу как в раю» (Башуцкий А.П. Панорама Санкт-Петербурга, т. 1–3. СПб., 1834. С. 44).
[611] ПСЗ-1. Т. 6. № 3980. – *О цехах*. С. 664–665.
[612] Там же. С. 664.
[613] Там же.

Кизеветтера и Дитятина сделать вывод о том, что запись в цехи была добровольной.

Наиболее близкой к замыслу законодателя нам видится формулировка А.И. Гайсиновича: «Посадский ремесленник должен был записаться в цех, он мог, однако, и не записываться, но тогда он лишался права промышлять на посаде»[614]. Модифицируя ее, можно дополнить, что ремесленник имел возможность выбора записаться в цехи временно или вечно, но никак не освобождался от записи в цехи как таковой. Далее читаем: «[…] явиться того цеха старшине, кто какое художество имеет» (см. приложение № 1 со списком старшин). Товар должен был иметь два клейма: мастера и ремесленного старшины, без которых товары было запрещено продавать в торговых рядах. За нарушение этого правила в первый или во второй раз, для старшины предусматривались штрафы, а в третий раз ему грозила ссылка «на галеры». Товары плохого качества приказано было ломать и уничтожать. Согласно указу, цехи должны были учреждаться первоначально в Петербурге и Москве *из всех* наличных ремесленников[615]. На деле трудно было, даже в новой столице, ввести исключительную монополию цехового ремесла, которой невозможно было добиться, ввиду большой гетерогенности русского ремесла и представителей в нем низших и средних социальных слоев: государственных, крепостных и церковных крестьян, посадских и служилых людей «по прибору». Последующие указы приспосабливают цеховое законодательство и стараются учесть российские условия.

Этим объясняется дальнейшее существование посада и посадских ремесленников наряду с цеховыми: «В XVIII в. продолжала существовать посадская община в качестве органа общественного управления торгово-промышленного населения»[616]. Как в указе от 27 апреля, так и в дальнейших указах, прописываются правила, нашедшие свое применение уже в XVII –

[614] Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII в… С. 526.
[615] ПСЗ-1. Т. 6. № 3980: *О цехах*. С. 664–665.
[616] Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество… С. 353.

начале XVIII вв. и узаконившие традиционные практики[617]. В Уложении 1649 г. не возбранялось «крестьянам для исправления ремесленных на их господ работ, приходить на время в города»[618]. До введения цехов московские мастеровые обязаны были указом от 1 марта 1704 г. записываться ежегодно в Семеновской канцелярии медового сбора, а в городах у воевод, и платить сбор по две гривны в год. Указом от 14 ноября 1708 г.: «повелено […] которые звонари, ямские охотники, пушкари, воротники и монастырские и Митропольи мастеровые люди, или чьи крестьяне, и иные, тех пристойных чинов люди […] и в домах имеют кожевные и иные какие промыслы, и тем у посадских людей промыслы отъимают, и тех всех взять в посады»[619]. При этом тяглый характер посадской общины сохранялся, а «создание гильдий и цехов […] призвано было установить более полное и контролируемое выполнение посадскими их повинностей»[620]. В дополнительном сенатском указе от 16 июля 1722 г. подтверждалась обязательная записка «в цехи крепостных людей и крестьян, и запрещение незаписанным в цехи работать на сторону»[621]. Исключение делалось для мастеровых «в Архиерейских, монастырских и вотчинниковых домах какое мастерство имеют, только для своих домовых нужд, а не для посторонних: и таких, також и без писем не записывать, и на сторону без позволения оным делать запретить»[622].

4 октября 1722 г. последовал аналогичный сенатский указ для московских ремесленников, прочитанный также в Немецкой слободе. В нем предписывалось «находящимся в Москве художникам и ремесленникам явиться в Главном Магистрате для записки в цехи», запрещавшим неявившимся «промышлять <…> художеством и ремеслом»[623]. Очевидно,

---

[617] В указе 31 марта 1697 г. говорилось: «Возвращать в посады ремесленных людей, живущих у кого либо в закладе» в Казани и Казанских пригородах (ПСЗ-1. Т. 3. № 1579: *Об управлении казенными и земскими делами*. П. 23. С. 289–290).
[618] ПСЗ-1. Т. 1. № 1: *Уложение* (29.01.1649). П. 14. С. 111; Цит.: Т. 42. Ч. 2. Реестр алфавитный. С. 821.
[619] ПСЗ-1. Т. 12. № 9201, 19.08.1745: *Об означении товаров, какими могут крестьяне торговать в больших селах и деревнях*. С. 441–442.
[620] Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество… С. 346–348, 354.
[621] ПСЗ-1. Т. 42. Ч. 2. Реестр алфавитный. С. 822.
[622] ПСЗ-1. Т. 6. № 4054: *[О] записке в цехи*. С. 746. В алфавитном реестре в комментарии к этому указу еще раз недвусмысленно сказано о «запрещени[и] незаписанным в цехи работать на сторону» (ПСЗ-1. Т. 42. Ч. 2. С. 822).
[623] ПСЗ-1. Т. 42. Ч. 2. С. 822.

сенаторы занимали более сдержанную позицию и пытались сгладить чрезмерную строгость предполагаемого магистратского распоряжения о штрафах и конфискациях изделий у ремесленников, избегающих регистрации, «дабы всяких чинов мастеровые люди явились и записывались охотно»[624]. Годом ранее от записи в петербургские цехи были освобождены казенные ремесленники и «господские служители». Это не помешало, однако, одному из закройщиков императорского двора стать старшиной (алдерманом) одного из цехов[625]. Попытка Сената найти компромиссные решения была продиктована пониманием сложности быстро устранить или проигнорировать гетерогенную социально-профессиональную структуру городского населения, вступившую в противоречие с Регламентом Главного магистрата, и интегрировать цеховую организацию в традиционную структуру деления городских ремесленников, существовавшую предположительно с X века в Киевской Руси, на вотчинных и посадских[626].

Сенат занимал, таким образом, промежуточную позицию между категоричностью Петра I, требовавшего немедленного введения цехов и строжайшего исполнения регламента, и попытками петербургского городского магистрата охватить всех без исключения ремесленников в цехах[627]. В этом заключалось, как можно предположить, стремление избежать столкновения интересов светских и церковных феодалов с институтом цехов. Этим можно объяснить тот факт, что в 1722 г. из переписанных годом ранее 1455 столичных ремесленников записаны в цехи лишь 535, среди них 439 мастеров, 18 подмастерьев и 78 учеников, или соответственно 82,0%, 3,4% и

---

[624] Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII в… С. 533; Одной из причин задержки в учреждении Главного Магистрата Н.В. Козлова называет медлительность Сената в его укомплектовании, что говорит о крайнем дефиците квалифицированных кадров. Ту же самую проблему можно предположить при устройстве цехов, тем более, что Магистрат «не столько занимался развитием ремесленного производства, сколько его организационной структурой, а фактически полицейским надзором по соблюдению законодательных предписаний о запрещении незаписавшимся в цехи мастеровым людям изготовлять и продавать свои изделия». См.: Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. (20–е – начало 60-х годов). М., 1999. С. 121, 267.

[625] Там же. С. 532.

[626] Рогер из Хельмарсхаузена в труде «Schedula diversarum artium», относящемся к началу XII в., помещает Русь в списке стран с наиболее развитым ремеслом впереди Италии, Аравии, Франции и Германии (Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси… С. 779–780).

[627] См. Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII в… С. 533.

14,6%. Из них иностранцев 387 человек, или 72,3% общего числа цеховых, и русских 148 человек, или 27,7%[628]. Уже с самого начала наблюдается характерная черта петербургских цехов – наличие большого числа иностранцев почти во всех цехах, без исключения и абсолютное численное превосходство временноцеховых. Среди русских и иностранных мастеров 11,9%, или 52 человека, записалось вечно и 88,1%, или 385 человек, из 437 человек, – временно[629]. Для полной ясности в отношении иностранных ремесленников, 20 декабря 1723 г., сенатским указом приказано «о писании в цехи мастеровых людей, пришлых из за рубежа и о счислении оных для платежа подушных денег с другими посадскими»[630].

В 1724 г. количество цеховых вырастает до 1566 человек в 24 цехах[631]. В этом году самыми многочисленными являются русские цехи: пирожный (339), хлебный (68), калачный (160), с общим числом 567 ремесленников. Исключительно иностранными цехами являлись золотой (17), парикмахерский (15) и позументный (6)[632]. Параллельные иностранные цехи имелись у кузнецов, гончаров, портных, сапожников и серебряных мастеров[633].

Как видно из статистики, наиболее многочисленные отрасли цехового ремесленного производства Петербурга существовали в области производства продуктов питания, одежды и обуви, металлообработки. В 1724 г. в них было зарегистрировано соответственно 616, 398 и 283 человек занятых, включавших в себя мастеров, подмастерьев и учеников. На первом месте по численности находился пирожный и прочего съестного цех с 339 цеховыми, им следовали цехи калачный (160), хлебный (68) и квасный (49). На втором месте находился портняжный цех (245), за ним следовал сапожный цех (153). Относительно многочисленный медный цех со 161 ремесленником

---

628 Там же. С. 538.
629 Там же.
630 ПСЗ-1. Т.42. Ч. 2. С. 822; ПСЗ-1. Т. VII. № 4395, 23.12.1723: *О писании в цехи мастеровых людей, пришлых из за рубежа и о счислении оных для платежа подушных денег с другими посадскими*.
631 Гайсинович А.И. Цехи в России… С. 539; см. Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 48.
632 Гайсинович А.И. Цехи в России… С. 540; см. Очерки истории Ленинграда… Т. 1. С. 101.
633 Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII в… С. 540.

специализировался, в основном, на производстве медной посуды и прочей хозяйственной утвари. Рыбный цех можно в данном случае исключить из списка как носящий чисто промысловый, а не производительный характер. Если вычесть 127 членов последнего, остается 1439 цеховых ремесленников[634].

Самыми крупными отраслями цехового ремесленного производства были производство продуктов питания, одежды, обработка дерева и металлов[635]. По социальной принадлежности наиболее многочисленными являлись крестьяне, записанные в цехи временно, но проживавшие в городе постоянно, что было характерно вплоть до упразднения цехов в ноябре 1917 г.[636]. На первом месте стояла Ярославская губерния, за ней следовали Москва и московский уезд, Галич, Кострома, Романов, Пошехонье, Кашин, Ростов, Великий Новгород, Осташков, Вологда, другие города и уезды[637]. Эти ремесленники, в зависимости от района их происхождения, специализировались на производстве определенных видов продукции, как правило, практиковавшемся в районе их происхождения. Выходцы из Осташкова принадлежали рыбному цеху, сапожники происходили из Кимров и Кашина[638]. В ремеслах, производящих продукты питания, – выходцы из

---

[634] Там же. С. 539.

[635] Там же. С. 540–541; см. Очерки истории Ленинграда… Т. 1. С. 100–101.

[636] В 1722–1726 гг. на крестьян в цехах Петербурга приходилось 55%, на посадских людей из разных городов – 20% (Заозерская Е.И. К вопросу о зарождении капиталистических отношений… С. 75).

[637] Гайсинович А.И. Цехи в России… С. 540–541; Характерный признак структуры населения Петербурга сохранялся с небольшими изменениями весь так называемый имперский период – к примеру, в 1800 г. более половины его состояло из временно проживающих, т. е., в основном, крестьян. См.: Семенова Л.Н. Быт и население… С. 8.

[638] Михаил Пришвин, живший в окрестностях г. Талдома в 1922-1925 г., в очерке «История цивилизации села Талдом» оставил описание талдомского башмачного промысла, дающего представление о старинных промысловых кластерах: «По Савеловской железной дороге от ст. Талдом до Кимр на Волге (18 верст) лежит глухое болото Ворогошь; […] на берегу этого болота теперь живут ремесленники, разного рода сапожники, башмачники, скорняки, портные, всего в краю насчитывают двенадцать, или тринадцать ремесел, но в подавляющем числе талдомские – башмачники и кимрские – сапожники. Не надо себе представлять, что ремесленники распределены только в этих крупных центрах, их гораздо больше в деревнях, и так, что если портные, то вся деревня – портные, и даже две-три под ряд, скорняки, так опять все на-чисто скорняки, а башмачники, даже по своим специальностям, несколько деревень под ряд занимаются детской обувью, дальше, тяжелой обувью, еще дальше легкой, красивой; есть деревня, где живут одни пастухи, которые ранней весной являются в близлежащий центр со своими рожками, трубят там на базаре, играют и нанимаются на лето. Чрезвычайно интересный край для исследователя, благодарный в высшей степени, потому что мало-мальски вдумчивому человеку легко можно ввести всевозможные улучшения в рутинные приемы всех этих ремесел» (Пришвин М.М. Башмаки: Исследование журналиста. Москва; Ленинград, 1925; Официальный сайт МОГП Талдом. URL: http://taldom-gorod.ru/index.php/nash-gorod/9-nash-gorod/21-istoriya-goroda?showall=1&limitstart= (Дата обращения: 25.09.2017)).

Галича, Костромы, Романова, Пошехонья, поблизости от Москвы. Большинство пирожников, половых и официантов столицы приходило из Ярославской губернии[639]. Большое число выходцев происходило из прислуги, многих детей из которой отдавали в обучение столичным ремесленникам. В Москве, крупнейшем промышленном и торговом центре России того времени, цехи после их учреждения были еще более многочисленными, ввиду имевшегося большого числа ремесленников. По переписи 1722 г. в древней столице был выявлен 6261 ремесленник в 146 различных ремеслах. Из них в 32 цеха вошли 1858 человек[640]. Рвение московского магистрата было так велико, что результаты 1726 г. превзошли все прежние показатели – в 150 цехах насчитывалось уже 6885 ремесленников[641].

Принципиально важным для новообразованного института цехов было участие в них иностранцев, показывавших на своем примере устройство образцовых мастерских. В 1721 г. в иностранных цехах Петербурга числилось 188 человек, а в 1726 г. – 365. Благодаря иностранным ремесленникам в течение XVIII в. появились новые отрасли и ремесла, которых в России раньше не было. В 1720-е годы в новообразованные цехи записываются мастера: корабельные, галерные, компасных дел и другие[642]. Можно с уверенностью сказать, что в повседневной практике «цеховые порядки» или порядок организации производственного процесса и обучения типичной западноевропейской ремесленной мастерской присутствовал не только в ремесленных мастерских Петербурга, но, тем более, и на государственных предприятиях. Причем, институт ученичества, получивший свое развитие уже в XVII в. и обретший свой новый статус с введением ремесленных цехов, «был необходим и на промышленных предприятиях нового типа, основанных, как и ремесло, на ручной технике и мастерстве, приобретавшемся выучкой»[643].

---

[639] Очерки истории Ленинграда… Т. 1. С. 100–101. См. более подробно: Гайсинович А.И. Цехи в России… С. 540–541.
[640] Гайсинович А.И. Цехи в России… С. 537.
[641] Kovrigina V.A. Die Deutschen… S. 40–42.
[642] Заозерская Е.И. К вопросу о зарождении… С. 72, 75.
[643] Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I... С. 121.

Известный русский архитектор М.Г. Земцов «начал свою карьеру с ученика, получая с 1711 по 1715 г. [..] по 5 руб. в месяц, а с 1715 по 1721 г. — по 10 руб. в месяц. В 1721 г. он был произведен в „подмастерье архитектурного художества“, после чего ему было назначено жалованье 15 руб. в месяц»[644].

Введение цехов, по образцу шведских, немецких или английских первоначально в Петербурге и в Москве в 1721/1722 гг., послужило усилению социальной стратификации российского профессионального сообщества, способствовало появлению высококвалифицированного ремесла с полным циклом обучения, возникновению значительного ремесленного сословия. Ремесленное образование повышало разнообразие ремесел, технические стандарты, пусть даже в ограниченном объеме, первоначально в пределах границ обеих столиц, способствовало росту качества продукции[645]. Очевидно, что характер российских цехов существенно отличался от их западных аналогов. Е.В. Анисимов справедливо замечает: «Детализация компетенций Главного магистрата была осуществлена в его Регламенте, подписанном 16 января 1721 г. […] Впрочем, ни название нового учреждения, ни активное привлечение в его штат купцов не должно приводить нас в заблуждение – в науке является доказанным тот факт, что ни по существу, ни даже по ряду формальных признаков Главный магистрат не имел ничего общего с магистратами западноевропейских городов и являлся типично бюрократической организацией, как организация в городах гильдий и цехов»[646].

Но вопрос еще и в том, сохраняли ли цехи Петербурга предполагаемые ограничительные для развития промышленности характеристики, приписываемые им, если в российском случае такое вообще возможно, и оставались ли они неизменными до конца своего существования в 1917/1919

---

[644] Луппов С.П. История строительства... С. 91.

[645] См. об этом: Батышев С.Я., Новиков А.М., Осовский Е.Г. и др. История профессионального образования в России…; Проблемы становления профессионального ремесленного образования в России…; ПСЗ-1. Т. 6. № 3708: *Регламент или устав Главного Магистрата*. С. 291–309; Т. 6. № 3980: О цехах. С.664–665.

[646] Анисимов Е.В. Государственные преобразования... С. 136; Дитятин И.И. Устройство и управление городов России... Т. 1. С. 199–326; Водарский Я.Е. Проект Регламента Главного магистрата и его редакции (1720 г.) // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. 10. С. 195–207; Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов... С. 48.

г.? Ответ будет отрицательным. Н.А. Иванова и В.П. Желтова сделали попытку более детальной спецификации характера Главного магистрата, или петровских магистратов вообще[647], как организаций типично-бюрократических[648], правительственных[649], государственно-бюрократических[650] или сословно-бюрократических[651]. Всех их объединяют два главных признака – государственность и бюрократия. Вполне понятно, почему цехи, основанные «сверху» правительством, могли носить на себе, особенно в первое время, характер предполагаемой искусственности и чисто бюрократической затеи, должной, по мнению многих историков, стеснять экономическое развитие. Но история показывает, что не все, что вводит государство – плохо, так же, как и то, что не любая частная инициатива оборачивается общественным благом и улучшением ремесел. Тем более, что у Петра I на тот момент не было особенно много альтернатив, способных дать российскому ремеслу иной организационный принцип, позволивший поставить на новый качественный уровень ремесленное обучение и подготовку специалистов, так необходимых для модернизационного проекта монарха. Крупные предприятия по совокупному продукту играли менее важную роль для народного хозяйства, чем посадские ремесленники и крестьяне-кустари, хотя и являлись важными проектами на прорывных направлениях развития крупного мануфактурного производства. Но ведь в XVIII в. «мануфактурный строй, – говоря словами С.Г. Струмилина, – повсюду доживал уже свой век. Ручной труд неизбежно должен был отступить перед машиной»[652]. Если под ручным трудом понимать ремесло, то это далеко не так.

Институт цехов, заимствованный из Западной, Центральной и Северной Европы, прошел за свою почти 200-летнюю историю существования в России

---

[647] Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество... С. 355.
[648] Анисимов Е.В. Государственные преобразования… С. 136.
[649] Дитятин И.И. Столетие С.-Петербургского городского общества. 1785—1885 гг. СПб., 1885. С. 7.
[650] Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. (20–е – начало 60-х годов). М., 1999. С. 230, 271, 365.
[651] Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: обычай, повинность, право // ОИ. 2001. № 3. С. 25–39.
[652] Струмилин С.Г. История черной металлургии СССР. М., 1954. Т. 1. С. 205.

длинный путь развития и трансформации, для которой были характерны гибридность форм, культурное многообразие и участие в культурном трансфере[653]. Но и в странах Западной и Центральной Европы цехи не были созданы по одному шаблону и могли сильно отличаться друг от друга в заивсимости от страны и региона. Как и в России, западноевропейские цехи имели не только специфические социальные, культурные и политические характеристики, они взаимодействовали также с локальной властью и центральным правительством, что особенно важно в контексте петербургского ремесла.

Критикуемая многими историками зависимость цехов от центральной власти и инструментализация последних в фискальных целях в большей или меньшей степени наблюдалась во всех абсолютистских государствах того времени. Понятно, что баланс сил, к примеру, в столице Брабанта, где привилегированные цехи представляли собой важное политическое лобби, принципиально отличался от такового по сравнению с цехами во многих французских городах, где в семнадцатом веке было установлено великое множество ремесленных гильдий, прежде всего, в целях налогообложения[654]. В российской столице, где не существовало корпоративных традиций, эта последняя черта была наиболее сильной, а «увеличение поступлений в казну всегда имелось в виду правительством, и достигалось оно различными способами, в том числе через развитие торговли и промышленности»[655]. И тем не менее, «главной целью создания цехов на этом этапе было развитие

---

[653] См.: Ackermann A. Das Eigene und das Fremde… S. 138–154; см. интервью с Гари Гамбургом о его книге (Hamburg G.M. Russia's Path Toward Enlightenment: Faith, Politics, and Reason, 1500–1801. New Haven and London, 2016), в котором он говорит, что, по его мнению, эпоха Просвещения в России является самобытным и гибридным явлением, большое влияние на которое оказали «восточнохристианские» ценности («Russia's "Enlightenment" was therefore mainly an indigenous development, not an imitation of the West. […] Therefore, the Enlightenment in Russia was a cultural hybrid, in which Orthodox ways of thinking about duty, virtue, and faith were supplemented by Western European teachings about virtue, justice, and the political order»). То же самое можно сказать и о российских цехах. После того, как произведено их сравнение с западноевропейскими цехами для определения их типологии, первые рассматриваются как российский социально-экономический феномен, обладающий только ему присущей спецификой (CMC Prof. Gary Hamburg authors a text that could become a benchmark of Russian history. URL: https://www.cmc.edu/news/cmc-prof-gary-hamburg-authors-text-that-could-become-benchmark-of-russian-history (Дата обращения: 02.09.2017)).

[654] См.: Prak M., Lis C., Lucassen J., Soly H. (eds.). Modern Low Countries: work, power and representation. Aldershot, UK, 2006.

[655] Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество… С. 344.

ремесла, а не интересы фиска и казенной службы» ввиду незначительных налоговых поступлений с цеховых ремесленников[656].

Оговоримся, что в Западной Европе монополии цехов в чистом виде тоже не существовало. Известен феномен внецеховых ремесленников, работавших за стенами города и получивших в немецком языке презрительные прозвища «Böhnhase», «Fellnepper», «Husel-» или «Wetschelbäcker», «Schotte», «Hosenkoch», являвшихся синонимами слов «Pfuscher», «Stöhrer» или «Lästerer», что соответствует в русском языке *бракоделу* или *халтурщику*[657]. Разнообразие обозначений внецеховых ремесленников говорит о распространенности этого феномена на всей территории Германии, где существовали цехи.

После смерти Петра I количество цеховых Петербурга сократилось до 709 человек в 1743 г. Причины этого лежали, прежде всего, в обременительных отработках и нарядах цеховых мастеров на государственные работы. Если даже согласиться с А.А. Кизеветтером в том, что ремесленное население начала 1740- х годов тяготилось «цеховым устройством» – с восстановлением Главного Магистрата указом от 21 мая 1743 г., согласно высочайше утвержденному докладу Сената «о бытии в С. Петербурге Главному Магистрату» и постановлению 1745 г. об «учинении цехов», согласно формуляру 1722 г., видно стремление правительства вернуть цехам былое значение, закладывавшееся в них Петром I[658].

Восстановление Магистрата, а значит и повышение значения цехов, привело к поправке курса правительства в экономической политике. Возможно, некоторые из государственных деятелей понимали, что цехи являлись именно тем инструментом, пусть пока несовершенным и слабым,

---

[656] Там же. С. 345, см. также: Дитятин И.И. Устройство и управление городов России… Т. 1. С. 296, 297; Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов... С. 55.

[657] Fikenscher G.W.A. Beitrag zur Geschichte der Handwerke und Zünfte. Böse, 1803. S. 20; Gronewold E., Ohl G. Bönhasen – Pfuscher – Freimeister: die “handarbeitende Classe“ St.Paulis im 19. Jahrhundert. Hamburg, 1990; Hayme Th., Dietherr M. Allgemeines Teutsches Juristisches Lexicon. Leipzig, 1738. S.287; Heinsius Th. Vollständiges Wörterbuch der deutschen Sprache mit Bezeichnung der Aussprache und Betonung für die Geschäfts- und Lesewelt. Leipzig, 1824. S. 58.

[658] ПСЗ-1. Т. 11. № 8734: Высочайше утвержденный доклад Сената. – *О бытии в С.Петербурге Главному Магистрату, а в городах Магистратам на прежнем основании*. С. 803; Полянский Ф.Я. Городское ремесло… С. 16. См.: Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903. 810 с.

который позволит поднять качество ремесленных продуктов, оставлявшее желать лучшего. Этого понимания, не подкрепленного деятельной поддержкой, было недостаточно. Можно согласиться с мнением Б.Н. Миронова, что цехи, как и все самоуправление городских обывателей, были предоставлены сами себе: у коронных властей попросту не имелось для этого административных ресурсов[659].

В.Н. Татищев писал в мае 1748 г. о состоянии «рукоделий и ремесел» следующее: «[…] а ремесленники, не видя никакого о себе учреждения, вместо надлежасчей от них ползы вредными являются, ибо все их рукоделиа прилежат токмо как бы дешевле сделать и, тайно в работе своровав, купца обмануть и в убыток ввести; как то часто случается видеть, что под сапоги и башмаки меж подошев для показания жестокости, береста, в шевы меж ремнями лоскутья мелкие и лыка зашивают; серебреники и золотари прибавкою меди и мышьяка портят; каретники и столяры из сырого леса делают и миздринным клеем клеят, железо кладут самое безделное так, что купя иногда корету или стол, до двора не довезши, принужден починить, а смотрения и за такое воровство наказания нет […]. И единым словом сказать — нет ни одного ремесла или рукоделия, которое у нас делается и в редах продается, чтоб какого коварства и обману не было что не токмо стыд но государственный убыток, что мы весчи, каких со избытком дома иметь можем, принуждены с убытком и усчербом наших ремесленников из других государств купить»[660]. Подобное отношение к своей работе и частое отсутствие надлежащего добросовестного отношения к качеству продукта возможно было изжить не приказом и не ужесточением наказаний, а только кропотливой ежедневной работой по воспитанию профессионального

[659] Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб., 2014. С. 384; см. противоположную точку зрения о стесненном положении органов городского самоуправления: Дитятин И.И. Устройство и управление городов в России… Т. 1. С. 346–354, 370–414; Кизеветтер А.А. Посадская община... С. 127–169; Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города... С. 31–76; Плошинский Л.О. Городское или среднее состояние... С. 195–206.

[660] Экономические записки В.Н. Татищева // Исторический архив. Т. VII. М-Л., 1951 г. С. 419.

сознания, формированию ремесленных институтов и стимулированием к повышению качества продукции.

Во времена царствования Елизаветы Петровны в 66 городах экономическое положение ремесла складывалось благоприятно. В них цеховой строй был устойчив и заметно развивался, что говорит о том, что в большинстве российских городов XVIII в. цеховой строй укоренился[661]. Правда, в 28 городах, включая Петербург, число цеховых значительно сократилось, что не означало крушения цеховой системы. Это могли быть факторы как временного экономического характера, так и экономического давления государства на цеховых ремесленников, посредством вышеупомянутых отработок[662]. В целом же развитие мелкой промышленности шло такими темпами, что императрица Елизавета, обеспокоенная появлением множества «фабрик» в Петербурге и его окрестностях, издала в 1759 г. указ, воспрещавший «учреждать вновь» фабрики и заводы в ближних к столице местах. Он был подтвержден соответствующими указами Екатерины II в 1762 г. и Павла I в 1799 г.[663]. Что речь шла по преимуществу об устройстве предприятий в формате ремесленных мастерских, говорит факт значительного сокращения крупных предприятий в Петербурге на протяжении всего XVIII в.

Характерной чертой времени периода протоиндустриализации в Санкт- Петербурге с XVIII до середины XIX в. было то, что ремесло существовало без особой конкуренции, когда массовое производство медленно пробивало себе путь, а общество массового потребления еще не существовало. И, хотя в России конкуренция цеховым мастерам со стороны нецеховых ремесленников носила еще более выраженный характер, чем в Западной Европе, это не означало экзистенциальной угрозы для цеховых. Тем более что последние могли участвовать в выполнении больших государственных заказов, характерных для абсолютистских государств,

[661] Полянский Ф.Я. Городское ремесло… С. 131.
[662] Там же. С. 132.
[663] Семенова Л.Н. Быт и население… С. 73.

каковым являлась Россия. Российское правительство способно было мобилизовать ресурсы для использования их на большие государственные проекты, прежде всего, армию и флот. В повседневной жизни штучная ремесленная продукция, или производство в малых сериях, были типичными для того времени.

Составляя основу городского хозяйства и после появления мануфактур, столичное ремесло являлось основным поставщиком продуктов питания, одежды, обуви, предметов быта населения. Повышенный спрос на «европейские» товары способствовал заимствованию, развитию и поддержанию новых технических стандартов, давших толчок внедрению и развитию новых технологий. Цехи стали новым–«старым» институтом в «европейской столице», вписавшимся в организацию ремесленного образования, взяв на себя функцию его структурирования и подготовки профессиональных кадров. В этом смысле Грамота на права и выгоды городам Российской империи (или Жалованная грамота) от 21 апреля 1785 года и введение Общей и Шестигласной дум, стали важным шагом в развитии ремесленного состояния городов и дальнейшем оформлении его самоуправления, на основе которого произошла консолидация мелких и средних собственников, в некоего рода низший слой промышленников[664]. Как отметила Л.Ф. Писарькова, «сословное самоуправление купцов и ремесленников получило более четкую организацию и фактически подменяло собой городское самоуправление»[665].

Можно было бы подумать, что либерализация российского городского права в контексте Жалованной грамоты, составными частями которой стали Городовое и Ремесленное положения, разрешавшей всем состояниям, и в том числе мещанам, заниматься ремеслами «для пропитания», создавала

---

[664] Keller A. Die Zünfte in Russland und die Anfänge der städtischen Selbstverwaltung // Mittelständische Wirtschaft, Handwerk und Kultur im baltischen Raum. Von der Geschichte zur Gegenwart und Zukunft / Schmidt B. (Hg.). Hamburg, 2006. S. 227–231. См. противоположную точку зрения: Brunner O. Europäisches und russisches Bürgertum // Neue Wege der Verfassungs- und Sozialgeschichte. 3. Unveränderte Aufl. Göttingen, 1980; Hildermeier M. Bürgertum...

[665] Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России... С. 29.

неблагоприятные условия для осуществления монополии цехов – эту цель законодатель и не преследовал, и делала затруднительным использование в полном объеме привилегий цеховых ремесленников[666]. И все же, главной и неоспоримой привилегией цеховых ремесленников, за исключением купцов 1-й и 2-й гильдий, оставалось право содержать полные ремесленные мастерские и подмастерьев с учениками, что являлось естественным ограничением для нецеховых ремесленников. Именно это обстоятельство помогло некоторым цехам Петербурга достичь временно фактической монополизации ремесла в первой трети XIX в., «на основе административной практики при попустительстве со стороны Министерства внутренних дел»[667].

В целом грамота давала городским ремесленникам больше преимуществ, чем затруднений: «Грамота закрепила исключительное право городских обывателей на занятие торговлей и промышленностью в черте города, усилила их корпоративные права, присвоила право сословного самоуправления через городскую думу и городского голову, передала в собственность общин городские земли, а в собственность отдельных лиц – торгово-промышленные заведения, ввела сословные суды и освободила от выполнения тягостных казенных служб. Грамота защитила имущество, честь и достоинство городских обывателей: только суд мог лишить их дарованных им прав; суд же присуждал к штрафу лиц, нанесших им оскорбление, которому подвергались также и дворяне. Они получили право приносить жалобы о своих нуждах на имя губернатора»[668].

---

[666] ПСЗ-1. Т. 22. № 16187: *Грамота на права и выгоды Городам Российской империи*; № 16188: *Ремесленное положение*. П. 120–123, пп. 1–117. С. 369–379; В пункте 90 Грамоты сказано: «Мещанин волен заводить станы всякаго рода, и на них производить всякаго рода рукоделие, без иного на то дозволения или приказания; ибо сею статьею всем и каждому дозволяется, добровольно заводить (и иметь) всякого рода станы и рукоделие производить, не требуя на то уже инаго дозволения от вышняго или нижняго места» // Там же. С. 367; «[…] сенатский указ от 16 февраля 1772 г., разрешивший выдачу особых билетов не только работным людям и ремесленникам, переходившим для занятий промыслами и в поисках „пропитания“ из города в город, но и жителям сельской местности, которые „по способности пожелают брать такие билеты от определенных в том уезде частных смотрителей“, согласно своему желанию» (Казанцев Б.Н. Законодательство русского царизма… С. 26).

[667] См. Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 174.

[668] Миронов Б.Н. Российская империя… С. 384-385.

2.3. Итоги формирования петербургского цехового ремесла

Можно не согласиться с выводом К.А. Пажитнова, что введение цехов имело «всецело бюрократический характер»[669], но ученый прав, когда пишет, что цеховая реформа проводилась не столько «в интересах фиска и казенной службы», как это утверждал в свое время А.А. Кизеветтер вслед за П.Н. Милюковым, сколько руководствовалась «желание[м] повысить общий уровень ремесленного мастерства»[670]. Да и слово «бюрократический» теряет свой предполагаемый смысл, если учесть, что Пажитнов помещает его в иной контекст *своеобразия* российских цехов и всей реформы, несущей значение *регулятора*: «В то время как на Западе цехи появляются в период, когда государственная власть была еще слаба и искала союза с городами, в России они оформляются в момент, когда государственная власть приняла форму абсолютной монархии, стремившейся широко распространять свое р е г у л и р у ю щ е е воздействие на народно-хозяйственную жизнь»[671]. Поэтому Пажитнов не соглашается с утверждением известного экономиста того времени Г. Шторха, что эта реформа «будто бы вообще оказалась нежизненной»[672]. Он указывает лишь на разницу, что в Западной Европе это были ремесленные мастера, инициировавшие создание цехов в средневековых городах, тогда как в России это было правительство и цехи соответственно были проектом, возникшим на поверхности канцелярских столов (без негативной коннотации), а не в гуще городской жизни. Оба выражения являются довольно стереотипными и требующими верификации на практике. Соответственно, и природа цехов была иной, приспособленной к российским реалиям, где государственная воля часто превалировала над частной.

Именно это побудило А.И. Гайсиновича, подобно Шторху, говорить о «нежизненности цехов»: «В 1737 г., во время московского пожара, погибло и

---

[669] Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 47–48, 57.
[670] Там же. С. 54–55.
[671] Там же. С. 48–49.
[672] Там же. С. 47.

цеховое делопроизводство. Это уничтожение бумаг было равнозначно уничтожению цехов. В ближайшие после пожара годы московская ратуша на требование казной ремесленников неизменно отвечала, что „цехов ныне в Москве за погорением 737 г. во время большого пожару цеховых дел в ратуше не имеется“»[673]. Логично предполагать, что такие стихийные бедствия, как пожары, равно как переустройство бюрократических учреждений, ведавших цехами, могло иметь гибельные последствия для цехов: с падением магистратов к 1740- м годам расстроилось и цеховое устройство[674]. Алдерман московского зеркального цеха сообщал, что «когда стали после магистратов быть ратуши, тогда цеха его мастеровые люди иные померли, а другие разошлись по разным местам безвестно»[675].

Соответственно, «восстановление Елизаветой магистратской системы повело и к возобновлению цеховой организации. В 1744 г. опять рассылается по всей России распоряжение об обязательной записке в цехи в силу указа 27 апреля 1722 г., с теми же угрозами о запрещении заниматься ремеслом не записавшимся»[676]. Для соблюдения указа, среди прочего, предписывалось, «чтобы лавочники ничего не покупали у не записанных в цех; из купечества были выбраны люди для запрещения промысла нецеховым»[677]. «В результате столь энергичных мер, – не без сарказма замечает Гайсинович,– явилось в московский магистрат только 88 человек»[678]. Несмотря на дальнейшие строгие предписания Магистрата, к 1762 г. в московские цехи было записано всего 319 человек[679]. Несмотря на начальные трудности, цеховая система организации городского ремесла распространяется на территории всей империи, от Белоозера до Астрахани, и от Петербурга до Казани, Соликамска, Кунгура, Оренбурга, Тюмени и Иркутска.

---

[673] Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII в… С. 543.
[674] Там же.
[675] Там же.
[676] Там же.
[677] Там же.
[678] Там же. С. 544.
[679] Там же.

В этом контексте не принципиально важно, кто был инициатором создания цехов. Реформа «положила начало объединению ремесленников в широком масштабе на почве профессионально-производственных интересов, дала стимул к повышению технической выучки»[680]. Пажитнов справедливо отмечал, что «поскольку ремесло в XVIII в. продолжало оставаться господствующей формой промышленной деятельности, русские ремесленники […] не могли не испытывать потребности в организации, могущей способствовать улучшению их положения»[681]. И, хотя городское ремесло постепенно утрачивает положение основной формы промышленности, оно продолжает «сохранять важное хозяйственное значение в тех отраслях, которые оказались незатронутыми крупным капиталом. Так было не только на протяжении всего XVIII в., но даже еще в начале XX в. Сообразно с этим, продолжала существовать почва для развития ремесленных организаций»[682]. И, даже если «русское цеховое устройство […] поощряло превращение ремесленной мастерской в мелкокапиталистическое предприятие», главным было то, что ремесло продолжало развиваться, оставаясь разумной альтернативой, а внекоторых случаях, и важным партнером крупной промышленности как покупатель полуфабрикатов для их дальнейшей обработки[683].

На XVIII в. приходится значительная часть периода оформления цеховой организации, когда «городские ремесленники не преминули воспользоваться предоставленным им правом»[684]. Приток в новую столицу множества ремесленников сначала поневоле, с годами все больше добровольно, формировал профессиональные кадры, составившие впоследствии костяк цеховой организации. Поэтому необходимо говорить не только об одномоментном законодательном акте, выражавшем волю

[680] Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 55.
[681] Там же. С. 172.
[682] Там же. С. 173.
[683] Там же. С. 55.
[684] Там же. С. 127.

законодателя, но и об условиях «на земле». К солдатам, рекрутированным работникам, каторжникам и иностранным специалистам первых лет со временем присоединяются вольные мастеровые и цеховые ремесленники. И. Г. Георги подмечает высокую мобильность ремесленников Петербурга, характерную для всего XVIII в.[685]. Новая столица принципиально отличалась от других европейских городов. Последние, окруженные городской стеной, имели физический ограничитель количества жителей, а значит, и рынка сбыта ремесленных продуктов. Это вело к более жесткой цеховой регламентации рынка сбыта для поддержания уровня жизни ремесленников. Петербург был, по сравнению с последними, максимально открытым городом с постоянно растущим населением, огромным рынком труда и хроническим дефицитом специалистов, который был удовлетворен лишь к концу XVIII в. Поэтому не ограничивались как рыночная торговля, так и цеховое производство, и сбыт товаров, включая отсутствие фиксированных цен за исключением хлебобулочных изделий[686].

По расчетам Полянского, в 1770-е годы в столице лишь одна треть от всех ремесленников состояла в цехах[687]. Согласно этому, в 1783 г. на примерно 4000 цеховых должно было приходиться 8000 нецеховых ремесленников: всего 12 000, а в 1790 г. соответственно должно было иметься примерное соотношение 7000:14000, всего 21 000. Эти приблизительные цифры дают общее представление о количестве ремесленников, хотя можно предположить, что нецеховых ремесленников было гораздо больше. Благодаря этому шло пополнение рабочих кадров столицы, население которой без этого «вливания» просто не смогло бы себя обеспечить самым необходимым. Понятно, что такой механизм регулирования трудового рынка был далек от совершенства и мог приводить к временным диспропорциям на ранке сбыта, но в то же время

[685] Георги И.Г. Описание… С. 145–146.
[686] Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 48–49.
[687] Полянский Ф.Я. Городское ремесло… С. 92.

такая система представляла собой механизм гибкого реагирования на изменения спроса и предложения на городском рынке труда.

В 1767 г. Главный магистрат сообщал Уложенной комиссии о том, что нецеховые господские дворовые продают произведенные продукты в торговых рядах и изготавливали даже на заказ третьим лицам, из-за чего наносили, согласно мнению Магистрата, ощутительный ущерб[688]. Но, в общем и целом, эта система была важна также и для процветания отдельных цеховых мастеров, поскольку они таким образом могли быстро нанимать мастеровых для выполнения каких-либо срочных или больших заказов императорского двора и правительства. Георги, как и все авторы, составлявшие описания Петербурга, отмечал, что в городе существует множество иностранных и российских мастеров, не записанных в цех[689]. Данное обстоятельство мы объясняем не слабостью цеховой системы[690], а гибкостью законодателя и местных властей, понимавших, что для гармоничного существования всех социальных слоев города необходим определенный компромисс, и поэтому закрывавших глаза на существование внецехового ремесла.

Время до городской реформы 1785 года можно назвать периодом генезиса цехового ремесла. Для Екатерины II написать в «Наказе» Комиссии по сочинению нового Уложения 1767 года о том, что «для заведения мастерства цехи полезны», было естественным, так как Петербург являлся столицей цехового ремесла[691]. Это политическое кредо императрицы нашло свое отражение во всей ее последующей промышленной политике. Первоначально, при введении петровских цехов, запись в цех мыслилась законодателем как обязательная, но позже правительство пошло на уступки[692]. Сами же ремесленники XVIII в. не считали петровские цехи

---

[688] Сборник ИРТО. Т. 43: Исторические сведения о Екатерининской Законодательной Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения. Ч. 6 / Собраны и напечатаны под наблюдением профессора В. И. Сергеевича. СПб., 1885. С. 251; В начале XIX в. разные категории крестьян объединяли в совокупности более 90% жителей, в 1857 г. в деревне проживало около 84% (История России XVIII – XIX веков… С. 380).
[689] Георги. Описание… СПб., 1996. С. 195–207.
[690] См. Гайсинович А.И. Цехи в России… С. 557, 567–568.
[691] Полянский Ф.Я. Городское ремесло… С. 110, 134.
[692] Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 53.

принудительными[693]. Гайсинович говорит о мастеровых из разночинцев, т. е. посадских, а также из гильдейского купечества, что, за исключением «административной горячки 40-х годов», занятие ремеслом вне цехов рассматривалось как вполне обычное явление[694]. Но это далеко не значило, что конкуренция сельского ремесла должна была «подтачивать цеховые основы»[695].

Стабильность цехового ремесла и ремесла в целом в XVIII в., как особенного социально-экономического уклада, отмечалась такими исследователями как К.А. Пажитнов и Ф.Я. Полянский[696]. П.Г. Рындзюнский писал о том, что «работа промышленников по заказу купца в большинстве случаев не означала, что их заведения становились частью рассредоточенной мануфактуры», а «занятия, которые имели почти всеобщее распространение […] (портновское и сапожное мастерство, изготовление съестных припасов и обиходного домашнего инвентаря) в большей части прочно сохраняли свою неизменную экономическую форму»[697].

Безусловно, процесс становления системы городских цехов шел неравномерно. Главный Магистрат сообщал в 1774 г. о слабости цеховой системы, которая, тем не менее, успешно конкурировала с мануфактурой[698]. В связи с этим нужно сказать, что «вопрос цехового мастерства в истории русской мануфактуры» успешно решен Ф.Я. Полянским, писавшим, что «слабость корпоративного строя русского ремесла еще не означала его экономической незрелости. На самом же деле, мануфактура опиралась на техническую культуру этого ремесла, использовала в качестве мастеров […] ремесленников»[699]. Многие городские наказы Екатерининской комиссии в защиту цехов приносили постепенно свои плоды[700]. Это не мешало

[693] Полянский Ф.Я. Городское ремесло… С. 141.
[694] Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII в… С. 551.
[695] Там же. С. 552.
[696] Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 173; Полянский Ф.Я. Городское ремесло… С. 131.
[697] Рындзюнский П.Г. Городское гражданство... С. 28–29.
[698] Полянский Ф.Я. Городское ремесло… С. 111.
[699] Там же. С. 10–11.
[700] Там же. С. 112.

противоположным законодательным интервенциям с монаршей стороны. Именной указ, данный правителю Санкт- Петербургской губернии генерал-майору Потапову 22 января 1782 г., повелевал не принуждать иностранных мастеров, поселившихся в Петербурге, к записке в цехи вечно: «… чтоб вы помянутому Магистрату объявили, дабы от онаго никаких подобных притеснений и понуждений не было, но все было оставлено в настоящем состоянии до издания от Нас учреждений или положений городовых»[701]. Данный указ еще раз подтверждает режим существования цеховой системы в России в модусе балансирования между «регулярным» цеховым и «нерегулярным» городским и сельским ремеслом. Это должно было помочь не только обеспечить приток свежих сил в цеховое ремесло, но и позволить развиваться мелкой и средней промышленности в столь обширном и чрезвычайно гетерогенном и полиморфном государстве как Россия. Показательно, что «в 1765 г. Мануфактур-коллегия отклонила ходатайство Московского Магистрата о записи в цех 4 мастеров по выделке замши, опасаясь, что если всех записывать в цех, то вообще рабочие 3 замшевых мануфактур „с фабрик сойдут“»[702].

В 1766 г. упомянутые русские цехи – пирожный, хлебный и калачный, в ведомости отсутствуют (ушли в «свободное» ремесло), но на их месте мы находим иностранные цехи белого и ржаного хлеба (30 мастеров) и пряничный (1). В последующие десятилетия происходит дальнейшая трансформация, так как в 1790 г. имеются по одному иностранному *и* российскому булочному цеху, где соответственно трудятся 77 и 9 мастеров, а также иностранный кондитерский цех с 11 мастерами, российский пряничный и конфектный с 13 мастерами. В результате упразднения российских пирожного, хлебного и калачного цехов, что явилось предположительно результатом давления со стороны мастеров иностранных цехов, численность цеховых в ремеслах, занимающихся производством продуктов питания, существенно снизилась с

[701] ПСЗ-1. Т. 21. № 15331.
[702] Полянский Ф.Я. Городское ремесло… С. 155.

616 в 1724 г. до 328 ремесленников в 1766 г.[703]. Такие цехи, как белого и ржаного хлеба (30 мастеров), шпажный (7), позолотный по меди (21), настенных и карманных часов (5), инструментальный (3), золотошвейный (9), переплетный (17), слесарный (26), седельный (38), трубочистный (6), стульный (8) и другие, находились исключительно в руках иностранных ремесленников[704]. В 1790 г. к ним прибавились кондитеры (11 мастеров), тазники (7), галантерейных вещей (27) и два гравера[705].

Ввиду зависимости широких слоев малообеспеченного населения Петербурга от дешевых продуктов питания, губернское правление во многих случаях «смотрело сквозь пальцы» на то, что в столице имелось большое количество нецеховых ремесленников, тем более что в малом объеме и без учеников и подмастерьев любой посадский мог заниматься простыми ремеслами. Это не мешало расти числу цеховых ремесленников, например, в производстве одежды и обуви с 404 до 2805, более чем в семь раз. Количество мастеров в этих ремеслах выросло соответственно с 388 в 1766 г. до 1104 в 1790 г., на 285%. В металлообрабатывающих ремеслах число цеховых мастеров более чем удвоилось, с 250 в 1766 г., до 523 в 1790 г. Благодаря относительно быстрому «воцеховлению» ремесленников в деревообрабатывающих ремеслах (кроме плотников), число мастеров среди столяров выросло с четырех мастеров в 1766 г. до 124 в 1790 г.[706]. Деревообрабатывающие ремесла, пользовавшиеся постоянным спросом, процветали, благодаря интенсивной стройке, не прекращающейся ни на один год.

Город во второй половине XVIII в. превращается из гарнизонного и чиновного – в культурный и экономический центр. Огромная по тем временам метрополия требовала хороших улиц и средств передвижения: количество

---

[703] В 1724 г. в четырех цехах: пирожном, калачном, хлебном и квасном, состояло соответственно 339, 160, 68 и 49 мастеров. Также имелись параллельные цехи: русский и иностранный, в кузнечном, гончарном, портняжном, сапожном и серебреном ремеслах: Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 48.
[704] ЦГИА СПб. Ф. 221. Оп. 1. Д. 80.
[705] Георги И.Г. Описание российско–императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом; Вступ. ст. Пирютко. СПб., 1996. С. 195–207.
[706] См. Георги И.Г. Описание… С. 236–253.

мастеров в цехе каретников выросло с 46 в 1766 г. до 129 в 1790 г. Также значительно выросло количество мастеров в российских цехах по производству предметов личного потребления: одежды и обуви соответственно с 32 до 178 (в 5,6 раз), и со 128 до 255 (в 2 раза), что гораздо выше динамики роста населения города со 150 000 в 1765 г. до 218 000 в 1790 г. или на 45%. В 1790 г. средняя величина петербургской ремесленной мастерской намного превосходила среднеевропейскую в 1,5 работника Раннего Нового времени (см. приложение № 3, 5)[707].

Если сравнивать распределение мастеров в иностранных и российских цехах, то можно увидеть, что к 1790-му году иностранные мастера сохранили свое преобладание лишь в трех больших цехах – портном, булочном, золотых и серебряных дел. В кузнечном и столярном цехах они потеряли свое численное превосходство, а в сапожном цехе мастера российских цехов смогли его значительно увеличить (см. рис. 6, 7).

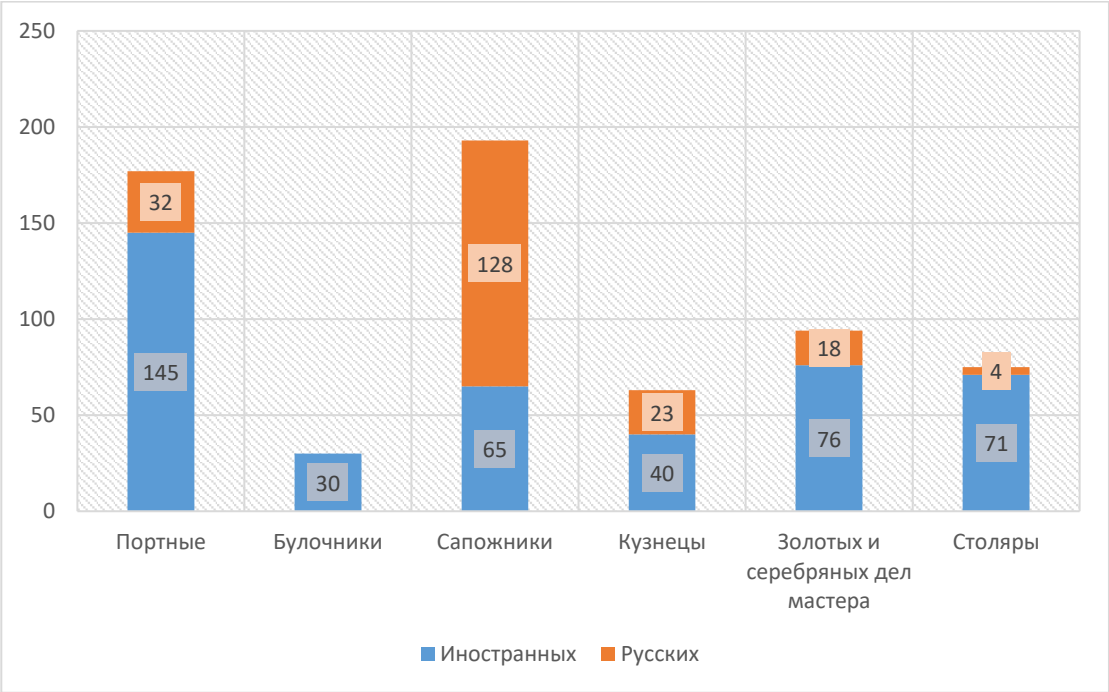


Рисунок 6: Мастера российских и иностранных цехов выборочно, 1766 г.[708].

[707] Reith R. Art. "Werkstatt" // Enzyklopädie der Neuzeit 14 (2011), Sp. 986–989. Hier: Sp. 988; Vogler G. Europas Aufbruch… S. 272; vgl. Pierenkemper T. Gewerbe und Industrie… S. 11; Reininghaus W. Gewerbe in der Frühen Neuzeit... S. 7.
[708] ЦГИА СПб. Ф. 221. Оп. 1. Д. 80.

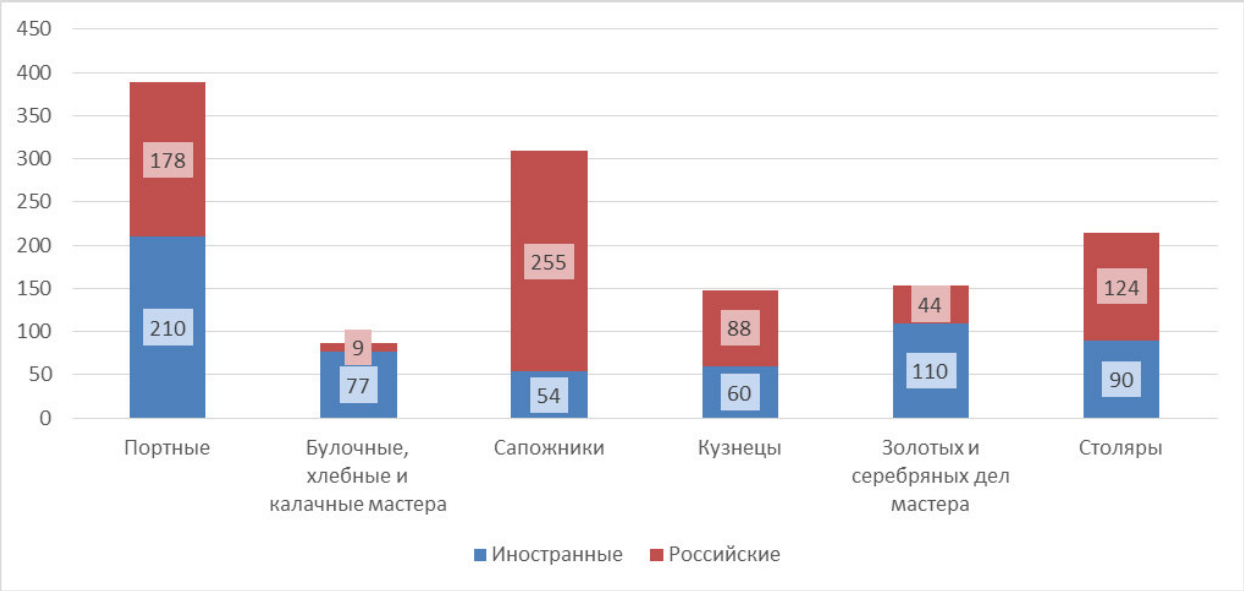


Рисунок 7: Мастера российских и иностранных цехов выборочно, 1789/1790 г.[709].

Расцвет роскоши и великолепия в Санкт-Петербурге можно отнести на счет крупных капиталов, сконцентрировавшихся в этом городе, а также наличия высокопрофессионального и узкоспециализированного цехового ремесла, росшего гораздо более быстрыми темпами, чем население города[710]. Кроме двора, крупными потребителями ремесленных изделий были армия и чиновный аппарат. В 1792 г. в Петербурге насчитывалось свыше 56 000 военнослужащих с семьями, а это влияло на производство огромного количества униформ. Заметим, что наряд кавалергарда в конце XVIII в. стоил свыше 1000 рублей[711]. То, что для национального богатства оказывалось большим минусом, для многих ремесленников столицы составляло основу их благосостояния: «[…] вообще можно сказать, что ремесленники в Санкт-Петербурге по причине обширности места, пышности двора, цветущей торговли, богатства, господствующей роскоши, а сверх того и работою для прочих губерний в рассуждении лучшего вкуса, бывают богаче, ведут лучшую

[709] Георги И.Г. Описание. С. 195–207.
[710] См.: Reith R., Meyer T. Luxus und Konsum – eine historische Annäherung (Cottbuser Studien zur Geschichte von Technik, Arbeit und Umwelt, Bd. 21). Münster, New York, 2003. 256 S.
[711] Очерки истории Ленинграда. Т. 1. С. 311, 313; Массовые заказы для армии как правило были невыгодными. В 1739 г. цеховые портные просили освободить их от армейских заказов ввиду их убыточности. Скорее всего, это была униформа для рядового состава: Полянский Ф.Я. Городское ремесло… С. 152.

жизнь и гораздо обходительнее, нежели ремесленники во многих других столицах»[712]. На содержание одного только двора уходило в 1763 г. 1648 тыс. руб., а в 1796 – 8760 тыс. руб., что составляло примерно 10% государственного бюджета[713]. Понятно, что большая часть из этой суммы оседала в карманах столичных ремесленников[714].

Постоянный быстрый рост числа жителей Петербурга обеспечивал ремесленникам ежедневный спрос их продуктов. Особенно сильным наблюдался прирост населения в 1765–1775 гг. и 1785–1795 гг., во время правления Екатерины II, поощрявшей развитие «ремесел и художеств» (см. рис. 8).

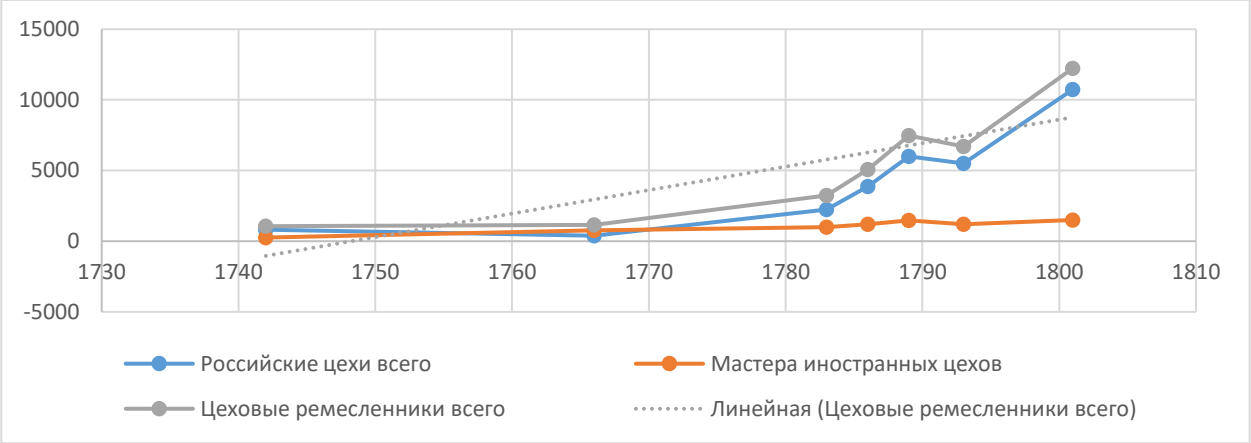


Рисунок 8: Число цеховых ремесленников в XVIII в.

Как видно из графика, динамика роста числа цеховых ремесленников резко повышается, именно с середины 1780-х годов, в связи с проведением Городской реформы в 1785 г., когда цеховое ремесло смогло стать локомотивом развития столичного ремесла, несмотря на не очень удачный старт в первые десятилетия

[712] Георги И.Г. Описание… С. 197.
[713] Очерки истории Ленинграда. Т.1… С. 311.
[714] Отношение к роскоши и ее роли для экономики страны в XVIII в. было неоднозначным. К.Д. Бугров показал это на примере взглядов Ф. Фенелона, противопоставившего добродетель роскоши, и Ш. де Монтескье, уверенного в том, что рост роскоши должен приводить к расцвету державы. Существенным заключением Бугрова для понимания социальной механики того времени является то, что «столкновения между морализмом и прогрессизмом, между добродетелью и коммерцией […] вовсе нельзя рассматривать как коллизии между правительством и обществом». Тем более, что «общества» в современном понимании этого слова тогда не существовало, добавим мы. Поэтому о (гипотетическом) расколе в данном случае можно говорит лишь условно (Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель… С. 235–270).

его существования[715]. Вплоть до 1760-х гг. в развитии ремесла можно отметить две характерные тенденции. Наряду со значительным сокращением количества цеховых ремесленников столицы, общее число цехов возросло, что говорит об усложнении и расширении профессиональной структуры цеховых ремесел, их углубленной специализации, вследствие повышения мастерства и конкуренции мастеров[716]. Это привело к увеличению числа иностранных ремесленных цехов с 53 в 1766 г. (36 – 1790 г.) до 66 в 1825 г., и, соответственно, российских цехов с 56 в 1789 г. до 67 в 1825 г.[717]. При этом, отличительной чертой организации цехов XVIII в., по словам И.М. Кулишера, были значительные колебания их числа: «цехи то заводятся вновь, то исчезают, численность их членов колеблется вверх и вниз. Цеховой режим не успел прочно установиться»[718], не мешая, однако, многим иностранным ремесленникам наживать внушительные состояния.

Объяснением, почему в Петербурге и Москве имелось так много нецеховых ремесленников, служит не только большое число крестьян-отходников, но и мещан из других российских городов, искавших в новой столице заработок[719]. Массовый переход помещиков с натурального оброка на денежный создавал дополнительное давление налогового бремени на крестьян, вынужденных покидать свои деревни и идти на заработки в Петербург[720]. Между 1760 и 1780 годами 65,7% крестьян в Центральной России платили, в основном, денежный оброк вместо натурального[721]. К примеру, в Москве в 1811 г. из 275 281 чел.

---

[715] Возможно, положительную роль сыграл сенатский указ от 6 февраля 1796 г., формально подтверждавший указы о цехах 1722 г.

[716] Усиленная специализация ремесел наблюдается при Петре I. Выделка изделий из меди предполагала такие ремесла, как пуговичное, крестовое, паникадильное, шандальное, колокольное, цепочное, сережное, перстневое, бесменное, каретных гвоздей, литейное, котельное, безменное, проволочное, инструментальное, замочное, запоночное, поясное, отливное и литейное (Заозерская Е.И. К вопросу о зарождении капиталистических отношений… С. 82).

[717] Георги И.Г. Описание… С. 197; Очерки истории Ленинграда. Т. 1. С. 280. В 1724 г. существовало 24 цеха: Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 47, 48.

[718] Кулишер И.М. Очерк истории… С. 53.

[719] Архив Академии наук. Ф. 3. Оп. 10. № 47. Л. 2–3. Цит. по: Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 4. М., 1990. С. 260.

[720] История России XVIII – XIX веков / Л.В. Милов, Н.И. Цимбаев… С. 396.

[721] Очерки истории Ленинграда. Т. 1... С. 252; «В нечерноземных губерниях две трети крестьян находились на оброке и в основном были заняты отходным промыслом. В Ярославской и Костромской губерниях таких крестьян было уже свыше 90%». Денежный оброк был выгоден помещикам нечерноземной полосы. В первой половине XIX в. наблюдалось увеличение числа барщинных крестьян – с 56% в начале века до 71,5% к моменту отмены крепостного права и усиленный перевод помещичьих крестьян в дворовые, что являлось по сути сгоном крестьян с земли. Одновременно с увеличением барской запашки происходило сокращение крестьянского надела. Отходничество

населения насчитывалось дворовых 89 540 чел. (32,5%), помещичьих крестьян 41 154 чел. (14,9%), казенных крестьян 37 523 чел. (13,6%), мещан 15 131 чел. (5,5%) и иногородних 3007 чел. (1,1%), цеховых 8000 чел. (2,9%), иностранцев 3214 чел. (1,2%), прочих 1927 чел. (0,7%) или примерно 70% потенциально занятых ремеслом, включая цеховых, из которых дворовые и крестьяне составляли более 60%[722].

Как же обстояло дело с крестьянской торговлей, которая предположительно должна была создавать конкуренцию столичному ремеслу? Согласно 17 пункту в 19 главе Соборного уложения 1649 г., крестьянам было позволено в городах «товары продавать по вольным торгам безпенно на гостином дворе с возов и стругов»[723]. Указ от 14 ноября 1708 г. ограничивал это право, недвусмысленно предписывая крестьянам, занимающимся в городе торговлей и промыслами, записываться в посад: «Которые звонари, ямские охотники, пушкари, воротники и монастырские и Митропольи мастеровые люди, или чьи крестьяне, и иные, тех пристойных чинов люди […] и в домах имеют кожевные и иные какие промыслы, и тем у посадских людей промыслы отъимают, и тех всех взять в посады; а

оставалось единственным способом получить еще больше денежного оброка с малоземельных или обезземеленных крестьян, а также альтернативой для последних избежать крепостного ерма и заработать больше на жизнь (История России XVIII – XIX веков / Л.В. Милов, Н.И. Цимбаев... С. 397–400).

[722] «Казенные» крестьяне принадлежали государству и платили оброк в казну. В 1765 г. в число казенных были включены „экономические“ крестьяне, ранее принадлежавшие монастырям и перешедшие под контроль государственной Коллегии экономии в 1764 г. после секуляризации монастырей. Удельные крестьяне принадлежали императорской семье (по указу 5 апреля 1797 г. „Учреждение об императорской фамилии“). […] Причисление в купеческое сословие из крестьянского или мещанского сословий регламентировалось статьями Городового положения из „Жалованной грамоты городам“ (1785 г.). Так, статья 79 (со ссылкой на статью 46 Манифеста 17 марта 1775 г.) объявляла о праве отпущенных от помещиков на волю крепостных крестьян переселиться в город. При ревизии они должны были объявить „в какой род Нашей (государевой. – Г.У.) службы, или в мещанское, или купеческое состояние войти желают по городам; и какое они добровольно для себя изберут, то по тому уже состоянию и должны они быть поверстаны побором, или от оных освобождены“. Бюрократическая процедура перехода из сословия в сословие включала: а) получение согласия купеческой корпорации того города, куда желал поступить кандидат в купечество; б) оформление перехода в Казенной палате соответствующего региона, с последующей подачей сведений в енат. Если же перечисление из крестьян в городское состояние имело препятствия, которые не решались „силою общего закона“, то по этим особым случаям казенные палаты должны были входить для рассмотрения „с представлениями чрез министра финансов в правительствующий сенат“. В купеческое сословие рекрутировались представители основных разрядов этой социальной группы: 1) помещичьи крепостные крестьяне, 2) казенные крестьяне, 3) удельные крестьяне» (Ульянова Г.Н. Миграция в Москву в конце XVIII – начале XIX века по купеческим сказкам VI ревизии 1811 года // Миграции. Формирование Российского государства. М., 2015. С. 84-105; см.: Смурова О.В. Между городом и деревней: (образ жизни крестьянина-отходника во второй половине XIX – начале XX вв.). Кострома, 2009; История Москвы: в 6 т. М., 1954. Т. 3. С. 168; Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. Т. 3. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. С. 135, 138, 140; ПСЗ-1. № 21484: Указ 24 октября 1804 г. – *О правилах для записки крестьян в купечество*.

[723] ПСЗ-1. Т. 12. № 9201: *Об означении товаров*... С. 441; см.: ПСЗ-1. Т. 1. № 1: *Соборное уложение*. Гл. XIX. П. 17. С. 112.

которые крестьяне не похотят, тем никакими товары никогда не торговать, и промыслов никаких не держать, и в лавках не сидеть, а жить им за помещиками»[724]. Правда, это касалось только розничной торговли, крестьянам разрешалось продавать товары оптом «градским посадским».

Указ 1708 г. был подтвержден указом от 13 апреля 1722 г.: крестьянам, «которые имеют домы, лавки и заводы в городах и слободах городских, тех написать в посад, а которые живут в деревнях, тем товары продавать в городах градским посадским, а самим в городах и слободах не торговать […], а хлебными и съестными всякими припасы, по прежнему торговать им не запрещать»[725]. Это правило было расширено указом 19 августа 1745 г., хотя и разрешавшим крестьянам привозить на городские рынки свои товары, но с существенной оговоркой, запрещавшей им торговать «неуказными товарами», входившими, как правило, в ассортимент цеховых ремесленников. Также был составлен «реестр, какими в селах и деревнях товарами крестьянам торговать»[726]. Согласно таможенному уставу 1755 г. и аналогично списку товаров, приведенному в указе Камер-Коллегии 1746 г., крестьяне могли продавать «хлеб, живность, рыбу, капусту и прочие всякие съестные мелочные товары, також сено, дрова и всякие лесные припасы»[727]. Как видим, крестьянские кустари не могли составлять особенной конкуренции высоко специализированному, а тем более цеховому, столичному ремеслу.

---

[724] ПСЗ-1. Т. 12. № 9201: *Об означении товаров*... С. 441–442.
[725] Там же. С. 442.
[726] Там же: «Деревянную и глиняную посуду, крупную и мелкую всякого звания посуду; сохи, серпы, косы, иглы швальныя и рогожныя, булавки, ножи, ножницы простыя, топоры, замки, гвоздья, сковороды, уклад клинчетой, наперстники и прочия крестьянския железныя потребности, принадлежащия в домовых их нуждах к строениям и к работе , також и к телегам, роспускам и саням; сукна сермяжныя, понитки, кушаки шерстяные и питяные, холсты, крашены пестреди, войлоки, овчины, веревки, нитки, пряжу […], деланное платье, а именно, овчинныя шубы, сермяжные кафтаны, кожаны и балахоны, холстинныя рубахи и порты, шапки с Русскими овчинами, рукавицы, упоки, коты, лапти, онучи, вареги, чулки Русские, також мошны и черезы коженыя; дупляныя, сыромятныя и подошевныя кожи, в розрес; кресты, цепочки, серги, перстни и пуговки медныя и оловянныя, и пронизки стеклянныя; поясы, снурки и косники шелковые и бумажные, без золота и серебра, шелковыя ж хлопья, бумагу прядиную белую и цветную, флоренты, мишуру и ветошное кошеное всякое лоскутье, кроиме богатых шелковых и парчевых с золотом и серебром, також выделанной мягкой рухляди; ладон, восковыя пред образа и сальныя для домоваго употребления свечи; писчую бумагу, сургуч, сандал, квасцы, золу, мыло, деготь и смолу; конския потребности: хомуты, седелки, простыя деревенскаго дела с ремнями и посконными шлями, ремни сыромятные, сани, пошевни, дровни, телеги, роспуски, колеса, оси, кроме наборной меди конской с збруи; рогожи, циновки, мочалы и лыки».
[727] ПСЗ-1. Т. 14. № 10486: *Таможенный устав*. С. 462–484, здесь с. 467, 474–475.

Роль крестьянских промыслов, в самой Петербургской и прилегающих к ней губерний, заключалась в самообеспечении жителями самих себя всеми необходимыми товарами. Конкуренция возникала, когда крестьяне приезжали в города не как торговцы, а как ремесленники и оставались там на один или несколько сезонов, и здесь Петербургская губерния занимала одно из первых мест по трудовой миграции в город. С тех пор, как Екатерина II указами 1775 г. и 1785 г. разрешила крестьянам заниматься торговлей в городах в более широком объеме для развития их домашней (кустарной) промышленности, позиции цеховых ремесленников были несколько ослаблены[728]. Но в целом и здесь цеховое ремесло чувствовало себя относительно комфортно и могло быстро развиваться, благодаря значительному росту населения столицы.

Это и понятно, ведь компетенций традиционных ремесленных артелей и посадских ремесленников не хватало для соответствия вызовам времени и трендам, формировавшимся дворянской элитой, где именно высококвалифицированные цеховые ремесленники и ремесленные цехи играли важную роль. Для создания уникального городского пространства Санкт-Петербурга требовались уникальные компетенции ремесленников-мастеров. В данном случае преобладали не интересы фискальной системы, ввиду микроскопического налогового вклада цеховых ремесленников, а прежде всего потребность государства в новых технологиях, на которые тратились огромные суммы из государственной казны. Новые технологии должны были обеспечить иностранные специалисты и обученные ими российские ученики[729].

Но были и другие конкуренты в городе – это многочисленные мещане и посадское население в целом, среди которого не редко содержались станы для

---

[728] Hildermeier M. Bürgertum… S. 89, 137ff.; И.М. Кулишер писал о развитии крестьянских кустарных промыслов в XVIII в. на основании мнений и наказов, подданных при составлении нового уложения в начале 60-х годов XVIII в.: «Здесь к предметам крестьянского промысла депутаты от крестьян; относят: выделку лопат, дуг, лаптей, мочал и рогожи, производства столярное, плотничье, кирпичное и каменьщичное, печное, колесное, приготовление кож и овчин, шуб и тулупов, сапог, хомутов, седел, даже выделку гвоздей, сошников, серпов, кос, крестов и игл, наконец изготовление веревок, холстов и крашенье шерсти, серых сукон и лент, а также производство солода, масла и бумаги. Торговля всеми этими предметами должна быть дозволена крестьянам» (Кулишер И.М. Очерк истории... С. 132). См. об экономической либерализации: Анисимов Е.В. Государственные преобразования…; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I...

[729] См.: Storch H. Gemälde von St. Petersburg. Teil 2… S. 45.

ткачества, и были распространены занятия ремеслами. Что же препятствовало развитию цехов в первые десятилетия после их основания? Во-первых, давление государства, заставлявшее ремесленников выполнять заказы казны и не оставлявшее им достаточно свободных ресурсов для развития. Во-вторых, государство плохо обеспечивало защиту их прав и нарушало их экономические интересы. Лишь начиная с 1770–1780-х годов с изменившейся законодательной базой цехи Петербурга начинают быстро расти.

Говоря о способности цехов приспосабливаться к потребностям времени, Г.Л. Фриз констатировал, что «сословная система оказалась вполне адаптируемой к потребностям экономического и социального развития; многовариантная система допускала специализацию и профессионализацию деятельности внутри формальной системы наследственных сословий. Доказательством этой способности к адаптации служило наличие в обществе социальных групп, выделяемых по профессиональному статусу или ремесленной специальности. Таким образом, в первой половине XIX века происходит не только качественный рывок в сфере терминологии, но также и своеобразная „модернизация“ сословий – образование в их рамках более узких статусных групп, выделяемых по роду занятий»[730].

В XVIII в. петербургские ремесленники смогли удержать лидирующие позиции во всех отраслях промышленного производства, а мануфактурные предприятия постепенно сошли на нет, вследствие того, что в большинстве случаев без поддержки государства и привилегий продукция мануфактур оставалась неконкурентоспособной и более дорогой, по сравнению с ремесленной[731]. Гибко адаптируясь к изменению факторов производства и потребностям рынка, городское цеховое ремесло находило устойчивую нишу в общей системе экономики. Так как в Петербурге не существовало всеобъемлющей цеховой монополии, цеховые ремесленники не могли оказывать сдерживающего влияния на развитие промышленности, так же, как и в Западной Европе, а тем более оказывать негативное влияние на качество продукта и появление

[730] Фриз Г.Л. Сословная парадигма... С. 142.
[731] Herzig A. Kontinuität und Wandel der politischen und sozialen Vorstellungen Hamburger Handwerker 1790–1870 // U. Engelhardt (Hg.), Handwerker in der Industrialisierung… S. 294.

инноваций[732]. Напротив, в российском контексте европейские цехи как успешный исторический институт давали положительные примеры создания «социальных сетей» и «социального капитала», были в последние десятилетия своего существования примером экономического института, имевшим все возможности стать со временем достаточно эффективным, чтобы соответствовать современным требованиям профессиональной организации[733]. Более того, технологии и институт цеховых ремесленников в России XVIII в. не смогли стать существенным тормозом в развитии городской промышленности. Но они дали ценный опыт, который пережила Европа позднего Средневековья – корпоратизм и самоуправление, т. е. институты, оказавшие в свое время положительное влияние на развитие экономики и приведшие к расцвету городов в Западной Европе[734].

[732] Reith R., Pichler R., Dirninger C. (Hg.). Innovationskultur in historischer und ökonomischer Perspektive. Modelle, Indikatoren, und regionale Entwicklungslinien. Innsbruck, 2006. 256 S.; Reith R. Technische Innovationen im Handwerk der Frühen Neuzeit? Traditionen; Probleme und Perspektiven der Forschung // K. H. Kaufhold, W. Reininghaus. Stadt und Handwerk in Mittelalter und früher Neuzeit. Köln, Weimar, 2000. S. 21–60.

[733] Ogilvie S. Can We Rehabilitate the Guilds? A Sceptical Re-Appraisal. 2007. URL: https://doi.org/10.17863/CAM.5174; Idem. Guilds, Efficiency, and Social Capital: Evidence from German Proto-Industry // Economic History Review. 57 (2). 2004. P. 286.

[734] Мокир Дж. Меркантилизм, просвещение и промышленная революция // Пространство экономики. № 1. Т. 4. 2006. С. 24, 26; См. о месте и роли цехов в средневековом городе Западной Европы: Сванидзе А.А. (Отв. ред.). Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1: Жизнь города и деятельность горожан. М., 1999. Особенно с. 118–196; Он же. Там же. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М., 2000; Он же. Там же. Т. 4. Extra muros: город, общество, государство. М., 1999.

Глава III: Динамика развития ремесла Петербурга 1785–1914 гг.

3.1. Ремесленное самоуправление: от сословного к корпоративному

Вопреки историческим фактам, в коллективной памяти цеховых отложилось, что начало цехов было положено городской реформой 1785 г., хотя, основание их относится ко времени петровского правления. Так, например, на цеховых знаменах Петербурга, изготовленных в 1884–1885 г., вышит именно 1785 год[735], как год основания, после которого цехи действительно стали стабильно расти. Данное событие являлось настолько важным и настолько кардинально изменило жизнь цеховых ремесленников, что сложился устойчивый миф об учреждении цехов Петербурга именно в этом году. Городская реформа 1785 г. стала важным рубежом в истории петербургского цехового ремесла. Оно окончательно оформляется и приобретает институциональные формы: в ремесленном положении детально описано устройство ремесленного самоуправления с ремесленной управой, ремесленным головой и цеховыми старшинами, представительство в Общей и Шестигласной думах[736].

---

[735] Образы Петербурга. Из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 140–143. В книге приведены знаки жестяного и фонарного, клавикордно-музыкального, малярного и обойно-волосяного, перчаточного и сапожно-башмачного цехов 1884–1885 гг. Шелк, масло, бахрома из золотых нитей; Эти знамена были изготовлены к столетней годовщине реформы ремесленного самоуправления в 1785 г., которая у многих ремесленников ассоциировалась с учреждением цехов в Петербурге.

[736] Шестигласная дума – исполнительный орган городского самоуправления, учрежденный городской реформой 1785 г. Шесть представителей состояний сословия городских обывателей: настоящие городские обыватели (владеют недвижимой собственностью: домом, землей и т.п.), купцы всех трёх гильдий, ремесленники, записанные в цехи, иногородние и иностранцы (иногородние и иностранные гости), именитые граждане («аристократия людей среднего рода»), посадские люди (постоянное промышленное и рабочее население). Желание видеть в этом разнообразном городском населении что-то вроде третьего сословия видно из названия пункта Д. Жалованной грамоты: «О личных выгодах городовых обывателей, среднего рода людей или мещан вообще». Дитятин справедливо отметил присутствие в понятии всех жителей города – городских обывателей, двух представлений о населении города – с одной стороны, как о традиционном торгово-промышленном населении, с другой, это была попытка объединить его под понятием третьего сословия, навеянного французским tiers état (Дитятин И.И. Устройство и управление городов в России... Т. 1. С. 417, 421–423). О важной роли ремесла, участвующего в преумножении общественного блага см. п. 81: «Города [...] не токмо для живущих в них, но и для общественного блага основаны суть, умножая доходы Государственные, устройством подают подданным способы к приобретению имущества посредством торговли, промыслов, рукоделия и ремесла» (ПСЗ-1. Т. 22. № 16187. – *Грамота на права и выгоды городам Российской империи*. СПб., 1830. С. 367).

Проникнутое духом «общего блага», ремесленное положение предусматривало социальные функции цехов, включающие идею благотворительности: «Буде кто ремесленный занеможет, так, что ремесла отправлять не в силах; или больной мастер не имеет подмастерья или учеников, кои дело его отправлять могут, да даст о том знать Управному Старшине или Старшинским товарищам, кои обязаны ему учинить помощь по надобности в лечении или работе, как то, например: призывают лекаря, или дав помощь денежную на лекарства, буде так беден, что в том необходимость есть; в работе, придав в случае нужды подмастерья или ученика, или помогая деньгами на время из ремесленной казны до излечения, сколько сход ремесленной приговорит. Равномерно поступать и с больными подмастерьями и учениками»[737].

Попечение ремесленного сообщества о больных, бедных и престарелых ремесленниках, их вдовах и детях, служило к укреплению корпоративного сознания и солидарности цеховых ремесленников: «Буде ремесленный, во время благоденствия своего исправлявший все должности по Управе, обеднеет, или больным сделается; а бедности его ни пьянство, ни мотовство, ниже другия собственныя его вины причиною: в таком случае должно вспомоществовать ему с дозволения схода ремесленных из ремесленной казны, сколько по рассуждению схода ему надобно, и ремесленная казна снести может. Буде неимущий ремесленник или жена его умрет, то погребсти их без лишней траты из ремесленной казны. Буде же выздоровев, придет в лучшее состояние. Тогда заплатить все, что ему от схода дано было, однако без всякого росту»[738].

Реформа укрепила институт цеховой корпорации, а значит и ее роль в городском самоуправлении. Красноречивым является факт присутствия среди 92 гласных Общей городской думы 61 представителя от цехов или 2/3 от их общего числа. Собравшись 21 января 1786 г., гласные от цехов выбрали одного

[737] ПСЗ-1. Т. 22. № 16187. С. 373.
[738] Там же. С. 374.

своего представителя в Шестигласную думу. Но нужно сказать, что Общая дума собиралась гораздо реже Шестигласной. В 1791 г. первая собиралась 9 раз, а вторая – 120. Так как в рабочей Шестигласной думе при голосовании присутствовало всего по одному представителю от шести категорий населения, имевших по одному голосу, независимо от количества гласных в Общей думе, можно предположить, что число гласных от цеховых в Общей думе не сильно влияло на ход дел в Шестигласной, хотя реальное положение дел в этом вопросе еще предстоит выяснить[739]. Тем более что в последнюю дела на рассмотрение поступали исключительно из канцелярии петербургского генерал-губернатора или из Петербургского губернского правления, что существенно ограничивало круг вопросов, касающихся ремесла[740].

Укрепление цехов приводило неминуемо к усилению цеховой регламентации, как это негативно трактовалось ранее. Но ведь до этого критиковалось именно отсутствие влияния и власти цехов. Теперь они начинают чувствоваться более ощутимо. В книге протоколов Петербургского городского магистрата за 1794 г. зафиксированы различные спорные случаи по вопросам о разделении труда между смежными по специальности цехами скорняжным и портновским, требования обязательного свидетельствования пробных работ в цехе булочников, защита монопольного права немецкого булочного цеха по отношению к аналогичному российскому[741]. Но и здесь, как отмечал П.Г. Рындзюнский, было не так все однозначно, учитывая высокий уровень социально-экономической гетерогенности населения столицы. По мнению Рындзюнского, среди части ремесленников наблюдалось стремление, напротив, ограничить регламентацию ремесла и естественные монополии, «разрушить правила, тормозящие развитие ремесленного производства». Данное утверждение видится нам спорным, так как отсутствие правил или

[739] Очерки истории Ленинграда. Т. 1... С. 367. Шесть категорий населения: именитые граждане, посадские, «настоящие городовые обыватели», гильдейские купцы, иногородние и иностранные купцы и цеховые мастера.
[740] Там же. С. 368.
[741] Рындзюнский П.Г. Мелкая промышленность... С. 65.

«регламентации» на тот момент привело бы к падению ремесел и ухудшению качества продукции, как это было описано в свое время Татищевым, так как рынок, как показывает актуальный опыт, нуждается в регуляторах.

Существенные дополнения в цеховую систему вносил «Устав цехов» от 12 ноября 1799 г., ставший «важным этапом в выделении сословия цеховых ремесленников»[742], значительно расширивший область влияния цехов на все возможные формы ручного физического труда, вплоть до артелей и сидельцев в лавках. Отныне цехи делились на три категории ремесленных, служебных и рабочих: «Промысел ремесленных цехов состоит […] ручною работою разных вещей их мастерства, получая за труды плату, обретать тем себе содержание»[743]. Служебные цехи в строгом смысле нельзя назвать ремесленными, за исключением белошвей, так как они включали тех, кто «за положенную на известное время плату, кому-либо служить или работать желают», т. е. более непроизводственного, служебного характера. Сюда входили «цехи камердинеров или спальников, дворецких, ливрейных слуг, служанок, белошвей, прачек, кучеров, гребцов и тому подобных»[744]. Рабочие цехи включали как ремесленные профессии тех, кто «производят за условленную цену такия работы, для отправления которых особых мастерских учреждать нет надобности, или кои промысел свой на открытом воздухе оправляют […] штукатуры, плотники, печники […] каменьщики, […] купоры»[745], так и – «носильщики, черные работники, […] дрягили, крючники, […] землекопы, огордники, ночные чистильщики и тому подобные». Также учреждались цехи «присяжной браковой и цех прикащиков, или лавочных сидельцев»[746]. Судя по отсутствию в последующих источниках «рабочих цехов», они не нашли распространения.

---

[742] Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество… С. 396.
[743] ПСЗ-1. Т. 22. 19187. С. 864.
[744] Там же. С. 865.
[745] Происходит от ср.-ниж. нем. kuper «бондарь», от kupe «бочка», далее от лат. cupa— то же. Родственно греч. κύπελλον «чаша, кубок»; ср.: англ. cup «чашка, кубок». Русск. *купор* впервые зафиксировано в Уст. морск. 1720 г.; ср.: купорить «закупоривать, бондарничать». *Купор* заимствовано через англ. cooper или ср.-нж. нем. kuper (Словарь русского языка XVIII в. Вып. 11. СПб., 2000. С. 79; Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch… Bd. 2. S. 696).
[746] ПСЗ-1. Т. 22. № 19187. С. 865.

Согласно уставу 1799 г. ремесленные цехи «для лучшего усовершенствования их искусств разделяются на два рода: 1) на цехи сложные или составные, вмещающие в себе разные роды ремесел, и 2) на цехи единственные, кои одно только собственно им принадлежащее ремесло в себе заключают»[747]. Цехи сложные или составные состояли из ремесленников, производящих ремесла нескольких цехов, например, каретный. Цехи единственные объединяли ремесленников особого мастерства, такие, например, как портные[748]. Правило в пункте 1 создало большие возможности для создания новых цехов в порядке выделения из сложных: «Всякий цех, по умножению в оном мастеров и работы, может разделяться на столько частей, на сколько то мастерство делиться может; буде же раздробленное мастерство не будет иметь довольно деля для приобретения себе пропитания, тогда паки соединяются все части вообще или в который нибудь цех, но всякое разделение и составление цехов производить не иначе, как с разрешения ратгаузов»[749]. Немаловажным было положение, запрещавшее «ремесленникам, подмастерьям, мастерам и Алтерманам наистрожайше […] делать между собою заговор к возвышению цены и утеснению жителей, под опасением исключения из цеха, а иностранных и иногородных, изгнания из города; здешнего же города мещан отправлять на год в рабочий дом»[750]. Так же, как и в Ремесленном положении 1785 г., Устав цехов предусматривал социальные функции цехов: «Ремесленный голова для увечных ремесленников и вдов и сирот их есть истинный попечитель, и потому должен за оных ходатайствовать во всяком случае по делам, касающимся до их пропитания, прибежища и пристроения их к месту»[751].

Возросшая роль цехов в общественной жизни города выражалась и в их повышенной репрезентативности и более выраженной визуализации их

[747] Там же; В Инструкции Главному Магистрату 1721 г. ремесленники делились на 1 и 2 категорию художников и рукомесленных (ПСЗ-1. Т. 6. № 3980).
[748] ПСЗ-1. Т. 22. № 19187. С. 878.
[749] Там же. С. 879–880.
[750] Там же. С. 878.
[751] Там же. С. 872.

власти. Отныне ремесленная управа получает значимую символику, подчеркивающую ее значение: она «имеет все знаки цехов ремесленных, употребляемых в церемониях»[752]. Также управа давала мастерам цехов штемпели и вывески[753]. Ремесленному голове в знак отличия дозволено было «носить трость с гербом города, имея оную во всех публичных собраниях»[754]. Он избирался старшинами (алтерманами) цехов на три года[755]. Существенным дополнением в требованиях к важным компетенциям при выборах ремесленного головы являлось знание иностранных языков: «Если при выборе ремесленного головы, равенство одобрительных шаров падет на нескольких, то первенство берет из них отправляющий служение, потом состоящий в числе настоящих городских обывателей, потом разумеющий иностранные языки»[756]. Старшины цехов также получили право ношения «трости с изображением своего цеха»[757]. Они, как и ремесленные головы, выбирались на три года[758]. Мастера цеха пользовались правом городского обывателя, правами и выгодами мещанина и имели право вступать в гильдию[759]. Статус петербургского цехового выделялся среди всех ремесленников империи, поскольку отличившийся в столице освобождался от экзамена в других городах[760].

Говоря о статусе временноцеховых ремесленников, законодатель определял, что «ремесленники как коренные, так и на время в цех записанные, обязаны платить положенную на них подать»[761]. Примечательная особенность того времени среди крестьян-отходников заключалась в одинаковых именах. Это затрудняло их учет и приводило зачастую к путанице: «Буде записанный в цех не имеет прозвания, то, дабы без ошибки тотчас найти его можно было,

[752] Там же. С. 866.
[753] Там же. С. 868.
[754] Там же. С. 871.
[755] Там же. См. список старшин ремесленных цехов Петербурга в приложении № 1.
[756] Там же. С. 872.
[757] Там же. С. 873.
[758] Там же. С. 872.
[759] Там же. С. 874.
[760] Там же. С. 874, 876.
[761] Там же. С. 876

давать ему название пристойное цеху; ибо множество одинаких имен и отчеств может в сыске кого-либо из них причинить большое затруднение»[762]. Можно предположить, что такое правило по присвоению мастерам – вчерашним крестьянам, полных имен, превращавшихся со временем в настоящие фамилии, приводило к повышению самосознания временноцеховых ремесленников.

К нецеховой категории относились казенные ремесленники в столицах, которые «в свободное им время делают на продажу разные мелочи и рукоделья, коих много, а чрез то удовлетворяют и нуждам города; но как таковые ремесленники, яко не могущие иметь всегда промысла, не могут вписываться в цех: то оным позволяется делать на продажу, но только запрещается входить в подряды на работы и заводить мастерския»[763].

Об артелях в уставе было сказано, что артели «одного цеха», существовавшие в Петербурге, «должны повиноваться общим того цеха правилам. Вступающий в какую-либо артель, должен, по принадлежности промысла, состоять в цехе»[764]. То же, что об «артелях одного цеха», можно сказать и о «рабочих цехах». Артели продолжали существовать, но помимо цехов. Помесячные заработки у каменотесов в артелях колебались в зависимости от времени года с тенденцией к повышению. В ноябре 1804 г. они составляли 12,90 руб., в сентябре 1805 – 16,10 руб., в мае 1810 – 27,40 руб., в сентябре – 31,40 руб., а в сентябре 1811 г. – 34,10 руб. Строители Казанского собора получали поденную плату в мае 1805 г.: чернорабочие –70 коп., плотники – 90 коп., а в июне 1811 г. соответственно 80 коп. и 1,60 руб.[765].

Благодаря структурным экономическим реформам Екатерины II и организации банковской системы был лучше организован оборот денежных средств. Жалованная грамота дворянству, освободившая его от обязательной государственной и военной службы, введенной Петром I, подарила

[762] Там же. С. 881.
[763] Там же. С. 880.
[764] Там же.
[765] Очерки истории Ленинграда. Т. 1... С. 532.

представителям этого социального слоя свободу распоряжаться собой и такой социальный капитал как «свободное время» (die Muße). Желание участвовать в общественной жизни и находиться в «цивилизованном» пространстве, привлекало в свою очередь большое количество дворян в столичные города, что явилось дополнительным фактором роста конъюнктуры и спроса на качественные ремесленные продукты. Это позволяет предположить, что выросла репутация ремесленных цехов, следивших (по мере желания и возможности) за качеством продукции, и их значение в экономической жизни, одновременно с ослаблением основного негативного фактора – принудительных работ для казны. А.И. Гайсинович констатировал, что «неуспешны были также попытки правительства приспособить цехи к исполнению казенных работ»[766]. Цехи действительно были не очень подходящим инструментом для использования их в целях удовлетворения нужд государства. В этом смысле «цехи не оправдали возложенных на них надежд» и «влачили жалкое существование»[767]. Но в этом ли было их главное предназначение, а не в том, чтобы обслуживать нужды населения? С этой задачей ремесленники справлялись гораздо лучше. Когда же речь заходила о государственной службе, они действительно начинали жаловаться на ее тяготы.

Со временем, подряды на работу от казны стали не такими убыточными, а зачастую и очень выгодными, а звание, введенное с 1862 г., «поставщика Высочайшего Двора и Великокняжеских дворов» для «художников и ремесленников» сулило значительное повышение доходов, позволявших ремесленникам содержать большие каменные дома с прислугой. По завершении строительства Зимнего дворца в Петербурге и его окрестностях имелись другие крупные стройки. Это, прежде всего, строительство Екатерининского дворца в Царском селе, Павловского дворца, множества храмов, государственных, общественных и частных зданий во время

[766] Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII в… С. 552–558.
[767] Там же. С. 557.

правления Екатерины II и Павла I. Но не стоит идеализировать ситуацию с казенными подрядами. Многое зависело от того, кто получал подряд и на каких условиях. Уже во времена правления Александра I «в 1816 г. казна заказала сшить 320 егерских мундиров (по цене 2 руб. 80 коп.), 600 мушкетерских (2 руб. 40 коп.), 900 пар сапог по 1 руб. за пару»[768]. Из-за слишком низкой цены цехи портновский и сапожный вынуждены были доплатить мастерам соответственно за егерский мундир 2,95 руб., за мушкетерский – 2,85 руб. и за каждую пару сапог – 1,50 руб. В 1830 г. старшины названных цехов подали ремесленному голове жалобу о том, что «в течение двух лет подряд эти цехи изготовляли с убытком для себя предметы военного обмундирования по казенным ценам, помогая „военным мастерам“»[769]. Это приводило к тому, что ремесленники портновского цеха с 1827 г. по 1836 г. накопили долгов по налогам свыше 22 000 руб. Недоимка с одного ремесленника могла превышать 100 руб. Также проводились единовременные сборы, например, по рекрутам от цехов на их обмундирование, провиант и жалованье[770].

Изменения происходили не только в «материальной» жизни. Примерно со второй половины XVIII в. возникает и расширяется пространство общественной жизни столицы, начинающей выходить за рамки только придворного общества. В первые десятилетия существования Петербурга его образ формировался почти исключительно за счет представителей государственного аппарата, армии и двора. Со временем все более заметными в общественной и культурной жизни Петербурга стали «агенты европейской культуры» – иностранные ремесленники и купцы. Изменившиеся образ жизни и культурные запросы высшего общества, а за ним средних и низших городских слоев, старавшихся подражать ему, нега и страсть к излишествам дворянства, желание походить во всем на «европейское общество»

[768] Очерки истории Ленинграда. Т. 1… Глава, написанная А.И. Копаневым. С. 519.
[769] Там же.
[770] Копанев А.И. Ремесленники Петербурга первой половины XIX в… С. 85.

способствовали появлению и развитию таких европейских институтов, как русский театр и издательское дело.

Успехи в развитии иностранного ремесленного сообщества привели к возникновению потребности, расширить свои социальные и культурные институты. Это нашло свое выражение в основании Немецкого клуба и танцевальных обществ: «В одно почти время с Английским клубом [АК: 1770 г.] был основан другой клуб немцем Шустером. […] Клуб этот помещался в двух скромных комнатах; с 1-го февраля 1772 года он уже был переведен в большую квартиру и стал называться большим Бюргер-клубом [АК: Петербургское немецкое собрание, Большой бюргерский клуб, Мещанский клуб]. Этот клуб, впрочем, более известен как „Шустер-клуб“». Клуб состоял «из заслуженных чиновников, артистов, богатых русских и иностранных купцов и зажиточных ремесленников»[771]. В 1785 году гробовым мастером Уленглуглом был основан «танц-клоб» для «нечиновных лиц мещанского и купеческого сословий»[772].

Немецкий театр, содержавшийся с 1792 по 1800 гг. на средства немецких купцов и ремесленников, был настолько успешен, что перешел под начало дирекции императорских театров, сначала временно с 1782 по 1791 гг., затем окончательно – после пожара 1806 г. в здании Генерального штаба, где находился театр[773]. М.И. Туган- Барановский связывал развитие ремесел с процветанием общественной жизни города говоря: «Без ремесел и рукоделий коснеет и само просвещение, и слабы все связи общежития»[774].

---

[771] Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. Т. 29. СПб., 1895, S. 426; см. также: Петербургское немецкое собрание. Устав Ст. Петербургского немецкого собрания 1772. СПб., 1906; Пыляев М.И. Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы. 2-е изд. Санкт-Петербург, 1889. С. 226–228, 436; Название «Шустер-клуб» стало нарицательным «для всякого клуба с мещанским уклоном». Клуб находился по адресу набережная р. Мойки, 64, во флигеле дома Демидовых, позже – на Адмиралтейской площади, 13, в доме Щербакова. Посетителями клуба являлись люди «весьма различного звания и состояния, начиная от ремесленников до людей подполковничьего чина», что говорит об относительно высоком социальном статусе ремесленников (Иванов А.А. История Петербурга в старых объявлениях. М.; СПб., 2008. С. 297).

[772] Пыляев М.И. Старый Петербург… С. 228.

[773] Keller A. Das Deutsche Theater und die Entwicklung der deutschen Gesellschaft in St. Petersburg im 18. Und 19. Jahrhundert. Magisterarbeit. GRIN Verlag, 2001. S. 41–55, 60–69.

[774] Туган-Барановский М.И. Русская фабрика… 1997. С. 288.

Но если жизнь дворянского общества исследована довольно хорошо, то история «низших и средних слоев» городских элит Петербурга ждет еще своего более полного раскрытия[775]. Предстоит рассмотреть механизмы и образ взаимодействия акторов этих элит, часть которых облекала свои представления об устройстве ремесленного самоуправления в законодательных актах, другая часть эти законодательные акты интерпретировала в выгодном для себя свете и на уровне Шестигласной думы, Губернского правления и Городского магистрата вводила административные практики, вступавшие, зачастую, в противоречие с волей законодателя. Законодательная практика и повседневная артикуляция законов могли существенно отличаться друг от друга. Взаимодействие обеих могло принимать самые неожиданные конфигурации, а, соответственно, и приводить к их нетривиальному разрешению по принципу ad hoc. Упомянем важную деталь – «цеховые ремесленники были одной из основных категорий регулярных граждан» не только петровского Петербурга, но и на протяжении всего рассматриваемого периода[776].

С одной стороны, не приходится говорить о «городских обывателях» как о третьем сословии в западноевропейском понимании этого термина, с другой, высоко гетерогенная группа этих акторов имела своих представителей в Шестигласной думе, после 1846 г. – в Общей городской и Распорядительной городской думах, прежде всего, среди купцов, ремесленников, мещан, а значит, могла артикулировать свои разнородные интересы, хотя и в очень узких рамках. Анализ социальной практики акторов этих групп населения, которых можно собрать под условным названием «горожан», их вертикальной и горизонтальной мобильности, поможет лучше понять складывание новых традиций на основании старых, их комплиментарность. Эластичное и неоднородное городское пространство, формировавшееся в этот период, не всегда умещалось в пространство, надежно огороженное, как это могло

[775] См.: Алексеева Е.В., Редин Д.А., Рей М.-П. «Европеизация», «вестернизация»… С. 14–15.
[776] Луппов С.П. История строительства... С. 166–167.

показаться правящим элитам, городскими шлагбаумами (нем. Schlagbaum). Казалось, в столице российской империи, где была сконцентрирована вся административная и политическая власть, исполнение указов Сената и правительства должно было выполняться безукоризненно и быстро, что на практике оказывалось совсем не так. Воля законодателя, провести на «кульмане» социального пространства четкие социальные границы, проставить однозначную сословную маркировку, в действительности могла приходить в противоречие с высокой социальной гетерогенностью населения столицы, с ее полиморфной экономикой[777]. Это пространство таило в себе множество казусов и социальных конфликтов.

В этом городском пространстве имелись социальные ниши, в которых существовали различные «классы» ремесленников. Для удобства анализа их можно разделить на три страты: низшую, среднюю и высшую. Низшая страта, самая многочисленная, производила товары народного потребления для рабочих, крестьян, солдат, прислуги, дворовых. Сюда же относились ремесленники, занятые в крестьянских промыслах, артельщики, поденщики, поштучники, кустари, промысловики и самоучки. Средняя страта не так многочисленна. Это элита среди ремесленников – цеховые мастера, профессионалы, также изготавливающие товары народного потребления, но более высокого качества, для состоятельных и не очень клиентов: «средних слоев». И, наконец, высший класс, «ремесленная аристократия» – поставщики императорского двора, домов аристократии, королевских и княжеских дворов Европы: модельеры и виртуозы (сегодня их назвали бы кутюрье и дизайнерами). Последние могут быть приравнены к художникам, так как вещи, выходящие из под их рук сравнимы с произведениями искусства. В

[777] В рамках теории модернизации полиморфность социально-экономических укладов рассматривается как временная переходная форма протоиндустриализации к индустриализации. «Признание гетерогенности протоиндустрии, включавшей множество социальных и производственных форм; отказ от телеологизма, который оборачивается сохранением исторической логики лишь в рамках теоретической модели и допущением историчности функционирования разнородных протоиндустриальных типов производства (отрицание линеарного развития, признание многовариантности, возможностей кризисов, упадков более совершенных форм» допускает «и рецидив[ы] более архаических форм», т. е. ремесленных мастерских и кустарных промыслов (см.: Побережников И.В. Протоиндустриализация как субпроцесс... С. 25).

связи с этим, не удивительно, что ввиду родственной связи между ремеслом и искусством, многие настоящие или бывшие ремесленные художники Петербурга не считали зазорным, переходить на службу в императорские театры артистами, бутафорами, художниками сцены, портными, сапожниками, переплетчиками, столярами, мебельных и оружейных дел мастерами и т.д.

Структура расселения российских и иностранных ремесленников Петербурга, в середине и в конце XIX в., существенно меняется. Если в первые десятилетия после основания города иностранцы селятся исключительно в центральных частях города, вблизи своих церковных общин и клиентов, то со второй половины XIX – в начале XX в. ремесленники распределяются на территории города более равномерно. Наблюдалась тенденция среди иностранных ремесленников, все чаще покидавших границы центральных частей и селившихся в более отдаленных районах города, в то время как многие российские мастера переехали ближе к центру. Известный экономист К.С. Веселовский в 1848 г., как и старший врач медицинской полиции Петербурга И.В. Еремеев в 1897 г., подчеркивали ремесленный характер центральной Адмиралтейской части города[778]. Максимальная доступность для потенциальных клиентов и высокая плотность населения в центре города создавала благоприятные условия для развития здесь ремесла.

В 1-й и 2-й Адмиралтейской частях проживала самая состоятельная прослойка населения: дворяне, госслужащие, первостатейное купечество. Высокая аренда за жилье приводила к тому, что многие ремесленники снимали подвальные помещения или квартиры в доходных домах, что вело к неудовлетворительному санитарно-гигиеническому состоянию в мастерских. Годовая аренда помещения под небольшую торговую лавку со складским помещением в 1-й Адмиралтейской части в 1897 г. составляла 900 руб. Это

[778] Веселовский К.С. Статистические исследования о недвижимых имуществах в Санкт-Петербурге // Отечественные записки (1848). Т. 57. Ч. 2. № 3–4. С. 1–27, 16–17; Город С.-Петербург с точки зрения медицинской полиции / Под ред. И. В. Еремеева. СПб., 1897. С. 7, 44–72.

соответствовало четырем средним годовым окладам подмастерья. Социальная стратификация среди ремесленников в этой части города хорошо видна на примере хлебопекарных ремесел. Здесь имелось два вида предприятий, изготавливавших хлебную продукцию. С одной стороны, существовали хлебопекарни при торговых лавках[779], с другой – булочные, что было большим контрастом особенно к первой трети XIX в., когда здесь и на Васильевском острове доминировали почти исключительно немецкие булочники. Всего в части имелись 43 торговые лавки. В десяти из них рабочие проживали на стороне, что может говорить об изменившемся характере ремесленного производства, где подмастерья скорее были наемными рабочими. В остальных для рабочих имелись спальные помещения[780]. Эти лавки содержались нецеховыми ремесленниками из купеческого, мещанского или крестьянского сословия.

Их дополняли 24 булочных с кондитерскими изделиями, принадлежавших в большинстве своем цеховым ремесленникам и сильно отличавшимся по своему профилю друг от друга. Семь из них были собственно магазинами без пекарни, два из которых торговали кондитерскими изделиями. При 16 имелась пекарня, в 14 из которых продавались кондитерские изделия. Также в списке числилась одна кондитерская. В 12 булочных и кондитерских подмастерья и рабочие жили в мастерских и в 10 булочных рабочие жили в жилых помещениях того же дома. Было замечено, что в немецких булочных присутствовали лучшие санитарно-гигиенические нормы по сравнению с прочими. Все они находились на первом или в полуподвальном этаже. Напротив, две русские булочные находились в подвальных помещениях[781].

В 1897 г. среди восьми колбасных мастерских в Адмиралтейской части имелось шесть с немецкими, одна с русским и одна с польским хозяином. Две

[779] Город С.-Петербург с точки зрения медицинской полиции... С. 44–45.
[780] Там же. С. 48.
[781] Там же. С. 45–46.

из них: Шермессера на Малой Морской ул., 5 и Штайдинга на Большой Морской ул., 18, использовались исключительно как мастерские. Подмастерья не жили у мастера в семье, но в отдельных спальных комнатах, отделенных от дома. Усиленное разделение труда также находило место. Колбасная Штайдинга получала колбасный фарш отчасти из колбасной Кирххайм с Выборгской стороны, где фарш приготавливался механическим способом с помощью дизельного мотора, отчасти из собственной мастерской на Петроградской стороне[782]. При мебельных обивочных мастерских имелись восемь небольших столярных мастерских, с рабочими от двух до семи. Только в одной столярной мастерской насчитывалось 50 рабочих. Большинство металлообрабатывающих мастерских переехали к этому времени в другие, более отдаленные от центра районы. Среди оставшихся встречались в основном узко специализированные мастерские, такие, например, как по изготовлению труб, кровельные, фонарные. Среди них имелась всего одна кузница. Большинство мастеров составляли немцы или евреи из западных областей Российской империи, немного русских. В основном это были небольшие мастерские с числом занятых не более десяти человек[783].

Больше всего в Адмиралтейской части насчитывалось портновских мастерских: 39 мужского платья (немецкие, русские, еврейские и чешские мастера) и 33 дамских портных. Среди самых значительных можно назвать мастерские мужского платья Германна, Корпуса и Брунста. Самые большие мастерские дамского платья находились по адресам Невский проспект, 10, и Набережная реки Мойки, 61. На втором месте находились мастерские по производству различных видов обуви в числе 37 (русские, финские и немецкие мастера)[784]. В таких мастерских, остававшихся больше в традиционном формате, большинство подмастерьев и учеников жило в доме у мастера. В

[782] Там же. С. 53; В начале XX в. дальнейшая специализация среди ремесленников углубляется, приобретая новые организационные формы. В 1904–1914 г. в Петербурге имелся склад акционерного общества полного оборудования колбасных изделий (ЦГИА СПб. Путеводитель. Т. 1. С. 498: Ф. 1562, 1904–1914, 10 дел, оп. 1).
[783] Город С.-Петербург с точки зрения медицинской полиции… С. 67–68.
[784] Там же С. 69–72.

остальных же мастерских, и особенно в металлообрабатывающих ремеслах, наблюдалось значительное изменение традиционного ремесленного порядка. Большинство персонала жило вне мастерских[785].

Сбыт продукции определялся несколькими факторами. Одним из важнейших отрицательных факторов для российских ремесленников оставалось все еще предвзятое отношение покупателей к русским мастерам, когда предпочтение часто отдавалось иностранным ремесленникам или иностранным товарам, считавшимся более лучшего качества. В сложных технических ремеслах и в ремеслах, связанных с модой, это мнение как правило было обоснованным. Только к концу XIX в. эти различия были в основном преодолены.

Особенностью слоя ремесленников было то, что границы этой социальной группы не совпадали полностью с сословными и были гораздо шире последних. Как справедливо заметил Ф.Я. Полянский, во второй половине XVIII в. «в русских городах […] продолжался еще процесс формирования посадского населения. Ремесленники были весьма многочисленны, но их обособление не завершилось, они были и среди мещанства, купцов, крестьян и даже феодальных элементов. Процесс формирования городских ремесленников еще продолжался, ассимилируя разные социальные элементы населения крепостной России»[786].

Причем к самим ремеслам, особенно в XVIII в., относились и неремесленные, по сегодняшним представлениям, профессии художника, иконописца, архитектора, лекаря, аптекаря, толмача и т.п. Социальное поле ремесленников в российском социуме совпадало или накладывалось в периферийных социальных зонах на другие социальные группы дворян, крестьян, купцов, мещан, разночинцев, имевших право записываться в цехи или заниматься ремеслами вне цехов. Эту особенность отметили Н.А. Иванова и В. П. Желтова для петровского времени по отношению к

[785] Там же. С. 66, 68, 71–72.
[786] Полянский Ф.Я. Городское ремесло… С. 46.

купечеству, когда «часть ремесленников тоже продавала изделия, а часть торговцев занималась ремеслом»[787]. Проблему «“взаимоналожения“ статуса различных сословий в правовом положении некоторых групп населения» В.В. Керов обозначил как одну из главных задач исследования сословий[788]. Именно в этом заключалось своеобразие сословной и социальной организации российского ремесла.

Во многих случаях воля законодателей, министра финансов, петербургского генерал-губернатора и др., вплоть до низших эшелонов городских властей встречалась с такими препятствиями, как сопротивляемость и резистентность, эластичность и податливость «социальной массы» и ее акторов, их желание мимикрировать и копировать, соработать или саботировать модернизаторские или крепостнические, мобилизационные или консервативные проекты власти, «развитие и рост». Несмотря на весь «абсолютизм» императорской власти, пространство российской столицы было наполнено различными социальными нишами и «подклетями» социальных градаций. Социальные интеракции акторов разнородных социальных групп могли приводить к самым необычным и замысловатым конструкциям сознания и «габитуса», социальных ритуалов и конфликтов, вплоть до девиантного поведения. При этом, для каждого актора был свойственен свой неповторимый аксиологический код поведения, оставлявший индивидуальный след в городском пространстве.

Автор данной работы пытается перекинуть мостик от традиционной ремесленной мастерской к современным малым формам непоточного штучного производства, рассчитанного на мелкосерийную и уникальную продукцию. Сегодняшняя модификация ремесленного мастера-портного видна в новом формате глобального кутюрье, задающего тренды и

---

[787] Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество… С. 341: «… термин 'купечество' в первой половине XVIII в. применялся по отношению ко всем посадским людям»; См.: Козлова Н.В. Российский абсолютизм… С. 7; Каменский А.В. От Петра I до Павла I... С. 135, 139.

[788] Керов В.В. Рец. на: Н.А. Иванова, В.П. Желтова. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века) // Российская история. № 6. 2010. С. 185.

ориентированного на мелкосерийное производство, тиражируемое затем крупной индустрией. Рассмотрение цеховых ремесленников из этой перспективы необычно, ведь по мнению многих историков XIX и XX веков, цехи как анти-прогрессивный институт не могли иметь продолжения своей истории[789]. Цеховому ремеслу не находилось места в концепциях историков, пытавшихся нащупать ростки экономического будущего в прошлом[790]. Это и неудивительно, ведь первые законы об упразднении цехов и отмене их привилегий появились во Франции в 1791 г.[791]. Им последовали в 1806 г. некоторые провинции Пруссии, немецкие государства, завоеванные французами: Вестфалия в 1808 и 1810 г., герцогство Берг в 1809 г., Пруссия в 1808–1811 гг. Последовавшее затем время политической реакции замедлило этот процесс, возобновившийся к концу 1850-х годов, в ходе введения всеобщей промышленной свободы – в Австрии в 1859 г., в Нассау в 1860 г., в Саксонии в 1861 г., в Вюртемберге и Бадене в 1862 г.[792].

А ведь именно цехи были институтом, доказывавшим способность граждан города, и в их числе цеховых мастеров, к модернизации и к активному

---

[789] Удачный образ ремесла в контексте модернизации дает немецкая спортсменка Лиза Ханер: «Das schönste Bild in diesem Zusammenhang ist für mich das Rückwärtslaufen. Das ist Fortschritt durch Rückschritt. Weil der Rückschritt nur ein scheinbarer ist» (Самый хороший образ в этом смысле [А.К.: т. е. учиться у других смене перспективы] – бег спиной вперед. Это прогресс через регресс. Так как регресс только кажущийся. // Jans G. 10 Motivations-Tricks der Hahner-Twins: Anna und Lisa Hahner über Running und Marathon. URL: http://www.ispo.com/knowhow/id_79709534/motivations-tricks-der-hahner-twins-im-running-und-marathon.html, (Дата обращения: 20.09.2017).

[790] Haupt H.-G. Neue Wege zur Geschichte der Zünfte in Europa… S. 9–38.

[791] Minard P. Die Zünfte in Frankreich am Ende des 18. Jahrhunderts: Analyse ihrer Abschaffung // Haupt, H.-G. (Hg.). Das Ende der Zünfte... S. 181; Минар ссылается на законы Алларда и Шапелье об упразднении цехов в марте и июне 1791 г.; К.А. Пажитнов упоминает декрет Учредительного собрания от 3 мая 1790 г. (Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов... С. 172). Как нельзя лучше здесь подходят слова В.К. Яцунского о попытках некоторых историков рисовать картину перманентного «разорения» и «разложения» капитализма: «Наши историки применительно к любым периодам, как феодальной, так и капиталистической эпохи, пишут только о разорении крестьянства и никогда, за редчайшими исключениями, не отмечают улучшения их положения. Получается, что крестьянство, за исключением небольшой зажиточной верхушки, непрерывно в течение многих сотен лет, если не целого тысячелетия, только разорялось. Эта особенность нашей аграрной историографии, видимо, стоит в связи с вполне понятным стремлением советских историков представить возможно ярче бедственное положение трудящихся при господстве эксплуататорских общественно-экономических формаций и нарисовать возможно полнее их борьбу с угнетателями. Многие при выполнении этой благородной задачи очень увлекаются... Конечно, бывали длительные периоды ухудшения положения широких масс крестьянства. Но бывали и периоды улучшения и стабильности в их положении» (URL: URL: http://elib.org.ua/history/ua_readme.php?subaction=showfull&id=1468699688&archive=&start_from=&ucat=& (Дата обращения: 21.09.2017).

[792] Дживелегов А. Цехи в Европе // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXXVIII (75). С. 130.

участию в жизни городов и их самоуправлении[793]. Логично, что мастера, привыкшие к цеховой организации, оказывали организованное сопротивление, основанное на традиции корпоративной солидарности цеховых мастеров и подмастерьев. Такой реакцией сопротивления в Германии было издание общегерманских законов в конце XIX – начале XX вв., касавшиеся ремесленной промышленности и образования. В 1897 г. появился закон, обязывающий всех ремесленников вступать в Ремесленную палату (Handwerkskammer) – косвенную наследницу ремесленных цехов, регулирующую отношения внутри ремесла. А с 1908 г. обучение учеников в ремесленных мастерских и получение ими «малого» мастерского диплома (Meisterbrief, „Kleiner Befähigungsnachweis“) становится вновь обязательным. Безусловно, такое движение в «обратную сторону» привело в России к реакции правительства, которую можно охарактеризовать как «заморозку» ремесленного законодательства и ремесленного сословия. И если России ремесленный социальный вопрос после 1917 г. был упразднен и решен на уровне уничтожения «социально враждебных классов», то в Германии это движение было продолжено и закончилось изданием нового Ремесленного устава 1935 г., восстановившего традиционный, так называемый полный мастерский диплом („großer Befähigungsnachweis“)[794].

Данные шаги были следствием осознания того, что введение «промышленной свободы» во второй половине XIX в., помимо безусловного положительного эффекта для немногих, заработавших большие состояния и приведших к невиданной концентрации капитала, привело к обнищанию огромных масс населения и социальной несправедливости, что, в свою очередь, повлекло за собой возникновение социальной напряженности и протестного движения вплоть до революций и иных серьезных социальных потрясений. Эта свобода била, прежде всего, по малым формам производства,

[793] Haupt H.-G. Neue Wege zur Geschichte der Zünfte in Europa… S. 9–10.
[794] See: Stüben I. Das deutsche Handwerk: der große Befähigungsnachweis (Meisterbrief) als Kriterium des Marktzutritts. Magdeburg docupoint, 2007. 532 S.

дававшим высокую занятость и обеспеченность населения, что характерно и сегодня. При этом, социальная ответственность, более характерная для предприятий малого формата, не противоречила свободе предпринимательства, но уравновешивала интересы всех сторон: выполнение социальных обязательств и решение вопросов профессионального образования могло быть осуществлено не помимо, а только вместе с государством и обществом[795].

Какую роль могли сыграть здесь цехи, трансформированные из сословного института в профессиональные союзы корпоративного типа, может послужить вывод, сделанный М.Р. Карильо и А. Дзадзаро в своей работе о «загадке ремесленных цехов средневековой Европы», что «процессы технологических инноваций, будь то адаптация существующих технологий или создание новых продуктов или способов производства, затрагивают интересы многих сторон. Таким образом, внедрение такой инновации должно преодолеть социальную инерцию и институциональные барьеры, установленные заинтересованными сторонами. Эти факторы, в некотором роде, уменьшают ресурсы, которые общество может инвестировать в развитие инноваций. Тем не менее, те же самые инерционные и социальные барьеры (АК: цехи) в конечном итоге обеспечивают защиту для тех, кто является носителем инноваций – акторов (АК: мастеров), инициирующих инновационный процесс сегодня, а также тех, кто сможет воспользоваться преимуществами такой защиты завтра»[796].

Учитывая амбивалентность, свойственную существующим социально-экономическим институтам, Г.Д. Курц (вместе с Н. Сальвадори) говорит о побочных факторах экономического развития, «работающих» при отказе

---

[795] Faulwetter S. Von der Zunft zur Handelskammer… S. 385, 394.

[796] «Processes of technological innovation, whether involving the adoption of existing technology or the creation of new products or production methods, call into question many vested interests. The introduction of such innovation thus has to overcome social inertia and institutional barriers set by those who have such interests at stake. These factors, in some ways, will reduce the resources that a society devotes to innovation. However, the same inertia and social barriers end up ensuring protection for those who undertake the innovative process today, who will be able to reap the benefits of such protection tomorrow» (Carillo M.R., Zazzaro A. The Enigma of Medieval Craft Guilds: A Model of Social Inertia and Technological Change // Salvadori N. Old and New Growth Theories. Cheltenham, 2001. P. 1–33).

рынка: «В традиционных (имеющихся) теориях рано или поздно возникает проблема отказа рыночного механизма, всякий раз, когда увеличивается доходность (преимущественно) внутри фирмы, возникают внешние эффекты, общественные блага (или повинности), а также получается неполная и асимметричная информация и т. д. – возникает кризис. Поскольку проблема „нового“ или „эндогенного“ экономического роста в специальной литературе находится в центре дискуссии, в непосредственной близости к ней находятся и вопросы государственной политики и институциональных механизмов»[797].

Применимо к России это значило обеспечить при введении цехов их максимальную эффективность в новых условиях, где определяющую роль играли государственная политика, институциональные механизмы и «российский дизайн». Поэтому верификационная модель С.Р. Эпштейна[798], согласно которой лишь свободные демократические общества западноевропейского типа, могут быть экономически успешны, не может объяснить существование петербургских цехов, а тем более процветание многих цеховых ремесленников и опережающие темпы промышленного развития во время индустриализации в России.

На наш взгляд, наиболее подходящей концепцией для российской специфики является концепция «созидательного разрушения» Йозефа Шумпетера, делающая акцент на эволюции традиционных институтов и эндогенном росте[799]. К одному из таких традиционных институтов,

---

[797] «In conventional theory, whenever increasing returns that are (dominantly) internal to the firm, externalities, public goods (or bads), incomplete and assymmetric information etc. are involved, there is a problem of market failure. Since the literature on 'new' or 'endogenous' growth revolves around precisely these phenomena, the question of public policy, institutional arrangements and mechanism design are close at hand» (Kurz H.D. Endogenous Growth // Clark D.A. (ed.). The Elgar Companion to Development Studies. Cheltenham: Edaward Elgar, 2006. 757 p.; See to: Kurz H.D., Salvadori N. Endogenous Growth Theory and Development Economics // Dutt A.K., Ros J. (eds.). International Handbook of Development Economics. Cheltenham, 2008, pp. 207–222).

[798] Epstein S.R. Freedom and Growth…

[799] Вернер Зомбарт впервые применил понятие «созидательное разрушение» в книге «Война и капитализм» в 1913 г. Йозеф Шумпетер популяризовал его в своей книге «Капитализм, социализм и демократия», вышедшей в 1943 г.: «[…] развитие экономической организации от ремесленной мастерской и фабрики до таких концернов, как „Ю.С.Стил“, иллюстрируют все тот же процесс экономической мутации, – если можно употребить здесь биологический термин, – который непрерывно революционизирует [...] экономическую структуру изнутри, разрушая старую структуру и создавая новую. Этот процесс „созидательного разрушения“ является самой сущностью капитализма, в его рамках приходится существовать каждому капиталистическому концерну» (Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М., 2008. С. 153-154).

перекинувших, для примера, в Германии, Австрии или Швейцарии мостик из традиции в современность, принадлежали в России столичные цехи, развивавшиеся в аналогичном направлении, но с российской спецификой[800].

Цехи как институт городского выборного сословного самоуправления корпоративного типа, наряду с аналогичными сословными органами городского самоуправления дворян, купцов и мещан, получили свое наибольшее развитие, начиная с первой трети XIX века до 1914 г., в Санкт-Петербурге и Москве[801]. У цехового мастера, выступавшего в двух основных социальных функциях – ремесленного мастера и участника ремесленного сословного самоуправления, вырабатывались демократические практики поведения и корпоративный этос, смягчавшие конкуренцию между коллегами и укреплявшие практики сословной солидарности и кооперации[802]. Как мастер цеха он был профессионалом своего дела, как член общества ремесленников – гражданином, принимавшим участие в сословном самоуправлении, где цеховые старшины на собрании цеха, гласные общего собрания цехов и ремесленные головы выбирались посредством тайного голосования. Члены ремесленной управы «тренировались» в повседневных управленческих практиках.

Что же касается участия горожан в органах самоуправления, исторические предпосылки для этого были не всегда благоприятными. Негативное отношение населения к любым государственным предписаниям, а

---

[800] Во второй половине XX века в Германии появился Экономический департамент (das Gewerbeamt), руководствующийся расчетами числа жителей: потенциальных потребителей на определенную территорию, должных приходиться, к примеру, на одну булочную, иначе мастер не получал разрешения на ее открытие. Эти меры, аналогичные цеховому контролю, обеспечивают баланс спроса и предложения, во избежание убытков существующим предприятиям. Сегодня это разумное ограничение не вызывает возражений. Другими важными институтами в Германии, являющимися прямыми или косвенными наследницами ремесленных цехов, являются Ремесленная палата (die Handwerkskammer), регулирующая отношения внутри ремесла: получение диплома подмастерья и мастера, информационная, юридическая и организационная поддержка, Земельные съезды ремесленников (напр., der Handwerkstag Sachsen) и Центральный союз немецкого ремесла (Zentralverband des deutschen Handwerks) для представительства общих интересов ремесленников на земельном и федеральном уровнях (См.: Faulwetter S. Von der Zunft zur Handelskammer...).

[801] См. о положительном опыте проведения реформ городского самоуправления в XVIII – XIX вв. См.: Андреев Н.В. История пермского городского самоуправления последней четверти XVIII – первой четверти XIX в. Екатеринбург; Пермь, 2003; Галкин П.В. Из российского опыта административного надзора за городским самоуправлением (1870-е гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 31. С. 60–67.

[802] См.: Rosser G. The Art of Solidarity in the Middle Ages. Guilds in England 1250–1550. Oxford, 2015. 235 p.

тем более к участию в органах самоуправления, считавшемуся тяжким бременем, выливалось в пассивное сопротивление широких слоев населения. В большинстве случаев правительство наталкивалось на нежелание ремесленников, считавших ниже своего достоинства участвовать в выборах и общественном самоуправлении, будь то выборы в Бурмистерскую палату в Москве 1699 г., выборы в магистраты в 1720-е годы, в городскую думу после 1785 г., или органы ремесленного самоуправления в первой половине XIX века. Поэтому указы, от 17 января 1721 г. и 28 июня 1731 г., освобождали «заводчиков» и «фабрикантов»[803], получивших соответствующее свидетельство от мануфактур-коллегии, от городских служб[804].

Это первый признак того, что городское общество долгое время существовало больше формально, на бумаге. Тому подтверждением стал и указ 1824 г., освобождавший купцов первой и второй гильдии от службы в органах самоуправления. Поэтому городская дума состояла почти исключительно из купцов третьей гильдии, мещан и цеховых ремесленников[805]. Не вызывало энтузиазма у цеховых мастеров и существование телесных наказаний, распространявшихся на членов сословия, состоявших по выборам в общественных службах. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 9 января 1842 г. подтверждало существование телесных наказаний для купцов третьей гильдии и мещан, включая цеховых[806]. Речь шла об освобождении ратмана мещанина Норина от телесного наказания, но так как преступление было совершено им не на

---

[803] Понятие ремесленной мастерской, а также ее различие от фабрики или завода, было довольно расплывчато. В XVIII в. ремесленника, так же, как и купца, содержавшего расширенную, т. е. более 16 наемных рабочих и мастеров, ремесленную мастерскую, могли назвать «заводчиком» или «фабрикантом», если он находился не в ведении цеха, но мануфактур-коллегии. В фабричном законодательстве XIX в. к ремесленным мастерским относились заведения, число сотрудников в которых доходило до 16 человек. Если это число превышалось, сотрудники Статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел относило такое заведение к фабрикам и заводам, хотя по сути это оставалась та же мастерская с мастером, подмастерьями и учениками. В данном случае, ремесленник переходил в иную категорию городских жителей и должен был записаться в купеческое сословие. Еще предстоит изучить динамику и механизмы перехода из ремесленного сословия в купеческое, трансформацию некоторых ремесленных мастерских в фабрики или заводы и процессы их приспособления к новым условиям промышленной революции последней трети XIX – начала XX века.

[804] Дитятин И.И. Устройство и управление городов России… Т. 2: Городское самоуправление… С. 246; Плошинский. Л.О. Городское или среднее состояние русского народа… С. 202; ПСЗ-1. Т. 6. № 3710.

[805] Андреев Н.В. История пермского... С. 328; Дитятин И.И. Устройство и управление... Т. 2. С. 245.

[806] Дитятин И.И. Устройство и управление... Т. 2. С. 158–159.

службе, то его проступок подлежал статье уголовного кодекса, предусматривавшего такого рода наказания. В законодательном акте говорилось, что «Государственный совет не может не признать, что на будущее время полезно бы было установить в сем отношении изъятие, дабы возвысить несколько городскую службу и вместе поощрить более граждан к принятию должностей по выборам»[807].

И все же положение в Петербурге постепенно меняется, особенно после проведения государственной комиссии по проверке немецких цехов под руководством государственного советника барона Ю.Ф. Корфа в 1842–1854 гг. и введения в Петербурге нового Городового положения 1846 г., в связи с чем наблюдалось значительное оживление в собраниях ремесленных мастеров по выборам в органы ремесленного самоуправления, а некоторое время спустя, и настоящая борьба «фракций»[808]. Работа этой комиссии стала точкой отсчета, с которой начинается новое осмысление и качественное изменение внутреннего содержания цехового самоуправления, его функций и компетенций. Вместе с тем, с этого времени намечается устойчивая тенденция в сокращении количества цехов. Еще недавнее число в 66 российских цехов сократилось к 1844 году до 51, а во второй половине XIX в. – до 10 и даже до 8 сложносоставных цехов[809].

Постепенно отношение к общественной службе как тяжкой повинности меняется. Участие в ней превращается в почетную обязанность. Реформа городского самоуправления Петербурга 1846 г. и введение Общей и Распорядительной думы дали положительный импульс развитию ремесленного самоуправления и способствовали более активному участию ремесленников в жизни ремесленного сословия и городского общества в целом. Примечательно, что «в 1847 году термин „сословие“ в значении

---

[807] ПСЗ-2. Т. 17. № 15206: *Об освобождении от телесного наказания купцов 3 гильдии и мещан, служащих по выборам городских обществ*. С. 15.

[808] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 92: Об обревизовании иностранной ремесленной управы в Петербурге статским советником бароном Корфом. Л. 113–119; Keller A. Die Handwerker… S. 85, 132–136.

[809] Копанев А.И. Ремесленники Петербурга первой половины… С. 83; У Пушкарева в 1841 г. указано 50 цехов // Пушкарев И.И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.–Петербургской губернии. Ч. 3. СПб., 1841. С. 30.

корпоративной группы, наделенной юридическими правами, появился в словаре Императорской Академии наук, где он трактовался как „разряд людей какого-либо звания, отличающийся от прочих особыми правами и обязанностями“»[810].

Быть членом цеха стало означать для петербургского ремесленника принадлежность к престижной городской корпорации профессионалов и возможность пользоваться социальными благами, что позволяло ремесленникам укрепиться на социальной лестнице и занять более надежную нишу в городском хозяйстве. Городовые положения 1870 и 1892 годов, вводившие более высокий имущественный ценз, отсекали от участия в выборах в городскую думу большинство ремесленников. Их общественная деятельность ограничилась должностями в Ремесленной и цеховых управах, причем временноцеховые, которые прежде могли участвовать в выборах и быть избранными старшинами (позже старостами) цехов, были полностью вытеснены из цехового управления и имели лишь двух заседателей в Присутствии Ремесленной управы[811].

С самого начала цехи были разделены на «русские» и «немецкие», причем последние, особенно в первые 150 лет своего существования, были дополнительным источником профессиональных знаний и технологий. Трудно сказать, каково было положение внецехового ремесла до Городового положения 1785 г., разрешавшего ремесленникам-кустарям заниматься ремеслами при условии, если они не имеют подмастерьев, учеников и мастерской, а только необходимые инструменты[812]. Казенным и господским ремесленникам новым положением предписывалось, если они «захотят по городу, где есть Управа, посторонния работы производить, да объявят в

[810] Словарь церковно-славянского и русского языка. Т.4. СПб., 1847. С. 190; Фриз Г.Л. Сословная парадигма... С. 133.
[811] См.: Борисов А.В. Избирательный закон и организация системы выборов по городовым положениям 1870 и 1892 годов // Изв. Пензенского гос. пед. ун-та им. В.Г.Белинского. 2011. № 23. С. 326–332; Ионов А.Н. Отечественная историография городского управления в Российской империи 1785–1870 гг. // Вестник Ярославского гос. ун-та им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 26–29.
[812] ПСЗ-1. Т. 22. № 16187.

Управе»[813]. Учитывая широко распространенные неформальные практики, не будет преувеличениеи предположить, что многие ремесленники не следовали этому правилу, да и ремесленная управа не имела ни средств, а зачастую и желания, разыскивать всех подобных ремесленников.

Это правило включалось во все законы и положения о цеховых ремесленниках, вплоть до их упразднения в 1917 г. С одной стороны, внецеховые ремесленники создавали цеховым конкуренцию. С другой, не причиняли последним особого вреда, так как обладали, как правило, низшей квалификацией, благодаря чему во всех технологически сложных ремеслах доминировали цеховые ремесленники. Существовало довольно четкое разделение труда, в зависимости от отрасли. В строительном деле, например, преобладали внецеховые ремесленники крестьянского сословия, в других, с использованием сложных технических приспособлений и машин – почти исключительно цеховые.

Важно отметить, что дебаты в правительственных кругах и среди технической интеллигенции велись в двух ключах: одни ратовали за полное упразднение цехов, другие – за их модернизацию. Последнее означало уравнение в правах временноцеховых (как правило, иногородних) ремесленников, приписанных к другим обществам, с вечноцеховыми. По мнению «прогрессивной» части реформаторов, временноцеховые должны были, внося, как и ранее, цеховые взносы, иметь право голоса на выборах ремесленных голов, старшин и их помощников, пользоваться социальным обеспечением в виде пенсии, допуска их детей к обучению в Александровской ремесленной школе, содержащейся на средства ремесленной управы, к членству в кассе взаимопомощи. Это сделало бы цехи намного более открытыми, что в долгосрочной перспективе означало возможность их постепенного реформирования в профессиональные ассоциации современного типа: ремесленные объединения (нем. *Innungen*), ставшие

[813] Там же. С. 374.

наследниками цехов, как это произошло в Германии во второй половине XIX века. В XX веке это движение привело к возникновению там ремесленных палат (нем. *Handwerkskammer*), регулирующих все вопросы, касающиеся ремесла. Пример Германии здесь закономерен, так как все законодательные начинания и попытки выработки новых концепций организации и реформирования ремесла в XIX веке в Петербурге делались вместе с внимательным изучением и учетом немецкого опыта.

В пореформенное время в Санкт-Петербурге все чаще стали раздаваться голоса цеховых мастеров, старшин и даже ремесленных голов – Г.Г. Петровского (1868–1871) и А.А. Иванова (1905–1909) – о назревшей необходимости либерализации цехового самоуправления, их большей открытости, т. е. включения временноцеховых в жизнь цехового самоуправления как полноправных членов, что требовало изменившееся экономическое положение в условиях индустриализации[814]. Но эти предложения не были реализованы из-за упорного сопротивления консервативно настроенной части русского правительства и бóльшей части вечноцеховых мастеров. Различие мнений по этому вопросу раскололо цехи, общество и правительство на два лагеря. Их противостояние закончилось поражением либерально настроенных сторонников реформирования цехов. Сословное общество, а значит, и ремесленное сословие, должно было сохраниться, составляя, по мнению правительства, одну из главных опор монархии. Это не давало реформистским силам, в обществе и правительстве, внутри цехов реорганизовать их по принципам универсальных сообществ, объединяющих своих членов не по сословному, а по профессиональному признаку.

В отличие от 1830-х годов, когда наблюдались усиленные попытки некоторых цехов добиться почти исключительной монополии в своем ремесле, в конце XIX в. ремесленная управа более не препятствовала

[814] Keller A. Die Handwerker… S. 147–148, 164–179.

ремесленникам из других сословий записываться в цехи временноцеховыми. Они не обязаны были более сдавать экзамены на знание ремесла и не ограничивались законом, как в содержании учеников и подмастерьев, так и в сбыте своей продукции. Ежегодно в цехи записывалось временноцеховыми несколько сотен ремесленников. Временами число записавшихся доходило до 1000 человек. Если верить докладу Ремесленной управы, на протяжении нескольких последних десятилетий XIX в. не последовало ни одного запрета на основание ремесленной мастерской. Так ли это было на самом деле – трудно сказать, но не будет преувеличением предположить, что утверждение ремесленной управы было не далеко от истины. Конфликт между временными и вечными мастерами русских цехов говорит о том, что часть вечноцеховых упорно сопротивлялась в уравнении их в правах, хотя дебаты среди цеховых ремесленников по этому вопросу начались уже в 1860-е годы[815].

При абсолютном большинстве временноцеховых ремесленников, их интересы в Ремесленной управе представлялись лишь двумя гласными, в то время как у вечноцеховых имелось 180 депутатов ремесленного собрания. Но так было не всегда, как мы увидим ниже. Удивительно отсутствие солидарности вечноцеховых ремесленников с временноцеховыми. Ведь, по материалам ревизских сказок 1811 г., 1815–1816 гг. и 1834–1835 гг., около половины вечноцеховых ремесленников происходило из крестьян. Также, больше половины временноцеховых принадлежало к крестьянскому сословию, причем более 2/3 из них были крепостными и около 1/3 государственными[816]. Из этого можно заключить, что существовала жесткая конкуренция среди настоящих и бывших представителей крестьянского сословия. По данным П.Г. Рындзюнского, «в начале 40-х годов из 24 703 временноцеховых ремесленников 15 043 были по сословному положению крестьянами»[817]. В 1844 г. среди 26 073 временноцеховых насчитывалось

[815] Мнение С.-Петербургской ремесленной управы по проекту положения об устройстве и содержании промышленных заведений и о надзоре за производством в них работ. СПб., 1897. С. 4, 6–7.
[816] Копанев А.И. Ремесленники Петербурга первой половины… С. 79.
[817] Рындзюнский П.Г. Городское гражданство… С. 452.

16 689, или 64,1%, крепостного, и 9394, или 35,9%, свободного состояния[818]. Это же соотношение подтверждается расчетами А.И. Копанева на тот же год. Из 13 249 временноцеховых подмастерьев и 12 823 учеников соответственно 61,5% и 65,9% были крепостными[819]. Это значит, что между городским ремеслом и крестьянскими промыслами в строительных профессиях, в производстве продуктов питания, одежды и обуви существовала тесная связь, так как последние поставляли отчасти подготовленную рабочую силу. Работая в Петербурге, она обучалась и получала более высокую квалификацию. Но это была небольшая часть, по сравнению с общей рабочей миграцией. В эти годы в адресной экспедиции Петербурга ежегодно записывалось до 150 тыс. человек, из которых 120 тыс. крестьян, дворовых и разночинцев, нанимались в чернорабочие и значительно меньшая их часть – в ремесленные мастерские[820]. Вот как описывал А.А. Бахтиаров такого ремесленника-крестьянина, уходившего на заработки в Петербург в 1888 г.: «Занесенный в столицу и пробывший там от 3 до 5 лет в ученье какому-нибудь ремеслу, скромный деревенский мальчик возвращается в деревню, нахватавшись показной цивилизации и вкусив ее плодов. Сделавшись мастером какого-нибудь ремесла, молодой костромич каждый год приезжает осенью домой, посещает деревенские вечеринки и высматривает себе невесту»[821].

Ремесленная управа, на первый взгляд, логично оправдывала свои действия о недопуске временноцеховых ремесленников к ремесленному управлению, ссылаясь на закон, что общее ремесленное собрание предназначено исключительно для решения сословных задач. Временноцеховые же ремесленники формально не принадлежали сословию цеховых ремесленников[822]. Можно предположить, что временноцеховые

---

[818] Там же. С. 429.
[819] Копанев А.И. Население Петербурга от конца XVIII в. до 1861 г. // Очерки истории Ленинграда. Т. 1... С. 516.
[820] Рындзюнский П.Г. Городское гражданство… С. 427.
[821] Бахтиаров А.А. Брюхо Петербурга. Очерки столичной жизни. СПб., 1994. С. 162.
[822] См.: ПСЗ-1. Т. 23. № 17438: *О невоспрещении мещанам, казенным и господским ремесленникам записываться в общие цехи на такое время, сколько кто в оных быть пожелает, и о предоставлении им пользоваться по ремеслу и искусству всеми правами, в Ремесленном положении утвержденными* (1796 г.), и ПСЗ-2. Т. 21. № 19721: *О новом положении о общественном управлении С. Петербурга* (13 февраля 1846 г.). С. 237.

получили возможность быть избранными на должности в цеховом управлении после опубликования устава 1857 г., гласившего под 57 пунктом, что мастера *одинакового ремесла*, собравшись вместе погодно могли выбирать «из числа *наличных* мастеров, записанных в цех», цехового старшину и старшинских товарищей. Иными словами, временноцеховые получили возможность участвовать в управлении цеховых управ и на собраниях мастеров одного цеха наравне с вечноцеховыми, более того, занимали на них зачастую доминирующее положение, являясь основными плательщиками взносов в цеховые кассы.

Не случайно, что на это время пришлись и более демократичные ремесленные головы и старшины, занимавшие зачастую позиции защиты прав временноцеховых перед вечноцеховыми: Н.М. Комаров (1856–1859), Е.Е. Малков (1862–1864) и Г.Г. Петровский (1868–1871). Допуск в эти годы временноцеховых до выборов на должности в цеховом управлении положительно сказался на их увеличившемся представительстве. Но в связи с объединением некоторых цехов, к 1880 году их число сокращается с 23 до 8, временноцеховые почти полностью вытесняются из цехового управления при одновременном сокращении его штата. Сравним показатели 1872, 1877 и 1880 гг. В 1872 г. органы управления ремесленного сословия выглядели следующим образом. В собрании выборных ремесленного сословия, устанавливавшем величину внутрицеховых налогов и разбиравшем дела сословия, участвовало 145 человек и один делопроизводитель. Присутствие Ремесленной управы состояло из старшины ремесленного сословия, трех членов от вечноцеховых и двух заседателей от временноцеховых. Канцелярия управы состояла из 27 человек. Цеховое управление включало 351 человека, из них 23 старосты цехов (11 вечноцеховых и 12 временноцеховых), 23 сборщика повинностей (соответственно 7:16), 5 помощников старост (1:4), 237 присяжных мастеров (58:179), 59 десятских (5:54), 4 цеховых маклера (2:2) или 84 вечноцеховых и 267 временноцеховых.

В 1877 г. соотношение в цеховом управлении оставалось примерно таким-же, хотя число их и было сокращено до 8. На 350 человек приходилось: 8 старост цехов (5 вечноцеховых и 3 временноцеховых), 8 сборщиков налогов (соответственно 5:3), 8 товарищей старост (4:4), 242 присяжных мастера (27:215), 81 десятский (7:74) и 3 маклера (2:1) или 50 вечноцеховых и 300 временноцеховых мастеров. Прослеживалась ясная тенденция в цеховом управлении по уменьшению числа вечноцеховых с 84 до 50 чел. и увеличению числа временноцеховых с 269 до 300 чел., что в процентном выражении составляло, соответственно, 24:76% и 14:86%. При этом на одного сотрудника цехового управления приходилось в 1870 г. 84 ремесленника, а в 1877 – 129, что может говорить, как о значительном повышении нагрузки на цеховое управление, связанное с быстрым ростом числа цеховых, так и более высокой эффективностью делопроизводства. Хотя это предположение должно быть еще верифицировано посредством анализа делопроизводства цехового управления.

Непосредственно в аппарате Ремесленной управы (канцелярии), кроме ремесленного старшины и двух представителей от вечноцеховых и двух заседателей от временноцеховых, имелось два столоначальника с двумя заместителями, одни бухгалтер и его заместитель, один десятский, один архивариус, один регистратор, восемь писарей, один привратник и пять сторожей. Цеховые управы состояли из восьми старост, восьми сборщиков налогов, восьми десятских и трех маклеров[823].

К 1880 г. произошла настоящая административная революция, когда количество членов цеховых управах сократилось до 35. Среди них в присутствии Ремесленной управы от временноцеховых остались лишь 1 маклер и 2 заседателя. Соотношение в сословном управлении меняется кардинально и уменьшается с 269 в 1872 г. до 3 временноцеховых в 1880 г.[824].

[823] Отчет С. Петербургской ремесленной управы за 1870 год. СПб., 1871; Отчет С. Петербургской ремесленной управы за 1877 год. СПб., 1878.
[824] Отчет С. Петербургской ремесленной управы за 1872 год. СПб., 1873. С. 15; Отчет С. Петербургской ремесленной управы за 1880 год. СПб., 1881. С. 11.

В защиту Ремесленной управы необходимо сказать, что в 1883 году по инициативе собрания депутатов ремесленных цехов управа подавала заявление, предположительно на имя ультраконсервативного министра внутренних дел графа Д.А. Толстого, об уравнении в правах вечно- и временноцеховых мастеров, но их просьба была отклонена[825].

Как же выглядело цеховое управление в конце XIX в.? Согласно отчету Санкт-Петербургской ремесленной управы за 1896 год, высшим органом ремесленного самоуправления было собрание выборных ремесленного сословия, состоявшее из старшины ремесленного сословия, двух старшинских товарищей, выборных от цехов, делопроизводителя собрания и писца. Сословная администрация состояла из присутствия ремесленной управы: в нее входили председатель ремесленной управы (он же и старшина ремесленного сословия), три члена от вечноцеховых и два заседателя от временноцеховых, и канцелярии управы. В последней работали два столоначальника, два помощника, один бухгалтер с помощником, один бухгалтер по выдаче промысловых и торговых документов, экзекутор, регистратор, девять писцов, вахтер и пять сторожей. Наконец, цеховое управление состояло, соответственно количеству цехов, из восьми старост, восьми помощников старост, восьми сборщиков повинностей, одного маклера, заведывающего делопроизводством восьми цехов, при нем три помощника и восемь писцов, и одного маклера по контрактной части[826].

Ремесленная управа вела большое для своего времени делопроизводство. Причем, год от года оно росло не из-за роста бюрократии, а из-за ее востребованности, особенно во время промышленного роста Петербурга. В 1873 и в 1891 годах свидетельств на мелочный торг и торговых билетов было выдано соответственно 5559 и 7348 штук, на сумму 67 723 и

[825] Витте С.Ю. 1849–1894: Детство. Царствования Александра II и Александра III, гл.15 // Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 298, 302; Мнение С.-Петербургской ремесленной управы… С. 6–7.
[826] Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1896 г. СПб., 1900. С. 3.

102 030 руб.[827]. В 1896 г. насчитывалось 9944 входящих и 9672 исходящих бумаг, 1008 журнальных постановлений, продано свидетельств и билетов на право торговли и промыслов на 1896 г. 7560 штук на 108 225 руб. и в 1897 г. – 408 на 6960 руб.[828] В 1896 г. выдан 891 диплом на звание мастера по 3 руб. и 1718 дипломов на звание подмастерья по 1 руб. за каждый, а также 44 198 подмастерские расчетные книжки по 5 коп. каждая и для подмастерьев евреев 1434 по 15 коп. за экземпляр[829].

Ремесленное сословие владело крупной недвижимостью и тратило значительные суммы на социальную поддержку членов ремесленного сословия. За 1895 год на благотворительные цели, т. е. на содержание социальных учреждений – Александровской школы, дома призрения и пр., было потрачено 57 045 руб. 40 коп. и непосредственно в восьми цехах 22 648 руб.[830]. Наличного капитала числилось у ремесленного общества 52 115 руб., у дома призрения 81 122 руб., у Александровской школы 11 845 руб.. Недвижимое имущество заключалось в двух каменных домах с пристройками, застрахованных на сумму в 499 310 руб.[831], в двух зданиях дома призрения, застрахованных на 198 972 руб.[832]. Движимое имущество, принадлежащее управе и цеховому управлению, было застраховано на 3000 руб., дом призрения и Александровская школа – на 27 100 руб.[833]. Кроме Александровской школы, за счет цеховой ремесленной казны содержалась Воскресная бесплатная рисовальная школа. Всего в казне ремесленной управы насчитывалось 388 176 руб.[834]. К 1 января 1907 г. в Александровской школе насчитывалось 104 воспитанницы и 122 воспитанника из семей вечно- и

[827] Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1873 г. СПб., 1874; Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1891 г. СПб., 1894.
[828] Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1896 г… С. 4.
[829] Там же. С. 12.
[830] Там же. С. 7.
[831] Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1911 г. СПб., 1914. С. 6; Дома ремесленной управы находились на Владимирской площади, Загородном проспекте и Большой Московской улице, под № 1, 2, 3.
[832] По адресу: Черниговская ул., д. 5 (Там же. С. 50).
[833] Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1896 г… С. 7.
[834] Там же. С. 8.

временноцеховых ремесленников[835]. Поэтому нельзя согласиться с заключением М.В. Перовой, во всяком случае относительно Петербурга, что цехи не имели «ни профессиональных школ, ни каких-либо учреждений для поддержания, облегчения и развития ремесел […] лишь в немногих существовали кое-какие благотворительные учреждения, в виде богаделен…»[836]. К одной из них относилась богадельня вечно и временноцеховых ремесленников, содержащаяся ремесленной управой, в которой на 1 января 1908 г. содержалось 298 престарелых и увечных женского пола, 148 престарелых и увечных мужского пола. О высокой по тем временам продолжительности жизни ремесленников в богадельне служат косвенные показания возраста жителей заведения. К примеру, мастер сапожного цеха Михаил Коротков поступил в богадельню в октябре 1887 г. 67 лет от роду, соответственно в 1907 г. ему было 87 лет. Мастер позументного цеха Павел Яковлев, поступивший в августе 1888 г., был и того старше – 96 лет. Временный мастер сапожного цеха Эйрих Готгард (83) поступил в мае 1892 г. 68 лет от роду, а временный мастер серебряного цеха Иоган Липияйнен (73) 62 лет – в марте 1896 г. Среди женщин-долгожительниц можно назвать мастерицу позументного цеха Наталию Ермолаеву, поступившую мае 1880 г. в возрасте 75 лет, соответственно в 1907 г. ей было 102 года. Мастерица сапожного цеха Дарья Федорова была и того старше – 104 года. Из 298 женщин в возрасте 70-ти лет и старше насчитывалось 130 человек, или 44%, и из 148 мужчин 57 человек, или 38%[837].

Цитируя авторов XIX в., говоривших о низком социальном статусе женщин на промышленных предприятиях, не следует забывать особый статус женщин в сословии цеховых мастеров. Уже в грамоте на права и выгоды

---

[835] Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1907 г. СПб., 1908. С. 198–202; «В 1917 г. доходность от Ремесленного училища, богадельни и Александровской школы сократилась, и общество добилось выделения 200 тыс. руб. кредита сроком на 37 лет для поддержания своей деятельности» (Доходный дом СПб. ремесленного общества. URL: http://www.citywalls.ru/house1663.html?s=d8p43dbdp2h16a75mrvs8251c1. Дата обращения: 24.10.2017).

[836] Перова М.В. Цеховая организация ремесленного населения России середины XIX в.: функции, общественное значение и направления деятельности // Омский научный вестник. 1 (75) 2009. С. 17.

[837] Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1907 г… С. 189–197.

городам Российской империи от 21 апреля 1785 г. прописано право наследования мастерской умершего мастера его женой, которая ведет ее дальше. Причем ремесленная управа обязана была предоставить ей необходимых подмастерьев и учеников. Мастер имел право подать ходатайство на определение, оскорбившего честь его жены или дочери, подмастерья или ученика через «запрещенное обхождение» на полгода в тюрьму[838].

Согласно Городовому положению Петербурга 1846 г., женщины получили право голоса на выборах ремесленного головы, цеховых старшин, членов ремесленной управы и гласных, хотя и с оговоркой: свой голос они могли отдать мастеру, участвовавшему в голосовании. Сами жены мастеров и их дочери, как и прежде, не имели права присутствовать на собраниях выборных от вечноцеховых мастеров[839]. О повышенном статусе женщины в ремесленном сословии говорит и более высокий процент грамотных среди них (54%), по сравнению с разночинцами (46%), мещанами (38%), крестьянами и солдатами (26%) в 1869 г.[840]. И все же, было далеко еще до достижения равных прав между мужчинами и женщинами в ремесле. О положении женщин в ремесленных мастерских известно немного. Авторы XIX в., посвятившие свои труды описанию женского труда в ремесленных мастерских столицы, сообщали о низком социальном статусе женщин-мастериц. Это находило свое выражение в низкой заработной плате, долгом рабочем дне (до 14 часов), отсутствии профессиональных и корпоративных связей, недостаточном профессиональном образовании[841].

О подчиненном положении женщины в обществе, где по традиции доминировали мужчины, говорит случай, произошедший в 1850 г. с

---

[838] ПСЗ-1. Т. 22. № 16187. С. 375, 379.

[839] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1281 (30.11.1880–22.09.1881 г.): По ходатайству временно-цеховых мастеров Петербургского ремесленного сословия с предоставлением им права участия в делах Собрания выборных ремесленного сословия, наравне с вечно-цеховыми мастерами. Л. 9.

[840] Архангельский Г.И. Жизнь в Санкт-Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины. 1869. Т. 2, разд. III. С. 60.

[841] Ханыков В.Н. К вопросу о женском труде в России. М., 1899. С. 10–12; Женин Н. Еще несколько слов о наших ремесленниках // Атеней, журнал критики, современной истории и литературы. Ч. 6. М., 1858. С. 519–526.

мастерицами макаронного цеха Евдокией Кубовой и Еленой Петровой. Примечательно, что в ходе работы над множеством архивных материалов было обнаружено единственное дело, в котором упоминаются мастерицы[842]. 28 апреля 1850 г. они подали на имя министра внутренних дел Л.А. Перовского[843] прошение, в котором жаловались на попытку «монополизации» производства макаронных изделий булочным цехом и просили запретить его булочникам[844].

Дело в том, что с конца 1830-х гг. булочный цех небезуспешно пытался внести в свой устав все более широкий ассортимент булочно-кондитерских изделий, благодаря чему захватывал сегменты рынка, принадлежавшие мастерам кондитерского и макаронного цехов. Данная ситуация приводила к конфликтам между цехами. При этом важную роль играл, как мы бы сегодня сказали, административный ресурс, а именно наличие «связей» в городском магистрате, губернском правлении, канцеляриях генерал-губернатора и министра внутренних дел.

При выяснении истинных причин, оказалось, что за подательницами прошения стояло характерное для петербургских цехов интернациональное сообщество, состоявшее из бывшего старшины кондитерского цеха в 1830–1840- х гг. Тобиаса Брангера, старшины макаронного цеха Греппи и купца Алексея Лапина. Ко времени подачи прошения Брангер ничем не рисковал, так как продал в 1850 г. свою кондитерскую и занял место эконома во влиятельном Бюргер-клубе столицы. «Его ненависть к булочникам» была

---

[842] Keller A. Die Handwerker… S. 248; РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 846: По прошению мастеров Петербургского макаронного цеха Петровой и Кубовой о запрещении булочникам приготовлять макароны. Лл. 1, 4–5.

[843] Граф Лев Алексеевич Перовский, министр внутренних дел с 23.09.1841 по 30.08.1852.

[844] Отзыв о Перовском от 31 декабря 1843 г.: «Ни один министр не приобрел в столь короткое время такую популярность, как Перовский. Он доступен, терпелив и сделался вежлив. В душе его горит пламя любви к добру и ненависть к злоупотреблениям […] Преимущественное внимание его обращено по-прежнему на столицу, где злоупотребления по торговле в лавках и на площадях съестными припасами и другими жизненными потребностями глубоко укоренились под защитою низших полицейских чиновников. Для устранения таковых беспорядков на будущее время учреждена особая торговая полиция. Примеры строгого взыскания с изобличенных во взимании денег свыше таксы при продаже съестных припасов восстановили некоторый порядок, и потребители не опасаются уже безнаказанного обмана со стороны торговцев. Невзирая, однако же, на меры строгости, слышны многие жалобы на злоупотребления самих торговых смотрителей, которые, пользуясь доверием начальства, извлекают из своей должности большие для себя выгоды. Таким образом, власть и сила полиции потрясены, а польза от этих нововведений не совсем оправдалась» (Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. М., 2006, здесь: Нравственно-политический отчет за 1843 год. С. 310–345).

общеизвестна, что побуждало Брангера к недружественным акциям по отношению к ним[845]. Вероятно, он никак не пострадал от этой интриги, которая раскрылась по расследованию, назначенному министром. Прошение Брангера на имя управляющего канцелярией министерства внутренних дел С.С. Ланского[846] говорит о том, что он имел возможность нейтрализовать негативные последствия данного происшествия, обращаясь к непосредственным исполнителям в аппарате министра. Тем более что известно успешное противостояние кондитерского цеха булочному, когда ему удалось в 1840-х гг., с помощью медицинской полиции и гласных ремесленного отделения городской думы, закрыть несколько булочных, в том числе и немецких, в центре города, что было неслыханным делом. По словам мастериц Брангер, Греппи и Лапин принудили их поставить подписи под данным прошением. В этом случае мастерицы сыграли роль прикрытия, оказавшись субъектами манипуляции.

Комплекс зданий бывшей Ремесленной управы, находящийся сегодня на углу Большой Московской ул., 1, и Загородного проспекта, 2[847], представлял из себя в начале XX в. сложное социально-экономическое пространство: «В 1880-1911 гг. в доме находилось единственное в Петербурге квартирное бюро при конторе «Е.А. Копаныгин и К°» с единой картотекой (до 40 тыс. адресов)», а после Центральное бюро квартир[848]. Вспомним, что именно цеховые ремесленники предлагали организацию таких контор для облегчения поиска квартир подмастерьям. При Ремесленной управе находились также Петербургское ремесленное общество и Владимирская ремесленная школа. В разные годы этими домами заведовали, занимая эту должность по два-три года, члены Ремесленной управы Василий Васильевич Волков, Иван

[845] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 846: По прошению… Лл. 1, 4–5.
[846] Граф Сергей Степанович Ланской, министр внутренних дел с 20.08.1855 по 23.04.1861 г. Исполнял обязанности министра внутренних дел в 1851 г., по случаю отсутствия графа Л. Перовского (Русский биографический словарь, Изд. Императорским Русским Историческим Обществом: под ред. Н.Д.Чечулина и М.Г. Курдюмова. СПб., 1914. Т. 10. С. 71).
[847] Участок, выходящий на Владимирскую пл., Большую Московскую ул. (дом № 1) и Загородный пр. (дом № 2), как и участок дома № 3 по Большой Московской ул.
[848] Доходный дом СПб. ремесленного общества...; Шишкин В.М. Петербург губернский. Из истории местных государственных учреждений. М., 2010. С. 200–202.

Семенович Бычков, Григорий Васильевич Ширяев, Александр Михайлович Жуков, Андрей Васильевич Новиков, Илья Дмитриевич Яковлев[849].

Ремесло воспринималось всеми современниками, без исключения, как общественно значимая работа. К примеру, в доме призрения Санкт-Петербургского купеческого общества на 500 человек, располагавшемся в здании собрания на Невском проспекте под номером 70, принимали также, в случае вакансий, и ремесленников: «Если призреваемые обществом были в силах, они были обязаны шить и вязать платье и белье, тачать обувь, помогать в приготовлении пищи. В мастерских дома призрения пряли лен, пеньку и шерсть, изготовляли щетки, игрушки, малярные кисти, половики и др. Эти изделия шли на продажу либо самому заведению, либо – «на сторону», на карманные деньги призреваемым»[850].

Надо заметить, что линия раскола в ремесленном сословии проходила не только между вечными и временными мастерами, но и в самих ремесленных мастерских между мастерами и подмастерьями. Их отношения резко ухудшились, особенно во время и после революции 1905 г.[851]. Прогулы подмастерьев, преждевременный отход от мастера с выплаченным заработком, невыполнение своих обязанностей – были на повестке дня почти в каждой ремесленной мастерской. Их укрупнение приводило во многих из них к схожим отношениям между рабочими и владельцами заводов и фабрик. Особенно остро цеховое ремесло критиковалось со стороны подмастерьев и рабочих, взгляды которых основывались теперь на социальном учении К. Маркса, основывающемся на теории непримиримой борьбы классов и принципиальном антагонизме между ними.

Участник Второго съезда ремесленников в 1911 году в Петербурге Б. Богданов писал о результате дебатов, отмечая, что ремесленники не

---

[849] Доходный дом СПб. ремесленного общества...

[850] Николаевский дом призрения престарелых и увечных граждан Санкт-Петербургского купеческого общества // Санкт-Петербург. Энциклопедия. URL: http://www.encspb.ru/object/2855731819?lc=ru (Дата обращения: 20.07.2017).

[851] См. об аналогичном либеральном движении подмастерьев и рабочих ремесленных мастерских в Германии в 1850-е и 1860-е годы: Engelhardt U. (Hg.). Handwerker in der Industrialisierung. Lage, Kultur und Politik vom späten 18. bis ins frühe 20. Jahrhundert. Stuttgart, 1984.

отрицают упадка «старого» ремесла, уменьшения его роли и возникновения «новых общественных отношений». Структурные изменения в ремесле, по его словам, определяли внутренние отношения в мастерских и усиливали поляризацию в ремесле[852]. Для его статьи были характерны такие понятия как «классовая борьба», «классовые интересы» и «рабочий класс». Целью борьбы должны были стать отмена цехов и полное освобождение «рабочего класса» от системы наемного труда[853].

Причин такой разительной смены лексики представителей ремесленной промышленности было несколько. К этому времени рабочие крупных промышленных предприятий Петербурга составляли новую многочисленную социальную категорию населения. Термин «рабочий класс» вошел довольно быстро в речевой оборот в пореформенный период[854]. Смена или подмена понятий, как это было в случае применения термина «рабочий» по отношению к подмастерьям в большинстве ремесленных мастерских, сигнализировала о возросшем влиянии рабочих и сдвиге социальных маркеров многих наемных рабочих и ремесленников в сторону самоидентификации с «рабочим классом»[855]. Этому способствовало и то, что в отличие от ремесленников,

---

[852] Богданов Б. Итоги ремесленного съезда // Наша заря. 1911. № 2. С. 62–75; Труды второго всероссийского съезда по ремесленной промышленности, протоколы заседания от 17.01.1911 г. СПб., 1911. С.1–2; Keller A. Die Handwerker… S. 466.

[853] Труды второго всероссийского съезда… С. 65–66; О тех же процессах в Германии говорит Фридрих-Вильгельм Геннинг в своей книге об индустриализации в Германии 1800–1914 годов. С процессом индустриализации связана урбанизация, так как концентрация людей в индустриальных центрах стала возможной благодаря железным дорогам и крупным предприятиям. Одновременно с этим число населения, занятого сельским хозяйством уменьшилось, из-за чего все больше людей вынуждено было покупать себе продукты питания на и без того ограниченные [заработанные на фабриках и заводах] денежные средства, так как не могли обеспечивать себя ими сами. Это развитие, а также все увеличивавшееся число рабочих («пролетаризация»), обусловило появление социального вопроса: проблема пролетариев состояла именно в том, что они получали низкую зарплату, были зависимыми от работодателя, находились под постоянным прессом конкуренции со стороны все новых безработных, а также были оторваны от семьи, друзей и деревенского социума (см. Henning F.-W. Die Industrialisierung in Deutschland 1800 bis 1914. 9. Auflage, Paderborn, 1995. 308 S.).

[854] Фриз Г.Л. Сословная парадигма… С. 148–149.

[855] Анализ Г.Л. Фриза по вопросу самоидентификации ремесленников и рабочих не потерял свою актуальность и сегодня: «И, наконец, сословия не растворились бесследно в классах в пореформенный период, как это традиционно утверждают приверженцы «классово-сословной» парадигмы. Хотя некоторые новые группы (например, рабочие) действительно тяготели к обретению «классовой» идентичности, а другие (например, лица свободных профессий) пользовались неопределенным «надсословным» статусом, большая часть общества продолжала мыслить в категориях дореформенной сословной системы. Сильные наследственные традиции, сохранявшиеся юридические различия, сегрегация различных социальных групп в административной и судебной сфере, глубоко укоренившиеся культурные различия между разными социальными группами, сознательные попытки государства сохранить сословное деление – все это содействовало сохранению старой общественной структуры даже перед лицом далеко зашедших социальных и экономических изменений. Поэтому сословная система оказывала глубокое влияние на

рабочие приобрели в лице российских социал-демократов, марксистов, позже большевиков, активных коммуникаторов и пропагандистов идей К. Маркса, Ф. Энгельса и немецких социалистов, быстро трансформировавшихся в «русскую революционную идею».

Острый политизированный тон статьи Богданова показывал широкое распространение марксистского учения и социал-демократических идей среди рабочих и ремесленников-подмастерьев. Другой участник съезда А. Малин соглашался со своим коллегой, что результат съезда был негативным, так как общее промышленное законодательство решительно отвергалось участниками съезда, ратовавшими за введение ремесленной, а не фабричной инспекции, которую поддерживали названные авторы[856]. Последнее означало бы упразднение автономии цехов.

Откуда такая непримиримость по отношению к цехам? Среди участников съезда были представители технической интеллигенции и подмастерья, заведомо критично настроенные по отношению к цеховому ремеслу. Вот пример типичной риторики депутата Д.Г. Сельдишева, внесшего вполне конструктивные предложения в конце своей евроцентристской критики цехов, содержащей вполне справедливую оценку неудовлетворительного состояния ученичества: «Все законы наши, касающиеся ремесленной промышленности, до сих пор носят печать отживших взглядов, печать „давно минувших дней, преданий старины глубокой“. Цеховая организация, возникшая в Западной Европе в средние века и к нам перенесенная Петром Великим, по самому существу своему является для каждого ремесла клещами, сдавливающими его и мешающими его правильному развитию; а теперь, когда повсюду принимается полная свобода труда, цехи утратили всякое значение. К сожалению закон не всегда поспевает

жизнь предреволюционной России, где социальные отношения (и социальные антагонизмы) основывались не только на экономических конфликтах, но и на культурно-юридическом разделении общества на сословия. Сложная, разнородная структура общества – «смешанная система» сословий и классов – значительно затрудняла планы как самого царского режима, так и его политических противников: планы объединения общества и осуществления контроля над ним в условиях разворачивавшегося в начале XX века революционного кризиса» (Фриз Г.Л. Сословная парадигма… С. 161–162).

[856] Малин А. Второй всероссийский ремесленный съезд // Вестник Европы. 1911. Т.3 (март). С. 287–292.

за жизнью, быстро идущей вперед, и к числу таковых отсталых законов следует отнести и Устав о ремесленной промышленности, который не только потерял под собой реальную почву, но и глубоко идет в разрез с изменившимся правосознанием общества. Еще в 60-х годах прошлого столетия в эпоху великих реформ […] был поднят вопрос о профессиональном образовании и значения ученичества у мастеров. […] [Но с тех пор] в положении ремесленного ученичества не произошло никаких существенных изменений. Между тем класс ремесленных учеников во всей России составил не менее 125.000 человек. […] Вспомним хотя бы газетные сообщения о случаях жестокого обращения с учениками и ученицами, дошедшими до суда: тут и недоедание и плохая, не по сезону, одежда, и спанье в мастерской на верстаке, и непосильная работа, и побои и пьянство и разврат». Сельдишев уточняет, что ученики эксплуатируются «хозяевами, которые постепенно начали ими пользоваться как домашнею прислугою, стараясь как можно меньше тратить на их содержание, мало заботясь об обучении их», и находятся под дурным влиянием подмастерьев. По мнению депутата имелось два способа улучшению положения учеников: 1. Дополнительное, общее и профессиональное образование в полудневных, вечерних и воскресных школах, 2. Непосредственный надзором за положением учеников в ремесленных мастерских. В заключение Сельдишев сделал вывод о том, что «весь строй ремесленного сословия расшатался и требует коренных реформ, без которых невозможно улучшение ни в области ремесленного ученичества, ни в ремесленной промышленности»[857].

И все же, несмотря на всю риторику левого толка, характерна резолюция съезда, высказавшегося за сохранение цехов: цеха, ремесленные и цеховые управы, ремесленный голова и цеховые старшины должны были, по мнению большинства мастеров, продолжать свое существование. Это говорит не

[857] Сельдишев Д.Г. О положении учеников ремесленных мастерских по действующему русскому законодательству // Труды первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению 8–13 марта 1910 г. СПб., 1910. С. 431–443.

столько о закоренелом консерватизме цеховых ремесленников и желании сохранить свои привилегии, сколько о доверии к испытанному временем административному и организационному устройству ремесла. В конечном итоге, правительству все-таки удалось «законсервировать» цеховое ремесло и отношения между мастерами и подмастерьями[858]. Данное обстоятельство не шло на пользу социальному миру в обществе и, прежде всего, самим ремесленникам. Показательно, что мнения Богданова, печатавшегося в рабочей газете «Наша заря», и Малина, публиковавшего свои статьи в журнале либерально-демократического толка «Вестник Европы», совпадали в своем негативном отношении к цехам, при том, что вышеназванные газета и журнал – органы печати, стоящие на противоположных идеологических позициях по отношению к так называемому рабочему вопросу. Богданов считал, что имеется два основных расхождения между мастерами и подмастерьями, причем пользовался исключительно термином «рабочий» вместо подмастерья, что указывает на изменившуюся социальную реальность и о поляризации интересов в ремесле:

1. Рабочие высказываются за введение общего промышленного устава. Мастера же голосуют за ремесленный устав;

2. Рабочие – за введение фабричной инспекции. Мастера – ремесленной.

Богданов, как и другие рабочие-делегаты съезда, голосовал за упразднение цехов, что вполне соответствовало духу времени[859]. Несмотря на это, имелся и позитивный результат прений и острой критики, прозвучавшей в адрес цехов на ремесленном съезде в 1911 г. – цеховые ремесленники сознательно брали на себя ответственность за положение дел в ремесле и принимали, согласно резолюциям съездов, обязательство проявлять больше инициативы[860]. Многие цеховые ремесленники довольно скептически относились к развитию цехов, так как видели мало возможностей развития в

[858] Там же. С. 290; Keller A. Die Handwerker… S. 467.
[859] Богданов Б. Итоги ремесленного съезда... С. 70–71.
[860] Малин А. Второй всероссийский... С. 287.

сложившейся системе общественных отношений. Дело было не столько в цехах, сколько в самом обществе, переживавшем острый социальный кризис. Примечательно, что старшина серебряно-позументного цеха, а позже последний цеховой старшина петроградских цехов в 1914–1917 гг., А.Ф. Иванов высказался на последнем съезде в 1911 г. за отмену сословного принципа организации ремесла, в пользу профессионального. Он открыто критиковал закрытость ремесленных цехов и ремесленную управу, на содержание которой ежегодно тратилось 40 000 рублей.

Не следует забывать, что именно цеховая организация, со своим уникальным опытом в самоуправлении, была наиболее подходящим фундаментом для таких реформ, где мастера на протяжении десятилетий приобретали навыки в новых демократических практиках. Именно в этом ключе высказал свое пожелание Иванов о трансформации цехов в свободные ремесленные союзы[861]. Пример Германии показывает, что в этом направлении двигалось развитие цеховой организации ремесла. Промышленная политика, основы которой были заложены Петром I, имела своим результатом появление в столицах и крупных промышленных центрах значительного по своей экономической и социальной роли ремесленного сословия. Реформы в области ремесленного производства ориентировались в основном на опыт ремесленных цехов Прибалтики, а также прибрежных городов Северной Германии.

Указание Р. Зельника на некоторое предполагаемое противоречие по поводу укрепления системы цехов в России в середине XIX в., в то время как она постепенно отменялась в Западной Европе, понятна с точки зрения поступательного исторического развития и теории модернизации с «догоняющими» и «опережающими цивилизациями», в рамках которой ученый рассматривает развитие городского ремесла в России[862]. Доминирование в экономической истории, на протяжении XIX – XX веков,

[861] Труды второго всероссийского съезда… С.1–2; Keller A. Die Handwerker… S. 467.
[862] Zelnik R. Labor and Society in Tsarist Russia… P. 122.

тем капиталистической индустриализации и крупного промышленного производства привело к «выключению» линии исторического развития ремесла, шедшего параллельно с крупной промышленностью[863]. Общий рост сословия цеховых ремесленников не только в Петербурге, но и по всей России подтверждается статистическими данными, приведенными Б.Н. Мироновым (см. таб. 2).

Год	**Мещане и цеховые**	**Цеховые**	**Мещане и цеховые, %**	**Цеховые, %**
1724	133,1	1,9	72,0	1,0
1744	142,1	12,7	67,0	6,0
1762	141,9	13,7	62, 1	6,0
1858	1705,9	145,6	83,0	7,0
1863	1955,0	133,1	83,5	6,0
1897	4625,1	203,3	91,0	4,0

Таблица 2: Стратификация городского сословия в Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII–XIX вв. (тыс. муж. пола; %)[864].

В настоящее время альтернативным к традиционной истории модернизации является направление истории ремесла, изучающее малые формы успешного ремесленного предпринимательства, которые не должны заменяться автоматически массовым машинным производством, но, напротив, гармонично дополнять его. Методика, примененная авторами сборника статей под редакцией Г.-Г. Гаупта и Р. Сеннетом в книге о ремесле, может помочь переосмыслить и оценить по-новому историю развития малого и среднего

[863] Bonnell V.E. Roots of rebellion…; Brower D.R. The Russian city between tradition and modernity…; Crisp O. Labor and industrialisation in Russia…; Hildermeier M. Bürgertum…; Hogan H. Forging revolution…; McKean R. B. Saint Petersburg between the revolutions: (workers and revolutionaries, June 1907 – February 1917). N. Haven, 1990; Pipes R. Social Democracy and the St. Petersburg labor movement, 1885–1897. Cambridge, 1963; Puttkamer J.v. Fabrikgesetzgebung…; Share M. The Central Workers Circle…; Surh G.D. 1905 in St. Petersburg…

[864] Источники: РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2859: Хозяйственный департамент МВД. 1893 г. По циркулярному МВД о доставлении сведений об отдельных ремесленных сословиях в городах и о капиталах этих сословий; Кеппен П. Девятая ревизия: Исследование о числе жителей в России в 1851 году. СПб., 1857. 296 с.; Кизеветтер А.А. Посадская община России XVIII столетия. М., 1903. С. 100–102, 112, 162–165; см.: Миронов Б.Н. Российская империя... С. 388–389; Он же. Русский город в 1740–1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 164; Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 160–171; Рындзюнский П.Г. Сословноподатная реформа 1775 г. и городское население // Общество и государство феодальной России / В. Т. Пашуто (ред.). М, 1975. С. 90; Статистический временник Российской империи. 1866. Вып. 1. Отд. 1. С. 46–47; 1875. Сер. 2. Вып. 10. С. 30–35; Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953. С. 54; Hildermeier M. Bürgertum... S. 50, 166–167, 347–350.

ремесленного производства Петербурга, и России в целом[865]. Это позволило бы уравновесить роль институций и «роль личности» в истории ремесленного общества Петербурга, исследовать историю повседневности столицы. До сих пор остаются недостаточно освещенными вопросы взаимодействия между институтами власти и социальными институтами, стратегии мастеров и их подопечных, при достижении своих личных целей. Цехи долгое время служили не столько преградой в развитии промышленности, сколько трансмиссионным механизмом, позволявшим смягчать противоречия промышленного развития, решать социальные вопросы и сдерживать какое-то время напор крупного капиталистического производства XIX века, отметавшего, как ненужные, социальные нормы труда и общежития.

Развитие ремесленного самоуправления петербургских ремесленников привело к образованию особого корпоративного самосознания цеховых ремесленников. Некий «друг ремесленника» писал в 1863 году, что «в корпорации этой в настоящее время начинает проявляться деятельная жизнь и развиваться сильное (способное) гражданское сословие»[866]. Н.К. Крестовников в своем докладе 1896 г. на Всероссийском торгово-промышленном съезде в Нижнем Новгороде о ремесленных цехах говорил о целесообразности разграничения фабричных предприятий и ремесленных на основании «их особенных, природных свойств[..]»[867]. По мнению Крестовникова, пока низшее техническое образование и ремесленные школы в России не развиты должным образом, ремесленные цехи являлись

---

[865] Haupt H.-G. Neue Wege zur Geschichte der Zünfte in Europa… // Haupt H.-G. (hrsg.). Das Ende der Zünfte…: ein europäischer Vergleich.. Göttingen, 2002. S. 9–38; Sennett R. The Craftsman...

[866] Ремесленник, изданный другом ремесленника. СПб., 1863. С. 4.

[867] Крестовников Н.К. Ремесленные цехи // Труды Всероссийского Торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. СПб., 1896. С. 2; Вероятно представитель видного московского купеческого рода, заводчиков и фабрикантов Крестовниковых – Николай Константинович (22.10.1831 н.с. – около 1907), пожертвовал в 1905–1908 гг. Московскому городскому общественному управлению 12 тысяч рублей для заведений попечительства о бедных Хамовнической части, был членом попечительного совета Усачёвско-Чернявского женского училища в Москве. Совладелец семейной фирмы «Бр. Крестовниковы и Ко», построившей в 1853 году в Казани стеариново-мыловаренный завод, впоследствии глицериновый и химический. Проект предприятия был разработан профессором Казанского, с 1857 г. Московского университета, М.Я. Киттары, также интересовавшимся вопросами развития ремесленной промышленности (Киттары М.Я. Мысли о современных нуждах нашего народного хозяйства. Несколько слов о московских цехах // Н. Бабст. Речи, произнесенные в торжественном собрании Московского университета, 12 января 1860 года. М., 1860. С. 31–52).

необходимым условием профессиональной подготовки специалистов в различных областях ремесленного и промышленного производства. Автор обратил внимание слушателей на то, что «в Европе нет более ремесленных цехов», но там «учреждены ремесленные союзы, которые отчасти заменяют прежние цеховые сообщества»[868]. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел явно не разделял точку зрения Крестовникова, судя по составленному в 1883 г. отзыву «о предложении правительства совершенно и повсеместно отменить цеховое устройство и упразднить отдельное ремесленное сословие в городских поселениях»[869]. К.А. Пажитнов выразил понятное удивление относительно официальной позиции правительства, посетовав: «Мысль же о том, что можно уничтожить устаревшее сословное устройство, сохраняя цехи как профессионально-ремесленные организации, никому в департаменте не приходила в голову»[870].

Несколько десятилетий спустя, делегат ремесленного съезда 1900 г. из Петербурга Кудрявцева подвела не такой уж и плохой итог этого развития: «Организация ремесленного управления там, где она привилась так, как в Петербурге, может приносить несомненную пользу», добавив после этого, как будто извиняясь перед общественным мнением: «хотя сама по себе уже значительно устарела»[871]. Обратимся к первой части этого высказывания, приобретающего иной смысл в интерпретации Г.Л. Фриза, писавшего, «что современное понимание термина „сословие“ возникло только в начале XIX века, что сословная система была динамичной и продолжала активно развиваться (а не распадаться) в XIX столетии, и что устойчивость такового общественного порядка противоречит общепринятому мнению о

[868] Крестовников Н.К. Ремесленные цехи... С. 2–3.
[869] Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 133.
[870] Там же; см.: Faulwetter S. Von der Zunft zur Handelskammer...; Kluge A. Die Zünfte…; Pusterla M. (Hg.). Die Basler Zünfte...
[871] Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Т. 2: Период свободного договора в условиях самодержавного режима (с 1861 по 1906 г.). Пг., 1924. С. 147; Среди многочисленных работ по вопросам ученичества можно назвать публикации санитарного врача Александро-Невской части и впоследствии члена Совещания санитарных врачей Петербурга Г.И. Дембо. Вопросы охранения здоровья малолетних ремесленников. Сообщение IV Отделению Русского общества охранения народного здравия. 28 апреля 1900 г. СПб., 1901. 23 с.; Дембо Г.И. Пьянство среди малолетних ремесленников // Труды Всероссийского съезда по ремесленной промышленности в С.–Петербурге 1900 г., т. 3. СПб., 1901. С. 260–276.

неизбежности перехода от сословия к классу в пореформенной и революционной России»[872]. «Сословная система, – писал он – рассматривать ли ее со стороны правовой, социальной или культурно-психологической, в первой половине XIX века обретала зрелость, а вовсе не приходила в упадок и не распадалась. Как показывает лексическая история, понимание и осмысление социальных категорий существенным образом изменилось с 1775 по 1850 гг. – от личной идентификации (чин) к групповой (сословие), от строго юридических определений до масштабов касты и культуры. Какова бы ни была жизнеспособность созданных Екатериной корпоративных сообществ, впоследствии социальные группы обретали все более четкие правовые и культурные формы, и, таким образом, ко времени Великих реформ сословия становились все более, а не менее различимыми в обществе»[873]. М. Хильдермайер приходит в этой связи к выводу, что лучшее понимание развития определенных социальных институтов, и цехи полностью относятся к ним, требует длинной перспективы (см. концепцию longue durée Ф. Броделя)[874].

События 1905 года привели к демократизации и либерализации многих ремесленников, в том числе и временноцеховых, видевших теперь в себе не приписанных из разных городов и деревень ремесленников, но единую корпорацию петербургских ремесленников. Смена настроений вновь подогрела вопрос о равных правах временно- и вечноцеховых мастеров. 24 ноября 1905 года в Санкт-Петербургскую ремесленную управу поступил рапорт от заседателей управы Н.М. Новикова и К.Г. Скворцова. В нем они заявляли, что «как представители от всех вообще временно-цеховых мастеров, записанных в цехи города С. Петербурга, мы, Заседатели, обязанные поддерживать права своей корпорации и стремиться, по возможности к защите интересов своих избирателей, честь имеем донести Ремесленной управе, что

[872] Фриз Г.Л. Сословная парадигма… С. 125.
[873] Там же. С. 137.
[874] Hildermeier M. Geschichte Russlands… S. 526-527.

настоящее положение временно-цеховых мастеров, сравнительно с вечно-цеховыми мастерами, составляет явление ненормальное; так как временноцеховые мастера не избираются вовсе на службу по цеховому управлению, т. е. в должности цеховых начальников, между тем как по количеству своему они составляют более двух третей всего числа мастеров»[875].

Утверждение заседателей Новикова и Скворцова, «обязанны[х] поддерживать права своей корпорации», прекрасно служит для верификации их высокого социального самосознания. В то же время, заседатели не совсем корректно аргументировали, что «порядок этот, т. е. когда временно-цеховые мастера были устранены от выборов в цеховые должности, был введен весьма недавно, а до того времени, начиная с самого основания цехов, т. е. со времени императрицы Екатерины II, все вообще участвовали в выборах», что не соответствовало истине как в отношении времени основания цехов, так и выборов в ремесленную управу на должности старшин и в Общую, позже Городскую думу. Правила записи во временноцеховые определялись законами от 6 февраля 1796 г. и от 13 февраля 1846 г., согласно которым в выборах заседателей участвовали только вечноцеховые мастера, как принадлежавшие к городскому сословию[876]. То, что заседатели постулировали как долгая традиция, т.е. выбры временноцеховых вна должности в ремеслом самоуправлении, существовало лишь в короткий «либеральный» период 1860-х–1870-х годов. Можно предположить, что отношение к участию

[875] ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп 1. Д. 5427: По ходатайству заседателей С.-Петербургской Ремесленной управы о допущении к выборам на цеховые должности временно-цеховых мастеров на равных правах с вечно–цеховыми. 24.11.1905 – 9.12.1905. Л. 1.

[876] ПСЗ-1. Т. 23. № 17438: *О невоспрещении…* и ПСЗ-2. Т. 21. № 19721: *О новом положении…*; Ремесленный устав 1879 г. лишь подтвердил положение 1846 года, на основании которого в выборах двух заседателей в ремесленную управу могли участвовать временноцеховые мастера, имеющие мастерскую и живущие не только в Петербурге на постоянной основе, но и из других городов (РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2254: По жалобе С. Петербургского временноцехового ремесленника Иванова на оставление петербургским по городским делам присутствием в силе неправильных выборов заседателей в местную ремесленную управу от причисленных к временным цехам ремесленников, 1885–1886. Л. 10).

временноцеховых в сословном самоуправлении менялось постепенно уже после 1846 г.[877].

Новым в 1905 году было то, что в статье 337 Устава Ремесленного от 1893 г. не говорилось особо о вечно- или временноцеховых, а о всех цеховых мастерах вообще[878]. Поэтому, заседатели «обраща[лись] в Ремесленную управу с покорнейшею просьбою обратить внимание на все те выгоды, которые получает ремесленное общество от временно-цеховых сравнительно с теми малыми затратами, которые на них идут из общей ремесленной казны, в виде жалования заседателям, так как выбираемые из среды временно-цеховых Присяжные мастера служат бесплатно, следовательно образуется ежегодно весьма значительный остаток, употребляемый на пользу вечно-цеховых, и сии последние, предоставленные сами себе, не были бы в состоянии окупить расходов по своему содержанию, если бы временно-цеховые мастера образовали отдельное управление. В союзе же вечно-цеховых с временно-цеховыми заключается гарантия благоустройства и процветания всего ремесленного сословия и тогда не будет того неудовольствия и ропота, которые высказываются нам многими из временно-цеховых за лишение их права в выборах на равных с вечно-цеховыми во все цеховые должности. Уравнение прав временно-цеховых с вечно-цеховыми тем более желательно, что в настоящее время все сплочиваются в союзы для восстановления правового порядка, способствующего к осуществлению реформ, ожидаемых от избрания Государственной Думы»[879].

Прошение заседателей Новикова и Скворцова нашло полное понимание и поддержку со стороны Ремесленной управы, что дает нам основание говорить о сложившемся общем корпоративном сознании вечно- и

---

[877] После 1846 года временноцеховые могли избираться на должности заседателей Ремесленной управы, присяжных мастеров и десятских. Из вечноцеховых выбирались на должности гласных Общей городской думы (около 150 чел.) и 3 членов Распорядительной городской думы (совместно с мещанским сословием), ремесленного головы (позже ремесленный старшина), членов Ремесленной управы, цехового старшины (позже староста) и его помощников, сборщиков налогов и присяжных мастеров, при Распорядительной думе – в городскую торговую и городскую хозяйственную полицию, аукционнную камеру (ПСЗ-2. Т. 21. № 19721. С. 235–239, 243; *об устройстве цехов*: с. 243–246).

[878] Ядров А. В защиту русских цехов, вып. 1. СПб., 1897. С. 85.

[879] ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп 1. Д. 5427. Л. 1.

временноцеховых ремесленников. На заседании 1 декабря 1905 г. председатель управы Александр Алексеевич Иванов, а также ее члены Н.А. Штурц, А.М. Жуков, М.В. Тру постановили: «На будущее время приглашать для выборов на цеховые должности как вечно, так и временно-цеховых мастеров, предоставив им одинаковые права, как в отношении избирателей, так равно и в отношении избираемых, а также и на составление цеховых смет на предыдущие года»[880]. На следующий день рапорт о данном постановлении лег на стол Санкт-Петербургского градоначальника, а 9 декабря из Управы последовало предписание цеховому петербургскому управлению, «вследствие возбужденного ремесленною управою ходатайства пред г. Министром торговли и Промышленности о должности – на основании 337 ст. Устава о промышленности, приостановить как выборы на указанные должности, так равно и составление цеховых смет, впредь до разрешения означенного ходатайства названным министром»[881]. На что 13 декабря управа получила ответ из канцелярии градоначальника от 10 декабря с отказом утвердить данное постановление управы и с указанием на то, «что вопрос этот уже рассматривался Министерством внутренних дел», а его решение было изложено в отношении от 29 сентября 1904 г., полученном управой 16 октября того же года[882].

Несмотря на всяческие преграды, со стороны правительства к решению сословного вопроса цеховых ремесленников[883], ремесленное самоуправление продолжало свое внутреннее развитие, давая ремесленникам и представителям других социальных сословий, мещанам и крестьянам,

---

[880] Там же. Л. 2.
[881] Там же. Л. 7.
[882] Там же. Л. 3–4.
[883] Описанная ситуация подтверждает вывод Г.Л. Фриза об устойчивом развитии сословного самосознания в заданных условиях, трансформирующегося в корпоративное: «На деле сословия оказались чрезвычайно устойчивыми и просуществовали до самого конца царского режима. Несомненно, они не остались полностью невосприимчивыми к тем важнейшим социальным и экономическим переменам, которые вторгались в жизнь царской России сначала медленно, а затем с все возрастающей силой и все большими результатами. В то же время, как на уровне закона, так и в массовом сознании, сословная структура оставалась поразительно живучей, обеспечивая основные способы коллективной идентификации и создавая основу социальной стратификации в последний период существования императорской России. […] но полный анализ развития сословий с учетом динамики государственной политики и общественной структуры еще предстоит произвести» (Фриз Г.Л. Сословная парадигма… С. 145).

возможность профессионального развития и социального роста, выражения своей гражданской позиции, организации социальных институтов ремесленного образования, благотворительности, потребительских, производственных и ссудных кооперативов. Политическая активность ремесленников во время первой русской революции 1905/1906 годов привела к появлению партии ремесленников, вошедшей в блок с кадетами для артикуляции своих интересов в Государственной думе Российской империи[884].

В феврале 1906 г. Санкт-Петербургская ремесленная управа опубликовала воззвание организационного комитета «Ремесленной партии», язык которого показывает всю глубину социальных изменений, поставивших на повестку дня решение не столько узко сословных задач ремесленного самоуправления, сколько положение всех ремесленников Российской империи: «Соединившись в одну партию, мы имеем возможность *провести в Государственную Думу своего брата труженика-ремесленника*, […] Соединяйтесь все приписанные и неприписанные к цеху мастера-хозяева и работники-подмастерья в одну *«Ремесленную партию»*. В единении сила»[885]. Список членов комитета включал 53, в основном цеховых, ремесленника из всех частей города, в том числе и старшины ремесленного сословия Тимофея Афанасьевича Загребина. Ремесленная управа не захотела и не смогла оставаться в стороне и решила взять инициативу в свои руки.

Потенциал развития цехового самоуправления, с отменой сословных привилегий в сторону современных профессиональных и социальных институтов ремесла, не был реализован до конца. Ответ на поставленный в подзаголовке вопрос, кроется в предложении последнего цехового старшины

---

[884] См.: Max Weber zur Russischen Revolution von 1905. Schriften und Reden 1905–1912, hrsg. v. Wolfgang Mommsen i n Zusammenarbeit mit Dittmar Dahlmann, MWG I/Bd. 10, Tübingen 1989. S. 65, 556–557; Dahlmann D. Die Provinz wählt: Rußlands Konstitutionell-Demokratische Partei und die Dumawahlen 1906–1912. Köln/Weimar/Wien, 1996. 509 S.; Dahlmann D., Trees P. (Hg.). Von Duma zu Duma. Hundert Jahre russischer Parlamentarismus Beiträge zur parlamentarischen Entwicklung in Rußland von den Anfängen bis in die Gegenwart. Göttingen, 2009. 442 S.; В 1906 г. активный деятель по ремесленному образованию А.И. Ядров издавал газету для ремесленников («Голос ремесленника». Спб., 1906. 1–3 раза в нед. Ред.-изд. А. Ядров).

[885] Ремесленная партия. Воззвание Организационного комитета «Ремесленной партии» [к ремесленникам / Спб. ремесленная управа. Санкт-Петербург]. СПб., 1906. С. 1–2; см. также: Ремесленная партия. Программа «Ремесленной партии». [Санкт-Петербург], ценз. 1906.

А.Ф. Иванова, прозвучавшем на последнем ремесленном съезде в 1911 году, об отмене сословного принципа организации ремесла в пользу профессионального[886].

3.2. Дифференциация ремесленного образования

Попытаться обозначить эволюцию ремесленного образования – значит показать, каким образом было возможно трансформировать новые-старые институты цехового ремесла для существования в условиях индустриальной революции. В последнее время ремесленное образование принято рассматривать в контексте всеобщего экономико-технологического подъёма и опережения в развитии Европейского континента во время перехода из позднего Средневековья в раннее Новое время по сравнению с другими регионами мира. Б. де Мунк и Г. Соли подчеркивают во введении к книге об ученичестве, что позднее Средневековье можно назвать скорее временем инноваций в производстве продуктов, чем самим процессом инноваций[887]. Следовательно, обучение в ремесленной мастерской предполагало гораздо больше, чем только слепое «копирование и имитацию»[888].

Именно высокая эффективность западноевропейской системы ученичества в цехах представляла существенное конкурентное преимущество, в сравнении с азиатской экономической моделью Османской империи, Индии или Китая: «За пределами Европы институты ученичества были гораздо менее эффективными. Родственные отношения по-прежнему доминировали ремесло во многих других странах, особенно в Китае. В то время как за время

---

[886] Важность ручного труда как такового в обучении ремеслам специалистами в профессионально-техническом образовании не ставилась под вопрос. Речь шла об улучшении положения учеников (См. напр.: Ракеев Г.Ф. Опыт применения ручного труда, как подготовки в обучении ремеслам. Докл. Г.Ф. Ракеева, тов. пред. Попечительства Человеколюбивого о-ва для сбора пожертвований на воспитание и устройство бед. детей в мастерство. СПб., [1896]. 13 с.).

[887] Munck B.d., Soly H. «Learning on the Shop Floor» in Historical Perspective // Munck B.d., Kaplan S.L. and Soly H. (Eds.). Learning on the Shop Floor... P. 12; See: Munck B.d. Guilds, Product Quality and Intrinsic Value. Towards a History of Conventions? // Historical Social Research, Vol. 36. 2011. No. 4, p. 103–124.

[888] Munck B.d. and Soly H. „Learning on the Shop Floor" in Historical Perspective… P. 16.

существования цехов в Османской империи, Индии и Китае мы не обнаружили никаких доказательств того, что они сделали гораздо больше, чем стабильный доход для членов цеха, исключив доступ в свою отрасль всех посторонних. Ученичество оставалось в основном уделом семьи или касты. Это не значит, что можно отрицать важность таких отношений родства и в Западной Европе, но в экономической истории все определяет пропорция. Недавние работы, в которых сделаны попытки понять Промышленную революцию и Великое благосостояние, которое последовало за ней, всё в большей степени фокусировались на человеческом капитале верхних социальных слоев. В этой истории человеческий капитал мастеров высшего уровня и способ их производства сыграли бóльшую роль, чем это было принято считать до сих пор»[889].

Естественным образом мы обращаемся к европейскому опыту и истории ремесленного образования в Западной Европе в контексте введения цехов в России в 1721/1722 гг. Краткий обзор ремесленного образования Петербурга является частью большой темы истории городского ремесла в России и помогает понять, как взаимодействовали крупная и ремесленная промышленность, не заменявшие, но дополнявшие друг друга. Без подготовки инженерных кадров, технологов, как и без ремесленных мастеров, ремесленников более низкой квалификации, и заводских цехов, организованных первоначально по принципу больших ремесленных мастерских, невозможно понять развитие крупной промышленности столицы.

Ремесленное образование города формировалось в нескольких плоскостях ремесленного сословия, общества и государства. Это были институты ремесленной управы и российских цехов, частные, общественные

[889] «While guilds existed in the Ottoman world, India, and in China, we have found no evidence that they did much more than secure exclusionary rents by prohibiting non-members from entering their industries. Apprenticeship remained largely a family or sectarian affair. This is not to deny that kinship relations remained important in Western Europe as well – but in economic history, degree is everything. Recent work trying to understand the Industrial Revolution and the Great Enrichment that followed it has increasingly focused on upper-tail human capital. In that story, the human capital of top-level artisans and the way it was produced played a larger role than has been realised so far» (Croix D.d.l., Doepke M., Mokyr J. More than family matters: Apprenticeship and the rise of Europe, 02 March 2017. URL: http://voxeu.org/article/apprenticeship-and-rise-europe (Дата обращения: 10.06.2017).

и правительственные организации. Проследив их действия, можно составить общую картину развития ремесленного образования, взаимовлияния идей и инициатив.

Среди обобщающих трудов по истории профессионального, в том числе ремесленного, образования до начала XX в. в России и Петербурге, в частности, можно назвать три публикации. Это трехтомная Энциклопедия профессионального образования, под научной редакцией С.Я. Батышева, а также две коллективные монографии по истории профессионального образования в России. Первая, по истории профессионального образования в России под редакцией С.Я. Батышева, А.М. Новикова и Е.Г. Осовского (2003), вторая – коллективная монография по проблемам становления профессионального ремесленного образования в России, под редакцией Г.М. Романцева (2012)[890]. Говоря о новом подходе к феномену ремесленничества, авторы последней монографии предлагают рассматривать его как новую парадигму современного ремесленничества[891]. Эти труды дают, с одной стороны, общую картину развития, и создают основу для дальнейших исследований ремесленного образования, с другой. Петербургская тематика затрагивается в них довольно фрагментарно, причем, ремесленное образование рассматривается наряду с профессионально-техническим. Вследствие этого, картина ремесленного образования Петербурга получается несколько «смазанной».

Помимо фундаментальной работы К.А. Пажитнова 1952 г. о ремесленном законодательстве, затронувшей положение ремесленных учеников и учениц, из публикаций последних лет, касающихся Петербурга, следует отметить работы И.В. Синовой, А.Б. Вахромеевой и А.В. Келлера[892].

---

[890] Батышев С.Я. Новиков А.М., Осовский Е.Г. (науч. ред.). История профессионального образования в России…; Батышев С.Я. (науч. и лит. ред.). Энциклопедия профессионального образования…; Проблемы становления профессионального ремесленного образования в России… С. 5; 8; 35.

[891] Проблемы становления профессионального ремесленного образования в России… С. 60.

[892] Вахромеева О.В. Петербургская ремесленница к концу XIX начале XX века // Петербургские исследования: Сборник научных статей. СПб., 2014. С. 40–50; Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов…; Синова И.В. «…Следить за добрыми и отеческими отношениями...» С. 76–92; Она же. Повседневная жизнь детей…; Она же. Ремесленное ученичество в Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX века: дискурс повседневной

До XVIII века условия ученичества в России не были законодательно оформлены. Срок ученичества определялся по традиции в 5 лет, реже в 3–4 года[893]. Первые инициативы русского правительства в области обучения ремеслам в начале XVIII в. имели три причины.

Во-первых, ремесло как материальная база армии, флота и двора обеспечивало последних необходимым материалом (сукном) и снаряжением (конская сбруя, кожаные, металлические и портновские изделия). Этот аспект нашел законодательное закрепление в сенатском указе от 27 марта 1761 года[894]. Предписанное ранее обучение ремеслам рекрутов от 20 до 35 лет дало лишь отчасти желаемый результат. Иностранные ремесленники смогли наладить выпуск массовой продукции, необходимой для армии и флота, вводя, скорее всего, элементы поточного (мануфактурного) производства, когда подмастерья или рабочие получали лишь ограниченные навыки для производства какой-либо операции, отдельной детали, фрагмента, выкройки по лекалам. Такое производство не предполагало полноценного долгосрочного обучения, как это предусматривалось в цехах: пять лет учеником и три года подмастерьем с последующим экзаменом[895]. Можно предположить, что иностранные мастера, приписанные к полкам, не были заинтересованы в обучении русских учеников, т. к. получали высокий оклад и не желали выращивать себе конкурентов. Косвенное подтверждение тому дает факт их тридцатилетнего существования при Кадетском корпусе, где они не выучили ни одного ремесленного ученика. Поэтому теперь предписывалось «взять из гарнизонной школы от 13 до 15 лет до 150 человек школьников в

жизни // Труды Карельского научного центра РАН. № 4. 2013. Серия «Гуманитарные исследования». Выпуск 4. С. 68–73.

[893] Очерки русской культуры XVIII века. Ред. Б. А. Рыбаков, т. 1. М., 1985. С. 165.

[894] Там же. С. 167.

[895] См.: Reith R. Arbeits- und Lebensweise im städtischen Handwerk: zur Sozialgeschichte der Augsburger Handwerksgesellen im 18. Jahrhundert (1700–1806), Diss. Konstanz, 1988; Reith R., Grießinger A. Lehrlinge im deutschen Handwerk des ausgehenden 18. Jahrhunderts. Arbeitsorganisation, Sozialbeziehungen und alltägliche Konflikte // Zeitschrift für historische Forschung. Jg. 13. 1986. S. 149–199; Reith R. Zur beruflichen Sozialisation im Handwerk vom 18. bis ins frühe 20. Jahrhundert, Umrisse einer Sozialgeschichte der deutschen Lehrlinge // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. 76. 1989. S. 1–27.

ведомство Кадетского корпуса», в надежде на то, что с понижением возраста учеников им удастся получить полноценное ремесленное образование[896].

При таких обстоятельствах трудно было говорить о подготовке профессиональных кадров в ремесле – мастеров, знающих в совершенстве свое дело, материалы и технологии. Видя это, правительство указом 1761 года предписывает набрать в обучение в Первом Кадетском корпусе Петербурга 150 учеников гарнизонной школы в возрасте от 13 до 15 лет для потребностей армии. Сюда же на обучение ремеслам посылались дети служащих и дети лиц из свободного состояния того же Кадетского корпуса. Кроме обучения письму, чтению, математике, геометрии и рисованию, ученикам преподавался немецкий язык, т. к. «все хорошие мастеровые немцы, которые не довольно русского языка знающие»[897]. В контексте этих указов не следует забывать, как правило, «негативную» направленность большинства законов, издававшихся, чтобы решить определенную проблему.

Во-вторых, ремесло являлось в XVIII и XIX веках одной из важнейших сфер экономики любой европейской страны, не вступившей в фазу индустриальной революции, традиционным для того времени институтом социализации. Ремесло было главным источником дохода низших и средних слоев, как городского, так и, отчасти, сельского населения.

В-третьих, преподавание ремесла было основным методом так называемого «трудового воспитания». Именно этим руководствовались основатели Воспитательного дома (1770) и Коммерческого училища (1772) Петербурга, где предусматривалось обучение «художествам и мастерствам»[898]. И все же, несмотря на все издержки ученичества в России, не стоит забывать, что именно этот институт обеспечил на протяжении долгого

---

[896] ПСЗ-1. Т. 15. № 11224. 27.03.1761: Сенатский. – *О числе учеников, определяемых к обучению ремеслам при Кадетском Корпусе*; см.: ПСЗ-1. Т. 8. № 5811. 29.07.1731: *Об учреждении Кадетского Корпуса*.
[897] ПСЗ-1. Т. 15. № 11224: *О числе учеников*… С. 670.
[898] Очерки русской культуры XVIII века… С. 167.

времени высокую профессиональную подготовку (ремесленных) кадров, стал решающей основой для экономико-технологического подъема Европы[899].

Мотивы правительства, объясняющие его политику в области образования, основывались на принципах европейского Просвещения[900], предусматривавших гармоничное воспитание молодого поколения, в котором важная роль отводилась приобретению навыков ручного труда. Заслуга Жан-Жака Руссо и Дени Дидро заключалась именно в систематическом осмыслении взаимосвязи труда умственного и ручного (понимая всю условность деления труда на интеллектуальный и физический) в процессе воспитания, как важнейшей предпосылки успешного развития ребенка. Поэтому понятно, что пребывание Дидро в Петербурге не ограничилось только беседами с императрицей[901], но имело большое символическое и декларативное значение для развития системы российского образования. Идеи Просвещения получили свое оформление в основании детских приютов, воспитанники которых обучались какому-либо ремеслу[902]. Заметим, что задолго до того, в 20-е годы XVIII в., об этом же, но в контексте основания горнозаводских школ на Урале, говорил В.Н. Татищев, считавший важным в обучении учеников сочетание теории и практики[903].

Татищев утверждал, согласно положениям меркантилизма, «что всякой области богатство, сила и честь происходит единственно от прилежности

---

[899] De la Croix D., Doepke M., Mokyr J. More than family matters…; См. также о роли законодательного обеспечения прав собственности в Англии после революции 1688 г., оказавшего решающую роль на повышение предпринимательской активности: Epstein S.R. Freedom and Growth: The Rise of States and Markets in Europe, 1300-1750. London, 2000. P. 12.

[900] Артамонова Л.М. Просвещение как составная часть модернизации России в XVIII – первой половине XIX в. // ПИР: исторический источник и исторический контекст: сб. науч. трудов. Вып. 10. Д.А. Редин (отв. ред.) Екатеринбург, 2013. С. 169, 177.

[901] Жан-Жак Руссо придавал в воспитании особое значение ручному труду; Дени Дидро, во время пребывания в Санкт-Петербурге (1773–1774), написал по просьбе Екатерины II ряд заметок о воспитании («О школе для молодых девиц», «Об особом воспитании», «О публичных школах» и др.), имевших важное значение для развития педагогической мысли в России (Бильбасов В.А. Дидро в Петербурге. СПб., 1884. 325 с.).

[902] Бецкой И.И. Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания в России, обоего пола благородного и мещанского юношества: С прочими в пользу о-ва установлениями. СПб., 1789. 479 с.; Эймонтова Р.Г. Идеи просвещения в обновляющейся России: (50–60-е гг. XIX в.). М., 1998. 407 с.

[903] Очерки русской культуры XVIII века / ред. Б.А. Рыбаков. Т. 1. М., 1985. С. 205; Ефанов А.В., Моисеев А.В. Становление институциональных норм ремесленного обучения в Уральском регионе в XVII–XVIII вв. // Образование и наука. 2014. 7 (116). С. 103-114.

народа к рукоделиям...»[904]. Развитие «рукоделий», или ремесел, предусматривал именной указ о цехах от 27.04.1722 г., в котором был впервые законодательно закреплен статус ремесленного ученичества[905], но не был поставлен вопрос о ремесленном образовании. С введением цехов законодатель посчитал достаточным лишь предписать, что ремесленные ученики не причисляются к гражданам города и не ранее как по истечении семи лет обучения получают «свидетельствованные письма» об окончании обучения[906]. Это означало для них переход в звание подмастерьев.

Методы и содержание обучения оставались личным делом каждого отдельного мастера. И все же контекст формулировки в петровском указе: «и освидетельствовать так, как в чужих краях»[907], приобрел после присоединения остзейских провинций в 1721 г., согласно Ништадтскому мирному договору, совершенно иное звучание. Теперь опыт цеховой организации ремесла не переносился на «русскую почву» исключительно из-за границы, но распространялся из западных областей Российской империи на ее прочие регионы. Остзейские провинции, а позднее – Великое княжество Финляндское с 1809 г. и Царство Польское с 1815 г., стали теми площадками, где проходили апробацию социальные новации. Санкт-Петербург в данном случае был тем передаточным звеном, где данные социальные новации внедрялись и «обкатывались».

Ремесленное положение, включенное в «Грамоту на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г., не изменило принципиально статус ученика, но впервые подробно описало и регламентировало в 123 статье в подпунктах 1–117 «О выгодах цеховых» отношения мастеров, подмастерьев и учеников. С введением книги учеников, в ремесленной управе стал возможен их постоянный учет и контроль[908]. Хотя

---

[904] Экономические записки В.Н. Татищева… С. 392; см.: Он же. Избранные произведения. Л., 1979.
[905] «…и учеников с гражданы не числить, и жить им в тех местах, сколько кто похочет, (а ученикам ранее семи лет не отходить, а по семи летах давать свидетельствованные письма, и освидетельствовать так, как в чужих краях)» (ПСЗ-1. Т. 6. № 3980. С. 665; см.: Т. 6. № 3708).
[906] Там же.
[907] ПСЗ-1. Т. 6. № 3980.
[908] ПСЗ-1. Т. 22. № 16187 (№ 16188: Ремесленное положение).

в Ремесленном положении, основные пункты которого вошли во все корпуса ремесленных узаконений позднего времени, мастеру предписано «обходиться с подмастерьями и учениками справедливо и кротко, […] человеколюбиво и сходственно здравому рассудку, без причины не наказывать, излишной и необыкновенной не по ремеслу работы на него не налагать самому, и семье своей не дозволять налагать»[909], на практике, во многих случаях, не удавалось следовать этим правилам. Допущение методов традиционного воспитания не исключало применения «справедливого» физического наказания. Мастер мог наказать ученика «по-отечески», пользуясь правами хозяина дома, в лучшем случае оплеухой, в худшем – побоями. Ученик, в свою очередь, обязывался быть «послушен и прилежен»[910]. Подмастерьям же и ученикам наказывалось «быть верными, послушными и почтительными к мастеру и его семье»[911].

Исходя исключительно из законодательных актов, трудно сказать, каким было фактическое положение ремесленных учеников в России XVIII – первой трети XIX в., когда ребенок или подросток не пользовались никакими правами, а их воспитание полностью отдавалось на усмотрение мастера. Поэтому, когда правительство и техническая интеллигенция в рамках работы по подготовке введения нового Городового положения С.-Петербурга в 1846 г., послужившего прототипом Городового положения 1870 г., стали уделять больше внимания положению учеников, выяснился ряд случаев вопиющего беззакония и жестокого обращения с учениками[912]. Благодаря докладам государственных комиссий, статьям специалистов технического образования второй половины XIX в. и произведениям художественной литературы последней четверти XIX – начала XX вв., можно получить адекватное представление о нелегкой судьбе ремесленных учеников.

---

[909] Там же. С. 373.
[910] Там же.
[911] Там же.
[912] Иордан В.О. Ученики-ремесленники. // Русская мысль. 1894. Т. 4. С. 1–24; Китанина Т.М. Рабочие Петербурга в 1800–1861 гг…; Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg... S. 284–295.

Академик И.Г. Георги в своем описании Петербурга 1789 г. сообщал, что среди портных много «халтурщиков» (Pfuscher), т. е. внецеховых ремесленников, а именно среди женщин, изготавливающих женское платье, а также крепостных портных в дворянских домах, шьющих одежду для дворни и прислуги, домашнее платье и проч.[913]. В поместьях и городских усадьбах трудилось множество безвестных портных и портних, вышивальщиц и кружевниц из крепостных, которые в детстве посылались в город для обучения в ремесленных мастерских. Как правило, ученики содержались плохо, не получая никакого начального образования[914].

Ремесленное образование не было прерогативой только цеховых ремесленников. Указом от 7 января 1736 г. право выдавать дипломы ученикам и подмастерьям получают фабриканты, принадлежавшие к купечеству 1 и 2 гильдий[915]. На этой почве у ремесленных цехов часто возникали конфликты с ремесленниками, которые, ввиду большого производства, вынуждены были записываться в купеческие гильдии и освобождались посредством получения купеческого свидетельства от записи в цехи и уплаты ремесленных пошлин. Деятельность таких мастеров российские и иностранные цехи старались с переменным успехом запретить, основной же их массе удавалось этого избежать. Большинство учеников Санкт-Петербурга обучалось вплоть до начала XX в. в ремесленных мастерских. Именно к этому времени число рабочих на фабриках и заводах столицы впервые превысило общее количество ремесленников города[916].

Примерно до середины XIX в. вопросы образования ремесленных учеников находились почти исключительно в ведении ремесленной управы российских цехов. Закрепленные буквой закона, они оставались личной

---

[913] Georgi J.G. Versuch einer Beschreibung der russisch kayserlichen Residenzstadt St. Petersburg… SPb., 1790. S. 196.

[914] Китанина Т.М. Рабочие Петербурга в 1800–1861 гг… Л. 1991. С. 179–180; РГИА. Ф. 560. Оп. 8. Д. 577: Об улучшении быта рабочих людей в С.Петербурге. 1841 г. Мнение статского советника Ознобишина. Л. 12; Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg... S. 285–286.

[915] РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 296: Дело Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов о разрешении каретному мастеру И. Иохиму открыть каретную фабрику в Петербурге и об употреблении изображения государственного герба на вывеске и изделиях фабрики. 9 марта – 7 июня 1820 г.

[916] В 1900 г. это соотношение составляло 133361:126757 (Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg… S. 31).

прерогативой каждого конкретного мастера, в дела которого мог вмешаться старшина какого-либо ремесленного цеха или даже глава ремесленных цехов, но на практике этого не происходило. Постепенное осознание важности организации ремесленного образования, как правительством, так и ремесленной управой, привело к возникновению со стороны ремесленников различных инициатив.

Значение полноценного общего образования для русских ремесленников, среди которых к началу XIX в. было еще много безграмотных, особенно ясно осознавалось при сравнении с иностранными ремесленниками, экономическое положение которых было значительно лучшим[917]. Причем характерной чертой российской действительности было не наличие иностранных ремесленников как таковых, а их техническое и материальное превосходство над российскими ремесленниками, что признавалось последними, вплоть до середины XIX в.[918].

Со стороны правительства имелись лишь спорадические попытки улучшить систему ремесленного образования вне цехов. Устав уездных училищ 1804 г., вполне находившийся в контексте идей Просвещения, предусматривал предметы для привития навыков ручного труда[919]. Но в данном случае было бы преувеличением говорить о полноценном ремесленном образовании. Эти предметы можно скорее сравнить с уроками труда в советской школе, дававшими навыки ручного труда, но далекими от полного ремесленного образования, должного формировать у ремесленника «хороший вкус», что должно было помогать ремесленнику лучше следить за развитием моды и соответствовать вкусам публики. Эта связь между хорошим образованием и качеством продукта, отличительной особенностью которого

---

[917] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 135: По предложению ювелира Гронмейера об освобождении ремесленников от рекрутской повинности в натуре. Л. 3.

[918] См.: Очерки истории технических наук в Санкт-Петербурге (XVIII – XIX вв.) / отв. ред. Ю.Ф. Тарасюк. СПб., 2009. С. 8.

[919] См. Аминов Т.М. Преподавание ручного труда в учебных заведениях дореволюционной России // Становление и развитие ремесленничества и профессионального ремесленного образования в России : сб. науч. ст. IV междунар. НПК. Екатеринбург, 2011. С. 26–28.

была не только практическая компонента, но и эстетическая, стала со временем ясно осознаваться русскими ремесленниками[920].

Но не так просто складывались отношения учеников и (иностранных) мастеров в повседневной жизни. Передача ремесленных практик была сложным и многосторонним процессом. Согласно заявлениям председателя Комиссии по введению нового общественного управления (КВНОУ) в Петербурге К.К. Грота, в 1840-е годы в Петербурге процветала нелегальная торговля учениками, в особенности из Финляндии[921]. Ежегодно выходцы из Великого княжества привозили несколько сотен детей в столицу и за определенную плату, без каких-либо обязательств со стороны владельца мастерской, отдавали их в бессрочное и полное его распоряжение. Торговцев не интересовала дальнейшая судьба этих детей. Мастер получал в данном случае свидетельство об ученике из Финляндии, которое он продлевал ежегодно в финской адресной конторе Петербурга.

В разрешении спорных случаев между учеником и мастером могли принимать участие ремесленная управа и полиция, стоявшие без исключения на стороне мастера и принуждавшие ученика работать дальше. Грот предлагал обязать мастеров заключать с учениками исключительно письменные договоры, должные защитить мастеров от побегов учеников. Речи о запрещении детского труда тогда еще идти не могло. Прагматический интерес правительства приводил лишь к формальным мерам и фокусировался исключительно на защите прав, прежде всего, мастера[922]. Примечательно, что Грот принял впоследствии, в должности губернатора Самарской губернии, деятельное участие в подготовке и проведении отмены крепостного права.

Согласно докладу статского советника Ознобишина, в том же 1841 году, основная масса учеников, отдававшихся в обучение мастерам, происходила из

[920] Тромонин К. О художестве…; Ракеев Г.Ф. Опыт применения ручного труда... С. 20–22.
[921] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 409: По отношению статс-секретаря Великого Княжества Финляндского о неприятии в учение финнов к петербургским ремесленникам без заключения контрактов. 1846 г. Л. 1–2, 18–20.
[922] Там же. Л. 18–20.

крепостных крестьян[923]. Помещики практиковали отдачу детей на обучение в город, чтобы получать впоследствии денежный оброк. Ученики воспринималась как бесплатная рабочая сила, применявшаяся не только в мастерской, но и в работе по хозяйству. Между этими видами деятельности не делалось большого различия, поэтому первые годы ученик занимался исключительно черной и домашней работой[924]. Несмотря на все недостатки, ремесло было важным инструментом социализации и профессионализации крестьянских ремесленников, тысячами мигрировавших в город.

Ситуация усугублялась тенденцией замещения взрослой рабочей силы детской. Согласно исследованию государственной комиссии 1841 г., детский труд в столице преобладал в особенности в бронзовых, портных, сапожных, сигаретных и мебельных мастерских, шелковых и полотняных фабриках. У ювелирных и серебряных дел мастеров, в обойных, скорняжных, слесарных и портных мастерских соотношение между взрослыми и детьми составляло 9:5. Среди различных мастерских, в которых работало 3776 человек, число несовершеннолетних составляло 829, или 22%[925].

Одной из причин возросшего применения детского труда в ремесле, было более независимое положение подмастерьев, не желавших мириться с произволом мастеров, из-за чего увеличилось количество случаев неповиновения. Тенденция замены взрослого труда детским изменилась лишь к 1880-м годам, когда был принят ряд законов по защите детского труда[926]. С одной стороны, ремесленники не хотели иметь ничего общего с гражданскими судами и обществами попечения, принимавшими, как правило, сторону слабого. С другой, рентабельность производства зависела, в большой степени, от детского труда.

На это же время приходится работа правительственной комиссии под началом барона Ю.Ф. Корфа, выявившая совершенно неудовлетворительное

---

[923] РГИА. Ф. 560. Оп. 8. Д. 577: Об улучшении быта рабочих...
[924] Китанина Т.М. Рабочие Петербурга… С. 179–180.
[925] РГИА. Ф. 560. Оп. 8. Д. 577: Об улучшении быта рабочих... Л. 13.
[926] Иордан В.О. Ученики-ремесленники... С. 3, 15.

состояние образования ремесленных учеников[927]. Некая односторонность взгляда и предубеждения со стороны представителей технической интеллигенции и государства, резко критиковавших положение в ремесле, приводила к тому, что не принимались в расчет существенные отличия в качестве образования между различными ремеслами и мастерскими. Для них ремесленники – это представители «темного царства»[928].

В целях повышения образовательного уровня, в том числе и ремесленных учеников, в Петербурге в 1836 и 1840 годах правительством открыты две школы рисования для обучения детей основам черчения и рисования[929]. Это Рисовальная воскресная школа при Технологическом институте и Рисовальная школа для вольноприходящих, среди выпускников которых были многие талантливые художники. Последнюю закончил И.Е. Репин. Значительное число учеников в этих школах было из семей ремесленников[930]. В 1876 году по рескрипту Александра II на средства, пожертвованные банкиром и промышленником А.Л. Штиглицом, основано Центральное училище технического рисования, носящего сегодня имя престижной Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А.Л. Штиглица[931].

С 1840-х гг. цеховые ремесленники Петербурга все более настойчиво говорят о необходимости систематической организации ремесленного образования. Несмотря на известную пассивность и консерватизм ремесленников, именно в среде цеховых мастеров зарождаются инициативы по организации ремесленного образования, появляются активные сторонники его развития среди членов Ремесленной управы и ремесленных голов. Ремесленные мастера, начинавшие понимать важность повышения уровня

---

[927] Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Т. 1–3. СПб., 1863. С. 79–80, 304.
[928] См.: Радецкий И.М.. Мученики темного царства…
[929] Тюфилин А.М. Записка о состоянии ремесленности. Казань, 1906. С. 13–14.
[930] Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg.... S. 305–307.
[931] См.: Боглачев С.В. Центральное училище технического рисования А.Л. Штиглица // Энциклопедия Санкт-Петербург. URL: http://encspb.ru/object/2804028810 (Дата обращения: 05.02.2014); Энциклопедия профессионального образования. Т. 3. М., 1999.

общего образования среди ремесленных учеников, не оставались в стороне от решения задач ремесленного образования, делали предложения, соответствовавшие духу и потребностям времени. На необходимость повышения общего образовательного уровня ремесленных учеников указывал в 1843 г., в своем прошении на имя министра внутренних дел, мастер ювелирных дел и старшина ювелирного цеха Гронмейер[932].

Вечноцеховые портные мастера В.А. Резанов и К. Кесснер занимали особенно активную социальную позицию, пытаясь поднять портновское мастерство среди российских портных на новый уровень, отстаивая их профессиональную честь. Кесснер, уроженец Митавы (латыш. Елгава), входил в сентябре 1854 г. в Хозяйственный департамент МВД с предложением об устройстве справочной конторы для ремесленников столицы, которая должна была, среди прочего, помогать мастерам находить учеников и наоборот[933]. В своей брошюре, выпущенной в 1847 году и посвященной проблемам образования в портновском ремесле, старшина цеха портных Резанов отмечал, что образование ремесленных учеников совершенно недостаточно и не соответствует современным требованиям. Задаваясь вопросом, почему русские ремесленники не могут конкурировать с иностранными, он отмечал низкий уровень образования учеников, которые, как правило, не имели возможности научиться читать и писать вне стен мастерской[934].

Резанов пришел к выводу о необходимости организации ремесленного образования вне стен ремесленной мастерской. Ведь попытки его улучшения стояли в непосредственной связи с процессами становления системы общего образования в России того времени и связанными с этим реформами, в том числе положения государственных крестьян после 1837 г., проводимыми

---

[932] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 135: По предложению ювелира Гронмейера… Здесь л. 3: Прошение ювелирного мастера и старшины Гронмейера к министру внутренних дел Перовскому в мае 1843 г.

[933] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 1508: О разрешении жителю Петербурга митавскому уроженцу К. Кеснеру открыть в столице справочную контору для ремесленников; Содержание справочных контор для найма квартир, покупки и продажи имуществ и приискания людей в частные должности, работы и службы позволено Положением о пошлинах за право торговли и других промыслов от 1 января 1863 г. (ПСЗ-2. Т. 38. № 39118. – *Высочайше утвержденное положение о пошлинах за право торговли и других промыслов*. С. 4).

[934] РГИА, ф. 1287, оп. 37, д. 93: По проектам мастеров портного цеха Резанова и Кесснера об обучении мальчиков портновскому ремеслу; Резанов В.А. Взгляд на ход портного мастерства в России. СПб., 1847. С. 136.

министром государственных имуществ П.Д. Киселевым, в результате чего было открыто несколько тысяч деревенских школ. Здесь можно увидеть взаимосвязь между началом становления системы общего и ремесленного образования: начальных школ, школ рисования и ремесленных школ. Однако, между пониманием проблемы и ее решением лежали десятилетия кропотливого ежедневного труда. Еще в 1889 г. фабричным инспектором Г.Ф. Ракеевым отмечалось неудовлетворительное положение дел[935].

К началу 1840-х годов у цеховых ремесленников созревает мысль о необходимости постановки ремесленного образования на новый уровень. Об этом говорят и обращения мастеров к правительству и обсуждение в органах ремесленного самоуправления: в цеховых и общей ремесленной управах и в ремесленном отделении городской общей думы. С предложениями «об обучении мальчиков портному мастерству» выступали в 1842 г. мастера портного цеха В.А. Резанов и К. Кесснер в своих проектах, поданных в Хозяйственный департамент министерства внутренних дел, в ведомстве которого находились цеховые ремесленники[936].

Резанов предлагал улучшить обучение мальчиков портному ремеслу, посылавшихся в обучение с семи-восьми лет и остававшихся в нем шесть-семь лет. В пример оптимального процесса обучения он приводил иностранных мастеров, бравших своих детей в обучение к себе ремеслу только с 12 лет, посещавших до этого времени школу или получавших домашнее образование. Таким образом, получение практических знаний сопровождалось образованием вкуса. После окончания ученичества и проработав два-три года подмастерьями, они отправлялись с заработанными деньгами странствовать по Европе, работая у различных мастеров и набираясь опыта[937].

---

[935] Тромонин К. О художестве в ремеслах. М., 1846. С. 10; Ракеев Г.Ф. Об ученичестве у мастеров… С. 20–22.
[936] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 93: По проектам мастеров портного цеха Резанова и Кесснера…; Архивные материалы, касающиеся Комарова и Резанова впервые введены автором в научный оборот в своей диссертации о ремесленниках Петербурга, опубликованной в 2002 г. (Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg…).
[937] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 93: По проектам мастеров портного цеха Резанова и Кесснера…; Немецкие подмастерья (Handwerksgeselle) отправлялись в традиционное странствие (Gesellenwanderung, Tippelei, Walz, Wanderschaft) в своих типичных костюмах: шляпах, двубортных жилетах и с посохами.

Ученики выполняли, как правило, тяжелую физическую работу, часто терпели лишения и физическое насилие, не получали начального образования, за исключением определенного числа детей самих мастеров. Резанов писал в 1842 и 1858 годах в докладных записках и в 1847 году в своей брошюре о портновском образовании в Петербурге, что у немцев и французов и у иностранцев в целом обучение учеников имеет свои преимущества[938]. Причины этого он видел в недостаточном образовании русских ремесленников. Русские ученики отдавались в учение к иностранцам в возрасте семи-восьми лет, где они обучались ремеслу шесть-семь лет, не посещая при этом школу. Ученик получал лишь навыки в сшивании готовых частей и придании формы, но не в искусстве создания эскиза и кройки. Последнее было прерогативой мастера. В гораздо более выгодном положении находились дети мастера, посещавшие школу и начинавшие занятия в ремесле с двенадцати лет. После того, как они проходили в полном объеме курс обучения, проработав подмастерьями два или три года, они с заработанными деньгами отправлялись по традиции в путешествие за границу, как правило, в Западную Европу (нем. Gesellenwanderung, Wanderschaft, Walz, Tippelei) для совершенствования в ремесле у других мастеров[939].

Для исправления положения Резанов предлагал обязать помещиков давать ученикам начальное образование. По его справедливому мнению, ученики должны были сначала закончить начальную школу, а только после этого отдаваться в учение в город в возрасте от 12 до 14 лет. Предоставление после окончания обучения возможности совершенствоваться в ремесле за рубежом, благодаря государственной стипендии, способствовало бы, по словам Резанова, значительному повышению уровня образования русских портных, а соответственно и улучшению качества их изделий[940]. Но

[938] Резанов В.А. Взгляд на ход портного мастерства…; РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 93: По проектам мастеров портного цеха Резанова и Кесснера... Л. 1–3; РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 1931: Об открытии в Петербурге воскресных классов для ремесленников и об издании особого журнала, предназначенного исключительно для распространения ремесленных познаний. 1858 г. Л. 3–5; Эти документы впервые введены автором в научный оборот в своей диссертации в 2000 г. (Keller A. Die Handwerker… S. 279, 280, 285).
[939] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 93: По проектам мастеров портного цеха Резанова и Кесснера… Л. 3.
[940] Там же. Л. 5–6.

предложения Резанова не могли осуществиться так скоро, поскольку главным препятствием служило несвободное состояние многих ремесленников и неготовность мастеров и государства предпринимать в этом направлении какие-либо усилия.

С конца 1850-х и в 1860-е годы положение учеников все больше привлекает внимание не только общественности и правительства, но и ремесленной управы русских цехов [941]. Вечноцеховой мастер портновского цеха, член ремесленной управы в 1844–1850 гг. и ремесленный голова российских цехов в 1856–1859 гг., Никита Максимович Комаров был одним из тех, кто много сделал для развития ремесленного образования в Петербурге[942]. По его мнению, необходимо было, прежде всего, начать с открытия ремесленных и воскресных школ[943]. Также Комаров указывал на необходимость издания журнала для ремесленников.

Осознавая важность повышения образовательного уровня ремесленных учеников, Комаров предложил на заседании ремесленного отделения Петербургской Городской думы 26 июля 1856 г. открыть «Приют для сирот и детей бедных ремесленников», в котором нашли место 30 детей[944]. Инициативу ремесленной управы полностью поддержали власти в лице военного генерал-губернатора П.Н. Игнатьева (1854–1861), министра

---

[941] См.: Келлер А.В. Становление и развитие ремесленного образования в Санкт-Петербурге начала XVIII – начала XX вв. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. 3 (130). С. 227–240; Пятидесятилетний отчет Александровской школы для детей бедных ремесленников С. Петербургского ремесленного общества. СПб., 1912.

[942] Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg… S. 278–279; РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 1931: Об открытии в Петербурге воскресных классов... Л. 3–4.

[943] См.: Духавнева А.В. Воскресная школа как образовательное учреждение в системе общего образования взрослых в России второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2011. № 8. С. 40–46; Лодкина Т.В., Марченко Л.А. История развития воскресных школ в России (до 1917 г.) // Мир образования - образование в мире. 2013. № 4. С. 24–32; Никитская Е.А. Воскресная школа как феномен педагогической действительности: история и современность // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2008. № 9. С. 121–132; Пирогов Н.И. О Воскресных школах // Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. М., 1952; Поздняков А.Н. История педагогики и образования за рубежом и в России: Учебное пособие. Саратов, 2009; Попинова М.В. Развитие воскресных школ в России как формы образования взрослых: Середина XIX - начало XX веков. Автореф. дис. ... канд. пед н-к/ Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. Ярославль, 2001. 22 с.; Трубицына О.В., Саввина О.А. Из истории возникновения воскресных школ в России // Территория науки. 2007. № 1. С. 112–117; В воскресных школах преподавались закон Божий, чтение и письмо, арифметика. В ремесленных школах к ним прибавлялось изучение от одного до четырех ремесел.

[944] Пятидесятилетний отчет Александровской школы... С. 3–7, 9–10, 26–28.

просвещения Е.П. Ковалевского (1858–1861) и министра внутренних дел С.С. Ланского[945].

Ремесленный голова также являлся инициатором открытия воскресных классов и издания журнала для ремесленников, как это видно из его доклада и предложения в думе по ремесленному отделению 5 июня 1858 г. Затрагивая вопросы качества и сбыта продукции русских ремесленников, Комаров указывал на сложившееся в публике устойчивое мнение, что «русский» и «иностранный» продукт соответствуют «плохой» и «хорошей» работе. Ремесленный голова правильно заметил, что это мнение основывается на предрассудках, но во многих случаях оно справедливо[946]. Лучший способ для повышения качества продукции он видел в повышении образования ремесленников. В этом же году по инициативе Комарова собрание гласных ремесленного отделения постановило выделить крупную сумму в 200 000 рублей на строительство Александровской школы. Четырехэтажное каменное здание с флигелем было построено в 1861 г.[947].

Уже в бытность ремесленного головы Егора Ефимовича Малкова (1862–1864 гг.) 23 ноября 1862 г. на основе приюта состоялось открытие Александровской школы-интерната на Большой Московской улице, где она находилась до 1868 г. Вот что писал в том году в своей статье о ремесленных школах в столицах К.Д. Ушинский: «Если бы городское управление Петербурга открыло в разных частях города несколько таких ремесленных школ, в которых дети могли бы обучаться у хороших, нарочно для того нанятых ремесленников самым обыкновенным ремеслам, каковы, например: сапожное, портняжное, слесарное, токарное, столярное, типографское, переплетное, лудильное и т.п., и если б в этих школах, кроме того, учили чтению, письму, основам православной религии, четырем правилам

[945] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 1931: Об открытии в Петербурге воскресных классов...
[946] Там же. Л. 3–5.
[947] РГИА. Ф. 1287. Ор. 38. Д. 413: По доносу гласных ремесленного отделения Петербургской городской общей думы – о растрате суммы в ремесленной управе и о разного рода неправильных действиях ремесленного старшины Малкова. Апрель 1864 г. – сентябрь 1867 г. Л. 23; Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg… S. 164, 280–282.

арифметики, рисованию, передавая основные факты отечественной истории и географии, то этим петербургское городское сословие оказало бы величайшее благодеяние населению столицы»[948]. Можно быть уверенным, что узнай Ушинский о ремесленной школе ремесленной управы, в которой была предусмотрена схожая программа обучения с образованием одному из четырех ремесел, она была бы удостоена с его стороны самых высоких похвал.

В 1868 г. школа переехала в дом на ул. Черниговской, а с 17 мая 1874 года находилась в новом каменном трехэтажном здании на Лиговском канале: сегодня Лиговский проспект № 295, где обучалось 200 детей[949]. Дата основания этой школы может по праву считаться началом «регулярного» ремесленного образования на общественной основе. Эта школа была первым неправительственным учебным заведением Петербурга, дававшим детям ремесленников полноценное ремесленное и общее начальное образование. Здесь, в специально оборудованных мастерских, преподавались столярное, токарное, кузнечное и литейное ремесла. Кроме того, в школе преподавались закон божий, русский язык, арифметика, рисование, география, чистописание и музыка. К 1873 г. в школе-интернате обучалось 106 учащихся, в 1874 г. их число было увеличено до 200, а в 1887/88 г. оно достигло 242 учеников[950].

К 1866 г. в Александровской детской школе-интернате обучался 61 человек – 25 мальчиков и 36 девочек[951]. К 1873 г. здесь обучалось уже 106 учащихся, в 1874 г. их число было увеличено до 200, достигнув в 1887/88 г. отметки в 242 ученика и ученицы[952]. После пройденного пика количество учащихся в последующие годы несколько сокращается и составляет к 1 января 1912 г. 119 мальчиков и 108 девочек, или 227 учащихся[953]. Всего с 1862-го по 1912-й годы на содержание и обучение 2344 ремесленных учеников было

---

[948] Ушинский К.Д. Необходимость ремесленных школ в столицах // Избранные педагогические произведения / [сост. Н.А. Сундуков]. М., 1968. С. 82.
[949] Пятидесятилетний отчет Александровской школы… С. 3–7, 9–11, 26–28; Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg… S. 280–282.
[950] Отчет С. Петербургской ремесленной управы за 1887 год. СПб., 1888. С. 232–233.
[951] Отчет С. Петербургской ремесленной управы за 1866. СПб., 1867. С. 7.
[952] Отчет С. Петербургской ремесленной управы за 1888. СПб., 1890. С. 125.
[953] Отчет С. Петербургской ремесленной управы за 1911. СПб., 1914. С. 169–173.

израсходовано 993 960 рублей, или в среднем по 424 рубля на одного ученика. Помимо этого, на средства ремесленной управы содержалась «Бесплатная Воскресная рисовальная школа для детей цеховых ремесленников»[954]. Вероятно, эта школа была преобразована позже в Классы рисования и черчения, т. к. в годовом отчете ремесленной управы за 1903 г. она более не упоминается. В этих классах имелось в 1911 г. 200 учащихся, а в кассе насчитывалось 60 000 рублей капитала. Этот капитал составился из годовых отчислений петербургских цехов. Так, за 1903 год последовали, среди прочих, выплаты цеха портных – 1297,5 рублей, хлебопекарного – 1020,25 рублей и серебряных дел и позументного – 969 рублей[955].

Кроме упомянутых мер по повышению уровня ремесленного образования, уже известный ремесленный голова Н.М. Комаров вынес 5 июня 1858 г. на обсуждение ремесленного отделения Городской думы вопрос об издании журнала «Русский ремесленник», в котором портным можно было найти последние модные европейские фасоны[956]. Характерна аргументация Комарова, основанная на опыте и наблюдениях из повседневной жизни. Задавшись вопросом, почему русские ремесленники представлены в основном в низкооплачиваемых ремеслах, требующих больших затрат физической силы и меньшей квалификации, тогда как иностранные ремесленники заняты в основной своей массе в ремеслах, требующих высокой квалификации, продукты которых оплачивались соответственно гораздо выше, он видит причину такой структурной дискриминации русского ремесла в недостаточном ремесленном образовании[957]. Такое разделение труда

---

[954] Пятидесятилетний отчет Александровской школы…С. 3–7, 9–11, 26–28; см.: Ушинский К. Д. Воскресные школы. Письмо в провинцию // Ушинский К. Д. Избранные педагогические произведения / [сост. Н. А. Сундуков]. М., 1968. С. 67–80.

[955] Отчет С. Петербургской ремесленной управы за 1906. СПб., 1907. С. 167.

[956] См. ПСЗ-1. Т. 27. № 20144. 12.02.1802. Именной, объявленный президенту Академии наук барону Николаю. *О извлечении из иностранных журналов и сочинений всего относящегося до открытий по разным частям ремесел, художеств и земледелий. О переводе оных на Русский язык и о издании при публичных ведомостях.* С. 45–46; Правительство ограничилось изданием в 1862–1864 гг. журнала «Русский ремесленник», не нашедшего широкого отклика у последних.

[957] Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg… S. 277–279; см.: Анопов И.А. Опыт систематического обозрения материалов к изучению современного состояния среднего и низшего технического и ремесленного образования в России. СПб., 1889; Анопов: директор Ремесленного училища цесаревича Николая в 1880 1891 гг., занимал видное место в развитии ремесленного образования. В 1884 году он назначен членом особого отделения учёного комитета

поддерживалось закрепившимися в сознании «русской публики» ассоциативными и синонимическими рядами, заведомо определявшими оценки потенциальных покупателей в отношении «товара русского» и «товара иностранного», которым соответствовали такие оценочные определения как «плохой» и «хороший»[958]. Комаров тут же отметил, что источником подобных представлений, имеющих под собою отчасти реальную основу, являются все-таки предрассудки, т. к. можно было привести достаточно примеров качественных продуктов русских ремесленных мастерских, не имевших пока массового характера. Комаров предлагал два способа устранения этих недостатков, а именно – создание ремесленных школ и печатного органа для русских ремесленников[959].

И хотя журнал просуществовал недолго, с 1862 до 1867 г., и должен был прекратить свое существование ввиду небольшого спроса среди ремесленников, трудно переоценить его значение[960]. Его появление можно назвать тем событием, после которого уже трудно говорить о ремесленниках, как об исключительно «темной» массе, чуждой всякого просвещения. Высокую актуальность начинаний ремесленной управы в ремесленном образовании учеников и подмастерьев с конца 1850-х и в 1860-е годы показывают работы «учителя русских учителей» К.Д. Ушинского, видевшего важную роль ремесленного образования, в том числе в воскресных и ремесленных школах столиц, в воспитании подрастающего поколения[961]. Ушинскому принадлежит заслуга систематического разбора принципов образования ремесленных учеников и детского образования вообще на основе

министерства народного просвещения по техническому и профессиональному образованию, а в 1886 году избран на должность товарища председателя постоянной комиссии по техническому образованию при Императорском русском техническом обществе.

[958] Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg... S. 278.

[959] Там же; см.: Резанов В.А. Взгляд на ход портного мастерства... С. 1.

[960] Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg… S. 279–281.

[961] Ушинский К.Д. Воскресные школы. Письмо в провинцию // Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения / [сост. Н.А. Сундуков]. М., 1968. С. 67–80; Он же. Необходимость ремесленных школ в столицах // Там же. С. 80–85; Он же. Ученики ремесленные в Петербурге // Архив К.Д. Ушинского: [в 4 т.] / сост. и подгот. к печати В.Я. Струминский; Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т теории и истории педагогики. М., 1959–1962. Т. 4: Ранние работы первого десятилетия научно-литературной деятельности К. Д. Ушинского (1846–1856 гг.). 1962. С. 36–38. В этой статье 1848 г.

единства умственного и физического труда, воспитания и обучения[962]. В его работах ясно прослеживается кардинально изменившееся отношение к детскому труду. Казалось бы, здесь не было никакой разницы с воззрениями, бытовавшими в XVIII в., когда детский труд также считался важным средством социализации. Будь то император, сановник или ремесленник – у всех представителей российского общества ремесленный труд принимался за благо для ребенка, особенно сирот и нищих, приобщение к которому должно было состояться как можно раньше, так как «забирало» с улицы и отвращало его от попрошайничества, делая его полезным членом общества.

Чиновники, священники и педагоги были единодушны во мнении, что чем раньше ребенок приобщается к труду, тем меньше для него опасность стать «лентяем» и превратиться в «лишнего человека» для общества[963]. Да, все так, но Ушинский восстал против того, *как* ребенок приобщался к этому труду, в каких условиях он жил и работал, получал ли основы чтения и письма или элементарное начальное образование. Порог толерантности к содержанию

---

[962] В статье за 1848 г. Ушинский приводит полностью сообщение экономиста, переводчика и педагога доктора философии и экстраординарного профессора политической экономии и статистики Петербургского университета Виктора Степановича Порошина (1811–1868) – одну из первых статей того времени о положении ремесленных учеников, опубликованную в С.-Петербургских ведомостях в 1843 г.: «Спрашивается, что такое ученик этого рода? Дитя, существо безответное, отданное в полное распоряжение чужого человека, который ищет в нем своих выгод и может наказывать его, между прочим, “розгами, но без увечья“, говорится обыкновенно в условии. Но самая жизнь, в известных обстоятельствах, есть увечье. Возьмите, для примера, ремесло сапожное, швейное: с утра до вечера, из году в год сидят, сидят не разогнутся. К празднику, к спеху, работа прихватит и за полночь, с утра до утра. […] Между ними свирепствует чахотка и золотуха, хватая за грудь, наливая глаза кровью, производя опухоль желез, течь из ушей. Образ жизни тому виною» (Ушинский К.Д. Ученики ремесленные в Петербурге… С. 36–37); Эта первая по нашим сведениям статья, а также работы Ушинского на эту тему показывают появление нового сознания и справедливого осознания недопустимости такого положения учеников. Можно с уверенностью сказать, что это осознание не было обусловлено резким ухудшением положения ремесленных учеников. Изменился лишь взгляд и отношение к их положению, которое до этого времени считалось в порядке вещей. Поколение Ушинского увидело в этом нарушение основополагающих прав детей, бывших до этого времени совершенно «бесправными». В 1868 г., через 25 лет после статьи Порошина, в статье Ушинского теперь уже не только «бичуются пороки»: она начинается с описания ничуть не изменившегося положения вещей, но и делается конкретное предложение по устройству ремесленных школ: «Кому не попадались на петербургских улицах те большей частью бледные, худые, перепачканные мальчуганы, которых народ прозвал халатниками, вероятно потому, что синий полосатый халат, , один и тот же летом и зимой, составлял почти весь их костюм, дополняемый слабыми признаками рубахи парою недоношенных калош на босу ногу. Теперь, правда, халаты из синей пестряди попадаются реже, но заменившие их пальтишки с чужого плеча ничем не лучше. Мальчуганам эти обыкновенно бегут во всю прыть, то с утюгом в руках, то с колесом или рессорой на плече, то с парой сапог и тому подобными несомненными признаками их будущего призвания. Но нередко попадаются они также и со штофом, бутылкой или даже бутылью прозрачной влаги, только что взятой в кабаке, с солеными огурцами в грязной бумаге, с разбитым носом, с глазами, обведенными темной синевой, и другими столь же несомненными признаками их будущей нравственности и их будущего здоровья» (Ушинский К.Д. Необходимость ремесленных школ в столицах... С. 80).

[963] Fischer W. Der Staat und die Anfänge der Industrialisierung in Baden 1800–1850. Bd. 1. Berlin, 1962. S. 343–344, Quandt S. (Hg.). Kinderarbeit und Kinderschutz in Deutschland 1783–1976: Quellen und Anmerkungen (Geschichte – Politik. Materialien und Forschung, Hg. v. Günter C. Behrmann, Karl–Ernst Jeismann, Erich Kosthorst u.a.). Paderborn, 1978. S. 19.

детей в мастерских на уровне бесправной и бесплатной рабочей силы, которую можно содержать в ужасающих условиях, стал очень низким. Все больше людей из дворян, разночинцев, «образованного» общества и самих, пока немногих, цеховых ремесленников становится на сторону учеников и учениц, чтобы изменить их положение к лучшему.

Как видим, с середины XIX в. деятелями новой педагогической науки уделяется все больше внимания роли «трудового», рукодельного или ремесленного обучения в народном образовании, когда обучение какому-либо ремеслу начинает занимать важное место в педагогических теориях и практике. Кроме того, деятельность и публикации государственных и общественных деятелей К. К. Грота, А.Ф. Штакельберга, П.Н. Игнатьева, Г.Ф. Ракеева и А.И. Ядрова дают возможность анализа концепций ремесленного образования и места учеников в ремесле Санкт-Петербурга XIX века. Изменившееся «настроение умов» имело своим следствием не только развитие педагогической науки, но и распространение идей о «современном», соответствующем «духу времени» воспитании детей, что в свою очередь повлияло на усиление внимания к ремесленному образованию[964].

Но имелась и иная причина чисто практического характера. В результате постепенного ускорения индустриализации с 1860-х гг., наивысших темпов индустриального развития 1890-х и 1910–1913 гг., особенно остро стал чувствоваться недостаток технических специалистов в промышленности, рекрутировавшихся, в том числе, и из ремесленных мастеров и подмастерьев. Более того, принципы ремесленного образования и ученичества были перенесены на фабрики и заводы почти в неизменном виде. Посмотрим на конкретных примерах, каким образом это сказывалось на законодательной деятельности правительства, а также на профессионально-ремесленной и общественно-культурной областях.

[964] Эймонтова Р.Г. Идеи просвещения в обновляющейся России: (50–60-е гг. XIX в.). М., 1998.

С началом гражданских реформ 1860-х гг. правительство принимает конкретные меры по улучшению технического образования, стоящие в общем контексте развития технического образования в странах Европы и Америки[965]. Указы 1869 г. «Об общественных организациях по распространению технических знаний», и 1888 г. «Основное положение о ремесленных училищах», разрешавшие организацию и регламентировавшие порядок учреждения промышленных или ремесленных училищ, создали необходимые законодательные предпосылки для возникновения системы низшего и среднего профессионально-технического образования в России и, в частности, в Петербурге, где находились старейшие и наиболее развитые по уровню подготовки преподавательского состава и технического оборудования заведения подобного рода[966]. Эти правительственные меры способствовали становлению профессионального ремесленного образования и выделению его из лона фабрик, заводов и ремесленных мастерских как самостоятельного подразделения в системе образования[967].

Вышедший в 1861 г. высочайший указ «О возложении на попечителей о бедных, надзора за положением учеников в ремесленных заведениях Петербурга» имел важное значение, как дополнительный инструмент контроля, но мало повлиял на положение учеников в самих мастерских. Тем не менее, Императорское Человеколюбивое общество не остановилось на формальном праве надзора за положением учеников, а явилось инициатором основания целого ряда учебных заведений ремесленного характера[968].

---

[965] См.: Summerfield P. Technical education and the state since 1850: historical and contemporary perspectives. Manchester, 1990. 223 p.; Hazon F. Storia della formazione tecnica e professionale in Italia. Roma, 1991. 159 p.; Fox R., Guagnini A. Education, technology and industrial perfomance in Europe: 1850–1939. Cambridge, 1993. 320 p.; Grootaers D. Historie de l'enseignement technique et professionel en Belgique: 1860–1960. Bruxelles, 1994; Schlagenhauf W. Historische Entwicklungslinien des Verhältnisses von Realschule und technischer Bildung: von den Anfängen bis zur Mitte des 20. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1997; Day Ch.R. Schools and work. Technical and vocational education in France since the Third Republic. Montreal [u.a.], 2001.

[966] Ремесленные училища. Школы ремесленных учеников. СПб., 1909. С. 5, 21, 43–67; Указатель С.-Петербургской ремесленной выставки 1899 г. СПб., 1899. С. 55–71; Список ремесленных и технических учебных заведений ведомства министерства торговли и промышленности. Петроград, 1914. С. 26, 30, 32, 36, 38.

[967] Ремесленные курсы для народных учителей при императорском русском техническом обществе 1880–1881. СПб., 1881.

[968] Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg... S. 286–287; см. к развитию в Центральной и Западной Европе: Lange S. Zur Bildungssituation der Proletarierkinder im 19. Jahrhundert: Kinderarbeit und Armenschulwesen in der sächsischen Elbstadt Pirna. Berlin, 1978. (in Germ.); Quandt S. (Hrsg.). Kinderarbeit und Kinderschutz in Deutschland 1783–1976. Quellen und

Решение Петербургской думы в 1860-е гг. об отчислении определенных сумм на содержание ремесленного образования столицы помогло встать на ноги ряду частных и корпоративных учебных заведений. Желание исправить положение диктовалось наличием тяжелых условий содержания учеников и их бесправным положением в мастерской[969]. Монотонная повседневная и трудовая жизнь ремесленных учеников не позволяла в полной мере выращивать полноценные профессиональные кадры[970]. Много лет спустя, в 1889 г., фабричным инспектором Г.Ф. Ракеевым все еще отмечалось неудовлетворительное положение дел в ремесленных мастерских[971].

Со второй трети XIX в. в Петербурге появляется несколько благотворительных обществ с целью поддержки детей из бедных семей. Эти общества основывают воскресные классы, приюты, при некоторых из которых образуются ремесленные школы. Важную роль в них играет трудовое воспитание, основывающееся на изучении ремесел. Особенно выделяются среди них две школы. Это ремесленная школа Императора Александра II в память 19 февраля 1880 года для девочек Императорского женского патриотического общества (угол Воскресенского проспекта, сегодня Чернышевского, и Шпалерной улицы, 4/37; бывшее Отд. 2-й Адмиралтейской школы) и ремесленное училище цесаревича Николая для мальчиков (угол Московского пр., 21 и 1-й Красноармейской ул., 1)[972].

История ремесленного училища цесаревича Николая начинается в 1860 г., когда по инициативе сестры милосердия В.И. Щедриной

Anmerkungen [=Geschichte · Politik. Materialien und Forschung, Bd. 1]. Paderborn 1978; Summerfield P. Technical education... P. 188.

969 РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 409: По отношению статс-секретаря Великого Княжества Финляндского о неприятии в учение финнов... Л. 1–2, 18–20.

970 Синова И.В. «…Следить за добрыми и отеческими...». С. 76–92; Она же. Ремесленное ученичество в Санкт-Петербурге... С. 68–73; Она же. Повседневная жизнь детей...

971 Ракеев Г.Ф. Об ученичестве у мастеров... С. 20–22; Ремесленное ученичество. Т. 3 // Труды Всероссийского съезда по ремесленной промышленности в С. Петербурге 1900 г. СПб., 1900. Т. 1–3.

972 Благотворительность в России. Том. 2, ч. 2: Список благотворительных учреждений. С.-Петербург, [1907]. Составлено по высочайшему повелению собственной его имп. Вел. Канцеляриею по учреждениям императрицы Марии. С. 104; Существовали 1-я и 2-я Адмиралтейские школы, где было предусмотрено «обучение девиц портному женскому искусству». Школы сснованы Женским патриотическим обществом, состоявшим из дам высшего дворянского общества (Смесь // Отечественные записки. Т. 59. № 7–8 (1848). С. 51; Белявский К. 50-летие Ремесленной школы императора Александра II императорского женского патриотического общества. СПб., 1899); О ремесленном образовании помимо цеховых мастеров см.: Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg... S. 300–312.

Крестовоздвиженской общины сестер милосердия в Малой Коломне, на Эстляндской ул., был основан детский приют. С 1870 г. он стал именоваться Домом призрения и ремесленного образования бедных детей и принят в ведение министерства финансов по департаменту торговли и мануфактур. Словосочетание «ремесленное образование» в названии дома являлось неотъемлемой частью концепции полноценного физического, духовного и интеллектуального развития ребенка.

В 1875 г. ремесленное отделение для мальчиков при Доме призрения преобразовано в Ремесленное училище цесаревича Николая – образцовое профессионально-техническое учебное заведение для детей, преимущественно из бедных семей, готовившее квалифицированных мастеров для развивающейся промышленности по специальностям: слесарь, часовщик, оптик-механик и кузнец. В училище были устроены соответствующие хорошо оборудованные мастерские, а во дворе находились кузница и вагранка. Прохождение полного курса обучения на звание мастера или подмастерья обходились казне более чем в 4500 рублей, что было дороже, чем окончание полного курса гимназии или университета[973]. О качестве преподавания в Ремесленном училище цесаревича Николая говорит тот факт, что 13 марта 1900 года Государственный совет вынес решение об учреждении на его базе механико-оптического и часового отделения. Впоследствии на базе училища был создан Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики[974].

Лучшим выпускникам училища предоставлялась возможность поехать на средства императорской фамилии для окончания профессионального образования в Париж. Это учебное заведение также находилось под покровительством императора Александра II, что являлось традицией, так как большинство благотворительных учреждений столицы состояло в попечении

[973] Фр.-Я. и А.Я. Профессиональное образование // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XXVa. СПб., 1898. С. 563–574.
[974] Основные вехи истории университета в картинках и лицах [URL]. URL: http://voenmeh.ru/univercity/history/story (Дата обращения: 21.01.2014).

какой-либо особы августейшей фамилии. Женское отделение при Доме призрения также было расширено до Женской рукодельной школы Императрицы Марии Александровны[975].

С конца XIX в. уделяется все большее внимание вопросам женского образования[976]. Для преодоления гендерных ограничений в системе начального образования, и в особенности для девочек из бедных семей, в Петербурге появляются учебные заведения для этой категории населения. Значительный вклад в области женского профессионального образования сделало «Общество распространения ремесленного образования среди бедного населения г. Санкт-Петербурга и его пригородов в память 200-летия Петербурга», основанное по инициативе Петра Владимировича Ницберга в 1903 г. Своей основной целью общество ставило учреждение в беднейших районах столицы и пригородах мужских и женских ремесленных училищ с учебными мастерскими различного профиля. Для инициаторов этого общества было совершенно логичным, провести первое собрание 9 ноября того же года в зале Санкт-Петербургской ремесленной управы. Правомерно, что цеховое общество активно поддерживало эту идею, а в первый состав правления, наряду со старшиной ремесленного сословия Т.А. Загребиным, вошли видные представители профессионального технического образования, промышленности и аристократии: Г.Ф. Ракеев, Э.К. Нобель, Л.Л. Нобель, М.Л. Олейникова (урожд. Нобель), князь С.П. Урусов и др.[977].

Уже в октябре 1904 года обществом открыто 1-е ремесленное училище для девочек на Большом Сампсониевском пр., 37 б. Финансирование этого

---

[975] Северюхин Д.Я. Дом призрения и ремесленного образования бедных детей в Санкт-Петербурге // Санкт-Петербург. Энциклопедия. URL: http://www.encspb.ru/object/2855740459?lc=ru (Дата обращения: 17.01.2015); Петербургское ремесленное училище цесаревича Николая. Отчет по содержанию Ремесленного училища цесаревича Николая за 1886 год / Дом призрения и ремесл. образования бедных детей в С.-Петербурге. СПб., 1887. С. 12–13, 16, 21; То же. СПб., 1896. С. 3–4.

[976] См.: О состоянии 1-го женского ремесленного училища общества распространения ремесленного образования среди бедного населения. Доклад инспектора училища Авдия Ивановича Сковородова [СПб., 1908]; Отчет Санкт-Петербургского общества поощрения женского художественно-ремесленного труда 1893–1894. СПб., 1894.

[977] Северюхин Д.Я. Общество распространения ремесленного образования среди бедного населения Санкт-Петербурга и его пригородов в память 200–летия Петербурга // Санкт-Петербург. Энциклопедия. URL : http://www.encspb.ru/object/2811805887?lc=ru (Дата обращения: 21.01.2014); см. о благотворительных организациях по ремесленному образованию в Петербурге: Синова И.В. Повседневная жизнь… С. 90–99.

проекта осуществлялось по различным каналам: от благотворительных концертов Сампсониевского (Антониевского) духовного хора в доме Э.Л. Нобель, при поддержке министерства внутренних дел и министерства просвещения[978].

По другим сведениям, 1-е женское ремесленное училище было основано в 1906 г. по инициативе первого председателя правления общества Антона Путвинского при Императорском человеколюбивом обществе. Несмотря на явное непонимание среди большинства представителей среднего и низшего слоев населения необходимости общего образования для девочек, Путвинский добился введения в учебную программу этой школы естественнонаучных и гуманитарных предметов. О насущной потребности подобных учебных заведений говорит факт роста численности учениц, за короткий срок с 1906-го по 1908-й годы, с 80 до 136 девочек[979].

Несмотря на растущую активность, выражавшуюся, в частности, в форме выдачи стипендий общественных и благотворительных организаций в деле ремесленного и общего образования, эти инициативы были совершенно недостаточными ввиду усиленного промышленного роста, под которым должно понимать быстрое увеличение числа предприятий не только крупной промышленности, но и значительный рост численности ремесленных мастерских, прежде всего за счет роста числа временноцеховых ремесленников. Профессиональное ремесленное сообщество не могло самостоятельно справиться с насущными проблемами ремесленного образования и нуждалось в поддержке со стороны государства и общества. Одой из таких организаций, призванных повысить уровень профессионально-технического образования, являлось Императорское Российское Техническое общество (ИРТО), существовавшее с 1866-го по 1917-й годы. С 1868 г. Постоянная комиссия по техническому образованию при ИРТО стала важным

[978] Северюхин Д.Я. Общество распространения ремесленного образования...
[979] О состоянии 1-го женского ремесленного училища… С. 1–3; III-й отчет о деятельности Общества распространения ремесленного образования среди бедного населения за 1906 год. СПб., 1907. С. V–VII.

институтом по организации профессиональных учебных заведений. Ею осуществлялись методические разработки по техническому и профессиональному образованию[980]. С Постоянной комиссией сотрудничали видные предприниматели, ученые и педагоги. В 1889, 1895 и 1904 годах комиссия проводила Всероссийские съезды по техническому и профессиональному образованию. На первом съезде ИРТО о положении ремесленных учеников выступали видные деятели по техническому образованию Г.Ф. Ракеев и В. Яроцкий[981]. С 1892 года Комиссией издавался журнал «Техническое образование». В результате ее деятельности в России к 1917 году более чем в 50 учебных заведениях обучалось 8000 учащихся и преподавало 500 педагогов[982].

Как о насущной потребности в развитии среднего технического образования, которое отчасти обеспечивалось ремесленными мастерами, говорилось на съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России в 1890 г. К этому времени ¾ рабочих мест всех техников и инженеров страны были все еще заняты иностранцами. Поскольку зачастую было трудно провести четкую линию между инженером и мастером, они могли быть взаимозаменяемыми: «За границей всякий мастер именуется инженером, но инженеры у них узкоспециализированные. Есть даже инженеры колесники, инженеры приводчики и пр. Такие инженеры, прибывая к нам в Россию, не объявляются своим полным титулом, а называют себя просто инженерами. Известно, что европейское обучение тесно связано с практикой. Русские техники имеют малую практичность, при большом запасе теоретических знаний, что заставляет предпринимателей обращаться к услугам инженеров иностранцев»[983]. И техники, и инженеры обучаются сегодня в Германии по

---

[980] Михайлов В.В. Итоги 25-й летней деятельности Постоянной комиссии по техническому образованию // Техническое образование. № 8. СПб., 1893.

[981] Ракеев Г.Ф. Об улучшении положения ремесленных учеников..; Яроцкий В. О вырождении ученичества у мастеров // Труды 1-го съезда по техническому и профессиональному образованию, II отделение, СПб., 1890.

[982] Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М., 2002. С. 209.

[983] Энгельмейер П.К. О технических занятиях // Труды съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. II отделение: средние и низшие технические и ремесленные учебные

дуальной системе, совмещающей в себе как теоретические (в аудитории), так и практические (в мастерской, на производстве) занятия[984].

В результате работы Комиссии для пересмотра уставов фабричного и ремесленного (КПУФР) (1859–1862 гг.) под председательством барона А.Ф. Штакельберга, было осмотрено 1525 ремесленных заведений и составлен доклад, опубликованный в 1860 г., в котором констатировалось широкое распространение злоупотреблений властью со стороны мастеров и о неудовлетворительном положении учеников. Произвол и жестокость достигали, согласно докладу, крайних пределов: удары кулаком и различными предметами по лицу, таскание за волосы и избиения ногами были среди ремесленников, по выражению членов КПУФР, обычным делом[985].

По окончании работы комиссии, 44 мастера были оштрафованы, у 14 мастеров ученики были отобраны и отданы другим мастерам, четыре мастера попали под суд. Показательно, что мастера были не согласны с постановлениями комиссии и судов. Даже зная, что мастерскую будут проверять, они вовсе не пытались изменить свое поведение или скрыть свое грубое обращение с учениками[986]. Комиссия Штакельберга не ограничилась лишь мерами наказания, но предложила обязать ремесленных голов, цеховых старшин и их товарищей постоянно следить за положением учеников. Ремесленная управа обязывалась, под наблюдением медицинской комиссии, освидетельствовать ремесленные мастерские. Было предложено восстановить подмастерскую управу, существовавшую, по замечанию комиссии, только на бумаге. Также мастерам было предложено принимать учеников без письменных договоров, что, вероятно, должно было облегчить участь учеников, получивших возможность ухода от мастера в любое время, но

заведения // Записки императорского русского технического общества и свод привилегий выдаваемых по департаменту торговли и мануфактур. СПб., 1890. Вып. 11. С. 356; Щавинская Л.Б. Обучение строительному ремеслу... С. 258.

[984] Hasfeld R. Berufsausbildung im Großherzogtum Baden: zur Geschichte des «dualen Systems» im Handwerk. Köln [u.a.]. XII. 457 S.

[985] Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Т. 1. СПб., 1863. С. 79–80, 304.

[986] Там же. С. 305; Иордан В.О. Ученики-ремесленники... С. 9–10.

противоречило предложениям комиссии К.К. Грота 1840-х гг. Пожелание сократить продолжительность рабочего дня до двенадцати часов с двухчасовым перерывом на отдых, было оставлено, без особых последствий[987].

Эти предложения долгое время не могли быть реализованы ввиду того, что старшины цехов видели круг своих обязанностей в сборе налогов и не вмешивались во «внутренние дела» мастеров, чтобы не вызвать неудовольствия со стороны своих коллег[988]. Сами члены комиссии сомневались в целесообразности оказания давления на мастеров, так как опасались неизбежного увеличения споров между старшинами и мастерами в случае, если первые будут требовать от мастеров неукоснительного исполнения всех правил ремесленного устава. Следовательно, ввиду нежелания мастеров выполнять требования комиссии, а также из-за компромиссной позиции членов комиссии, и, прежде всего, самого генерал-губернатора и полиции, занимавших сторону мастеров, быстрого изменения дел к лучшему ждать не приходилось[989].

Генерал-губернатор Петербурга граф П.Н. Игнатьев (1854-1861 гг.) выразил сомнение в успешности предложенных комиссией Штакельберга мер. По его мнению, можно было сколько угодно издавать предписаний, которые, так же как и ранее, не будут выполняться[990]. Задание старшинам проверить все мастерские было физически невозможно и, из-за недостатка времени, невыполнимо, так как самой комиссии потребовалось три года, чтобы проверить «всего лишь» 1525 мастерских, в то время как в городе имелось в наличии около 12 000 мастерских под управлением ремесленной управы и еще 3000 мастеров, не вступивших в цехи[991].

---

[987] Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Т. 1. СПб., 1863. С. 35.
[988] Иордан В.О. Ученики-ремесленники... С. 11.
[989] Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Т. 1… С. 60.
[990] Там же.
[991] Там же. С. 36.

По мнению Игнатьева, которое грешило своей односторонностью, причиной такого положения было исключительно цеховое устройство ремесла. Он пришел к выводу, что ремесло страдает от недостатка промышленной свободы, и что цехи снижают конкурентоспособность цеховых ремесленников. Он предложил снять с ремесла всякие «ограничения», в надежде, что это поспособствует его развитию. Вызывает сомнение, что освободив ремесло от какой бы то ни было организации, от него можно было бы ожидать более высокой конкурентоспособности, по сравнению с крупной промышленностью. Игнатьев утверждал, что именно промышленная свобода позволит значительно улучшить положение ремесла[992]. Примечательно, что под «промышленной свободой» генерал-губернатор понимал патриархальное ведение хозяйства – как раз то, от чего ремесло должно было избавиться, когда в повседневной жизни обычай с успехом заменяет формальности в виде письменных договоров[993]. На практике наблюдалось как раз обратное, так как именно патриархальные порядки вели к бесправию учеников и их жалкому состоянию.

Игнатьев обращал внимание правительства на то, что до сих пор акценты ставились лишь на положении учеников на крупных предприятиях, хотя, по его мнению, ремесленные мастерские имели «те же самые признаки». Как и на заводах, труд учеников был практически бесплатным. Они не получали до определенного возраста почти никаких технических знаний, выполняя черную работу в мастерской и в хозяйстве, подрывая непосильной работой свое здоровье. Поэтому, как правильно полагал Игнатьев, предписания, имевшие силу закона для крупных предприятий, должны были быть распространены и на ремесленные. Это бы означало, что ученики должны были приниматься в обучение не моложе двенадцати лет. Ученики в возрасте с 12 до 18 лет не должны были работать более двенадцати часов в

[992] Там же. С. 60, 139, 307.
[993] Там же. С. 317.

день. Работа в ночные часы для учеников моложе 18 лет между 20:00 и 5:00 часами должна была быть запрещена[994].

В 1861 г. последовал именной указ о назначении кураторов от Императорского человеколюбивого общества для надзора за ремесленными мастерскими[995]. Но контроль со стороны кураторов оказался малоэффективным, возможно из-за отсутствия особенных прав или желания в наказании мастеров, злоупотреблявших своей властью[996]. Конечно, неправильно огульно говорить о распространенности методов насилия в обучении учеников во всех ремесленных мастерских. Но количество негативных сообщений и настроение общественности говорили о том, что они были повседневным явлением. В пример можно привести судебный процесс, состоявшийся в 1876 г., над мастером сапожных дел Крыловым. Приобретя девятилетнего ученика за 15 рублей у одного торговца, он взял его в четырехлетнее обучение. В данном случае можно говорить о патологии, когда Крылов подвергал ученика побоям и пыткам. Постоянные жестокие избиения привели к тому, что тело ученика было усеяно шрамами и ранами. Среди личных вещей у последнего была всего одна рубаха. Одним из способов пыток было подвешивание ребенка за ноги вниз головой. Суд приговорил ремесленника 4 сентября 1879 г. к 15 месяцам тюрьмы с лишением сословных прав. Это было первое серьезное наказание, которому подвергся ремесленный мастер за издевательства над учеником[997].

Насилие обусловливалось многими факторами. Мастер обладал правом хозяина и главы семьи в отношении учеников и подмастерьев[998]. Последние были полностью в его власти. При этом не играло никакой роли, получал ли он их от родителей или от торговца. Разница заключалась лишь в оплате.

---

[994] Там же. С. 358.

[995] РГИА. Ф. 1341. Оп. 107: Об устройстве заводов и фабрик. Д. 1389: По высочайшему повелению, о возложении на попечителей о бедных, надзора за положением учеников в ремесленных заведениях С. Петербурга. 1861 г., Л. 1; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 78: О поручении попечителем о бедных надзора за положением учеников в ремесленных заведениях Петербурга. 1861 г.; Keller A. Die Handweker… S. 286–287.

[996] Иордан В.О. Ученики-ремесленники. С. 3–5.

[997] Беззащитность ремесленных учеников… С. 793–795.

[998] Об устройстве ремесленного сословия и ремесленной промышленности // ЖМВД. 1853. Отд. 2. Ч. 3. Кн. 5. СПб., 1853. С. 4.

Родители платили мастеру за учение, в то время как торговцы получали с мастера определенную сумму. В условиях патриархальных устоев в низших и средних слоях городского населения в этом не виделось ничего зазорного. В случае, если ученик сбегал, его доставляли обратно полицейские или сами родители, не видевшие для своего чада другого выхода, и не будучи в состоянии прокормить ребенка[999]. Для многих семей это был дополнительный источник дохода, если ученик получал за свою работу небольшую плату. Полиция не обращала внимания на жалобы учеников и соблюдала исключительно право собственности мастеров. Ведь по общепринятому правилу, мастер должен был «учить» ученика, и физическое наказание играло здесь не последнюю роль.

Факты рассмотрения случаев насилия в ремесленных мастерских в судах можно оценить как показатель изменившегося отношения судов и общества, не готовых более рассматривать насилие над детьми как должное. Общество стало осознавать необходимость улучшения положения учеников, а вместе с ними подмастерьев и рабочих. Судебный процесс, произошедший уже в пореформенное время, касался семейства Фельдман в Москве, владевшего прачечной и белошвейной мастерской. Хозяин немилосердно избивал своих подопечных и даже забил до смерти одну из юных работниц. Тяжелое положение работниц привело среди них к нескольким попыткам отравления. Одна из сбежавших девушек была обратно доставлена околоточным Коровиным и избита хозяином в его присутствии[1000].

Не менее тяжелым было положение крепостных ремесленников, чему примером служит судьба некоего русского портного Мишеля, ставшего большим мастером своего дела – кутюрье, как назвали бы его сегодня. История бывшего крепостного мальчика стала известна, благодаря статье

---

[999] Иордан В.О. Ученики-ремесленники... С. 3–4.

[1000] Там же; Видный деятель в становлении гигиены как науки, «Г.И. Архангельский в своем труде „Жизнь в Санкт-Петербурге по статистическим данным“, доказал, что основной причиной высокой смертности является не плохой климат, как утверждалось ранее, а скученность и невыносимые условия жизни необеспеченных слоев населения. Этот вывод в дальнейшем был подтвержден работами Ф.Ф. Эрисмана» (Алексеева Л.П. Г.И. Архангельский – санитарный врач // Вопросы гигиены и методики гигиенических исследований. М.-Л., 1953. С. 232.

В. Пискунова, писавшего в 1859 г. о недостаточном внимании общественности, журналистов и писателей к ремесленникам: «Лица ремесленников редко еще подвертывались под чье-нибудь перо; а сколько здесь предметов и лиц для повестей, для романов, для драм!»[1001]. Близость ремесленников, повседневность их присутствия приводили к тому, что они воспринимались как необходимый атрибут повседневной городской жизни, которому не обязательно уделять особое внимание. В связи с распространением идей Просвещения, общественного блага, социальной справедливости и права, в русском обществе к середине XIX в. наблюдается рост интереса к положению ремесленников, в том числе и портных. Главной проблемой Пискунов называл наличие крепостного права, когда помещик всячески препятствовал выкупу на волю крепостного, ставшего известным мастером в Петербурге.

Итак, некий дворовый мальчик Мишка был принят в учение к известному портному мастеру-французу. Мальчик оказался талантливым. Успешно закончив учение и став подмастерьем, он перенял у своего учителя все премудрости кройки и шитья: «Подмастерье из Мишки превратился в месье Мишеля, посетил Париж и вернулся оттуда чистым французом, истинным виртуозом на ножницах»[1002]. Естественным желанием успешного портного стало выкупиться из крепостной зависимости. Но каково было его удивление, когда «барин» не согласился ни на 5000, ни на 10 000 руб. ассигнациями Мишелю пришлось прибегнуть к заступничеству своих сановных клиентов, выяснивших, что помещик запросил немыслимую по тем временам сумму в 100 000 руб. ассигнациями[1003]. «Мишель поднял гвалт, хотел завести процесс с барином, но этот процесс плохо бы закончился для Мишеля, если бы не вступились за него высшие власти и не выручили его из беды. Дело уладилось тем, что Мишель заплатил барину не 100, а 30 или 40

[1001] Пискунов В. Еще несколько слов о наших ремесленниках // Современник. Т. 74. № 3. 1859. С. 345.
[1002] Там же. С. 347.
[1003] Для примера, средняя цена дома ремесленника составляла 5587 руб. (Веселовский К.С. Статистические исследования… С. 6–8).

тысяч асс., и вышел на свободу. […] Вот какую важность имеет у нас ремесленный вопрос. Этот Мишка своим умом, способностями и полезною деятельностью был важнее сотни деревенских Мишек, неучей»[1004].

Вот как описал М.Е. Салтыков-Щедрин в рассказе «Портной Гришка», изданном в 1887 г., типичный для своего времени процесс обучения героя, в будущем московского «военного и партикулярного портного» Григория Авенирова, у иностранных портных, носящих немецкие имена, так как множество немецких и иностранных ремесленников проживало в обеих столицах. Особенно это касалось портновского мастерства: «Происхождением был он из дворовых людей и отдан с десятилетнего возраста в учение к славившимся тогда московским портным Шиллингу и Тёпферу. Здесь он долгое время присматривался: таскал утюги, бегал в трактир за кипятком для настоящих портных, терпел потасовки, учился скверным словам, пил потихоньку вино и т. д. Словом сказать, проделал всю школу ученика. Пятнадцати лет ему дали иглу в руки, и он, глядя на других, учился шить на лоскутках. Сшивал, распарывал и опять сшивал, покуда наконец не дали ему подметывать. А через год — посадили на верстак, и из него образовался уже настоящий портной. Только кроить он не умел (это делали сами хозяева фирмы) и лишь впоследствии самоучкой отчасти дошел до усвоения этого искусства»[1005].

Существовали и иные сценарии развития. Дело 1865–1866 годов о дурном содержании слесарным мастером Егором Гринбергом (Юрре Гринберг, J. Grünberg) учеников показывает, что нерадивый ученик мог стать для мастера настоящим наказанием. 29 августа 1865 г. предписано через Распорядительную думу Санкт-Петербургским военным генерал-губернатором генерал-лейтенантом князем Италийским и графом Александром Аркадьевичем Суворовым взять с Гринберга подписку «в том,

[1004] Пискунов В. Еще несколько слов... С. 348.
[1005] Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений. В двадцати томах. С.А. Макашин (гл. ред.). М., 1965. Т. 16, кн. 2. С. 261.

что он обязывается содержать учеников Петра Андреева, Алексея Анюхина и Ивана Петрова хорошо», а именно, «кормить хорошо, завести для них кровати и отвести для жительства их другое помещение»[1006]. Последние – новгородские мещане, жаловались в поданном прошении на имя генерал-губернатора «на дурное содержание и обращение с ними слесарного мастера Гринберга, у которого они находятся в обучении мастерству»[1007]. Об исполнении этого решения полковник Шабельский из канцелярии генерал-губернатора сообщил квартальному надзирателю. За точным исполнением этого распоряжения непосредственно должна была проследить ремесленная управа[1008].

А вот как представил это дело сам слесарный мастер в своем прошении в ремесленную управу от 19 января 1866 г.: «В дополнение к поданному мною прошению в ноябре 1865 г. в коем я объявил, что мальчики мои, а именно Петр Карлов не исправим, хотя он уже был наказан за подобного рода неисправности, и неуважение к мастеру. 1) 31 декабря 1865 г. Петр Кумов мною был послан в магазин г-жи Шлеппер чтоб открыть замок, по приходе его домой он доставил мне 15 коп. сер., а замок взял без ведома моего чтоб приделать ключ; 2) Имея годичную работу у Власова, жительствующего на Екатерингофском проспекте; и 3 января подал счет послав П. Кумова с исправленным замком выставленным на счет Власова, но П. Кумов вторично истребовал с жильца 50 коп., а мне о том не объявил. 16 января господин Власов прислал ко мне дворни с выговором что один и тот же замок выставлен на счет, и вторично взяты деньги с жильца, и что ручка отвалилась; но Петр Кумов в своих низких действиях не сознался, лишь только чрез несколько

[1006] ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 3444: По предписанию военного генерал-губернатора от 29.08.1865 с резолюцией Распорядительной думы от 3 сентября с подпискою слесарного мастера Егора Гринберга в том, что он обязывается содержать учеников Петра Андреева, Алексея Анюхина и Ивана Петрова хорошо для наблюдения за исполнением; А.А. Суворов – последний Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор 4.11.1861–1.8.1866. Внук генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. После него должность упразднена.
[1007] Там же.
[1008] Там же.

дней. […] посему прошу примерно наказать; в противном случае я могу лишиться своего честного имени и свое ремесло»[1009].

Старшина слесарно-кузнечного цеха Никифоров докладывал в ремесленную управу 31 января 1866 г., что «ученик был послан со счетом к госпоже Власовой, и повторно к жильцу госпожи Власовой истребовав от него за починку замка 50 коп., объявив притом мне, что он сии деньги утерял, а хозяину не сказал потому что боялся наказания. В чем подтвердили и остальные ученики. Содержанием же, пищею, квартирою и одеждою ученики хозяином во всем довольны»[1010].

Но 7 февраля того же года следует еще одно прошение Гринберга, в котором он жалуется на непослушание и дерзость учеников[1011]. В результате разбирательства выяснилась вина Кумова в мошенничестве, но Гринберг в своей расписке, данной в ремесленной управе 14 февраля 1866 г., сообщал, что прощает своего ученика, «так как он в настоящее время поведение свое исправил»[1012]. 28 февраля Гринберг также письменно объявил, что простил ученика Лукина и получил его адресный билет 26 числа, а 3 марта расторг контракт с его отцом Петром Лукиным – «дворовы[м] человек[ом] г. Костюрина ныне безземельны[м] крестьянин[ом] Псковской губернии»[1013].

На этом примере можно увидеть, в какой степени освобождение крестьян и экономическая либерализация повлияли на представления крестьян о дарованных правах и свободе, понимаемой зачастую как право вседозволенности. Дело осложнялось тем, что фабричное законодательство не распространялось на ремесленные мастерские с числом занятых менее 16[1014]. По этой причине законы – об ограничении детского труда от 1 июня 1882 г. и о запрещении для женщин и детей работы в ночную смену в текстильной промышленности 1885 г., не распространялись на более мелкие

[1009] Там же. Л. 3.
[1010] Там же. Л. 4.
[1011] См. приложение № 4.
[1012] ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 3444: По предписанию... Л. 5.
[1013] Там же.
[1014] Алымов В.К. К вопросу о положении труда в ремесленном производстве // Народное хозяйство. 1904. Кн. 6 (ноябрь–декабрь). С. 3–5.

предприятия[1015]. Теоретически ремесленная управа могла осуществлять более строгий контроль, фактически у нее было мало средств для этого. Такое положение дел вело к криминализации учеников. Согласно статистике Рукавишниковского исправительного приюта в Москве, половину несовершеннолетних преступников в 1880-1888 гг. составляли бывшие ремесленные ученики, в основном из сапожных мастерских. Почти все без исключения ремесленные ученики обладали слабым здоровьем, поэтому самый высокий процент рекрутов, признанных негодными к военной службе, составляли именно ремесленники[1016].

Самоорганизация общества и мобилизация общественных ресурсов привела к организации ряда съездов по самым разным профессиональным признакам. Не остались в стороне и ремесленники, организовавшие при помощи технической интеллигенции в 1900 и 1911 гг. два съезда, представляющих разительный контраст в позиции ремесленных мастеров. Дело в том, что на первом ремесленном съезде в 1900 г. ремесленное сословие подверглось жесткой критике со стороны технической интеллигенции и врачей из-за неудовлетворительного положения в ремесленных мастерских, работа в которых оказывала на души и здоровье учеников губительное влияние[1017]. Мастера реагировали на критику с неприязнью. Их неприятие фабричного законодательства по защите рабочих привело к голосованию за резолюцию, допускавшую повышение продолжительности рабочего дня с 10 до 11,5 часов. Они требовали также возвращения разрешения на работу в ночные часы. Против поставленного на голосование вопроса об ограничении рабочего дня до восьми часов, хотя бы для несовершеннолетних, мастера проголосовали единогласно против. Горячие дебаты вызвало также предложение выделить для учеников шесть часов в неделю для посещения

[1015] Puttkamer J.v. Die Anfänge der russischen Arbeiterschutzgesetzgebung und ihre westeuropäischen Vorbilder // Reformen in Rußland des 19. und 20. Jahrhunderts: Westliche Modelle und russische Erfahrungen, hrsg. v. Dietrich Beyrau u.a. Frankfurt/Main, 1996. S. 85–107.
[1016] Иордан В.О. Ученики-ремесленники... С. 5.
[1017] Труды Всероссийского съезда по ремесленной промышленности в С.–Петербурге 1900 г. Т. 1–3. СПб., 1900–1901.

школы. Делегат Коротович высказал общее мнение, что мастера не собираются выращивать себе конкурентов. Смоленский цеховой старшина Степанов был единственным, потребовавшим съезд пойти в этом вопросе на компромисс, но был освистан[1018]. Более сдержанную позицию по отношению к цехам занимал А.И. Ядров, указывавший на важность институционализации ремесленного образования в рамках ремесленной мастерской, особенно в сравнении с нерегулярным внецеховым ремеслом, не подлежавшем вообще никакому контролю[1019]. Ядров отмечал, что положение ученика было не таким уж и плохим по сравнению с прошлыми десятилетиями, так как суды присяжных в спорных юридических вопросах о защите учеников теперь почти всегда становились на сторону последних[1020]. Дискуссия по вопросам ремесленного образования затруднялась исключительно негативной позицией подавляющего большинства технической интеллигенции по отношению к цехам, а также бескомпромиссной позицией большинства ремесленных мастеров до начала XX века[1021].

Во время съезда провалились почти все предложения представителей технической интеллигенции по ремесленному образованию. Лишь удаление одного пункта ремесленного устава о наказании ученика, мастера готовы были поддержать при условии, что им будет оставлено право применять «меры домашнего исправления». Характерная деталь, показывающая настроения мастеров: слова петербургского ремесленника Волкова о благотворном влиянии розог на воспитание учеников вызвали всеобщий энтузиазм и громкие овации[1022].

Так называемые «меры домашнего исправления» были прописаны в ремесленном уставе в XIX в. В новом кодексе уголовного права под § 1377 они были сохранены именно в традиционной формулировке, заимствованной из

[1018] См. А.П. Наши ремесленники // Русское богатство. 1900. № 4. С. 160–172.
[1019] Ядров А.И. В защиту русских цехов…; Он же. Голос ремесленника. Об упадке ремесленной промышленности. СПб., 1900.
[1020] Там же.
[1021] Ядров А.И. В защиту русских цехов... С. III–IV.
[1022] А.П. Наши ремесленники… С. 163.

указа от 15.08.1845 г. Законодатель счел возможным даже такую воспитательную меру, когда мастеру позволялось не давать ученику достаточно отдыха. Легитимным средством считалось «причинение ран и увечий» ученику, в целях его «исправления»[1023]. Не нашло отклика и предложение организовать для учеников посещение школ, а также общежития, вне домов мастеров.

Неприятие каких-либо реформ мастерами выражалось в их настороженной позиции ко всем предложениям технической интеллигенции. Давала себя знать консервативная политика русского правительства последних двух десятилетий, носившая исключительно охранительный характер в отношении цехов. Ведь известно, что с середины XIX века имелось множество предложений по улучшению положения дел в ремесле, со стороны самих ремесленников, старшин и ремесленных голов[1024].

В 1880-е годы цеховые мастера учредили в Петербурге Ремесленное бюро и «Попечительство о существующих личным трудом детях и подростках, обучающихся различного рода ремеслам у цеховых мастеров города С. Петербурга» (Попечительство)[1025]. В Ремесленном бюро дети получали востребованные профессии портного, слесаря, токаря, механика[1026]. Попечительство имело схожие задачи, а именно – освободить учеников от бремени домашней работы в хозяйстве мастера, поместив их в приют, обеспечить им начальное образование и сносные условия существования. Мастера обязаны были платить за своих учеников от 5 до 13 рублей в месяц, которых все же не хватало на покрытие всех издержек. На содержание одного ученика Попечительство расходовало от 149 до 197 рублей в год[1027].

[1023] Кремлев А.Н. Об отмене телесного наказания... С. 297–299.
[1024] см. Резанов В.А. Взгляд на ход портного мастерства…; РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 93: По проектам мастеров портного цеха Резанова и Кесснера... Л. 1–3; РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 1931: Об открытии в Петербурге воскресных классов.... Л. 3–5; Архивные документы впервые введены автором в научный оборот в своей диссертации (Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg… S. 279, 280, 285).
[1025] Отчет Ремесленного бюро за 1886 год. СПб., 1887. С. 1–4.
[1026] Там же. С. 7–9.
[1027] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 664: Дело об отпуске средств на выдачу пособия Попечительству. Л. 8; Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg… S. 551.

Характерна при этом взаимосвязь, прослеживающаяся между основанием детских приютов, домов призрения и ремесленным образованием[1028].

Ввиду огромной потребности промышленности, и не только ремесленной, в технических специалистах, эти учреждения имели принципиальное значение, но были совершенно недостаточными. Согласно расчетам сотрудника пятого отдела Общества для содействия русской промышленности и торговле (ОДСРПиТ) Г.Ф. Ракеева, которые он привел в своем докладе министерству торговли и промышленности от 29 сентября 1908 г., в ремесленных мастерских столицы имелось 9400 учеников, 73% мальчиков и 27% девочек[1029].

По качеству обучения учеников, мастерские можно разделить на три группы. К первой группе принадлежали традиционные ремесленные мастерские, в которых ученики имели наиболее высокие шансы получить хорошее обучение. К ним принадлежали мастерские золотых и серебряных дел мастеров и иные заведения, производящие предметы роскоши. Опасность того, что в результате ошибки ученика могли возникнуть большие потери, не оставляло мастеру другой возможности, как основательно обучать учеников.

Ко второй группе принадлежали «мастерские-фабрики», дававшие поверхностное техническое образование, ввиду производства большого количества однотипной продукции, не требовавшей специальных навыков и знаний. Эти мастерские поставляли не только первичные заготовки или полуфабрикаты для фабрик и заводов, но и низкоквалифицированные кадры.

[1028] «Детский приют – это низшее воспитательно-образовательное учреждение для детей бедных родителей, имея филантропический характер, давал начальное образование и лишь некоторые навыки ремесленного труда. С течением времени один из этих недостатков был преодолен: при приютах стали открываться специальные и ремесленные образовательные школы и училища». Особый период в истории приютов начался при В.Ф. Одоевском: «Его организационно-педагогическая деятельность в детских воспитательно-благотворительных учреждениях происходила в двух периодах. В первый период он был связан с воспитательными домами, а во второй – с детскими приютами. Став в 1839 году организатором детских приютов в Петербурге и Правителем дел Комитета Главного Попечительства детских приютов, В.Ф. Одоевский поставил себе задачей создать эти учреждения не как простые убежища для детей, а как педагогические заведения, в которых дети должны были получать элементарное воспитание – физическое, умственное, нравственное, эстетическое» (Агулина С.В. Становление и развитие воспитательно-благотворительных учреждений для детей в России, середина XIX – начало XX вв. М., 1996. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. URL: http://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-razvitie-vospitatelno-blagotvoritelnykh-uchrezhdenii-dlya-detei-v-rossii-sered#ixzz4puxpQaij (Дата обращения: 15.08.2017).

[1029] Ракеев Г.Ф. Об ученичестве у мастеров…С. 1.

К третьей группе принадлежали мастерские, осуществлявшие заказы крупных предприятий по сборке определенных продуктов из уже готовых частей, поставлявшихся этими предприятиями. В такого рода мастерских труд потерял свой ремесленный характер; по факту они были филиалами крупных предприятий. Здесь ученик превращался в малолетнего рабочего, не имевшего никаких шансов стать подмастерьем, а тем более мастером, оставаясь навсегда низкоквалифицированным рабочим[1030].

Было бы ошибочным обвинять исключительно ремесленных мастеров, вынужденных бороться за выживание в условиях жесткой конкуренции, в недостаточном образовании учеников. Правовой нигилизм, имевший широкое распространение среди низших и средних слоев населения, приводил к тому, что множество письменных договоров со стороны родителей и учеников, не соблюдалось. Существовала опасность, что ученик, после получения необходимых навыков, мог покинуть мастера до истечения срока договора и начать работать в другой мастерской, уже за деньги. Данная практика была особенно распространена среди малоимущих семей, нуждавшихся в дополнительном приработке для пополнения семейного бюджета[1031].

Ремесленные школы и профессиональные училища большинству желающих были недоступны, в связи с высокой платой за обучение, доходившей до 200 рублей серебром. Чтобы обеспечить в 1892 г. всех 9000 ремесленных учеников, числящихся у цеховых ремесленников, местами в ремесленных училищах, на их содержание необходимо было бы тратить 2 млн. руб. сер. в год. Этих денег не было ни у правительства, ни у города, ни у ремесленной управы[1032].

Публикация документов в статье И.В. Синовой показывает, что многочисленные распоряжения генерал-губернатора Клейгельса и правила содержания ремесленных заведений, распечатанные в количестве 9000 штук,

---

[1030] Там же. С. 5.
[1031] Там же. С. 15–16.
[1032] Там же. С. 24.

не всегда имели должное воздействие. Часто проверяющие вынуждены были довольствоваться констатированием факта о невыполнении многими ремесленниками предписаний городских властей и ремесленной управы. Было ли постановление цехового схода мастеров портного цеха Санкт-Петербурга от 25 февраля 1900 г. об обязательном посещении ремесленными учениками воскресных школ и 10-часовом рабочем дне выполнено всеми мастерами без исключения?[1033]. Скорее всего – нет. Но важен был процесс осознания ремесленниками необходимости преобразований и их постепенного осуществления.

В этом смысле второй ремесленный съезд, прошедший в 1911 г., представлял разительный контраст к съезду 1900 г. Осознание мастерами необходимости реформирования ремесленного образования было налицо. Съезд единодушно выступил за запрещение телесных наказаний учеников, за введение обязательного и бесплатного школьного образования[1034]. Споры вызвало количество часов, выделяемых для школьных занятий. Депутаты требовали двенадцать часов в неделю, что было менее минимума, определенного законом от 15 ноября 1906 г. в 18 часов. Мастера были правы, так как при наличии десятичасового рабочего дня у учеников просто не оставалось бы сил для посещения школы. Для этого необходимо было сократить рабочий день, на что мастера еще не готовы были пойти[1035]. В противном случае, ученики бы просто засыпали на уроках в вечерних школах.

[1033] Синова И.В. «…Следить за добрыми и отеческими... С. 76–92.

[1034] Малин А. Второй всероссийский... С. 287, 289.

[1035] Андреев Е.Н. О работе и об обучении малолетних рабочих // Труды общества для содействия русской промышленности и торговле, ч. 13. СПб., 1883. С. 50; Видный деятель рабочего и технического образования, Е.Н. Андреев выдвинул в 1874 г. проект закона о труде и обучении малолетних. Представления мастеров об образовании учеников мало чем отличались от тех же у владельцев заводов и фабрик, для которых была характерна интенсивная эксплуатация рабочих с жесткими границами рабочего времени и увеличением продолжительности рабочего дня с одновременным сокращением времени для отдыха. Петер Хубер пишет об изменившемся представлении о рабочем времени индустриальной эпохи в отличие от ремесленной мастерской Средневековья и о том, что тогда не было разделения на рабочее и свободное время, рабочего и жилого пространства. Рабочий день начинался с восходом солнца и заканчивался с его заходом (летом 16 часов, зимой восемь), но это не значит, что все это время ремесленники работали. Это был образ жизни, отличный от современного с совсем иным рабочим ритмом, темпом и распорядком дня. Фазы работы сменялись временем продолжительного отдыха во время завтрака, обеда и обычного сна после обеда. Хубер приходит к выводу, что в Средние века работали меньше, чем в эпоху индустриализации, и что «сказка об угнетенном ремесленнике» безосновательна. Так в Австрии в 1830 г. рабочий день на фабрике длился обычно от 14 до 16 часов или 80-85 рабочих часов в неделю, что было аналогично положению рабочих в России. Можно предположить, что такое представление о рабочем времени стало распространяться в

С начала второго промышленного подъема перед Первой мировой войной, общественными деятелями и представителями инженерно-технической интеллигенции было вновь обращено пристальное внимание на недостаточно развитое ремесленное образование, из-за чего чувствовался острый недостаток в профессионально-технических специалистах. Поэтому городская дума предложила в 1911 г. проект по развитию общегородской системы ремесленного образования, отвечающей промышленным потребностям города. По расчетам комиссии народного образования, при Петербургской городской думе на финансирование проекта требовалось 1 500 000 млн. руб. и 130 000 руб. для текущих расходов ежегодно. Члены комиссии по финансам при городской думе привлекли к совещаниям по этому вопросу ведущих экспертов: председателя комиссии по народному образованию А.В. Бельгарда, ее участников С.В. Жданова и Н.Н. Медведева, директора Охтенской механико-технической школы И.Ф. Бунина, окружного инспектора промышленных училищ министерства народного просвещения Н.Г. Грузова, руководителя мастерской при ремесленной школе им. Цесаревича Николая, Н.Б. Завадского, члена Общества содействия русской промышленности и торговли Г.Ф. Ракеева. Совещание не дало ожидаемого результата. Комиссия пришла лишь к давно известному выводу о недостаточном развитии ремесленного образования. Так и не начавшись, проект не мог быть закончен, ввиду того, что члены комиссии не могли определиться с тем, какие цели должны были преследовать ремесленные училища, каким востребованным профессиям должны были обучаться

ремесленных мастерских Петербурга уже в XVIII в., хотя стало преобладающим лишь со второй половины XIX в., что было связано с процессами индустриализации. Кстати, совокупное рабочее время в году (2000 раб. час.) в XVI в Европе сравнимо с сегодняшними трудовыми стандартами Европейского Союза: см.: Huber H. Im Mittelalter wurde weniger gearbeitet als heute // Die Presse. 27.02.2013. URL: http://diepresse.com/home/wirtschaft/hobbyoekonom/1347291/Im-Mittelalter-wurde-weniger-gearbeitet-als-heute (Дата обращения: 28.10.2017); Британский историк Эдвард П. Томпсон считал, что утверждение новой временной дисциплины, ставшее решающим в изменении представления о рабочей дисциплине, произвело глубокий антропологический переворот (Thompson E.P. Time, Work-Discipline, and Industrial Capitalism // Past and Present 38 (1967), S. 57).

ученики, и какой диплом они должны были получать – мастера-руководителя или подмастерья-рабочего[1036].

Успех правительственных мер и дополнявших их частных инициатив привел к появлению в начале XX столетия разветвленной сети профессионально-технических учебных заведений. Специфика системы профессионально-технического образования до 1917 г. заключалась в том, что часть ремесленных и технических учебных заведений подчинялась министерству народного просвещения, другая – министерству торговли и промышленности. Первому были подведомственны 249 учебно-профессиональных заведений, многие из которых находились в Петербурге[1037]. Они подразделялись на четыре категории: профессиональные учебные заведения по уставу 1889 г., общеобразовательные школы для ремесленных учеников, начальные профессиональные школы и профессиональные школы с особыми уставами. В 1904 г. в данных заведениях обучалось при имевшихся 8154 местах 6942 ученика[1038]. Такое соотношение имеющихся мест и наличного состава учеников не должно приводить к заблуждению относительно повышенного спроса на обучение в подобных учреждениях. Ведь многие из них были платными, что было существенным препятствием для поступления в них детей из малоимущих семей[1039].

Интересно процентное соотношение 96 учебно-профессиональных заведений подобного рода из общего числа 249, подавших в 1904 г. отчеты для обсуждения на 3-м съезде русских деятелей по техническому и ремесленному образованию, относительно количества преподаваемых ремесел: в 27 % из них преподавалось лишь одно ремесло, в 47 % – два, в 19 % – три, в 7 % – более трех ремесел. Можно предположить, что многопрофильные учебные

[1036] Труды второго Всероссийского съезда... С. 107–109.
[1037] Тюфилин А.М. Записка о состоянии ремесленности. Казань, 1906. С. 13–15.
[1038] Ершов М.П. Современное состояние ремесленных учебных заведений по данным 3-го Съезда. (Дек. 1903 - янв. 1904): Докл. тов. пред. 3 секции М.П. Ершова: [С прил.]. [СПб.], [1904]. С. 6, 31.
[1039] См.: К вопросу о ремесленном обучении преимущественно детей // Детская помощь. 1885. С. 88–103; Краткие сведения, касающиеся введения и распространения ручного труда в С.-Петербургских детских приютах. СПб., 1899; Кронгауз А. Фабрично-заводские… С. 99–101; Кузьмин М.Н. Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. Челябинск, 1971.

заведения с несколькими профессиями находились именно в обеих столицах, а также в таких крупных городах как Казань, Харьков и Одесса[1040].

Эти усилия приносят свои плоды. Вопреки часто встречающемуся негативному мнению ученых, литераторов, видных общественных деятелей того времени по отношению к общему уровню грамотности (умение читать и писать) среди ремесленников, исследование Г.И. Архангельского, проведенное в 1869 г., показало, что на первом месте по уровню грамотности среди женщин, с 54 % грамотных, находились именно представительницы ремесленного сословия[1041]. Среди женщин ремесленного сословия, наряду с купечеством, традиционно имелось значительное число самостоятельных хозяек. Лишь в конце XIX – начале XX веков к ним, по наблюдению М.Н. Барышникова и Т. Е. Барышниковой, появляются новые черты в облике женщин-предпринимательниц, среди которых можно встретить представительниц из крестьянства, мещанства и семей служащих[1042].

На протяжении десятилетий, за время с 1860-х гг., в результате деятельности правительства, энтузиазма частных лиц, членов благотворительных (дома трудолюбия, детские приюты), профессиональных (ремесленные управы) и научных технических обществ (ИРТО) была создана солидная материальная и теоретическая база[1043], на основе которой, при должной и эффективной организации имевшихся ресурсов, стало возможным массовое обучение профессиональных кадров. Всероссийские ремесленные выставки 1875 и 1899 гг., прошедшие в Петербурге, показали реальные успехи

[1040] Ершов М.П. Современное состояние ремесленных учебных заведений... С. 5; см.: Магсумов Т.А. Казанское ремесленное училище в конце XIX – начале XX века: проблемы функционирования ремесленного образования // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 41–46; Маленко А.Т. К вопросу о подготовленности мастеров ремесленного обучения дореволюционной профессиональной школы России // Некоторые вопросы истории педагогики, вып. 13. М. 1971. С. 33–43; Положение учеников ремесленных училищ в дореволюционной Твери // Красный архив, 1941. Т. 1 (104). С. 143–150.

[1041] Архангельский Г.И. Жизнь в Санкт-Петербурге... С. 60.

[1042] Барышников М.Н., Барышникова Т. Е. Женщины в составе петербургских предпринимателей в начале XX века // Барышников М.Н. (ред.). Предпринимательство и общественная жизнь Петербурга. Очерки истории. Сб. ст. СПб., 2002. С. 35.

[1043] К 1908 г. в России имелось 27 ремесленных училищ в ведении МНП и 75 училищ, работавших по особо учрежденным уставам, в которых обучалось около 14 тыс. учащихся, а также 70 частных ремесленных училищ, работавших под контролем правительственных органов [Батышев С.Я. (науч. и лит. ред.). Энциклопедия… 1999. С. 42].

на поприще ремесленного производства и появление целого ряда русских ремесленных мастерских, по праву заслуживших поставить на своих товарах клеймо «made in Russia» [1044]. Вопрос ремесленного образования в ремесленных мастерских, служивший постоянным объектом справедливой критики со стороны инженерно-технической интеллигенции, являлся самым больным[1045].

К концу XIX в. наблюдается принципиальный сдвиг в общественном сознании в понимании необходимости ремесленных общеобразовательных заведений. Последние основывались теперь не только общественными и государственными учреждениями, но и частными лицами вне цеховой ремесленной среды, как в благотворительных и воспитательных, так и в коммерческих целях. Показателен состав участников на Всероссийской ремесленной выставке 1899 г., на которой было представлено множество частных ремесленных учебных заведений Петербурга, подведомственных Министерству торговли и промышленности[1046]. Развитие ремесла, продемонстрированное на второй ремесленной выставке в 1899 г., хорошо прослеживается на высоком качестве работ ремесленных учеников. Причем были показаны изделия не только учеников ремесленных мастерских, но и ремесленных учебных заведений, число которых в 1904 г. в России выросло до 249[1047].

По состоянию на 1914 г., к ним добавляются в Петербурге – заведения П.И. Межерича, В.П. Панова, И.А. Гаврилова, Н.П. Львова, М.А. Шуммера, а также Женская городская ремесленная школа имени В.А. Крылова.

[1044] Впервые клеймо «Made in Germany» появилось в конце XIX века по инициативе Англии для защиты от дешевых товаров плохого качества, импортировавшихся из Германии. Сегодня, напротив, оно служит для многих знаком качества. К примеру, на Всемирной выставке в Филадельфии в 1876 г. участник жюри из Германии Франц Рёло (Franz Reuleaux) поставил свое заключение по поводу качества немецких экспонатов: «Немецкие товары дешевые и плохие» // Braun H.-J. Billig und schlecht? Franz Reuleaux' Kritik an der deutschen Industrie und seine wirtschaftspolitischen Vorschläge 1876/77 // Kultur und Technik, 9. Jahrgang 1985, Heft 2. S. 106–114; Неоднозначность ситуации показывает случай слесаря Иоганна фон Циммерманна из Хемница, основоположника металлорежущего машиностроения. На Всемирной выставке в Лондоне в 1862 г. были представлены его машины, положившие конец монополии английских машин на европейском рынке. Известный участник жюри Джозеф Витуорт назвал машины Циммерманна «very good indeed» («действительно очень хорошие») (Spur G. Vom Wandel der industriellen Welt durch Werkzeugmaschinen, eine kulturgeschichtliche Betrachtung der Fertigungstechnik. München, Wien, 1991).

[1045] Тромонин К. О художестве в ремеслах… С. 10; Ракеев Г.Ф. Об улучшении положения ремесленных учеников... С. 20–22.

[1046] Указатель С.-Петербургской ремесленной выставки 1899 г… С. 55–71.

[1047] Там же.

Министерству также были подотчетны Петроградские политехнические курсы, курсы для ткачей-подмастерьев и курсы для относительно новых профессий электротехников и электромонтеров, организованные Петроградским Товариществом профессоров и преподавателей.[1048] Среди петербургских ремесленников также делались усилия по улучшению ремесленного образования. К примеру, петербургское «Общество ювелиров, золотых и серебряных дел мастеров и торговцев» в 1912 г. учредило дочернее «Общество распространения художественно-ремесленного образования», которое, в свою очередь, занималось организацией учебных мастерских и курсов в столице[1049].

И, хотя на втором ремесленном съезде в 1911 г., также раздавались критические голоса в адрес ремесла, как, например, высказывание делегата съезда Д.П. Никольского, аналогичное словам В.О. Иордана в 1894 г., что ремесленное учение есть «ученичество-мученичество», ученики – всего лишь дешевая рабочая сила, а обучение в ремесле – ничто иное, как чистая эксплуатация детей, наблюдаются положительные сдвиги[1050]. В большинстве своем ремесленные мастера, в отличие от съезда в 1900 г., поддержали предложения съезда о реформировании ремесленного образования[1051].

Противоречивость отношений между мастерами и учениками находила свое выражение в правотворческой деятельности в области регулятивного права. Если К.К. Грот призывал в начале 1840-х гг. к обязательному введению письменных договоров, то комиссия А.Ф. Штакельберга и генерал-губернатор Петербурга П.Н. Игнатьев рекомендовали в начале 1860-х гг. ограничиться всё же устными договоренностями. Напротив, в конце XIX в. Г.Ф. Ракеев выражает всеобщее мнение, выступая за обязательное введение письменных договоров[1052]. Наконец, в 1900 г. ремесленный съезд вынес резолюцию:

[1048] Список ремесленных и технических учебных заведений... С. 26, 30, 32, 36, 38.
[1049] Устав общества распространения художественно-ремесленного образования. СПб., [1912]. С. 3–4.
[1050] Малин А. Второй всероссийский ремесленный съезд. С. 288.
[1051] Там же. С. 287, 289.
[1052] Ракеев Г.Ф. Доклад // Труды Всероссийского Торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде в 8 томах. СПб., 1897. Т. 1. С. 2.

«Запретить отдачу и прием малолетних в обучение ремеслам без письменного договора»[1053].

Будь то члены правительства, «образованного общества», аристократии, западники или славянофилы – все они воспринимали себя европейцами или размышляли в рамках европейского дискурса. Даже порицая «пагубное» влияние «Запада», они считали Россию естественной частью европейского континента – политической, культурной, экономической. Поэтому всему, что происходило в Европе, в особенности в Германии, уделялось пристальное внимание. Грот рассматривал цехи в рамках городского и корпоративного права (немецкий город, коммуна), Штакельберг и Игнатьев – с точки зрения либерализации экономики (отмена цехов в Германии), Ракеев, Иордан, Малин и др. представители технической интеллигенции и разночинцев – прагматично с точки зрения рабочего законодательства («социальные законы» в Германии 1881-1889 гг.)[1054].

Что еще 20 лет назад нельзя было себе представить, стало реальностью в 1911 г. на Втором Всероссийском ремесленном съезде. Делегаты единогласно проголосовали за отмену телесных наказаний, введение обязательного и бесплатного школьного образования[1055].

Подводя итог, отметим, что развитие ремесленного образования невозможно охарактеризовать однозначно. Путем проб и ошибок, в процессе настойчивой работы и осмысления места и роли ремесла в хозяйственной жизни столицы, образование ремесленных учеников с трудом, но медленно и верно развивалось в сторону усиления защиты прав учеников, улучшения

[1053] Тиц Б. Ремесленное ученичество. СПб., 1908. С. 36.

[1054] См.: Антропов Р.В. Влияние германского права эпохи либерализма на развитие российского законодательства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 4 (44), 2006. С. 23–28; Он же. Социальное законодательство Германии во второй половине XIX века: особенности, эволюция и роль в историческом процессе // Genesis: исторические исследования. 2015. № 3. С. 280–291. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_15172.html (Дата обращения: 10.08.2017); Беспалова Л.Н. Социальная политика Отто фон Бисмарка в освещении «Вестника Европы» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. 7 (135). С. 69–75; «До реформы 1864 г. в России действовал Гражданско-процессуальный кодекс 1832 г., в основу которого был положен Прусский гражданско-процессуальный кодекс 1793 г. […] Германский ГК явился образцом при разработке проектов единого российского гражданского кодекса 1899 и 1903 гг.» (Антропов Р.В. Влияние германского права… С. 25–26).

[1055] Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg… S. 295; Кремлев А.Н. Об отмене телесного наказания... С. 297–299; Малин А. Второй всероссийский... С. 287, 289.

условий их обучения и жизни, уменьшения произвола и насилия со стороны ремесленных мастеров. Говоря о негативных фактах в ремесле, не стоит забывать, что огромная армия ремесленников осуществляла жизнеобеспечение одного из крупнейших городов Европы, нуждавшегося ежедневно в продуктах питания, одежде, обуви, жилье.

Можно заключить, что до 1917 г. в Петербурге сложилась разветвленная сеть учебных заведений профессионально-технического профиля, выполнявшая функции воспроизводства образованных и профессионально развитых рабочих кадров, в соответствии с требованиями рынка труда и развитием научно-технического прогресса. Полное общее и профессиональное (ремесленное) образование повышало конкурентоспособность выпускников этих учебных заведений на рынке и позволяло занимать специальные ниши, дополнявшие крупное промышленное производство[1056]. Более того, во многих отраслях промышленности, вплоть до 1920-х гг., ремесленники оставались основными поставщиками продуктов питания и предметов первой необходимости: одежды, обуви, домашней утвари. Именно экспроприированные ремесленники составили после революции 1917 г. костяк специалистов низшего и среднего звена на заводах и фабриках Петрограда.

Значительный прогресс в развитии низшего и среднего профессионально-технического образования в России в XVIII и XIX вв. в результате открытия правительством, земствами и частными лицами множества ремесленных учебных заведений не смог компенсировать постоянной нехватки технических специалистов вплоть до 1930-х гг., когда была налажена их массовая подготовка. Несмотря на это общая тенденция ухудшения качества профессионально-технического образования и снижения престижности получения теперь уже рабочей, а не ремесленной профессии не

[1056] Ершов М.П. Современное состояние ремесленных учебных заведений...; Ремесленные курсы для народных учителей при императорском русском техническом обществе 1880–1881. СПб., 1881; Ремесленные училища. Школы ремесленных учеников. СПб. 1909.

могла быть переломлена. Это было вызвано «увеличением дистанции между системами общего и профессионально-технического образования»[1057]. Ремесленники как самостоятельные производители перестали существовать и деградировали в работников домов бытового обслуживания или вели свое существование в нишах декоративно-прикладного искусства. Потенциал развития цехового самоуправления в сторону современных профессиональных и социальных институтов ремесла вплоть до 1914–1917 г. не был реализован до конца, поэтому актуализация этого социального опыта сегодня актуальна как никогда.

В своей статье Д. Круа, М Дёпке и Д. Мокир говорят об актуальности методики ремесленного обучения для получения определенных профессиональных навыков сегодня: «Невербальные знания и навыки остаются актуальными в современной экономике. Например, отношения, подобные существующим между мастером и учеником, по-прежнему широко распространены в образовании врачей и ученых, а продолжающая существовать система ученичества в Германии часто считается одним из источников низкого уровня безработицы в стране и ее общего экономического успеха»[1058]. Поэтому авторы считают значимым и важным обращаться к истории институтов, ответственных за передачу навыков и невербального знания между поколениями.

Думается, будет уместным привести в пример наблюдение, которое автор сделал, будучи на конференции в Кембридже в 2017 г. Впечатлило, насколько силен в Кембриджском университете и особенно в его колледжах высокий корпоративный дух. Ведь именно это роднит один из лучших университетов мира с цеховой корпоративностью[1059]. Здесь то же штучное производство и ярко выраженная форма работы профессора и студента, так

[1057] Леднев В.П. Профессионально-педагогическое образование на Урале: становление и развитие. Екатеринбург, 2004. С. 50.

[1058] Croix D. de la, Doepke M., Mokyr J. More than family matters: Apprenticeship and the rise of Europe, 02 March 2017. URL: http://voxeu.org/article/apprenticeship-and-rise-europe (14.04.2017).

[1059] См.: Huisman T.J. Universities: Challenges to the last guild in a new information age. In NJAS – Wageningen Journal of Life Sciences, Volume 59, Issues 1–2, March 2012, Pages 3–5.

же, как в ремесленной мастерской – мастера и ученика. Подобно ученику, сосредоточенно наблюдающему движение руки мастера, студент внимательно следует за движением мысли профессора. Кембриджский университет так же, как и работу мастера, нельзя скопировать массовым способом. В этом заключается секрет обучения и рождения инноваций.

Принципиальную разницу между мастером мысли и ремесленным мастером можно увидеть лишь в способе передачи их знания. Но как у того, так и у другого донесение эксплицитного знания предполагает в тоже время и передачу имплицитного знания (tacit knowledge)[1060]. М.В. Джексон показал это на примере работы немецкого физика и оптика Йозефа Фраунгофера, подзаголовок книги о котором имеет характерное название: «Сверхточная оптика как ремесленное искусство»[1061]. Джексон исходит из того, что имплицитное знание имеет непосредственное отношение как к квалифицированному действию (мастера), направленному на трансфер неартикулированного, имплицитного знания, так и к неартикулированному знанию, которому обучаются посредством предписания и примера[1062].

Поскольку в следующем параграфе будут рассматриваться иностранные ремесленники, в работе которых особенно важна передача имплицитного знания в процессе обучения русских учеников, не знавших иностранных языков, коснемся проблематики концепции tacit knowledge. Майкл Полани внес важный вклад в разработку концепции имплицитного знания, исходящей из предпосылки, что человек знает больше, чем он может рассказать, что

[1060] См. Гаврилова Е.В., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Трансляция научного опыта и личностное знание // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 28–35; Филипенок С.А. Личностное знание и личностный опыт в процессе самосознания // Философия и культура. 2012. № 11 (59). С. 109–119; Она же. Личностный опыт в творческом процессе. Эпистемологический анализ // Эпистемология креативности. М., 2013. С. 272–288; Чебанов С.В. Личностное знание и техники понимания // Вестник Тверского государственного университета. 2010. № 31 (Филология). С. 238–244.

[1061] Jackson M.V. Fraunhofers Spektren. Die Präzisionstechnik als Handwerkskunst. Göttingen, 2009. S. 19; Petersen S. Vom „Schwachstarktastenkasten“ und seinen Fabrikanten. Wissensräume im Klavierbau 1830 bis 1930. Münster, 2011. S. 17; Й. Фраунгофер работал с детства в мастерской своего отца – бедного стекольщика. После его смерти двенадцати лет, мальчик поступил на обучение в зеркальную и стекольную мастерскую в Мюнхене. Благодаря поддержке баварского короля Максимилиана-Иосифа, Фраунгоферу удалось получить дальнейшее математическое образование, благодаря чему он смог устроиться на работу ассистентом в математический и оптический институт в Мюнхене, где изготовлялись линзы и оптическая аппаратура.

[1062] Там же. S. 18–19; В данном контексте приводится также пример изобретения TEA Lasers (газовый лазер) в конце 1960-х годов.

формальное знание не исчерпывает всего знания вообще[1063]. Ученый определял опытное знание как «привязанное» к человеческому телу, практикуемое им и передаваемое через личный пример[1064].

В применении понятия имплицитного знания к работе инженеров, Ойген Фергюсон, подчеркивая значение интуитивного действия и невербального мышления, критикует расхожее мнение о том, что якобы все знания, использованные при изготовлении техники происходят и могут быть почерпнуты из естественных наук[1065]. Например, инженеры изображают свою идею посредством рисунков и эскизов в своем особенном стиле, не предполагающем полномасштабного и окончательного чертежа машины или технической идеи, и содержащих имплицитное знание. Инженер должен объяснить исполнителю свой «внутренний образ» своего изобретения: сооружения, технического приспособления, машины и т.д., которое он придумал, а это невозможно выразить чисто математическим или формальным способом. То же можно сказать и о научно-исследовательской работе, в которой эксплицитное и имплицитное знания являются двумя нераздельными и одинаково важными частями целого. Этот вывод полностью распространяется и на знания ремесленного мастера[1066].

В данном контексте нас интересуют исследования Дугласа Гарпера, применившего концепцию имплицитного знания Полани. Гарпер наблюдал на протяжении нескольких лет работу в мастерской и социальное окружение мастера Виллие на севере США, бывшем в одном лице кузнецом, механиком и ремонтником[1067]. Ученого интересовали прежде всего профессиональные навыки мастера и их передача ученикам. Соня Петерсен применила результаты работы Гарпера в исследовании фортепианного производства XIX

[1063] Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / общ. ред. В.А. Лекторского, В.И. Аршинова; предисл. В.А. Лекторского. Москва, 1985 (Polanyi M. Implizites Wissen. Frankfurt a.M., 1985).
[1064] Polanyi M. Implizites Wissen… S. 21, 23; Petersen S. Vom „Schwachstarktastenkasten“… S. 15.
[1065] Ferguson E.S. Das innere Auge. Von der Kunst des Ingenieurs. Basel, 1993. S. 9.
[1066] Petersen S. Vom „Schwachstarktastenkasten“… S. 15.
[1067] Harper D. Working Knowledge. Skill and Community in a Small Shop. Chicago 1987.

– XX в.[1068], что важно для данного исследования, так как ниже пойдет речь и о мастерах музыкальных инструментов Петербурга.

С 1722 г. до начала XX века ремесленное образование в России прошло противоречивый и сложный путь, где уживались невежество и низкий профессионализм с высшими достижениями мастерства. Несмотря на всю критику ремесла со стороны современников, важно отметить позитивную динамику развития в ремесленном образовании. Со временем негативные случаи стали получать все более широкую огласку, принимались более действенные меры по улучшению положения учеников со стороны правительства, общества, ремесленных мастеров.

3.3. Правительственная политика по отношению к цехам

Промышленная политика правительства была призвана найти компромисс между экономическими интересами самых разнообразных социальных слоев российской столицы, в которой в 1857 г. насчитывалось более 60 сословий. Именно это обстоятельство, возможно, приводило просвещенных современников и высокопоставленных чиновников к мысли об упорядочении этой в высшей степени гетерогенной социальной действительности. Введение принципа всесословности должно было стать инструментом в осуществлении этой концепции для формирования социальной модели, наиболее соответствующей тогдашним представлениям о «модерном» обществе[1069]. Жесткая гомогенизация последнего, ставшая следствием радикализации социальной революции 1917 года, привела к другой крайности.

С одной стороны, попытки правительства до политического кризиса 1905–1906 годов упростить эту социальную модель до простой схемы,

---

[1068] Petersen S. Vom „Schwachstarktastenkasten“... S. 15.

[1069] Фриз Г.Л. Сословная парадигма… С. 151; Представления эти имели чрезвычайно много вариаций и отклонений от того, что сегодня подразумевается под понятием модерности.

состоящей из четырех-пяти сословий общества, имеющих свои корпоративные институты, не увенчались успехом. Несмотря на это, «российское самодержавие стремилось всячески укрепить, а не ослабить сословный порядок»[1070]. В отношении ремесленников это приводило к невозможности решения конфликта между временно- и вечноцеховыми: «[…] преданность государства сословной системе становилась все более сильной и все более идеологизированной после 1870 г. Догматизированное подтверждение важности существования сословий исходило, в первую очередь, от самого государства. Разочарованное результатами реформ 1860-х годов и встревоженное нарастанием общественного недовольства, государство пыталось восстановить основы дореформенного общественного устройства»[1071]. Не последнюю роль при этом играло влияние концепции «третьего сословия», как предполагаемой необходимой предпосылки для успешного проекта модернизации российского общества. Эта концепция так и осталась «фата-морганой» русского социального проекта имперского периода.

С другой стороны, было бы необоснованным преувеличением говорить о некоем социальном проекте, который должно было преследовать русское правительство, состоящее на самом деле, условно говоря, из консервативного и либерального лагерей, по-разному относящихся к вопросу о сословиях: «Дело было не просто в словах, поскольку в конкретных случаях государство обращалось с каждой социальной группой на особых основаниях. Оно формулировало свою политику, изменяло правовой статус этих групп и даже применяло термин „сословие“, не пытаясь охватить все социальные слои рамками четырехсословной системы»[1072].

В этом свете рассмотрим интеракцию коронных учреждений со столичной ремесленной управой, а значит с представителями цеховых ремесленников, и их отношения с представителями других городских

[1070] Там же. С. 146.
[1071] Там же. С. 147.
[1072] Там же. С. 136.

состояний мещанства и купечества. С одной стороны, у двух последних была возможность заниматься в определенном объеме ремеслами, с другой стороны, у ремесленной управы были серьезные инструменты воздействия на нарушителей ее прав. Такие наказания за нарушение ремесленного устава как денежный штраф, конфискация инструментов и запрещение заниматься ремеслом, ссылка на галеры и тюремное заключение, предполагаемые в разные времена начиная с 1722 г., могли возыметь должное действие. Это значит, что притязания цеховых ремесленников не всегда оставались пустыми угрозами, но могли быть наполнены реальным содержанием, формирующим и защищающим пространство «цеховых ремесленников».

В конце XVIII – первой половине XIX в. появился ряд узаконений, предусматривавших наказания для мастеров в виде денежных штрафов и лишения свободы, нарушивших ремесленный устав, пока 15 августа 1845 г. не появилось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, упорядочившее их[1073]. Могущее показаться сегодня двояким, оно отражало философию законодателя, включавшую нахождение компромисса и возможности, позволить заниматься предпринимательской деятельностью не только ремесленникам, но и купцам, имеющих достаточно капитала для инвестиций в ту или иную отрасль ремесленной промышленности. Поэтому, с одной стороны, законодатель защищал право цеховых мастеров на владение мастерской и право обучения учеников, с другой, давал возможность купцам нанимать мастеров и открывать мастерские. Но и цеховые мастера имели право и обязывались при большом объеме производства и капитала записываться в купечество. Здесь вырисовывается определенная экономическая модель промышленного развития, где, выражаясь образно, шестеренки состояний цеховых и купечества, должны были приводить в движение мотор промышленного развития. Лишь их взаимодействие могло служить залогом успеха. Цеховые выступали носителями технических, купцы

[1073] ПСЗ-2. Т. 20. Ч. 1. № 19283. – *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных*, здесь отд. II: О нарушении постановлений ремесленных. С. 918–926.

– коммерческих знаний, в результате чего, как из тех, так и из других мог и выходил новый тип предпринимателя, отвечающий запросам эпохи промышленной революции.

Так, статьи 1795 и 1801 Уложения 1845 г. защищали торговые права купцов, в отношении ремесленников. Статья 1795 запрещала мастерам работать без записи в купеческую гильдию, если их ремесло требовало больших капиталовложений и, соответственно, было капиталоемким. Мастер, нарушивший эту статью, обязывался заплатить штраф в размере 50% от суммы, необходимой для оплаты купеческого свидетельства. Во второй раз провинившийся платил двойную сумму, а в третий ему грозило заключение в тюрьму на срок от трех до шести месяцев[1074]. Статья 1801 также запрещала ремесленникам открывать при своих мастерских магазины, если они не были записаны в купечество. В противном случае, ремесленник платил штраф в размере полной суммы, необходимой для оплаты купеческого свидетельства. Во второй раз нарушитель закона платил двойную сумму, а в третий – подвергался «заключению в тюрьму от шести месяцев до одного года и лишался права на производство всякой торговли и промысла»[1075].

По статье 1796 любому ремесленнику запрещалось открывать ремесленную мастерскую без свидетельства от Ремесленной управы, т. е. без мастерского диплома, тем более с подмастерьями, учениками и вывеской, за что ему грозило денежное взыскание в размере от 10 до 15 рублей с конфискацией у него всех изделий и инструментов[1076]. Особенно строгий контроль осуществлялся за мастерами золотых и серебряных дел и ювелирами, продававшими свои изделия без клейма. Согласно статье 1832, в первый раз у мастера конфисковывалось в пользу казны все имевшееся у него в наличии золото и серебро, а также «инструменты и снаряды, к мастерству его относящи[еся]»[1077]. Не перечисляя всех видов наказаний, подытожим, что

[1074] Там же. С. 918; см. также ст. 1598. С. 889.
[1075] Там же. С. 918; см. также ст. 1591. С. 887.
[1076] Там же. С. 918.
[1077] Там же. С. 922.

Уложение 1845 г. предусматривало самые разнообразные уголовные и административные наказания за нарушение прав цеховых ремесленников, отграничивая особые области производства по качественному (мастерский диплом) и количественному (капиталоемкость) признаку[1078]. В последнем случае мастер, оставаясь в ремесленном состоянии, пользовался правами купечества. Рассматривая все ремесленное законодательство XIX – XX вв., можно сказать, что оно оставалось довольно консервативным и продолжало основываться на ремесленном уставе 1785 г. и Уставе цехов 1799 г.

После многолетних комиссий Н. Смирнова (1842-1843 г.) и Ю.Ф. Корфа (1842-1854 г.) по исследованию настоящего положения цехового ремесла Петербурга и введения особого городского управления Петербурга в 1846 г., казалось бы, вся реорганизация цехов могла быть закончена. Но в 1850 г. правительство задумывается о составлении нового ремесленного устава. И дело тут не только в организации ремесла, но и во все больше дающем о себе знать машинном производстве, применение которого не знает границ между фабрикой, заводом и ремесленной мастерской. Из-за этого постоянно возникают вопросы фискального характера по отнесению определенных ремесленных мастерских в разряд средних и крупных промышленных предприятий[1079]. Действительно, большинство из 270 статей ремесленного устава, изданного в ПСЗ -1 1832 г., было заимствовано из ремесленного положения 1785 г. (142 статьи) и из устава цехов 1799 г. (101 статья)[1080]. По мнению законодателей, цехи необходимо было реорганизовать на более четких принципах принадлежности ремесла к определенной, например, металлообрабатывающей отрасли. Согласно этой логике, кузнецы и слесари, разобщенные по цеховому уставу 1799 г., должны были быть соединены в одном цехе[1081]. И наоборот, множество совершенно различных ремесел

[1078] Там же; см.: ПСЗ-1. Т. 25. № 19187 (12.11.1799). – *Устав цехов*. С. 864–886.
[1079] Труды комиссии, учрежденной для пересмотра Уставов фабричного и ремесленного. Т. 1–3. СПб. 1863. Ч. 1: Проект устава о промышленности. С. 30–33.
[1080] Там же; Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 104; см. ПСЗ-1. Т. 22. № 16188 (21.4.1785). С. 369–379. Пункт 120-123.
[1081] ПСЗ-1. Т. 25. № 19187, § 6, 7. С. 685.

находились в одном цехе: гончары и гребенщики, иконописцы, маляры и живописцы, табачники и садовники, др. Мотивация со стороны правительства в реорганизации цехового ремесла может быть понята как попытка уменьшить количество цехов для более успешного их контроля и налогообложения.

Но не стоит забывать, возвращаясь к вопросу о необходимости реформ после стольких комиссий и улучшений, что Западную Европу только что потрясли революции 1848–1849 гг., одним из главных участников которых стал ремесленный подмастерье[1082]. Понятно, что не стоило ждать восстания подмастерьев или ремесленников в Петербурге. Можно с полной уверенностью сказать, что подобное заявление в Петербурге прозвучало бы, по меньшей мере, необоснованно. Слишком далеки были политические реалии и общественное положение ремесленников Западной Европы и России. Но русское правительство всегда чутко прислушивалось к тому, что происходило на Западе. И то, что министерство внутренних дел инициировало реформу цехового управления в 1850 г., говорит именно об этом[1083].

Согласно новому номенклатурному списку ремесленных цехов 1850 г., для городов западных, малороссийских и новороссийских губерний они были объединены в 12 групп по основным отраслям, разделенным по виду обрабатываемого материала и услуг. К примеру, каретный цех объединял каретников, тележников, колесников, кузнецов, обойщиков и седельников, а инструментальный – слесарей, механиков, оптиков, часовщиков и вообще всех инструментальных дел мастеров[1084]. Кроме этого, были выделены отдельные

[1082] See: Sedatis H. Liberalismus und Handwerk in Südwestdeutschland: Wirtschafts- und Gesellschaftskonzeptionen des Liberalismus und die Krise des Handwerks im 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1979. 243 S.

[1083] 1850 г. был особенным еще и потому, что для городов с недостаточным количеством ремесленников была введена новая форма ремесленного управления – общее ремесленное управление, объединявшее всех ремесленников города без разделения на цехи. Зачастую, все ремесленники под началом таких управ были временноцеховые, а значит принадлежали к другим сословиям, что явилось формальным поводом к ликвидации общего ремесленного управления во многих городах в 1902–1903 г., поскольку там отсутствовало ремесленное сословие, представленное вечноцеховыми.

[1084] Другие цехи: 1. Медно-бронзовый цех: медное, бронзовое, гальванопластики, ламповое, фонарное, литейное, пуговичное и булавочное, 2. Столярный цех: столярное, резчики по дереву, щеточники, изготовление ширм, корзиночное, пробочное, 3. Портновский цех: портновское, шапочное, шляпное, сыромятное, 4. Ткацкий цех: ткацкое, прядильное, красильное, позументное, набойщиков, волосяных дел, 5. Высокие художества: художников, иконописцев, граверов, литографов, книгопечатников, скульпторов, музыкантов, граверов (по камню), 6. Кожевенный цех: сапожников, башмачников, перчаточников и мастеров изделий из кожи, замши и резины, 7. Булочный цех: кухмистерское, поварское, кондитерское, булочное, пряничное, колбасное, квасное, 8. Ювелирный

ремесла, не вошедшие ни в одну группу. Но и после этого противоречивое разделение кузнецов и слесарей не было устранено. Имелись также цехи, в которые входили мастера одной единственной профессии, например, оружейники, переплетчики, изготовители табака, гончары, маляры, оконных дел мастера, стекольщики и мастера стеклянной посуды. К цехам принадлежали также профессии, имевшие мало общего с ремеслом, такие как кучера и садовники. Строительные ремесла плотников, каменщиков, каменотесов, кровельщиков, мостильщиков и штукатуров попали именно в такие «неремесленные» цехи[1085]. Это объясняется тем, что, согласно давней традиции, такие ремесленники были крестьянского происхождения и объединялись в артелях[1086]. Впервые в российском законодательстве определение понятия артели встречается в «Уставе цехов», высочайше утвержденном 12 ноября 1799 г. в главе XIV «О работах, производимых артелями». Таким образом, закон признавал за артелями значение обществ, т. е. юридических лиц. Первые артели Петербурга, кроме строительных, занимались в основном разгрузкой и погрузкой кораблей. К концу 18 в. подобных артелей насчитывалось около 20[1087].

Руководитель второго отделения канцелярии е.и.в. граф Д. Н. Блудов критиковал новую классификацию и столь резкое уменьшение числа цехов. Он подчеркивал, что лучший контроль качества возможен лишь в узком цеховом кругу, где есть в наличии соответствующие профессиональные компетенции[1088]. Этим он обосновывал сохранение имеющегося разделения цехов, а значит, и соответствующих цеховых управ. Блудов критиковал неудачное, по его мнению, соединение ремесел. К цеху портных должны были быть причислены шапочники, шляпники и скорняки; к булочному – калачное,

---

цех: бриллиантовое, золотых и серебряных дел мастера, 9. Фельдшерный: парикмахеры, брадобреи, помадные, мыльные и парфюмерные мастера, 10. Печной: печники и трубочисты.

[1085] Труды комиссии… Ч. 2: Обзор правительственных мер. С. 58–60.

[1086] Тенденция в строительных ремеслах, образовывать более крупные трудовые сообщества можно объяснить технико-технологическими и экономическими факторами, была типичной не только для Петербурга, но и для Берлина. В 1861 г. здесь на одного плотника приходилось в среднем по 14,4 подмастерья и на одного каменщика 17,3 подмастерья: Bergmann J. Das Berliner Handwerk in den Frühphasen der Industrialisierung. Berlin, 1973. S. 160.

[1087] Лизунов П.В. Биржевые артели Петербурга… С. 257–258.

[1088] Труды комиссии… Ч. 2: Обзор правительственных мер. С. 34.

пряничное, колбасное ремесло и квасники[1089]. Немаловажным обстоятельством, как отмечал Блудов, есть скорое и основательное решение спорных дел ремесленников в соответствующих управах[1090]. Также граф подчеркивал, что целью реформы является устранение препятствий в промышленности, а не создание неравных прав между владельцами фабрик и заводов, с одной стороны, и ремесленников, с другой[1091]. Это пожелание было легко высказать, но почти невозможно осуществить, так как существовала значительная переходная зона и было почти невозможным, провести четкую линию. Многие предприятия назывались ремесленными, но, по характеру своему, были фабриками и заводами[1092]. В результате, в 1852 г., было издано новое ремесленное положение, которое не распространялось на столицы и другие крупные города.

Работа над определением категорий промышленных предприятий продолжилась в особом комитете Мануфактурного совета. В количественном отношении комитет предложил распределить предприятия следующим образом: фабрики (55), ремесленные мастерские, являющиеся потенциальными или действительными фабриками (65) и ремесленные мастерские (58). А в 1855 г. московское отделение Мануфактурного совета предложило список, состоящий из 103 ремесел, подлежащих цеховому устройству.

В конечном итоге, получилась противоречивая картина, когда три государственных учреждения предлагали три варианта с различным числом ремесел. Министерство внутренних дел предложило 60, Мануфактурный совет – 120, а московское отделение Мануфактурного совета – 103. Аналогичные проблемы пытались решить и в Германии[1093]. Принятие в 1857 г. устава торгового, устава о промышленности фабричной и заводской и устава

[1089] Там же. С. 35.
[1090] Там же. С. 36.
[1091] Там же. С. 134.
[1092] Kaufhold. Handwerk... S. 141.
[1093] Там же.

ремесленного не внесло больше ясности, чем это было прежде[1094]. Во втором пункте Свода постановлений о промышленности фабричной и заводской говорилось: «Мануфактуры, фабрики и заводы отличаются от ремесел тем, что имеют в большом виде заведения и машины; у ремесленников же нет их, кроме ручных машин и инструментов»[1095]. Право открывать мануфактуры, фабрики и заводы давалось состоящим в гильдиях и имеющими торговые гильдейские свидетельства, дворянам с запиской в одну из купеческих гильдий, крестьянам государственным, удельным, помещичьим, приобретшим торговое свидетельство, колонистами, евреями в местах их водворения и товариществами[1096]. В случае с крестьянами, министерство финансов определяло, какого рода они должны были получать свидетельства, с сохранением платежа «обыкновенной подати и при исполнении прочих повинностей»[1097]. В особых случаях министерство финансов могло освободить от выборки свидетельства. Выше перечислены все потенциальные конкуренты ремесленных мастеров, которые могли открывать также и ремесленные мастерские без разрешения цехового начальства. Но видно и желание правительства при сохранении цеховой системы, открыть больше возможностей для цеховых мастеров, которым разрешается работать на фабриках и заводах[1098].

В уставе ремесленном 1857 г. видно, что большинство статей устава сохранено в своей прежней форме. В новом(старом) уставе сохранены пункты 5 и 8 из ремесленного положения 1785 г. и устава цехов 1799 г., в которых говорится, что «мастерства, рукоделия и ремесла разделяются на столько родов, сколько существует различных к пропитанию оным способов», а также что «цех устанавливается из людей, производящих одинаковое ремесло»[1099]. В 1840–1850- е годы правительство упорядочивает ремесленную

[1094] СЗ. Т. 11. Ч. 2: Устав ремесленный. СПб., 1857.
[1095] Там же. С. 3. П. 2.
[1096] Там же. С. 10–11. П. 51; Труды комиссии… Ч. 1. С. 174–175.
[1097] Там же. С. 10. П. 48.
[1098] ЖМВД. Ч. 36 (май 1859). С. 81.
[1099] СЗ. Т. 11. Ч. 2: Устав ремесленный. СПб., 1857. С. 4.

промышленность, разделяя ее по отраслям. Для этого в 1843 г. Н. Смирновым предлагается написать для петербургских ремесленников особые цеховые *обряды*, которых на тот момент было составлено девять. Их составление (около 13), законченное в 1850-е годы, позволило провести более точные границы между ремеслами, для чего были описаны используемые материалы и производимые продукты[1100].

Также предпринимались небезуспешные попытки объединения цехов. Согласно отчетам ремесленной управы, в 1866–1873 гг. числится уже 23 цеха со 113 ремеслами, среди них клавикордно-часовой, переплетный, ситце-печатно-красильный, скорняжный, резно-металлический, цирюльный, живописный, позументный, токарный, серебренный, сапожно-кожевенный, молярный, купорный, бронзо-меднокотельный, столярный, кондитерный, булочный, печной, кухмистерско-колбасный, портной, шляпный, обойно-экипажный и кузнечно-слесарный[1101]. В 1874 г. число цехов сокращается до восьми сложносоставных цехов: серебряно-позументного (26 ремесел), кондитерно-булочного (15), кожевенно-сапожного (3), столярно-токарного

[1100] Обряды для Санкт-Петербургского русского булочного цеха. СПб., 1850; -"- бриллианто-золотого и серебряного цеха. СПб., 1856; -„- циркульного и парикмахерского цеха. СПб., 1854; -"- гончарного, печного и трубочистного цеха. СПб., 1856; -"- кондитерского цеха. СПб., 1850; -"- пряничного цеха. СПб., 1850; -"- сапожного цеха. СПб., 1852; -"- столярного цеха. СПб., 1856; -"- токарного цеха. СПб., 1851; а также в ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 2328: Обряды русского и иностранного слесарного цеха; Обряды русского и иностранного позументного цеха. Л. 2-5; Там же. Оп. 1. Д. 2334. Л. 2–11; Обряды русского и иностранного кузнечного цеха. Там же. Оп. 1. Д. 2332. Л. 8–15; Обряды русского и иностранного переплетного цеха. Там же. Оп. 1. Д. 2333. Л. 8–14; Обряды русского и иностранного часового цеха. Там же. Оп. 1. Д. 2340. Л. 2–15.

[1101] 1. Клавикордно-часовой: клавикордное, духовых медных труб и органных, оптическое и механическое, часовое; 2. Переплетный: переплетное, коробочное, линевальное; 3. Ситце-печатно-красильный: красильное, ситце-печатное, пятно-выводное, шпалерное, клееночное и прачешное; 4. Скорняжный: скорняжное, красильно-меховое, перчаточное; 5. Резно-металлический: граверное, монументное, лепное, водоочистительных машин, шлифовальное на стекле; 6. Цирюльный: цирюльное и парикмахерное; 7. Живописный: иконописное, живописное, садовое, цветочное; 8. Позументный: позументное, золотошвейное, ткацкое, эполетное, басонное; 9. Токарный: токарное, деревянных, металлических, щеточное и кистевязочное, игрушечное, зонтичное, гребеночное, сверление водопроводных труб, духовых музыкальных инструментов; 10. Серебренный: серебренное, золото-бриллиантовое, золотобойное; 11. Сапожно-кожевенный: сапожное, башмачное, кожевенное, перчаточное и бандажное; 12. Молярный: комнатно-молярное, экипажно-молярное, стекольное, табачное, лакировальное, полотерное; 13. Купорный: купорное, обручное и пробочное, точильное; 14. Бронзо-меднокотельный: бронзовое, булавочное, пуговочное, оловянное, накладного серебра, медно-котельное, железно-котельное, ватерклозетное, водопроводное, жестяно-фонарное, кровельное; 15. Столярный: мебельное, столярное, резное, позолотное, гробовое, корзиночное; 16. Кондитерный: квасное, кондитерное, пряничное, постильное; 17. Булочный: булочное, саечное, калачное, пирожное, макаронное, хлебно-ситное, выборгско-булочное; 18. Печной: печное, трубочистное, гончарное; 19. Кухмистерско-колбасный: кухмистерское, официантское, колбасное, горчичное; 20. Портной: мужско-портное, дамско-портное; 21. Шляпный: шляпное, шапочное, султанное и дамских перьев; 22. Обойно-экипажный: мебельно-обойное, экипажно-обойное, комнатно-обойное, волосяное, тележное, шорное, прядильное, войлочное, ватное, чемоданнное, козыречное, портупейное, седельное, каретно-корпусное, колесное; 23. Кузнечно-слесарный: кузнечное, слесарное, инструментальное и штуровое (Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1866 год. СПб., 1867).

(20), живописно-малярного (16), слесарно-кузнечного (7), портновского (12) и обойно-волосяного (23), объединивших в общей сложности 122 ремесла[1102]. Эти восемь цехов сохраняются до 1917 г. Относительно количества цехов по отраслям производства здесь как нельзя кстати можно привести слова Андрея Битова о том, что «Россия – не отсталая, а преждевременная страна»[1103]. Развитие в Германии пошло именно тем путем, который был предначертан в России во второй половине XIX в. Сегодня в Германии имеется семь отраслей ремесленного производства, объединяющего в себе ремесла строительные и отделочные (1), из области электротехники и обработки металла (2), деревообрабатывающие (3), производства одежды, изделий из текстиля и кожи (4), производства продуктов питания (5), из области гигиены, здоровья и клининга (6), а также производства изделий из стекла, бумаги и керамики, и прочих ремесел (7)[1104].

Тот факт, что в 1830–1840-е гг. между цехами Петербурга разгорелись споры о четком разграничении ремесел и что в 1850-е были оформлены новые цеховые обряды, говорит о том, что усилилась борьба за сегменты рынка. По замыслу мастеров, каждый цех должен был получить свою долю на рынке. Это

[1102] Ремесла, входящие в состав цехов: серебряно-позументного: серебряное, золото-бриллиантовое, золотобойное, позументное, золото-швейное, ткацкое, эполетное, басонное, клавикордное, духовых медных труб и органов, оптическое, механическое, часовое, граверное, монументальное, лепное, водоочистительных машин, шлифовальное, бронзовое, булавочное, проволочное, оловянное, накладнаго серебра, меднокотельное, ватерклозетное и кровельное, кондитерно-булочного: булочное, саечное, калачное, пирожное, макаронное, хлебо-ситное, выборгско-булочное, квасное, кондитерное, пряничное, пастильное, кухмистерское, официантское, колбасное и горчичное; кожевенно-сапожного: сапожное, башмачное, кожевенное, столярного: мебельное, столярное, резное, позолотное, гробовое, корзиночное, купорное, обручное, пробочное, точильное, токарно-деревянное, токарно-металлическое, токарное, щеточное, кистовязное, игрушечное, зонтичное, гребеночное, сверление водопроводных труб и духовых музыкальных инструментов, живописно-малярного: иконописное, живописное, садовое, цветочное, красильное, ситце-печатное, пятно-выводное, шпалерное, клееночное, прачешное, комнатно-малярное, экипажно-малярное, стекольное, сургучное, лакировальное и полотерное, слесарно-кузнечного: жестяно-фонарное, кузнечное, слесарное, инструментальное, штуровое, трубочистное и гончарное, портного: мужское портное, дамское портное, белошвейное, корсетное, скорняжное, красильно-меховое, перчаточное, бандажное, шляпное, фуражечное, султанное и дамских перьев, обойно-волосяного: мебельно-обойное, экипажно-обойное, комнатно-обойное, и драпировочное, волосяное, шорное, прядильное, войлочное, ватное, чемоданное, седельное, козыречное, портупейное, каретно-корпусное, колесное, тюфячное, парикмахерное, цирюльное, парфюмерное, переплетное, коробочное, футлярное и линовальное; Позже к ним добавился полотерный цех (Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1875 г. СПб., 1876. С. 16–17).

[1103] Смирнова М. Для чего время? Чтоб его тратить. Интервью с Андреем Битовым // Российская газета - Федеральный выпуск № 7279 (113), май 2017. URL: https://rg.ru/2017/05/25/andrej-bitov-receptov-pravilnoj-zhizni-tochno-net.html (Дата обращения: 30.05.2017).

[1104] URL: https://de.statista.com/themen/2488/handwerk-bekleidungs-textil-und-ledergewerbe (Дата обращения: 30.05.2017).

были внешние признаки новой организации цехового ремесла. Безусловно, узкая специализация ремесла существовала уже многие десятилетия. Это можно наблюдать за все большим числом цехов вплоть до 1840-х годов. Проблема заключалась в том, что теоретически любой ремесленник мог поменять вид своего ремесла, если это сулило ему бóльшую выгоду. Это вредило, прежде всего, качеству ремесленной продукции и не давало русским ремесленникам в общей массе превзойти по качеству иностранную. В результате был нанесен репутационный вред российскому производителю, что привело к отданию предпочтений и преклонение перед всем иностранным, переходящее в фетишизм. В Петербурге это выливалось в курьезные случаи, когда «импортную» продукцию для «иностранных» магазинов производили русские ремесленники, получившие, как правило, высокую квалификацию у иностранных мастеров и работавшие самостоятельно или при магазинах.

Данное положение вещей объясняется историей петербургских цехов «наоборот». В Западной Европе первоначально происходила специализация ремесел и их отделение во все более узкие отрасли, что вело к возникновению все большего числа специализированных цехов[1105]. С введением цехов же цехов в России, первоначально произошла институционализация ремесел с их последующей специализацией, тогда как в Западной Европе, сначала происходила специализация, а затем институционализация и спецификация определенного вида ремесла.

Можно предположить, что в созданные цехи в Петербурге были привнесены неформальные практики частого перехода в российском ремесле в рамках формального тела данной западноевропейской институции. А так как среди цеховых ремесленников преобладали временноцеховые ремесленники из крестьянского и мещанского состояний (сословий), то можно предположить наличие тенденции к частой смене вида профессионально-ремесленной деятельности. Хотя понятно, что и среди кустарей и крестьянских

[1105] См. Keller A. Die Handwerker… S. 92.

ремесленников в городе существовала определенная специализация в зависимости от района их происхождения, без которой была бы невозможна работа в определенном ремесле. Вопрос в том, что уровень специализации ремесел в деревне был, по сравнению с городом, гораздо ниже и, следовательно, переход из одной области ремесла в другую, например, в дерево- или металлообработке, должен был неминуемо сказаться на качестве производимой продукции.

В 1857 г. московскому отделению Мануфактурного совета под председательством графа Игнатьева, было поручено разработать разделение промышленных предприятий по видам и отраслям. Это необходимо было сделать, чтобы иметь более ясную градацию мелких ремесленных и крупных промышленных предприятий в целях налогообложения. Уже упомянутая особая правительственная комиссия по пересмотру уставов фабричного и ремесленного 1859–1860 годов проанализировала российское законодательство и состояние ремесла на предмет их соответствия[1106]. Возглавивший комиссию член совета министра внутренних дел барон А.Ф. фон Штакельберг, тщательно собрал материалы по этому вопросу не только в России, но и во время своей поездки по Германии, Франции, Швейцарии, Англии, Бельгии и Италии. Говоря о влиянии немецкой юридической школы на работу комиссии по созданию «Проекта устава о промышленности», укажем на тот факт, что комиссия использовала «прусский закон о стачках от 17 января 1845 г., а при подготовке Проекта закона о промышленных судах 1861 г. – аналогичный прусский закон от 9 февраля 1849 г., а также законодательство Бремена, Ольденбурга, Саксонии, Вюртемберга и Веймара»[1107]. Комиссии П.Н. Игнатьева (1870-1872 гг.) и П.А. Валуева (1874-1875 гг.) при разработке проекта «Положения о найме рабочих» также «заимствовали некоторые нормы прусского Промышленного

[1106] О работе комиссии Штакельберга см. также: Puttkamer J. Fabrikgesetzgebung... S. 113–118.
[1107] Антропов Р.В. Влияние германского права... С. 27.

устава от 21 июня 1869 г.»[1108]. И хотя эти проекты не получили законодательной санкции, они оказали влияние на последующее «рабочее» законодательство, а также служили барометром настроений «передовой части» государственного бюрократического аппарата.

Трудно сказать, чем руководствовался Штакельберг больше – реальным положением городского цехового ремесла или соответствием такового в России и в Западной Европе, но, вследствие проведенного сравнительного анализа цехового устройства в России и за рубежом, комиссия пришла к радикальному выводу о необходимости либерализации ремесла и отмены цехов[1109]. Примечательно, что к аналогичному выводу пришли Московское отделение Мануфактурного совета и министерство внутренних дел в Санкт-Петербурге, что было вполне в рамках идеологического мейнстрима развивающегося капитализма в Европе[1110].

Г.Л. Фриз точно подметил эту черту российских модернизаторов: «Поскольку реформаторы постоянно сравнивали Россию с Западной Европой, не удивительно, что они критически смотрели на наследственные сословия (АК: цехи в т.ч.). Реформаторы стремились к постепенному демонтажу этого общественного порядка, поэтому слово „сословие“ достигло последней фазы своего семантического развития, став основным термином для описания социального устройства поздней императорской России»[1111]. Понятно, что присутствие среди членов комиссии Штакельберга секретаря Санкт-Петербургской ремесленной управы С.И. Грацинского, с мнением которого судя по всему в комиссии мало считались, не могло оказать здесь существенного влияния[1112].

[1108] Там же.

[1109] Штакельберг А. Цеховое устройство и свобода промышленности в Европе // Труды комиссии учрежденной в 1859 г. для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. СПб. 1865; см. Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 133; Keller A. Die Handwerker… S. 92–96.

[1110] См., напр.: Rentzsch H. Zünfte oder Gewerbefreiheit? Dresden, 1862.

[1111] Фриз Г.Л. Сословная парадигма… С. 135.

[1112] Среди идейных отцов промышленной свободы одними из самых видных были Франсуа Кене – основатель французской школы экономистов – позднее физиократов, и Адам Смит, основным постулатом которых была полная экономическая свобода и минимальное вмешательство государства в частную торговлю и промышленность // Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. W. Strahan and T. Cadell, London, 1776; Дискуссия между сторонниками отмены цехов и их сохранения обострилась с попыткой генерал-контролера финансов А.Р.Ж.

Аргументы в пользу отмены цехов вытекали из постулата, что цеховой порядок ограничивает развитие промышленности и ремесел и следовательно:

– уменьшает благосостояние большинства ремесленников,

– приводит к ухудшению нравов в ремесленном сословии и

– не соответствует уровню развития промышленности и природе русского человека, т. е. возник «не из русского быта»[1113].

При этом Штакельберг имел слабое представление даже о петербургских цехах. Его либеральная позиция и дух времени демократических реформ могли интерпретироваться как «слом старого порядка», определяли во многом принципиально негативное отношение Штакельберга к цехам. Складывается впечатление, что руководитель комиссии после продолжительных путешествий по Европе находился под

Тюрго отменить цехи в 1776 г., что совпало с появлением труда А. Смита, а затем и окончательным упразднением последних в 1791 г. в ходе Великой Французской революции (1789–1799 гг.) (Фор Э. Опала Тюрго. 12 мая 1776 г. М., 1979. С. 440–445). Поэтому прав был специалист по ремесленной промышленности и профессор Казанского (1850–1857), а затем Московского (1857–1879) университетов М.Я. Киттары, когда писал в брошюре, вышедшей в 1860 г., что «мысль о совершенном уничтожении цехов, – мысль очень не новая». Тремя годами ранее, 9 июня 1857 года, Киттары выступил в торжественном собрании Казанского университета с речью на тему «Очерк современного положения и нужд русской мануфактурной промышленности», в которой он отдал предпочтение «заводско-фабричной промышленности». В то же время ученый призывал поднимать уровень технических знаний, «одинаково необходим[ых] хозяевам фабрик и мастерам, ремесленникам и крестьянам» (Киттары М.Я. Мысли о современных нуждах нашего народного хозяйства. Несколько слов о московских цехах; Бабст Н. Речи, произнесенные в торжественном собрании Московского университета, 12 января 1860 года. М., 1860. С. 48). В Российской империи уже задолго до Киттары, в 1816 г., Фелициан Мартин Заремба-Калиновский защитил в Дерптском университете философскую диссертацию именно на тему отмены цехов, которая была издана в Митаве в 1817 г. (Заремба-Калиновский Ф.М. Разсуждение о цехах ремесленных, в отношениях политическом и в особенности политико-экономическом: С присовокуплением нужных исторических известий / Поднесенное Философскому Императорскаго Дерптскаго университета факультету для получения докторскаго достоинства Фелицияном Зарембою, в октябре месяце 1816 года. Митава: в типографии Стефенгагена и сына, 1817). Еще ранее немецкий экономист И.Г. Фирнхабер обосновал разумность организации ремесленников в цехах в своем труде, увидевшем свет в 1782 г., в то время как в 1777 г. профессор Гисенского университета Шлеттвайн высказал в своей лекции мысли о пагубности цехов для развития промышленности (Firnhaber J.H. Historisch-politische Betrachtung der Innungen und deren zweckmäßige Einrichtung. Hannover, 1782; См. также: Epstein K. The Genesis of German Conservatism. Princeton, 2015; Mohr D. Auseinandersetzungen um Gewerbereformen und um die Einführung der Gewerbefreiheit im Königreich Hannover. Diss. Göttingen, 2001. S. 5, 31–34; Reith R. Mitschrift von Johann Beckmanns Vorlesung zur Kameral- und Polizeiwissenschaft entdeckt – und digitalisiert. URL: https://www.uni-salzburg.at/index.php?id=23353 (28 июля 2017)). Джеймс Фарр резюмировал в 2000 г. победу во второй половине XVIII в. либеральной концепции над корпоративной, вследствие чего цехи были отменены в Пруссии (1806, 1810) и Вестфальском королевстве (1808, 1810), в герцогстве Берг (1809), в Испании (1812), Англии (1814, 1835) и Швеции (1847). Следующая волна введения промышленной свободы и отмены цехов началась в 1859 г. в Австрии, в 1860 г. в Нассау, в 1861 в Бремене, Ольденбурге и Саксонии, в 1862 г. в Вюртемберге и Бадене; в 1860-х годах промышленная свобода была провозглашена в Тюрингенских государствах, в Брауншвейге, Баварии, обоих Липпе. В 1869 г. – введена в остальных государствах Германии вместе с ремесленным уставом Северо-Германского союза (Farr J.R. Artisans in Europe, 1300–1914... P. 277–282; См.: Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 128).

[1113] Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 129; См. о переосмыслении теории цехового ремесла в современном контексте: Hickson C.R. and Thompson E.A. A new theory of guilds and European economic development // Expplorations in Economic History. 28 (1991). P. 127-168.

глубоким впечатлением от повсеместной отмены цехов в Австрии в 1859 г., Нассау в 1860 г., Саксонии в 1861 г., Вюртемберге и Бадене в 1862 г.[1114]. Кроме того, именно во время работы комиссии, только в Германии издается целый ряд трудов, основывающихся на идее промышленной свободы[1115].

При рассмотрении работы комиссии напрашивается историческая параллель. Как и во времена петровских и екатерининских реформ, взоры реформаторов и законодателей конца 1850-х гг. обратились на Запад, чтобы проанализировать состояние ремесла и «модернизировать» его в соответствии с западноевропейским эталоном. Штакельберг находился в тренде. На момент написания его отчета о работе комиссии, в Германском рейхе опубликован закон о промышленной свободе от 15 октября 1861 г., отменявший повсеместно цеховое устройство, что произвело глубочайшее впечатление не только на Штакельберга, но и на всю российскую правительственную элиту и общество в целом. Нельзя забывать и то, что Штакельберг предлагал взамен. Ведь он понимал, что вместо цеховой, ремесленникам должна быть предложена иная форма организации. И она была найдена в той же Германии, где место цехов (die Zünfte) заняли профессиональные союзы (die Innungen)[1116].

В исследовании комиссии Штакельберга подчеркивалось, что якобы само руководство ремесленных цехов считает, что они носят чисто фискальный характер. Комиссия видела единственное решение проблемы, а именно принудительный характер цехов, как ей виделось, в устранении самой цеховой системы[1117]. Комиссия предлагала после упразднения цехов обеспечить возможность организации ремесла на новых принципах, т. е.

[1114] Дживелегов А.К. Цехи в Западной Европе // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 75. СПб., 1903. С. 130.

[1115] Böhmert V. Freiheit der Arbeit. Beiträge zur Reform der Gewerbegesetze. Bremen, 1858; Rasch G. Die Gewerbe-Gesetzgebung des Preussischen Staates, mit allen darauf bezüglichen bis heute ergangenen abändernden und ergänzenden Bestimmungen. Berlin, 1857; Rentzsch H. Zünfte oder Gewerbefreiheit? Dresden, 1862; Idem. Gewerbefreiheit und Freizügigkeit: Mit bes. Berücksichtigung der gewerblichen Zustände im Königreich Sachsen und des Gewerbegesetz-Entwurfes von 1860 nach statist. Quellen bearb. Dresden, 1861; Riehl W.H. Die Deutsche Arbeit. Stuttgart, 1861.

[1116] См.: Kiesewetter H. Die Industrialisierung Sachsens. Ein regional-vergleichendes Erklärungsmodell, Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 2007. S. 362; Kaufhold K.H. Das Handwerk zwischen Anpassung und Verdrängung // H. Pohl (Hrsg.), Sozialgeschichtliche Probleme der Hochindustrialisierung (1879–1914). Paderborn 1979. S. 103–141.

[1117]. Труды комиссии учрежденной в 1859 г... Ч. 1… С. 137–139, 149.

основание профессиональных сообществ и обществ рабочих. Прототипом таких организаций должны были стать артели[1118]. Согласно желанию членов комиссии, необходимо было создать особое состояние промышленников, которое не ограничивалось бы сословными рамками цеховых ремесленников, из-за чего, по их мнению, промышленное развитие тормозилось.

В 1862 г. комиссией был опубликован проект нового промышленного устава, который должен был распространять свое действие на всех занятых в промышленности – как на ремесленников, так и на крупных промышленников. Посмотрим на некоторые предложения, транслирующие представления членов комиссии на ремесло. По их мнению, место цехов должны были постепенно занять артели. Решение об их создании должно было приниматься на общем сходе цеховых единогласно. После подтверждения правильности голосования ремесленным старшиной и старостами цехов, создание артели должно было считаться законченным. Артель должна была состоять из действительных членов артели и из новиков (новик) и подчиняться городской думе[1119].

Для поддержания промышленности должен был быть учрежден *промышленный совет*, играющий консультативную роль в вопросах улучшения промышленности[1120]. Кроме того, при департаменте мануфактур и внутренней торговли должен был быть создан комитет, состоящий из промышленников, двух профессоров по химии и механике, одного механика или инженера, занимающегося исследованием общего состояния промышленности, чтобы всегда иметь представление об истинном положении дел[1121].

В § 1 проекта устава всем гражданам Российской империи и иностранцам всех состояний и обоих полов дозволялось заниматься

[1118] Там же. С. 148.
[1119] Новик – тот, кто еще не выкупился из крепостного состояния (Труды комиссии учрежденной в 1859 г… Ч. 1… С. 20, 179, 186.
[1120] Труды комиссии учрежденной в 1859 г... Ч. 1… Ч. 1. С. 490.
[1121] Там же. С. 181, 183.

самостоятельной производственной деятельностью во всех населенных пунктах империи. Для основания предприятия или дела необходимо было получить свидетельство от городской администрации о выплате всех налогов[1122]. Учреждениями высшей инстанции для всех промышленников являлись министерства финансов и внутренних дел[1123]. Согласно § 31 названия «мастер», «подмастерье» и «ученик» должны были быть заменены на «хозяин», «администрация» и «рабочие», что показывает ориентацию членов комиссии на крупные промышленные предприятия, в которые, видимо, должны были превратиться ремесленные мастерские[1124]. Это разделение присутствует в позднейших переписях Петербурга.

Либеральная пресса и техническая интеллигенция приветствовали новый проект, не нашедший в правительстве соответствующего отклика. Предложения комиссии опережали свое время и должны были, по замыслу членов комиссии, способствовать новой организации промышленности и снизить конфликтный потенциал в отношениях между рабочими и хозяевами. Но именно в этом видели свою роль цехи Петербурга как посредники между двумя «антагонистическими классами» тогдашней промышленности: фабричными или заводскими рабочими и капиталистами[1125]. Это видно на примере отрицательного отношения цехов к организационному смешиванию крупной и ремесленной промышленности и по выступлению против контроля со стороны фабричной инспекции[1126]. Другими словами, представители цехов подчеркивали особенность ремесла, а значит и необходимость его особого управления.

В отличие от предложений комиссии Штакельберга 20 марта 1862 г. последовал закон, подтвердивший сословный характер ремесленного самоуправления и оставивший разделение цеховых ремесленников на

[1122] Там же. С. 487.
[1123] Там же. С. 489.
[1124] Там же. С. 495.
[1125] См.: Kaufhold. Handwerk. S. 132f.
[1126] Фабричная инспекция введена в 1882 г., чтобы контролировать исполнение фабричного законодательства.

постоянных и временных, последние из которых не обладали выборными правами[1127]. Двойственность положения заключалась в том, что, как справедливо отмечал К. А. Пажитнов, в правительственных кругах имелось два течения в отношении цехового устройства: одни выступали за его отмену, или по меньшей мере реорганизацию, другие – за его сохранение[1128]. Обе эти возможности предполагались в выводах комиссии Штакельберга, хотя предпочтение отдавалось отмене. Это привело, с одной стороны, к сохранению цехов в крупных городах, с другой, к ослаблению цехового порядка на периферии и его постепенному упразднению. Подтверждением тому служит закон от 4 июля 1866 г., согласно которому в Остзейских провинциях и в городе Нарва Петербургской губернии было отменено обязательное вступление в цехи желающим заниматься ремеслами, хотя сами цехи сохранялись[1129].

Влияние результатов работы комиссии Штакельберга нашло свое видимое выражение в заключении Государственного совета по поводу Городового положения 1870 г., аргументировавшего необходимость отмены цехов результатами работы комиссии и предложившего Министерству внутренних дел упразднить цеховое устройство[1130]. Министерство не торопилось с выполнением этой рекомендации, хорошо понимая, что ее исполнение не приведет к решению слишком комплексных и сложных вопросов, стоявших на повестке дня. Чиновники министерства руководствовались не только и не столько размышлениями фискального характера. Это касалось ремесленного образования и элементарного контроля,

---

[1127] Вольтке Г.С. О проекте ремесленного устава // Труды второго всероссийского съезда… С. 6; Новое общественное управление Москвы, введенное указом от 20 марта 1862 г. по образцу петербургского 1846 г., также не предусматривало участия временноцеховых в выборах (ПСЗ-2. Т. 37. № 38078: *Высочайше утвержденное Положение об общественном управлении города Москвы*).

[1128] Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 131.

[1129] Вольтке Г.С. О проекте ремесленного устава... С. 6. В Нарве существовали цехи, учрежденные еще по правилам Шведского ремесленного устава от 1 марта 1669 г. Несмотря на отмену обязательного вступления в цехи, в 1897 г. в этом городе в 5 цехах состояло 13 мастеров и 29 подмастерьев; ПСЗ-2. Т. 41. Ч. 1. № 43455: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. – *О дозволении свободного производства ремесел и содержания промышленных заведений, а также о порядке разбора споров между хозяевами и работниками в Остзейских губерниях и в городе Нарве, Санкт-Петербургской губернии*; См. Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 189.

[1130] Вольтке Г.С. О проекте… С. 7.

который плохо или хорошо осуществляли ремесленные управы. Кроме того, пристальное внимание уделялось положению дел в остальной Европе, и прежде всего в Германии. Примечательно, что на время, когда русское правительство пыталось привести либеральные законы 1860-х годов в соответствие с реальными возможностями, что рассматривается за малыми исключениями как реакционные и ограничительные попытки, приходится «консервативный поворот» в Германии. С 1881 г. там начинается трансформация «слишком либеральных» законов в промышленной политике, основывающихся на идее «промышленной свободы», в пользу ремесла[1131].

Кроме «либеральных» и «консервативных» аспектов, немаловажную роль играла техническая сторона вопроса. Неоднократно, особенно со стороны технической интеллигенции, делались предложения, подчинить ремесленные мастерские контролю созданной в 1882 г. фабричной инспекции, которая была совершенно перегружена уже существующими обязанностями надзора за предприятиями крупной промышленности. С высокой долей вероятности в долгосрочной перспективе введение инспекции для ремесленных мастерских должно было бы положительно сказаться на порядке в них. Но ввиду огромного их количества это было физически невозможно. Кроме того, ремесленные мастерские действительно требовали особого ремесленного устройства, должного существовать независимо от крупной промышленности. Компромиссное решение было найдено для «значительных ремесленных заведений», на которые должен был распространяться контроль фабричной инспекции. Таким образом, методом локальных законодательных интервенций правительство пыталось постепенно гармонизовать потребности контроля малой и средней промышленности. Так, по предложению Государственного совета в адрес Министерства финансов, действие закона от 3 июня 1886 г. о детском труде было распространено на типографии и другие предприятия полиграфической промышленности с более чем 16 занятых[1132].

[1131] Kaufhold. Handwerk… S. 133.
[1132] Вольтке Г.С. О проекте... С. 8.

Попытки реорганизовать промышленность без цехов продолжила и так называемая комиссия Ольхина, или комиссия об устройстве и содержании промышленных заведений (1894-1899 гг.), под председательством экономиста и члена совета Министерства финансов Сергея Александровича Ольхина, предложившая в 1894 г. в выработанном ею Уставе упразднить деление промышленности на фабрично-заводскую и ремесленную. Но и это предложение не было реализовано[1133]. Вечноцеховые ремесленники Петербурга решительно отстаивали свои права, и причиной здесь было, как нам видится, не только «слепое» сопротивление реформам и попытки сохранить свои сословные привилегии, но и понимание цеховыми ремесленниками необходимости сохранения ремесленной промышленности как необходимой питательной среды для малого и среднего предпринимательства, работающего по иным, нежели крупная промышленность и финансовый капитал, принципам.

Что же касается социального мира, то он нарушался выключением временноцеховых ремесленников из сословной жизни сохранением сословных привилегий вечноцеховых ремесленников. С началом Великих реформ в 1860-х годах и последующей индустриализацией, в ремесленном сословии происходит глубокий раскол, причем все большее число ремесленников осознает необходимость включения временноцеховых в жизнь сословия. Именно в этом смысле компромиссным решением, как для некоторых представителей ремесленного сословия, так и для правительства, было реорганизовать ремесленное сословие согласно принципу «всесословности», как ни парадоксально это звучит, предусматривавшему получение избирательных прав всеми сословиями. В этом контексте становится понятным, почему городская реформа 1870 года, с одной стороны, оставила в силе разделение горожан на корпорации купцов, цеховых и т. д., с другой – дала право всем «горожан[ам], платящи[м] городские повинности с

[1133] Там же; Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 170–171.

их земли, торга и промысла, […] сообща избирать гласных в городскую думу, которая должна была ведать городское хозяйство так же, как земства ведали земское хозяйство»[1134]. В этом заключалось коренное отличие российских реформ от «немецкого варианта». Как раз к этому времени цехи в Германии преобразованы в профессиональные корпорации без сословных привилегий.

Но консервативное крыло правительства, в лице начальника третьего департамента МВД, князя В.А. Долгорукова, графа И.А. Шувалова, заменившего Долгорукова на этом посту в 1866 г., министра юстиции графа В.Н. Панина, и императорский двор, в лице министра двора графа В.Ф. Адлерберга и принца П.Г. Ольденбургского, бывшего с 1842 по 1881 годы в Государственном совете председателем департамента гражданских и духовных дел, относились отрицательно к столь радикальной, по их мнению, реформе[1135]. Ввиду трудностей в решении данного вопроса законодательным путем, либеральное крыло правительства стало упразднять цеховое устройство административным путем. В 1886 г. и 1891 г. в Западном крае России устранены цеховые управы, за исключением трех губернских городов Вильно, Ковно и Гродно, в которых сохранено упрощенное ремесленное управление. В 1890-х годах последовало упразднение цеховых управ в различных городах империи, так что в начале XX века они остались только в 136 городах. Последняя крупная волна закрытия ремесленных управ произошла в 1902–1903 годах, после чего их осталось всего 28, причем полное ремесленное управление лишь в 22 городах, упрощенное в четырех, а также особое в Одессе и Тифлисе[1136]. Данную политику проводило министерство

[1134] Платонов С.Ф. Лекции по русской истории / Вступит. ст. А.Н. Фукса.- М., 1993. С. 700.

[1135] Ерошкин Н.П. История... С. 183.

[1136] Бородаевский С.В. Ремесленная промышленность на Западе и в России // Труды второго всероссийского съезда…; Согласно К.А. Пажитнову, цехи имелись в 1764 г. в 106 российских городах, в середине XIX в. их число выросло до 180, в 1893 г. опустилось до 142 ввиду их упраздения административным путем со стороны местных властей. В 1902–1903 гг. цеховое управление упразднено в 106 городах. В 1905–1917 гг. последнее сохранилось лишь в 29 городах благодаря рестриктивной правительственной политике (Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 115, 153–154, 166). Поэтому нельзя согласиться с Б.Н. Мироновым, по мнению которого цеховое ремесло переживало упадок с 1860-х гг. вплоть до 1917 г. Число цеховых ремесленников Петребурга говорит об обратном. Его вывод о том, что «с быстрым развитием индустриализации страны после отмены крепостного права ремесленный труд стал постепенно вытесняться, следствием чего явилось сокращение доли цеховых примерно до 4% в 1893 г.», может быть истолкован иначе. Доля числа цеховых сократилась, отчасти, ввиду повышения их производительности с внедрением малых моторов (Миронов Б.Н. Российская империя… С. 391).

внутренних дел. Поводом к ликвидации ремесленного самоуправления послужила отмена Калужским губернским по земским и городовым делам присутствием ремесленных выборов в Калуге по той причине, «что к участию в них не были допущены временные ремесленники из крестьян и иногородних мещан»[1137]. Решением Сената от 20 марта 1900 г. эта отмена была признана правомочной, что повлекло за собой далеко идущие последствия. От министра внутренних дел Сипягина по губернским начальствам 30 апреля 1901 г. был разослан циркуляр, предписывающий ликвидировать ремесленные общества в таких городских поселениях, где не имелось отдельного ремесленного сословия. Это означало, что в Калуге все ремесленники принадлежали «к числу местных и иногородних мещан и крестьян, записанных в цехи временно, без перемены состояния и без увольнения из состава прежних обществ»[1138].

В результате, ремесленное управление было упразднено в Архангельске, Великих Луках, Вильне, Владимире, Гомеле, Гродно, Екатеринбурге, Калуге, Киеве, Костроме, Кунгуре, Николаеве, Новгороде, Орле, Перми, Порхове, Пошехонье, Пскове, Рыбинске, Самаре, Севастополе, Симбирске, Смоленске, Ставрополе, Старой Руссе, Тамбове, Твери, Тихвине, Тобольске, Томске, Тюмени, Уфе, Ярославле и др. – всего в 106 городских поселениях[1139]. Таким образом, «усилия Министерства внутренних дел направлялись не столько к тому, чтобы обеспечить торжество принципу свободы промышленности, сколько к тому, чтобы подорвать принцип ассоциации»[1140], а значит сделать невозможным переход от цехов к более прогрессивным объединениям на основах взаимопомощи и кооперации. Правительство не стало действовать, ни в интересах вечноцеховых, ни в интересах временноцеховых. Оно просто сочло возможным устранить всякое ремесленное самоуправление, руководствуясь установкой неправильно понятой «промышленной свободы». Результатом такой политики оказалось предоставление многих тысяч

[1137] Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов… С. 152.
[1138] Там же. С. 152, 153.
[1139] Там же. С. 153.
[1140] Там же. С. 153–154.

квалифицированных специалистов произволу капиталистических отношений, логикой которых являлось укрупнение производства, перевод его на основы массовой продукции и получение сверх высокой прибыли, что в корне проитиворечило принципам ремесленного производства, ориентированного, прежде всего, на вкусы потребителя. Разорение ремесленников вело к обнулению социальных компетенций самостоятельных производителей и, как следствие, прав рабочих. Не случайным стало в этой ситуации, что первые профсоюзы появились именно среди ремесленников, а не рабочих.

Как реакция на эту многолетнюю практику ограничения городского ремесленного самоуправления, в адрес правительства последовал ряд петиций от цеховых ремесленников Николаева, Тамбова, Ярославля, Рыбинска, Киева, Севастополя и других городов с просьбой вновь ввести в этих городах ремесленное самоуправление. После революции 1905–1906 годов, новое министерство промышленности и торговли пошло отчасти навстречу пожеланиям ремесленников и восстановило в некоторых городах цеховое управление[1141].

Вне зависимости от настроений ремесленников, после начавшейся индустриализации в стране, и в Петербурге в частности, не могло быть и речи о полном восстановлении цехов в той форме, в какой они существовали в перечисленных городах до этого[1142]. Произошедший социальный перелом в обществе, возникновение новой большой социальной группы рабочих крупных промышленных предприятий, приводили к глубоким структурные изменениям в ремесле, требовавшим новых организационных принципов ремесленной промышленности. Это касалось и форм организации последней, и отношений внутри ремесленной мастерской, изменения ремесленных практик и внедрения малогабаритных машин и механизмов.

[1141] Там же. С. 170–171.

[1142] О самоуправлении в это время см.: Gross H. Selbstverwaltung und Staatskrise in Rußland 1914–1917. Macht und Ohnmacht von Adel und Bourgeoisie am Vorabend der Februarrevolution. Wiesbaden, 1981.

Несмотря на значительный рост роли ремесленного самоуправления, его работа и полномочия жестко ограничивались и регламентировались государством, что задерживало и даже препятствовало его развитию во второй половине XIX в. Проблемы при решении дел, попадавших под сукно государственной бюрократии, могли быть, хотя и не быстро, но успешно решены на уровне сословия. Импульсы и предложения цеховых ремесленников доходили до высших коридоров власти: Министерства внутренних дел, Министерства финансов, Сената, Государственного совета и самого царя, но не встречали там понимания[1143]. И все же, в интеракции между государственными и городскими властями, с одной стороны, и ремесленного и городского самоуправления, с другой, росло сословное и профессиональное самосознание цеховых ремесленников, особенно с середины XIX века.

Это выражалось в позиционировании цеховым ремесленником себя как профессионала своего дела, активно участвующего в выборах старшин и других членов цехового самоуправления, в жизни городского самоуправления. Среди цеховых мастеров и старшин раздавались голоса не только о преобразовании ремесла и обучения, но проходили жаркие дебаты на собраниях, в том числе и по выборам ремесленного головы, где не оставались в стороне генерал-губернатор Санкт-Петербурга Н.В. Левашов (1866–1871), обер-полицмейстер с 1866 по 1873 г. и градоначальник с 1873 по 1878 г. Ф.Ф. Трепов, градоначальник А.Е. Зуров (1878–1880) и министр внутренних дел П. А. Валуев[1144].

С усилением миграции из села в город в пореформенный период и значительным увеличением числа временноцеховых, назрела острая потребность в реформировании цехов, на что правительство не пошло, ввиду

[1143] См. более подробно: Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863–1917. М., 1998; Она же. Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010; Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX века. Правительственная политика. Л., 1984; Она же. Российское правительство и проблема выборности руководящего состава органов городского самоуправления (1870-1914 гг.) // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. СПб., 2003. С. 118-122.

[1144] Ibid. S. 148, 153–156, 172. О столкновениях с административным аппаратом см.: Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб., 1994. С. 8.

своей консервативной политики в отношении сословий[1145]. Предстояла долгая работа по завоеванию цеховыми ремесленниками прочных позиций в обществе и элементарного уважения со стороны властей, видящих в собраниях ремесленных гласных лишь несанкционированные «сборища»[1146].

Развитая цеховая организация столицы имела все шансы стать современным профессиональным объединением ремесленников. Ремесленники Петербурга занимали ведущую роль среди городских ремесленников России за счет, как правило, более высокой квалификации, что было убедительно продемонстрировано на всероссийских ремесленных выставках в Петербурге в 1885 и 1899 гг.[1147]. Время промышленного спада в 1880-х годах привело к тому, что цеховые мастера, выборные ремесленного сословия, подали в 1885 г. доклад об упадке ремесленного производства, где они предлагали правительству принять меры по поддержанию такового. Показательно, что время написания доклада совпало с первой ремесленной выставкой. Эти меры были сформулированы на цеховых сходах, пришедших в 1888 г. к единому мнению о том, что недостаточная информированность и коммуникация между ремесленниками и потенциальными покупателями приводит к проблемам в сбыте[1148]. Для этого признано было необходимым организовывать не только выставки, но и постоянные выставочные помещения или совместный [А.К. кооперативный] магазин, где мастера имели бы возможность круглый год представлять вниманию публики свою продукцию, а также происходил бы обмен лучшим опытом между ремесленниками. Это должно было способствовать большей независимости мастеров от оптовых торговцев и крупных магазинов.

Не последнюю роль здесь играла близость к учреждениям правительства. Ремесленные съезды в Петербурге в 1900 и 1911 гг. показали, что именно ремесленники столицы были в глазах остальных ремесленников

[1145] Нардова В.А. Самодержавие и городские думы... С. 8.
[1146] Там же. С. 9; Галкин П.В. Из российского опыта... С. 62.
[1147] Keller A. Die Handwerker… S. 282, 320, 441, 446, 453–454, 457, 467.
[1148] Ядров А.И. Голос ремесленника…

тем адресатом, на которого возлагались надежды по проведению реформ и развитию ремесла. Они организовывали ремесленные школы, классы рисования, кассы взаимопомощи и общества вспоможения малоимущим ремесленникам. Это объясняет, почему именно в Петербурге возникали первые кассы взаимопомощи и инициативы по ремесленному образованию, вплоть до бюро помощи ремесленникам в поисках работы, ставшего прототипом бирж труда. Первыми и наиболее активными в 1905 году были профсоюзные организации ремесленников[1149].

Немаловажным фактором служила политика правительства, особенно после Великих реформ 1860-х годов, учитывавшая как потребности крупной, так и условия существования мелкой промышленности. Поэтому ни о каком «исчезновении» ремесла как формы производства не могло быть и речи. Профессиональные ремесленники и качество жизни были понятиями неразрывными и взаимодополняющими. С началом значительного роста численности цеховых ремесленников положительный тренд количественного и качественного роста цехового ремесла продолжился в XIX в. В этом столетии происходят важные институциональные и структурные изменения цехового управления Петербурга. Новое Городовое положение 1846 г., создавая вместо Шестигласной думы «всесословную» Общую думу, приравнивало избранных ремесленным обществом членов ремесленной управы к служащим государственного аппарата, что значительно повышало социальный статус цеховых ремесленников[1150]. Должность ремесленного головы, позже – старшины ремесленного сословия, приравнивалась к VI классу табели о рангах, а старшин цехов и членов Ремесленной управы к VII классу[1151]. Последним, прослужившим безупречно в Ремесленной управе 12 лет и более, присуждалось звание почетного гражданина. Кроме того, старшине ремесленного сословия, в знак отличия, разрешалось носить трость

[1149] Keller A. Die Handwerker… S.121–194, 235–322, 467–468.
[1150] См.: ПСЗ-2. Т. 21. № 19721, 13.01.1846.
[1151] СЗ. Т. 9. Ч. 1: Устав ремесленный. Отд. 3. СПб., 1906. С. 82.

с гербом города, а в цехи не принимались «люди, за коими явные пороки»[1152]. Ремесленная управа была подчинена непосредственно генерал-губернатору[1153].

Отмена обязательной записи в цехи в связи с экономической либерализацией в ходе Великих реформ не привела к абстиненции ремесленнников: мещан, разночинцев, крестьян и иностранцев, продолжавших охотно записываться в цехи временно[1154]. После введения упрощенного цехового управления в 1852 г. ремесла одной отрасли объединяются в один большой составной цех. В ведомости 1866 г. цеховых ремесленников Петербурга находим теперь 23 цеха, объединяющих близкие ремесла. Например, в булочном цехе находятся булочники, пекари ржаного хлеба, пекари выборгских кренделей, калачники, пирожники, производители макарон[1155]. К.А. Пажитнов характеризует время от издания регламента Главного Магистрата 1721 г. до крестьянской реформы 1861 г. как «период оформления цеховой организации», когда «городские ремесленники не преминули воспользоваться предоставленным им правом, и к концу изучаемого в этой главе периода цеховое устройство в полном или упрощенном виде имелось уже в 150–180 наиболее крупных городах»[1156].

Ответ на вопрос, были ли цехи закрытой корпорацией или открытым социальным институтом, может быть двояким. Открытым социальным институтом цехи были потому, что допускали членство временноцеховых, т. е. представителей иных сословий. Закрытой корпорацией на протяжении десятилетий пореформенного периода ввиду того, что временноцеховые ремесленники не были уравнены в правах с вечноцеховыми. Это порождало в свою очередь очаг потенциальных конфликтов и недовольства, как внутри вечноцехового сословия, так и в цеховой корпорации в целом, составной

[1152] Ядров А.И. В защиту русских цехов... С. 76; СЗ. Т. 11. Ч. 2: Устав ремесленный. СПб., 1857. С. 7, 13.
[1153] Ядров А.И. В защиту русских цехов... С. 76.
[1154] Там же. С. 16.
[1155] Keller A. Die Handwerker… S. 53.
[1156] Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов... С. 127.

частью которой уже являлись и временноцеховые ремесленники, несмотря на их формальное отделение от сословия вечноцеховых. После введения нового положения об общественном управлении Санкт-Петербурга 1846 г., вечноцеховые мастера очутились в парадоксальной ситуации – попав в более сильную зависимость от правительства, они еще более успешно могли лоббировать свои сословные интересы[1157]. Освобождение крестьян в 1861 г. и последовавшие гражданские реформы, радикально изменили настроения и горизонт ожиданий среди временноцеховых ремесленников. Начиная с 1860- х годов, в цехах все чаще слышны либеральные голоса ремесленных старшин, выступающих за реформирование цехов в сторону более открытого социального института, к чему большинство вечноцеховых все же не было готово. О времени 1870-х годов можно говорить как о «консервативной революции» в цехах, когда произошло резкое сокращение временноцеховых мастеров в цеховом управлении прежде всего в лице присяжных мастеров и десятских.

Разрешение социального конфликта внутри цехов, как показало дальнейшее развитие событий, зависело не только от воли ремесленников, но еще более от воли правительства. В 1864 году, возможно в связи с событиями вокруг старшины Малкова, будущий ремесленный старшина российских цехов в 1868–1871 гг., член ремесленной управы с 1848 года и ее постоянный член с 1855 г., казначей ремесленной управы с 1864 г., серебряных дел мастер Григорий Григорьевич Петровский обращался в собрании выборных ремесленного сословия к своим коллегам со словами, коннотированными сознанием социальной справедливости и чувством ответственности перед будущими поколениями, об уравнении в правах временноцеховых мастеров с

[1157] ПСЗ-2. Т. 21. № 19721: *О новом положении...*

вечноцеховыми[1158]. Но его слова остались неуслышанными правительством, да и большинством вечноцеховых ремесленников[1159].

1864 год стал тем поворотным моментом, когда ремесленное сословие начинают сотрясать затяжные конфликты по вопросу уравнения в правах временноцеховых ремесленников. В этом году ремесленный старшина С.И. Малков выступил за то, чтобы поместить на памятной доске, наряду с именами вечноцеховых жертвователей, на вновь построенное на средства ремесленной управы здание также имена временноцеховых мастеров. Большинство собрания выборных проголосовало против этого предложения, но Малков настоял на своем, что стоило ему места ремесленного старшины. Против него, по ходатайству гласных ремесленного отделения городской думы, было возбуждено судебное разбирательство, по вопросу предполагаемой растраты сумм ремесленного управления, в результате чего министр внутренних дел П.А. Валуев отстранил его от должности до прекращения процесса, отмененного указом Сената от 19 декабря 1866 г.[1160].

Волнения в сословии вновь начались после очередных выборов ремесленного старшины в марте 1868 г., когда среди двух претендентов более «либеральный» Г.Г. Петровский получил на два голоса меньше, чем его коллега Федор Семенов. Но так как последний находился под судебным следствием, петербургский губернатор генерал-адъютант граф Н.В. Левашов

[1158] Естественное возникновение у вечноцеховых ремесленников чувства солидарности с их коллегами по цеху – временноцеховыми мастерами – не могло не вести к попыткам их объединения, сплоченного уже не духом сословной обособленности, но корпоративной солидарности. У Г.Л. Фриза находим: «Несмотря на определенные тенденции к укрупнению и консолидации (преимущественно среди привилегированных слоев), социальная структура не сводилась к четырем основным сословиям. Напротив, она оставалась исключительно сложной и разнообразной, составленной из многих четко выделяемых и (зачастую) наследственных общественных групп, каждая из которых обладала особым статусом и представляла собой отдельное „сословие“. […] Подобно профессиональным сословиям *(Berufsstände)* в государствах Центральной Европы, эти новые социальные слои приспосабливались к существующему порядку, принимая форму традиционных наследственных сословий *(Geburtsstände).* В этом процессе формирования сословий движущей силой служила не только воля государства, но и взаимодействие отдельных социальных групп. Действительно, как показывает образовательная и социальная политика государства, оно пыталось преодолеть чрезмерное влияние наследственного принципа и обеспечить большую социальную мобильность» (Фриз Г.Л. Сословная парадигма… С. 161).

[1159] Keller A. Die Handwerker… S. 147–155, 164–179.

[1160] Прошение от 1 декабря 1864 года от гласных ремесленного отделения Общей Думы министру внутренних дел П.А. Валуеву // РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 413: Дело по доносу гласных Ремесленного отделения С. Петербургской городской общей думы о растрате сумм здешнего Ремесленного управления (апрель 1864 – сентябрь 1867 г.). Л. 10, 61.

утвердил в должности Петровского, что было его правом[1161]. Бывший старшина сословия Блюм, вместе с группой других вечноцеховых, обратился к собранию выборных ремесленного сословия с требованием не подчиняться решению Левашова. Первоначальное спорадическое сопротивление, выражавшееся в актах неподчинения некоторых цеховых старост новому ремесленному старшине, привело в конечном итоге к выстраиванию сплоченной оппозиции против Петровского.

Оппозицию образовали уже названный Блюм и служащие ремесленной управы, контролировавшие ход ее дел, ввиду своего более высокого образования[1162]. К ним принадлежали братья Павел и Федор Александровы. Первый, по профессии художник, служил делопроизводителем собрания выборных, второй – маклером в управе. Против них было возбуждено судебное разбирательство «из-за подстрекательства ремесленного сословия к беспорядкам». В оппозиции также находились будущий ремесленный старшина Даниил Полозов, члены управы Помпей Москвин, Карп Макаров, бывший заседатель управы и купец Николай Гибнер, письмоводитель рекрутского отделения управы Гавриил Брюнин, а также сам Федор Семенов[1163].

Конфликт между Петровским и оппозицией зашел так далеко, что старосты цехов не подчинялись распоряжениям нового старшины, и собрания выборных под его председательством не могли состояться. К примеру, маклер Александров постоянно перечил и грубил старшине. На собрании 12 марта 1869 г., после того как Петровский призвал Александрова к порядку и исполнению им его непосредственных обязанностей ведения протокола

[1161] А.А. Половцов отзывался о Левашове, что «будучи орловским и петербургским губернатором, он прославился кое-какими произвольными выходками, которые упрочили за ним репутацию неделового человека и врага законности» (Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. В 2-х томах. М.: Центрполиграф, 2005. Т. 2. С. 79). Князь П.В. Долгоруков также отзывался о Леващове нелестно как о человеке «ума недального, совершенно бестактный, характера невыносимого, злой, раздражительный, вечно злобствующий» (П. Долгоруков. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. М., 1992).

[1162] См.: Дитятин И.И. Устройство и управление городов России… Т. 2:. Городское самоуправление... С. 245–247, 363.

[1163] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1058: О возбуждении делопроизводителем собрания выборных петербургского ремесленного сословия П. Александровым и братом его маклером управы Ф. Александровым беспорядков в среде ремесленного сословия. 1869–1871. Доклад от 13 сентября 1869 г. Л. 1.

собрания, тот так возбудил присутствующих, что оно было преждевременно прервано председателем. В апреле того же года Павел Александров был отстранен Левашовым от должности[1164]. Беспорядки побудили губернатора просить городского голову председательствовать на собраниях выборных, но осенью 1869 г. тот отказался от этой обременительной обязанности, сославшись на недостаток времени. В то же время, братья Александровы продолжали активно настраивать выборных против Петровского, для чего собирали мастеров в различных питейных заведениях, для проведения неформальных встреч. В конечном итоге, под их влиянием оказалось 128 из 145 выборных, в результате чего собрания 12 августа и 15 сентября были сорваны и не смогли состояться[1165]. На последнем заседании представители ремесленного сословия потребовали от Петровского покинуть помещение, что было делом, никогда до того не виданным. После этого заседание было продолжено, а присутствующие составили обращение к градоначальнику.

В сентябре 1869 г. расследование причин неповиновения выборных было поручено прокурору окружного суда, который и назначил разбирательство. В это время товарищ министра внутренних дел князь Лобанов-Ростовский пошел на компромисс и позволил проводить собрания ремесленного сословия под председательством городского головы. Следующий 1870 год не принес никаких существенных изменений. Когда 12 марта ремесленный старшина хотел в очередной раз открыть собрание, выборные во главе с Блюмом вышли вперед и заявили в ультимативной форме, что они ни под каким видом не будут участвовать в собрании под председательством Петровского[1166]. В результате на возмущенных выборных не могли больше повлиять ни градоначальник, ни министр внутренних дел.

[1164] Там же. Л. 1-2.

[1165] Городской голова стоял во главе Санкт-Петербургской городской думы и председательствовал в исполнительном органе городского общественного управления – Шестигласной, с 1846 г. Распорядительной думе. После реформы 1870 г. Петербургская Городская дума стала бессословной, а с 1873 г. ее исполнительным органом стала Городская управа во главе с председателем Городской думы – городским головой.

[1166] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1072: О назначении для присутствования в собрании выборных мещанского и ремесленного сословий С. Петербурга за упразднением должности уездного стряпчего особого лица (октябрь 1869 – июль 1870 г.). Л. 9. Здесь: Доклад С. Петербургского губернатора управляющему министерством внутренних дел от 6 мая 1870 г.

Все увещевания оказались безуспешными. По пожеланию министра внутренних дел перед очередным собранием 16 июля 1870 г. на собеседование с государственным советником Лутковским были приглашены старосты цехов и выборные. Вопреки увещеваниям последнего на собрании было принято решение, проводить его не иначе, как под председательством городского головы или цеховых старост. Государственный советник Прайс, под чьим председательством проходило собрание, аргументировал, что это решение противозаконно и не имеет силы, на что выборные вновь протестовали и никак не соглашались допустить Петровского к председательству.

Вероятно, это собрание стало последней каплей и 21 июля 1870 г. прокурором дело было закрыто, так как окружной суд вынужден был признать недостаточной административную власть губернатора для разрешения данного конфликта[1167]. Сословное управление охватило полное бездействие[1168]. Не помог и запрос из Министерства внутренних дел в адрес законодательного отделения Министерства юстиции. Ответ в адрес управляющего делами МВД гласил, что Министерство юстиции не имеет никаких средств, прекратить беспорядки в ремесленном сословии[1169].

В январе 1871 г., в поддержку Петровского, последовало прошение от 21 вечноцехового мастера, в котором говорилось, что причина претензий со стороны некоторых выборных лежит в желании завладеть почетным местом ремесленного старшины, и что обвинения против честного и способного Петровского не имеют под собой никакого основания. Далее говорилось, что,

---

[1167] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1058: О возбуждении делопроизводителем собрания выборных… Здесь: Докладная записка… Л. 60-61.

[1168] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1072: О назначении для присутствования … Здесь: Доклад С. Петербургского губернатора от 6 мая 1870 г. Л. 8.

[1169] Там же. Отношение министра юстиции к управляющему МВД от 9 июля 1870 г. Л. 21–22; Л.Ф. Писарькова охарактеризовала такое состояние сословного самоуправления 1870-1880-х годов на примере Москвы, скорее, как негативное: «Широкая самостоятельность, предоставленная органам городского самоуправления, обернулась всесилием Управы и злоупотреблениями ее членов. Очередная попытка законодателей перешагнуть через несколько ступеней в развитии городского общественно управления и поднять русские города до уровня западноевропейских, а разделённое на сословия общество превратить в гражданское оказалась неудачной» (Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863-1917 гг. М., 1998. С. 83-93). Возникает вопрос, правомерна ли такая модернизаторская концепция, где главный актор – государство, делает цивилизаторскую попытку по принуждению «закоснелого» сопротивляющегося реформам общества к демократии, а главной его целью является введение гражданского общества.

благодаря разумной и честной работе ремесленного старшины, сделано много добрых дел для ремесленного сословия, но ничто уже не смогло изменить сложившегося положения[1170]. В 1871 г. был избран новый ремесленный старшина – полная противоположность своего предшественника – булочный мастер Даниил Петрович Полозов (1871 – октябрь 1879), которому последовал портной мастер Никанор Афанасьевич Лебедев (октябрь 1879 – 1882), выбранный в должность временно. Действительно, честность не была сильной стороной характера названных старшин. Но это были старшины, которых выбрало сословное общество, а значит, они обладали легитимностью. И Полозов, и Лебедев не отличались особой щепетильностью и могли проигнорировать, как постановление собрания выборных, так и указание городских властей. Причиной этому служило, с одной стороны, чрезмерное вмешательство и контроль со стороны городских властей: с 1870 г. все жалобы ремесленников направлялись не в Общую думу, а напрямую в губернское правление, и правительства; с другой – раскол внутри самого ремесленного сословия. Принятие нового ремесленного устава в 1876 г. лишь усложнило ситуацию, поскольку в нем был отменен порядок выборов в ремесленном сословии, установленный новым общественным управлением 1846-го года.

Рассмотренные факты показывают, что ремесленное сословие научилось пользоваться своими правами и умело использовало законодательство, а также противоречия, содержащиеся в нем, в свою пользу. В результате чего, в случае с Петровским, правительство и губернатор оказались бессильными решить проблему легитимности нового ремесленного старшины. Можно сказать, что в отстаивании своих сословных интересов ремесленное сословие Петербурга оказалось успешным. Любые попытки посягнуть на их привилегии или интересы со стороны временноцеховых мастеров, эффективно пресекались.

[1170] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1058: О возбуждении делопроизводителем собрания выборных... Здесь: Прошение вечноцеховых мастеров министру внутренних дел в январе 1871 г. Л. 78.

Выражаясь словами В. Ойкена, нам удалось описать один из конкретных примеров «сплетения властных позиций», где система ремесленного хозяйственного принципа, лишенная ранее всяких прав, показывала себя совсем в ином обличии – как одного из дееспособных властных акторов[1171]. Этот актор показал свое умение пользоваться инструментами власти, т. е. законами, чтобы отстаивать свои сословно-корпоративные интересы.

Одним из испытанных способов была манипуляция с выборами, примененная старшиной Полозовым еще в 1879 г., преемник которого – старшина Лебедев, грозился «переобуть ремесленное общество (АК: т. е. временноцеховых) из сапог в лапти»[1172]. В 1884 г., в бытность старшиной Ефрема Ивановича Иванова, ремесленная управа назначила выборы на 15 и 22 июня на две единственные должности заседателей управы от временноцеховых. Но приглашены были не все 7070 временноцеховых мастеров, а только 518. Причем, все они происходили из Великого княжества Финляндского и Остзейских провинций. Только четыре мастера и три мастерицы из них были русской национальности. Многочисленные жалобы временноцеховых в Губернское по городским делам присутствие на неправильно проведенные выборы привели к обратному результату – последнее подтвердило 3 сентября 1884 г. законность выборов. И только жалоба мастера серебряных дел Василия Иванова в адрес Сената имела успех. Он умело аргументировал свои доводы статьями закона из Городового положения 1785 г., сенатским указом 1786 г., и ремесленным уставом 1879 г., после чего министр внутренних дел согласился дать ход делу, а Сенат указом от 8 мая 1886 г. аннулировал выборы, как нарушающие закон[1173].

Можно предположить, что наметившаяся повышенная конфликтность определенных представителей ремесленного самоуправления с органами

[1171] См. Ойкен В. Основы… С. 259.

[1172] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1952: По прошению петербургских мастеров разных ремесленных цехов Чистякова, Поликарпова и других об устранении от должности старшины ремесленной управы Полозова и назначении на эту должность новых выборов; переписка о беспорядках по Петербургскому ремесленному управлению и назначении ревизии его. Здесь: Прошение управляющему министерством внутренних дел от временноцеховых мастеров в С. Петербурге от 27 августа 1880 г. Л. 88.

[1173] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2254: По жалобе С. Петербургского временноцехового ремесленника Иванова… Л. 10.

власти была связана, с одной стороны, с выросшим гражданским самосознанием мастеров, с другой, все большим сужением правового поля ремесленной управы со стороны государства с 1872 г. В этом году ремесленная управа после «либерального десятилетия» 1862–1872 гг., была вместо собрания выборных С.- Петербургского ремесленного сословия, вновь переподчинена С. - Петербургской городской думе, как это было ранее в случае с Шестигласной и Распорядительной думами. Рост влияния ремесленного самоуправления произошел после 1846 г., когда, по новому городовому положению, для Петербурга в собрании выборных могло участвовать от 100 до 150 членов, решавшее спорные вопросы между ремесленниками, не превышавшие 20 рублей, внутрисословного налогообложения, ремесленного образования, благотворительности, вопросов морального, административного и уголовного права. Ремесленная управа созывала присяжных мастеров для испытания на звание мастеров, для заключений по спорным делам[1174].

Столичное ремесло в эпоху индустриальной революции не оставалось свободным от ее влияния. Во второй половине XIX в. в ряде отраслей ремесленной промышленности также имеет место повышенное разделение труда, но не в таких размерах как в крупной промышленности. Ремесленная промышленность Петербурга продолжала интенсивно развиваться: число цеховых Петербурга-Петрограда увеличилось с 39 979 в 1892 г. до 60 090 человек в 1919 г.[1175]. Можно предположить, что во время всеобщего общественного подъема после Февральской революции 1917 г. и особенно после принятия первым советским правительством 25 ноября 1917 г. «Декрета об уничтожении сословий и гражданских чинов», большинство петроградских ремесленников восприняло это как устранение несправедливой разницы между временно- и вечноцеховыми. Но шанс для дальнейшего развития отсутствовал ввиду полного упразднения цеховой организации,

[1174] См. Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов... С. 131.
[1175] Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов... С. 173; Keller A. Die Handwerker… S. 483–484.

принадлежность к которой цеховые ремесленники не спешили аннулировать. Чем тогда объяснить значительный приток ремесленников в цехи? Возможно, не является случайным, что К.А. Пажитнов указал эти 60 090 человек, когда цехи были уже давно отменены, но видимо, продолжали существовать еще какое-то время неофициально по инерции, с верой мастеров в то, что демократическая революция признает цехи как переходный профессиональный институт к ремесленной палате. Уничтожение фонда иностранной ремесленной управы Петрограда в начале 1920-х гг. совпало с моментом, когда иллюзий по поводу социальной сущности советской власти уже ни у кого не осталось.

Но если бы удалось продлить жизнь и развитие ремесленной промышленности с миллионами высококвалифицированных рабочих рук, помещенной после 1917 г. в прокрустово ложе «советской кустарной кооперации», то ответ на вопрос, что бы было дальше, как это ни парадоксально, находим в статье из Большой советской энциклопедии: «ремесло, [как] мелкое ручное производство промышленных изделий, господствовавшее до появления крупной машинной индустрии (а затем частично сохранившееся наряду с нею) […] вместе с развитием техники в рамках различных общественных формаций, принимает различные формы»[1176]. Другими словами, не будь социальной революции 1917 года, и ремесло имело бы все шансы получить современную форму организации, способную обеспечить его дальнейшее развитие и процветание, а значит – создание комфортной городской среды и высокого качества жизни.

3.4. Экономическое развитие цехов

Во второй половине XIX – начале XX в. модернизаторы российской экономики и идеологи капитализма вынуждены были констатировать

[1176] Арапов Д.Ю., Балязин В.Н., Сахаров А.М. Ремесло // Большая Советская Энциклопедия. Т. 22. М., 1975. С. 3.

неудобный факт существования и развития альтернативной модели экономического развития, в которой по новой осмысливалась роль ремесла в России. Земские деятели, многие из которых придерживались взглядов, близких экономистам-народникам, увидели в ремеслах и кустарных промыслах зародыши альтернативных форм экономического развития, залогом успеха которых стало кооперативное движение. Впрочем, оставаясь во власти идей своего времени, в их концепциях не находилось места цехам, трансформированным в профессиональные организации для развития будущих институтов ремесла в виде высокотехнологичных гибких производственных сетей малых и средних предприятий регионального и глобального масштаба[1177].

Развитие ремесла в столице тесно связано с западноевропейскими ремесленными практиками, привненными иностранными ремесленниками. Большинство российских мастеров долгое время признавали абсолютное преимущество их иностранных коллег и старались подражать им почти во всем. Этому предпочтению способствовал, прежде всего, спрос «общества» или «публики», ориентировавшейся на европейский эталон качества, ее эстетику и культуру, и наличие мастеров, способных удовлетворить эти потребности благодаря своему «европейскому образованию». К концу XIX в. большинство российских ремесленников Петербурга преодолевает эту зависимость от иностранных мастеров, благодаря сложившемуся особому космополитичному архетипу петербургского жителя, вобравшему в себя множество черт российского и иностранного происхождения. Понятна и приверженность многих российских мастеров к цеховой форме организации ремесла, помогавшей им артикулировать свои интересы перед высоким начальством от генерал-губернатора до министра внутренних дел или министра финансов.

[1177] См.: Смородинская Н.В. Смена парадигмы мирового развития и становление сетевой экономики // Экономическая социология. Т. 13. № 4. Сентябрь 2012. С. 95–115.

На вопрос о том, существовало ли ремесло Петербурга более в условиях жесткой конкуренции или же сотрудничества иностранных и российских мастеров, дать однозначного ответа невозможно[1178]. Это зависело от времени, места и социального положения ремесленников, как внутри своей социальной группы, так и по отношению к государству и крупной промышленности. И все же, можно выделить наиболее яркую отличительную черту Петербурга, бывшего ввиду своей специфики, в какой-то степени, отражением сегодняшней Европы, – его культурное многообразие, являющееся одной из главных европейских ценностей[1179]. Этот модус существования определял в конечном итоге способы конкуренции и сотрудничества.

Несколько слов необходимо сказать о социальной и гендерной стратификации цеховых ремесленников Петербурга и месте в цеховой иерархии женщин-мастериц, в частности[1180]. О числе мастериц в ремесленных мастерских в первой половине XIX в. нет точных статистических данных. Принято считать, что во второй половине XIX в. наблюдается возрастающая тенденция в найме женщин на предприятиях обрабатывающей промышленности Санкт-Петербурга, на которых в 1869 г. числилось 25,2%, а в 1885 г. уже 31,4% женщин[1181]. Эти цифры близки к указаниям Н. Женнина о соотношении в 1858 г. женского труда с мужским, среди ремесленников соответственно в 22% и 78%[1182]. Что касается традиционных ремесленных мастерских цеховых мастеров, то и здесь, хотя и в меньшей мере, наблюдалась названная тенденция. Регулярная регистрация женщин-мастериц в

[1178] И.М. Кулишер, ссылаясь на Шторха, указывал на большое распространение в конце XVIII в. среди русских ремесленников работы на скупщика, хотя и исключал из них большие города: «Иначе говоря, эти ремесленники являются в сущности не ремесленниками, а кустарями, работающими на скупщика, на магазин. Так изготовляются башмаки, туфли, сапоги, кафтаны и другие предметы одеянья, шубы, постели, одеяла, столы, стулья, вообще, всевозможные предметы, так что в лавках можно купить все, что угодно и при, том гораздо дешевле, чем непосредственно заказывая ту или другую вещь ремесленнику. Но большие города Шторх исключает из этой характеристики – там имеется и ремесло» (Кулишер И.М. Очерк истории... С. 156; Storch H. Gemälde von St. Petersburg… S. 178); Кулишер строго классифицирует занятия ремеслом по местоположению ремесленника: тот, кто находиться в городе – ремесленник, в деревне – кустарь (Там же. С. 135, 141, 156).
[1179] Интервью с Кристиной Конде де Берольдинген…
[1180] См.: Crowston C. Women, Gender, and Guilds in Early Modern Europe: An Overview of Recent Research // International Review of Social History. 53 (2008). P. 19–44.
[1181] Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России… С. 26.
[1182] Женин Н. Еще несколько слов... С. 526.

традиционном цеховом производстве велась предположительно с 1847 г., после введения годом ранее нового городового положения Петербурга, что позволяет определить положительную тенденцию в росте числа занятых лиц женского пола. Так, в 1866 г. число мастериц в русских цехах составляло примерно 6% от общего числа цеховых ремесленников, в 1884 г. – примерно 13%, а в 1891 г. – примерно 17%[1183], что говорит о росте значения мастериц в русских цехах, не в последнюю очередь благодаря росту белошвейных мастерских по пошиву дамского белья и платья[1184]. При этом, очевидны структурные изменения ремесленных мастерских, средняя величина которых уменьшается среди булочников и кондитеров, с четырех занятых человек на одного мастера в 1866 г. до 1,5 в 1873 г.[1185].

Говоря о женском труде в ремесле, следует также упомянуть о петербургских белошвейных мастерских, обшивавших не только петербургских модниц, но также сбывавших свою продукцию по всей России, не в последнюю очередь благодаря франчайзингу известной американской корпорации в Петербурге «Зингер», занимавшейся производством швейных машинок и давшей сильный толчок развитию швейного и пошивочного ремесла столицы. Не удивительно, что среди ремесленников Петербурга встречается много иностранных имен, ведь помимо иностранных немецких цехов, многие члены русских цехов имели нерусские корни. Так, на мануфактурной выставке 1861 г. премию получила некая цеховая мастерица по производству корсетов Гюссон[1186].

Развитие в Петербурге текстильной промышленности и пошивочной индустрии во второй половине XIX в. привело к открытию множества белошвейных мастерских, куда часто отдавали девочек из бедных семей на обучение. Этот вид мастерских подпадал под юрисдикцию ремесленной управы, которая не могла строго проконтролировать все пошивочные

[1183] Keller A. Die Handwerker… S. 491–498, 513.
[1184] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1281. Л. 9.
[1185] Keller A. Die Handwerker… S. 500.
[1186] Статистичские сведения о фабриках и заводах […] на мануфактурной выставке 1861 г. СПб., 1862. С. 76.

мастерские и, видимо, не стремилась к этому более, как это было еще в первой трети XIX в. Судя по журналу особой комиссии при Санкт-Петербургском градоначальнике, заседавшей с 27 ноября по 12 декабря 1891 года, она была обеспокоена тем, что «ремесленная управа без всякого испытания выдает свидетельство на звание мастерицы для открытия самостоятельной ремесленной мастерской, даже ученицам, так называемых, „школ кройки и шитья“»[1187]. На первое заседание комиссии был приглашен старшина ремесленного сословия Владимир Емельянович Владимиров[1188], а на второе дополнительно старосты цехов серебряно-позументного, кондитерско-булочного и портного.

Очевидно, что экономический спад 1872–1876 гг. и последовавший за ним стремительный промышленный рост петербургской крупной промышленности 1880-х и 1890-х гг., включавших годы экономических кризисов 1882–1886 гг. и 1890–1891 гг., привели к дальнейшей трансформации городского ремесла, но уже по иным принципам, сказавшимся и на спросе женского труда в этом сегменте экономики. Если доля женского труда в булочном цехе неуклонно росла вплоть до 1875 г., несмотря на экономический кризис 1872–1876 гг., а затем, с конца 1870-х гг., эта пропорция стала сокращаться, напротив – в остальном цеховом ремесле доля женского труда увеличивалась. Возможно, с началом более жесткой конкуренции, со стороны крупного промышленного производства в условиях индустриализации, женский труд в булочных и хлебопекарных заведениях цеховых мастеров

[1187] Ядров А.И. О сохранении цехового управления. СПб., 1897. С. 16.

[1188] В.Е. Владимиров (1833–1899) – петербургский столярный мастер во втором поколении. Его отец, Емельян Владимиров (1796–1856) – вольноотпущенный крестьянин Костромской губернии, по всей вероятности, из усадьбы Введенское Чухломского уезда Костромской губернии, владельцами которой были наследники Степана Васильевича Перфильева – петербургского губернатора в 1773–1774 г.; Емельян был причислен в петербургский столярный цех 28 ноября 1833 г. и в этом же году, 24 марта, родился будущий ремесленный старшина Владимир. Это единственный пока старшина, родственников которого удалось найти. Его праправнучка Ольга Игоревна Владимирова, живущая, как и ее прапрадед, на Васильевском острове, любезно предоставила свои материалы; Как сообщал А.И. Копанев, в вечноцеховые «охотно шли люди, освободившиеся из крепостной неволи. Так, по ревизским сказкам 6-й (1811 г.), 7-й (1815–1816 гг.) и 8-й (1834–1835 гг.) ревизий около половины вечноцеховых Петербурга составляли отпущенные на волю крестьяне и дворовые» (Он же. Ремесленники Петербурга... С. 79). А.И. Аксенов писал о крестьянах, переехавших в Москву в XVIII – начале XIX вв.: «[…] в это время крестьяне перебирались в Москву не только в надежде “выбиться в люди”, но уже с твердым положением в торгово-промышленном мире и солидными капиталами» (Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 63–64, 88–89).

перестал быть конкурентным преимуществом, что привело к структурным изменениям, нашедшим свое выражение в том числе, и в гендерной стратификации цехового ремесла Петербурга. Можно с уверенностью сказать, что кризис и стагнация 1872–1876 гг. и последовавшее затем ускоренное развитие крупной промышленности Петербурга не поставили крест на цеховом ремесле, но дали новые импульсы к его дальнейшему развитию. При этом надо заметить, что ремесленная промышленность реагировала на кризисы в курпной промышленности неодинаково.

Ремесленники Петербурга образовывали важную социальную группу в экономической жизни города, вплоть до их упразднения в 1917 г. Число только цеховых ремесленников в XVIII веке выросло с 1566 человек в 1724 г. до 12 000 человек в 1800 г. В период с 1801 по 1848 г. их число утроилось и достигло 35 000 человек. В последующие два десятилетия, до начала 1870-х годов, увеличения не происходило, а затем снова начался неуклонный рост. Вопреки расхожему мнению об упадке ремесла с развитием крупной промышленности, в Петербурге ремесленников (цеховых в том числе) стало значительно больше, именно с началом быстрой индустриализации города и ростом крупной промышленности, особенно с 1880-х годов. С 30 000 человек в 1868 г. число цеховых ремесленников увеличилось до 51 000 человек в 1886 г. Несмотря на сильный спад в 1887 г. (41 791 чел.) цеховое ремесло смогло оправиться и число ремесленников достигло в 1900 г. 53 400 чел., а в 1910 г. 57 500 чел., причем их общее число достигало 150 000 чел.[1189].

Петербург для России по праву считается символом открытия страны в сторону Западной Европы и городом с долгой традицией международного культурного и экономического обмена. До 1917 г. он занимал одно из важнейших мест во всем регионе северо-восточной Европы, на Балтийском море, был крупнейшим центром ремесленной продукции, причем среди ремесленников Петербурга наблюдалось наибольшее национальное и

[1189] См.: Keller A. Die Handwerker… S. 479–484.

отраслевое разнообразие[1190]. Ремесленники Петербурга занимали важное место в системе экономических связей, распространявшихся на весь северо-запад России, балтийский регион, вплоть до Германии и других европейских государств. Многие из них приехали из разных уголков Центральной, Западной и Восточной Европы. Движение трудовой миграции и обмен опытом осуществлялся не только за счет приезда мастеров, но и за счет странствующих подмастерьев, прибывавших из Гамбурга, Кёнигсберга (Калининград), Риги, Ревеля (Таллинн), Стокгольма и Хельсинки. Славились финские ювелиры, немецкие булочники и колбасники, сапожники и механики, французские и итальянские портные и кондитеры. Поэтому трудно одним словом обозначить идентичность петербургских ремесленников. Здесь можно было встретить иностранных и русских, вечных и временных, цеховых и нецеховых мастеров, крестьянских ремесленников-кустарей, мещан и купцов, занимающихся промыслами[1191].

Таковое разделение труда подтверждает и ежегодная миграция в разное время от 50 000 до 100 000 ремесленников-кустарей и сезонных рабочих летом[1192]. Отходники, приходившие на заработки в Петербург, обязаны были получить «взамен паспорта билет Конторы адресов, а с 1839 г. билет Адресной экспедиции, уплатив при этом адресный сбор». Билеты брали в основном 4-го и 5-го разрядов, причем именно в последнем находились «чернорабочие в домах, ученики у мастеров и ремесленников», поступавшие учениками, подмастерьями и рабочими (чернорабочими) в ремесленные мастерские[1193]. Таких отходников записалось в 1811 г. до 60 000 человек, в 1837 г. – до 170 000 человек, в 1844 г. – до 120 000 человек[1194].

[1190] Там же; Юхнева Н.В. Этнический состав…; Она же. Петербург и губерния...
[1191] Keller A. Die Handwerker….
[1192] Китанина Т.М. Рабочие Петербурга в 1800–1861 гг.: промышленность, формирование, состав, положение рабочих, рабочее движение. Л., 1991. С. 120; Ковальченко И.Д. Об особенностях работы по найму помещичьих крестьян России в первой половине XIX века // Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. М., 1965. С. 396–397; См. также: Китанина Т.М. Роль крестьянства в формировании промышленных рабочих Санкт-Петербурга в период генезиса капитализма // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1994; Она же. Рабочее сословие и правительственная политика в первой половине XIX в. // Мавродинские чтения. СПб., 1994. С. 161.
[1193] Очерки истории Ленинграда. Т. 1. С. 524.
[1194] Там же. С. 524–526.

Большинство из крестьян-отходников и дворовых до 1861 г. составляли крепостные, отпущенные помещиками на оброк по паспортам и записывавшиеся временноцеховыми. Они составляли примерно 2/3 всех цеховых ремесленников[1195]. Кроме подушной подати, временноцеховые платили особый цеховой сбор. В 1846 г. он был установлен для мастера в размере 5,72 руб., подмастерья – 58 коп. и ученика – 29 коп.[1196]. Вечноцеховые, кроме подушной оплаты, платили различные цеховые сборы, которые со временем понижались: до 1828 г. – 15,20 руб., с 1828 г. – 10,30 руб., с 1834 г. – по 12,70 руб., в 1840-х гг. – 4,32 руб., с 1850 г. – 2,38 руб.[1197].

К концу XIX в. социально-экономическая ситуация, по сравнению с дореформенным периодом, сильно изменилась. Отмена крепостного права, развитие капитализма и строительство железных дорог привели к значительному повышению мобильности населения. В 1869 г. крестьяне-отходники составляли в Петербурге свыше трети всего русского населения города, а в Москве их доля доходила до 45%[1198]. В дальнейшем их процентная доля в Петербурге только увеличивалась, и составила в 1881 г. 46%, в 1890 г. – 57%, в 1900 г. – 66%, в 1910 г. – 70%. Соответственно, количество крестьян выросло со 193,7 тыс. человек в 1869 г. до 1094,8 тыс. человек в 1910 г. Наибольшее число выходцев, как в 1869 г., так и в 1910 г., происходило по мере убывания из северорусской, среднерусской и западнорусской этнографических групп[1199].

Из губерний в 1869 г. лидировали Ярославская, Тверская, Новгородская и Костромская (см. таб. 3).

[1195] Копанев А.И. Ремесленники в первой половине… С. 79–80; В уставе цехов 1799 г. закреплялось аналогично прежним указам, «в цехи причислять и господских людей на сроки их паспортов, которые по ремеслу могут пользоваться правом и выгодою подмастерьи» (ПСЗ-1. Т. 22. № 19187. С. 879).
[1196] Очерки истории Ленинграда. Т. 1. С. 518–519.
[1197] Там же. С. 519.
[1198] История России XVIII – XIX веков / Л.В. Милов, Н.И. Цимбаев… С. 380.
[1199] Юхнева Н.В. Этнический состав… С. 142, 145.

Губерния	Крестьяне-отходники, тыс. чел.		Прирост	Ремесленники по переписи 1869 г., %			
	1869 г.	*1910 г.*		*Портные*	*Булочники*	*Сапожники*	*Кузнецы*
Ярославская	45,2	154,4	109,2	4,1	2,3	1,1	0,1
Тверская	34,4	261,0	226,6	1,6	3,6	6.6	0,6
Новгородская	18,3	106,7	88,4	-	-	-	-
Костромская	12,5	46,9	34,4	-	-	-	-
Псковская	-	43,0 (1900)	-	3,7	0,3	6,7	3,4

Таблица 3: Лидирующие губернии по крестьянскому отходу в Петербург в 1869 г.[1200].

К 1910 г. Тверская губерния обошла Ярославскую – соответственно 24% и 14% от всех петербургских крестьян. Сезонные рабочие среди крестьян-отходников приходили в столицу всего на несколько месяцев (при существовании двух видов отхода – летнего и зимнего). По переписи 1869 г. среди ремесленников-мужчин, в процентах ко всем расписанным по губерниям самодеятельным крестьянам, из Ярославской губернии преобладали портные, булочники и пряничники. Из Тверской губернии приходило больше булочников и сапожников, а из Псковской губернии – портных, сапожников и кузнецов[1201]. Ярославцы поставляли также большое количество отходников-рабочих в строительных ремеслах каменщиков, штукатуров, печников. На строительстве в 1840-е годы в Петербурге их занято 26 000, в 1896-1902 г. – 28 000 человек[1202].

Одной из самых многочисленных групп отходников среди ремесленников были тверичи, подтверждавшие одно из главных отличий от рабочих – последние «отходили из районов, где профессионально-территориальная специализация была значительно слабее»[1203]. Иными словами, территориальная специализация в

[1200] Там же. С. 143.
[1201] Там же. С. 147.
[1202] Там же. С. 151, 154.
[1203] Лурье Л. Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2011. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1016811/Lure_-_Piterschiki._Russkiy_kapitalizm._Pervaya_popytka.html (Дата обращения: 05.07.2017).

местах выхода тверских, ярославских или костромских ремесленников определяла их занятость в соответствующих отраслях ремесленного производства. Больше всего из тверичей в Петербург приходило чернорабочих (14 456 чел. м. пола и 2051 ж. пола), плотников (13 440 чел.) и сапожников (1500 мужчин и 287 женщин)[1204].

Учредительное собрание Тверского благотворительного общества в Санкт-Петербурге (далее – ТБО) происходило 12 декабря 1902 г. в здании Ремесленной управы на Московской улице, 2[1205], так как многие ремесленники столицы происходили из этой губернии. Настоятель Владимирской церкви протоиерей Д.М. Приселков, выбранный председателем правления общества, обратился к присутствующим со словами, дающими представление о значении тверичей в столичной жизни: «Они подвизаются на различных поприщах – начиная от хлебной торговли и содержания всех перевозов на яликах, продолжая всем производством обуви, изготовлением кос, топоров, паркета, тонких кружев, кож, шитых золотом, мелкою торговлею, работою на фабриках и заводах…»[1206].

Часто упоминаемый исследователями негативный фактор консерватизма мастеров и, как следствие, их нежелание делиться своими секретами, становится относительным, при учете небольших объемов ремесленного производства по сравнению с промышленным и ориентацию на местный (микролокальный) рынок.

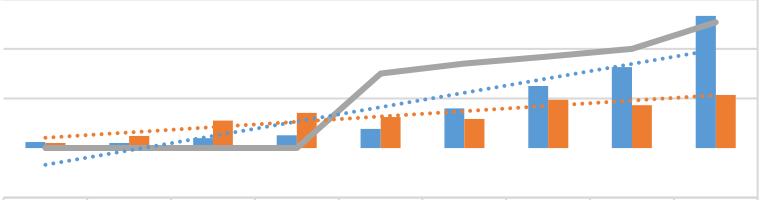
[1204] Юхнева Н.В. Этнический состав… С. 157.

[1205] «Участок дома №2 по Загородному проспекту (№1 по Большой Московской улице) был приобретён Петербургской ремесленной управой в 1810 году у жены штабс-капитана Дунина-Барковского. В 1842 году владение было расширено за счёт покупки соседнего участка (дом №3 по Большой Московской улице). В 1858–1859 годах здесь был построен каменный четырёхэтажный дом по проекту архитектора Августа Ивановича Ланге. О первом владельце этого здания напоминает герб Санкт-Петербурга, помещённый в аттике со стороны Владимирской площади, а также символы ремесленных цехов в замковых камнях наличников окон третьего этажа. Петербургская ремесленная управа размещалась в большей части второго этажа. На первом этаже находились магазины с квартирами, небольшая типография и библиотека с читальным залом. Часть второго и верхние этажи сдавались внаём. Квартиры здесь были оборудованы водопроводом и канализацией. 4 декабря 1876 года собрание выборных ремесленного сословия решило взять ссуду в Петербургском городском кредитном обществе для ремонта находящихся на участке зданий. Архитектор Р.Б. Бернгард, осмотревший тогда дом оценил его стоимость в 166 000 руб., землю – в 49 000 руб. Недвижимость была отремонтирована и вновь сдана внаём. Здесь жили люди в основном мещанского сословия, но были среди них и военные, чиновники. Подробнейший список обитателей доходного дома приведён в книге «Владимирский округ. Большая и Малая Московские улицы и улица Правды». Некоторые помещения сдавались под офисы. В 1905–1906 годах здесь работала контора журнала "Зритель", художественная школа, контора судостроительного общества "Альфа-мотор" и другие организации. В 1910 году здание было расширено за счёт пятиэтажного корпуса вдоль Загородного проспекта с таким же надворным флигелем, четырёхэтажным корпусом по задней границе участка, каменными службами. После этого стоимость недвижимости составила 380 000 рублей» (URL: http://walkspb.ru/zd/zagorodniy2.html (Дата обращения: 12.07.2017); См.: Векслер А.Ф., Крашенинникова Т.Я. Загородный проспект. М., 2010. С. 58; Векслер А.Ф., Крашенинникова Т.Я. Владимирский округ. Большая и Малая Московские улицы и улица Правды. М., 2011. С 25.

[1206] Лурье Л. Питерщики…

Ведь этим ремеслом, которое мастер хотел защитить, он «кормил» себя и свою семью, учеников и подмастерьев, создавая, пускай зачастую и зависящие от сезонной конъюнктуры, рабочие места. Если учесть, что у каждого мастера были свои «секреты», то именно эти умения и создавали главную ценность ремесленного продукта – его уникальность, оригинальность и авторский почерк.

До конца периода протоиндустриализации количество цеховых ремесленников в городе преобладает над рабочими (см. рис. 9).



	1786	1801	1834	1848	1862	1869	1879	1890	1900
Рабочие мануфактур, фабрик и заводов	6 000	5 000	9 950	12 958	19 300	40 000	62 562	81 573	133 361
Цеховые ремесленники	5 077	12 238	27 508	35 563	31 302	29 352	48 529	43 096	53 375
Ремесленники					75 000	85 000	92 090	99 889	126 757

Рисунок 9: Рабочие мануфактур, фабрик, заводов и ремесленных мастерских Санкт-Петербурга, 1801–1900 гг.[1207].

С началом же промышленного подъема число рабочих на крупных предприятиях растет с большей динамикой и уходит в отрыв с 1870-х гг., когда начинается take-off в русской промышленности, а к началу XX века обгоняют и общее количество ремесленников. При этом, перспектива работы в ремесленной мастерской для многих ремесленников была более привлекательной, чем на заводе, так как средняя зарплата мастерового начала 1880-х гг. равнялась 25-30 руб. в месяц, а фабричного – 15–17 руб., тогда как чернорабочие получали от 50 коп в день, а летом и по 60 коп.[1208].

Великие реформы 1860-х – 1870-х гг., поддержка ремесленников правительством, привлечение иностранных капиталов оказали решающее влияние на развитие промышленности Петербурга, в том числе и

[1207] Валк С.Н., Дякин В.С. (ред.). История рабочих Ленинграда. Т. 1…; Keller A. Die Handwerker… S. 482–484.
[1208] Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов... С. 76.

ремесленной[1209]. Из графика видно, что рост числа ремесленников Петербурга – как в цехах (прежде всего за счет вечноцеховых), так и нецехового ремесла, в XIX в. оказался значительным (см. рис. 10).

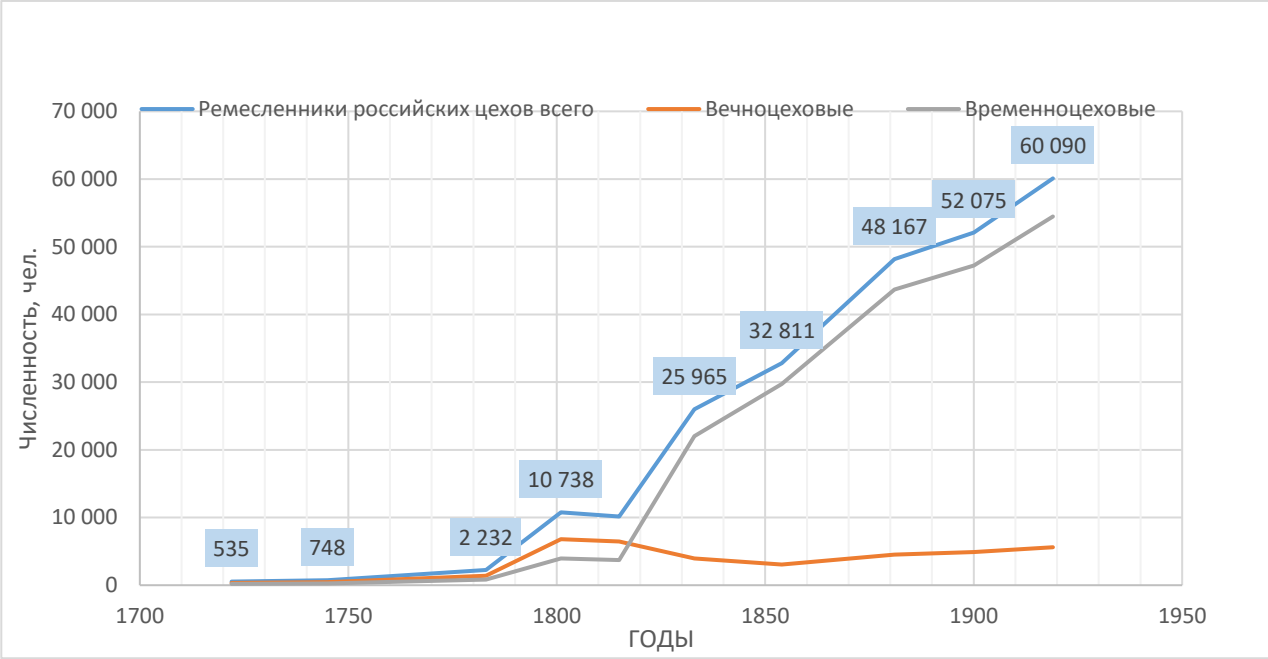


Рисунок 10: Цеховые ремесленники в XIX веке.

После относительной стагнации в первых трех декадах этого века и с конца 1840-х гг. до начала 1870-х годов, начинался неуклонный рост цехового ремесла. К 1801 г. цеховых ремесленников насчитывалось более 12 000, к середине века более 30 000, в его конце, именно во время индустриального рывка 1890-х гг., их число доходит до 60 000 человек. Общее же число ремесленников достигло к началу XX века примерно 150 000 человек (см. рис. 11)[1210].

[1209] Share M. The Central Workers… P. 1; Steffens T. Die Arbeiter von St. Petersburg 1907 bis 1917. Soziale Lage, Organisation und spontaner Protest zwischen zwei Revolutionen. Freiburg i. Br. 1985. S. 26.
[1210] Keller A. Die Handwerker… S. 479–484.

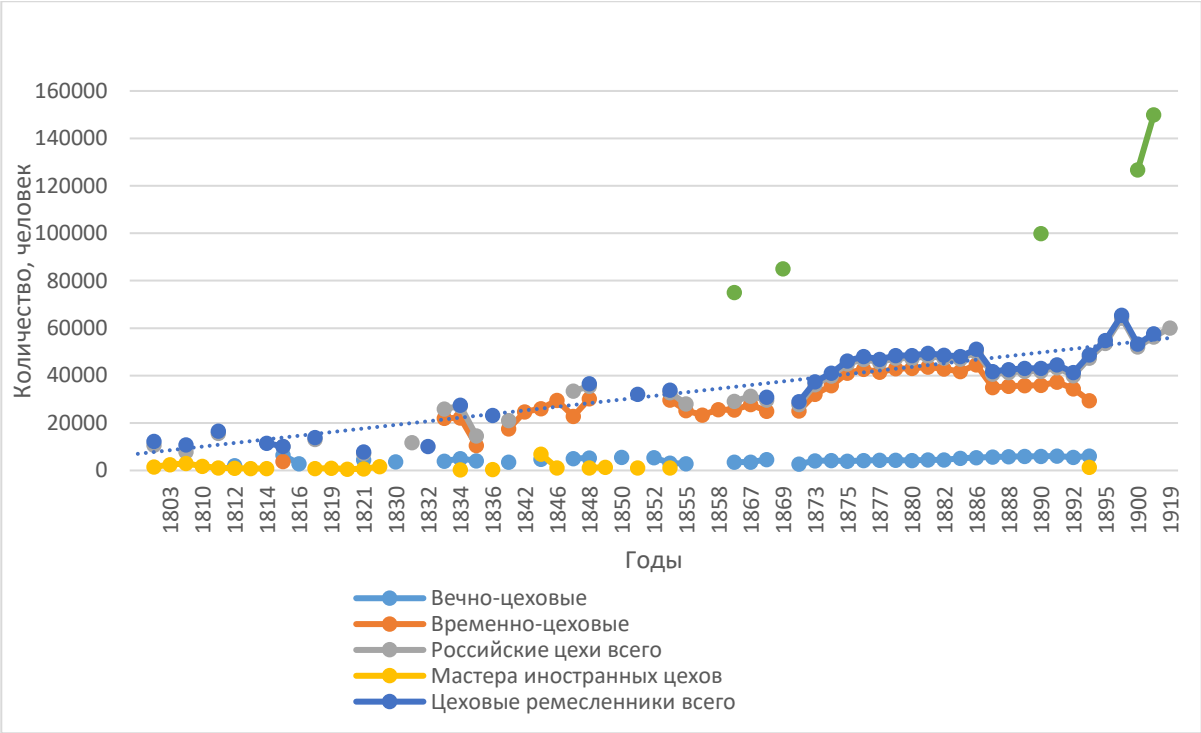


Рисунок 11: Динамика роста числа ремесленников в XIX в.

Хорошо развитая инфраструктура Петербурга позволила отдельным ремеслам адаптироваться к новым условиям, что привело в последней трети XIX в. к стабилизации ремесленных мастерских, сумевших не только сохранить некоторые традиционные производства, но и создавших новые специализации, например, при починке велосипедов, а позже и автомобилей. Одним из показательных примеров служит деятельность династии оружейных мастеров из Золингена, основанной в России Вильгельмом Николасом Шафом, приехавшим со своими сыновьями в 1823 г. со Златоустовской оружейной фабрики в Петербург. Владельцами оружейной мастерской украшенного холодного оружия «Шаф и сыновья» (1823–1915) после В.Н. Шафа были Вильгельм Людвиг (1825–1834), Иоган Вильгельм (1834–1840), Иоган Вильгельм и Фридрих Вильгельм (1840–1870), Густав Фердинанд (1870–1887). В 1899 году Вильгельм Густавович и Густав Густавович (1887–

1910), помимо оружейной мастерской и магазинов, открывают на набережной канала Грибоедова, 69, велосипедную «фабрику» «Мастеровой»[1211].

Развитие крупной индустрии способствовало косвенно модернизации ремесленных мастерских, приводившей к их повышенной механизации и машинизации. Со строительством железных дорог в Центральной России и Западных областях Российской империи, начиная с середины XIX в., ремесленники Петербурга начинают ощущать конкуренцию крестьянского ремесла, хотя и в узких областях. С одной стороны, кустарные промыслы не могли составить конкуренцию петербургским ремесленникам, с другой, они являлись большим резервуаром рабочих кадров[1212].

Условно с 1860-х гг. в Петербурге начинается время промышленной революции, а в 1890-е гг. – бурной индустриализации, которые трудно себе представить без ремесленного мастера и ремесленной мастерской, ее различных промежуточных форм (трансформаций и симбиоза), без профессиональных кадров для крупной промышленности, которых поставляли мелкие и средние предприятия. Эту тонкую связь уловил Гества, говоря о том, что «это развитие было возможно благодаря искусной комбинации социальных практик и унаследованному опыту, предполагавших наличие культурных компетенций, приобретенных в ходе тесной коммуникации»[1213]. Здесь описаны именно принципы ремесленного производства, которое в ходе миниатюризации техники, органически интегрировало в производственную цепочку «газовые, керосинные, электрические и другие малосильные моторы»[1214]. И это на фоне роста общего числа занятых в булочном и кондитерском цехах, объединенных ранее в один, в период с 1866 по 1873 гг. с 2047 до 3581 человек, или на 75%[1215]. Уменьшение средней величины булочных цеховых мастеров можно отнести также на счет

[1211] Суханов И., Туманова К. Деятельность немецких оружейных мастеров Шафов в Санкт-Петербурге. 24.07.2017. URL: https://www.kalashnikov.ru/postavshhik-dvora-ego-imperatorskogo-velichestva/ (Дата обращения: 08.11.2017).
[1212] Кулишер И.М. Очерк истории… С. 143–144, 153.
[1213] Gestwa K. Proto-Industrialisierung... S. 578.
[1214] Белковский Г.А. Ремесло… С. 563.
[1215] Там же. S. 501.

увеличившейся конкуренции со стороны крупных хлебопекарен, например, таких, как пекарни Филиппова, использовавших паровые машины, а также на счет моторизации трудоемких производственных процессов наряду с крупными пекарнями[1216].

Несмотря на временные спады на протяжении всего XIX в. цеховое ремесло Петербурга, как это видно на предыдущих графиках (см. рис. 8, 11) демонстрирует общий положительный тренд в его развитии. Показательно, что цеховые ремесленники столицы составляли одну треть от всех цеховых России. Происходит значительное увеличение числа вечноцеховых с 3576 в 1866 г. до 6062 в 1894 г., в то время как число временноцеховых после значительного роста с 25 556 в 1866 г. до 44 560 ремесленников в 1886 г. падает до критических 29 381 человека в 1894 г., что связано с экономическим кризисом начала 1890-х годов. Процентное соотношение мастеров, подмастерьев и учеников в российских цехах остается примерно одинаковым: 1895 г.: 17:57:26, 1899 г.: 16:56:28, 1900 г.: 20:53:27, 1910 г.: 17:55:27. Соответственно, на одного мастера приходилось 1895–1910 гг. в среднем 4,7 работников. Если сравнить с прежними показателями, то окажется, что средний размер ремесленной мастерской постоянно увеличивался. С 1866 по 1873 гг. число занятых в мастерской цехового мастера выросло у вечноцеховых с 2,3 до 2,8, у временноцеховых оно, как правило, выше, но за этот период немного опустилось с 3,8 до 3,6. Согласно материалам переписей 1890 и 1900 годов, средний размер ремесленной мастерской в Петербурге и губернии увеличился с 8,5 до 15 занятых на одного мастера. Причем, если в отрасли производства одежды и обуви он вырос в указанный отрезок времени с 5,3 до 5,6 человек – незначительно, то в металлообработке, напротив, с 11,2 до 28,2 человек. При этом, заметна тенденция сокращения числа учеников в

[1216] Рогатко С.А. Выдающиеся продовольственные предприниматели России. М., 1999. С. 177–189; И.М. Филиппов состоял Поставщиком Двора Его Императорского Величества с 1855 г. В 1864 г. он открыл свою первую булочную в Петербурге, на Невском, 45; другая находилась в доме на Невском, 142. Благодаря развитию железных дорог, продукция его московских пекарен ежедневно доставлялась не только в Петербург к царскому двору, но ранее еще с зимними обозами на санях в глубоко замороженном виде в Сибирь: в Барнаул или в Иркутск, где «подавались на стол с пылу, с жару». См.: Статистичские сведения о фабриках и заводах экспонентов, получивших награды на мануфактурной выставке 1861 г. СПб., 1862. С. 177–189; Гиляровский В. Москва и москвичи. М., 2010. С. 354–355.

последующий период между 1900 и 1910 гг. в мастерских до 15 работников, тогда как в более крупных мастерских их число имело тенденцию к увеличению. Процесс индустриализации, протекавший в Петербурге наиболее интенсивно, по сравнению с другими регионами России, имел косвенным эффектом и более крупные мастерские[1217]. Ремесленные мастера активно включались в процессы индустриализации уже на ранних этапах ее развития. В 1850, 1852 и 1853 гг. среди 176, 131 и 82-х основателей новых промышленных предприятий Петербурга цеховых и нецеховых мастеров числилось соответственно 69, 66 и 62, причем цеховые были среди них в большинстве, что составляло 39,2%, 50,4% и 75,6% от общего числа[1218]. Между 1881 и 1897 гг. доля ремесленников среди предпринимателей уменьшается, но и тогда составляет примерно 1/3 от общего числа[1219].

В отличие от насильно прерванного в России после 1917 г. развития ремесла как самостоятельной предпринимательской деятельности, в Германии оно продолжилось ввиду сильной традиции ремесленных мастеров, берущей свое начало в цехах, трансформированных в XIX в. в профессиональные объединения. Сегодня в Германии насчитывается более 5 млн. специалистов, занятых на более чем 1 млн. ремесленных или близких к ним по формату предприятиях[1220]. С помощью 350 профессий, согласно Перечню профессий ФРГ, возможно выполнение 25 000 видов квалифицированных работ[1221]. Из этого количества более половины профессий приходятся на работников малых и средних предприятий, причем 94 профессии из них – ремесленные[1222].

[1217] Keller A. Die Handwerker… S. 500–501, 522, 525.

[1218] РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 1382: Отношения петербургского генерал-губернатора о промышленных предприятиях, открытых в Петербурге и уезде в 1850 г.; Д. 1453: Уведомления петербургского генерал-губернатора о промышленных предприятиях, открытых в Петербурге и уезде в 1853 г.; Д. 1468: то же за 1854 г.

[1219] РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1985: Об открытии фабрик в Петербургской губернии, 2079: О выдаче свидетельств на открытие фабрик и заводов и других промышленных заведений в Петербуре; 2144 а, б: Сообщения Петербургского градоначальника о выдаче различным лицам разрешений свидетельств на производство работ в устроенных ими мастерских; 2160: Об открытии различных мастерских в Петербурге; 2251: О выдаче свидетельств на открытие мастерских и заводов.

[1220] Zentralverband des deutschen Handwerks. Beschäftigte / Umsätze. URL: https://www.zdh.de/daten-fakten/betriebszahlen/beschaeftigte-umsaetze.html (Stand: 19.10.2016).

[1221] Блессинг Г. Профессиональный путь ремесленника // Профессиональное образование. 2004. № 9. С. 16.

[1222] Космодемьянская А.И. Модель профобразования европейского уровня // Профессиональное образование. 2004. № 9. С. 15.

Немецкая экономическая модель социальных рыночных отношений, отличающаяся по сравнению со многими экономиками большей стабильностью, инновативностью и динамичностью является таковой, не в последнюю очередь благодаря симбиозу предприятий крупной и мелкой промышленности[1223]. Этим объясняется их успех на рынке.

Так совместимы ли модернизация и ремесло? В теории индустриализации, как основополагающего процесса модернизации, предполагается неизбежное укрупнение и механизация производства, с одновременным вытеснением ремесла, ввиду конкуренции с крупной промышленностью. Такая логика экономического и промышленного развития, будучи перенесена в производство, породила гигантизм, особенно советской экономики XX века, с самыми большими в мире промышленными предприятиями, которая так и не смогла справиться со структурными диспропорциями в промышленности и повсеместным дефицитом товаров широкого потребления. Поэтому в России генетическая связь между бывшими ремесленными мастерскими (малые формы производства) с малыми и средними предприятиями сегодня затруднена, поскольку эти формы производства были в свое время административно упразднены. Ввиду специфики политического и экономического развития в советское время они сохранялись первоначально в кооперативном движении, позже – лишь в урезанном виде в так называемых домах быта, «доместицировавших» портных, обувщиков, парикмахеров и специалистов химчистки.

Учение К. Маркса о безусловной прогрессивности капитализма по отношению ко всем видам производства, возникшим в предшествующие ему

[1223] В то время, как население центров крупнейших традиционных промышленных районов Англии: Ливерпуля, Манчестера и Глазго, сократилось за период с 1921 по 1991 гг. в среднем на 40%, население центров промышленных кластеров мелких производителей изделий из металла Бирмингема даже немного выросло (сегодня более миллиона), а Шеффилда осталось стабильным (немногим более полумиллиона). Можно предположить, что этот положительный факт связан с развитием в последних двух городах мелкого производства и наличием более гибких практик реагирования на экономические трансформации. Что же касается первых трех городов, то их демографическая ситуация является схожей с еще более тяжелым положением большинства уральских городов, вступивших в полосу депрессивного развития с конца XX в., в которых сосредоточена большая часть технологически устаревающих производств (см.: Баканов С.А. Демографическая деградация городов в старопромышленных районах Урала во второй половине (1960–2010) // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5. № 1. С. 74–85).

эпохи, видится сегодня не таким бесспорным[1224]. «Прогрессивные», на определенном этапе, фабрики и заводы противопоставлялись «отсталости» и неконкурентоспособности любых форм ремесленного производства. Но что же произошло на самом деле? Капитализм, как форма собственности и организации производства, предусматривавшая экспроприацию орудий производства, применение наемной рабочей силы и разделение труда, противоречил во-всем ремеслу, имевшему иные качественные признаки: ремесленник обладает орудиями труда и продуктами производства, завися от капитала лишь косвенно, не отчужден от продукта его труда, в отличие от рабочего на заводе и фабрике. С развитием капитализма в XIX в. происходит массовая пауперизация населения и обострение социальных конфликтов. В XX в. характер проблем, стоящих на повестке дня меняется: вместо бедности – богатство, вместо дефицита – кризис перепроизводства и общество массового потребления. Вместе с тем, произошла вульгаризация и инфляция понятия ремесла как древнейшей мануально-интеллектуальной деятельности, в результате которой были приобретены первые навыки по взаимодействию с материальным миром и его преобразованию, находящиеся вне субъективных отношений.

[1224] См., напр., критику Этьена Балибара и Иммануила Валлерстайна (Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003).

Глава IV. Иностранные ремесленники Петербурга

4.1. Положение иностранных ремесленников в XVIII – начале XX в.

Практика приглашения иностранных мастеров в Россию уходит в глубь веков и может быть признана универсальной для различных человеческих обществ с самых древних времен. Это связано с функционированием любой культуры как более или менее открытой системы. В Галицко-Волынском княжестве в XIII в. Даниил Галицкий основал город Холм и призвал туда мастеров: «Прихожае немцы и русь, иноязычники и ляхы»[1225]. С конца XV века в Московскую Русь все чаще приглашают иноземных мастеров – литейщиков, архитекторов, строителей, резчиков по камню, оружейников[1226].

Трудовые миграции в Европе XVIII – XIX веков были делом обычным, а практики вызова использовались многими суверенами[1227]. Санкт-Петербург лидировал по технологическим и социокультурным инновациям в России еще и потому, что здесь происходил наиболее интенсивный обмен с иностранными ремесленниками[1228]. Город обладал огромным потенциалом профессиональных знаний цеховых ремесленников, число которых в русских цехах в конце XIX века достигало 65 000, включая мастеров, подмастерьев и учеников, а в немецких – до 1300, многие из которых имели экзогенное, западноевропейское происхождение. Без подготовки профессиональных кадров в ремесленных мастерских невозможно себе представить развитие крупной промышленности.

[1225] Кулишер И.М. История русского народного хозяйства... С. 99.

[1226] См.: Келлер А.В. Немцы в Москве XVI – начала XX вв.: их культурная и общественная жизнь // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы (сборник докладов Международной научной конференции, посвященной 850-летию Москвы. М, 1997. С. 53–105.

[1227] Reith R., Dahlmann D. (Hg.). Elitenwanderung und Wissenstransfer im 19. und 20. Jahrhundert (Migration in Geschichte und Gegenwart). Essen, 2008; Modernisierung durch Transfer im 19. und frühen 20. Jahrhundert / Hrsg. T. Giaro. Frankfurt a.M., 2006; Irrgang B. Technologietransfer transkulturell. Komparative Hermeneutik von Technik in Europa, Indien und China. Frankfurt a.M., 2006; Elkar R.S. Lernen durch Wandern?.. S. 213–232; Middell M. Kulturtransfer und transnationale Geschichte // M. Middell (Ed.). Dimensionen der Kultur- und Gesellschaftsgeschichte: Festschrift für Hannes Siegrist zum 60. Geburtstag. Leipzig, 2007. S. 49–69.

[1228] Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg…

Новые технологии должны были обеспечить иностранные специалисты и обученные ими российские ученики. Основополагающими манифестами XVIII в., по вызову иностранцев, кроме других законодательных актов, стимулировавших развитие ремесел, являются манифесты Петра I от 16.04.1702 г. по приглашению «полезных художников» и Екатерины II от 22.07.1763 г. о праве записываться в цехи и об освобождении от платежа податей на пять лет и от «обыкновенных, ниже чрезвычайных служеб»[1229].

Петровские реформы создали принципиально новый и широкий базис для участия иностранных ремесленников в развитии российской промышленности – акторов модернизации в России[1230]. Л.Н. Семенова писала об их существенном влиянии на строительство Петербурга и развитие промышленности в нем: «Лиц иноземного происхождения здесь работало значительно больше, чем в других городах страны. […] Значение иностранцев на строительстве города определялось не их числом, а той ролью, которую они играли. В 1722–1723 гг. в Канцелярии от строений работало 59 иностранцев»[1231].

Иностранные мастера подтверждали свое особое отношение к хорошему начальному образованию, дававшему им конкурентные преимущества перед их русскими коллегами тем, что, почти с самого основания Петербурга, в нем существовали немецкие школы при церквях. В 1710 г. основана элементарная школа при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла. Вскоре ей последовали новые школы при церквях Св. Анны на Кирочной улице и Св. Екатерины на Васильевском острове[1232].

Как правило, иностранные мастера имели намного более высокое жалование, чем их русские коллеги. Резчик по дереву Пиноу получал 1200

[1229] ПСЗ-1. Т. 4. № 1910: Манифест. – *О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания*. С. 193–194; № 11880: Манифест. – *О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах*. С. 313–314.

[1230] См., напр.: Побережников И.[В]. Акторы российской имперской модернизации... С. 16–25.

[1231] Семенова Л.Н. Иностранные мастера… С. 201; Она же. Быт и население... С. 77.

[1232] О немецких школах Петербурга см.: Busch M. Deutsche in St. Petersburg 1865–1914: Identität und Intergration. Essen, 1995. S. 137–172; Tuchtenhagen R. Bildung als Auftrag und Aufgabe. Deutsche Schulen in St. Petersburg 1704–1934 // Deutsche in St. Petersburg und Moskau vom 18. Jahrhundert bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges, NOA NF Bd. III/1994 Heft 1, S. 63–87.

руб., французский слесарный мастер «Вилим Белин – 1000 р., 14 мастеров-иноземцев получали от 396 до 800 р. в год, 8 человек получали трехсотрублевый оклад»[1233]. Самый низкий оклад платили 10-ти иноземным мастеровым, среди которых лишь один был мастер – кузнец Яган Андриссон – по 36–84 руб. в год[1234].

Судя по описанию имущества В. Белина, многие иностранные мастера жили на широкую ногу большими господами: «Внешний облик иностранных мастеров, их одежда, обстановка жилища имели больше сходства с одеждой, мебелью дворянства, чем мастеровых. Шляпа с серебряным позументом, лимонного цвета суконные штаны с позументами, в руках плетеный хлыстик с медным концом, звенящие шпоры… В комнате – китайский складной столик, хрустальный стакан, часы, книги»[1235].

Вызову иностранных мастеров уделялось особое внимание на протяжении всего правления Петра. Подыскивать подходящих специалистов входило в обязанности русских посланников за рубежом или подобные задания по вербовке давались отдельным отъезжающим за границу. Первому послу в Швеции М.П. Бестужеву наказано было в 1722 г. нанимать мастеровых людей: плотников, каменщиков, слесарей, «ружейных мастеров, а особливо совершенно искусных в делании ружейных замков, пружин и машин, также плавильщиков меди, деталей стали и многих тому подобных»[1236]. 20 июля 1723 г. архитектору М.Г. Земцову царь дает поручение нанимать искусных мастеров. Тот заключил, среди прочих, контракты с мастерами, в основном строительных специальностей: плотником, столяром и пружинным мастером, а также с двумя каменщиками и каменотесом[1237].

[1233] Семенова Л.Н. Иностранные мастера... С. 208.
[1234] Там же.
[1235] Там же. С. 212.
[1236] Семенова Л.Н. Быт и население… С. 80.
[1237] Там же. С. 81.

Но и концу 1723 г. еще не всем иностранным мастерам было известно о существовании цехов в Петербурге. Это мы узнаем из доношения полковника Вельяминова Сенату: «[…] являются на посадах мастеровые люди разных мастерств, пришлые из за рубежа и живут своими дворами и в чужих дворах, и из них некоторые и отцов своих, откуда родиною, не знают; а против указа торгу и купечества не имеют; и желают написаться в цех»[1238]. Сенат приказал записывать таковых по-прежнему в цехи, что было уже закреплено указом о введении цехов в 1722 г. В данном случае, речь, скорее всего, шла о российских цехах. Иностранные цехи никогда не упоминаются в первых указах об организации цехового ремесла, но статистика российских и иностранных ремесленников в российских и иностранных цехах велась с самого начала их основания. Именно благодаря этому статистическому факту и манифестируется факт существования немецких цехов, не узаконенный ни одним законодательным актом. Создается впечатление, что до 1808 г. их вовсе «забыли» и оставили в привилегированном положении, которое было поставлено под вопрос лишь в конце XVIII в.

Обязательным условием для иностранных мастеров являлось обучение российских учеников, к выполнению которого они подходили очень по-разному. Кто-то обучал недобросовестно, или вообще никак, подобно мастерам П. Кампусу: «к научению … русских учеников ревности не имеет и не прилежит», и Я. Шляттеру. Но были и такие, как мастера Пино или Мишель, просившие отпустить с ними учеников за границу, чтобы продолжить там их обучение: «Мастер Мишель уведомил Канцелярию, что шестерых своих учеников он после двухгодичного обучения в Петербурге возьмет на пять лет во Францию, где будет содержать их на своем коште и учить своими инструментами»[1239]. Мастер Пино также готов был взять на себя обязательство «приведения своих русских учеников „в совершенство“» при условии, что он

[1238] ПСЗ-1. Т. 7. № 4395: *О писании в цехи мастеровых людей*… С. 188–189.
[1239] Семенова Л.Н. Быт и население… С. 77.

получит за каждого ученика 400 рублей, что было распространенной практикой[1240].

В именном указе от 29 апреля 1716 года, данным Сенату, «О принятии и употреблении к делу нанятых овчаров и суконных мастеров» капитаном Норовым в Шлезии и в Польше предписывалось принять их по контрактам на три года с жалованьем, с выплатой «каждому суконщику по 5 рублей в месяц, а потом провиантом». В записке, приложенной к письму пояснялось: «Когда тех мастеров станете отправлять в губернии, то лучше, чтоб они отправлены были не через Москву; только чтоб не давали им ходить в Немецкую слободу, дабы их там не сбили плуты, или кто из шведов не хотя, чтоб то дело в нашем государстве было размножено»[1241]. Как видно, новые мастера были устроены со всеми предосторожностями, во избежание недоброжелательных действий со стороны иностранцев-конкурентов.

Л.Н. Семенова говорит о том, что «к царствованию Екатерины I в Петербурге имелось определенное число мастеровых, способных заменить иностранцев»[1242], но их привилегированное положение и отдание им преимущества по отношению к российским мастерам продолжалось еще долгое время. Согласно императорскому указу, петровское правительство, крайне заинтересованное в положительных отзывах иностранных мастеров о выполнении русской стороной условий контракта, требовало «„годных“ иностранцев „содержать во всяком довольстве“, до тех пор, пока сами не захотят уехать на родину»[1243].

Практика приглашения иностранных мастеров продолжилась при преемниках Петра. На это были свои причины. Хотя в 1720-е годы, согласно Л.Н. Семеновой, в некоторых профессиях имелось уже достаточно хороших мастеров, большое движение в прибывающих и убывающих иностранных

[1240] Там же. См.: *Инструкцию Мануфактур-коллегии*: «Со всеми [А.К. – иноземными] мастерами, которые употреблены будут в какую-либо или мануфактуру договариватца, чтоб они из российских учеников имели и обучали» (ПСЗ-1. Т. 7. № 4378... С. 173).

[1241] ПСЗ-1. Т. 5. № 3017. Именной, данный Сенату. *О принятии и употреблении к делу нанятых овчаров и суконных мастеров*. С. 462–463.

[1242] Там же. С. 203.

[1243] Там же. С. 205.

мастерах не могло дать пока повода в прекращении практики обращения к их услугам[1244]. Во время правления «дщери петровой» Елизаветы Петровны, 12 августа 1753 г., последовал сенатский указ «О выписывании фабрикантам из чужестранных Государств для своих фабрик рисовальных и красильных мастеров самим и на своем коште» для производства шелковых материй на фабриках. Вызов мастеров последовал после того, как Мануфактур-коллегией «усмотрено в рисовальных и красильных мастерах немалая нужда, ибо де имеющиеся на оных фабриках рисовальщики рисунки сочиняют токмо с вывозных из-за моря образцев, а собою без образца вновь рисунка сочинить не могут»[1245]. Указом также предусматривалась посылка «к тому обучению склонных в школах учеников четырех человек […] и послать оных для обучения вышеписанных рисовальнаго и красильнаго мастерств в иностранные Государства на казенном коште»[1246].

В связи с вызовом в 1762–1763 гг. иностранных колонистов в Россию, последовал сенатский указ от 9 декабря 1764 г. «О записке выходящих в Россию на поселение иностранных ремесленников в Магистратской конторе и о выдаче им денег на обзаведение»[1247]. Среди прочего, указ предписывал «магистратской конторе посылаемых в ведомство ея иностранных принимать безотрицательно, и за оными присмотр неослабной иметь в силу Магистратского регламента, […] дабы выдаваемые в ссуду казенные деньги без возвращения не остались, […] чтобы впредь следующие в ссуду приезжающим иностранцам и желающим записываться в Санктпетербургские цехи деньги отсылать в Магистратскую Контору для выдачи оным, смотря по надобности и по разсмотрению той Конторы»[1248]. Выдача денег в виде ссуды иностранным мастерам, желающим записаться в цехи, производилась «не по

[1244] Семенова Л.Н. Быт и население… С. 78.
[1245] ПСЗ-1. Т. 13. № 10129, 12.8.1753: Сенатский. – *О выписывании фабрикантам из чужестранных государств для своих фабрик рисовальных и красильных мастеров самим и на своем коште*. С. 875–876.
[1246] Там же. С. 876.
[1247] ПСЗ-1. Т. 16. № 12290. Сенатский. – *О записке выходящих в Россию на поселение иностранных ремесленников в Магистратской конторе и о выдаче им денег на обзаведение*. С. 999–1000.
[1248] Там же.

равному числу, а по усмотрению их мастерства и состояния» в силу манифеста о вызове иностранцев от 22 июля 1763 г.[1249].

Приказано было, отсылая таких мастеров для записки в Магистратскую контору, «давать при том знать, сколько кому из них на покупку потребных к их художествам инструментов и материалов в ссуду денег выдать можно; и для того потребную на то сумму отсылать в ту Контору, а ей ту сумму отдавать в гильдейской дом, с тем, чтобы от онаго препоручено было учрежденным в цехах алтерманам иметь присмотр, за которым из назначенных им денег выдавать не все вдруг, но по временам, сколько кому на покупку каких материалов и вещей необходимо потребно, с росписками»[1250]. Цеховые старшины должны были следить, чтобы означенные деньги расходовались по назначению и возвращались в государственную казну мастерами в срок.

Причины приезда иностранцев в Россию, особенно с начала XVIII в., хорошо известны. Это демографическое давление, войны, неблагополучное экономическое положение в Западной Европе и, прежде всего, в Германии после Семилетней войны. Высокая оценка и потребность профессиональных знаний иностранных ремесленников в России, где они имели возможность применить их в полной мере, способствовали принятию многими решения приехать сюда. Так было уже с иноземцами московской немецкой слободы в XVI-XVII в., но с началом правления Петра I переселение и вербовка приобрели государственные масштабы. Манифестом 15 апреля 1702 г. иностранцам были дарованы права и привилегии, подтвержденные Елизаветой I, Екатериной II и, в конечном итоге, спустя сто лет, указом Александра I от 8 мая 1802 г., приглашавшим иностранцев селиться в России. Именно при Петре I принципиально изменилось отношение к иностранцам и способ их расселения не изолированно в слободах, а дисперсно, как правило, в районах, близких к центру города[1251].

[1249] Там же. С. 1000.
[1250] Там же.
[1251] См.: Юхнева Н.В. Этнический состав... С. 56–65; Немаловажным фактором для принятия решения к переселению являлась массовая эмиграция немецких колонистов в Среднее Поволжье по приглашениям Екатерины II 1762 и 1763

Представления Петра Великого об исторической эстафете античного мира, Европы и России, которая должна была эту эстафету вновь передать Европе, характерны для всего петербургского периода русской истории[1252]. В рамки этой концепции логично вписывается нарратив взаимодействия российских и иностранных ремесленников. Просвещенческая и европейская парадигма особенно характерна для иностранных ремесленников европейского происхождения, что и понятно. В среде российского городского ремесла, и особенно петербургского, европейское влияние было настолько сильным, что превосходство иностранных ремесленников предполагалось, особенно в Санкт-Петербурге, изначально и долгое время не ставилась под вопрос их российскими коллегами. Идеи Просвещения и ремесленного образования эксплицитно стали активно артикулироваться ремесленными мастерами как русского, так и иностранного происхождения с 1840-х годов[1253]. Причем на это время приходится отход русских ремесленников от «слепого» подражания и вступление с иностранными продуктами, «прямо из Парижа» или «из Лондона», в непосредственную конкуренцию.

Ремесло Петербурга нельзя представить без немецких ремесленных цехов и иностранных ремесленников. С самого основания города они населяли его в основном в центральных районах. Присутствие в повседневной жизни немецких булочников и колбасников, французских портных, швейцарских кондитеров, английских механиков и инструментальных дел мастеров было привычным для города[1254]. В 1766 г. в 53 немецких цехах насчитывалось 769 мастеров (см. приложение № 2 со списком цехов). Это было время их полного

гг., когда в Россию приехало около 27 000 немцев. Маршрут их обозов лежал прежде всего в портовый город Любек, откуда они отправлялись морским путем до Петербурга. Небольшая их часть оседала в окрестностях столицы, большинство же следовало далее на Волгу. Другим маршрутом было плавание по Дунаю, если речь шла о переселении колонистов в южные губернии России с начала XIX в.

[1252] Ключевский В.О. Петр Великий среди своих сотрудников… С. 220–221.

[1253] Келлер А.В. Становление и развитие ремесленного образования…

[1254] Amburger E. Die Anwerbung ausländischer Fachkräfte für die Wirtschaft Russlands vom 15. bis ins 19. Jahrhundert, Wiesbaden 1968; Busch M. Deutsche… S. 49–63; Dahlmann D., Scheide C. (Hrsg.). "…das einzige Land in Europa, das eine grosse Zukunft vor sich hat."…; Kirchner W. Über das deutsche Unternehmertum und die ökonomische Europäisierung Rußlands // Ibid. S. 49–64; McKay J.P. Ausländische Unternehmer im zarischen Rußland 1860–1914 // Ibid. P. 65–86; Idem. Pioneers for profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialisation 1885–1913. Chicago etc., 1970; Kirchner W. Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Rußlands 1815–1914. St. Katharinen, 1986.

доминирования, так как в 19 российских цехах насчитывалось лишь 390 мастеров[1255]. К началу 1790-х годов это соотношение изменилось навсегда в пользу мастеров российских цехов в количестве 2504 человек против 1124 мастеров немецких цехов[1256]. Ремесла (булочное, колбасное, кондитерское, перчаточное, пуговичное, седельное, стульное, переплетное и футлярное, слесарное, жестяное фонарное, трубочистов) находились полностью, или почти полностью, в руках иностранных ремесленников. Они были в большинстве, или составляли значительную часть, в таких цеховых ремеслах как: золотых и серебряных дел, перчаточном, переплетном, часовом, музыкальных, духовых и хирургических инструментов.

Иностранные мастера, не желавшие вступать в цех, могли работать самостоятельно, что не уберегало их от спорадических попыток со стороны городских властей, принудить их к вступлению. Именной указ от 22 января 1782 г. «О непринуждении иностранных мастеров, в Санктпетербурге поселившихся, записываться в цехи вечно» предписывал петербургскому губернатору генерал-майору У.С. Потапову следить за тем, чтобы магистратом «никаких подобных притеснений и понуждений делаемо не было, но все было оставлено в настоящем состоянии до издания от нас учреждений и положений городовых»[1257].

Этот вопрос был урегулирован при Павле I изданием Устава цехов в 1799 г. Устав гласил, что «городские иногородные и иностранные ремесленники одного и того же мастерства, должны состоять в одном цеху под одним начальством, и как те, так и другие нести возлагаемые на цехи повинности»[1258]. Устав содержал настоявшую новацию, предназначая «в цехи записывать всякого свободного человека, какого бы он рода, веры и поколения ни был, буде он знание свое в мастерстве теоретически и практически

[1255] ЦГИА СПб. Ф. 221. Оп. 1. Д. 80; См.: Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg … Unterkapitel 3.1.
[1256] Георги. Описание… Ч. 1. СПб., 1794. С. 236–253.
[1257] ПСЗ-1. Т. 21. № 15331. С. 387.
[1258] ПСЗ-1. Т. 25. № 19187. С. 878.

докажет»[1259]. В 1744 г. было еще иначе. Сенатский указ от 3 августа подтверждал, что «магометанов и идолопоклонников, невосприявших христианского закона» в цехи не записывать[1260]. Уволенный от асессора Тевкелева кумыцкий татарин Ато Смаилов просил записать его в Петербургский сапожный цех, «а веры Греческаго исповедания по многому увещанию принять не желает»[1261].

Большая потребность в предметах роскоши позволяла, например, портным, зарабатывать огромные состояния. Портной мастер был не просто ремесленником, но и предпринимателем, т. е. предприимчивым человеком. Мастер Шиллинг, проживавший на Казанской улице, поместил в Петербургских ведомостях середины XVIII в. объявление о продаже «новомодных стальных париков» (т. е. со стальным каркасом), выписанных им из Берлина. Необычный товар, пользовавшийся у покупателей в первое время большим спросом, казался спустя некоторое время «верхом безобразия»[1262]. Это говорит, в свою очередь, о быстрой смене мод и погоне за все новыми новинками сезона. Судя по всему, практика «приторговывания» разным товаром как дополнительный источник дохода была распространенным явлением среди иностранных ремесленников. В 1769 году в Петербургских ведомостях появилось объявление следующего рода: «У портного в Аничковском переулке продаются несколько сот иностранных привозных деревьев с плодами по вольной цене»[1263].

Кроме того, профессия успешного портного могла даже считаться престижной. Как писал Ф.Ф. Вигель в начале XIX в., «…игла и шило также доставляли тогда славу»[1264]. Пожалуй, самым ярким примером успешного петербургского портного XVIII в. является придворный портной Иоганн

[1259] Там же.
[1260] ПСЗ-1. Т. 12. № 9012. 03.08.1744: Сенатский, в следствие доношения генерала Фермора. – *О записании в ревизию выведенных в Россию иноверцев*. С. 192–193.
[1261] Там же. С. 192.
[1262] Столпянский П. В царстве фижм, мушек, париков и кринолинов // Столица и усадьба. 1914. Июнь. №9–10.
[1263] Келлер Е.Э. Торговля деревьями в Петербурге XVIII в. URL: http://www.parter-nov.ru/articles/trading_trees (Дата обращения: 27.12.2014).
[1264] Филипп Филиппович Вигель. Записки. М., 2000. С. 370.

Генрих Нейман (ум. в 1751 г.), построивший два каменных дома на Невском проспекте под номерами 17 (1736/1737) и 18 (1742)[1265]. Показательно, что часто встречалась практика покупки и продажи домов между иностранцами. Нейман стал арендовать дом Герцена на Невском, 18, с 1738 года. В 1741 г. по его заказу здесь был построено новое каменное здание по проекту архитектора М.Г. Земцова, которое арендовали в 1740-е годы немецкий купец И.Д. Альбрехт, а после него гастроном Гаусман, содержавший здесь трактир[1266]. В 1788 г. в доме на углу Невского проспекта и Мойки швейцарскими кондитерами и рестораторами Валлотом и Вольфом была открыта кондитерская, которую часто впоследствии посещал А.С. Пушкин, живший неподалеку. Второй дом, который начал строить И.Г. Нейман по проекту архитектора М.Г. Земцова, находился по диагонали к первому (под номером 17 по Невскому проспекту)[1267]. Его выкупил и достроил барон С.Г. Строганов. Нейман, как это часто делали иностранные ремесленники, приторговывал различным ходовым товаром из Западной Европы. 8 июля 1846 г. портной дал объявление в Санкт-Петербургских ведомостях о том, что у него «в погребу продается изрядное бургонское вино и свежие устеры»[1268].

По адресу Гороховая ул., 15, находится еще одно примечательное место. Оно связано с именем придворного портного Крестьяна Федорова (Христиан Фридрих) Поппе. Последний купил этот участок в 1778 г., но вынужден был его продать в 1783 г. портному «здешнего портного цеха» Карлу Фридриху Гейдеману. Случайность или нет, но в 1919 г. в перестроенном позже здании заработала Центральная швейная фабрика. Ныне это известная «Фабрика одежды Санкт-Петербург»[1269]. Портных дел мастер Гейдеман являлся также владельцем дома по адресу Невский пр., 12, но продал его (1782) генерал-

---

[1265] Дом С.Г. Строганова. Невский пр., 17. Available at: http://walkspb.ru/zd/nevskiy17.html (Дата обращения: 17.01.2015 г.); Дом Валлота и Вольфа. Невский пр., 18, Большая Морская ул., 12, Мойки р. наб., 57. Available at: http://walkspb.ru/zd/nevskiy18.html (Дата обращения: 17.01.2015).

[1266] URL. URL: http://walkspb.ru/zd/nevskiy18.html (Дата обращения: 21.01.2015).

[1267] Строгановский дворец. URL: http://walkspb.ru/zd/nevskiy17.html (Дата обращения: 21.01.2015).

[1268] Иванов А.А. История Петербурга в старых объявлениях. М.; СПб., 2008. С. 36.

[1269] Торговый дом С. Эсдерс и К. – Швейная фабрика им. В. Володарского. URL: http://www.citywalls.ru/house473.html (Дата обращения: 26.12.2014).

поручику А.Д. Ланскому[1270]. Как видим, преуспевающие иностранные портные были крупными домовладельцами и, судя по местам и объектам владения, очень состоятельными людьми.

Еще примером тому служит судьба немецкого портного из Пензы Франца-Антона Эгетмайера (род. 1760 г.), историю которого подробно описал в своей статье С. Белоусов[1271]. Приехав в 1785 г. в Россию, он обосновался первоначально в Петербурге полковым портным одного из кавалерийских полков. Затем уехал в Пензу, где слыл одним из лучших портных города[1272]. Характерны клиенты Эгетмайера из дворянства, купечества, именитых граждан. Заметим, что он пользовался уже приобретенным опытом и связями в Петербурге и брал подряды правительства на пошив мундиров для рекрутов. Так было, например, в 1809 г., причем Эгетмайер нанимал в таких случаях от 20 до 25 портных со стороны[1273].

Большое количество иностранцев и наличие крупной немецкой диаспоры в Петербурге привлекало в город, известный всей Европе своей роскошью и щедростью российской знати, множество ремесленников[1274]. Впрочем, и сами успешные ремесленники не отказывали себе в удовольствии продемонстрировать свой успех, нося дорогие наряды и заводя дорогие экипажи. 3 апреля 1775 г. был издан даже манифест «О экипажах и ливреях», поводом для которого, если верить М.И. Пыляеву, послужил случай с придворным ювелиром Дювалем, который «не следовал этому правилу и ездил по городу на трех лошадях». В своем докладе Екатерине II генерал-

1270 Здание банка И.В. Юнкер и К. URL: http://walkspb.ru/zd/nevskiy12.html (Дата обращения: 26.12.2014). См. также: Садовников В.С. Панорама Невского проспекта // Воспроизведение литографий, исполн. И. Ивановым и П. Ивановым по акварелям В.С. Садовникова и изд. А.М. Прево в 1830–1835 г. / [Текст и публ. И.Котельниковой. Оформление макет С. Малахова]. Л., 1974.

1271 Белоусов С. Портной из Пензы Эгетмайер: мифы и реальность // Родина. 2013. №11. С. 96–99.

1272 Там же. С. 97.

1273 Там же.

1274 Экономическая экспансия города и быстрый рост населения способствовали его большой притягательной силе для иностранцев, число которых в городе к концу XVIII в. при населении в 200 000 человек достигало примерно 25 000; См. об успешных немецких предпринимателях в России: Dahlmann D., Scheide C. (Hrsg.). "…das einzige Land in Europa, das eine grosse Zukunft vor sich hat."…; См. о ремесле в Западной Европе: Schulz K. Handwerk, Zünfte und Gewerbe: Mittelalter und Renaissance. Darmstadt, 2010. Eine Wirtschaftsgeschichte 800–1800; см. о роскоши в Петербурге: Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М., 2016.

полицмейстер Чичерин докладывал, что Дюваль «ездит не по званию», имея «штаб-офицерскую впряжку лишней лошади»[1275].

Именно в этот Петербург приезжает Андрей Андреевич Кнауф (Peter Andreas Knauff, 1765 – предположительно 1835 г.), чьи успешные модели и практики можно распространить на многих иностранных ремесленников Петербурга XVIII – XIX вв.[1276]. Андрей Андреевич: «росту среднего, лицом бел, глаза карие, волосом рус»[1277], ставший на несколько лет учеником по коммерческой части в Петербурге, затем – московским купцом, именитым гражданином и заводчиком на Урале[1278], происходил из семьи сапожника Андреаса Кнауфа (1714–1809) в городе Киле. Мать Кнауфа происходила, предположительно, также из семьи ремесленника – кирпичного мастера, что было для того времени типичным, учитывая корпоративный дух цеховых мастеров. Андрей Андреевич приехал в Петербург в 1783 г. еще юношей, как и многие тысячи его соплеменников до него, на корабле.

Андрей Кнауф прибыл в Северную столицу не один, а в сопровождении своего двоюродного брата Ганса Фридриха Кнауфа по приглашению родственников, проживавших здесь[1279]. Серебряных дел подмастерье Ганс Фридрих получил вскоре звание мастера, а Андрей Кнауф пошел по

[1275] Пыляев М.И. Старый Петербург... С. 448–450; ПСЗ-1. Т. 20. № 14290: Манифест. – *О экипажах и ливреях, какие разных классов чиновников дозволяется иметь*. С. 100-101.

[1276] См.: Бочкарева Е.С. Переход Златоустовских заводов в казенное владение в конце XVIII века // Вестник ЧелГУ. 2015. № 14. С. 109–115; Дашкевич Л. А., Микитюк В. П. Увеличение численности немецкого населения и его роли в экономике и культуре Урала // Кириллов В. М., Дашкевич Л. А. и др. (ред.). Немцы на Урале в XVII – начале XX вв. Нижний Тагил, 2009. С. 26-51; Келлер А.В. Андрей Кнауф на Урале – между инновацией и традицией 1797–1811 гг. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Индустриальная организация Урала в XVIII – XXI вв. Екатеринбург, 2014; Он же. «Raisond'etat » и «частный интерес» в России конца XVIII – начала XIX в.: на примере А. Кнауфа в горнозаводской промышленности Урала, 1797–1833 // Bylye gody, 2015, Vol. 37, Is. 3. P. 508-518; Кириллов В.М., Дашкевич Л.А., Корепанов В.П. Микитюк В.П. и др. Немцы на Урале…; Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 387–389; Новиков И.А. И. Ф. Фелькнер и управление Златоустовскими заводами на рубеже XVIII-XIX вв. (по материалам Объединенного государственного архива Челябинской области) // http://www.kraeved74.ru/pages/article517.html; Неклюдов Е.Г. Европейские предприниматели в составе уральских заводчиков первой половины XIX в. // Диффузия европейских инноваций в Российской империи. Материалы Всероссийск. научн. Конференции, 10–11 ноября 2009 г. / Отв. ред. Е. В. Алексеева. Екатеринбург, 2009. С. 104–110; Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 190-199, 348-354б 387-400.

[1277] ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 4. Д. 2758: Дело по Указу Мос. Губернского Правления о записке иностранца Петра Андреева с. Кнауфа временно в здешнее купечество. Л. 12, 13.

[1278] Миронов Б.Н. Российская империя... С. 387.

[1279] Очевидно, что после Киля с его населением ок. 6000 человек Петербург с населением около 200 000 человек должен был оказать на Кнауфа сильное впечатление.

коммерческой части и поступил в учение в одну из иностранных торговых контор, где он провел четыре года. Возможно, это была контора наиболее влиятельных гамбургских купцов[1280]. Также случай братьев Кнауфов интересен своей типологией. В XVIII в. стало распространенной практикой в Германии, уезжать именно в Петербург, заниматься ремеслом, торговлей или каким-либо иным делом, как в случае с учеными, артистами, музыкантами и художниками. В данном случае наблюдаются два вида мобильности: горизонтальная в целях профессионального роста в своем ремесле в случае с серебряником Гансом Фридрихом, и социальная, когда Андрей Кнауф – выходец из семьи ремесленника, становится членом именитого купечества[1281].

Две главных составляющих деятельности А. Кнауфа: социальную и техническую, он видел в неразрывной связи, что являлось для России того времени скорее исключением, чем правилом. Эта связь указывает на то, что его ценности, представления и видение были результатом эпохи Просвещения, где рационализация и машинизация производства сочетались с идеей социальной справедливости. Являя собой новый образ предпринимателя, Кнауф символизировал социально ответственный бизнес, берущий на себя заботу по улучшению условий жизни и труда своих рабочих, крестьян и их семей. Улучшение медицинского обслуживания положительно сказалось на качестве жизни его подопечных[1282], а ветеринарная служба – на улучшении здоровья крупного рогатого скота и, как следствие, повышении материального

[1280] См.: Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996; Он же. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005.

[1281] См. более подробно о Кнауфе: Келлер А.В. «Raisond'etat » и «частный интерес» в России конца XVIII – начала XIX в.: на примере А. Кнауфа в горнозаводской промышленности Урала, 1797–1833 // Bylye gody, 2015, Vol. 37, Is. 3. P. 508-518; Amburger E. „Knauff, Andreas". Neue Deutsche Biographie 12, 1979. S. 161-162; Idem. Andreas Knauff und die Knauffschen Hüttenwerke im Ural. Sammelband: Fremde und Einheimische im Wirtschafts- und Kulturleben des Neuzeitlichen Russlands. Ausgewählte Aufsätze. Hrsg. v. Klaus Zernack. Wiesbaden (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa 17), S. 122-130. S. 122; Keller A.V. Der deutsch-russische Unternehmer Andreas Knauf im Ural. Der Aufstieg // Quaestio Rossica. 2013. № 1. S. 144-159; Idem. Der deutsch-russische Unternehmer Andreas Knauf. Der Praktiker im Ural // Quaestio Rossica. 2014. № 1. S. 206-218.

[1282] В XVIII в. существовал ряд госпиталей при государственных заводах сначала была создана сеть органов здравоохранения в более приоритетных военной и горнозаводских областях, после 1775 г. повсеместно. Уездный врач доктор медицины А.Ф. Фелькнер, приехавший из Петербурга проходил обучение в аптеке, затем за рубежом в Геттингене, Париже и Страсбурге. В Агусте 1798 г. он назначен на должность екатеринбургского доктора (Черноухов Э.А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы: дис. … д-р ист. наук. Екатеринбург, 2017. С. 73).

благосостояния мастеровых и рабочих. Благодаря прививке от коровьей оспы, были спасены многие тысячи голов крупного рогатого скота не только в хозяйствах у рабочих и крестьян Кнауфа, но и на казенных заводах, что составляло, по словам самого Кнауфа, «для блага человечеству подвиг»[1283].

Идея общего блага ясно прочитывается в мыслях Кнауфа, высказанных в своих обращениях и письмах[1284]. В канун Нового года 30.12.1801 по старому стилю Кнауф писал своему отцу, сапожных дел мастеру: «Во что бы то ни стало, я хочу облегчить участь моих крепостных, а это около 17 000 человек обоего пола. Это – мой наиглавнейший долг»[1285]. Побочным результатом деятельности Кнауфа, имевшего доступ к дешевым кредитам в Европе благодаря обширным связям в международной торговле, стал вклад в общее развитие и модернизацию металлообрабатывающей промышленности на Урале. Существенную роль сыграли здесь приглашенные им специалисты из Западной Европы, прежде всего из Германии[1286].

Преимущества иностранных ремесленников были налицо. Они обладали последними для своего времени совершенными технологиями и могли их передать подготовленному персоналу на местах. Факт того, что русское правительство на базе Златоустовского завода с солидной технологической и профессиональной базой приступило к созданию уникальной фабрики с монопольным правом на изготовление холодного оружия в России, служит косвенным подтверждением правильной производственной политики Кнауфа, делавшего ставку на модернизацию производства. Будучи автодидактом, он

[1283] «Вскоре первые прививки были сделаны и на частных заводах региона. На Иргинских заводах Кнауфа служивший здесь отставной военный фельдшер Созин начал оспопрививание» (Черноухов Э.А. Оспопрививание в частных горнозаводских округах Урала в первой половине XIX в. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы Десятой… С. 367).

[1284] «Возникшая в XVIII в. секулярная парадигма российского монархизма использовала в качестве ключевого критерия не божественную благодать […], но эффективность „формы правления“, нацеленной на „общее благо“» (Бугров К.Д. „Камень, служащий основанием государству“: монархическая форма правления и особый статус дворянства в политической мысли XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (145). С. 143–156).

[1285] «Bis dahin will ich es mir recht sauer werden lassen, jedoch nicht aus dem Auge lassen, dass ich meinen Leibeigenen, die ungefähr 17 000 Menschen beiderlei Geschlechts ausmachen, das Schicksal so leicht wie möglich mache. Dies ist meine erste Pflicht […]» (Amburger E. Andreas Knauff und die Knauffschen Hüttenwerke im Ural… S. 124).

[1286] См. более подробно: Немцы на Урале XVII – XXI вв.: Коллективная монография / В. М. Кириллов, Л. А. Дашкевич, В. П. Корепанов, В. П. Микитюк и др. Нижний Тагил, 2009.

становится экспертом в литейном деле, производит опыты на Александровском литейном заводе в Петербурге, пишет обзорные статьи по развитию металлургической промышленности на Урале для Горного журнала, другие статьи, становится по праву почетным членом Московского университета и Императорского общества естествоиспытателей[1287].

Каковы положительные стороны приезда иностранных ремесленников в Россию? Как отмечал И.И. Левин, «в Россию Германия посылала не только капитал в денежной форме, а импортировала людей, приносивших с собою часто капиталы, но всегда – предпринимательский дух, энергию, инициативу и опыт… Из немецких рук предприятия почти не уходят, владельцев не меняют»[1288]. Характерна и кооперация ремесленных мастеров с предпринимателями, как это было в случае с Вернером Сименсом в 1847 г., основавшим совместно с механиком Й. Гальске телеграфное общество[1289].

Иностранные мастера приносили с собой не столько финансовый, сколько профессиональный капитал. Н.Н. Гурушина и И.В. Поткина выделили две главные формы иностранного капитала в России – персонифицированную и акционерную. Персонифицированный капитал означает предпринимательскую деятельность частных лиц, акционерный капитал сконцентрирован в акционерных обществах[1290]. Первую форму капитала можно полностью распространить на ремесленников, приносивших

[1287] См.: Адрес-Календарь Санкт-Петербурга за 1812 год. СПб., 1811. С. 339; Адрес-Календарь Санкт-Петербурга за 1827 год. СПб., 1826. С. 515; Адрес-Календарь Санкт-Петербурга за 1833 год. СПб., 1832. С. 475; Кнауф А.А. Известие об опыте, произведённом при С. Петербургском Александровском чугуннолитейном заводе, с примечаниями об Английском способе выделывания железа // Горный журнал. Кн. 9 (сентябрь). Санкт-Петербург: Типография Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1827. С. 93–107; Он же. Замечание о проплавке кричных соков в доменных печах // Горный журнал. 1828. Кн. 4. С. 75–79; Он же. Известие о продолжении плавки железных руд дровами, в Сумбульском заводе Г. Фока // Горный журнал. 1830. С. 241-249; Он же. Обозрение чугуноплавильного действия и железного производства хребта Уральского в 1827 году // Горный журнал. 1830. С. 220–236; Он же. Сравнение чугуноплавильного действия Гарболовского Г. Генерал-Майора Кандибы завода, производящего плавку железных руд посредством угля, с таковым же действием Сумбульского завода Г. Полковника Фока, при коем плавка производится одними дровами // Горный журнал. 1830. С. 267–271; Он же. О плавке железных руд на Кыштымских заводах // Горный журнал. 1832. Ч. 1. Кн. 3. С. 420–424; Он же. Об употреблении воды при наливных колесах // Горный журнал. 1835. Ч. 4. Кн. 12. СПб. С. 488–491.

[1288] Левин И.И. Германские капиталы в России. Петроград. 1918. С. 53, 55; Дьяконова И.А. Прямые германские инвестиции в экономику имперской России // Бовыкин В.И. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М., 1997. С. 126–127.

[1289] Дьяконова И.А. Прямые германские инвестиции... С. 131.

[1290] Гурушина Н.Н., Поткина И.В. Английские капиталы и частное предпринимательство в России // Бовыкин В.И. Иностранное предпринимательство... С. 55.

свои знания и умения во время первого периода промышленного революции: «На раннем этапе главную роль играл персонифицированный капитал или фамильный бизнес, а в более позднее время, т. е. на рубеже веков, акционерный капитал. […] во многих случаях фамильный бизнес, пройдя через реорганизацию, постепенно приближался к созданию компаний акционерного типа»[1291].

Д. Дальманн выделил среди немцев Москвы две группы, что полностью применимо по отношению как к Петербургу, так и прочим промышленно развитым российским городам: «Одну из них представляли лица, приезжавшие в Москву на краткий срок, после чего они возвращались на родину. В другую группу входили лица, прибывшие в Россию для создания собственной фирмы и, в результате, осевшие в России, и, так называемые, «российские немцы». Ряд таких лиц переходил в российское гражданство, но некоторые оставались в прежнем подданстве. Немецкий ученый констатировал в случае с последними: «В России многие немецкие семьи сохраняли германское подданство, несмотря на то, что в новой стране обитания выросло уже второе-третье поколение семейного клана»[1292]. Г.Н. Ульянова отмечала по поводу не принявших и принявших российское подданство немцев: «Если по отношению к лицам первой группы в русской среде существовала определенная настороженность, то представители второй быстро завоевывали доверие и авторитет».[1293]

Несмотря на то, что максимальный режим благоприятствования для иностранных мастеров в Санкт-Петербурге со стороны русского правительства сменился жесткой налоговой политикой с 1810 г., проблемы могли прийти и непосредственно со стороны цехов. В ходе упомянутого расследования в 1840 г. Ю.Ф. Корфа выяснилось, что записка в иностранные

[1291] Там же. С. 56.
[1292] Дальманн Д. Менталитет московских немцев // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. М., 1997. С. 351; см.: Он же. Петербургские немцы в XVIII столетии: крестьяне, ремесленники, предприниматели // Немцы в России: петербургские немцы; отв. ред. Г.И. Смагина. СПб., 1999. С. 156-163.
[1293] Ульянова Г. Сукно… С. 5.

цехи представляла для некоторых ремесленников непреодолимый барьер. Цеховые могли оспаривать принадлежность того или иного ремесла к своему цеху, вследствие чего отправляли мастера в другой цех. В конечном итоге мастер не мог открыть мастерскую. Это делалось из-за желания мастеров достигнуть определенной монополии в своем ремесле. Ограничению числа мастеров способствовали мастерский экзамен, сопровождавшийся придирками, и сложности при поступлении в цех. При этом не принимались в расчет даже такие очевидные вещи, как свидетельства мастеров, подтверждавшие их статус поставщиков известных европейских королевских и княжеских домов.

Подобный случай произошел в начале 1828 г., когда цеховые фортепианные мастера русского и немецкого инструментального цеха обратились с просьбой к министру финансов об ограничении деятельности аптекарей, нецеховых мастеров и настройщиков инструментов в их деятельности. Они просили ограничить число мастеров в городе 45-ю и запретить производство нецеховым мастерам, ссылаясь на свое затруднительное материальное положение. В их изложении, во-первых, существовало слишком большое число цеховых мастеров, ведущее к чрезмерной конкуренции среди них и недостатку в заказах. Во-вторых, мастера вне цехов содержали мастерские с подмастерьями и учениками, на что они не имели права. В-третьих, настройщики пианино забирают работу у мастеров и не только настраивают инструменты, но и чинят их, что им запрещено. Противник ограничения количества мастеров в цехе, Канкрин хотя и поддержал мнение мастеров цеха о необходимости запрещения работать вне цеха мастерам, но выступил со встречным предложением, принять их всех в цех, что еще больше ухудшило бы общее положение мастеров цеха ввиду усиления конкуренции среди них. Из-за такого бесцеремонного

вмешательства правительства в дела цехов, их роль как регуляторов рынка практически сводилась на нет[1294].

В сентябре 1843 г. министр внутренних дел Л.А. Перовский (министр внутренних дел с сентября 1841 по август 1852 г.) сделал цеховому старшине музыкального инструментального цеха Шредеру и его помощнику Шафу строгий выговор, после того, как они с 1840 г., в течение трех лет, отказывались принять «лучшего фортепианного мастера столицы» в цех, «англичанина» Лихтенталя, несмотря на его неоднократные просьбы о принятии в цех[1295]. Причина формального характера – у Лихтенталя не было мастерского диплома, выданного соответствующим цехом. Это и не удивительно, ведь в Англии давно отменили цехи. Патенты мастера-поставщика английского и бельгийского королевских дворов, полученные от принца Альберта и короля Бельгии, не смогли помочь претенденту на вступление в петербургский цех. Распоряжение статс-секретаря и руководителя комиссии по улучшению сбора налогов в столице Смирнова, принять Лихтенталя в течение двух месяцев, было проигнорировано старшиной цеха. По прошествии этого срока, Смирнов обратился к ремесленному голове немецких цехов с предложением, дать старшине цеха двухнедельный срок для приема Лихтенталя в цех, после чего доложить комиссии об исполнении. Но и ремесленный голова оставил это предложение без ответа[1296].

[1294] РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 489: По прошению старшин русского и немецкого инструментального цеха о запрещении лицам не принадлежащим к цеху заниматься их ремеслом (1826). Здесь: От министра финансов Канкрина к Санктпетербургскому генералгубернатору от 1 апреля 1826 г. Л. 2.

[1295] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 137: По прошению старшин немецкомузыкальноинструментального цеха о неправильном домогательстве английского подданного Лихтенталя в принятии его в сказанный цех. Здесь: Министр внутренних дел Перовский Санктпетербургскому военному генералгубернатору от 30 сентября 1843 г. Л. 8–10; У П. Зимина Лихтенталь указан бельгийским мастером (Зимин П.П. История фортепиано и его предщшественников. М., 1968. С. 188).

[1296] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 137: По прошению старшин немецкомузыкальноинструментального цеха... Л. 8–9; Эта ситуация может быть описана Словами Г.Л. Фриза: «Однако, […] нежелание отдельных общественных групп добровольно сотрудничать с государством было не вопросом их дееспособности, а скорее проявлением неуступчивости. […] Как часто отмечали историки, государство обычно стремилось к установлению тесных связей между конкретной общественной группой и конкретным государственным органом. Но взаимодействие между государственным органом и сословием шло в обоих направлениях: учреждение не только осуществляло влияние на свою „подопечную“ группу, но и выражало ее специфические интересы» «Неудивительно, что в дореформенной России (а еще более отчетливо это проявилось в России пореформенной) определенные министерства были склонны выражать интересы подчиненной им или тесно связанной с ними социальной группы: Военное министерство

Впоследствии фабрика Лихтенталь заняла прочные позиции на рынке, завоевав любовь ценителей хороших инструментов. Она была удостоена большой серебряной медали на мануфактурной выставке 1853 г. в Москве, а на выставках в Варшаве в 1857 г. и в С.-Петербурге в 1861 г. получила право изображать государственный герб на своих изделиях, вывесках и рекламе[1297]. Кроме того, существовала конкуренция или даже вражда среди некоторых смежных цехов. Мастера таких цехов обвиняли друг друга в неправомерном заимствовании своих технологий другими мастерами. Иногда стоимость судебных процессов и тяжб достигала огромных сумм. Так, например, цех музыкальных инструментов заплатил за один такой процесс 3442 рубля. В некоторых иностранных цехах уже одна подача прошения могла стоить подателю расходов до 100 рублей[1298].

Как правило, ремесленники «зашиты» в тему предпринимательства, обычно крупного[1299], что является недопустимой модернизацией понятия. Хотя, по сегодняшним меркам, ремесленник также может считаться предпринимателем, а его личные качества поддаются описанию определенного культурного архетипа, будь то владелец ремесленной мастерской или крупного предприятия ремесленного происхождения. В этом смысле М.К. Шацилло уже в 1997 г. сделал замечание, не потерявшее своей актуальности сегодня: «… делая глобальные выводы о предпринимательстве в целом, нужно иметь в виду не только верхушку социальной пирамиды, но и ее основание, ту среду, через капилляры которой зачастую шло

отстаивало интересы солдат, церковь – духовенства, Министерство внутренних дел – дворян, а Министерство финансов – интересы финансово-промышленных кругов. Если верно то, что общество в России было излишне «бюрократизировано» государством, то и наоборот, государство было «обобществлено» через взаимопроникновение сословий и государственных органов» (Фриз Г.Л. Сословная парадигма… С. 144–145).

[1297] Винокуров С. Лихтенталь // Электронная энциклопедия «Российские немцы». URL: http://rusdeutsch-panorama.ru/jencik_statja.php?mode=view&site_id=34&own_menu_id=3914 (Дата обращения: 12.06.2014).

[1298] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 92: Об обревизовании иностранной ремесленной управы… Здесь: Рапорт барона Корфа министру внутренних дел от 10 октября 1842 г. Л. 24.

[1299] Барышников М.Н. (ред.). Предпринимательство и общественная жизнь Петербурга…; Бовыкин В.И. Иностранное предпринимательство…; Вишняков-Вишневецкий К.К. Иностранцы в структуре петербургского предпринимательства в начале XX века // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2004. №7. С. 258-270; Еремичева М.А. Предприниматели-иностранцы в Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX веков (статистический анализ) // Барышников М.Н. (ред.). Предпринимательство и общественная жизнь Петербурга. Очерки истории. Сб. ст. СПб., 2002. С. 8–29; Ульянова Г.: предпринимательницы из немецких семей в России в 19 – начале 20 в. // Большое будущее. Немецкое предпринимательство в России. Берлин-Москва, 2000. С. 90–97.

проникновение в российскую среду нового делового опыта. Предпринимательство, наряду с „элитой“ в лице высшего руководства финансовых учреждений, управленцев в крупных промышленных объединениях и т.п., состояло также из достаточно обширного «среднего“ (условно говоря) слоя единоличных владельцев фабрик и заводов, предприятий городской инфраструктуры (торговля, сфера обслуживания и др.)»[1300].

К одному из таких владельцев относился Феликс Шопен, с которым неразрывно связано развитие бронзолитейного дела. А его дед, со своим партнером Гереном, открыли в 1805 г. мастерскую на Васильевском острове. Привезенные Феликсом мастера из Парижа, сделались позднее самостоятельными и открыли, в свою очередь, мастерские. Первоначально Шопен изготавливал украшения из бронзы, цинка и серебра, памятники из бронзы, столовое серебро и предметы церковного убранства. В 1847 г. он расширил свое производство чугунолитейным заводом и слесарной мастерской для производства украшений из железа и чугуна, причем в бронзолитейной мастерской работали исключительно вручную. Напротив, на чугунолитейном заводе была установлена паровая машина в 15 лошадиных сил, приводившая в движение сверлильные, точильные и строгальные станки. В итоге, бронзолитейная мастерская развилась в обширный завод, на котором работало, в зависимости от необходимости, до 500 рабочих[1301].

Роль иностранных мастеров особенно хорошо видна при развитии специальных производств, не практиковавшихся ранее в России. К примеру, набивка тканей (текстильная печать) в России началась в Петербурге[1302]. Начало часового мастерства также в Петербурге датируется 1765 годом. По

[1300] Шацилло М.К. Иностранцы в составе российского предпринимательства // Бовыкин В.И. Иностранное предпринимательство… С. 35.

[1301] Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов, получивших награды на мануфактурной выставке 1861 г. СПб., 1862. С. 139.

[1302] Описание С.-Петербургской ремесленной выставки 1899 года, составленное секретарем Совета экспертов Выставки М.М. Рейнке под руководством председателя Комиссии по устройству выставки П.И. Глуховского и изданное в пользу ремесленных отделений домов трудолюбия. СПб., 1900. С. 398; Примерно 1000 лет до н.э. технология появляется в Индии и Китае, около 1720 г. в Аугсбурге.

приглашению Екатерины II берлинские мастера часовых дел основали на Васильевском острове часовую мастерскую. В 1779 г. здесь работали немецкий мастер, два немецких и десять русских подмастерьев[1303]. После окончания срока патента: обычная практика того времени не только среди ремесленников, но и фабрикантов, часы могли производиться и другими часовыми мастерами. Тесемочный мастер Карл Цинзерлинг основал свою мастерскую в 1794 г. и получил патент при Департаменте мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов на ткацкий станок тесемок. С помощью такого станка один ремесленник мог одновременно ткать 24 тесемки высокого качества[1304].

Привилегированное положение иностранных ремесленников, а именно: раздельное существование немецких и российских цехов и освобождение от налогов иностранных ремесленников, сложилось скорее из традиции и привычки, берущих свое начало с петровских времен, нежели было закреплено законодательно. Попытки изменить этот status quo наблюдаются с конца 1790- х годов, что привело в конечном итоге к введению налогообложения в 1810 г. Косвенным указанием на кардинально изменившееся отношение к иностранцам является указ 1817 г., когда временно прекращен прием иностранцев в цехи. Это говорит о том, что пространство наибольшего благоприятствования для иностранцев постоянно сокращалось.

Результаты анализа расселения иностранных ремесленников полностью подтверждаются работой Н.В. Юхневой, которой автор руководствовался в исследовании этнического состава и этносоциальной структуры населения Петербурга. Районирование иностранных ремесленников (в основном, немцев, французов, голландцев и англичан) ограничивается, как было уже отмечено, центральными частями города[1305]. В первой половине XVIII в – это

[1303] Очерки истории Ленинграда. Т. 1... С. 282.
[1304] Образцы тесемок приложены к делу: РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 471: По прошению здешних ткацких мастеров и выдаче им видов на получение свидетельств для свободного производства работ на их небольших заведениях и об учреждении иностранного цеха. 1824–1841. Л. 19.
[1305] Юхнева Н.В. Этнический состав… С. 106.

левобережная сторона Невы на Адмиралтейском острове и восточная сторона Васильевского острова (3 часть). Здесь располагаются в первые десятилетия существования Петербурга: Немецкая, Французская, Греческая слободы, армянская колония[1306]. Переезд двора и вельмож с Петроградской стороны на Адмиралтейский остров, привел к тому, что многие иностранные ремесленники вместе с другими соотечественниками поселяются «во втором поясе» за рекой Мойкой. Здесь, к середине XVIII в., в районе Большой Конюшенной и Малой Конюшенной улиц, на Невском проспекте и по Большой Морской улице строятся: немецкая лютеранская, немецкая и французская реформатская, голландская, шведская и финская церкви[1307]. Новыми районами сосредоточения иностранцев становятся Васильевский остров и Литейная слобода, где также строятся немецкие лютеранские церкви. Во второй половине возникает английская колония, населенная в основном купцами. Ко второй половине XIX в. окончательно формируется центр города и его окраины, а ареал расселения иностранцев расширяется[1308]. В это время большинство из них, среди которых много ремесленников, жило в районе, простирающемся от Васильевского острова до Обводного и Лиговского каналов. В этом районе проживала основная часть наиболее платежеспособного населения, к которой тяготели ремесленники. Это были 1-й участок Васильевской части, Адмиралтейская, Коломенская, Казанская, Спасская, Литейная части и три первых участка Московской части[1309]. Этот район включал в себя административный, культурный и торговый центр, ограничивавшийся Адмиралтейской части и первыми участками Казанской, Спасской и Коломенской частей[1310]. Отдельно можно выделить торгово-ремесленный район, расположенный в Спасской, Казанской и Коломенской частях, примыкавший с юго-восточной и южной стороны к

[1306] Там же. С. 105, 107.
[1307] Там же. С. 106–107.
[1308] См. более подробно о финнах, шведах, немцах, эстонцах, латышах, поляках и литовцах: там же. С. 164–215.
[1309] Там же. С. 108, 111–115.
[1310] Там же. С. 117.

административному, культурному и торговому центру[1311]. Главной артерией в этих частях, подобно Невскому проспекту для аристократического Петербурга, была Садовая улица, на которой находились шесть крупнейших рынков столицы. Особое значение для ремесла города имел Никольский рынок у Крюкова канала, где нанимались сезонные рабочие и ремесленники (летние отходники)[1312].

Адресные книги полностью подтверждают выводы Н.В. Юхневой о районах преимущественного расселения иностранных ремесленников в центральных частях города. В адресной книге Самуэля Аллера на 1822 г. насчитывается 2230 мастеров в российских и 701 в иностранных цехах или 2931 адресов проживания мастеров, в том числе и домовладельцев[1313]. Это примерно половина от всех мастеров в российских (всего около 5500 мастеров) и немецких (всего около 900 мастеров) цехах[1314]. Книга Аллера позволяет проанализировать соотношение мастеров российского и иностранного происхождения в российских и немецких цехах. Оговоримся, что здесь мы оперируем числами с небольшой долей погрешности, так как нет стопроцентной гарантии соответствия имен и фамилий со страной происхождения. Еще одно замечание – данные, приведенные в адресной книге, не могут быть полными и показывают не всех ремесленников, а только определенный срез, позволяющий увидеть тенденцию высокого процента иностранных ремесленников в российских цехах и особенности их расселения. Кроме того, идентификация иностранных ремесленников западноевропейского происхождения по фамилиям не может учесть уровень их ассимиляции или интеграции. В сложных механических и инструментальных ремеслах абсолютное большинство образовывали мастера

[1311] Там же. С. 122–124.
[1312] Там же. С. 122–123, 146–163.
[1313] Аллер С. Указатель жилищ и зданий С.-Петербурга или адресная книга. СПб., 1822.
[1314] Шредер Ф.А. Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу, с историческими указаниями: С планом и картинкой. СПб. С. 237; РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 435: Переписка с Деп-ом разных податей и сборов М.Ф., Петербургской городской думой, московским и петербургским губернаторами о доставлении сведений о количестве ремесленников, иностранных мастеров и подмастерьев, состоящих в управе немецких цехов. Ведомотси Московской ремесленной управы. Л. 5.

западноевропейского происхождения. При этом, в российских цехах, особенно в инструментальных, механических и металлообрабатывающих, наблюдается примечательная деталь – они пестрят иностранными фамилиями.

Например, среди мастеров цеха музыкальных инструментов ведомства русской ремесленной управы представлены 8 вечноцеховых и 6 временноцеховых мастеров. Среди вечноцеховых находим фамилии исключительно западноевропейского или немецкого происхождения: Карл Бергман, Христиан Штабен или Людвиг Людеке, среди временноцеховых – только два русских имени: известного «клавикордного мастера» Алексея Нечаева[1315] и Василия Сергеева, остальные – такие как Карл Рейнгольд Шредер, Карл Краус, уверенно лидировавшие на рынке музыкальных инструментов[1316]. В аналогичном цехе ведомства немецкой ремесленной управы числилось 14 мастеров западноевропейского происхождения, среди них Иоган Каликс, Иоган Браунс, Федор Дидерихс, Иоган Шредер и др.[1317].

В российском часовом цехе среди 11 вечноцеховых – одно русское имя Василия Попова. Среди 15 временноцеховых – три русских мастера – Гаврила Шлыков, Егор Кокорин и Евгений Насонов. Из ведомства немецкой ремесленной управы часового цеха упомянуто 17 мастеров западноевропейского происхождения, в том числе и глава немецких цехов Август Дитмар, проживавший в 3 Адмиралтейской части в доме №131[1318].

Среди других цеховых ремесел также имелось много мастеров иностранного происхождения: в цехах жестяном и фонарном, скорняжном, ременном, малярном комнатном и каретном. В других цехах наблюдалась следующая пропорция среди мастеров иностранного и российского происхождения в цехах российской и немецкой ремесленных управ: золотых и серебряных дел российской ремесленной управы вечноцеховых 22 иностранного происхождения и 23 российского, временноцеховых 54

[1315] Зимин П. История… С. 187.
[1316] Аллер С. Указатель... С. 516–517
[1317] Там же; Зимин П. История… С. 187.
[1318] Аллер С. Указатель... С. 517–518.

иностранного происхождения и 29 российского или 76:52 (59%:41%), в немецкой ремесленной управе – все 74 мастера иностранного происхождения.

В переплетном и футлярном цехе российской ремесленной управы вечноцеховых – 14 иностранного и 4 российского происхождения, временноцеховых – 18 иностранного происхождения и 1 российского, или 32:5 (86%:14%), и 11 – в немецкой ремесленной управе.

В булочном цехе российской ремесленной управы все 32 вечноцеховых – иностранного происхождения, временноцеховых – 1 иностранного происхождения и 8 российского, или 33:8 (80%:20%), и 79 – в немецкой ремесленной управе. В кондитерском цехе российской ремесленной управы вечноцеховых 10 – иностранного и 1 российского происхождения, временноцеховых 6 – иностранного происхождения и 2 российского, или 16:3 (84%:16%), и 11 – в немецкой ремесленной управе.

В сапожном цехе российской ремесленной управы вечноцеховых 30 иностранного и 54 российского происхождения, временноцеховых 32 иностранного происхождения и 128 российского, или 62:182 (25%:75%). В обойном и седельном цехе российской ремесленной управы вечноцеховых 11 иностранного и 10 российского происхождения, временноцеховых 5 иностранного происхождения и 67 российского, или 16:77 (17%:83%), и 56 – в немецкой ремесленной управе. Исключение составляют имена и фамилии, которые трудно отнести к той или иной категории из-за наличия немецкого имени при типично русской фамилии, так как некоторые иностранные имена и фамилии имеют русскую и иностранную составляющие, как в случае с Фридрихом Ивановым.

В кузнечном цехе российской ремесленной управы вечноцеховых 2 иностранного и 33 российского происхождения, или 2:33 (6%:94%), 37 – в немецкой ремесленной управе. В слесарном цехе российской ремесленной управы вечноцеховых – 13 иностранного происхождения и 38 в немецкой ремесленной управе, всего 51 мастер. В медно-бронзовом и оловянном цехе российской ремесленной управы вечноцеховых – 16 иностранного и 11

российского происхождения, временноцеховых – 18 иностранного происхождения и российского 50, или 34:61 (36%:64%), в немецкой ремесленной управе – 8 бронзового дела и 8 оловянного, всего 16 мастеров[1319]. Закончим это сравнение портновским цехом. В российской ремесленной управе состояло из вечноцеховых – 30 иностранного и 62 российского происхождения, временноцеховых – 35 иностранного происхождения и 165 российского, или 65:227 (22%:78%). В ведомстве немецкой ремесленной управы – 117 мастеров[1320].

И все же, если брать общее число цеховых мастеров, то абсолютное большинство составляли мастера российского происхождения, за счет массовых ремесел, в которых они преобладали численно. Среди указанных 3000 адресов проживания цеховых мастеров – примерно 2300 российского и 700 западноевропейского происхождения. Это примерное соотношение показывает и общая статистика, согласно которой «в 40-х годах в Петербурге портняжным ремеслом было занято свыше 6000 человек (АК: из них иностранных мастеров 180, у них русских подмастерьев 155 и учеников 284), столярным – около 5500 человек (то же, 63:188:269), сапожным – около 4000 человек (то же, 72:152:205), булочным – свыше 1200 человек (то же, 158:175:109), малярным – свыше 1000 (то же, 13) и т.д.»[1321].

Также хорошо подходит для такого сравнения адрес-календарь Карла Нистрема за 1844 год. Среди мастеров, как домовладельцев, так и на съемных квартирах, находим около 800 мастеров, в основном немецкого происхождения. Причем, соотношение мастеров российского и иностранного происхождения в названных ремеслах остается примерно таким же, как и в

[1319] Там же... 516–598.

[1320] Там же. С. 544–552; «Для устройства мастерской нужны были значительные средства. Портновского цеха мастер Сур затратил на „заведение мастерства“ 6000 руб. […] Хозяева крупных мастерских обычно выступали вечноцеховые ремесленники […] Так, в мастерской Сура было несколько подмастерьев и 8 учеников, у портного мастера Мальгина, кроме поденщиков, имелось 2 постоянных рабочих и 11 мальчиков, у мастера Рязанова – 3 подмастерья и 3 ученика. Наряду с этими мелкими мастерскими имелись и такие, где количество рабочих достигало значительной цифры. В 1821 г. от мастеров шляпного цеха были поданы ведомости о состоянии их мастерских. Из них видно, что в одной мастерской работало 25 подмастерьев и 9 учеников, в другой столько же подмастерьев и 13 учеников. В среднем в шляпном производстве на одну мастерскую приходилось более 20 рабочих» (Копанев А.И. Население Петербурга от конца XVIII в. до 1861 г. // Очерки истории Ленинграда. Т. 1. С. 486, 539).

[1321] Очерки истории Ленинграда. Т. 1… С. 518.

адресной книге Аллера[1322]. При этом, среди иностранных мастеров большинство составляли немецкие мастера. Согласно статистическим данным 1836 г., число ремесленников западно- и центральноевропейского происхождения в 1810 и 1832 гг. составляло соответственно 2099 и 3605 человек[1323]. Среди последних имелось к 1836 г. 761 прусских, 217 австрийских и 1365 иных подданных немецких государств или 65% немецкоязычных ремесленников от общего числа. Далее следовали 349 шведов, 268 датчан, 179 швейцарцев, 172 англичан, 143 француза, 75 поляков, 39 итальянцев, 34 нидерландцев, 4 испанца и два грека[1324]. В городе иностранцам в 1836 году принадлежало 56 каменных и 65 деревянных домов. Для сравнения: во владении цеховых находилось соответственно 59 и 124 дома, жен цеховых – 25 и 48, ямщиков – 107 и 31, жен ямщиков – 56 и 65[1325].

К этому времени, согласно списку Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел первой половины 1844 г., на 1312 иностранных мастеров приходилось 2259 российских подмастерьев и 3308 учеников, из которых 43,9% принадлежало крепостным крестьянам и 37% – прочим категориям крестьян. В среднем на одного ремесленного мастера приходилось 4,24 подмастерьев и учеников. По сравнению с другими ремесленными мастерскими, иностранные были, как правило, больше. В 1824 г. на одного такого мастера приходилось 0,74 подмастерья, в 1844 г. – 1,72, в 1894 г. снова 0,74[1326]. Во второй половине XIX в. число мастеров в немецких цехах сократилось. По сравнению с 1844 г., к 1894 г. осталось, к примеру, мастеров среди портных – 150 (-30), булочников – 145 (-13), сапожников – 29 (-43), столяров – 28 (-35), золотых и серебряных дел – 26 (-92), переплетчиков – 18 (-11), ременщиков – 15 (-17), музыкальных инструментов – 15 (-7), кузнецов – 6 (-36). Немногие немецкие цехи незначительно «подросли» за это время, как

[1322] Нистрем К. Адрес–календарь санктпетербургских жителей, т. 1–3. СПб., 1844. С. 135–515.
[1323] Таблицы к статистическим сведениям о Санктпетербурге. СПб., 1836. Таблица № 25. По-видимому, в это число входят цеховые и нецеховые ремесленники, так как оно намного превышает количество цеховых.
[1324] Там же, таблица № 26.
[1325] Заблоцкий-Десятовский А.П. Статистические сведения о Санктпетербурге. СПб., 1836. С. 71.
[1326] Пажитнов. Проблема... С. 188.

например, мастеров часовых дел – 36 (+2), токарей – 30 (+1) и парикмахеров – 20 (+5).

Существенную роль иностранные ремесленники и специалисты играли в области изобретений. Технически одаренный английский мастер Джон Баннистер внес значительный вклад в развитие техники в Россиu с 1802 по 1820 г. По заданию правительства королевства Дании он осуществлял различные технические задания. В 1802 г. российский посланник в Копенгагене В.Г. Лизакевич убедил его поехать работать в Петербург. Баннистер установил, среди прочего, вальцовочную машину для производства медного листа, необходимого для обшивки корпусов морских судов, а также машину для производства болтов. На Императорской Александровской мануфактуре Баннистер построил мельницу, приводимую в движение с помощью лошадей и служившую механическим приводом для ткацких станков[1327]. Это не было случайным, так как идея Оссовского заключалась в введении механической пряжи и ткацкого дела. Там Баннистер установил режущую машину, производившую куски тканей по заданному размеру. Последним правительственным заказом являлась конструкция рефрактора для

[1327] Мануфактура для производства «хлопчатой бумаги» или хлопчатобумажных тканей основана бывшим польским иезуитом аббатом Михаилом Оссовским совместно с его компаньоном англичанином Эдвардсом в 1798 г. и получила свое название от находившегося по близости имения кн. Вяземского Александровск. Павел I предоставил аббату огромную по тем временам сумму в 100 000 руб. для основания мануфактуры. После смерти Оссовского в 1799 г. она перешла в ведение учреждений императрицы Марии Федоровны. Г. Реймерс пишет о том, что еще во времена Екатерины II по ее приказу голландским аббатом Лилларом в доме на Васильевском острове были начаты опыты по обучению девочек из Воспитательного дома льнопрядению. При Павле I и благодаря стараниям Марии Федоровны, эта мастерская была перенесена на выкупленную ситцевую фабрику Брауэра на Петроградской стороне и значительно расширена. В 1800 г. там было занято 300 человек, из них 20 человек обслуживающего персонала. Идея, служившая руководством в этом предприятии, была – довести прядение, ткачество и отбеливание льна до совершенства, подобно тому, как это делалось в «Голландии, Ирландии, Билефельде, Варендорфе и Шлезии». На основе этоих мастерских предполагалось наладить производство ситца (от нидерл. *Sits*, первоисточник санскр. *cumpac* — пёстрый, нем. *Zitz*fabrik – фабрика по производству ситца), а также способствовать распространению кустарных промыслов на селе, что должно было содействовать отходу от архаичного ручного прядения с помощью веретена к самопрялке. Поэтому, кроме сирот из Воспитательного дома, там обучались и дети из удельных имений (напр., Красное село) с тем, чтобы по возвращении домой они могли посвятить себя этим ремеслам. Прядением занимались девочки, на ткацких станках работали мальчики, возможно из-за большей физической нагрузки. Там также происходило обучение по выращиванию льна и получению пряжи. Чтобы мотивировать обучающихся, Павел I носил нижнее белье из ткани, произведенной в этих мастерских. Но в 1801 г. количество занятых в них по причине дороговизны содержания было значительно сокращено. Так как ремесленное образование детей в воспитательных домах и приютах, наряду с общеобразовательными предметами письма и чтения, служило основой в системе воспитания, те же цели преследовались и на Александровской мануфактуре. В 1805 г. там числилось 597 детей: 400 девочек и 197 мальчиков (Reimers H.Ch.v. St. Petersburg am Ende seines Ersten Jahrhunderts: mit Ruckblicken auf Entstehung und Wachstum dieser Residenz unter den verschiedenen Regierungen während dieses Zeitraums. St. Petersburg; Penig, 1805. Bd. 1. 1805. S. 162–163, 189, 192, 195–196).

маяка в петербургском порту, который он соорудил собственноручно на Литейном дворе. После начала войны с Наполеоном в 1812 г. Баннистер вынужден был прекратить свою деятельность, но в 1817 г., вернувшись в Петербург и получив от правительства кредит в 50 000 руб., он основал частную «фабрику». По его словам, он сослужил правительству и столице хорошую службу, обучив многих ремесленников, которые работали у него подмастерьями и открыли позже собственные мастерские[1328].

Иностранный «фабрикант» Иван Бауманн ввел в России в 1801 г. новый способ «матовой позолоты». В 1803 г. он получил патент на производство «этрусской кожи»[1329], а в 1815 г. придумал механическую пилу, позволявшую одновременно получать вместо 4-5 – от 10 до 12 листов фанеры[1330]. Его многочисленные открытия стали возможны благодаря сочетанию солидного ремесленного образования и повышенного интереса к техническим новшествам. Его многосторонний талант позволил ему заниматься обработкой кожи, обивкой мебели, производством фанеры и инкрустацией. Бауманн владел по-видимому небольшой мастерской и незначительными средствами, хотя во многих императорских дворцах стояла изготовленная им мебель. Кроме того, он снабжал придворных портных тисненой кожей. По неизвестным причинам Бауманн оказался несостоятельным, но благодаря своей предпринимательской жилке не успокоился, а попросил правительство в 1830 г. о выдаче ему кредита в 1000 руб. асс. для приведения в действие новой мастерской по производству капсул. Новая мастерская была сооружена со всеми необходимыми машинами и инструментами в доме Фольбаума на Литейном проспекте. Эти деньги ему были нужны на первое время для закупки производственных материалов и найма ремесленников. Не ограничившись Петербургом, Бауманн устроил аналогичную мастерскую,

---

[1328] РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 278: О выдаче денежной ссуды фабриканту Джону Баннистеру (1818). Л. 9–11.
[1329] Вероятно, теснёной.
[1330] Дело по просьбе иностранца Баумана, о ссуде ему 20 000 рублей и о выдаче привилегии на делание ружейных затравок. Тут же об учреждении фабрики для крашения кожи (1830–1833). Л. 2, 15, 37.

совместно со своим партнером Людвигом Зихлером, в Москве, в которой работало 15 мастеров и четыре ученика[1331].

Мастер-трубочист Карл Гепнер, работавший в Петербурге с 1831 г., внес в одном из своих прошений на имя министра внутренних дел Перовского предложение о применении «изобретенного им состава для смазки в домах внутренних труб», что должно было снизить пожароопасность в столице[1332].

Мясник Эрнст Мартенс просил министра внутренних дел в своем прошении от 16 августа 1845 г., разрешить ему устроить «немецкую» мясную лавку, содержащуюся с образцовой аккуратностью и чистотой согласно западноевропейским образцам. По замыслу Мартенса, эта лавка должна была стать на многие годы образцовой и служить примером для других мясников[1333].

Ремесло булочников и хлебопеков претерпело во второй половине XIX в., в связи с машинизацией, значительные изменения. К примеру, в 1850 г. купец третьей гильдии Иван Паллизен приобрел патент на шесть лет на изобретенную им металлическую паровую печь, с помощью которой производительность повышалась в несколько раз, а хлебобулочные изделия не теряли в качестве. С объемом дров, стоимостью в 2 руб. сер., десять пекарей могли выпечь за один день хлеба на 2500 человек[1334]. В мастерской В. Гербста (нем. Herbst), находившейся недалеко от Пулковской обсерватории, производились астрономические, геодезические и математические инструменты высокого качества. Как правило, в год там изготавливался всего один аппарат, стоимость которого составляла от 800 до 1200 руб. Этот ряд примеров можно было бы продолжить. Они показывают, какой вклад вносили

[1331] Там же. Л. 15, 37.

[1332] Прошение Карла Гепнера к министру внутренних дел Перовскому от 1 апреля 1843 г. // РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 129: По прошению жительствующего в Петербурге трубочистного мастера К. Гепнера, об употреблении в С. Петербурге изобретенного им состава для смазки в домах внутренних труб (апрель 1843 – декабрь 1844). Л. 1.

[1333] Прошение на имя Петровского […] от 16 августа 1845 г. // РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 350: По прошению мясничного мастера Эрнста Мартенса, о дозволении ему открыть в С. Петербурге образцовую мясничную лавку (август-ноябрь 1845 г.). Л. 1–3.

[1334] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 892: О дозволении С. Петербургскому третьей гильдии купцу Ивану Паллизену устроить в городах Российской империи пекарни для печения хлебов в особо устроенных привилегированных печах (1850). Л. 1, 3, 5.

ремесленные мастера в техническое развитие, создавая условия для промышленной революции.

Абсолютное преобладание иностранных мастеров в высокоспециализированных ремеслах типично для этого времени. Наглядный пример дает красочных дел «фабрикант» Фрезе. Его «фабрика» красок в Санкт-Петербурге была по-своему уникальной в России, так как на ней изготовлялись краски высокого качества для академических художников. Фабрика, основанная в 1813 г., стремительно развивалась. За первые три года было изготовлено соответственно 7000, 27 000 и 60 000 упаковок красок, при росте объема продукции более чем в восемь раз. Фрезе поставлял краски как в большие магазины, так и частные домохозяйства, частные и государственные учебные заведения. Кроме того, Фрезе отправлял крупные партии в Москву, Казань, в Остзейские провинции и на Макарьевскую ярмарку в Нижнем Новгороде. Несмотря на то, что качество его товаров ни в чем не уступало иностранным производителям-импортерам и постоянно совершенствовалось, зимой 1815–1816 г. обозначились первые трудности со сбытом. Это было связано с указом Сената, предписывавшем наносить на упаковки, вместо английского, российский товарный знак, что имело для предпринимателя самые негативные последствия. Продажа красок почти прекратилась, а предприниматель готовился закрыть фабрику. Министерство внутренних дел согласилось с мнением мастера, выраженном в его прошении, что для российской публики характерно хвалить все иностранное и оставлять без внимания товары с российским клеймом. В связи с этим, министерство разрешило присвоить Фрезе звание поставщика императорского двора, чтобы вернуть доверие публики и показать хорошее качество продукции[1335].

Другое предприятие, имевшее прямые ремесленные корни, представлял «Электромеханический завод мастера Н.К. Гейслера», основанный в

[1335] РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 180: О присвоении петербургскому фабриканту Х. Фрезе звания придворного фабриканта живописных красок (1816). Л. 14–15.

1874 г.[1336]. Гейслер происходил из семьи петербургского немца и потомственного ремесленника, слесарного мастера. Пройдя обучение в мастерской своего отца, Гейслер получил профессиональное обучение на механика телеграфных аппаратов в Петербургской телеграфной конторе младшим механиком, где он днем работал, а вечером учился в школе при ней. За хорошие успехи в учебе, после ее окончания, он назначен старшим механиком телеграфа, а с 1871 г. работал механиком на заводе немецкой фирмы «Сименс и Гальске»[1337].

После знакомства с более опытным старшим товарищем Яном Спаре, и по его предложению, в 1874 г. они открыли небольшую мастерскую с двумя рабочими по починке телеграфных аппаратов в собственной квартире Гейслера на Почтамтской улице, 1 – типичную ремесленную мастерскую с двумя станками и тремя тисками, в которой первоначально, по договоренности с Санкт-Петербургским телеграфом ремонтировались телеграфные, а позже и телефонные аппараты: «Именно тогда Н.К. Гейслером был заложен основной принцип работы – высокое качество всех выполняемых заказов»[1338]. В 1877 г. мастерская расширяется до 5, а в 1880 г. до 15 сотрудников, что позволило Гейслеру принять первого мастера, кроме себя самого, – Л.Х. Йозефа, построившего в 1884 г. первый телефонный коммутатор в России. В 1890 г. расширенная мастерская располагается уже в трех соседних квартирах, в которых занято 20 рабочих, а недалеко от нее расположилась контора с двумя служащими. Наконец, в 1893 г. происходит замечательное для предприятия событие – мастер Йозеф сконструировал первый водонепроницаемый дальномер, что позволило получить крупные заказы от Морского министерства и расширить предприятие до 35 рабочих и трех конторских служащих, что позволило основать в 1896 г. акционерное общество Western

[1336] С 1922 г. назывался «Петроградский телефонно-телеграфный завод им. тов. Кулакова». В 2006 г. «Петербургский приборостроительный завода им. А.А. Кулакова» переименован в АО «Завод имени А.А. Кулакова». А.А. Кулаков работал до революции 1917 на заводе подмастерьем-столяром (Булатов В.Ф. История петербургского приборостроительного завода им. А.А. Кулакова. URL: http://www.computer-museum.ru/connect/ppz_kulakova.htm (Дата обращения: 12.10.2017)).
[1337] Там же.
[1338] Там же.

Electric Company. Бóльшую часть – 2/3 основного капитала в 500 000 руб., составил вклад фирмы «Н.К. Гейслер и Ко».

В 1916 году предприятию стало окончательно тесно на Почтамтской улице, и оно переезжает на Петроградскую сторону в новое четырехэтажное здание на улице Грязной, сегодня ул. Яблочкова, где в этом году работало 940, а в 1917 г. – 724 рабочих. В общей сложности, до октября 1917 г., на электромеханическом заводе было изготовлено 105 250 телефонных и телеграфных аппаратов[1339]. Завод Гейслера, превратившийся наряду с фирмами Сименс-Гальске и Эриксон из маленькой ремесленной мастерской в одно из крупнейших предприятий новой индустрии, внес неоценимый вклад в развитие производства телефонов и телеграфов в России. Его пример показывает, как мастер, имея инновационную идею, может развить свою мастерскую без капитала, но с основательными техническими знаниями и предпринимательской энергией, в одно из самых успешных предприятий России начала XX в.

4.2. Налогообложение иностранных ремесленников в XIX в.

Рассмотрим подробнее вопрос налогообложения иностранных ремесленников в столице, роскошный образ жизни которых стал в глазах многих современников конца XVIII в. вызывающим. С восшествием на престол Павла I, отношение к иностранным ремесленникам резко изменилось, что способствовало пробуждению у чиновников неподдельного интереса к возможностям обложения их налогами. С 1798 г. цеховые ремесленники подчиняются камеральному департаменту городского правления, который усиленно пытается изменить безналоговый статус иностранных ремесленников[1340]. Фискальный интерес подогревался продолжающимся с

[1339] Кармашев В. Очерк истории Петроградского телефонно-телеграфного завода имени тов. Кулакова. Пг., 1923. С. 9, 11–13, 17.

[1340] Согласно новому уставу столичного города С. Петербурга от 1 сентября 1798 г., включавшему статьи о положении в цехах, «цехи повинуются Камеральному Городскаго Правления Департаменту» (ПСЗ-1. Т. 25. № 18663. С. 374).

екатерининских времен ростом государственного долга (Русско-турецкие войны) и постоянно возраставшим дефицитом денежных средств в казне, увеличенным во время участия в так называемых Наполеоновских войнах, в которых Россия принимала участие с 1799 г. В 1810 г. дефицит государственного бюджета простирался до гигантской суммы в 65 млн. рублей, что приводило ко все более высоким эмиссиям ассигнаций (70% к номинальной цене). После войны с Наполеоном государственный долг вырос неимоверно, а с ним и инфляция бумажных денег. В 1815 г. долг России только Нидерландам составлял 836 млн. рублей ассигнациями[1341]. Как производители товаров широкого потребления, ремесленники наиболее страдали от все увеличивающейся инфляции[1342].

Итак, с 1798 года Камеральный департамент городского правления Санкт-Петербурга усиленно искал способы, отменить привилегии иностранных ремесленников, что и было закреплено постановлением от 10 января 1799 года. В нем отрицалась всякая законность раздельного существования российских и немецких цехов. Это утверждение подкреплялось мнением Камерального департамента о недопустимости раздельного существования названных цехов, так как по каждому виду ремесла должен существовать лишь один, а не два цеха, т. е. российский и иностранный. Более того, аргументировал департамент, в таком случае иностранные ремесленники смогут работать вместе с их российскими коллегами, что должно было бы, по его мнению, принести первым несомненные преимущества. Поэтому следовало заключение, что ничто не говорит против такого объединения в одном цехе. Если бы оно удалось, делал

[1341] Heller K. Die Geld- und Kreditpolitik des Russischen Reiches in der Zeit der Assignaten (1768–1839/43), Wiesbaden, 1983, S. 110; см. о финансовой политике русского правительства: Боровой С.Я. Кредит и банки России. (Середина XVII в. – 1861 г.). М., 1958; Божерянов И.Н. Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб., 1897; Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906; Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы). М., 1960; Pintner W.M. Russian Economic Policy unter Nicolas I. Ithaca/USA, 1967; Погребенский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX – XX вв.). М., 1954; Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII – XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 281–319.

[1342] См.: ПСЗ-1. Т. 31. № 24116. 02.02.1810: *Манифест о мерах к уменьшению государственных долгов; о прекращении выпуска в оборот новых сумм ассигнациями и о возвышении некоторых податей и пошлин*. С. 53–60.

департамент тонкий намек, иностранные мастера по намерению департамента автоматически будут обложены одним с русскими ремесленниками налогом[1343]. Как показало дальнейшее развитие событий, иностранным мастерам нужно было пойти на компромисс, так как позже они заплатили многократно больше.

На этот раз иностранные мастера смогли «отбиться» от притязаний Камерального департамента. Но поняв, что этим дело может не закончиться, решили подстраховаться и обратились в 1800 году, надо думать, не без скрытых надежд, о мирном соглашении, к военному губернатору Петербурга (с 1798 г.) графу П.А. Палену (Peter Ludwig von der Pahlen) с предложением, платить приемлемый налог в пользу города сообразно их финансовым возможностям[1344]. По неизвестным причинам, их предложение оказалось невостребованным. Вероятно, здесь сказались клиент-патронские отношения остзейского дворянина немецких кровей с иностранными, в большинстве своем немецкими ремесленниками. Дальнейшие попытки, предпринимавшиеся различными сторонами, решить этот вопрос, остались безуспешными. Можно предположить, из-за слишком влиятельных покровителей иностранного ремесленного лобби в высших кругах[1345].

Решающим во введении налогообложения иностранных ремесленников стал 1808 год, когда Экономическая экспедиция Сената задалась вопросом, на каком законном основании данная группа ремесленников освобождена от налогов. 30 ноября 1808 г., последовал доклад казенной палаты сенатору и государственному казначею Ф.А. Голубцову, в котором чиновники палаты

[1343] Там же. Л. 2.

[1344] Второй генерал-губернатор с 8 августа 1798 по 25 августа 1800 и со 2 ноября 1800 по 23 марта 1801. Военный губернатор с 24 марта по 30 июня 1801.

[1345] Хотя не следует преувеличивать возможности графа Палена. В январе 1801 г. он докладывал статс-секретарю Павла I Ф.М. Брискорну о высылке купца Ширмера из России после его месячного содержания на хлебе и воде. Причиной этому послужило его обращение за разрешением, учредить в Петербурге клуб. Вот, что писал Пален: «Милостивый государь мой, Федор Максимович! Во исполнение высочайшаго, его императорскаго величества, повеления, в отношении вашего превосходительства мне объявленнаго, прусский купец Ширмер, просивший позволение учредить общество, в коем гражданские чиновники, равно и ученые, купцы и художники могли бы найти препровождение времени по вечерам, – по выдержании на хлебе и воде одного месяца, для высылки за границу, посредством градских и земских полиций» (Попытка учредить клуб в 1801 году. Отношение генерал-губернатора графа фон-дер-Палена к статс-секретарю Брискерну, от 15-го января 1801 г., за № 200 // Русская старина, 1873. Т. 7. № 4. С. 576).

констатировали факт существования в столице самостоятельных немецких цехов, которые основаны без всякого разрешения ремесленной управы российских цехов. В деле «Об уменьшении податей с петербургских иностранных ремесленников» они заявляли, что неизвестно, какие имеются у них уставы и законные основания, оправдывающие их существование в городе[1346]. Вполне возможно, что чиновники департамента искренне не могли понять причин раздельного существования иностранных цехов с российскими, так как не существовало никакого законодательного акта, подтверждавшего это.

Указы, на которые пытались опереться чиновники казенной палаты, от 22 февраля 1784 г. и 26 октября 1797 г., не относились к иностранным ремесленникам[1347]. В указе 1784 года упоминались иностранцы, принявшие российское подданство и записавшиеся в ремесленные цехи или в купеческую гильдию. Они должны были платить подати наравне с другими российскими ремесленниками. На иностранцев, сохранивших свое иностранное подданство, этот закон не распространялся, но и закона освобождавшего их от налогов не находилось. Указ 1797 года распространял свое действие лишь на новые присоединенные территории на юге России (войны с Османской империей) и на Польшу (разделы Польши), «дабы совокупно с тем каждый неизъемлемо по званию своему нес повинности, законом определяемые»[1348]. Этот закон также не имел никакого отношения к налогообложению иностранных ремесленников в обеих столицах.

Удивляет, почему чиновники не обратились к главному документу, а именно Уставу о цехах 1799 г., недвусмысленно предписывавшему, иностранным ремесленникам «одного и того же мастерства, […] состоять в одном цеху под одним начальством, и […] нести возлагаемые на цехи

[1346] РГИА. Ф. 571. Оп. 3. Д. 337: Об уменьшении податей с петербургских иностранных ремесленников (1808–1827). Л. 1.
[1347] ПСЗ-1. Т. 22. № 15935. 22.02.1784: *О свободной торговле в городах Херсоне, Севастополе и Феодосии*. С. 50–51; ПСЗ-1. № 18223: *О распространении на все возвращенные и приобретенные вновь Области узаконения, чтоб всякий пребывающий в России избрал непременно род жизни*. С. 780–781.
[1348] ПСЗ-1. № 18223. С. 781.

повинности»[1349]. Но, видимо, и здесь сыграло свою роль неписанное правило устной традиции и нормы обычного права, так сильных в русской культуре. Ясно, что у каждой стороны был «свой резон». Ремесленная управа немецких цехов не заставила себя долго ждать с ответом. Она ссылалась на права и привилегии, дарованные иностранным мастерам Регламентом Мануфактур-коллегии от 3 декабря 1723 г., освобождавшим, якобы, иностранных ремесленников от налогов и поборов. На самом деле, в ведении данной коллегии находились «мануфактуры и фабрики», а цеховые ремесленники – Главного Магистрата. К тому же, применение Регламента в 1808 г. затруднялось тем обстоятельством, что Мануфактур-коллегия окончательно прекратила свое существование в 1805 г.[1350]. Возможно, сыграло роль употребление в Регламенте таких выражений, как «куриозныя художества» или «добрые и искусные мастера», что могло привести к различным интерпретациям, например, при разбирательстве статуса иностранных ремесленников в 1808–1810 г.

Так как в Регламенте речь шла отчасти о цеховых мастерах, могущих открывать «мануфактуры» и «фабрики», иностранные мастера решили, что это правило распространяется и на них, или же пользовались им по привычке, как это было на протяжении нескольких поколений. Но они должны были учитывать существование к концу XVIII в. обширного цехового законодательства, а значит иных процедур в отличие от тех, когда мастера получали на определенный срок привилегии на открытие «фабрик и мануфактур» – в каждом отдельном случае, а не все ремесленники иностранных цехов без исключения.

Причина недоразумения в коммуникации между чиновниками и ремесленниками действительно кроется в существовании не только во времена Петра, но и в 1808 г. размытого терминологического фундамента, когда иной ремесленный мастер мог основать завод или фабрику, будучи в

[1349] ПСЗ-1. Т. 25. № 19187. С. 878.
[1350] ПСЗ-1. Т. VII. № 4378... С. 173.

ведении Мануфактур-Коллегии, или записавшись в купеческую гильдию, и именовался поэтому «фабрикантом». Согласно описанию Генриха Реймерса, в Петербурге начала XIX в. насчитывалось 58 частных «фабрик». Из них четыре фабрики хлопчатобумажных изделий, из которых на самой большой 10 и на самой маленькой 5 ткацких станков. В мае 1804 года К.Г. Петерсен и Б. Бауэр основали на Петроградской стороне «витриольную фабрику» по производству белого купороса. Примечательно, что на ней работали один мастер и пять рабочих[1351].

Второй же указ, касавшийся проведения новой ревизии от 16 декабря 1743 г., давал иностранным ремесленникам основания для частичного освобождения их от налогов. Данный указ предписывал переписать особо иностранных ремесленников, принявших православное вероисповедание, «без всякого платежа подушных денег» с них и с их детей и записать их в цехи «с прочими цеховыми на ряду»[1352]. Иностранных же ремесленников неправославного вероисповедания было велено переписать особо, что можно было понять как разрешение существовать им независимо от российских цехов, но об освобождении их от налогов ничего не говорилось, что, вероятно, подразумевалось само собой[1353].

Именно такую интерпретацию указа 1743 г. находим в записи журнала Санкт-Петербургской Городской Думы от 9 января 1803 г., где раздельное существование российских и немецких цехов основывалось на убеждении, что иностранные ремесленники сочтут за оскорбление, состоять в одном цеху с крепостными крестьянами. Кроме того, указывалось, что иностранцы говорят на другом языке, иного вероисповедания, обычаев и, прежде всего, свободного нрава, что делало невозможным их существование вместе с российскими ремесленниками[1354]. Тем самым, вольно или невольно, городская дума, подводя тонкое обоснование дальнейшего отдельного существования

[1351] Reimers H.Ch.v. St. Petersburg am Ende seines Ersten Jahrhunderts… S. 331–332.
[1352] ПСЗ-1. Т. 11. № 8836: *Инструкция – посланным для учинения вновь ревизии*. Пункт 18, 19. С. 974.
[1353] Там же.
[1354] Временноцеховыми, т.е., отчасти, крепостными крестьянами.

иностранных ремесленников в режиме «налоговых каникул», занимала их сторону[1355].

Городской голова Николай Дмитриевич Меньшиков предложил 9 января 1803 г. в заседании депутатов Городской думы, обложить иностранных ремесленников налогом, что и было одобрено. Перед принятием такого решения, городским головой была запрошена справка в Камеральном департаменте об основаниях такого положения дел. Выяснилось, что в подпункте 5 пункта 23: «О публикации в других государствах мастерам, и о заводе им мануфактур своим коштом» Регламента Мануфактур-Коллегии, действительно говорилось о том, что иностранные мастера, «от всяких поборов, служеб, постоев свободны»[1356]. После предписания думы в адрес немецких цехов представить списки цеховых, они так и не были получены[1357]. В протоколе заседания думы отмечалось, что время от времени удавалось получить какие-то скромные взносы в городскую казну, что стоило большого труда. Кроме того, во время четвертой и пятой переписей иностранные ремесленники, ссылаясь на свое особое положение, отказались давать какую-либо информацию о себе[1358].

Формально, ни той, ни другой стороне не удалось найти законов, подтверждающих их правоту. Попытки Камерального департамента, опровергнуть аргумент иностранной ремесленной управы о законности раздельного существования иностранных и российских цехов, закончились ничем. По мнению департамента, такое разделение стало возможным, благодаря сопротивлению иностранных ремесленников во избежание налогообложения и бездействию правительства, а не законодательному регулированию. Отчасти чиновники департамента были правы, если принять во внимание, закрепленное впервые в Уставе 1799 г., существование цехов для

[1355] РГИА. Ф. 571. Оп. 3. Д. 337: Об уменьшении податей... Л. 7.
[1356] ПСЗ-1. Т. 7. № 4378: *Регламент*... С. 173.
[1357] Среди прочих ответственных лиц не последнюю роль играл в этом другой остзейский немец Ф.Ф. Буксгевден, бывший в 1797–1798 гг. вторым генерал-губернатором Петербурга и исполнявший с 1802 по 1803 г. обязанности председателя петербургского Комитета по уравнению городских повинностей (Я.Ю. (сост.). Руководители Санкт-Петербурга. Ред. А.Л. Бауман. СПб., 2003. С. 49–50).
[1358] РГИА. Ф. 571. Оп. 3. Д. 337: Об уменьшении податей... Л. 4–5.

иностранных ремесленников «одного и того же мастерства», обязанных платить налоги[1359].

Конечно, заявление департамента о нежелании иностранных ремесленников нести повинности имело полное основание. Последние неоднократно отказывались сообщать численность ремесленников в иностранных цехах и сопротивлялись попыткам, обложить их налогом. По расчетам чиновников департамента, казна теряла ежегодно налогов на 7650 руб. или 38 050 руб. за пять лет[1360]. Они ссылались на то, что иностранные ремесленники, принявшие российское гражданство, что было логичным, платили в казну, согласно указу от 14 января 1798 г., по 2,50 руб.[1361].

Манифест от 2 февраля 1810 г. «О мерах к уменьшению государственных долгов; о прекращении выпуска в оборот новых сумм ассигнациями, и о возвышении некоторых податей и пошлин» внес окончательную ясность в этот вопрос. В манифесте повелевалось наложить в обеих столицах налог на иностранных ремесленников: мастеров, подмастерьев и учеников, соответственно по 100, 40 и 20 рублей, что намного превышало соответственный налог в российских цехах, «предоставя уравнительное расположение сего дохода самим ремесленным управам под надзором Градского главы»[1362]. Именной указ от 23 февраля того же года позволил ремесленной управе немецких цехов распределять налоги соответственно доходам мастеров[1363].

Городская дума, долгие годы пытавшаяся ввести налог на иностранных ремесленников, исходила из устаревших данных на 3234 ремесленника, после уточнения их число снизилось до 2753, среди которых насчитывалось 1527 мастеров, 727 подмастерьев и 469 учеников. Но и эти цифры пришлось исправить, так как по данным ремесленного головы немецких цехов

[1359] ПСЗ-1. Т. 25. № 19187. С. 878.
[1360] Ежегодный сбор по 2,55 руб. с 3000 ремесленников давал бы в сумме 7650 руб.
[1361] РГИА. Ф. 571. Оп. 3. Д. 337: Об уменьшении податей... Л. 5–7.
[1362] ПСЗ-1. Т. 31. № 24116. 02.02.1810: *О мерах к уменьшению государственных долгов*…. С. 57.
[1363] Представление С. Петербургской ремесленной управ немецких цехов в департамент податей и сборов и министру финансов Д.А. Гурьеву от 20 ноября 1814 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 3. Д. 337: Об уменьшении податей... Л. 16; см.: Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М., 2006.

Готтфрида Симона Гюнтера (1810–1816г.)[1364] необходимо было вычесть 480 мастеров, 236 подмастерьев и 239 учеников, всего 955 человек. Это были иностранные ремесленники, принявшие российское подданство и перешедшие в российские цехи или на государственную службу, а также те, которые не занимались более ремеслами или не давали о себе знать. В результате чего оставалось 1798 ремесленников. Именно поэтому этот вопрос, по мнению петербургского генерал-губернатора, изложенный в рапорте комитету министров несколькими годами позже, касался раздельного существования российских и немецких цехов[1365].

По расчетам Гюнтера, в 1810 г. 1047 мастеров, 521 подмастерье и 230 учеников должны были заплатить соответственно 104 700, 20 840 и 4600, или всего 130 140 рублей налогов. Городская дума, напротив, требовала внести 187 760 рублей, хотя и отняла из общего числа 46 мастеров, принявших российское подданство[1366]. Это обстоятельство побудило многих иностранных ремесленников перейти в российские цехи. Со временем эта тенденция только усилилась. В 1815–1816 гг. туда записано 76 иностранных мастеров, или 36,5% от всех поступивших. В 1811 г. и 1834–1835 гг. соответственно – 18,8% и 14,5%[1367].

Не согласившись с такими требованиями, ремесленная управа предложила исключить восемь категорий ремесленников, не находившихся более в ее ведении. Это были ремесленники, платившие подушный налог, принявшие российское подданство, перешедшие в купеческое или мещанское состояние, вступившие в российские цехи, находившиеся на государственной службе, добровольцы гражданского ополчения или на службе в армии, не занимавшиеся более ремеслами, умершие в течение последних трех лет, обедневшие и престарелые, и ремесленники, не регистрирующиеся более в

[1364] Г.С. Гюнтер владел кожевенной «фабрикой» в Каретной части.
[1365] Рапорт генерал-губернатора С. Петербурга комитету министров 2 августа 1816 г // РГИА. Ф. 571. Оп. 3. Д. 337: Об уменьшении податей... Л. 137.
[1366] Там же.
[1367] Очерки истории Ленинграда, т. 2. М.-Л., 1957. С. 32.

управе, или неизвестно куда переехавшие[1368]. По поводу последних ремесленная управа заявляла, что не может и не в состоянии распространять свое действие на ремесленников, неизвестно куда переехавших, как на независимых и свободных иностранцев, которых ремесленная управа немецких цехов не может заставить вступить в цех насильно[1369]. Те же ремесленники, которые не занимались более ремеслами, служили кюстерами[1370], учителями или чиновниками на таможне, а также на государственной службе, например, в Санкт-Петербургском воспитательном доме, основанном И.И. Бецким, в Немецком театре, в различных учебных заведениях и домашними учителями, в Коммерческом училище, в армии[1371]. Таким образом, к 1810 году из немецких цехов выбыло 574 ремесленника по причине смерти, 28 перешли на военную службу, 192 – на гражданской службе, о 176 ремесленниках не имелось никаких сведений. Было неизвестно, находились ли последние еще в столице или покинули страну. 1470 человек не занимались более ремеслами. Согласно новым расчетам Гюнтера, необходимо было вычесть 2440 ремесленников, а число ремесленников, подлежавших налогообложению, сократилось уже до 810, или 399 мастеров, 279 подмастерьев и 132 учеников[1372].

Городская дума не согласилась с предложением ремесленного головы и потребовала зачисления налогов в полном объеме, после чего военный губернатор А.Д. Балашов (1809–1812 гг.) приказал обер-полицмейстеру

[1368] Подушный налог или подушная подать отменена в 1882 г. (Ананьич Н.И. К истории податных реформ 1880 - х годов (Введение дополнительных сборов к промысловому налогу: 3-процентного и раскладочного) // История СССР. 1979. № 1. С. 161).

[1369] Это заявление лишь отчасти соответствовало именному указу о цехах от 27 апреля 1722 г., предписывавшему, записывать в цехи вечно или временно, но никак не освобождать от записи: «В цехи писать ремесленных всяких художеств […] из иноземцев, завоеванных городов, так и чужестранных людей, которые похотят вечно или временно» (ПСЗ-1. Т. 6. № 3980. С. 664). Именной указ от 22 января 1782 г. запрещал петербургскому магистрату, согласно указу 1722 г., принуждать иностранных мастеров, поселившихся в Петербурге, записываться в цехи вечно (ПСЗ-1. Т. 21. № 15331). Из указа следует, что иностранные ремесленники продолжали пользоваться своей привилегией, вступать в цехи вечно или временно.

[1370] Смотритель церковных зданий у протестантов, ответственный за сохранность ключей и священные сосуды. Иногда должность кюстера соединялась с должностью школьного учителя.

[1371] РГИА. Ф. 571. Оп. 3. Д. 337: *Об уменьшении податей*... Здесь: Представление от 20 ноября 1814 г. Л. 23–25.

[1372] Там же. Баланс городской думы о податях по манифесту с иностранных ремесленников с 1811 по 1817 год. Л. 58–59.

Санкт-Петербурга П.В. Голенищеву-Кутузову[1373] старшин немецких цехов так долго содержать под арестом, пока они не разберутся с распределением налогов среди ремесленников. Такое жесткое обращение с иностранцами было до сих пор событием невиданным и могло говорить о кардинально изменившемся отношении к ним со стороны властей, не желавших более мириться с их независимым статусом. Косвенно этому мог способствовать дух патриотизма в обществе. Во время открытого конфликта с немецкими цехами со стороны некоторых чиновников, привлеченных к его решению, можно было услышать предложения, наложить на иностранных мастеров налог в размере от 200 до 2000 рублей[1374].

В результате было получено 172 665 рублей от общей суммы в 187 760 рублей, причем Гюнтер продолжал уверять, что бóльшая часть ремесленников подчиненных ему цехов обеднела, несостоятельна или вовсе не занимается ремеслами. Несмотря на это, в 1810 г. было получено даже 227 280 рублей от 3234 иностранных ремесленников, находившихся в немецких и российских цехах[1375]. Городская дума не отступала от своих требований, которые оценивались ремесленным головой как слишком строгие. В 1811 г. дума возвращала последнему несколько раз списки по причине их неполного заполнения. Можно предположить, что управа умышленно занижала количество ремесленников в немецких цехах, но не будем торопиться с выводами.

13 марта 1812 г. губернское правление предписало департаменту разных податей и сборов, получить налоги со всех иностранных ремесленников в российских и немецких цехах. Губернское правление отмечало, что недостаточный учет цеховых ремесленников осложнялся тем обстоятельством, что иностранные ремесленники беспрепятственно вступали в российские цехи, а российские – в иностранные. Поэтому часто в каждом

[1373] Военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга с 27 декабря 1825 по 19 февраля 1830 г.
[1374] РГИА. Ф. 571. Оп. 3. Д. 337: Об уменьшении податей... Здесь: Баланс городской думы о податях по манифесту с иностранных ремесленников с 1811 по 1817 год. Л. 18–19.
[1375] Там же.

отдельном случае необходимо было решать, по какой налоговой ставке облагать того или иного ремесленника. Несмотря на это, городская дума не отступала от своего намерения, добиться полного учета цеховых ремесленников, так что и в 1813 г. случилось то, что происходило уже дважды. У входа в ремесленную управу был выставлен караул с приказом, не выпускать старшин до тех пор, пока те не составят полную раскладку на всех ремесленников. В следующем 1814 г. губернское правление откомандировало фискала Корнеева, четыре месяца занимавшегося ревизией списков мастеров. Не ограничиваясь архивом немецких цехов, он запросил справки из купеческих гильдий и управы российских цехов о том, сколько иностранцев вступило в них с 1811 по 1813 гг. Результатом его работы явились списки за последние три года[1376].

В ноябре 1814 г. Гюнтер подал жалобу на имя министра финансов Д.А. Гурьева на действия думы, завышающей, по его мнению, число мастеров. Согласно его данным, налоги были истребованы в 1811 г. с 1311 мастеров, в 1812 г. – с 1174-х, в 1813 г. – 1124-х и в 1814 г. – с 1086 мастеров. Требования думы, согласно его расчетам, простирались до 570 585 рублей, включая 101 085 рублей процентов за просрочку. На самом деле, по его словам, в 1814 г. в иностранных цехах состояло 822 мастера[1377]. Кому как не старшинам цехов, подававшим сведения ремесленному голове, было не знать об истинном положении мастеров, ведь «алтерманы должны ведать жилище всякого в их цехе записаннаго, и в благосостоянии он или в бедности находится»[1378].

Гюнтер обвинял думу в произволе, ссылаясь на то, что иностранные ремесленники оказали русскому правительству неоценимые услуги во время войн против Наполеона в 1807 г., когда пожертвовали 40 000 рублей на

[1376] Там же. Л. 20–21.

[1377] Гюнтер говорил о том, что из списка необходимо вычесть 955 ремесленников или 480 мастеров, 236 подмастерьев и 239 учеников, принявших российское подданство и перешедших в российские цехи. В результате чего оставалось 1798 ремесленников. Несколько позже это число снизилось до 810 ремесленников или 399 мастеров, 279 подмастерьев и 132 учеников (РГИА. Ф. 571. Оп. 3. Д. 337: Об уменьшении податей... Л. 58–59)

[1378] ПСЗ-1. Т. 25. № 19187. С. 873.

формирование «милиции», и в 1812 г. (речь идет, по-видимому, о Русско-немецком легионе 1812–1814 гг.). В 1812 г. мастера шорного, каретного, кузнечного, столярного, слесарного и портновского цехов выполняли заказы правительства. Судя по наименованию цехов – на изготовление обмундирования, амуниции, транспортных средств и прочего снаряжения[1379]. Кроме того, иностранные ремесленники вступали в гражданское ополчение, а ремесленная управа немецких цехов полностью снарядила 70 рекрутов на сумму примерно в 35 000 рублей[1380]. Поступок иностранных ремесленников достоин уважения, но если на этом основании правительство должно было бы освободить их от уплаты налогов, то что можно сказать о московском купце К.В. Крестовникове и трех других представителях московского купечества, пожертвовавших в 1812 году на Отечественную войну по 50 000 рублей[1381]?

С точки зрения государственной, такое привилегированное положение иностранных ремесленников с «налоговыми каникулами», продолжавшимися более ста лет, было более невозможно. Поэтому Камеральный департамент нашел аргументы иностранных ремесленников недостаточными и рассчитал, основываясь на раскладке налогов в указе 1810 г., что они задолжали государственной казне за время с 1811 по 1817 г., сумму в 772 440 рублей. С причитающимися процентами за задержку в 279 824 рублей, с ремесленников немецких цехов огромная сумма в 1 052 264 рублей. Из этой суммы на мастеров приходилось 689 900 руб., подмастерьев 64 040 руб. и на учеников 18 500 руб. В среднем получалось в год с трех групп ремесленников соответственно 98 557 руб., 9148 руб. и 2643 руб. При вычислении этих сумм, чиновники департамента исходили из среднего числа в 985 мастеров, 2287 подмастерьев и 925 учеников, или 4197 ремесленников всего[1382]. Проблема заключалась в том, что эти цифры не соответствовали реальному числу

[1379] Совокупность вещей, составляющих снаряжение солдата, кроме мундира, белья и обуви (т. е. военной формы).
[1380] РГИА. Ф. 571. Оп. 3. Д. 337: Об уменьшении податей... Здесь: Представление от 20 ноября 1814. Л. 32.
[1381] Политов В. Выдержать характер // Умное производство. URL: http://www.umpro.ru/index.php?page_id=17&art_id_1=255&group_id_4=36 (Дата обращения: 02.10.2017).
[1382] Роспись налогам и недоимкам // РГИА. Ф. 571. Оп. 3. Д. 337: Об уменьшении податей... Л. 125.

состоявших в немецких цехах на момент их пересчета в 1811, 1814 или 1817 гг. Ценность их в другом. Они дают приблизительное представление об интенсивной миграции внутри состояний среди цеховых ремесленников. Это говорит о том, что за короткое время в петербургские российские цехи вступило большое число иностранных ремесленников, что не могло не отразиться на их внутренней структуре и профессионализме[1383].

Можно предположить, что многие иностранцы перешли в российские цехи, приняв российское подданство, чтобы уйти от чрезмерно высоких налогов. Косвенным тому подтверждением служит тот факт, что многие мастера, объявившие себя обедневшими, работали у других мастеров подмастерьями, что было неслыханным среди иностранных ремесленников и противоречило всякой логике цехового ремесла. Единственное исключение было сделано для мастеров, въехавших на территорию России до 1811 года, перешедших в российское подданство и записавшиеся в состояния купеческое, мещанское или цеховых ремесленников[1384].

Столь высокий, по мнению главы иностранных цехов Гюнтера и 32 цеховых старшин, налог заставил их подать прошение от 25 июля 1816 г. на имя министра финансов Д.А. Гурьева. В нем они пытались убедить министра в несправедливости завышенной цифры, так как 800 наличных мастеров должны были выплатить 300 000 руб., причитавшихся с 1457 мастеров. Гюнтер подсчитал, что в случае выплаты данной суммы, одна треть мастеров будет вынуждена заплатить по 300 руб., а остальные от 600 до 8000 руб., что означало бы их полное банкротство[1385].

Согласно росписи по налогам и недоимкам с иностранных ремесленников: мастеров (100 руб.), подмастерьев (40 руб.) и учеников (20 руб.), в российских цехах за 1811–1816 гг., видно, насколько расчеты

[1383] В ремесленном положении 1785 г. прописано право иностранных ремесленников записываться в (российские) цехи: «Буде кто ремесленный иногородный или чужестранный пожелает в городе записаться в управу, то он должен представить или письменное свидетельство от управы инаго города, или же работу своего ремесла для свидетельства» (ПСЗ-1. Т. 22. № 16187. С. 374).

[1384] РГИА. Ф. 571. Оп. 3. Д. 337: Об уменьшении податей... Здесь: Рапорт С. Петербургского губернского правления в департамент министра финансов от 13 марта 1812 г. Л. 11–12.

[1385] Там же. Л. 83–84.

расходились с действительно поступавшими суммами. Хотя надо отдать должное, количество ремесленников и суммы подвергались существенной коррекции. Выкладки, представленные в графе номер 1 таблиц № 4, 5 и 6 показывают расчеты городской думы относительно иностранных ремесленников, записавшихся временно в российские цехи, причем среди них были не принявшие российского подданства. При этом видна постоянно увеличивающаяся недоимка с иностранных мастеров с 6935 руб. в 1811 г. до 10 440 руб. в 1816 г., при одновременном снижении их числа почти в два раза с 220 до 116 мастеров. Можно предположить, что это было вызвано тем, что все большее их число принимало российское подданство, во избежание высоких налогов. Если верить выкладкам городской думы, то за иностранными ремесленниками за время с 1811 по 1816 гг. числился долг по налогам: за мастерами в 46 155 руб., подмастерьями – 4500 руб. и учениками – 360 руб. (см. таб. 4, 5, 6).

Год	рублей к оплате	мастеров	рублей получено	запла-тивших налог	умерших мастеров	вычитаемая сумма	недостача
	1	2	3	4	5	6	7
1811	22000	220	13435	134	16	1630	6935
1812	18600	186	9310	93	13	1300	7990
1813	18400	184	8045	80	12	1245	9110
1814	14300	143	5100	51	2	200	9000
1815	12500	125	4730	47	-	-	7770
1816	11600	116	1160	11	-	-	10440
Всего	**97400**	**974**	**41780**	**416**	**43**	**4375**	**51245**

Таблица 4: Взысканные суммы налогов с иностранных ремесленников-мастеров в российских цехах в 1811–1816 гг.[1386].

[1386] РГИА. Ф. 571. Оп. 3. Д. 337: Об уменьшении податей… Здесь: Роспись налогам и недоимкам. Л. 125–126

Год	рублей к оплате	подмастерь-ев	рублей есть	запла-тивших налог	умерших подмастерь-ев	вычитае-мая сумма	недостача
	1	2	3	4	5	6	7
1811	6120	153	1380	34	1	40	4700
1812	2800	70	960	24	1	40	1800
1813	2800	70	920	23	1	40	1840
1814	1840	46	680	17	-	-	1160
1815	1720	43	360	9	-	-	1360
1816	1160	29	80	2	-	-	1080
Всего	**16440**	**411**	**4380**	**109**	**3**	**120**	**11940**

Таблица 5: Взысканные суммы налогов с иностранных ремесленников-подмастерьев в российских цехах 1811–1816 гг.[1387].

Год	рублей к оплате	учеников	рублей поступило	заплативших налог	недостача
	1	2	3	4	5
1811	560	28	100	5	460
1812	540	27	80	4	460
1813	540	27	80	4	460
1814	280	14	60	3	220
1815	280	14	40	2	240
1816	120	6	-	-	120
Всего	**2320**	**116**	**360**	**18**	**1960**

Таблица 6: Взысканные суммы налогов с иностранных ремесленников-учеников в российских цехах 1811–1816 гг.[1388].

По расчетам департамента, в 1816 г. иностранные ремесленники в российских цехах задолжали казне всего 116 160 руб., тогда как поступило лишь 46 520 руб. За вычетом 4495 руб., ввиду смерти ремесленников, оставалось 65 145 руб.

Департамент податей и сборов министерства финансов постановил 26 августа 1816 г. сократить требуемую сумму до 60 124 руб., с выплатой до 1820

[1387] Там же.
[1388] Там же.

г. Видимо, потребностью разобраться с налогообложением иностранных ремесленников был вызван сенатский указ от 22 мая 1817 г., запрещавший прием в цехи иностранных мастеров. Все эти меры привели к резкому сокращению числа мастеров в иностранных цехах. Если в 1789 году насчитывалось около 1500 мастеров, которое снижается к 1793 г. до 1200, то с восшествием на престол Павла I их число увеличивается до 1313, а к 1801 г. – вновь до 1500, то потом оно неуклонно снижается, чтобы рухнуть в 1810 г. до 1047, в связи с введением налогообложения иностранных ремесленников. Далее оно продолжало сокращаться, за исключением 1825 г. (965 чел.), вплоть до 1835 г. и упало до 399 мастеров. Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 12 августа 1818 г. действие указа 1817 г. вновь отменялось[1389], что не привело к существенным изменениям, а показатели 1789 и 1801 гг. никогда больше не были превзойдены.

По данным Ф.А. Шредера за 1819 г., самыми многочисленными среди иностранных ремесленников оставались традиционные цеховые ремесла, в которых насчитывалось мастеров: портных – 165, пекарей – 112, золотых дел – 106, столяров – 75, седельников – 65, кузнецов – 48, башмачников и сапожников – 45, колесников – 36, часовщиков – 30, токарей – 27, слесарей – 26, клавикордных – 20 и т.д., всего – 939 мастеров[1390]. Это несколько завышенная цифра, в отличие от официальных статистик, но нет оснований не верить данным Шредера. Возможно, он перечислил иностранных мастеров в российских и иностранных цехах[1391].

[1389] ПСЗ-1. Т. 35. № 27467: *О подати с иностранных ремесленников в столицах*. С. 432.

[1390] Шредер Ф.А. Новейший путеводитель… С. 237.

[1391] На фоне такой борьбы за каждый рубль налогов в буквальном смысле этого слова и жалобы многих иностранных ремесленников, особенно контрастирует описание Г.Л. Аттенгофера, писавшего в 1820 г. о гораздо более высоком жизненном стандарте немецких ремесленников по сравнению с их соотечественниками в Германии: «У иностранных ремесленников, которые имеют хороший достаток, или наружным блеском думают приобресть оный, равно находишь роскошь, которая всякого приехавшего из какого-либо немецкого города иностранца приводит в величайшее изумление. И в их домах со вкусом меблированных должны непременно находиться: гостиная, столовая и, кто бы подумал, даже комната для слуг. Бедный ремесленник в Германии скорее почтет все это сказкою, нежели поверит, что предприимчивые его товарищи, которые некогда были такие же ремесленники, как и он, теперь живут большими господами, в прекрасном великолепном городе; несмотря на все сие, это сущая правда» (Аттенгофер Г.Л. Медико-топографическое описание Санктпетербурга... С. 199). Один из таких успешных ремесленников, клиентом которого был А.С. Пушкин, – придворный портной, уроженец Дюрена (Германия) Иоганн Конрад Рутч (Johann Conrad Rutsch) проживал недалеко от последнего адреса Пушкина на Мойке, 12, в собственном доме на углу Невского проспекта и Малой Морской улицы (Possart F. Wegweiser für Fremde in St. Petersburg oder ausführliches Gemälde dieser

В 1821 году в иностранных цехах числилось 589 мастеров, но их материальное положение оставляло желать лучшего – 454 мастера, или 77% из них, являлись неплатежеспособными[1392]. Тем не менее, число мастеров к 1825 году выросло до 965[1393]. Можно предположить, что незначительному росту иностранных цехов способствовал указ от 30 сентября 1825 г., разрешавший иностранным ремесленникам селиться во всех городах Российской империи[1394].

После кризиса 1810-х годов и постепенного восстановления количественных показателей, это число иностранных мастеров смогло восстановиться только к началу 1840-х гг.[1395]. На короткое время, так как по-видимому, в связи с уравнением иностранцев с российскими гражданами в правах и либерализацией экономики, все больше иностранных мастеров во второй половине XIX в. находят для себя возможным, не записываться в иностранные

Hauptstadt und ihrer Umgebung. Heidelberg, 1842. S. 258; Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 383–386; Подсчеты, приходо-расходные записи, в: Пушкин А.С. Полное собрание сочинении в 19 тома. Т. 17 (дополнительный). Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. / Отв. ред. Я.Л. Левкович, С.А. Фомичев. М., 1997. С. 353, 354). Рутч добился высокого положения в обществе и заработал большое состояние, работая в Лондоне, Париже и в Петербурге (Hessische Biografie, Datensatz Nr. 4786: Beilstein, Conrad Friedrich. URL: http://www.lagis-hessen.de/pnd/118508474 (Дата обращения: 21.01.2015); Wissenschaftsbeziehungen im 19 Jahrhundert zwischen Deutschland und Russland auf den Gebieten Chemie, Pharmazie und Medizin. Personendatenbank. Beilstein, Friedrich Konrad. URL: http://drw.saw-leipzig.de/10014.html (Дата обращения: 21.01.2015)). Из-за болезни жены Рутч оставил Петербург и переселился в 1838 г. в Мангейм, где приобрел в 1842 г. знаменитый дворец Бретценгейм, находившийся прямо напротив Мангеймского замка. Дворец был построен в 1782–1788 гг. по заказу курфюрста Карла Теодора для своей метрессы, графини фон Гейдек (Gräfin von Heydeck) и ее четырех детей. Дом посещал в свое время Вольфганг Амадеус Моцарт, преподававший детям графини музыку (Walter F. Bauwerke der Kurfürstenzeit in Mannheim. Augsburg, 1928). Кроме портного Рутча, Пушкина и его семью «обшивал» портной Ж. Бригель (Briegel). 10 августа 1835 г. поэт уплатил ему 612 руб. Остальную сумму в 530 руб. портной получил от опеки. Сохранился и другой счет этого портного на сумму 1 065 руб. (Векселя и денежные обязательства. Отметки выплат на счете портного Бригеля // Рукою Пушкина… 1935. С. 811; Пушкин А.С. Полное собрание сочинении в 19 томах. Т. 17). Рукою Пушкина…. 1997. С. 354, 665). Известный химик Ф.К. Бейльштейн, профессор Петербургского университета с 1866 г. и член Академии наук в Санкт-Петербурге с 1881 г., также происходил из семьи петербургского портного. В 1837 г. Бейльштейну передал свою мастерскую дядя его жены И.К. Рутч (Roussanova E. Friedrich Konrad Beilstein: Chemiker zweier Nationen. Sein Leben und Werk sowie einige Aspekte der deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen in der zweiten Hälfte des 19 Jahrhunderts im Spiegel seines brieflichen Nachlasses. Norderstedt; Hamburg, 2007. Bd.2. Briefe und Dokumente; Idem. „Deshalb ist mir um meinen Ruhm nicht bange ...“ – Zum 100. Todestag des deutsch-russischen Chemikers Friedrich Konrad Beilstein (1838–1906). Begleitheft zur Ausstellung in der Bereichsbibliothek Chemie (BBN) der Niedersдchsischen Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen vom 26. Oktober bis 27. November 2006 und in der Bibliothek des Departments Chemie der Universität Hamburg vom 8. bis 22. Dezember 2006. Norderstedt; Hamburg, 2006).

[1392] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 92: Об обревизовании иностранной ремесленной управы... Здесь: Рапорт барона Корфа от 10 октября 1842 г. Л. 23.

[1393] РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 435: Переписка с Деп-ом разных податей и сборов… Здесь: Список Московской ремесленной управы. Л. 5.

[1394] ПСЗ-1. Т. 40. № 30513 (30 сентября 1825 г.): *О дозволении иностранцм заниматься ремеслами во всех городах Российской империи*. С. 501.

[1395] 1312 мастеров, 2259 подмастерьев и 3308 учеников или 6879 чел. (Копанев А.И. Ремесленники... С. 88).

цехи, за счет чего происходит значительное снижение мастеров до 751 человека в 1894 г. Общее количество ремесленников, включая подмастерьев и учеников, оставалось стабильным в пределах 1200–1300 человек вплоть до их упразднения в 1914 г. К примеру, в 1840 году в 30 иностранных цехах состояло 1250 чел., а в 1894 году в 29 цехах – 1303 чел. (см. рис. 12)[1396].

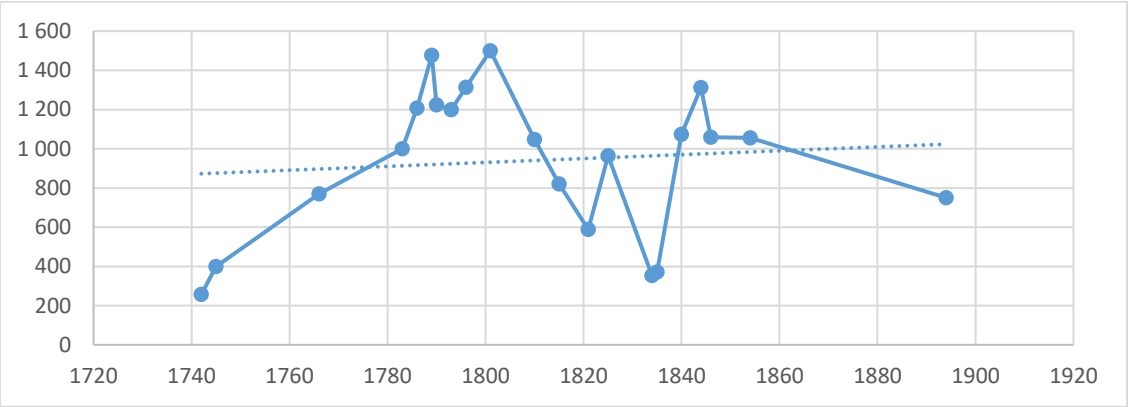


Рисунок 12: Количество мастеров в иностранных цехах.

Феномен относительно стабильного существования иностранных цехов кроется, видимо, в высокой специализации и квалификации иностранных ремесленников, товары которых оставались на протяжении всего рассматриваемого периода востребованными. Немецкие цехи могли играть функцию передаточного звена и первичной интеграции иностранных ремесленников, которые успешно переходили впоследствии в российские цехи, при принятии российского подданства. Кроме того, мастера иностранного происхождения, интегрировавшиеся и принявшие российское подданство, были широко представлены почти во всех российских цехах. Динамика роста и падения количества мастеров в российских цехах в первой половине XIX имеет схожую картину. В 1825 г. их – 3150 чел., в 1840 – 3468 чел. К 1854 г. происходит резкое падение их числа до 1177 чел., а в 1866 г. до 1084 чел., что было самым низким показателем за XIX в. Далее пути иностранных и российских цехов резко расходятся. С началом

[1396] Пажитнов К.А. Проблема… С. 187–188.

промышленного переворота и индустриализации число мастеров составляет в 1870 г. ок. 1200, затем резко падает в 1872 г. до 915 чел. во время промышленного кризиса. Затем их число неуклонно растет до 1512 чел. в 1891 г., чтобы упасть во время следующего промышленного кризиса в 1892 г. до 1346 чел. Быстро восстановившись в 1894 г. до 1512 чел., оно вырастает в 1900 г. до 1613 чел., чтобы опуститься после промышленного кризиса начала 1900- х гг. до 1203 чел. в 1910 г. Соотношение мастеров к подмастерьям и ученикам в иностранных и российских цехах составляло примерно: один мастер к 2–3 чел. и один мастер к 3–4 чел. соответственно.

Рассмотрим указ 1818 года, появление которого связано с прошениями иностранных ремесленников о более дифференцированном налоге, поподробнее. Причем, по запрещающим статьям закона можно судить о том, каким образом налог взимался прежде. Во-первых, от налога освобождались ученики и подмастерья «для облегчения промышленности иностранных ремесленников в обеих Столицах»[1397]. Во-вторых, он ограничивался усредненной минимальной суммой в 100 руб., которой могли быть обложены «одни наличные иностранные мастера, производящие ремесла и не состоящие в Российском подданстве»[1398]. От налога освобождались «мастера, по дряхлости и старости ремесла непроизводящие, также и обедневшие, которым хотя и не воспрещается работою рук своих снискивать пропитание, но не могут они иметь подмастерьев и учеников»[1399]. Исключение делалось для иностранных мастеров «вновь прибывающи[х] из-за границы», освобождавшихся от налогов на три года, начиная с 1 января 1818 года[1400].

Мастера делились на три класса, «по соображению состояния ремесленников, а не по ремеслам»[1401]. Первый класс облагался годовым налогом в 150 руб., второй класс – в 100 руб. и третий – в 50 руб. Размер налога

[1397] ПСЗ-1. Т. 35. №. 27467: *О подати...* С. 432; Рапорт барона Корфа от 10 октября 1842 г… Л. 18.
[1398] ПСЗ-1. Т. 35. 27467: *О подати…* С. 432
[1399] Там же.
[1400] Там же. С. 433.
[1401] Там же.

зависел от состоятельности мастера и определялся цеховыми старшинами и ремесленных головой. Кроме того, «четвертая часть мастеров первого класса, сверх положенных 150 рублей, обязана платить ежегодно еще по 100 руб. на вспомоществование обедневшим ремесленникам». Половина этой суммы шла «на пополнение за них казенного сбора, а другая половина на оказание собственно им вспоможения»[1402]. При прекращении ремесла, вступлении в купеческую гильдию или отъезде из столицы, иностранный мастер должен был получить от иностранной ремесленной управы письменное свидетельство об отсутствии задолженности по налогам.

В таблице 7 показано, что в 1818 г. и 1819 г. – 67,3%, в 1820 г. – 92,6% и в 1821 г. – 77,1% мастеров иностранных цехов не были способны заплатить налог.

Год	**налог в руб.**	**мастеров**	**собрано руб.**	**мастеров**	**долг в руб.**
1818	87500	875	58950	589	28550
1819	87500	875	58950	589	28550
1820	56700	567	52500	525	4200
1821	58950	590	45400	436	13550
Всего	**290650**	**2907**	**215800**	**2139**	**74850**

Таблица 7: Налоги с ремесленников в иностранных цехах в 1818–1821 гг.[1403].

В общей сложности, мастера заплатили налога на сумму в 215 800 руб., задолжав казне 74 850 руб. Часть этого долга в размере 4200 руб. была прощена в 1820 г. Дифференцированный подход к налогообложению позволил проводить более гибкую и справедливую налоговую политику. Тем не менее, из 590 мастеров лишь 436 были в состоянии заплатить налоги. Следовательно, 154 мастера, или 26% от общего числа, были освобождены от налога. К первому классу мастеров принадлежали 145 человек, ко второму –146 и к третьему – 145. Они заплатили в общей сложности 43 600 руб. Кроме того, 36

[1402] Там же.
[1403] РГИА. Ф. 571. Оп. 3. Д. 337: Об уменьшении податей… Л. 118.

мастеров первого класса заплатили дополнительно 1800 руб., или по 50 руб. каждый, в пользу обедневших ремесленников. В конечном итоге, долг в размере 74 850 руб. был им прощен, так как дума, как выяснилось позже, исходила из завышенных чисел[1404].

Для повышения качества взимания налогов, в 1820 г. в столицах образованы особые комитеты, в обязанность которых входило найти более эффективные способы взимания причитающихся налогов[1405]. Несмотря на это, 14 ноября 1824 г. принят именной указ «Об облегчении мещан и ремесленников в платеже недоимок»[1406].

После гильдейской реформы, проведенной министром финансов Е.Ф. Канкрином (Georg Ludwig Cancrin) в 1824 г., наблюдались попытки достичь более эффективного налогообложения иностранных ремесленников, не записанных в цех[1407]. С этой целью под руководством Канкрина был разработан план основания цеха ткачей, имеющих небольшие мастерские и держащих станы у себя дома. Для этого через генерал-губернатора в 1825 г. и 1826 г. городской думе было дано предписание, привести данное постановление в исполнение[1408].

В данном случае малочисленным ткачам было невыгодно учреждать цех, так как затраты на его содержание не могли оправдать себя. Кроме того, большинство из них были малосостоятельными. Их аргументы заставили министра согласиться с ними в преждевременности данного проекта, хотя через несколько лет он был все-таки основан, так как в 1837 г. правительство вновь обратилось к этому вопросу, благодаря чему были составлены списки теперь уже цеховых, числившихся, по-видимому, в других цехах, и нецеховых

[1404] Там же. Л. 114, 116: С.-Петербургская казенная палата в экспедицию о государственных доходах от 28 февраля и 21 марта 1821 г.

[1405] Дитятин И.И. Устройство и управление городов России… Т. 2. С. 140.

[1406] ПСЗ-1. Т. 39. № 30114: Именной, данный Сенату. – *Об облегчении мещан и ремесленников в платеже недоимок.* С. 587–588.

[1407] По мнению Н.И. Ананьича, патентная система, введенная Канкриным в 1824 г., укрепила сословное начало в государстве (Ананьич Н.И. К истории податных реформ 1880-х годов… С. 159–160).

[1408] РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 471: По прошению здешних ткацких мастеров... Здесь: Отношение министра финансов Канкрина к военному генерал-губернатору об освобождении иностранных ткацких мастеров, от составления между собою цеха от 15 марта 1827 г. Л. 42.

ткачей, а в 1840 г. образован цех ткачей[1409]. Но и теперь столичные ткачи не особенно стремились стать цеховыми. Приглашению ремесленного головы иностранных цехов, принять участие в собрании ткацких мастеров, последовало лишь 19 человек. На вопрос головы, «где же остальные фабриканты?», Фридрих Рудерт, выбранный уже ранее старшиной цеха, ответил, что мастерские прочих мастеров находятся вне города, почему они не принадлежат цеху. Возможно имелись ввиду более крупные предприятия фабричного типа, хотя мы помним, что практика применения слова «фабрикант» могла распространяться и на мастерские с малым количеством работников. Далее Рудерт добавил, что среди ткачей, присутствовавших в собрании, присутствовали даже чулочные мастера – все беднейшего состояния[1410].

Доводы ремесленного головы Симона Гюнтера, как и Августа Дитмара (1816–1842 г.), принесли свои плоды. Постоянные жалобы в городскую думу и казенную палату о неплатежеспособности многих иностранных ремесленников, а также прошения в министерство финансов о снижении налогов или их прощении привели к тому, что в 1820-е годы ставка была значительно снижена. Было ли это следствием действительно тяжелой материальной ситуации или успешного лоббирования – трудно сказать. Тот факт, что правительство пошло, в конце концов, навстречу просьбам иностранной ремесленной управы, может говорить о том, что отчасти данные жалобы действительно были обоснованными. Согласно Мастера были поделены на три класса с налоговыми ставками в 43, 29 и 14,50 рублей серебром[1411]. Каждый четвертый состоятельный мастер платил в пользу бедных ремесленников. Кроме того, они платили гильдейский сбор, десятипроцентный акцизный налог, взносы в пользу ремесленной и цеховых

[1409] Там же. Прошения ткацких мастеров от 3 июня 1825 и 22 июня 1826 г.; отношение Канкрина […] от 15 марта 1827 г. Л. 4, 19, 42.
[1410] РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 471: По прошению здешних ткацких мастеров... Здесь: Записка ткацкого мастера Рудерта. Л. 106.
[1411] ПСЗ-2. Т. 18. № 16624: *О изменении порядка внутренней раскладки податей с иностранных мастеров*. С. 137.

управ, от 1,5 до 10 рублей в похоронную кассу, взнос для внесения в адресную книгу, а также в российскую ремесленную управу за подмастерьев и учеников. О том, что членство в цехе было для состоятельных мастеров престижным, говорит тот факт, что при вступлении в цех они платили значительные суммы от 100 до 400 рублей[1412].

Отметим одну особенность, характерную как для российских, так и для иностранных цехов, – Ю.Ф. Корф обнаружил в 1840 году значительные расхождения в ведомости иностранных мастеров с собственными вычислениями и двойную бухгалтерию. В столице проживало относительно большое число иностранных мастеров, не состоящих в цехах по разным причинам. У одних не было диплома, другие работали в одиночку. Список таких ремесленников, с которых Дитмар собирал налоги лично, велся в особой книге. Такие мастера получали от Дитмара разрешение на открытие мастерской. Эта внушительная статья доходов вскоре должна была исчезнуть, так как в 1840 году и сам Дитмар не был переизбран на должность ремесленного головы. Чтобы обезопасить себя, Дитмар договорился с Адресной конторой, что иностранные мастера будут получать продление своих паспортов только в случае предъявления ими квитанций от ремесленного головы об отсутствии долгов по налогам[1413]. Корф обозначил проблематичным тот факт, что ремесленный голова не контролировал положение подмастерьев и учеников в мастерских (см. таб. 8)[1414].

[1412] РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 471: По прошению здешних ткацких мастеров... Л. 106.
[1413] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 92: Дело об обревизовании иностранной ремесленной управы... Здесь: Пояснительная записка… Л. 18–19; см.: Дитятин И.И. Устройство и управление городов России… Т. 2. С. 250–251.
[1414] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 92: Дело об обревизовании иностранной ремесленной управы... Л. 17.

Мастера	**Список Дитмара**	**Список Корфа**
Кузнецы	17	26
Портные	161	190
Позументные	6	15
Столяры	35	66
Токари	14	22
Золотых и серебряных дел мастера	28	118
Итого	**261**	**437**

Таблица 8: Списки отдельных цехов Дитмара и Корфа[1415].

Количество мастеров в отдельных цехах по данным Дитмара и Корфа за 1840 год значительно расходилось в 176 мастеров. По-видимому, это были именно те мастера, которых ремесленный голова облагал налогом отдельно. Существовал еще один момент, способный внести разночтения в расчет цеховых взносов. Обладая правом самостоятельно определять сборы взносов в цеховую и общую ремесленную казну на общественные нужды, цеховые мастера определили в 1820 году: собирать в год с каждого мастера по десять рублей в пользу ремесленного головы[1416]. Эти деньги Дитмар мог использовать для содержания здания ремесленной управы, на канцелярские расходы и частично на собственные нужды. Последнее предусматривалось как компенсация за его труды. О величине расходов по той или иной статье ремесленный голова принимал решение самостоятельно. Всякий контроль над его действиями отсутствовал, что и навело Корфа на мысль о возможных с его стороны злоупотреблениях[1417].

Комиссия полагала, что ее предположения относительно незаконного расхода сумм подтвердились, когда она нашла расхождение между цифрами в списке, составленном Дитмаром в 1840 году, и в ведомости цеховых старшин

[1415] Там же. Здесь: Пояснительная записка на жалобу от скорняжного мастера И. Грюнберга министру внутренних дел от 23 июня 1842 года. Л. 50.
[1416] Там же.
[1417] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 171: По отношению С. Петербургского военного генерал-губернатора об освобождении саксонского подданного мастера портного цеха Ранфта от платежа податей.. Здесь: Рапорт барона Корфа… Л. 17.

о рассчитанных взносах. По предложению старшин, необходимо было собрать 35 537 рублей, тогда как сумма Дитмара составляла всего 32 916 рублей. По расчетам же Корфа, в казну должно было поступить и того больше – 92 200 рублей.

Расхождения в суммах ремесленного головы и старшин иностранных цехов объясняются тем, что они подавались первоначально старшинами цехов голове, а тот представлял их после исправления в городскую думу для утверждения. Взносы, которые Дитмар рассчитывал сам и помечал их в приходе, почти совпадали: разница составляла всего 142 рубля[1418]. Но она гораздо выше суммы, поступившей от старшин и обозначенной головой в приходе, составив 2621 руб. Большая разница в 66 144 руб. между суммой Корфа в 99 200 рублей и фактической суммой поступлений в приходе цеховой кассы в 33 056 руб. можно объяснить тем, что Дитмар обозначил примерно 2/3 мастеров «бедными» и полностью освободил их от уплаты налогов, в то время как Корф, по всей вероятности, исходил из платежеспособности всех мастеров, посчитав налоги по завышенным ставкам.

Итак, разница в исчислениях налогов могла иметь несколько причин: нерегулярное ведение кассовых книг, двойную бухгалтерию ремесленного головы и его желание, – освободить как можно большее количество ремесленников от налогов, некорректные записи цеховых старшин в книгах прихода и расхода цеховых касс, завышенные расчеты государственных чиновников[1419]. Последнее может служить ответом на вопрос о больших расхождениях ожидаемых сумм для поступления в казну. Кроме того, расчеты старшин основывались на их собственных ориентирах поступающих сумм с мастеров, колебавшихся между 10 и 250 рублями, вместо того, чтобы разделить их на три пропорциональные группы. Благодаря такому расчету, конечная сумма, поступавшая в казну, была гораздо ниже средних 29 руб.[1420].

[1418] Там же.
[1419] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 92: Дело об обревизовании иностранной ремесленной управы... Здесь: Рапорт барона Корфа от 10 октября 1842 г. Л. 19.
[1420] Там же. Л. 18.

В конечном итоге, в 1842 г., иностранным цехам удалось добиться беспрецедентно низкой налоговой ставки в 12 руб. И это, несмотря на традиционную жалобу ремесленного головы о тяжелом финансовом положении цехов и наличии в ремесленной казне 100 000 руб. асс.[1421].

Очередное прошение старшин иностранных цехов привело к указу от 15 марта 1843 г., согласно которому был введен прогрессивный налог. Деление на три класса налогов в 43, 29 и 14,50 рублей серебром было отменено. Предписывалось «обложить мастеров по соображению состояния их, сколько каждому платить возможно, начиная с установленного высшего оклада, по 43 р. сер. и постепенно до самого меньшего оклада, с тем однако, чтобы общая сумма сбора, следующего ко взносу в казну со всех мастеров, равнялась сбору по 29 руб. с мастерства»[1422]. В общей сложности, в 1843 г. иностранный мастер заплатил сборов в среднем на 256,48 рублей – слишком большой налог, оказавшийся для 1/8 ремесленников непосильным[1423]. Ремесленная управа прибегала при взимании налогов к различным ухищрениям. Например, курсаксонского портного Ранфта она обязала заплатить 32 рубля серебром, хотя тот давно не занимался ремеслом из-за слабого здоровья и жил от доходов со сдачи в наем своего дома. Его доход составлял 350,14 руб. сер. По мнению генерал-губернатора Петербурга А.А. Кавелина, выраженном в докладе на имя министра внутренних дел относительно методов ремесленной управы, данный вид взимания налогов являлся противозаконным, после чего Ранфт полностью был освобожден от налогов[1424]. Так, методом проб и ошибок, запрещений и разрешений находилась оптимальная и приемлемая величина налогообложения, соответствовавшая примерно возможностям мастеров[1425].

[1421] Там же. Л. 24.
[1422] ПСЗ-2. Т. 18. № 16624: *О изменении порядка*… Л. 137–138.
[1423] Очерки истории Ленинграда... Т. 1. С. 39.
[1424] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 171: По отношению С. Петербургского военного генерал-губернатора… Здесь: Отношение С. Петербургского генерал-губернатора министру внутренних дел от 30 ноября 1843 г. Л. 1.
[1425] Там же. Рапорт барона Корфа от 10 октября 1842 г. Л. 24; А.И. Копанев писал: «При ревизии ремесленной управы иностранных цехов в 1843 г. комиссия обнаружила, что 115 мастеров-иностранцев не состоят в цехах, хотя „некоторые более 10 лет занимаются ремеслом, имея открытые магазины и вывески“» (Копанев А.И. Население Петербурга от конца XVIII в. до 1861 г. // Очерки истории Ленинграда. Т. 1. С. 516).

По представлениям правительства, в будущем кооперация между городской думой и ремесленной управой иностранных цехов должна была функционировать лучше: для составления более точных налоговых списков мастеров, для предотвращения чрезмерных требований к ним. Именно расхождения в расчетах этих двух институтов приводили к спорадическим конфликтам, особенно в 1810-е годы[1426]. Упомянутая комиссия по проверке немецких цехов под руководством Ю.Ф. Корфа, начавшая свою работу в 1842 г., составила к октябрю 1843 г. отчет, согласно которому в результате нерегулярного и неупорядоченного сбора налогов государственной казне был нанесен убыток в течение последних 24 лет в размере 60 000 рублей, что составило в среднем 2400 рублей ассигнациями в год[1427]. Фактически, расчеты Корфа простирались до 1810 года, когда было введено налогообложение иностранных ремесленников, что само по себе вызывает сомнения ввиду проведенного в те годы расчета налогов, признанными правительством завышенными. Корф сам признавался, что на основании книг, которые велись ремесленным головой, он не смог прийти к окончательному выводу о действительном финансовом положении иностранных цехов. Поэтому он оценил недостающую сумму «на глазок», не преминув сообщить, что Дитмар собирал общественные суммы и управлял ими единолично, что являлось нарушением Ремесленного положения 1785 года[1428].

Наблюдая за количеством налогов с иностранных ремесленников в разные годы, приходим к выводу, что они имели тенденцию снижаться, чтобы сравняться, наконец, с налоговыми ставками их российских коллег. По

[1426] Там же. Здесь: Мнение Государственного совета от 12 августа 1818 г. Л. 102–103.

[1427] Там же. Здесь: Рапорт барона Корфа от 10 октября 1842 г. Л. 18.

[1428] «В управной горнице иметь шкап и стол с ящиком, за замком с тремя ключами, в которых хранить […] ремесленную казну и счеты прихода и расхода […]. Ремесленная казна да будет под смотрением Управного Старшины и Старшинских товарищей, и стараться им о ея приращении; но да не дерзают из оной издержать ни малейшей частицы без согласия и приговора схода ремесленников; повсягодно же да отдадут отчет; и для того […] иметь две книги, в которыя исправно и точно вписать, в одну приход и пенныя деньги, а в другую расход по приговору схода ремесленников. По прошествии же года, нововыбранный Управный Старшина и Старшинские товарищи имеют счесть прошлогодних, снимая с рук ремесленную казну и счеты прихода и расхода. Для ремесленной казны иметь два ящика, на верху с узким отверстием и с надписью на одном ящике: *пени*, на другом ящике: *приход*; что вложено будет денег в который ящик, то записать верно и точно в приходной книге, означивая год, месяц и число, равномерно в расходной книге записать расходы» (ПСЗ-1. № 16187. Т. 22. Арт. 120–123, пп. 1–117. С. 371–372).

расчетам ремесленного головы в 1849 г., из 1300 мастеров лишь 1100 были в состоянии заплатить налоги, хотя эти налоги и были уменьшены до 5 руб. сер. с мастера. Таким образом, поступило 5500 руб. сер. Но и здесь доходы были ниже, чем расходы. Последние составили в 1849 г. 6500 руб. сер., так что не хватало 1000 руб. сер. Чтобы повысить доходы, ремесленная управа обложила налогом подмастерьев и учеников[1429]. Заметим, что ремесленная управа иностранных цехов продолжала существовать раздельно от российских, что было закреплено в «Новом положении о общественном управлении С. Петербурга» 1846 года[1430].

В 1850 г. ревизия иностранных ремесленных цехов поручена члену Комиссии по введению нового общественного управления Петербурга (КВНОУП), коллежскому советнику Гроту. На этот раз, заключительный отчет составил коллежский советник Окель. Он установил, что старшины цехов облагали ремесленников не по равным ставкам в 2,40 руб. сер.[1431]. Портные платили по 5,20 руб. сер., тогда как жестянщики и часовые мастера – всего по 1,50 руб. сер. Являлся ли мастер бедным, чтобы его можно было освободить от налога, решал не сам ремесленный сход, а ремесленный старшина. Поэтому не все ученики и подмастерья платили взнос при вступлении в цех. Напротив, за мастерские дипломы с подмастерьев взимались вместо одного рубля 74 руб. сер., при том, что расходы, делаемые цеховыми старшинами, не утверждались письменно цеховыми собраниями, как это устанавливалось уставом[1432].

По официальным данным, общий сбор с иностранных ремесленников значительно понизился, что соответствовало общей тенденции уравнения налогообложения российских и иностранных ремесленников (см. таб. 9).

[1429] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 667: Об устройстве Ремесленной управы иностранных цехов в Петербурге. 12 апреля 1849 – 11 декабря 1851 г. Л. 64–66.
[1430] ПСЗ-2. Т. 21. № 19721. С. 235, 237, 243.
[1431] Средняя сумма налога в 2,40 руб. почти полностью соответствовала общепринятому налогу в 2,38 руб. с мещан и цеховых на общем положении (Миронов Б.Н. Российская империя... С. 137).
[1432] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 667: Об устройстве Ремесленной управы... Здесь: Журнал КВНОУП. Л. 87.

Год	**1849**	**1850**	**1851**
Мастера			
При вступлении в цех	25	18	-
За диплом мастера	5	3	-
На содержание управы	0.6	5	3.5
В цеховую кассу	5	2.4	-
Всего	**35.6**	**28.4**	**-**
Подмастерья			
При вступлении в цех	4	1.5	-
За диплом подмастерья	1	1	-
На содержание управы	-	1	-
В цеховую кассу	**5**	**3.5**	-
Ученики			
При вступлении в цех	1.5	1.5	-
В цеховую кассу	-	0.3	-
Всего	**1.5**	**1.8**	**-**

Таблица 9: Внутрицеховые налоги с иностранных ремесленников в 1849, 1850 и 1851 г.[1433].

Опуская единовременный взнос за диплом мастера и при вступлении в цех, общий налог с мастера составил в 1849 г. 7,1 руб. сер., в 1850 – 8,7 руб. сер. и в 1851 г. – 3,5 руб. сер. Примечательно, что взнос в общую ремесленную управу повысился с 0,6 до 5 руб., чтобы снизиться в 1851 г. до 3,5 руб., а взнос в цеховую кассу понизился с 5 до 2,4 руб., причем за 1851 год нет никаких сведений. Уменьшение цехового взноса за счет его повышения в общую ремесленную управу могло бы быть объяснено усилением централизации и роли последней, если бы не его понижение в 1851 г., приведшее к уменьшению доходов ремесленной управы (см. таб. 10).

[1433] Там же. Л. 52, 74.

Год	**1850**	**1851**
Мастера	5000	4550
Подмастерья	1200	1500
Ученики	450	450
Вступительные взносы	-	350
Всего	**6650**	**6850**

Таблица 10: Доходы ремесленной казны иностранных ремесленников в 1850 и 1851 г., руб. сер.[1434].

В заключение необходимо сказать, что налоговая реформа, связанная с иностранными ремесленниками Петербурга, происходила на фоне унификации экономической жизни. Отсутствие острой нехватки в западных специалистах привело к постепенному устранению их привилегированного положения и постепенному уравниванию их в фискальных правах и обязанностях с прочими ремесленниками – российскими подданными[1435]. Хотя нельзя сказать, что это уравнение произошло так быстро в реальности. Г.Л. фон Аттенгофер вынужден был признать в 1820 г., что изделиям иностранных мастеров отдавалось предпочтение перед «природными», «поелику работы их лучше и прочнее. О достатке многих из них и богатстве некоторых едва ли можно где-либо иметь понятие. Служащие орудиями моды, как-то: седельники[1436], портные, сапожники, столяры, галантерейные и часовые мастера суть по большой части иностранцы, по крайней мере лучшие и известнейшие, так как и угождающие желудку нашему колбасники, хлебники и кандиторы. Всеми сими ремеслами занимаются и Руские, иногда под руководством иностранных мастеровых, а иногда сами по себе. Ремесла, исключительно занимающие Руских с некоторым изъятием, суть каменное,

[1434] Там же. Л. 72, 83

[1435] Налоговая нагрузка в российских цехах (столярный цех) составляла в 1823 г. 15 р. 30 к., с 1828 г. – 10 р. 20 к., в 1840-х – 4 р. 32 к., в 1850 г. – 2 р. 38 к. серебром. Комиссия 1843 г. подсчитала, что в иностранных цехах мастер платил в год 256 р. 48 к. серебром, посчитав обложение чрезмерно высоким (Копанев А.И. Ремесленники в первой половине… С. 85).

[1436] Одним из таких седельных мастеров являлся Шлейх, предлагавший в 1800 г. к продаже большой каменный дом «по большой Литейной улице», 43, за 15 000 руб. В доме с двумя флигелями и «со многоими деревянными и каменными пристройками, простирающийся до самой Моховой улицы и доставляющий с лишком две тысячи годового доходу», видимо находилась и седельная мастерская. Само семейство Шлейхов проживало к этому времени «в Брезиновском доме» на Васильевском острове на 1 линии (Иванов А.А. История Петербурга... С. 350-351).

плотничное, горшечное, медное и мясное. Хлеб обыкновенно покупается здесь у Немцев, а мясо у русских. Простой Руской мужик, будучи понятен и ко всему способен, может здесь тысячью образами приобретать себе хлеб и удовлетворять своим небольшим нуждам»[1437].

Ф.Ф. Вигель, автор известных мемуаров о петербургской жизни первой трети XIX в., отдает дань уважения известным мастерам иностранного и российского происхождения: «Чье же имя может быть известнее, если не людей, прославившихся в ремеслах? Не все же пером да мечом; игла и шило также доставляли тогда славу. По одним преданиям и по стихам Дмитриева знаю только я Кроля. Швальная же знаменитость Занфтлебена, закройщика Зеленкова и особенно сапожника Брейтигама мне очень памятны: молодые франты моего времени ими только и клялись. Кто помнит их ныне? И сколько преемников их потонуло в забвении! И, кажется, даже сам мусью Буту, перед которым гораздо позднее так благоговела молодежь»[1438].

На протяжении почти всего XIX века, особенно в первой его половине, из числа иностранных ремесленников рекрутировались многие представители ремесленной элиты: цеховые мастера, мастера, числившиеся среди купечества, и поставщики императорского двора. Эти *специалисты* не боялись конкуренции со стороны массового производства крупной промышленности, так как имели абсолютное конкурентное преимущество – уникальность своей продукции и безукоризненный вкус. Каждый раз, когда усиливалось индустриальное производство товаров массового потребления, вырастал спрос на ремесленную продукцию.

[1437] Аттенгофер Г.Л. фон. Медико-топографическое описание… С. 266; Напр.: водовозы, рыбаки, извозчики (дрожки, сани и прочие экипажы, а также ломовые), грузчики, землекопы, мелочная торговля.
[1438] Вигель Ф.Ф. Записки… С. 370.

4.3. Иностранные ремесленники на российских и международных выставках

Важную роль в высокой профессионализации и интернационализации петербургского ремесла играли ремесленные, промышленные и Всемирные выставки, в том числе и для ремесленного и фабрично-ремесленного производства в фортепианостроении. Они служат индикаторами успешности (многих бывших) ремесленных мастерских, помогают проследить, как менялись концепции технологий и позиционирования ремесленного производства, положение человека и машины в системе ценностей человечества[1439]. Участие в выставках можно назвать вершиной успеха не только крупного промышленного производства, но и ремесленного мастера. Но любой выставке предшествовали многие годы развития и роста от небольшой мастерской до крупной фабрики.

Судя по списку мастеров цехов музыкальных инструментов ведомства российской и немецкой ремесленных управ на первой выставке российских мануфактурных изделий в С.-Петербурге 1829 года, список в указателе Аллера не совсем полный, хотя встречаются и упомянутые им мастера[1440]. На выставке представили музыкальные инструменты инструментальных дел мастера (музыкальных инструментов) Шульц – фортепиано-рояль, ценою в 4000 руб., Карл Вирт – «новоизобретенный» эолодикон за 8000 руб., придворный инструментальный мастер Тренцтель, Дидрихсен [А.К.: Дидерихс?] – фортепиано за 500 руб., Людвиг Людеке – фортепиано-флигель за 1800 руб., клавикордный мастер Марк Гердау, Андрей Шредер – фортепиано-флигель за 2000 руб.[1441].

[1439] См.: Келлер А.В. 1851–2020: Всемирные выставки от Лондона до Екатеринбурга // Уральский предприниматель, апрель 2013, № 11, стр. 48–51.

[1440] Выставка российских мануфактурных изделий. Роспись вещам, выставленным на Первую публичную выставку российских изделий в С.-Петербурге 1829 года: С прил. высочайше утв. правил оной Выст.; Дополнение...; Реестр заводчиков, фабрикантов, художников и ремесленников, представивших свои изделия в Выставку 1829 года. СПб., 1829. С. 82–83.

[1441] Там же.

В первой половине XIX в. в Петербурге работали такие известные мастера как Иоганн Вирт (Johann Virth), Герман Лихтенталь (Hermann Lichtenthal, 1840 г.), Иоганн Фридрих Шредер («J.F. Schröder»), Иоганн Август Тишнер и Вульф[1442]. В это же время работал выдающийся «клавикордный мастер» Алексей Нечаев. В 1863 г. в Петербурге, наряду с самой крупной «фабрикой» Карла и Иоганна Шредеров (наследников выходца из Саксонии и основателя фирмы И.Ф. Шредера в 1818 г. и его сына Карла Ивановича), числились «фабрики» Беккер, Негри (наследница дочь Г. Лихтенталя – Ю.Т. Лихтенталь, в замужестве Негри), Шиллера, Коха, Бека, а также более мелкие мастерские Адриана, Вурстера, Геккеля, Еберхардта, Каммерата, Торесена и Фрея[1443].

Посмотрим, какие инновационные механизмы появлялись в мировом фортепианостроении в XIX в. и как они внедрялись в России. При этом, наблюдается характерная деталь – все новшества не копировались слепо, а внедрялись на самых передовых и инновационных производствах Петербурга, имевших, в свою очередь, патенты на изобретения. Совершенная конструкция рояля того времени предполагала наличие трех главных характеристик у инструмента: 1) репетиционная механика «двойного скольжения»[1444], 2) цельнолитая чугунная рама[1445], 3) перекрестное расположение струн[1446]. Рояли, объединявшие в себе эти три характеристики совершенной

[1442] Зимин П. История… С. 187.

[1443] Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов... С. 147, 154; см.: Сергеев М.В. Музыкально-инструментальное производство… С. 32–37; П.Г. Рындзюнский отмечал для этого времени, «что и самые распространенные городские промышленные заведения, необоснованно называвшиеся в современных документах „фабриками“ и „заводами“, также стояли если не на ремесленной, то на стадии мелкотоварного производства» (Рындзюнский П.Г. Мелкая промышленность: ремесло и мелкотоварное производство… С. 70).

[1444] «A double echappement», механика системы Erard, патент во Франции 1821 года. Себастьян Эрар, Париж. В России получил распространение перевод этого термина – механика двойной репетиции, или двухрепетиционная механика. В дальнейшем появились разновидности механизма Erard (Эрар) – системы Langer (Лангер), Renner (Реннер), Schwander (Швандер) и американский тип. К такому же виду механизма можно причислить (по результату действия) механику системы Bluthner (Блютнер). Другой вид механизма с репетицией (скольжением) – механика системы Keller (Келлер) и её разновидности. Более ранние и простые типы рояльного механизма – так называемые «английская» и «венская» системы

[1445] Патент в США в 1825 г.: «Complete iron frame», Алфеус Бэбкок. Позже конструкцию рамы усовершенствовал Карл Рёниш: «панцирная рама», Дрезден, 1866. Более ранний и простой тип – составная рама из нескольких частей.

[1446] Патент в США 1830 года «Cross stringing», Алфеус Бэбкок, имевший две мастерские в Филадельфии и Бостоне.

конструкции, впервые начали выпускаться с 1855 года в Нью-Йорке известной фортепианной фирмой Steinway & Sons (Стейнвей и Сыновья).

Фортепиано стало ведущим музыкальным инструментом в Западной Европе, начиная с Иоганна Себастьяна Баха (1685–1750 г.). Несмотря на наличие в Петербурге уже в XVIII в. множества мастеров музыкальных инструментов, которых сам П. Зимин называет в своем исследовании, начало фортепианостроения в Петербурге ученый относит к 1810 г., когда была открыта первая русская фортепианная «фабрика» Фридриха Дидерихса (1779–1846, Федор Федорович), приехавшего в Петербург из герцогства Брауншвейг[1447]. Для его производства было характерно подражание модным венским фортепиано[1448].

Первые десятилетия XIX в. Зимин, в своей периодизации, относит к «переходной эпохе начала фабричного строительства фортепиано в Петербурге»[1449], что связано со схемой так называемого стадиального развития от феодализма к капитализму – важным, но не решающим фактором в развитии ремесла, история которого не укладывается в данную концепцию. Это связано с тем, что Зимин излишне фиксирует свое внимание на мастерских, ставших впоследствии действительно крупными предприятиями, что, по нашему мнению, не является решающим моментом в развитии фортепианостроения. Побочный эффект появления более совершенных машин, не оказался способным заменить «интеллигентные руки» ремесленного мастера, обладающего такими уникальными компетенциями как знание и чувство материала, чувство меры, эстетический вкус и интуиция[1450]. Зимин исходит из упрощенного «поступательного развития» и предполагаемого «неизбежного» перехода ремесленной мастерской к фабрике в рамках концепции капитализма, индустриализации и капиталистического

[1447] Ипполитова Г.А. Владельцы фортепианной фабрики «Я. Беккер» (1841–1917) // Немцы Санкт-Петербурга: Наука, Культура, Образование. СПб., 2005. С. 351; Зимин П.П. История… С. 184; Мастерская находилась по адресу Васильевский остров, угол 2 линии и Среднего проспекта, 44, сегодня под номером 41.

[1448] Зимин П. История… С. 184; см.: Сергеев М.В. Первая фортепианная фабрика в России... С. 130–136.

[1449] Зимин П. История… С. 187.

[1450] Даже в такой высокотехнологичной области производства как сталелитейная промышленность качество сваренной стали во многом зависит от интуиции мастера, его знаний и умений.

рынка. Она ставит на первое место паровые машины как принципиальное отличие от ушедшей в прошлое ремесленной промышленности, а не музыкальные инструменты, для качества которых наличие паровых машин было важным, но все же вторичным фактором.

В ретроспективе видно, что «фортепианные фабрики» не смогли остаться классическими ремесленными мастерскими, но и не стали классическими фабриками в современном понимании. Для них характерен особый промежуточный формат развития, отличающийся от в высокой степени автоматизированных крупных промышленных предприятий и массового производства[1451]. Для таких «фортепианных фабрик» до сих пор характерна гибридная форма производства с элементами механизации, машинизации и автоматизации, определяющую и решающую роль в которых играет специфика ремесленного производства с наличием мастера. Компетенции ремесленного мастера в таком сложном производстве как фортепианное, а не машины, имеют абсолютный приоритет.

«Фабрика» Дидерихса выпускала рояли и пианино, отличавшиеся хорошей столярной работой, прочностью и выносливостью в эксплуатации. В 1846 г., после смерти Дидерихса, его дело продолжила его вдова Е.А. Дидерихс. Вначале одна, затем со старшей дочерью Каролиной Федоровной. В дальнейшем дело продолжили два его сына – Роберт (1836-1893) и Андрей (1838-1903). Судя по тому, что «фабрика» перешла к вдове мастера, где получили обучение два его сына, первоначально это была традиционная ремесленная мастерская, которая, став к тому времени крупным предприятием, сохраняла ремесленные традиции. В фортепианостроении, как

[1451] See: Uhl K. Räume der Arbeit: Von der frühneuzeitlichen Werkstatt zur modernen Fabrik // Europäische Geschichte Online (EGO), hg. vom Leibniz-Institut für Europäische Geschichte (IEG), Mainz 2015-11-03. URL: http://www.ieg-ego.eu/uhlk-2015-de (Дата обращения: 20.10.2017); Большую часть XIX в. Кустарная промышленность доминировала над фабрично-заводской по всей Европе. Переход от аграрного общества к индустриальному проходил более длительный период, чем это принято считать (Pierenkemper T. Gewerbe und Industrie… S. 14, 21). Представление о фабрике как о полностью автоматизированном производстве без людей наиболее ярко выразил Эндрю Юр (1778–1857) в своем труде «Философия фабрики». Это представление полностью заимствовал К. Маркс (Ure A. The philosophy of manufactures; or, An exposition of the scientific, moral, and commercial economy of the factory system of Great Britain... P. 20. URL: https://archive.org/details/philosophymanuf00uregoog (Дата обращения: 19.10.2017); Marx K. Das Kapital. 18. Aufl. Berlin, 1972. S. 401-402).

высокотехнологичном производстве, где ручная работа всегда играла и играет решающую роль, невозможно было иначе. Роберт перенял уже фабрику в 1868 г. Вместе со своим братом Андреем, вступившим с ним в компанию в 1878 г., он значительно улучшил качество инструментов, а фортепианная фабрика стала называться «Братья Р. и А. Дидерихс» («Diederichs Freres»)[1452]. Это стало возможным, в том числе благодаря стараниям опытного мастера Франца Кальнина. Несмотря на то, что инструменты «отличались хорошей столярной работой и добросовестной пригонкой частей, вследствие чего были очень прочны и выносливы», их «акустические качества оставляли желать лучшего: фортепиано Дидерихса обладали сухостью и бедностью тембра»[1453]. Последние четыре года существования фабрики до 1918 года, на ней работал высоко квалифицированный мастер Эрнст Хийз, бывший учеником известного европейского производителя Юлия Блютнера[1454].

К одной из старейших (основана в 1818 г.), и самых успешных принадлежала мастерская уроженца города Штральзунда в Передней Померании И.Ф. Шредера (нем. Johann Friedrich Schröder), известная доброкачественностью выпускаемых инструментов[1455]. Знаток истории музыкального Петербурга П.Н. Столпянский предполагал, что некий инструментальный мастер А.Х. Шредер, проживавший в 1783 г. у Синего моста в доме №174 и предлагавший к продаже «фортепиано и клавиры», был одним из предков И.Ф. Шредера[1456]. Нельзя исключать вероятность этого родства, зная традицию цеховых мастеров Петербурга наследовать свое дело сыновьям.

Первоначально И.Ф. Шредер жил и работал в небольшой квартире на Большой Мещанской улице (сегодня Казанская улица). Благодаря хорошему качеству его инструментов, продажи шли успешно и уже через несколько лет

[1452] Ипполитова Г.А. Владельцы фортепианной фабрики «Я. Беккер»… С. 351.
[1453] Зимин П. История… С. 185.
[1454] Там же.
[1455] См.: Сергеев М.В. Фортепианный мастер Иоганн Фридрих Шредер... С. 43–49; Он же. Фортепианная фирма «C. M. Schröder» в 1852–1889 гг. В поисках совершенного инструмента и всеобщего признания // Музыковедение. № 3. 2017. С. 22–33; Novak Clinkscale M. Makers of the Piano: 1820-1860. Vol. 2. Oxford University Press, 1993. P. 335.
[1456] См. Столпянский П.Н. Музыка и музицирование в Старом Петербурге. Л., 1984; Зимин П. История… С. 185.

мастер открыл расширенную мастерскую в доме на углу Большой Мещанской улицы и Вознесенского проспекта. Под этим адресом мастерская находилась до 1874 г. Секрет успеха Шредера лежал в умелой комбинации солидной ремесленной традиции и успешных продаж, не в последнюю очередь благодаря участию в первой мануфактурной выставке 1829 г., на которой его инструменты удостоились награды[1457].

После смерти Иоганна Фридриха (1852 г.) дело перешло в 1874 г. к его сыну – Карлу Ивановичу (умер в 1889 г.), значительно расширившему производство. Он первым в России, в 1862 г., использовал в роялях американскую конструкцию с литой чугунной рамой (начало применения в 1825 г.) и перекрестное расположение струн (перекрестная система, начало применения в 1830 г.)[1458]. В 1861 и 1865 г. на Всероссийских выставках мануфактурной промышленности в Петербурге и в Москве инструменты Шредера удостоились соответственно «Публичной похвалы» и медали «За трудолюбие и искусство»[1459].

К 1863 г. фабрика «C.M. Schröder» являлась крупнейшей по объему выручки, но Карл Шредер не остановился на достигнутом и в 1874 приобрел большой участок земли на Петроградской стороне (наб. Большой Невки, 34), где построил новое здание фабрики, начавшей производство в апреле 1875 г. На этом месте ей не суждено было долго работать – 5 сентября 1878 г. фабрика сгорела[1460]. Поражает короткое время, потребовавшееся на восстановление. В следующем 1879 г. фабрика начала работать в новом, сначала трех-, затем пятиэтажном здании по адресу Большая Вульфовая улица (сегодня ул. Чапаева, 15). С этого года фабрика стала называться I Российская

[1457] РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 624: О наградах фабрикантам участникам 1-й выставки 1829 года. 1829–1832 г. Л. 20.

[1458] Н.С. (Н.Ф. Соловьев). Шредер, фирма по изготовлению фортепиано // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Шм–Шр. Т. XXXIXa. С. 858.

[1459] РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 625: Алфавитный список фабрикантам и заводчикам, получившим награды по выставкам Российских мануфактурных изделий; Фабрика роялей "К. М. Шредер". URL: http://www.citywalls.ru/house13238.html (Дата обращения: 18.10.2017); до 1917 г. фабрика носила имя: 1-я Российская фортепианная паровая фабрика «К. М. Шредер», после 1918 в составе фабрики «Красный Октябрь», после – 1965 г.: Фабрика народных музыкальных (щипковых) инструментов им. Луначарского, после – Ленинградская фабрика мелких музыкальных инструментов им. А.В. Луначарского (ул. Чапаева, 15).

[1460] Фабрика роялей „К.М. Шредер». URL: http://www.citywalls.ru/house13238.html, (Дата обращения: 23.10.2017).

фортепианная паровая ф-ка «К.М. Шредер»[1461]. Как следует из названия, на ней впервые в России были применены паровые машины и станки для изготовления инструментов. Будучи большим знатоком фортепианного производства, Карл Шредер постоянно следил за всеми новинками мирового фортепианостроения и внедрял их у себя на производстве. В лучших традициях ремесленного образования, К.И. Шредер отправил своих сыновей Карла и Иоганна (Ивана) для обучения в Западную Европу, по всей вероятности, после того, как закончилось их ученичество на производстве в Петербурге[1462].

К этому времени инструменты фабрики Шредера приобрели имя «русского Стейнвея». В 1876 г. Карл Шредер открыл самый большой магазин фортепиано в городе, где вниманию покупателей предлагалось на выбор до 100 инструментов. Магазин находился в купленном им доме на самом оживленном перекрестке города – Невского проспекта и Садовой улицы (Невский пр., 52 и Садовая ул., 14), в очень выгодном месте, где постоянно прогуливалась состоятельная публика. В том же здании располагался концертный зал на 300 мест[1463]. Упомянутые сыновья К.И. Шредера – Карл Карлович и Иван Карлович продолжили успех отца, открыв филиалы в Варшаве и Одессе. За всё время своего существования фабрика выпустила более 25 000 инструментов, удостоившихся высшей похвалы Ференца Листа и Артура Рубинштейна, их одобряли Лист, Гофман, д'Альбер[1464].

[1461] Ипполитова Г.А. Владельцы фортепианной фабрики «Я. Беккер»… С. 351.

[1462] Зимин П. История… С. 186.

[1463] В 1830-е годы здесь располагались трактир П.В. Палкина («Старопалкин») и магазин К.А. Тура – мебельного фабриканта Карла Андреевича Тура (1817–?), в чьей собственности в 1860-х годах находился дом на Большой Морской улице. С 1880-х годов участок принадлежал коммерции-советнику Карлу Иоганну (Ивановичу) Шредеру. В доме находились его контора и магазин. К.И. Шредеру в 1860-х годах принадлежал особняк в Вознесенском переулке. Наследники К.И. Шредера владели домом до 1918 года (Весь Петербург. Адресная и справочная книга. СПб., 1894. Отдел IV; Стб. 241; там же. СПб., 1898. Отдел IV; Стб. 255; там же. СПб., 1905. Отдел IV; Стб. 254; там же. СПб., 1908. Отдел IV; Стб. 281); там же. СПб., 1917 г. Отдел IV; Стб. 258). Примечательно, что в 1923–1937 гг. здесь располагался Кружок друзей камерной музыки, а с конца 1920–х гг. до 1937 г. Общество камерной музыки, на концертах которого выступали В.В. Софроницкий, Д.Д. Шостакович, С.С. Прокофьев, Л.Н. Оборин, В.С. Горовиц (URL: http://history.gradpetra.net/prospekt/22/2018-52.html (Дата обращения: 22.10.2017).

[1464] Н.С. (Н.Ф. Соловьев). Шредер, фирма по изготовлению фортепиано // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Шм—Шр. Т. XXXIXа. С. 858.

Многие известные пианисты, гастролировавшие в России, исполняли свои концерты на «Шрёдере»[1465]. Вследствие успеха фабрики «C.M. Schröder», импорт инструментов из-за рубежа значительно сократился. Мировая премьера её инструментов состоялась в 1870 г. в Касселе. В 1873 г. они получили орден Франца-Иосифа (Franz-Joseph-Orden) на выставке в Вене, в 1878 г. – золотую медаль и Орден Почётного легиона в Париже. Им последовали международные и Всемирные выставки в Лондоне в 1885 г. (золотая медаль), в том же году в Антверпене (почетный диплом и орден Леопольда), в Копенгагене в 1888 г., где инструменты фабрики были выставлены среди лучших вне конкуренции, в Чикаго в 1893 г. и снова в Антверпене в 1894 г. (гран-при и четыре медали для сотрудников фирмы)[1466]. Приведем ряд наиболее известных имен среди клиентов фабрики «C.M. Schröder»: «Поставщик царского двора, императорских дворов германского и австрийского, королевских дворов прусского, венгерского, датского, баварского, а также великого князя Сергея Александровича. На роялях „Карл Шрёдер“ играли Антон и Николай Рубинштейны, Император Александр III, Императрица Мария Фёдоровна, Ференц Лист, Иосиф Гофман, Юджин д'Альбер, Клара Шуман, Полина Виардо, Семья Императора Николая II, Великий Князь Сергей Александрович, Германский Кайзер Вильгельм II, Матильда Кшесинская, Сергей Прокофьев, Князь Феликс Юсупов, Сергей Дягилев, Сергей Рахманинов, Святослав Рихтер, Дмитрий Шостакович, Владимир Горовиц и многие другие»[1467].

В 1903 году происходит знаковое событие. Почти 70-летний М.А. Битепаж, которому становится трудно управляться с фабрикой «Я. Беккер», находившуюся с 1871 г. в его и П.Я. Петерсена собственности, продает ее Карлу Карловичу Шредеру, вышедшему из предприятия

[1465] Шустов А.С. Санкт-петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летнему юбилею столицы: Ил. альб. / Сост. и изд. А.С. Шустов. Санкт-Петербург, 1903. Ч. 2. С. 43.

[1466] Там же; 1-я Российская фортепианная паровая фабрика "К.М. Шредер" – Ленинградская фабрика мелких музыкальных инструментов им. А.В. Луначарского. URL: http://www.citywalls.ru/house13238.html. (Дата обращения: 12.06.2014).

[1467] Шустов А.С. Санкт-петербургское купечество… С. 43; История мастеров Шредер и фирмы К.М. Шредер. URL: http://www.euroroyal.ru/MODELS/aboutschroder.htm (Дата обращения: 12.06.2014).

«C.M. Schröder»[1468]. Последней продолжал руководить младший брат Иоганн, которому не хватало технического опыта в производстве, вследствие чего дело начало приходить в упадок – вспомним, производство не могло функционировать без опытного руководителя, совмещавшего в себе функции руководителя производства и опытного мастера[1469]. В начале XX в. на фабрике «C.M. Schröder», выпускавшей инструменты с «полным, певучим тоном, приятным и легким туше», работало более 300 человек[1470]. В 1918 г. фабрика национализирована советской властью, в 1922 г. вошла своим активом во вновь созданную фабрику «Красный Октябрь», на основании которой были объединены также предприятия «Братья Дидерихс», «Шредер», «Рениш», «Ратке», «Мюльбах», «Оффенбахер» и «Беккер»[1471]. Последняя составила основу производства, где производилась механика для роялей. Первые модели увидели свет в 1927 году. Фабрика «Красный Октябрь» носила имя народного комиссара просвещения А.В. Луначарского[1472].

Не менее знаменитой в Петербурге была фабрика «J. Becker». Фортепианный мастер Якоб Беккер (Яков Давыдович, нем. Jacob Becker) (1811–1879), баварский подданный из Пфальца, основал в июне 1841 года небольшую мастерскую на Большой Итальянской улице в доме № 21[1473]. Слывя чрезвычайно изобретательным мастером фортепианного дела: им были запатентованы изобретения в 1839, 1843, 1848 и 1851 годах, он сразу стал применять почти все передовые технологии в производстве пианино и роялей[1474]. С 1857 г. мастерская становится фабрикой «J. Becker», за которой

[1468] Фабрика роялей "К. М. Шредер". URL: http://www.citywalls.ru/house13238.html (Дата обращения: 18.10.2017); Карл Шредер работал для знакомства с передовыми технологиями за рубежом на фортепианных фабриках, основанных Себастьяном Эраром и Генри Герцем в Париже (Novak Clinkscale M. Makers of the Piano… P. 335).
[1469] Зимин П. История… С. 186.
[1470] Соловьев Н.Ф. Шредер, фирма по изготовлению фортепиано // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Шм—Шр. Т. XXXIXа. С. 858.
[1471] URL: http://propianino.ru/pianino-krasnyj-oktyabr-2 (Дата обращения: 18.10.2017).
[1472] Чередниченко А. Когда отзвучал финальный аккорд. Бизнес-центр вытеснил музыкальную фабрику, но не мастеров // Санкт-Петербургские ведомости. 30.09.2015.
[1473] РГИА. Ф. 472. Оп. 37 (263/1280). Д. 2. Л. 23–23 об. Цит. по: Ипполитова Г.А. Владельцы фортепианной фабрики «Я. Беккер»... С. 339–354; см.: Сергеев М.В. К 200-летию фортепианного мастера Якоба Беккера // Mosaiikki (Jyväskylä). 2011. № 8. С. 24–29; Lomtev D. Deutsche in der musikalischen Infrastruktur Russlands. Lage, 2012. S. 90–92, 95–99.
[1474] Ипполитова Г.А. Владельцы фортепианной фабрики «Я. Беккер»… С. 339–341.

«прочно закрепилось звание одного из крупнейших и авторитетнейших производств клавишных инструментов в России»: «Беккер был независимым мыслителем, экспериментировавшим со многими нововведениями. Его фортепиано, особенно его большие концертные рояли, были превосходными инструментами, часто использовавшимися известнейшими виртуозами»[1475].

Среди новаций Якоба Беккера можно назвать установку впервые в России в 1865 году на своих роялях репетиционной механики двойного скольжения системы Эрара (1821). Чтобы полностью посвятить себя работе по усовершенствованию инструментов, в 1861 г. Я. Беккер передал «управление фабрикой своему брату Францу Беккеру»[1476]. Интересный эпизод произошел между 1869 и 1873 гг., когда произошла открытая конкуренция между Я. Беккером и знаменитым фортепианным мастером Карлом Бехштейном (нем. Carl Bechstein) в Берлине, работавшим первоначально в одиночку и построившим до 1859 г. 176 инструментов. В 1853 г. Бехштейн основал фортепианную фабрику и в конце 1860-х годов начинает экспансию за рубеж[1477]. Тут-то и произошло столкновение с интересами фирмы «J. Becker». Бехштейн послал для великой княжны Марии Александровны рояль, чтобы завоевать её расположение, а значит, и получить заказы, став, таким образом, поставщиком императорского двора в Петербурге. При успехе, это гарантировало Бехштейну выход на российский рынок[1478]. Невольным арбитром в этом соперничестве выступил сам П.И. Чайковский, подытоживший в 1873 г.: «Задетый за живое петербургский фабрикант до появления Бехштейна безраздельно царивший на фортепианном рынке,

---

[1475] Колесова Н. «J. Becker» в жизни М.А. Балакирева... С. 37, 44; Dolge A. Pianos and their makers. Covina [California]: Covina Publishing Company, 1911. P. 265.

[1476] Ипполитова Г.А. Владельцы фортепианной фабрики «Я. Беккер»... С. 343; «Франц Беккер был органистом [евангелическо-лютеранской] церкви св. Анны [на улице Кирочной], учителем при императорском воспитательном обществе благородных девиц, учителем музыки и церковного пения в Александровском императорском лицее» (подробнее смотри там же).

[1477] Der Goldene C. Bechstein Luxusflügel // Memento vom 18. Juli 2013 im Webarchiv archive.is; Alexander Skrjabin: Briefe. Mit zeitgenössischen Dokumenten und einem Essay von Michail Druskin. Hrsg. und Übersetzung der Briefe Skrjabins sowie der Dokumente aus dem Russischen von Christoph Hellmundt; Übersetzung des Essays von Michail Druskin von Gertraude Krueger. Leipzig, 1988 (= Reclams Universal-Bibliothek, Bd. 1260: Kunstwissenschaften), S. 311; Schmid K.-P. Bechstein: Wohlklang aus Seifhennersdorf // zeit.de. 23. April 1998 (Дата обращения: 20.10. 2017).

[1478] Ипполитова Г.А. Владельцы фортепианной фабрики «Я. Беккер»... С. 345.

устремил все свои усилия к тому, чтобы не только сравняться, но превзойти соперника. Эти старания увенчались полным успехом»[1479].

Годом ранее, 1 января 1872 г. Я. Беккер «передал […] фортепианную фабрику […] со всеми правами в полное владение [..] бывших сотрудников [мастеров с торговым свидетельством] Павла Леонтьевича Петерсена и Михаила Августовича Битепаж[а]»[1480]. Такой шаг, как показало будущее развитие событий, себя полностью оправдал. На всемирной выставке 1878 г. в Париже инструменты фабрики «произвели собой такой переворот, – как писали корреспонденты газет «Фигаро» и «Телеграф», – «какой произвели в 1867 г. американские рояли „Стейнвей“»[1481]. В юбилейном 1891 году, когда фабрике исполнилось 50 лет, «председатель С.-Петербургского отделения императорского русского музыкального общества действительный статский советник Антон Григорьевич Рубинштейн обратился в мае [этого года] с ходатайством в Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов о поощрении полезной деятельности потомственного почетного гражданина [М.А.] Битепаж и наиболее выдающихся и заслуженных мастеров, бессменно прослуживших на оной и усердным трудом содействовавших ея успеху»[1482].

В прошении было отмечено, что Битепаж заботился «об улучшении быта служащих и рабочих фабрики». К наградам, кроме его самого, были представлены мастера и санкт-петербургские ремесленники, благодаря умениям и рукам которых изготовление уникального произведения – «штучного продукта массового производства» стало возможным: главный мастер фабрики Александр Оттоман Фертиг (стаж работы на фабрике 36 лет, золотая медаль на Владимирской ленте для ношения на шее), мастер Иаким Лукьянов (стаж 34 года, золотая медаль на Станиславской ленте для ношения на груди), к серебряным медалям на Станиславской ленте для ношения на груди представлены: крестьянин Тверской губернии, Зубцовского уезда

[1479] Там же.
[1480] Там же... С. 344.
[1481] Санкт-Петербургский листок. 1878; цит.: там же.
[1482] Ипполитова Г.А. Владельцы фортепианной фабрики «Я. Беккер»... С. 347.

Иружской волости, дер. Фотьяново Владимир Хмелев (стаж 27 лет), крестьянин Новгородской губернии Боровичского уезда Долговской волости, дер. Филлипово Филипп Антонов (стаж 24 года), приписанный к Ревельскому Вышгородскому обществу Александр Гранфельдт (стаж 23 года), приписанный к имению Кервель Эстляндской губернии Гапсальского уезда Адо Иллинг (стаж 14 лет)[1483]. Национализированная, как и все фортепианные фабрики, в 1918 году, фабрика «J. Becker» возобновила свое производство позже под названием «Красный Октябрь». В 1990–х годах ей вернули несколько модифицированное историческое название «Беккер». Но спустя некоторое время бренд был продан в Китай, в результате чего г. Санкт-Петербург окончательно потерял важную часть своего культурного наследия[1484].

Благодаря таким фирмам как «J. Becker», Россия вошла в ряд стран, где в начале XX в. было, пожалуй, наибольшее число инновационных фирм в фортепианостроении. Н.С. Соловьев писал в 1902 г.: «Фабрики всего более способствовавшие усовершенствованию концертного рояля: во Франции – Цлейель, Эрар, в Англии – Эрар, в Германии – Бехштейн, в Америке – Стейнвей, в России — Беккер, Шредер, Мюльбах, Дидрихс»[1485].

Обратимся к последнему примеру в этом ряду, марке фортепиано «F. Muhlbach», занявшей к концу первого десятилетия XX века одну из лидирующих позиций в отечественном фортепианостроении[1486]: «Его инструменты выбирали многие музыканты, в том числе и те, которые прежде отдавали предпочтение роялям фирмы «J. Becker». К примеру, два года подряд (летом 1907 г. и летом 1908 г.) Н.А. Римский-Корсаков, большую часть жизни занимавшийся на «Беккере», брал напрокат для дачи в Любенске рояль в

[1483] Там же.
[1484] См. также: Кудлай К.А. История фортепианного производства. http://novo-piano.narod.ru/about5.htm (Дата обращения: 18.10.2017).
[1485] Соловьев Н.Ф. Фортепиано // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Фо. Т. XXXVI. С. 307.
[1486] Зимин П. История… С. 191–192.

фирме «F. Muhlbach». Кстати, инструмент этой же фабрики стоял в квартире родителей Н.Н. Римской-Корсаковой (урожденной Пургольд)»[1487].

В 1856 году выходец из Ревеля, проходивший обучение в мастерских известных мастеров фортепианостроения И. Вирта и Я. Беккера, Федор Мюльбах основал традиционную ремесленную мастерскую, специализировавшуюся на изготовлении роялей. Первоначально в ней работало, кроме самого мастера, три подмастерья. Через несколько лет мастерская была расширена, превратившись в «фабрику-мастерскую». Но не стоит забывать, что «фортепианная индустрия» всегда оставалась ремесленно ориентированным штучным производством, отличаясь от массового производства уникальностью своих инструментов, каждый из которых имел свое лицо[1488]. Отличительной особенностью фортепианной фабрики «F. Muhlbach» от других крупных производств являлся личный контроль каждого инструмента самим мастером Мюльбахом: «…материалы получаются из-за границы, но весь механизм изготовляется на фабрике, каждая часть фабрикации находится в руках специального мастера, и когда все готово и собрано, то регулирование производит он сам [Мюльбах — Н.К.] <…> Сам Мюльбах постоянно находится на фабрике, следит за всем производством, работает наравне с другими мастерами и вот одна из главных причин доброкачественности его инструментов»[1489].

В 1878 году руководство фабрикой переходит к сыну мастера – Федору Федоровичу Мюльбаху: «Последний расширил производство, ввел в конструкцию инструментов ряд усовершенствований и выработал удачный тип малого рояля (миньон), получившего спрос благодаря компактным размерам»[1490]. Упомянутые инструменты «mignon» пользовались особенной популярностью на судах военно-морского флота. Незадолго до начала Первой

[1487] Колесова Н. «J. Becker» в жизни М.А. Балакирева... С. 44.
[1488] См.: Sennett R. The Craftsman...
[1489] Фортепианная фабрика Ф. Мюльбаха // Музыкальный свет. 1870. № 2. С. 6; цит.: Колесова Н. «J. Becker» в жизни М.А. Балакирева // Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных. 2013. № 4 (7). С. 46.
[1490] Кудлай К.А. История фортепианного производства...

Мировой войны фабрика Мюльбаха перешла к знатоку фортепианного производства Ф. Нантингу, повысившего производство выпускаемых инструментов до 1100 в год при 250 рабочих, что не спасло ее от закрытия, связанного с началом войны, парализовавшей производство[1491].

С первой выставки в 1829 г. мануфактурные выставки стали тем местом, где публика могла ознакомится с музыкальными инструментами как крупных, так и средних производителей. Так было и на выставке 1861 года, где свои инструменты на суд публики представили купец третьей гильдии Христофор Генч, цеховой мастер Александр Андреевич Рейнберг, баварский подданный Фридрих Адамович Эшенбах, купец третьей гильдии Антон Фридрихович Эмме и мастер музыкальных инструментов Фридрих Фердинанд[1492]. Два производителя фортепиано упомянуты также в списке 1863 г. – Ф. Вурстер и В.Ф. Шиллер. Мастерская Вурстера производила инструменты с 1849 года. В 1859 году у него работало семь человек, тогда как в 1861 г. – лишь пять работников, что можно объяснить колебаниями спроса на музыкальные инструменты. В 1861 г. в мастерской было произведено 30 инструментов. Мастерская Шиллера была открыта в 1848 г. на Большой Морской улице, 17 в первой Адмиралтейской части. В 1861 г. здесь работало 54, а в 1863 г. – 30 работников. Одним из крупнейших для этого времени можно считать производство Эшенбаха в Малой Морской улице № 21 в первой Адмиралтейской части. Основанное в 1823 г., оно производило в 1861 г. инструментов на 65 000 руб.[1493].

На ремесленной выставке 1885 г. были представлены фортепианные предприятия Карла Федоровича Бельштейна (Bellstein, Beilstein), Федора М. Мюльбаха («F. Muhlbach»), и братьев Роберта и Андрея Дидерихс («Diederichs freres»[1494]). На старейшем предприятии в данной отрасли – «фабрике» (на ремесленной выставке) братьев Дидерихс в 1885 г. с помощью

[1491] Зимин П. История… С. 191–192.
[1492] Фабрики и заводы в С.-Петербурге и С.-Петербургской губернии в 1863 г. Вып. 2. СПб., 1864. С. 27.
[1493] Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов... С. 147, 154.
[1494] См.: Римская-Корсакова Т. Музей-заповедник Н.А. Римского-Корсакова усадьба Любенск. СПб., 2002.

60 подмастерьев производилось продукции на 200 000 рублей. Предприятие Бельштейна, основанное в 1848 г., производило на момент выставки с помощью 26 подмастерьев 100 фортепиано и роялей на 45 000 рублей в год. Существовавшее с 1856 г. предприятие Мюльбаха смогло сравнительно быстро расширить свое производство. В 1885 г. здесь работало 85 рабочих, собравших в этом году 250 роялей на 100 000 рублей. В 1902 г. на предприятии трудилось уже 200 рабочих[1495].

Во второй половине XIX в. Петербург стал одним из крупнейших центров по производству фортепиано и роялей в Европе. К названным фабрикам добавились фабрики Гентш (1865), Майр (1871), Рейнгардт (1874), А. Рейнберг (1876), Асколин (1878), Гетце (1880), Смит и Вегенер (1880), Липпенберг (1888), Гергенс (1890), Ратке (1892), Раузер и Битепаж (1894), Рениш (1898), Братья Оффенбахер (1900), Изе (1903) (Блютнер, Дидерихс)[1496].

В 1863 г. в Петербурге указаны лидирующие фортепианные «фабрики» Карла и Иоганна Шредеров, наследников основателя фирмы И.Ф. Шредера и его сына Карла Ивановича («C.M. Schroeder», годовой оборот более 44 000 руб., 38 мастеров) и Якоба Беккера («J. Becker», 35 000 руб., 28 мастеров), на которых российских мастеров, по сравнению с иностранными было подавляющее большинство (см. таб. 11).

[1495] Отчет о С. Петербургской ремесленной выставке 1885 года. СПб., 1885. С. 36–37; Шустов А.С. Санкт-петербургское купечество... Ч. 1. С. 3; «В 1902 году фабрика [..] перешла в собственность А.Ф. Натинг, управлять предприятием стал А.И. Натинг, знаток фортепианного производства. В 1905 году было построено большое пятиэтажное здание на месте старых строений со стороны 5-й роты, а в 1912 —здание со стороны 6-й роты. Годовая производительность фабрики в эти годы равнялась 270 тысячам рублей. Фирма имела склады готовой продукции во всех губернских городах Российской империи. Весной 1914 года фабрика выпустила новую усовершенствованную модель кабинетного рояля типа «Стейнвей», с гнутыми, цельными боками корпуса, дискантным колокольчиком и механизмом двойной репетиции. У нового рояля был великолепный певучий тон, по характеру напоминающий звучание малых роялей Стейнвея и Бехштейна. К сожалению, таких роялей, выдающихся по качеству, удалось выпустить лишь четыре. Во время войны производство на фабрике было сведено до минимума. К концу декабря 1916 года здесь насчитывалось всего 12 рабочих. Закрылось предприятие 22 декабря 1917 года» (URL: http://www.blazonguitars.ru/music_instruments/piano/muhlbach.shtml (Дата обращения 13.08.2017)).

[1496] См.: Сергеев М.В. Фортепианное дело в Петербурге... С.74–92.

Владелец	Мастера		Подмастерья и рабочие	Ученики	Материалы в руб.	Музыкальные инструменты в руб.
	русские	ино-странцы				
Шредер	33	5				44240
Беккер	26	2	2	2	2000	35000
Негри					7000	30000
Шиллер					8000	22000
Кох					2000	12000
Бек					2000	6000
Каммерат					1800	2800
Вурстер					500	2400
Эбергардт					700	2000
Торезен					1300	1600
Фрей					1500	1500
Геккель						1425
Адриан					400	800
Итого					**27000**	**161765**

Таблица 11: Фортепианные мастерские и фабрики Петербурга в 1863 г.[1497].

За ними следуют предприятия Негри (Ю.Т. Лихтенталь, в замужестве Негри, наследница Г. Лихтенталя, 30 000 руб.), Шиллер (купил фабрику Лихтенталя, 22 000 руб.), Кох (12 000), Бек (6000), а также более мелкие мастерские Адриана, Вурстера, Геккеля, Эберхардта, Каммерата, Торезена и Фрея[1498]. Наиболее эффективными по соотношению затраченных средств на 1 рубль материала к вырученным деньгам являлись производства Шредер (17,5), Кох (6), Вурстер (4,8) и Негри (4,3). Мелкие мастерские Адриана, Каммерата и Торезена, как и следовало ожидать, оказались менее рентабельными, хотя и здесь были исключения Коха, Вурстера и Негри.

К 1866 г. мастерская Вурстера закрылась, и появилась Гентша. В итоге в 13 фортепианных мастерских и фабриках столицы трудилось 213 мастеров и рабочих, вырабатывавших продукции на 25 635 руб. больше, чем пять лет назад (см. таб. 12).

[1497] Фабрики и заводы в С.-Петербурге и С.-Петербургской губернии в 1863 г… С. 27.
[1498] Там же.

Владелец	Мастеров и рабочих	Произведено инструментов, руб.
Шредер	52	57300
Беккер	33	35000
Негри (ф-а Лихтенталь)	27	30000
Шиллер	24	25000
Гентш	22	12000
Кох	9	8900
Бек	13	8000
Каммерат	6	3000
Эбергардт	4	1800
Торезен	7	2100
Фрей	10	до 2000
Геккель	4	1500
Адриан	2	800
Итого	**213**	**187400**

Таблица 12: Фортепианные мастерские и фабрики Петербурга в 1866 г.[1499].

Известная дрезденская фирма Рёниш сочла открытие филиала фабрики в Петербурге в 1898 г. хорошей инвестицией и уже на ремесленной выставке 1899 г. смогла показать свои первые инструменты. На уже упомянутой фабрике братьев Дидерихс в 1899 г. было занято 150 рабочих с годовым оборотом в 250 000 рублей[1500]. К ним прибавился ряд новых фабрик. В 1902 г. в Петербурге имелась фабрика Г. Леппенберг (осн. в 1888 г.), Оффенбахер (1000 инструментов в год), Р. Ратке: с 1868 г. фабрика в Дерпте[1501], филиал в Петербурге с 1896 г., и фабрика фортепиано и роялей Германа Майра[1502].

Итак, рояли, объединявшие в себе три характеристики совершенной конструкции, названные выше, впервые начали выпускаться с 1855 года фортепианной фабрикой Steinway & Sons (Стейнвей и Сыновья, основанной выходцем из Германии Генрихом Штейнвегом) в Нью-Йорке[1503]. В Петербурге цельнолитая чугунная рама и перекрестное расположение струн введены на фабрике «C.M. Schröder» в 1862 году, репетиционная механика «двойного

[1499] Фабрики и заводы в С.-Петербурге и С.-Петербургской губернии в 1866 г. СПб., 1868: Типография С.-П.-Б. губернского правления. С. 4-5.
[1500] Указатель С.-Петербургской ремесленной выставки 1899 года…
[1501] Дорпат, также Дерпт и Юрьев, сегодня Тарту.
[1502] Шустов А.С. Санкт-петербургское купечество... С. 1–2.
[1503] Зимин П. История… С. 143.

скольжения» Эрара – на фабрике «J. Becker» в 1865 г. Таким образом, можно сказать, к последней трети XIX века петербургское фортепианостроение заняло место рядом с лучшими мировыми брендами.

Несмотря на такое впечатляющее развитие фортепианного производства и выпуск в 1913 году только в одной столице 13 500 инструментов, к началу Первой мировой войны общая годовая потребность России в фортепиано достигала 22 000 инструментов. В это время Петербург, с его 21 фортепианной фабрикой и мастерской, стал главным центром русского фортепианного производства, давая свыше 80% всей отечественной продукции. Производившиеся в других городах России клавишные инструменты, как по количеству, так и по качеству, сильно уступали петербургским[1504]. Начало войны в 1914 г. оказало катастрофические последствия для фортепианостроения: оно было приостановлено или полностью прекращено, так как все лучшие мастера вынуждены были покинуть Россию – уехать в Германию (немцы) и Австро-Венгрию (чехи и австрийцы). Лишь двум влиятельным фабрикантам: И.К. Шредеру и А.Ф. Дидерихсу, удалось с большим трудом сохранить небольшое производство[1505]. Данные трудности были полностью связаны с социально-политическими катаклизмами военного времени, а не с профессионализмом самих фортепианных мастеров.

Упомянутая выше работа Сони Петерсен, основывающаяся на концепции *working knowledge*, показывает, как стало возможным развитие ремесла по изготовлению такого технически сложного музыкального инструмента как фортепиано. Эта концепция может быть описана как работающее или деятельное знание, как специфическое опытное знание, «привязанное к телу» (das spezifisch leiblig gebundene Erfahrungswissen)[1506],

---

[1504] Там же. С. 194; см. о фортепианном производстве: Центральный государственный исторический архив (ЦГИА СПб). Путеводитель в двух томах. СПб., 2009, т. 1: Фабрики музыкальных инструментов. С. 504: Фабрика роялей «Я. Беккер». Ф. 1360. Оп. 1-2; Фортепианная фабрика «Братья Р. и А. Дидерихс». Ф. 1379. Оп.1; Фабрика музыкальных духовых инструментов Торгового дома «Лемберг, Лекае и Ко», бывш. «Юлий-Генрих Циммерман». Ф. 1549. Оп. 1; Фортепианная фабрика «Братья Оффенбахер». Ф. 564. Оп. 1; Первая Российская паровая фортепианная фабрика Торгового дома «К. М. Шредер». Ф. 1377. Оп. 1.

[1505] Зимин П. История… С. 196–197.

[1506] Petersen S. Vom „Schwachstarktastenkasten“… S. 18.

включающее в себя память мускулов, нервных окончаний, рецепторов кожи, моторику и т.д. Именно поэтому мастерство фортепианостроения основывается на искусной ручной работе, которую не сможет заменить никакая машина.

Другим типичным примером трансфера знаний и роста профессионального уровня российских ремесленников до уровня иностранных является портновское ремесло. У В.А. Резанова было бы гораздо меньше оснований писать эти строки в 1847 г., окажись он в году 1900: «Почему же мы, русские, не в состоянии изобретать мод подобно иностранцам? Почему мы не можем даже подражать им удачно? Не смотря на то, что многие из нас, русских, живут и воспитываются в кругу иностранцев, и под руководством их изучают свое мастерство»[1507]. Социальная активность портных мастеров, отмеченная нами ранее, прослеживается и в более позднее время. Высокая степень интернационализации среди ремесленников Петербурга, и не только иностранных, видна в приглашении цеха портных Бельгийским Обществом портных на конгресс, состоявшийся в рамках Всемирной выставки 1897 г. в Брюсселе. Для этого 27 июля староста портного цеха М.В. Тру созвал собрание мастеров цеха, на котором присутствовало 100 человек, для избрания двух делегатов, знающих французский язык. По решению схода из цеховой кассы была выдана необходимая сумма на поездку[1508].

Аналогичный случай произошел 9 марта 1899 г., когда собранием выборных Санкт-Петербургского ремесленного общества был обсужден вопрос о предоставлении возможно больших льгот для поездки на Всемирную выставку в Париже в 1900 г. Показательно заявление выборного В.П. Александрова следующего содержания: «Многие из Санкт-Петербургских цеховых мастеров желали бы посетить имеющую быть в

[1507] Резанов В.А. Взгляд на ход портного мастерства… С. 5.
[1508] ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 5279: О созыве схода мастеров портного ремесла, для рассмотрения вопроса о лицах торгующих готовым платьем и о избрании делегатов на конгресс портных в Бельгии. 1897 г.

Париже в 1900 г. Всемирную выставку; но не могут осуществить своего желания, ввиду дороговизны проезда […] Посещение этой выставки и подробный обзор ее, кроме пользы для приращения искусства в ремесле и, следовательно, для поднятия ремесленной промышленности, ничего другого доставить не может»[1509]. Выборный предложил ходатайствовать перед властями о предоставлении возможно больших льготах для проезда Санкт-Петербургских ремесленников на Всемирную выставку туда и обратно.

Мнение Т.М. Китаниной о том, что наблюдалась тенденция упадка в ремесленном производстве[1510], видится не совсем верным, так как не учитывает динамику развития ремесленных мастерских, «уходящих» из статистик ремесленных мастерских в статистики фабрик и заводов. Промышленные (мануфактурные) и ремесленные выставки дают именно эту возможность, проследить динамику развития на примере технической оснащенности, числа занятых, года основания и годового оборота. Первые промышленные выставки в Петербурге проходили в здании биржи на стрелке Васильевского острова в 1829, 1833, 1839, 1849 и 1861 гг., причем 1/4 всех предприятий, получивших награды, принадлежали цеховым мастерам[1511]. Уже первая мануфактурная выставка пользовалась у жителей Петербурга большим интересом. С 15 мая по 6 июня 1829 г. ее посетило 107 228 гостей[1512].

Мануфактурная выставка 1861 г. показала, что ремесло было неотъемлемой и важной частью промышленного Петербурга[1513]. Многие участники выставки, получившие награды за свои произведения, были цеховыми мастерами Петербурга, причем среди них было множество ремесленников иностранного происхождения. Среди них можно назвать подданного Пруссии и мастера столярного цеха Августа Львовича Марница,

---

[1509] ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 5349: По вопросу о предоставлении возможно больших льгот для поездки на Всемирную выставку в Париже в 1900 году. 1899. Л. 1.
[1510] Китанина, Т.М. Рабочие Петербурга в 1800–61 гг… С. 124.
[1511] РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 625: Алфавитный список фабрикантам и заводчикам...
[1512] РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 623: Дело об устройстве в 1829 г. первой выставки русских мануфактурных изделий. 1829–1830 г. Л. 65, 69–70; .
[1513] См. Корепанова С.А. Выставочная деятельность в России в XIX веке: Промышленные и научно-промышленные выставки. Екатеринбург, 2007.

открывшего одним из первых в России мастерскую по изготовлению фотокамер[1514]. Цеховой мастер Эдуард Фёдорович Вилке производил в мастерской, основанной еще в 1774 г., цинковую посуду для аптек и больниц. В 1861 г. у него работало 14 человек и делался оборот в 30 000 рублей[1515]. Знаменитая мебельная фабрика А. Тур выросла из классической мебельной мастерской, основанной в 1811 г. В год выставки на фабрике работало ок. 600 рабочих, причем изготовление мебели вручную мало чем отличалось от такого же в более мелких мастерских. Фабрика делала годовой оборот в 400 000 рублей[1516]. Каретных дел мастер Карл Матвеевич Неллис основал свою мастерскую в 1827 г. в Литейной части в собственном доме[1517]. Так как все мастера каретных дел обязаны были записываться в третью купеческую гильдию, он не числился среди ремесленников. Надо сказать, что подобные комплексные ремесла со сложным и многоступенчатым производством имели все шансы вырасти в крупные предприятия. В 1861 г. в мастерской у Неллиса были установлены семь кузнечных горнов, имелись обойная, красильная, корпусная и колесная мастерские, в которых работало три мастера и 86 рабочих. Кроме того, на стороне на Неллиса работало 16 мастеров и 54 работника, что позволяло гибко реагировать на спорадический рост заказов. Годовой оборот каретной мастерской вырос с 6000 руб. (1827 г.) до 60 000 руб. (1861 г.)[1518]. Заметим, что на базе каретных мастерских, или с помощью технологий постройки карет, начиналось производство автомобилей.

Среди потомков петербургских иностранных мастеров, представлявших свои изделия на выставках в Петербурге, можно назвать имена потомственных петербуржцев Эдуарда Германовича Шрадера (Schrader)[1519] и актрисы

[1514] Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов… С. 150.
[1515] Там же. С. 79.
[1516] Там же. С. 141.
[1517] В путеводителе Шредера за 1820 г. сообщалось, что «немецкие колесники и каретники живут по большей части в Литейной и Мещанской улицах». В 1874 г. в Литейной части находились лучшие экипажные «фабрики» Брейтигама на Захарьевской, 8, Неллиса в – в Эртелевом переулке, 10, и Шварца – на Литейном, 20» (Иванов А.А. История Петербурга... С. 518).
[1518] Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов… С. 142.
[1519] Автор благодарит Татьяну Алексеевну и Эдуарда Германовича Шрадер за предоставленные материалы по истории семьи.

Татьяны Людвиговны Пилецкой (урожд. Urlaub), с которыми автору удалось познакомиться в 1989 г.

Гамбургский уроженец лютеранского вероисповедания Ермолай Иванович Шрадер (Герман Иоганнович) (род. в 1825 г.) владел столярной мастерской в Рождественской части на улице Большая Болотная, 12, существовавшей с 1822 г. Будучи поставщиком императорского двора, мастерская Е.И. Шрадера выполнила заказы среди прочего по поставке в 1871 г. во дворец великого князя Владимира Александровича дверей, паркета, карнизов, в 1885 г. туда же – панелей, деревянных частей камина, карнизов[1520]. В указателе 1878 г. Герман Шрадер указан состоящим в купечестве с 1857 г. Его столярная мастерская и паркетная фабрика специализируются на производстве кроватей, кресел, стульев и паркета. К этому времени с ним происходит настоящая метаморфоза, в результате своего увлечения фотографией, он устраивает фотоателье в первой Адмиралтейской части на Большой Морской улице, 32. И то и другое предприятие процветали. В 1873 г. Е.И. Шрадер в числе участников Всемирной выставки в Вене. В 1889 г. на его производстве занято 50 рабочих[1521].

Его сын не стал столяром, отдав дань новой технологии. Фридрих Людвиг Германович Шрадер (1854–1931) стал известным петербургским фотографом и владельцем фотоателье «А. Ренцъ и Ф. Шрадеръ» («H. Rentz &

[1520] Ботт И.К., Канева М.И. Русская мебель. История, стили, мастера. СПб., 2003. С. 471; «Судя по архивным матералам, производство значительной части интерьера дворца великого князя Владимира Александровича Романова на Дворцовой набережной, 26 (так наз. малый императорский двор, где проходили русские «исторические» балы), принадлежит работе Е.И. Шрадера и его мастеровых. Сегодня здесь находится Дом ученых им. Горького. Согласно смете от 20 сентября 1882, мебельная фабрика Е. Шрадера на Песках по Большой Болотной улице, д. 12, выполнила работы «на делание помещения библиотеки из дубового дерева по рисункам архитектора Месмахера. Сделать облицовку стен первого этажа книжными шкафами, две полуциркульные филенчатые переборки с дверями, паркет с плафоном между первым и вторым этажами. Сделать облицовку стен второго этажа библиотеки книжными шкафами балюстраду по краю, отверстия 8 колонн с арками, восьмиугольный косой плафон с световым фонарем и лестницу во второй этаж. Постановка приборов и зеркальных стекол, устройство лесов и железных укреплений в плафоне. Всего на сумму 32 500 рублей» (Д. 854); «Шрадеру за столярные работы – 10 461 руб.» (Д. 825); «Ваше Превосходительство Модест Феопемтович! Панель в новой столовой, то есть панель по стенам, панель под окнами, деревянные части камина и карнизы для ламбрекен, все это сдано Шрадеру за общую сумму 750 руб. против потребованной им суммы в 1018 руб.». По материалам Г.Н. Чебоксаровой, предоставлено Э.Г. Шрадером (РГИА. Ф. 528. Оп. 1: Личные дела вел. кн. Владимира Александровича и вел. кн. Марии Павловны. Д. 782. Л. 2; Д. 854. Л. 280; Д. 825. Л. 104. 1898 г.); Интерьеры дворца великого князя Владимира Александровича с работами мастерской и фабрики Е.И. Шрадера можно увидеть здесь: URL: https://www.youtube.com/watch?v=-tfN6r7MAE4 (10.12.2017).

[1521] Ботт И.К., Канева М.И. Русская мебель… С. 471.

F. Schrader»). Его называли «отцом российского фотопортрета при искусственном освещении»[1522]. Еще один мастер мебельных дел Генрих Шрадер основал свою мастерскую в 1840 г. на перекрестке Гороховой и Садовой улиц в доме Яковлева. Является ли он родственником первых, автору неизвестно. По информации издания об экспонентах мануфактурной выставки 1861 г. в Петербурге, в мастерской мастера Г. Шредера работало шесть подмастерьев с годовым оборотом в 1800 руб.[1523].

Другой пример – цехового мастера и известного петербуржского «оптика-механика» Ивана Яковлевича Урлауба (1856–1936), владевшего магазином и мастерской на одной из самых фешенебельных улиц столицы Большой Морской, 27[1524]. Среди множества наград за свои приборы Урлауб особенно гордился почетной и серебряными медалями со Всемирных выставок 1892 г. в Лондоне и 1900 г. в Париже. В 1899 г. на ремесленной выставке в Петербурге его ученики получили от министра финансов бронзовую медаль, а в 1902 г. мастер награжден лично Николаем II золотым орденом Св. Станислава к 25-летию со дня основания его мастерской[1525].

Иван Яковлевич (Теодор Иоган) Урлауб происходил, если верить семейным легендам, из выходцев из Германии в XVI веке. Вернувшись после обучения за рубежом в Петербург, он основал в 1877 году мастерские оптико-механических, физико-механических и электро-медицинских аппаратов – фабрику оптических инструментов И.Я. Урлауба, как они стали называться

[1522] Вуори Т., Шрадер Э.Г. Фотоателье «H.Rentz & F. Schrader» в Санкт-Петербурге // Сб. «Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII—XX века): биографический аспект». Выпуск 3. СПб., 2005. С. 115–121.

[1523] Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов… С. 153.

[1524] Шустов А.С. Санкт-петербургское купечество... С. 40; Магазин по этому адресу Иван Яковлевич открыл в 1898 году, несколько позже, в 1906 г., еще один магазин на Гороховой, 19. Основная мастерская, магазин и квартира размещалась на Невском проспекте, 44 (Каменская Н.Е. Зарождение оптического производства в дореволюционной России (фабрика оптических инструментов И.Я. Урлауба) // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2017. Т. 17. №5 (сентябрь–октябрь). С. 110; Колобаев А. Тайны «девочки с куклой». Опубликовано: 18 Июля 2017 // Совершенно секретно, No.7/396, июль 2017. URL: http://www.sovsekretno.ru/articles/id/5734/ (Дата обращения: 24.10.2017); Санкт-Петербургская фабрика оптических инструментов Ив. Як. Урлауба. Сост. Е.Н. Трындин. 2005. URL: http://optic10.narod.ru/Urlaub.htm (Дата обращения: 24.10.2017)).

[1525] Автору удалось в 1989 г. познакомиться с одним из его родственников, замечательной петербургской актрисой, тогда Татьяной Львовной, сегодня Татьяной Людвиговной Пилецкой, от которой он впервые услышал о замечательном мастере-оптике. Ее отец Людвиг Львович Урлауб был репрессирован из-за немецкого происхождения и отбывал срок в Краснотурьинске. Вышел на свободу в 1958 году. При получении паспорта Татьяна вынуждена была указать отчество Львовна, чтобы скрыть своё немецкое происхождение (Колобаев А. Тайны «девочки с куклой»...)

позже. Этот год можно считать зарождением оптико-механической промышленности в России, так как до этого времени все оптические приборы ввозились из-за рубежа[1526]. «Очень скоро фирма приобрела заслуженную репутацию, выпуская оригинальные глазные инструменты, приборы и аппараты в соответствии с рекомендациями ведущих специалистов по офтальмологии»[1527]. Среди клиентов «оптика-механика» Урлауба находим и Антона Павловича Чехова, с его знаменитым пенсне.

Не уступая импортным аналогам, продукция фабрики была на 25–30% дешевле. Здесь «изготавливались офицерские бинокли, очки, пенсне, лорнеты, лупы, микроскопы, приборы для исследования глаз, диагностики зрения и предупреждения слепоты. При своих мастерских Иван Яковлевич организовал отдел для исправлений и переделки микроскопов разных систем и конструкций»[1528].

Иван Урлауб активно выставлялся, получая почетные награды и премии за свои изделия. На Всероссийской промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году Урлауб получил золотую медаль. В срок к Ремесленной выставке 1899 г. в С.-Петербурге в так называемом Соляном городке: сегодня там расположена Художественно-промышленная академия им. Штиглица, Иван Яковлевич издаёт книгу «Очерк истории оптики и истории оптического производства в России», за которую председатель выставки 22 октября 1899 года вручил ему благодарность. Участие фирмы в 1900 году на Всемирной выставке в Париже стало вершиной международного признания фирмы, когда по итогам выставки Урлауб был награжден серебряной медалью «за производство новейших защищающих очков русских типов»[1529].

[1526] Каменская Н.Е. Зарождение оптического производства… С. 109.
[1527] Санкт-Петербургская фабрика оптических инструментов Ив. Як. Урлауба. Сост. Е.Н. Трындин…
[1528] Бирюкова Т. Вооружение глаза // Московская немецкая газета. URL: http://ru.mdz-moskau.eu/vooruzhenie-glaza/ (Дата обращения: 24.10.2017).
[1529] Там же.

Хотя в специальной литературе не делается большого различия между мастерской и фабрикой, более того, в подавляющем большинстве отдается предпочтение последней, предприятие Урлауба до конца сохраняло традиционное трехступенчатое ремесленное образование: ученика, подмастерья и мастера. До 1899 года на предприятии было подготовлено 44 исключительно русских ученика, в основном выходцев из Тверской губернии[1530]. Здесь же готовились подмастерья и мастера оптического дела со специализацией: шлифовка оптических стекол, изготовление очков, пенсне, лорнетов, оптико-механических приборов. После обучения большинство учеников оставалось работать на предприятии. Для оценки качества их обучения привлекались и сторонние эксперты. На Ремесленной выставке 1899 года ученики прошли публичное испытание, когда их работы были оценены экспертной комиссией, наградившей их Бронзовой медалью министерства финансов[1531].

К 25-летию основания фирмы, 2 февраля 1902 года, магазин, склад и мастерские полностью переезжают в помещения на Большой Морской, 27. В последующие годы И.Я. Урлауб удостаивается множества высших наград от Николая II, на объединенной выставке съезда Хирургов и 9-го съезда Общества Русских врачей: «за глазные хирургические инструменты, установленные русскими офтальмологами и, за безупречное изготовление светолечебных аппаратов и всех к ним принадлежностей»[1532]. После событий 1917 г. фирма Урлауба национализирована, но сам он продолжал работать на ней, пока не уехал весной 1932 года к дочери в Германию, где в 1936 года закончился его жизненный путь.

По данным ремесленных выставок в Петербурге 1885 и 1899 гг., ремесленные мастерские, представленные на них, переживают бурный рост. За это время их средний размер увеличился в два раза. Причем, это был не

[1530] Санкт-Петербургская фабрика оптических инструментов Ив. Як. Урлауба. Сост. Е.Н. Трындин…
[1531] Там же.
[1532] Там же.

только экстенсивный рост за счет численности работников, но и за счет увеличения торговых оборотов и введения машинного производства, особенно в металлообрабатывающей промышленности. Некоторые мастерские специализировались на выпуске машин и инструментальных станков. Мастерские по производству продуктов питания вырастали зачастую в средние и крупные производства, тяготеющие к расширению сети филиалов по производству и сбыту, чтобы быть в шаговой доступности к населению. Но и для таких мастерских, по оборотам формально не принадлежавших более к ремесленным, но фактически остающихся ими, было совершенно естественным участвовать в ремесленных выставках.

В отличие от первых промышленных выставок или выставки 1861 г., здесь уже не наблюдалось такого явного доминирования иностранных ремесленников. При сбалансированном развитии российских производителей независимо от национальности, значительное укрупнение переживали мастерские по производству хлебобулочных изделий. Так, предприятие И.Г. Савинова, основанное в 1868 г. и занимавшее 40 подмастерьев и 10 учеников, производило товара на 140 000 рублей в год. Аналогичное производство Ф.Р. Леонова с 26 подмастерьями и 15 учениками производило продукции на 150 000 рублей в год. Особенно ярким примером является шоколадная фабрика-мастерская «Ландрин», основанная в 1848 г. и названная так по имени своего владельца Георгия Матвеевича Ландрина (1817–1882 гг.). Уроженец новгородской губернии, он был ревельским гражданином евангелическо-лютеранского вероисповедания. Мастерская, находившаяся на Выборгской стороне, производила первоначально леденцовую карамель, позднее начала выпускать шоколад и бисквиты, став паровой фабрикой. За высокое качество выпускаемой продукции Ландрин был удостоен звания поставщика императорского двора. Позже, став шоколадной фабрикой, мастерская переехала в центр на ул. Римского-Корсакова, 9[1533].

[1533] Отчет о С.-Петербургской ремесленной выставке 1885 года. СПб. 1885. С. 48–49.

Пожалуй, самое крупное производство кондитерских изделий Петербурга, унаследовала жена Ландрина, в третьем браке Е.И. Максимович. В 1885 году здесь числилось 100 подмастерьев, 150 рабочих и 150 работниц и учеников. В год здесь производилось до 100 000 пудов товара на 1 200 000 рублей[1534]. Некоторые производители продуктов питания специализировались с 1870-х гг. на производстве консервов. Мастерская И.Л. Львова выполняла заказы правительства по поставкам консервов для армии. Производство И.И. Романа производило 50 000 рыбных консервов на 30 000 рублей в год[1535]. Надо заметить, что эти предприятия развились из традиционных ремесленных мастерских.

Примером инновативного производства являлась пекарня цехового мастера Шефера – первого пекаря в Петербурге и в России, специализировавшегося на изготовлении специальных сортов хлеба по собственным рецептам. Его продукция сбывалась по всей России и за рубежом, благодаря развитию сети железных дорог. А.Я. Данилевский и доктор Г.Г. Вестфален из Военно-медицинской академии отмечали, в связи с ремесленной выставкой 1899 г., что хлеб Шефера может применяться в медицинских целях, напр., для лечения больных диабетом и при желудочно-кишечных заболеваниях[1536]. В Западной Европе такие сорта хлеба уже выпускались с 1880-х гг.

В заключение скажем, что чем выше был уровень вестернизации российских элит и, соответственно, короче ощутимая дистанция к западноевропейцам, тем сильнее были тенденции в уравнении в правах иностранцев с российскими подданными, что сказывалось, прежде всего, на устранении привилегий, дарованных иностранцам в XVIII в.[1537]. И.В. Поткина

[1534] Там же.
[1535] Там же. С. 49.
[1536] Описание С.-Петербургской ремесленной выставки 1899 г... С. 12–14, 212–215.
[1537] «До отмены крепостного права иностранцы, равно как и российские граждане, не могли свободно заниматься торговлей и промышленностью (АК: здесь не имеются ввиду цеховые мастера, которые переходя в купеческое сословие также могли устраивать подобные промышленные предприятия, не всегда отличавшиеся от ремесленной мастерской). […] Закон обязывал первых записываться в „иностранные гости“, особую форму гражданского состояния, после обретения которой потенциальный предприниматель наконец-то получал право заводить, покупать и держать фабрики, заводы и мануфактуры. […] Законы 1 января 1863 г. и 8 февраля 1865 г. […] устанавливали […]

выделяет три этапа эволюции положения иностранцев в России: «от свободы поселения и равенства в сословных правах (1702–1789), через необходимость натурализации и жесткую регламентацию деятельности (1789–1860) до принципов равноправия и бессословности (1860–1914)»[1538].

Независимо от отношения к иностранным ремесленникам элит, они играли важную роль лидера, на которого ориентировались мастера русских цехов, в процессе трансфера новых технологий на протяжении XVIII – XIX вв., ввиду их абсолютного преимущества на «рынке технологий». Именно благодаря примеру иностранных ремесленников, их успешным практикам и технологиям, начиная с 1840-х годов, наступает постепенный перелом в сознании русских ремесленников. Последние начинают понимать важность обмена профессиональным опытом, ремесленно-профессионального образования, участия в промышленных выставках, профессиональных журналов. Иностранные ремесленники выступали здесь в роли мультипликаторов в сфере производства, социума и культуры. Ко второй половине XVIII века в Петербурге сложилось определенное разделение труда между иностранцами, которое можно выразить так: английские и голландские купцы, немецкие ремесленники и ученые, французские учителя и галантерейных дел мастера.

принципы бессословности и равенства русских и иностранных подданных […] Положение иностранного подданного в этой системе координат не было ущемленным в сравнении с русским» (Поткина И.В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности иностранцев в России. 1861–1916 // Бовыкин В.И. Иностранное предпринимательство…. С. 21, 23).

[1538] Поткина И.В. Иностранные предприниматели и их гражданский статус в Российской империи // Российская история. 2014. № 4. С. 167.

Глава V. Ремесло в контексте индустриализации

5.1. Формы организации ремесленного производства

В предыдущих главах говорилось о ремесленной промышленности как альтернативной форме хозяйствования капитализму и крупной индустрии, со взглядом в будущее – о малых и средних предприятиях, способных стать драйвером «зеленой экономики». Поэтому неслучайно, бельгийский историк Р. Деклерк начинает свою работу с подглавы под названием «Промышленные районы как альтернатива капитализму и индустриальному обществу»[1539]. Деклерк, аналогично данному исследованию, приходит к выводу, что ремесленная промышленность развивалась параллельно крупной и обладала большей резистентностью к кризисам и более высокой устойчивостью, благодаря относительной независимости от акционерного капитала и близости к местному рынку сбыта – потребителю, знающему и ценящему качество продукции, ее адресное и неанонимное происхождение.

Главной отличительной особенностью российского ремесленничества от западноевропейского являлась его намного более высокая гетерогенность (вечноцеховые-временноцеховые-нецеховые) и полиморфность ремесла (городское, сельское, кустарное, артельное) в дореволюционной России создавали предпосылки для более гибкого реагирования на запросы рынка, таили в себе большие потенциалы роста и перерождения в современные формы кооперации, профессиональных корпораций и стоящих на новом технологическом уровне малых и средних предприятий[1540]. Принципиально важным было наличие разных форм ремесленной собственности и организации от ремесленника-кустаря и артельщика на селе или в городе,

[1539] Declercq R. World Market Transformation. Inside the German Fur Capital Leipzig 1870-1939. New York, London, 2017. P. 3-4: «Industrial Districts as a Capitalist and Industrial Alternative».

[1540] Параллельное существование в первой половине XIX в. фабричного производства, кустарных промыслов и городского ремесла было характерно не только для России и Германии (Ogilvie S.C. Proto-Industrialization in Germany // Sheilagh C. Ogilvie u.a. (Hg.): European Proto-Industrializationю. Cambridge 1996. S. 131).

производящего по подряду, для конкретного заказчика или для анонимного рынка, и зависящего зачастую от купеческого капитала, до городского цехового мастера – высококвалифицированного собственника ремесленной мастерской, работающего, как правило, по индивидуальным заказам. При этом среди последних нередко находились как основатели промышленных предприятий, выросших в средние и крупные фирмы, так и мастера, остававшиеся в формате «малого предприятия» ввиду специфики своего ремесла, но бравшие значительные подряды и выполнявшие их за короткий период за счет привлечения ремесленников-кустарей со стороны[1541].

Численный рост ремесленников Петербурга на протяжении всего XIX – начала XX вв., особенно во время промышленного развития периода ранней индустриализации, был характерен и для городов Германии. Это означало, что промышленное развитие давало толчок и для ремесленных мастерских, что влияло на их размер и дифференциацию. С новыми технологиями приходили иные принципы организации производства[1542]. Несмотря на пессимистические прогнозы современников и позже историков о будущем ремесла, оно доказало свою жизнеспособность и пережило век индустриализации – приспосабливаясь, интегрируясь, конкурируя. Одним из таких признаков, приспособления к рыночной экономике с массовой продукцией, являлось появление при мастерских магазинов с расширенным ассортиментом товаров помимо собственного производства[1543].

Говоря о взаимозависимости городской и сельской экономик, можно процитировать Анри Лефевра, анализировавшего причины расцвета Венеции: «Этот рост происходил только через социальные отношения „город-деревня“»[1544]. В этом смысле, Северная Венеция схожа с городом в лагуне. Выходцы из деревни – крестьяне, обеспечивали рабочей силой не только

[1541] См. о кустарных промыслах в России: Пономарев Н.В., Денисюк Н.Ф. Кустарные промыслы в России... 320 с.
[1542] См. Wischermann C., Nieberding A., Die institutionelle Revolution. Eine Einführung in die deutsche Wirtschaftsgeschichte des 19. und frühen 20. Jahrhunderts. Stuttgart, 2004. S. 86.
[1543] H. Kleinen. Die Einzelhandelstätigkeit des Handwerks… S. VI.
[1544] Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. 2 (70). С. 14.

фабрики и заводы, но и ремесленные мастерские. Однако, принадлежа крестьянскому сословию, временноцеховые, платя в ремесленную казну львиную долю всех её доходов, не пользовались привилегиями сословия. Кроме того, важную роль в процветании ремесленных мастерских играла кооперация с целой армией ремесленников-одиночек. Приезжие и местные кустари обладали значительной социальной мобильностью, снабжая городское хозяйство необходимыми трудовыми ресурсами. Именно ремесленные временные мастера русских цехов и подмастерья, десятилетиями боровшиеся за равные права с вечными мастерами внутри цехов, активно выступили после революции и демократических реформ 1905–1906 гг. инициаторами профсоюзного движения, профессионального образования и социальной защиты.

Процесс формирования крупного промышленного производства в России растянулся на многие десятилетия, что привело к возникновению и существованию множества переходных форм ремесленного производства к среднему и крупному. Перефразируя Сергея Ермака, можно сказать, что ремесло в эпоху индустриализации, – это не только внедрение технологий, но и переосмысление того, как функционирует ремесло в городе и вне его границ[1545]. Сравнивая индустриализацию и ремесло, можно легко поддаться модернизационному стереотипу полного вытеснения ремесла крупной промышленностью, в результате чего получается абсолютно регрессивная история[1546]. Но связь с ремесленной мастерской прослеживается не только сегодня. Научно-техническая революция (НТР) и индустриализация во

[1545] «Smart city – история не про внедрение технологий, но про осмысление того, как функционирует город» (Ермак С. Дружить с головой // Эксперт. Урал. 2017. № 36 (739). С. 29).

[1546] См. Beck U., Bonß W., Lau C. Theorie reflexiver Modernisierung. Fragestellungen, Hypothesen, Forschungsprogramm // Beck U., Bonß W. (Hrsg.). Die Modernisierung der Moderne. Frankfurt a.M., 2001, S. 11–59; Degele N., Dries, C. Modernisierungstheorie. Eine Einführung. München, 2005; Müller K. Nachholende Modernisierung? Die Konjunkturen der Modernisierungstheorie und ihre Anwendung auf die Transformation der osteuropäischen Gesellschaften // Leviathan Vol. 19, No. 2 (1991), pp. 261–291. URL: http://www.jstor.org/stable/23984250 (Дата обращения: 24.10.2017); Resasade H. Zur Kritik der Modernisierungstheorien: Ein Versuch zur Beleuchtung ihres methodologischen Basissyndroms. Opladen, 1984; Вольфрам Фишер писал в 1972 г. об этом заблуждении. Согласно его выкладкам, основные ремесла Германии выросли в абсолютных и относительных числах по отношению к населению, а в некоторых отраслях даже обогнали крупную промышленность. Плотность ремесленников на 1000 человек населения с начала XIX в. до 1972 г. более чем удвоилась. Если в 1800 г. на 1000 человек приходилось четыре ремесленника, то в 1972 г. их было уже восемь (Fischer W. Wirtschaft und Gesellschaft... S. 396).

многом основываются на достижениях, труде и навыках ремесленников: «Ради астрономических определений долгот британские часовщики в VIII веке совершенствовали механические часы, и появление точных хронометров стало первым признаком грядущей промышленной революции. Зачинатели машинного производства учились в часовых мастерских. Именно у часовщиков они переняли умение воплощать технические идеи в реальных действующих станках-роботах»[1547].

Промышленная революция привела к появлению множества переходных и гибридных форм предприятий – полуремесленных и полупромышленных, что обусловливалось длительным и противоречивым переходом многих производств, в том числе и ремесленных мастерских, к более крупным формам фабрик и заводов. По этой причине составители промышленных статистик сталкивались со значительными затруднениями при спецификации промышленных заведений. Владельцы этих предприятий могли принадлежать, как уже говорилось выше, к различным социальным стратам – цеховых, мещан, крестьян, купечества и даже дворян. Городские ремесленники, в свою очередь, подразделялись на вечно- и временноцеховых (более 50% из крестьянского сословия) и посадских вне цехов. Среди последних имелось множество кустарей (одиночек) и рабочих – фабричных, заводских или ремесленных (подмастерья)[1548]. Процессы повышенной конкуренции в ходе индустриализации последней трети XIX в. способствовали дальнейшему увеличению числа ремесленников-профессионалов, все более узкой их специализации, появлению множества новых ремесленных профессий[1549].

Актуальный стремительный процесс архаизации понятий «социализма» и «капитализма» заставляет говорить о развитии социально-экономико-технологических концепций во время пост-социализма и пост-капитализма.

[1547] Смолко В.А. Концепции современного естествознания... С. 418–419.
[1548] См. Китанина Т.М. Роль крестьянства в формировании... С. 52–59.
[1549] Белковский Г.А. Ремесло… С. 563; Арапов Д.Ю., Балязин В.Н., Сахаров А.М. Ремесло… С. 6, Keller A. Die Handwerker. S. 438–439.

Такие ценности как капитал, рынок, государство, оставаясь базисными, несут скорее служебную и техническую функцию, чем играют идеологическую конституирующую роль. Для более гармоничного развития, как нам видится, целесообразно сосредоточить свое внимание на обществе, экологии и человеке с его жизненной философией «просветленной антропоцентрики», помогающей решить конфликт общественных и экономических интересов[1550]. Исходя из этого, любой технический прогресс ведет к регрессу, если он не учитывает соблюдение баланса между техникой, природой и человеком. Следовательно, большинство людей в ближайшем будущем, покинув полностью автоматизированные и роботизированные фабрики, должны будут устремиться в реализацию своего креативного потенциала в креативном же обществе – в искусстве, ремесле (мастерстве), культуре, высвобождающих тонкие интеллектуальные и духовные энергии для гармонизации экономики (и бытия). Такой сценарий развития должен помочь избежать фетишизации техники и инноваций в мире машин, не должных становиться самоцелью в рамках плакативной, так называемой, третьей индустриализации. На событийном горизонте затягивания в гигантскую воронку модернизации с помощью гиперсовременных технологий не должно произойти деинсталляции традиции и культуры мира людей, служащих предпосылкой существования каждого человека. Постоянная адаптация мира техники к миру людей может происходить лишь в мире экологически ориентированной гуманности[1551].

В таком случае ремесленник предстает в ином свете, наряду с другими агентами гуманизации промышленности – художниками, трансформирующими закрытые промышленные объекты в креативное пространство[1552]. М. Томас в своей работе «Новый старт трансформации» о крупных теориях и малых сообществах констатирует факт: «Трансформация»

[1550] Irrgang B. Religion und Technologie. Anmerkungen zu einem eher verdrängten Problem // Journal of the European Society for Catholic Theology. 1 (2010) 1. S. 20.
[1551] Ibid. P. 21-22.
[1552] MKM Museum Küppersmühle für moderne Kunst, Duisburg. URL: http://www.museum-kueppersmuehle.de/ (Дата обращения: 16.11.2017); Заводы стоят: Как в Петербурге проводят рейвы в промышленных зданиях. URL: http://www.the-village.ru/village/weekend/industry/234491-factory-rave) (Дата обращения: 16.11.2017).

– еще пару лет назад это слово в названии могло быть воспринято как анахронизм, хотя во время так называемой Belle Ėpoque 1989-1995 гг. это было одним из самых ходовых понятий»[1553]. Томас удачно применяет его при описании малых форм экономической и производственной деятельности на локальном уровне (Transformation goes local). Такие формы он конципирует как возможность удачной трансформации в пользу отказа от односторонней и самоуничтожающей экономической модели роста, подразумевая под ней капиталистический путь развития. Концепция этого автора предусматривает также отказ от модернизации путем новой индустриализации, аргументируемый примерами деиндустриализации традиционных регионов в Европе (напр. Рурская область на Западе Германии)[1554].

Процесс индустриализации оказывал особенно сильное влияние на ремесло, переживавшее к концу XIX в. значительную трансформацию[1555]. Расширилось понятие ремесленной мастерской, многие из которых числились среди фабрик и заводов, по существу не являясь таковыми, показывая сопоставимую с крупными предприятиями положительную динамику развития и высокую степень приспособляемости, а значит, оставаясь конкурентоспособными[1556]. При этом, с одной стороны, ряд промышленных отраслей остались за традиционными ремеслами, с другой – многие из ремесел перешли в область крупного производства или стали независимыми поставщиками последнего.

Интересен вывод немецкого исследователя Г.- В. Хана, могущий быть примененным в российском случае. Исследователь говорит о третьем пути развития немецкого бюргерства, отличном как от доиндустриального сословного общества, так и от индустриального общества английского типа.

[1553] Thomas M. Neustart Transformation, oder Hip Hop an der Elbe? Große Theorien und kleine Gemeinschaften. Einleitung // M. Thomas (Hg.). Transformation moderner Gesellschaften und Überleben in alten Regionen: Debatten und Deutungen. Texte aus dem Brandenburg-Berliner Institut für Sozialwissenschaftliche Studien (Bd. 3), Brandenburg-Berliner Institut für Sozialwissenschaftliche Studien. Münster, 2011. S. 9.

[1554] Ibid. P. 12, 14; Алексеева Е.В. Заводы Урала как акторы... С. 10.

[1555] Portal R. Die russische Industrie am Vorabend der Bauernbefreiung // Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland, hrsg. v. D. Geyer. Köln, 1975. S. 133–163; Scherer H. Der Aufbruch aus der Mangelgesellschaft. Die Industrialisierung Rußlands unter dem Zarismus (1860–1914). Giessen, 1985.

[1556] Кулишер И.М. Очерк истории… С. 135–136, 140–144; Очерки истории Ленинграда. Т. 1... С. 485.

Ситуация городского ремесла в Германии и России была слишком различной, тем не менее это дает возможность показать схожую типологическую ситуацию, когда как в случае с немецкими, так и с российскими ремесленниками наблюдалось существование схожего развития в эпоху индустриализации во время «вписывания» ремесла в новый индустриальный порядок. Положение многих ремесленников в Германии 1840-х годов Хан описывает понятием «индустриализованного ремесла»: «Городское ремесло […] давало важные собственные импульсы экономического развития. Из среды ремесленников в XIX в. вышла значительная часть немецких предпринимателей. В индустриальном прогрессе принимали участие не только представители традиционных крупных фирм, но также большое количество малых и средних предпринимателей, происходивших из среды ремесленников, внесших свой немалый вклад»[1557]. Это хорошо видно на примере Рурского промышленного района и Рейнской области, где хорошо развитые ремесла создавали базис для успешного развития машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности[1558]. Такая же картина наблюдалась и в Петербурге.

Заметим, рыночные отношения существуют для всех, но теория рынка не охватывает и не объясняет полностью ремесленничества как альтернативного капиталистическому особого социально-экономического порядка. Поэтому положение о том, что крупное промышленное производство, возникшее в XIX в. в Европе, автоматически должно было заменить мелкое ремесленное, является некорректным и недоказанным[1559]. На самом деле, в процессе развития они сосуществовали, взаимодействуя и образовывая симбиоз, или функционируя, независимо друг от друга.

[1557] Hahn H.-W. Zwischen Fortschritt und Krisen: die vierziger Jahre des 19. Jahrhunderts als Durchbruchsphase der deutschen Industrialisierung. München, 1995. C. 43.
[1558] Там же. С. 44–45.
[1559] См., напр., работу В.И. Ленина «Развитие капитализма в России», оказавшую решающее влияние на социально-экономические теории в России всего XX в. вплоть до наших дней (Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 3. М., 1979. С. 25–27, 341–346, 365). Для большей убедительности тезиса о неминуемом разорении ремесленников и их переходе в капиталистические фабрики и заводы Ленин ссылается на «Капитал» К. Маркса, который говорит о переходе всех форм мелкой промышленности: мануфактуры, ремесла и кустарных промыслов к фабрике (Там же. С. 453).

Примечательно, что среди предпринимателей Санкт - Петербурга, открывших промышленные предприятия в 1852–1853 гг., больше половины принадлежали к цеховым мастерам, а во времена пика индустриализации в 1890-е гг. ремесленные предприятия точно так же ускоренно росли[1560].

По числу основанных предприятий в Петербурге в 1881/82, 1883/84, 1885, 1887/88 и в 1897 годах ремесленные мастера и ремесленники вне цехов опережали все остальные социальные слои купечества, мещанства и крестьян, по отношению к которым их доля в процентном выражении от общего числа составляла соответственно 32,2%, 42,5%, 35,9%, 32,2% и 32,1% (см. таб. 13)[1561].

Отрезок времени	**2.12.1881-4.11.1882**		**31.12.1883-4.11.1884**		**27.6-9.9.1885**		**30.12.1887-15.12.1888**		**14.10-23.12.1897**	
Социаль-ный слой	число	от 100%	число	от 100%	число	от 100 %	число	от 100 %	число	от 100%
Цеховых мастеров и ремеслен-ников вне цехов	68	32,2	79	42,5	114	35,9	48	32,2	34	32,1
Другие*	36	17,1	31	16,7	4	10,3	26	17,5	28	26,4
Иностранцы	31	14,7	25	13,4	3	7,7	19	12,8	11	10,4
Мещане	30	14,2	14	7,5	9	23,1	24	16,1	13	12,3
Купцы	26	12,3	21	11,3	4	10,3	21	14,1	5	4,7
Крестьяне	20	9,5	16	8,6	5	12,8	11	7,4	15	14,2
Всего	**211**	**100**	**186**	**100**	**39**	**100**	**149**	**100**	**106**	**100**

Таблица 13: Основанные промышленные предприятия между 1881 и 1897 гг.[1562].

Ремесленные мастерские в это время часто напоминают симбиотические формы сосуществования у живых организмов в природе, где крупные организмы сосуществуют с более мелкими: крокодил с птицей ржанкой, акула

[1560] Keller A. Die Handwerker… S. 435–436, 482–484.
[1561] РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1985, 2079, 2160, 2251, 2144 а, б: По отношению С. Петербургского градоначальника выданных свидетельств на открытие фабрик, заводов и других промышленных заведений (1881–1897).
[1562] РГИА. Ф. 20. Оп. 3: О разрешении открывать промышленные предприятия. Д. 1985, 2079, 2160, 2251, 2144 а, б: По отношению С. Петербургского градоначальника выданных свидетельств на открытие фабрик, заводов, и других промышленных заведений (1881-1897). * Дворяне, учителя, чиновники, почетные граждане и военные.

и дельфин – с рыбами прилипалами, лоцманами и чистильщиками, зебра с буйволовым скворцом и т.п. В идеальном случае такой сбалансированный мутуализм учитывает в полной мере интересы двух или более сторон. В человеческом обществе отношения между «симбиотами» могут быть гораздо более сложными, чем это наблюдается в живой природе. Крупные промышленные предприятия и ремесленные мастерские в XX в. все больше стали напоминать сложную экосистему, сравнимую с кооперацией, от которой выигрывает каждый.

Схема поступательного развития: от ремесленной мастерской к мануфактуре и фабрике стала причиной аберрации в восприятии истории ремесла, приведшей к предположению, что на последующих стадиях экономического развития эта форма производства должна отсутствовать. Действительно, динамика промышленного развития конца XIX – начала XX вв. коснулась в полной мере и ремесленных мастерских, когда произошла частичная механизация определенных операций и стали применяться машины и современные технологии. В этом свете становится понятной подспудная критика М.И. Туган-Барановским марксистской схемы стадиального развития промышленности: от ремесленной мастерской к мануфактуре и фабрике. Согласно его наблюдениям, в зависимости от специфики того или иного региона, наблюдалось и обратное развитие: «фабрика, домашняя промышленность, „самостоятельное“ кустарное производство. Кустарная изба оказывается результатом эволюции фабрики»[1563]. Можно согласиться с Ю.Я. Рыбаковым, критикующим такую интерпретацию, основывающуюся на некорректном статистическом анализе[1564]. Важно другое, что такая одновекторная стадиальная схема плохо подходит для описания развития ремесла или попросту не принимает его в расчет[1565].

[1563] Туган-Барановский М.И. Избранное: Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М., 1997. С. 272; Туган-Барановский не делает из ремесла и промыслов фетиш. В конечном итоге он признает «окончательную» победу фабрики в России в конце XIX в.

[1564] Рыбаков Ю.Я. Промышленное законодательство России... С. 5–6.

[1565] Концепция Туган-Барановского вписывается в теорию протоиндустриализации Ф. Мендельса, когда предполагается всего два пути – индустриализации или аграризации, не предусматривающие «третьего» пути развития кустарно-промышленных кластеров: «Изначально концепция протоиндустриализации предполагала

В зависимости от региона, вида промышленности и формы взаимодействия купцов (скупщиков), кустарей, промышленников и ремесленников, вектор развития и природа ремесла могли сильно отличаться: в одном случае приводить к вытеснению ремесленной мастерской, появлению новых форм производства, а в другом, наоборот, к сохранению традиционной ремесленной промышленности, с привнесением элементов технических новаций[1566]. Данное качественное изменение перспективы позволяет увидеть особую логику развития ремесла, отличную от таковой в крупной промышленности[1567]. Вальтер Ойкен говорил в этом контексте о необходимости пересмотра взгляда «на средневековую экономическую жизнь как на городское хозяйство с мелким ремесленным производством», что имеет непосредственное значение для оценки перспектив современного производства ремесленного формата (МСП): «Новая картина средневекового хозяйства, показывающая нам глубокое межрегиональное разделение труда, центральное положение купцов […] позволяет выяснить, какой дух определял на самом деле хозяйственную деятельность средневековья. Выясняется, что дух этот был весьма неоднороден. Прежде всего в тот период существоавал купец-раздатчик, торговавший с дальними регионами и странами. […] Купцы

многовариантность перехода от протоиндустриализации к индустриализации, т. е. и возможность относительно успешного и быстрого перерастания протоиндустрии в крупное машинное производство, и возможность приостановки этого процесса, упадка протоиндустрии и своеобразной аграризации районов ее распространения в ходе индустриальной революции» (Побережников И.В. Протоиндустриализация как субпроцесс… С. 21).

[1566] И.М. Кулишер подтверждал правоту рпедположения Е.В. Тарле «относительно того, что·в приводимых им предприятиях с огромным количеством рабочих значительная часть последних состояла из кустарей, получавших лишь сырье на фабрике». В отличие М.И. Туган-Барановского, считавшего, что «качество фабричных и кустарных изделий было настолько различно, что исключало·конкуренцию между ними» Кулишер задает вопрос: «Но была ли столь велика разница между кустарной и фабричной набойкой, когда и та и другая производились ручным способом при помощи одних и тех же аппаратов и приспособлений? При крайне низкой технике производства, факт, подчеркиваемый неоднократно тем же автором в отношении не только XVIII, но и первой половины XIX ст., могла ли получаться сколько-нибудь значительная разница в изделиях того и другого рода?». Именно поэтому существовала принципиальная разница между способом и качеством работы кустаря от работы цехового мастера в Петербурге (Кулишер И.М. Очерк истории… С. 142–144).

[1567] Схожие процессы проходили с 1800 по 1861 г. с ремеслами гончаров, печников, медников и жестянщиков в Саксонии. К примеру, жестянщики должны были кооперироваться с новым конкурентом, предлагавшим новый источник энергии и устанавливавшим вместо газового электрическое освещение (Das Töpfer-, Ofensetzer-, Kupferschmiede- und Klempnergewerbe im Spannungsfeld von industrieller Revolution und Gewerbefreiheit. URL: https://de.m.wikibooks.org/wiki/SHK-Handwerk_in_Sachsen:_1800_bis_1861:_Industrielle_Revolution_und_Gewerbefreiheit (Дата обращения: 27.10.2017)).

Кельна, Любека, Нюрнберга, Брюгге, Венеции […] были настоящими хозяйственными организаторами […]»[1568].

Этим мы хотим сказать, что отношения между российскими ремесленниками и купцами, основанные на межрегиональном разделении труда, были гораздо шире, чем только предполагаемое подчинение первых вторыми с целью исключительной максимизации прибыли. Безусловно, это не исключало борьбы ремесленников с купцами-раздатчиками за лучшую оплату их труда, но главное, что это взаимодействие несло шансы дальнейшего развития малого и среднего предпринимательства в современные и социально справедливые формы в контексте идеологии тред-юнионизма. Не случайно, европейское рабочее движение за социальные права XIX века родилось из цеховых традиций солидарности подмастерьев.

Понятия фабрики и завода со временем изменялись, иные расширенные ремесленные мастерские ни в чем не уступали первым. Поэтому 22 сентября 1833 г. было принято положение «О размещении и устройстве частных заводов, мануфактурных, фабричных и других заведений в Санкт-Петербурге»[1569]. Можно себе представить, каким источником загрязнения воздуха служило множество металлообрабатывающих и литейных мастерских в центральных районах Петербурга, если уже в Лондоне XI в. наблюдался знаменитый Лондонский туман – «смог», который не был непосредственно связан с индустриализацией, но напрямую зависел от кузнечного производства, повышавшего содержание в воздухе пыли и диоксида серы[1570].

Отдаленно напоминавшую лондонскую картину можно было наблюдать и в Петербурге 1840-х годов, часто спасаемого резкими ветрами, продувавшими его насквозь: «Помимо промышленности фабрично-заводского типа, в Петербурге существовало огромное количество мелких ремесленных предприятий, число которых не поддается учету. Некоторые

[1568] Ойкен В. Основы… С. 262
[1569] Рыбаков Ю.А. Промышленное законодательство… С. 46.
[1570] Смолко В.А. Концепции современного естествознания... С. 261.

отрасли производства целиком находились в руках ремесленников. Изготовление хлеба и булок, производство колбас и различных копченостей, галантерейное производство, изготовление готового платья, башмачное и сапожное производство и многие другие отрасли находились полностью или почти полностью в руках мелких производителей. Некоторые из предприятий, числившиеся по официальной статистике как заводы, несомненно носили полукустарный характер»[1571].

Долгое время исключительная польза от научно-технического прогресса и промышленной революции не ставилась под сомнение. Но за счет чего или кого происходил этот процесс и какая модернизация нужна России? Со времен Адама Смита считается, что именно капитал является основой роста, а не реальный продукт и социальная справедливость[1572]. Нам представляется необходимым обратить усиленное внимание на историческую роль ремесла в отношении МСП, имеющих непосредственную историческую связь с ремесленной мастерской. Формирование мастера-собственника, соединяющего в одном лице высококлассного специалиста, менеджера производства и маркетолога-продавца может способствовать появлению инноваций и фирм с высоким инновационным потенциалом. Думается, творческий хаос промышленных районов и гибкие сети высокотехнологичных малых производств будущего (small manufacturing networks) могли бы не только обогатить культурную и производственную среду, но и помочь активизировать взаимодействие ученых и крупных предпринимателей, а также современных «ремесленников», без которых эффективное взаимодействие между первыми и вторыми, так же как и НТР XVII-XVIII вв., были бы невозможны[1573].

[1571] Очерки истории Ленинграда. Т. 1. С. 485; см. также т. 2: Период капитализма, вторая половина XIX в. М.-Л., 1957. С. 13. Здесь говорится о «громадно[м] количеств[е] мелких ремесленных предприятий», когда «число ремесленников значительно превосходило число фабрично-заводских рабочих».

[1572] Kron G. Growth and decline. Forms of Growth. Estimating Growth in the Greek World in E. Lo Cascio, A. Bresson, F. Velde (eds.), The Oxford Handbook of Economies in the Classical World. Oxford (in press).

[1573] См.: Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии: (Опыт исследования) (Mantoux). М., 1937. С. 165, 168-169, 175, 247–8, 267; см.: Newton L. Capital Networks in the Sheffield region, 1850–1885 // J. F. Wilson and A. Popp, eds. Industrial Clusters and Regional Business Networks in England, 1750–1970. Aldershot, 2003. P. 130–164.

Прототипом таких гибких сетей высокотехнологичных малых производств стали децентрализованные подворья ремесленников и ремесленные мастерские в период примерно с 1807 по 1817 годы на Златоустовском заводе во время аренды Кнауфом и последующего управления Эверсмана. Эти ремесленные мастерские, которые можно назвать микровкраплениями в крупное промышленное производство, эволюционируют вместе с крупной промышленностью, но не перерастают в крупные предприятия. Этой форме соответствовало и профессиональное сегрегирование или глубокое разделение труда, благодаря тесной кооперации ремесленных мастеров: нижнетагильских сундучников, тульских и златоустовских оружейников: ложечников, ствольников и замочников, металло-, деревообрабатывающих и каретного ремесел Петербурга. Данная организация производства, как показали исследования Чарльза Сэйбела (MIT) и Джонатана Зайтлина (Биркбек колледж, Лондон) является наиболее близким и эффективным способом создания того, что сегодня называется инновативной средой[1574].

В промышленных районах с гибкой специализацией, где работали как городские ремесленники, так и сельские промысловики, в концентрированной форме сочетались три фактора инновационной среды: ремесленные навыки, научные знания, носителями которых нередко выступали иностранные специалисты и инженерно-технические кадры, художественное воображение. Причем, российскую специфику составляла тесная кооперация посадских и казенных мастеров с сельскими кустарями. Складывалась парадоксальная ситуация, когда из мастеров-кустарей тульского посада и мастеров тульской оружейной слободы, наряду с иностранными специалистами, формировался профессиональный костяк государственных проектов по строительству крупных заводов в Олонецком крае, на Урале.

[1574] Sabel C.F., Zeitlin, J. Historical Alternatives to Mass Production: Politics, Markets and Technology in Nineteenth Century Industrialization / Past & Present… P. 133–176.

Из павловских и тульских мастеров комплектовались профессиональные кадры Петровского завода (1706-1707 гг.), оказавшегося менее жизнеспособным, чем «крупные и мелкие хозяйчики» павловского и тульского посадов, сумевшие просуществовать до конца XIX в.[1575]. Уже задолго до того ремесленники вырабатывали стратегии, помогавшие им не только выживать, но и достигать определенного уровня благосостояния. Исследователь кустарной промышленности К.Н. Сербина отметила чрезвычайную живучесть кустарных промыслов, а один иностранный путешественник в 1800 г. отметил высокий уровень благосостояния жителей села Павлово, формально числившихся крестьянами, и полное отсутствие у них натурального хозяйства.

Трудно себе представить ремесло Петербурга без отхожих промыслов кустарей, подобных павловским, из традиционных районов кустарной промышленности, нередко становившихся столичными ремесленниками. Как сообщал бытописатель Петербурга А.А. Бахтиаров, «из года в год осенью, в октябре месяце, по Николаевской железной дороге ходят из Петербурга так называемые „удешевленные поезда“ для чернорабочих»[1576]. Десятки и даже сотни тысяч крестьян приезжали в город на заработки из традиционных губерний: Петербургской, Новгородской, Тверской, Ярославской и Костромской. По данным Бахтиарова, в 1888 г. в столице насчитывалось более 220 000 крестьян, из которых примерно 25 000 уезжали ежегодно домой[1577].

Среди крестьян отходников имелся широкий спектр профессий[1578]. Вторая после Тверской губернии по количеству выходцев в 1881 г., Ярославская губерния насчитывала более 150 профессий отхожих промыслов.

[1575] Любомиров П.Г. Очерки по истории… С. 331; Крестьянам не составляло труда поставить мелкую домницу, кузницу или медную мастерскую: Там же. С. 298.
[1576] Бахтиаров А.А. Брюхо Петербурга... С. 155–156.
[1577] Данные соответственно за 1881 и 1869 гг. (Бахтиаров А. А. Брюхо Петербурга... С. 155, 159).
[1578] Характерно, что «хождение в народ» 1861–1878 годов имело и практическую сторону. Молодые революционеры несли в деревню не только социалистическую агитацию, но и обучали крестьян различным ремеслам: «The next opposition movement was non-violent. In spring and summer 1874, thousands of young idealists, dressed as peasants and some trained in rustic craft and skills, set out to the countryside to bring light to, and learn from, the peasantry. Russian educated youths had ‘gone to the people’» (The Cambridge History of Russia. Volume 2: Imperial Russia, 1689–1917. Edited by Dominic Lieven, London School of Economics and Political Science. London, 2006. P. 638).

Среди них были представлены такие ремесленные профессии как «башмачники, блинники, бондари, бриллиантщики, бронзовщики, булочники, каменщики, квасники, красильщики, кровельщики, плотники, стекольщики» и прочие[1579]. Костромская губерния поставляла в основном плотников, столяров и маляров. Став в просторечии так называемыми «питерщиками», отходники приезжали домой на побывку раз в три-четыре года, «причем „питерщики“ живут как гости, не принимая участия в домашних делах. К этим „питерщикам“ родные и знакомые посылают в столицу в обучение мальчиков. Живя долгое время в столице, „питерщики“ отбиваются от деревни, культивируются при городе и, скопив капиталец, окончательно закрепляются в Петербурге. Средний заработок большей части плотников колеблется от 60 до 100 руб. Малярный промысел считается наиболее выгодным и дает иногда до 150 рублей. Однако, далеко не весь заработок приносится домой, так как жизнь в городах при множестве соблазнов ведет часто к разгулу. Ушедшие из-под „власти земли“ отходчики легко увлекаются приманками городской жизни. А отсутствие разумных развлечений в праздничные дни создало тот дикий разгул и сидение в трактирах, которые составляют отличительную черту всех больших городов»[1580].

Являвшееся необходимым резервуаром трудовых ресурсов для петербургского ремесла, широко распространенное в дореволюционной России кустарное производство, в котором были заняты миллионы производителей, сократилось со временем до незначительных размеров[1581]. Важная отрасль промышленности, по поддержанию благосостояния миллионов промысловиков еще в 1930-е годы, деградировала со временем и сжалась к 1960-м годам до небольшой области народного творчества. С исчезновением «мелкобуржуазного» слоя ремесленников, произошла социально-экономическая трансформация и «ужимание» оставшихся

[1579] Бахтиаров А.А. Брюхо Петербурга... С. 159–160.
[1580] Там же. С. 161–162.
[1581] Шепелева В.Б. Кустари в теории, стратегии и тактике большевиков от империализма до НЭПа // Вестник Омского университета. 1997. № 2. С. 47.

ремесленников в масштабах «художественных промыслов», не занимающих какой-либо заметной ниши в экономике и традиционно относящихся к области декоративно-прикладного искусства, и домов бытовых услуг, неспособных удовлетворить потребительский спрос населения. Характерно, что еще 7 марта 1917 г. в Петрограде, в помещении Института истории искусств выступил А.Ф. Гауш, художник и первый хранитель Музея Старого Петербурга, с докладом «О постановке художественной промышленности и кустарного дела в России», где было введено понятие «кустарной художественной промышленности»[1582]. Идея создания особого художественного ведомства, высказанная докладчиком, нашла свое выражение в последующем чрезмерном огосударствлении всех сфер экономической деятельности ремесленников как города, так и деревни. Формы организации ремесленного производства уже в советское время достигли своей максимальной унификации и огосударствления, что не вело к процветанию ремесел, загнанных в комфорные резервации декоративно-прикладного искусства в музейных мастерских и сувенирном производстве.

5.2. Ремесло и промышленное развитие

История русского городского ремесла в эпоху индустриализации второй половины XIX – начала XX в. не получила должного концептуального переосмысления за исключением последних двух десятилетий. В контексте теории модернизации, полностью сфокусировавшей свое внимание на победе крупного промышленного производства, история ремесленничества, как феномена, навсегда отошедшего в прошлое, не могла быть в полной мере исследована. Это и понятно, ведь теория модернизации работает особенно успешно в контексте промышленной истории или индустриальной революции – времени развития крупной промышленности и естественных наук на

[1582] Ананьев В.Г. «Очаги художественной культуры»: Провинциальные художественные музеи и кустарная промышленность в дискуссиях 1910-х гг. // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5. № 1. С. 86–98.

протяжении примерно двухсот лет: с 1760-х гг. (промышленное применение паровой машины) до 1970-х гг. (кризис перепроизводства и границы роста)[1583]. При этом история ремесла, как правило, в рамках теории модернизации не рассматривается и, если рассматривается, то только как институт, стоящий на пути индустриализации, который необходимо устранить. В условиях смены парадигмы бесконечного экспоненциального роста промышленного производства на новую – устойчивого развития, следует пересмотреть и историю ремесла, принципы существования которого почти полностью соответствуют последней, а значит имеющего большой ресурс развития в будущем.

Не стоит недооценивать ремесло и его роль во время прото- и в особенности индустриализации России в XVIII – XIX вв. Американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 1991 г. Рональд Коуз, назвал основным трендом в экономической теории последнего времени «переосмысление основного течения экономической мысли не в последнюю очередь в тематическом поле ремесла или малого и среднего предпринимательства, [...] где экономическая логика встроена в социальный, политический и культурный контекст». И что не менее важно для нашей работы, это «включение в предметную область экономической науки тех сюжетов, которые традиционно недооценивались профессиональными историками и тем самым оказывались в ведении философии, психологии, социологии, культурологии и других наук»[1584].

Постоянное присутствие ремесленников в картинах повседневной жизни на протяжении многих столетий заставило городских жителей не замечать их. Наверное, именно поэтому, рассматривая гравюры и картины из повседневной жизни Петербурга XIX в., мы не найдем на них сцены из производственной жизни ремесленных мастерских. Напротив, на изображениях городской повседневности

[1583] См. сб. ст.: Цивилизации / Институт всеобщей истории РАН. М. : Наука, 1992. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века / отв. ред. А.О. Чубарьян; [сост. О.В. Воробьева]. 2015.
[1584] Коуз Р. Очерки об экономической науке и экономистах. М.-СПб., 2015. С. V.

видны, как правило, уличные или рыночные торговцы, строительные рабочие на постройке домов, набережных и дорог. Несмотря на то, что ремесло Петербурга было важным макро- и микроэкономическим фактором, составлявшим значительную социальную сеть и экономическую силу, действие которой мало кому видно, но которое не менее значимо для макро- и микроэкономической ситуации. Киты видны всем, но они умрут без планктона. Таково же соотношение и в экономике страны, в которой промышленные гиганты сосуществуют с малыми и средними предприятиями или ремесленными мастерскими, создающими благоприятную окружающую экономическую среду. Именно ремесленная промышленность, как ее называли в XIX в., была одной из частей фундамента, на котором строилась крупная промышленность Петербурга.

Быстрый рост столицы стимулировал развитие ремесла. Прежде всего, в производстве традиционных товаров народного потребления: продуктов питания, одежды, предметов быта. Высокая материальная культура города и высокоспециализированное ремесло, граничащее зачастую с искусством, привели к абсолютно позитивному имиджу петербургских ремесленников как одних из лучших в России, на которых равнялись все остальные. Легко догадаться о причинах их успеха. С появлением и ростом состоятельного среднего слоя населения, покупатели все больше обращали внимание не только на цену, но и на качество, а также ценили личный контакт с производителем. Ремесленники могли гораздо лучше, быстрее и качественнее реагировать на запросы покупателей и заказчиков, чем крупная промышленность, не имевшая еще такого разнообразия продуктов, чтобы заменить ремесленного мастера во всех областях производства. Со временем шла постоянная селекция и приспособление, в ходе которой как крупные, так и мелкие предприятия искали пути взаимодействия для того, чтобы использовать сильные стороны каждого способа производства.

Показательна чуткая реакция цехового ремесла на российские и мировые промышленные кризисы 1836–1839 гг. и 1846–1847 гг., в 1857 г., когда возник негативный паттерн мирового экономического кризиса и последствий Крымской войны, во время так называемой Долгой депрессии 1873–1896 гг., с рецессиями в

Западной Европе 1874–1877 гг., 1881–1886 гг., 1891–1892 гг. и 1899–1900 гг. С ними кореллировали экономические кризисы в России 1872–1876 гг., 1882–1886 гг., 1890–1891 гг., а также 1900–1901 гг. и 1905–1907 гг. (см. рис. 13).

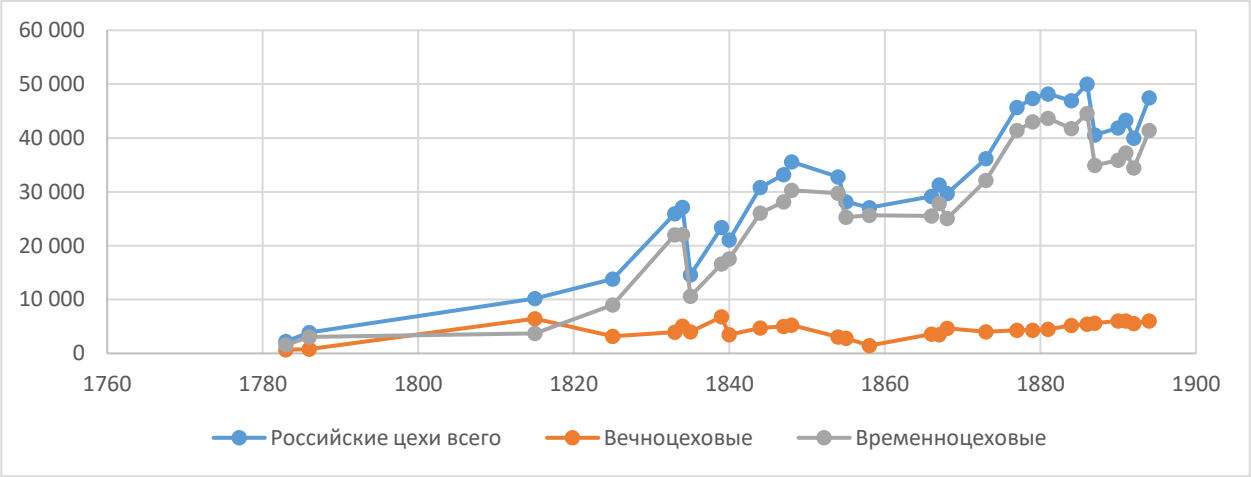


Рисунок 13: Количество ремесленников российских цехов и экономические кризисы в России[1585].

Как видно из приведенного графика, наблюдалась общая положительная динамика развития цехов. Резкое падение числа цеховых ремесленников в российских цехах с 27 155 чел. в 1834 г. до 14 596 чел. в 1835 г. и продолжавшиеся скачки до 1841 г. (16 511 чел.) сменяются десятилетием роста, достигшего своего пика в 1848 г. в 35 563 чел. Небольшая рецессия, длившаяся до начала 1850-х годов, закончилась сильным спадом, обусловленным началом Крымской войны (1854 г. – 32 811 чел.). Косвенное негативное влияние, усилившее рецессию ремесла, оказал мировой кризис 1857 г. Спад закончился в 1858 г. на отметке в 27 090 чел. Следующее десятилетие дало прирост цеховых до 31 306 чел. в 1867 г., после чего ремесло отреагировало на экономический кризис конца 1860-х гг. до 1870 г. включительно.

Примерно до середины 1870-х гг. основная часть промышленной продукции Петербурга приходилась на ремесло, и лишь с началом

[1585] См. приложение № 5.

интенсивного периода индустриализации, валовая продукция крупной промышленности навсегда обгоняет первую. Ремесло переместилось на второе место и не потеряло своей важности для многих отраслей промышленности. Последняя треть XIX в. явилась временем активного развития и трансформации не только для крупной промышленности, но и для ремесла. Цеховая система ремесла Петербурга, являясь к середине XIX в. наиболее развитой в России, не получает своего дальнейшего развития из-за «заморозки» реформы ремесленного сословия со стороны правительства и несоответствия после отмены крепостного права статуса временноцеховых потребностям времени. Крупные формы производства не смогли вытеснить ремесло в целом ряде отраслей промышленности. Напротив, можно говорить о трансформации ремесла и приспособлении его к новым условиям, благодаря его сильной стороне – профессиональные городские ремесленники обеспечивали высокое качество жизни и предоставление услуг в шаговой доступности.

Быстрый рост населения Петербурга стимулировал развитие ремесла. Прежде всего, в производстве традиционных товаров народного потребления: продуктов питания, одежды, предметов быта. Высокая материальная культура города или высокоспециализированное мастерство, граничащее зачастую с искусством, привели к абсолютно позитивному имиджу петербургских ремесленников как одних из лучших в России, на которых равнялись все остальные. Легко догадаться о причинах их успеха. С появлением и ростом состоятельного среднего слоя населения, покупатели все больше обращали внимание не только на цену, но и на качество, а также ценили личный контакт с производителем. Ремесленники могли гораздо лучше, быстрее и качественнее реагировать на запросы покупателей и заказчиков, чем крупная промышленность, не имевшая еще такого разнообразия продуктов, чтобы заменить ремесленного мастера во всех областях производства. Со временем шла постоянная селекция и приспособление, в ходе которой как крупные, так и мелкие предприятия искали пути взаимодействия для того, чтобы использовать сильные стороны каждого способа производства.

В динамике роста ремесленников в XIX веке наблюдается сокращение их удельного веса к населению, более чем на одну треть – с 14,7% в 1862 г. до 8,9% в 1900 г. (соответственно, в 1870 г. – 12,5%, 1890 г. – 10,5%), что можно интерпретировать двояко (см. рис. 14).

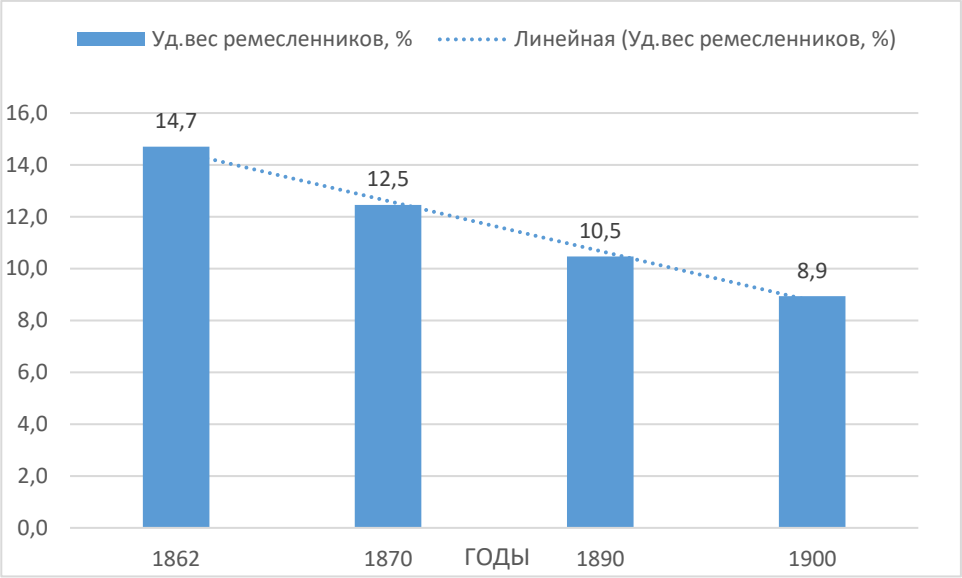


Рисунок 14: Удельный вес ремесленников к населению города[1586].

С одной стороны, возможно, такая тенденция была вызвана увеличением числа крупных промышленных предприятий в некоторых традиционных отраслях ремесленного производства и сокращением последнего. С другой, этот факт может указывать на повышение эффективности и производительности труда в ремесленных мастерских, удовлетворявших потребности значительно большего числа населения, чем это было еще 40 лет назад. В абсолютных числах это выражалось так (см. рис. 15):

[1586] Санкт-Петербург. 1703–2003: Юбилейный статистический сборник / Под ред. И.И.Елисеевой и Е.И.Грибовой. СПб., 2003. Вып.2; приложение № 5.

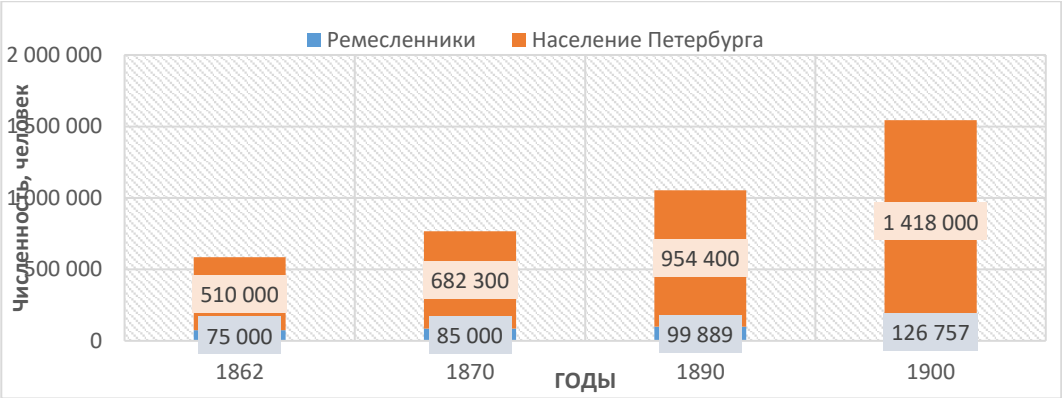


Рисунок 15: Количество ремесленников к общей численности населения Санкт-Петербурга, 1862–1900 гг.[1587].

Если в предыдущие десятилетия ремесло Петербурга чутко реагировало на мировые экономические кризисы, то отсутствие последствий обвала 1873 г. на валютных биржах Вены, Будапешта, Филадельфии и Берлина и рецессии в крупной промышленности, показало высокую степень адаптации ремесленных мастерских к новым условиям. Судя по стабильному росту числа цеховых, общий экономичсекий кризис почти никак не сказался на ремесленном производстве. С 36 141 ремесленников в 1873 г. их число стабильно росло до 46 838 чел. в 1876 г. и только в последний год рецессии в 1877 г. незначительно опустилось до 45 703 чел. На их рост не повлияла даже обострившаяся в 1875 г. эпидемия тифа, когда от этой болезни в городе заболело 3522 человека. Во время трех последующих рецессий число цеховых опускается с 48 167 чел. в 1881 г. до 40 591 чел. в 1887 г., с 43 298 чел. в 1891 г. до 39 979 чел. в 1892 г. и с 64 228 чел. в 1899 г. до 52 075 чел. в 1900 г.

Если же принять во внимание общий рост за этот период, то количество цеховых ремесленников более чем удвоилось с 24 703 чел. в 1842 г. до 52 075 чел. в 1900 г., достигнув в 1899 г. абсолютного рекорда за всю историю в 64 228 цеховых ремесленников. Резкий индустриальный рывок 1890-х годов сопровождался и резким ростом числа цеховых ремесленников, а в первые два десятилетия XX в. цеховое ремесло выходит на свой стабильный рост без резких скачков. Каждый раз после всех падений ремесло столицы, включая

[1587] Санкт-Петербург. 1703–2003…; приложение № 5.

всех ремесленников города, быстро восстанавливалось и продолжало свой неудержимый рост (см. рис. 16)[1588].

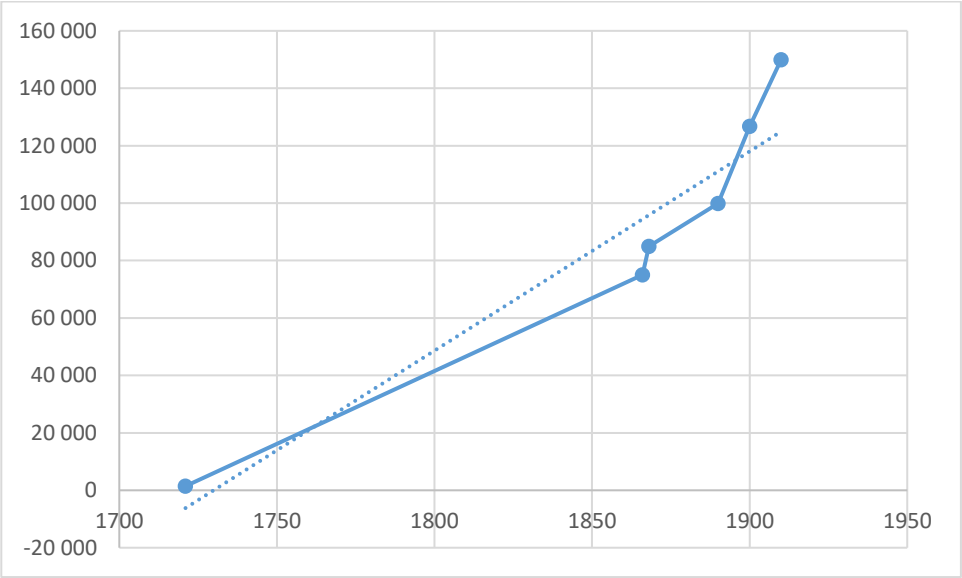


Рисунок 16: Общее число ремесленников в XVIII – начале XX в.

Это стало возможным благодаря тому, что ремесленное производство продолжало «сохранять важное хозяйственное значение в тех отраслях, которые оказались незатронутыми крупным капиталом. Так было не только на протяжении всего XVIII в., но даже еще в начале XX в. Сообразно с этим продолжала существовать почва для развития ремесленных организаций»[1589].

Огромный приток рабочих рук из деревни абсорбировали не только крупные предприятия, но и ремесленные мастерские, бывшие соединяющим звеном между городской и сельской промышленностью. Более того, на ранних этапах индустриализации крупные промышленные предприятия представляли из себя ничто иное как ряд больших высоко механизированных и моторизованных ремесленных мастерских, расположенных в заводских цехах: столярном, слесарном, кузнечном и т. д. Как показывает развитие ремесла в

[1588] Keller A. Die Handwerker… S. 482–484.
[1589] Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов... С. 173.

Германии XIX в., цехи и промышленное развитие не всегда были явлениями взаимоисключающими друг друга[1590].

Последствия финансового кризиса достигли ремесленников Петербурга к 1876 г., но реакция ремесла на него оказалась неоднозначной. В то время как доля женского труда у булочников имела тенденцию сокращаться: в 1866 г. среди вечно- и временноцеховых мастеров женщин числилось, соответственно, 23% (13:3) и 14,9% (617:92), к 1891 г. их доля упала у тех и у других до примерно 11% (183:22; 1497:199), в большинстве других ремесленных мастерских цеховых мастеров доля женщин за период с 1866 по 1891 гг., напротив, незначительно выросла примерно с 11% (954:114; 4061:527) в 1866 г. до 17% (1094:213; 4741:1012) в 1891 г.[1591]. При этом количество мастеров в булочном цехе выросло за тот же период у вечноцеховых с 13 до 183 и у временноцеховых с 617 до 1497 или, соответственно, на 1408% и 243%, что превышало темпы роста, по сравнению с другими цехами. Рост числа подмастерьев и учеников в булочном цехе опережал рост числа мастеров, за счет чего происходило незначительное укрупнение средней булочной или пекарни: если на одного мастера в 1874 г. приходилось в среднем по два подмастерья и ученика, то в 1891 г. – 2,6[1592]. Общее число членов булочного цеха увеличилось за этот период на 1/3. И хотя мастерам булочного цеха удалось переломить негативный тренд, средняя величина мастерских по цехам была значительно выше и колебалась с 1866 г. до 1891 г. от трех до четырех сотрудников на одного мастера.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что, с резким ростом крупной промышленности Петербурга, булочный цех, как и все цеховое ремесло, переживал глубокую трансформацию, но не прекращал своего роста. Ремесленники, занятые изготовлением хлебобулочных изделий, старались приспособиться к изменившимся условиям и найти свою нишу, не в

[1590] Faulwetter S. Von der Zunft zur Handelskammer… S. 382.
[1591] Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1866 год. СПб., 1867. С. 10–11; Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1891 год. СПб., 1894. С. 8–9; Keller A. Die Handwerker… S. 512–513.
[1592] Там же; Ibid. S. 504.

последнюю очередь, благодаря механизации и машинизации производства, с помощью появившихся к концу века компактных дизельных моторов. Вопрос, ответ на который еще предстоит найти, – почему в статистиках ремесленной управы у вечноцеховых мастеров булочного цеха нет ни одного ученика, а только подмастерья. Возможно потому, что в сословии вечноцеховых ремесленников существовала семейственная преемственность, где сын, как правило, наследовал дело отца и, скорее всего, не выводился в статистиках как член семьи. Небольшой процент учеников приходился также, начиная примерно с 1860-х гг., на приходящих учеников, живших в школах-интернатах, но он был несущественным.

Напротив, у временноцеховых мастеров наблюдалось большое количество учеников, что заставляет сделать два предположения. Они активно брали на себя обязанность обучения учеников ремеслу, чтобы, с одной стороны, готовить себе квалифицированные кадры, с другой, чтобы эксплуатировать детский труд. Говоря о специфике булочного цеха, не следует также забывать, что в его составе насчитывалось 14 видов ремесленников: пекарей белого хлеба (булочники, пекари ситного хлеба и выборгско-булочное ремесло), саечников, калачников, пирожников, макаронников, кондитеров, пряничников, конфетчиков, кухмистеров, официантов, колбасников и горчичных мастеров.

Обращаясь к изложенным выше статистическим выкладкам, следует помнить, что жены цеховых ремесленников могли наследовать мастерские своих мужей. Поэтому можно говорить лишь приблизительно о реальном участии женщин в производственных процессах, так как не совсем ясно, где указана просто жена, а где – владелица мастерской. Если посмотреть на исключительно мужское ремесло слесарно-кузнечного цеха, то там тоже имелась, хотя первоначально и гораздо меньшая, чем в кондитерно-булочном цехе, доля женщин, а именно: в 1866 г. на 70 вечноцеховых мастеров приходилось 64 человека мужского и 6 женского пола, и на 231 временноцехового мастера – 223 человека мужского и 8 человек женского

пола. В 1891 г. количество женщин увеличилось в абсолютных числах, соответственно, в соотношении с мужчинами 142 к 11 и 521 к 35. В процентах доля женщин уменьшилась у вечноцеховых с 8,6% до 7,2% и увеличилась у временноцеховых с 3,5% до 6,3%[1593]. Среди подмастерьев и учеников наличествовали лица исключительно мужского пола[1594].

История цехов Петербурга, как и история крупной промышленности, полна взлетов и падений, закономерностей и противоречий: между цехами булочников и кондитеров, между вечно- и временноцеховыми, между цеховыми и нецеховыми ремесленниками. Это сосуществование сопровождалось то вспыхивавшей, то затухавшей конкуренцией. Но конфликтная проблематика может быть рассмотрена не только как деструктивная, в которой петербургские цехи должны были играть исключительно рестриктивную роль в сдерживании промышленного развития, чего не происходило по причине отсутствия ограничения ремесленной мастерской в количестве работников и производимого товара, но и как института, регулирующего отношения экономических субъектов. Ведь специфика архивных документов заключается именно в их направленности на документацию конфликтов, в которых отражались экономические реалии того времени.

Замеченная взаимосвязь в развитии ремесленной и крупной промышленности была характерна не только для Петербурга, но и для первой страны на европейском субконтиненте, в которой состоялась индустриальная

[1593] Г.Н. Ульянова писала о роли женщины в купеческих семьях (предпринимателй), которую во многих случаях можно распространить и на женщин-мастериц, «что в первой половине XIX века женское предпринимательство переживало начальный период развития. В социальном смысле женщина традиционно продолжала играть роль жены, матери, хозяйки, не выходя из круга этих обязанностей. Однако с развитием российского предпринимательства и расширением купеческого слоя в организации предпринимательской деятельности, которая носила династический (наследственный) характер, вначале в порядке исключения, а затем уже и привычно, начинают возникать ситуации, когда женщина была вынуждена фактически вставать во главе семейного бизнеса. […] Право ведения коммерческой деятельности женщинами обосновывалось в Российской Империи законодательно, по законам о лицах купеческого звания, которые гласили: „По смерти начальника семейства может заступить место его вдова, взяв на свое имя купеческое свидетельство, со внесением в оное сыновей, незамужних дочерей ... и внуков“. И очень часто, даже при активной деятельности взрослых, умудренных коммерческим опытом сыновей, вдовы вели дела. […] В пореформенный период наблюдается развитие и третьего варианта, когда женщина, преодолев бюрократические сложности, могла самостоятельно взять купеческое свидетельство» (Ульянова Г. Сукно, водка и красители…).

[1594] Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1866 год… С. 10–11; Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1891 год… С. 8–9; Keller A. Die Handwerker… S. 508–509.

революция – для Англии. Английский историк Э.П. Томпсон писал: «В 1830 году типичный промышленный рабочий трудился не на заводе или фабрике, но (как ремесленник или «механик») в собственной небольшой мастерской или у себя на дому, или (как рабочий) на более или менее случайной основе в роли поденщика, или на строительных площадках и в доках»[1595]. Примечательно, что чрезвычайно популярный и влиятельный в демократических кругах Англии в начале XIX в. журналист, памфлетист и историк Уильям Коббет (1763-1835) обращался в своем еженедельнике «Political Register» в 1816 г. не к «рабочему классу», а к подмастерьям и рабочим[1596]. Последнее слово появляется в лексиконе петербургских чиновников в 1840-е годы, в XVIII в. ему приблизительно соответствовало понятие «работные люди».

Схожие процессы наблюдались в британской промышленности, где «рабочая сила увеличилась за счет миллионов неквалифицированных, бедных и временных рабочих»[1597]. В 1898 и 1913 гг. Ф.У. Тейлор и Г. Форд ввели две крупные инновации, навсегда разделившие ремесленный (МСП – малые и средние предприятия) и крупный индустриальный способы производства. В то время как Тейлор придумал решение проблемы автономии квалифицированных рабочих, разбив рабочие операции на шаги, Форд ввел на своих заводах конвейер, что сделало возможным применение труда менее квалифицированных рабочих[1598]. Гибкое реагирование цеховых ремесленников на кризисы облегчалось пунктом ремесленного устава, согласно которому цеховым мастерам разрешалось «для работы своего мастерства служить за плату на фабрике и заводах»[1599].

Р. Деклерк в аннотации к своей книге о скорняжном ремесле Лейпцига 1870–1939 гг. констатировал: «К удивлению многих, региональные кластеры

[1595] Thompson E.P. The Making of the English working class... P. 234.
[1596] Ibid.
[1597] Мейсон П. Посткапитализм… С. 261.
[1598] Там же. С. 264–265.
[1599] СЗ. Т. 11. Ч. 2: Устав ремесленный. СПб., 1857. С. 5.

малого и среднего бизнеса (АК: старопромышленные районы в том числе) продолжали существовать, несмотря на индустриализацию и массовое производство. В то время как существует относительная ясность среди ученых относительно того, что преимущества интеграции ремесленных предприятий с точки зрения индустриализации находились в межфирменном сотрудничестве и механизмах разрешения конфликтов, гораздо менее понятно, как изменение исторических условий на мировом рынке, то есть глобализация, повлияло на такие системы»[1600]. Эти слова можно полностью отнести к ремесленникам Петербурга в эпоху индустриализации второй половины XIX в.

Теория модернизации показала высокую степень своей адаптации к новым вызовам современности. «Модернизация» понятия модерности привела к появлению двух ее модификаций: теории «множественных» модернов и рефлексивной модернизации[1601], позволяющих по-новому посмотреть на ход экономического развития и, возможно, найти в нем место современному ремесленничеству. В конечном итоге ремесло показало высокий уровень адаптации к современным условиям и смогло значительно увеличиться в странах Запада[1602]. От появления такой нетрадиционной перспективы в интерпретации ремесла зависит, как будет выглядеть его историография в ближайшие десятилетия. Ведь развитие историографии – это тоже процесс осмысления исторического материала в изменяющейся перспективе. Историография ремесленничества в книгах, написанных в 2020–2050-е годы, будет выглядеть иначе, чем сегодня, при условии осуществления поворота в истории российского ремесла – craft turn[1603]. Именно с запросом на

[1600] «To the surprise of many, regionally embedded clusters of small to medium-sized businesses have continued to exist in spite of industrialisation and mass production. While scholars have discovered that the advantages of embeddedness in terms of industrialisation were situated in interfirm cooperation and conflict-resolving mechanisms, it is far less clear how changing historical circumstances on the world market, i.e. globalisation, affected such systems» (Declercq R. World Market Transformation... P. I; See: Lucassen J. (ed.). Global Labour History. A State of the Art. Bern etc., 2006).

[1601] См.: Beck U., Bonß W., Lau C. Theorie reflexiver Modernisierung... S. 11–59.

[1602] Егоров В.Г., Чистова С.М. Городское ремесленное производство… С. 222; Kaufhold K. H. Das Handwerk zwischen Anpassung und Verdrängung… S. 103–141; Fischer W. Wirtschaft und Gesellschaft… S. 396.

[1603] Близок по идее к material turn как части истории культуры, но не исчерпывается ею, подразумевая все ремесло в совокупности, т. е. ремесленника, социальные отношения и продукт труда. См.: Arnold J.H., Hilton M., Rüger J. (ed.).

смену парадигмы с начала 2010 - х гг., коллеги из смежных дисциплин все больше пишут об этом[1604]. История ремесленничества вписывается, таким образом, уже сегодня в историографию будущего[1605].

Немецкий историк Вильгельм Вернет писал о промышленном перевороте в Германии, что ему не было никакой надобности вытеснять ремесленников, чтобы победить крупному машинному производству. Эта победа не привела к исчезновению ремесла как особой социально-экономической формы хозяйствования[1606]. В этом же духе писал Вольфрам Фишер о распространенном заблуждении, что с развитием индустриальной революции ремесло, якобы как неконкурентоспособное, вытесняется крупной промышленностью[1607]. Но и сегодня можно встретить такую точку зрения, что с развитием технического прогресса ремесло должно автоматически исчезнуть[1608]. Посмотрим на корни данного заблуждения экономического, концептуального и мировоззренческого характера, основываясь на эмпирическом материале. Ремесло также, как и крупное промышленное производство, во время эпохи промышленной революции и последующей непрекращающейся модернизации, подстегиваемой конкуренцией, переживало не только постоянные изменения и трансформации, но и непреодолимый рост.

Для европейско-российского модернизационного дискурса представляется интересной попытка преодоления европоцентричности этой

History After Hobsbawm: Writing the Past for the Twenty-first Century. Oxford, 2018. P. 163–164; Келлер А.В. Вытесняется и отмирает?..

[1604] См. напр.: Проблемы становления профессионального ремесленного образования в России... С. 61–64.

[1605] Davids K., Munck B.d. (eds). Innovation and Creativity…; Lis C., Soly H. Worthy Efforts: Attitudes to Work and Workers in Pre-Industrial Europe. Leiden, 2012; Munck B.d. Gilding golden ages: perspectives from early modern Antwerp on the guild debate, c. 1450 – c. 1650 // European Review of Economic History (2011) Vol. 15 (Iss 2). P. 221–253; Munck B.d. Technologies of Learning…; De Munck B.d., Kaplan S. L., Soly H. (Eds.). Learning on the Shop Floor. Historical Perspectives on Apprenticeship. 2007; Epstein S. R., Haupt H. G., Poni C., Soly H. (red.). Guilds. Economy and Society. Sevillla Fundación Fomento de la Historia Económica, 1998; Epstein S. R. Technology, Skills and the Pre-modern Economy in the East and the West: Essays Dedicated to the Memory of S.R. Epstein. Brill, 2013; Lis C., Soly H. Worthy Efforts…; Lucassen J., De Moor T. and Zanden J.L.v. (eds.). The Return of the Guilds. Cambridge, 2008.

[1606] Wernet W. Kurzgefasste Geschichte des Handwerks in Deutschland. Vierte Auflage. Dortmund, 1963. S. 143.

[1607] Fischer W. Wirtschaft und Gesellschaft... S. 396.

[1608] См. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129. No. 1. Iss. Multiple Modernities. P. 1–31; Егоров В.Г., Чистова С.М. Городское ремесленное производство России... С. 222; Seumer M. Vom Reinigungsgewerbe zum Gebäudereiniger-Handwerk: die Entwicklung der gewerblichen Gebäudereinigung in Deutschland (1878 bis 1990). Wiesbaden, 1998. S. 2

теории, предпринятая Шалини Рандерией, рассматривающей историю Индии в статусе колонии Великобритании[1609]. Характерно, что понятия совместной истории (geteilte Geschichte) и переплетенной модерности (verwobene Moderne) делают акцент на двусторонних интересах и взаимодействии, носящем двоякий характер, актуальный и для России. В этом контексте Е.В. Алексеева изящно уместила феномен диффузии европейских инноваций в России в один емкий образ: «История любого государства представляет собой причудливое и уникальное переплетение бесчисленных нитей, связывающих его культурную ткань с множеством стран света, где они были впервые „спрядены“»[1610]. Процессы модернизации и европеизации (вестернизации) России в рассматриваемый период продолжают интенсивно исследоваться[1611], «и все же необходимо критическое переосмысление истории [России], написанной в рамках теории модернизации и по (западно)европейским лекалам»[1612]. Особенно это касается истории ремесла, область которой колонизовали и трансформировали модернизационный и индустриализационный дискурсы, переписав ремесленный нарратив.

Одной из отличительных особенностей теории рефлексивной модернизации является признание якобы неизбежности негативных побочных эффектов, в лице индустриального развития и общества массового потребления, вследствие специфического понимания данной теорией технического прогресса и целеполагания модернизации. Поэтому теория рефлексивной модернизации, как правило, не пытается устранить риски, а принимает их в расчет как необходимые издержки, что ведет к возникновению

[1609] Randeria S. Verwobene Moderne: Zivilgesellschaft, Kastenbindungen und nicht-staatliches Familienrecht im (post)kolonialen Indien // Randeria S. (Ed. at all). Konfigurationen der Moderne: Diskurse zu Indien, Soziale Welt Sonderband 15. Baden-Baden, 2004. S. 155–178. В отличии от Индии Россия никогда не имела статуса колонии какого-либо западноевропейского государства.

[1610] Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России России (XVIII – начало XX в.). М., 2007. С. 3.

[1611] Алексеева Е.В., Редин Д.А., Рей М.-П. «Европеизация», «вестернизация»… С. 3–20; Побережников И.В. Акторы российской имперской модернизации…; Роль эндогенных и экзогенных факторов в развитии российской цивилизации (XVIII – начало XX в.) / Е.В. Алексеева, И.В. Побережников, С.А. Нефедов, К.И. Зубков, Е.А. Курлаев, О.К. Ермакова, Л.А. Дашкевич, Е.Ю. Казакова-Апкаримова, О.Н. Яхно. Екатеринбург, 2014.

[1612] Jobst K.S., Liechtenhan F.-D. Wissenschaftliche, technologische und finanzielle Investitionen und Interaktionen europäischer Staaten im Zarenreich und die Vorzeichen des Ersten Weltkriegs seit der zweiten Hälfte des 19. Jh. // Quaestio Rossica. 2015. № 3. S. 46, 59.

«общества рисков» (нем. Risikogesellschaft) и экологическим катастрофам. Джейсон В. Мор расставляет иные акценты, связывая последние, не со временем антропоцена и всеобщей историей человечества, а – с ее специфическим периодом, названным Мором капиталоцен, указав на главную причину экономического и экологического неблагополучия на планете[1613]. Проблематизация ремесленной (рукотворной) деятельности в этом контексте как фундаментального антропологического признака приобретает особое значение. Развитие ремесленничества сегодня, принадлежащего к малым и средним формам предпринимательства, не является полным решением данной проблемы, но может значительно расширить положительные сценарии развития будущего, снижая социальное напряжение, трансформационные и экологические нагрузки, диверсифицируя рынок.

Аргументация историка Б. Штайнера приобретает свою особенную оригинальность, благодаря сочетанию побочных последствий («коллатеральных потерь») теории рефлексивной модернизации, с одной стороны, и непоследовательностей и противоречий в истории, с другой[1614]. При этом виден интегративный потенциал рефлексивной модернизации, критически рассматривающей ее результаты на протяжении последних двухсот лет и интегрирующую тему экологии в концепцию второй модерности. Возникающее, благодаря субверсивным динамикам прошлого, новое интегрируется в современные концепции развития, благодаря чему индустриализация первой модерности тормозится или останавливается[1615], а промышленные гиганты прошлого демонтируются, чтобы уступить место малым гибким, экологически чистым и технологичным формам производства. Критикуя теорию модернизации, автор не причисляет себя к ее непримиримым противникам, защищая ремесло, и не призывает вернуться в

[1613] Moore J.W. The Capitalocene...
[1614] Beck U., Bonß W., Lau C. Theorie reflexiver Modernisierung... S. 11.
[1615] Steiner B. Die Nebenfolgen in der Geschichte. Eine historische Soziologie reflexiver Modernisierung // (Historische Zeitschrift. Beihefte N. F. 65, eds. Andreas Fahrmeir und Lothar Gall). Berlin, München, Boston, 2015. S. 27–28.

архаику. Скорее, это критическое переосмысление теории модернизации и ее роли в интерпретации ремесла и крупного промышленного производства[1616].

Благодаря успехам российской ремесленной промышленности, авторы второй половины XIX в. особое внимание стали уделять развитию ремесла, радикально отличавшегося от крупного промышленного производства, основанного на разделении труда, или дифференциации, характерных для ремесленной промышленности лишь отчасти. Феномен разделения труда созвучен чрезвычайно продуктивному методу дифференциации в научном анализе, казавшемуся ключом к пониманию технического прогресса в промышленности. На негативное отношение к ремеслу решающее значение оказали взгляды представителей экономического либерализма А. Смита и Д. Рикардо, ставивших во главу угла разделение труда, рынок и капитал, т. е. развитие капиталлистических отношений, сыгравших в судьбе ремесла противоречивую роль, но не имеющих для него такого центрального значения, так как ремесло во многом основывается на иных принципах.

В конце XIX в. аффирмативные взгляды на позиции этих признанных классиков экономической теории сохранились, и заимствованная из экономических наук позитивная оценка плодотворности разделения труда была использована и при анализе ремесленного производства. Возрастающая дифференциация, как центральное условие «плодотворного» развития в сторону фабрики и завода, привела к принципиальной негативной оценке ремесла[1617], а значит, и невозможности адекватно проанализировать эволюцию ремесла как самодостаточного исторического феномена за последние двести лет. Но сам Адам Смит говорит о дифференциации в ремесле в нейтральном тоне: «Присмотритесь к домашней обстановке большинства простых ремесленников или поденщиков в цивилизованной и богатеющей стране, и вы увидите, что невозможно даже перечислить

[1616] See: Resasade H. Zur Kritik…; Rapp F., Ropohl G. Historische und systematische Übersicht // Hubig C. [Hrsg. u.a.]. Machdenken über Technikюю. S. 41-54; Steiner B. Nebenfolgen der Geschichte…
[1617] См.: Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова. М., 2006. С. 7.

количество людей, труд которых, хотя бы в малом размере, был затрачен на доставление всего необходимого им. Шерстяная куртка, напр., которую носит поденный рабочий, как бы груба и проста она ни была, представляет собою продукт соединенного труда большого количества рабочих. Пастух, сортировщик, чесальщик шерсти, красильщик, прядильщик, ткач, ворсировщик, аппретурщик и мн. другие – все должны соединить свои различные специальности, чтобы выработать даже такую грубую вещь»[1618]. И далее Смит делает вывод: «[…] без содействия и сотрудничества многих тысяч людей самый бедный обитатель цивилизованной страны не мог бы вести тот образ жизни, который он обычно ведет теперь и который мы неправильно считаем весьма простым и обыкновенным»[1619]. Итак, повышение профессионализации ремесленников и их более узкой специализации было естественным следствием развития ремесла в целях повышения производительности[1620]. Эти признаки наблюдаются как для высокоспециализированного ремесла Петербурга и Москвы, так и для кустарных промыслов Центрального и Северо-Западного старопромышленных районов.

Дифференциация в производстве сыграла решающую роль в повышении производительности труда, машинизация и автоматизация на массовом производстве, устранившие риски, обусловленные человеческим фактором, привели к повышению количества и качества массовой продукции. Но в то же время, ни одна машина не может достичь того совершенства в изготовлении креативного продукта с максимальным удовлетворением потребностей заказчика, как это мог сделать ремесленник в прошлом, или современный мастер, вооруженный миниатюрной техникой, вплоть до цифровых технологий. Рядом с машинными технологиями, воспроизводимыми только в заводских условиях, зафиксированы уникальные ремесленные технологии,

---

[1618] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 25.
[1619] Там же. С. 26.
[1620] См. о революции в ремесле в XV–XVI веке в Западной Европе, заключавшейся в более высокой специализации и увеличении количества ремесел: Epstein S.R. Freedom and Growth… P. 12-17, 89–147.

как в случае с бельгийскими оружейниками на Урале в 1850-е годы, которые оказалось невозможно перенести на крупное производство[1621]. В «тонких» ремесленных технологиях сочетаются такие качества, как интуиция, основанная на личном опыте мастера, тонкое чувство меры и понимание эстетики «на кончиках пальцев». К слову сказать, и сегодня рабочие, технические специалисты и инженеры не могут работать полноценно на крупных производствах без этих качеств. Чувственное касание поверхности Фердинандом Пьехом новой модели Фолксвагена, что это как не тактильная коммуникация со своим детищем, чувственная связь с материалом, родом из мира мастера-ремесленника, проводящего рукой по дулу ружья, изгибу скрипки, рояля или комода.

Ремесленники существовали в том же информационном и идейном поле, что и промышленники, купцы и прочие субъекты экономической деятельности того времени, а значит – не были чужды идеям прогресса, пониманию роли просвещения и образования в ремесленной среде. Дж. Мокир дал название этому явлению в Европе XVIII в. – «промышленное Просвещение»[1622]. Точным аллегорическим изображением «просвещенного» ремесленника XVIII в. и, прежде всего, XIX в. является «царь-плотник» – скульптурное изображение Петра I в образе ремесленного мастера, строящего корабль, подаренное правительством Нидерландов городу Санкт-Петербургу к 300-летию основания Российского флота (1696-1996) и установленное на Адмиралтейской набережной.

Учитывая роль ремесленников во время модернизации и индустриализации в русской промышленности XIX в., готовивших квалифицированные кадры для заводов и фабрик[1623], осуществлявших роль

[1621] См.: Шумкин Г.Н. Производство ствольного железа на казенных горных заводах Урала в середине XIX в. // Історичний архів. Наукові студії: Збірник наукових праць. Миколаев, 2014. Вип. 12. С. 115; Он же. К вопросу о месте Николаевского завода в истории русской промышленности // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2015. № 4. С. 192–204; см.: Grootaers D. Histoire de l'enseignement technique et professionnel en Belgique : 1860–1960. Bruxelles, 1994. 593 p.

[1622] Мокир Дж. Меркантилизм… С. 8.

[1623] Ditt K. Fabrikarbeiter und Handwerker im 19. Jahrhundert in der neueren deutschen Geschichtsschreibung // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft. Göttingen, 1994. Nr. 2. S. 289–320.

субподрядчиков, а также как самостоятельных производителей, можно говорить о третьем важном «агенте» промышленной революции, наряду со средним и высшим техническим персоналом – а именно о ремесленнике, представленном в производстве квалифицированным рабочим или мастером. Высокий уровень технической компетентности, поддерживаемый институтом ремесленного ученичества, сыграл решающую роль в промышленной революции. Безусловно, сам по себе этот институт не был достаточным условием экономического роста и прогресс в ремесленной промышленности был бы неполным без вливания новых радикальных идей, в области инженерной мысли и развития естественных и точных наук. И, тем не менее, этот институт ученичества был необходимым условием для промышленного взлета. Без мастеров, которое могли бы превратить чертежи и новые конструкции в рабочие машины, могли масштабировать модели, промышленная революция так же осталась бы на бумаге, как блестящие технические чертежи Леонардо Да Винчи. Такие английские литейщики и кузнецы как Джон Уилкинсон, называемый в русскоязычных источниках «инженером и изобретателем», что также справедливо, были незаменимы, если Джеймс Уатт и Ричард Аркрайт должны были воплотить свои идеи в жизнь и дать толчок индустриальной революции[1624]. После 1815 года британские квалифицированные механики и техники разъехались по всему континенту, чтобы устанавливать и обслуживать новое оборудование. Они прошли обучение через систему ученичества высшего уровня[1625].

Одними из таких литейных дел мастеров были литейщик и механик Чарльз Берд (Карл Николаевич, англ. Charles Baird, 1766 – 10 декабря 1843) в

[1624] Croix D.d.l., Doepke M., Mokyr J. More than family matters…; Д. Уатт изучал инструментальное ремесло в Лондоне, С. Кромптон – изобретатель прядильной машины периодического действия и пионер прядильной промышленности, Р. Аркрайт – изначально парикмахер и изготовитель париков. Его отец, — портной Томас Аркрайт, — был главой союза ремесленников Престона (англ. Preston Guild burgess); Исследования по истории техники показывают, что эти открытия не были сиюминутными акциями технических гениев, но базировались на долгом предшествующем периоде аккумуляции знаний и опыта и представляют из себя социальный процесс. Новые технические решения базировались на более или менее известных практиках, улучшенных посредством проб и ошибок. Как паровой, так и прядильной машине (Waterframe) предшествовали другие, менее совершенные машины (Pierenkemper T. Technik in der industriellen Revolution. Wirtschaftshistorische Gedanken zum deutschen Fall // König W., Schneider H. (Hrsg.). Die technikhistorische Forschung in Deutschland vor 1800 bis zur Gegenwart. Kassel, 2007. P. 258).

[1625] См. Croix D. de la, Doepke M., Mokyr J. More than family matters...

Санкт-Петербурге и механик Джозеф Меджер (Иосиф Яковлевич, ? – 20 апреля 1831) на Урале, которых привез в 1786 г. из Англии Чарльз Гаскойн (Карл Карлович, англ. Charles Gascoigne, 1739 – 1 августа 1806, Колпино)[1626]. Известно, что у них были как именитые предшественники, так и известные ученики. На вопрос, почему, несмотря на присутствие высокого литейного искусства в России, начиная с XV века и такие имена русских мастеров как Андрей Чохов (род. 1540/1545–1629), династия литейщиков Моториных: Фёдор Дмитриевич (1630- е гг. – 1688), Дмитрий Федорович, Иван Фёдорович (1660-е гг. – 1735) и Михаил Иванович (?–1750) и многие другие большие мастера литейного дела, периодически возникали проблемы с производством качественных артиллерийских орудий, огнестрельного и холодного оружия[1627]?

Ответ на вопрос о причинах данного явления кроется, как нам видится, прежде всего, в механизмах функционирования форсированных модернизаций, характерных для политики российского правительства, предусматривавших максимальную централизацию производства и усиленное администрирование[1628]. Концепции вестернизации и модернизации в истории России рассматриваемого периода доминировали в общественном и политическом сознании, поэтому и анализ развития ремесленной и крупной промышленности целесообразно проводить на первом этапе именно в рамках теории модернизации, предлагающей, адекватную представлениям акторов

[1626] См. Бондаренко Ф.В., Микитюк В.П., Шкерин В.А. Британские механики и предприниматели на Урале в XIX – начале XX вв. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. С. 5–22; Оба механика приехали в Россию в 1786 г. вместе с бывшим директором Карронских заводов Карлом Гаскойном (см.: Тараканова Е.С. Гаскойн и русские пушки // Север. 2001. №4–5–6. С. 96–114; №7–8. С. 165–177; № 10–11. С. 187–201).

[1627] Также нельзя не упомянуть выдающихся мастеров художественного литья Василия Петровича Екимова (он же Якимов) (1758–1837) и Василия Федоровича Торокина (1845–1912); Уилкинсон, Меджер, Берд, как и многие другие ремесленные и цеховые мастера, закончили свою жизнь крупными предпринимателями, что не умаляет значения того факта, что они происходили из среды ремесленных мастеров. Именно этот контектст важен для данного исследования: компетенции мастера и ремесленные практики, органично впимывающиеся (вписываемые данной работой) в контест и механихзмы научно-технического развития.

[1628] Основным негативным фактором возникновения экономической модели с повторяющимися периодами форсированной модернизации в России стала крепостная промышленность. Сложившаяся в петровские времена система государственного протекционизма промышленности обуславливалась доминированием земледельческого сектора, недостатком капитала и людских ресурсов, высокой долей непроизводительных расходов (История России XVIII-XIX веков / Л.В. Милов... С. 401).

XVIII – XIX вв. о целях и средствах развития общества и экономики, методику исследования.

В результате анализа механизмов взаимодействия и передачи знаний иностранных специалистов можно вычленить приблизительный единый сценарий, по которому происходили форсированные модернизации. Как и ранее, в случае с Аристотелем Фьораванти (Ridolfo «Aristotele» Fioravanti), фрязином Алевизом новым (Aloisio the New), английскими купцами в XVI и XVII веках, так и в XVIII – начале XX века видна схожая типология действий: иностранные «антрепренеры» обязываются брать в обучение русских учеников и/или вызывают специалистов из-за границы[1629]. После коротких фаз бурного развития, которые можно назвать периодами форсированной модернизации, наступают продолжительные периоды застоя или замедления, которое вновь сменяется ускорением. В эти периоды застоя приобретенные профессиональные навыки и технологии могут быть забыты и цикл модернизации с привлечением иностранных специалистов повторяется. Можно заключить, что в России, в контексте того времени, существовал не столько недостаток в подготовке профессиональных кадров, сколько в отсутствии благоприятных условий для их развития. Монополии лишь отчасти решали эту проблему, так как иностранные предприниматели должны были, в свою очередь, приспосабливаться к культуре и системе взаимоотношений как с властью, так и с персоналом.

Можно найти массу свидетельств как о пользе государственного заказа, так и о его разорительности. Первое правильно для отдельных кланов состоятельных тульских кузнецов: Демидовых, Баташевых, Мосоловых, Ореховых, ставших крупными предпринимателями и заводчиками. Второе – для мелких ремесленников и кустарных мастеров. Этот опыт имелся и в Туле, и в Устюжне Железопольской, и в Павлово, независимо от того, были-ли они населены крестьянами, казенными или посадскими кузнецами. Поэтому все

[1629] Струмилин С.Г. История черной… Т. 1. С. 102–103.

они старались работать не только на государство, пытаясь избавиться от казенных заказов, перепоручая их менее состоятельным кузнецам, но и на частных клиентов, увеличивая доходность своей деятельности торгово-промышленного характера. Тем не менее, именно благодаря настойчивой политике правительства, количество кузнецов в Туле неуклонно росло (с 30, в 1595 г., до 1200, в 1720 г.), что является существенным, но не основным экономическим эффектом[1630].

Можно говорить о революционной и эволюционной моделях, в рамках которых процессы модернизации подверглись наиболее глубокому анализу. Революционная модель предполагает «короткие фазы лихорадочной модернизационной активности с длинными периодами прострации»[1631]. Форсированная модернизация («сверху») характерна для политики правительства, которая, как правило, предусматривала максимальную централизацию производства и усиленное администрирование в целях строительства флота, производства вооружений и прочего в кратчайшие сроки. Напротив, историческая эволюция («снизу»), предполагала базисную роль мелких и средних производителей в процессах модернизации и развитии промышленности[1632].

Именно об этой роли писали Джон Маккей и Ольга Крисп, считавшие, что А. Гершенкрон преувеличил роль правительства в стремительном экономическом росте в конце 1880-х и 1890-х гг.[1633]. По их мнению, наряду с государственным стимулированием или «государственным фактором», не в меньшей мере, этому способствовала неправительственная инициатива или

[1630] Там же. С. 205; «Вместе с увеличением нарядов росло и население тульской Кузнецкой слободы: в 1595 году здесь значилось 30 самопальных кузнецов, по переписи 1641 года их было 152 человека, по переписи 1696 года – 194 человека, а в 1715 году оружейных мастеров с учениками было уже 1161 человек» (Зыбин С.А. История Тульского императора Петра Великого оружейного завода. Т.1. М., 1912. С. 291–292).

[1631] Янов А.Л. Одиссея русской автократии // Перспективы. 2. 1991. С. 78; см.: Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962. 456 p.; А.Н. Медушевский выделяет две модели процесса (модернизации): эволюционную и революционную (Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. С. 73–74).

[1632] См.: Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции…; Eisenstadt S.N. Tradition, Change, and Modernity. New York, 1973. 367 p.; Idem. Multiple Modernities… Pp. 1–29.

[1633] Gerschenkron A. Economic Backwardness...

«автономный фактор роста»[1634]. К последнему относились два вида частных предприятий: как правило небольшое и ориентированное на широкий потребительский спрос предприятие в легкой промышленности и крупное «монополистическое» – в тяжелой промышленности, связанное с государством. Первые концентрировались в основном в Центральном промышленном районе вокруг Москвы, имевшем давние традиции в торговом и промышленном предпринимательстве, вторые имели своим центром Петербург[1635].

В данном контексте в последние годы актуальна, прежде всего, концепция множественных модерностей израильского социолога Шмуэля Айзенштадта, представленная в 2000 г.[1636]. При этом, в международной социологии доминирует тренд интерпретировать множественные модерности в аспекте компаративного исследования цивилизаций[1637]. Но в силу специфики этой теории, ее методологии зачастую недостаточно для исследования истории, особенно городского ремесла[1638]. У авторов, придерживающихся теории модернизации, редко найдутся книги или статьи по истории ремесла, без которых невозможно объяснить механизмы возникновения протоиндустриализации и модернизации на первом этапе. Именно поэтому важно исследование ремесла, на примере которого возможно исследование распространения отечественных и зарубежных технологических инноваций, их кросскультурное воздействие, влияние на изменение социокультурных практик[1639].

[1634] Crisp O. Studies in the Russian Economy Before 1914. London, 1976. P. 4–54; Маккей Дж. Развитие экономики... С. 211; «На развитие внешнеторгового оборота России влияли одновременно как «автономные», так и «стимулирующие» факторы, причем решающую роль, как будет показано ниже, играла именно первая группа факторов» (Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в. Организация и финансирование. URL: http://statehistory.ru/books/Styuart-Ross-Tompston_Rossiyskaya-vneshnyaya-torgovlya-XIX---nachala-XX-v--Organizatsiya-i-finansirovanie/2 (Дата обращения: 25.11.2017)).

[1635] Crisp O. Studies in the Russian Economy…; Gregory P. Russian National Income, 1885–1913. Cambridge, 1982.

[1636] Eisenstadt S.N. Multiple Modernities…

[1637] См.: Latham S., Rogers G. Modernism. Evolution of an Idea...

[1638] См.: Аллард Э. Сомнительные достоинства концепции модернизации // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 60–66.

[1639] См.: Davids K., Munck B.d. (eds). Innovation and Creativity…; Epstein S.R., Prak M. (ed.). Guilds, Innovation and the European Economy…; Epstein S.R. Technology, Skills and the Pre-modern Economy…; Farr J.R. Artisans in Europe…; Reith R. Technische Innovationen im Handwerk… S. 21–60.

Обратимся к опыту строителя первых паровых машин и пароходов в Петербурге и в России Чарльза Берда[1640]. Как писала Л. Н. Семенова, в конце XVIII в., «новым моментом явилось открытие частных предприятий в некоторых отраслях тяжелой промышленности»[1641]. «Иностранный мануфактурист и инженер» Ч. Берд основал в 1792 г. в Петербурге частный чугунный завод лишь много десятилетий спустя после активного строительства петровских мануфактур и поощрения частных предпринимателей к постройке частных заводов. Показательным было то, что это было, во-первых, первое частное крупное предприятие в металлообрабатывающей промышленности и, во-вторых, на нем впервые использовались паровые машины. Как любой частный предприниматель, Берд ориентировался на широкий рынок товаров повседневного пользования, поэтому на его заводе выпускались «как предметы хозяйственного и бытового обихода, так и оборудование для промышленных предприятий. Например, в 1797 г. выпускались утюги, вьюшки, камины, печи для сахарных заводов, коленчатые валы для мельниц, лопасти и другие изделия»[1642]. Интересно, что и здесь не обошлось без мастера-компаньона. Открыть вместе с братом Джеймсом собственное дело позволило объединение «со своим соотечественником, инструментальным мастером Ф. Морганом […]. Ф. Морган имел на Матисовом острове в Петербурге небольшие железоделательные мастерские с плавильными печами»[1643]. Но случай с

[1640] Известно, что на заводе у Берда на Гутуевом острове работал в 1836–1837 г. слесарь из Берлина Ф.В. Кнак, скрывавшийся от жены. Видимо, будучи хорошим специалистом, он без труда нашел работу в Петербурге. Первое время он жил у директора-механика Роллера в Немецком театре, а затем у немецкого портного мастера Вестербурга (Westerburg) по адресу Большая Дворянская улица, 10. Последний был по всей видимости близким родственником Кнака, так как жена последнего была урожденной Вестербург (Ansuchen der Knack, geb. Westerburg, Berlin, vom 15ten September 1836 (Eingegangen am 21.09.1836) // GStA PK. III. HA MdA, III Nr. 12045 Ehescheidungsklage der Knack, geb. Westerburg in Berlin gegen ihren Ehemann, Schlossermeister F.W. Knack in St. Petersburg, 1836–1837, Bl. 1-6). Проживание иностранных ремесленников у их коллег и земляков являлось распространенной практикой. В 1773 г. «Шеврон с товарищи родом из Лотарингии, живущий у слесаря Амберга в Материальной улице [АК: Фонарный переулок], […] делает умбракулы и парасолы [АК: разновидности зонтов от солнца] из тафты и полотна» (Иванов А.А. История Петербурга в старых объявлениях. М.; СПб., 2008. С. 202–203).

[1641] Семенова Л.Н. Быт и население… С. 73.

[1642] Ерошкина А. Русский шотландец Чарльз Берд – первый в России владелец пароходов. URL: http://www.vrns.ru/history/2358/ (Дата обращения: 14.03.2017).

[1643] Гарбузова М. Б. Шотландская династия в Санкт-Петербурге // История Петербурга. 2002. № 5. С. 23–30; см. она же. Литейных дел мастер Чарльз Берд // Пятые открытые слушания «Института Петербурга». Ежегодная

Бердом был скорее исключением из правил. Несмотря на то, что количество мануфактур во второй половине XVIII в. увеличилось с 42 до 110[1644], петербургские мануфактуристы, по наблюдению И.Г. Георги, были «ни многочисленны, ни знатны (богаты. – Л.С.) (исключая немногия)»[1645].

В другом месте Георги замечает по поводу «мануфактур[..] и фабрик[..] частных людей», что «некоторые из [них] находятся в весьма цветущем состоянии, но другие по причине малого своего заводу и за неободрением менее известны, нежели иные мастерские ремесленников, а есть немало и таких, кои остановились или совсем уже уничтожились, отчего и происходит недостаток в иных мануфактурах и фабриках, нужных при производстве художеств и ремесел»[1646]. Обратим внимание на наблюдение Георги, что «мануфактуры и фабрики» «менее известны, нежели иные мастерские ремесленников», следовательно, можно сделать вывод, что ученый под словами: «сверх же того есть много способов наличные свои деньги употребить легче, безопаснее, и скорее на другое, нежели на фабрики», имел ввиду именно ремесленные мастерские[1647]. Косвенным тому подтверждением является наблюдение П.Г. Рындзюнского о том, что «мелкая промышленность не стояла на одном месте, она развивалась не только в количественном, но и в качественном отношении»[1648].

Все было бы относительно просто в интерпретации событий, подтверждающих общепринятую точку зрения на экономическое развитие столицы во время промышленной революции, если бы не кризис 1873 г.[1649]. После «Черной пятницы» 9 мая на Венской фондовой бирже произошел обвал

конференция по проблемам петербурговедения. 10-11 января 1998 г. URL: http://institutspb.ru/pdf/hearings/05-04_Garbuzova.pdf (Дата обращения: 16.06.2017).

[1644] Семенова Л.Н. Быт и население… С. 73.

[1645] Там же.

[1646] Георги И.Г. Описание... С. 190.

[1647] Там же. С. 187; «Промышленность Петербурга к началу 90-х годов XVIII века была очень невелика» (Яцунский В.К. Крупная промышленность России в 1790–1860 гг. // Очерки экономической истории России первой половины XIX века: сб. ст. под ред. М.К. Рожковой. М., 1959. С. 125).

[1648] Рындзюнский П.Г. Мелкая промышленность... С. 84–85.

[1649] See: Spree R. Business Cycles in History. Munich Discussion Paper No. 2001-1. Munich, 2002. P. 11–12; Spree R. Das Wachstum von Volkswirtschaften. Theorie und historische Erfahrung // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1994. Nr. 1. S. 109–130.

бирж в Европе и США, что привело к затяжному международному финансовому кризису, вызвавшему всеобщий экономический спад в России 1872–1876 гг.[1650]. Но ожидаемого окончательного вытеснения таких, например, небольших ремесленных мастерских как булочные, а также пекарни при мелочных лавках, не входивших в цеха, через крупные производства, и продолжения негативного тренда в сокращении средней величины хлебопекарен не произошло – последние стабилизируются. Они успешно сосуществуют с крупными булочными и хлебопекарнями, удовлетворяя потребности разных слоев населения, прежде всего в радиусе шаговой доступности. Более того, традиционные булочные и хлебопекарни находят ресурсы для своего развития и роста.

Понимание механизмов протоиндустриализации как исторического явления будет неполным без анализа роли в ней ремесла, как древнейшей, наряду с сельским хозяйством, формой производства, «кормящей» значительную часть населения. Но еще более интересным является время индустриализации, когда история ремесла, вопреки предсказаниям многих политэкономов, не прекращается. При этом видится целесообразным, рассмотреть взаимодействие и взаимовлияние ремесла и крупной промышленности не с позиций капитала и развития капитализма, а как самостоятельного социально-экономического уклада, анализ которого имеет свои особенности. В Петербурге, как крупнейшем индустриальном центре России конца XIX в., существовала наивысшая концентрация крупной промышленности: машиностроение, металлообработка, электротехническая, химическая и текстильная промышленность, наиболее интенсивно проходил период индустриализации. Хорошо прослеживается приспособление и видоизменение ремесла в процессе миниатюризации техники: разработка Н.А. Отто в 1876 г. двухтактного, а в 1877 г. четырехтактного двигателя внутреннего сгорания, появление в 1893 г. первого дизельного мотора,

[1650] Мошенский С.З. Рынок ценных бумаг Российской империи. М., 2014. С. 78–79.

разработанного и построенного Р. Дизелем, в ремесленное производство начинают активно внедряться эти технические новшества, значительно снизившие физические нагрузки и повысившие производительность ремесленного труда.

Улучшившаяся коммуникация несла в себе больше положительных, чем отрицательных последствий для ремесленников. Стали возможными получение более дешевого сырья и сбыт продукции далеко за пределами города, как, например, в производстве одежды, обуви, продуктов питания и домашнего обихода. Столичные мастера начинают работать не только на заказ, но и про запас. Знаток городского ремесла Г.А. Белковский писал в 1899 г.: «Уступив крупному производству, некоторые категории производительных процессов (например, изготовление предметов из волокнистых веществ), ремесло […] прочно сохраняет некоторые позиции»[1651].

Нужно признать, что европейская парадигма, или парадигма вестернизации в русской истории XVIII – XIX вв., в контексте инноваций и поиска идентичности, оказалась чрезвычайно плодотворной[1652]. Именно благодаря крайней космополитичности и евроцентризму большинства представителей российских элит, оказавшихся крайне восприимчивыми ко многим европейским инновациям, наряду с реформаторской волей Петра I, явилось совершенно естественным появление в XVIII в. академической науки, университетов, светской живописи, театра, балета, европейской моды[1653]. По этой же причине, предпочтение в России долгое время отдавалось «качеству иностранной работы», хотя большинство товаров с клеймом иностранного

[1651] Белковский Г.А. Ремесло… С. 561.

[1652] В связи с этим можно говорить об оформлении дихотомии «Россия-Запад», получившей свое актуальное оформление в 1840-х годах. На это время приходится начало критического диалога между славянофилами и западниками. При ближайшем рассмотрении, не только западники, но и славянофилы пользовались характерной для всего петербургского периода российской истории европоцентристской перспективой, артикулированной наиболее ярко у западника П.Я. Чаадаева в его «Философических письмах». Первое из них было опубликовано еще при жизни автора в 1836 г. (Lehmann-Carli G., Drosihn Y., Klitsche-Sowitzki U. Russland zwischen Ost und West?: Gratwanderungen nationaler Identität, Frank & Timme GmbH, 2011. S. 7; Scherer J. Kulturologie. Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. Göttingen, 2003. 188 S.).

[1653] О последствиях модернизации как формы неоколониализма для всего «периферийного» и неевропейского мира и окнах возможностей см.: Терборн Й. Мир… С. 105–124.

мастера в Петербурге было произведено русскими подмастерьями в мастерских иностранцев.

Возвращаясь к противопоставлению крупной и ремесленной промышленности, нужно сказать, что отношение к ним, в ходе глобального разворота в сторону устойчивого развития, меняется на глазах[1654]. Малые и средние предприятия, наследовавшие принципы ремесленного производства, рассматриваются как разумная альтернатива, в большинстве своем, неэкологичным и антисоциальным массовым производствам, прототипом которых служат полностью автоматизированные фабрики[1655]. Но именно умелое сочетание этих форм производства может дать наиболее оптимальный результат[1656].

Промышленная модернизация и индустриализация являются противоречивыми процессами, имеющими как негативные, так и позитивные стороны для ремесла в городе и на селе. Строительство крупных заводов приводило зачастую к затуханию промыслов и ремесел в одном случае, как это произошло в Туле на юге Центрального промышленного района или к их распространению и развитию севернее от нее. Закрытие многих крупных заводов на Урале во второй половине XIX в. приводило к возникновению множества мастерских по металлообработке бывших рабочих и мастеров этих заводов. Аналогичная ситуация произошла с возникновением «ювелирного квартала» – новой отрасли в Бирмингеме, во второй половине XIX в. Сокращение производства пряжи, игрушек и кнопок привело к освобождению квалифицированных кадров, которые могли быть легко переучены в ювелирной промышленности. Перенос компетенций и организация квартала

[1654] См.: Klemisch H., Rauhut I. Wissenslandkarte... S. 203.

[1655] Идею такой фабрики пропагандировал Эндрю Юр (1778–1857) в своей книге «Философия фабрики», опубликованной в 1835 г. (Ure A. The Philosophy of Manufactures…). Юр исходил из полной замены ручного квалифицированного труда машинами. Карл Маркс (1818–1883) разделял этот взгляд (См.: Uhl K. Räume der Arbeit…; Rapp F., Ropohl G. Historische und systematische Übersicht...).

[1656] См: Karafyllis N.C. Das technische Dasein. Eine phänomenologische Annäherung an technologische Welt- und Selbstverhältnisse in aufklärerischer Absicht // E. Hörl (Hg.). Die technologische Bedingung. Beiträge zur Beschreibung der technischen Welt. Berlin: Suhrkamp, 2011. S. 229–266; Idem. Stichwort „Homo faber/Technik“ // Eike Bohlke, Christian Thies (Hg.). Handbuch Anthropologie. Stuttgart/Weimar, 2009. S. 340–344.

ювелиров по сетевому принципу повторяли опыт организации мелких производителей Бирмингема[1657].

Работа М.И. Туган-Барановского, о социальных основах кооперации на примере Германии, явилась логическим продолжением размышлений об исторической эволюции «малых форм производства» и развитии «снизу» как альтернативах массовому производству. Теоретические и практические исследования известного ученого-экономиста привели его к разработке путей сбалансированного экономического развития для предотвращения экономических кризисов[1658]. Наряду с «пролетарской», крестьянской и потребительской кооперацией, он говорит о ремесленной кооперации, которую В.И. Ленин называет «капиталистической кооперацией», возникшей во время усилившегося давления со стороны массового производства сначала в Европе, а потом и в России: «Именно городские ремесленники стали той социальной средой, в которой кооперация впервые стала серьезной общественной силой»[1659].

Вскоре это движение стало массовым в России, особенно среди крестьянских кустарей, у которых были развиты различные формы кооперации[1660]. Туган-

---

[1657] Закрытие многих крупных заводов на Урале во второй половине XIX в. привело к возникновению множества мастерских по металлообработке бывших рабочих и мастеров этих заводов. Аналогичная ситуация произошла с возникновением «ювелирного квартала» – новой отрасли в Бирмингеме, во второй половине XIX в. Сокращение производства пряжи, игрушек и кнопок привело к освобождению квалифицированных кадров, которые могли быть легко переучены в ювелирной промышленности. Перенос компетенций и организация квартала ювелиров по сетевому принципу повторяли опыт организации мелких производителей Бирмингема (s.: Propris L. De & Lazzeretti L. Measuring the Decline of a Marshallian Industrial District: The Birmingham Jewellery Quarter // Regional Studies. 2009. 43:9. P. 1135–1154.

[1658] Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации… 1989.

[1659] Там же. С. 379.

[1660] Там же. С. 402–404; Туган-Барановский раскрывает тему на примере Германии и других европейских государств, что ставит российское развитие, где это движение зарождается в 1830-х годах и принимает большое распространение с конца XIX в., в широкий европейский контекст (см. там же с. 409); См. о российской кооперации: Билимович А.Д., Никифоров Л.В. Кооперация в России…; Кабанов В.В. Кооперация как канал взаимодействия различных социально-экономических укладов (К вопросу о роли кооперации в социально-экономичской структуре капиталистической России) // Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 100–108; Файн Л.Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново, 2002; А.В. Чаянов писал даже о победе кустарной промышленности над капиталистической : «В России в период начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г. в аграрном секторе существовало рядом с крупным капиталистическим крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам» (Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М., 1989. С. 143; Кара-Мурза С.Г. Дорога в СССР… С. 29–30).

Барановский писал в конце XIX века: «В цветущем состоянии города нужен и земледелец, и ремесленник, и фабрикант, и заводчик, и купец»[1661].

С началом века машин и промышленной революции, особенно со второй половины XVIII в., труд и навыки в духе времени размещаются на шкале (рыночных) ценностей, наравне с машинами и инструментами, и, в конечном счете, обесцениваются. По мнению Адама Смита, ловкость работника можно рассматривать в том же самом смысле, как и машину или инструмент торговли, которые облегчают и удешевляют труд, хотя это и стоит определенных затрат, погашающихся за счет прибыли[1662]. Для своего времени это были идеи, воспринимавшиеся многими как революционные, помогавшие преобразовывать промышленный мир. Для ремесленников, и особенно цеховых, наступали тяжелые времена, их привилегированное положение, как незаменимых специалистов, все больше ставилось под сомнение и запрет. Вследствие этого, статус ремесленника значительно понизился, а сам он был низведен до своего рода сложного автомата, наравне с другими машинами; его труд и навыки обесценивались и низводились до уровня вещи, которую можно приобрести или выбросить, в зависимости от потребности *потребителя*.

Интересно, что для традиционных Центрального и Северо-Западного промышленных районов, характерной была именно продукция для разных сегментов рынка: крупных (передельный и литейный чугун, кричное и листовое железо) и мелких (предметы домашнего обихода: посуда, котлы, горшки, сельскохозяйственный инвентарь) покупателей[1663]. С.В. Голикова, Н.А. Миненко и И.В. Побережников отметили эволюцию «домашней металлургии» и металлообрабатывающих промыслов уральского старопромышленного района уже в XVIII в., когда «добытую руду крестьяне

[1661] Туган-Барановский М.И. Русская фабрика… 1900. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. С. 289.

[1662] Munk B. Artisans, Products and Gifts: Rethinking thr History of Material Culture in Early Modern Europe // Past and Present 224 (2014), 56–57.

[1663] Любомиров П.Г. Очерки по истории... С. 399; см.: Сербина К.Н. Крестьянская железоделательная промышленность Северо-Западной России XVI – первой половины XIX в. / АН СССР. Ин-т истории СССР. Ленингр. отд-ние. Л., 1971. 264 с.; она же. Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI – первой половины XIX в. Л., 1978. 192 с.

стали сдавать на заводы, а деревенские кузнецы перешли на работу с заводским металлом»[1664]. Схожая ситуация наблюдалась и в центрах металлообработки Англии Шеффилде и Бирмингеме, рядом с которыми возникли крупные чугуно- и сталелитейные заводы, сбывавшие свою продукцию ремесленникам. Не случайно, что именно эти города стали важными центрами машиностроения и металлообработки: режущих инструментов, различных металлоизделий, «ножевого товара», ювелирных изделий.

По мере развития крупного фабрично-заводского производства, в России XIX века наблюдались схожие процессы в эволюции ремесла и кустарных промыслов[1665]. Заводы возникали и исчезали, равно как и ремесленные мастерские, в зависимости от спроса, условий рынка сырья и рабочей силы. Вследствие этого, кустарные промыслы могли размещаться чрезвычайно неравномерно даже в рамках одного уезда[1666]. Л.В. Ольховая, исследовавшая промыслы Пермского края, отмечала, с одной стороны, «более быстрый рост числа кустарных промыслов в начале XX в. […] не в крупных центрах Урала, а в отдаленных районах края» с постепенной концентрацией мелкого промышленного производства, с другой, что кустарное производство во многих районах тяготело к заводам и к торговым путям[1667].

Усилия, прилагавшиеся в развитии ремесленного образования, показывали положительную динамику, должную помочь уравновесить перекосы в профессиональном образовании, в соответствии с полиморфной экономикой. Структура производства, допускающая не только сосуществование, но и взаимодействие крупного промышленного и ремесленного производства, интерпретированная ранее как негативный

[1664] Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России… С. 85-86.
[1665] Егоров В.Г., Зозуля О.А. Трансформация кустарных промыслов… С. 88–102.
[1666] Кашаева Ю.А. Кустарные промыслы Пермской губернии... С. 47.
[1667] Ольховая Л.В. Мелкая промышленность Урала в начале XX века (1905-1913 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1964. С. 9; См.: Ольховая Л.В. К истории развития мелкой промышленности Урала в конце XIX – начале XX в. // Вопросы экономической истории и экономической географии. Свердловск, 1964. С. 39–50; Она же. Мелкая промышленность Урала в годы Первой мировой войны // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности / Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1972. С. 333–345; Журналы Пермского уездного земского собрания 42 оч. сессии 1911 г. Доклады комиссий и доклады управы с приложениями. Пермь, 1912.

признак многоукладности и сочетания феодальных и капиталистических элементов, является сегодня в трансформированном виде новой гибкой формой кооперации малого и крупного бизнеса, характерной для современного производства[1668]. Сочетание производства на заводе и в ремесленных мастерских обеспечивало его гибкость и инновативность. Шадринские пимокаты, портные Юговского завода, артели кунгурских сапожников и многие другие ремесленники Пермской губернии поставили сотни тысяч единиц продукции в рамках военного заказа после 1914 г., а металлисты изготавливали «детали для снарядов, что значительно повышало производительность больших заводов, выпускавших снаряды»[1669]. Именно потому, что крестьяне-промысловики и ремесленники Урала были в значительной степени интегрированы в металлообрабатывающее производство[1670].

Ремесленные традиции, зародившиеся в Центральном промышленном районе, существуют в некоторых случаях по сей день. Так обстоит дело с бывшими торгово-промышленными селами бывшей Нижегородской губернии Павловым и Ворсмой, где процветали железообрабатывающие ремесла[1671]. В селе Иваново в Ярославской губернии уже в XVI в. процветало ткачество льняных холстов, а в середине XVIII века богатые крестьяне основали там первые текстильные мануфактуры[1672]. В селе Кимры Тверской губернии в XVII в. началось развитие сапожного промысла. «В 1708 году некоторые

[1668] Вильгельм Вернет писал еще в 1965 г. об относительно частом накладывании и смешении между ремеслом и промышленностью, напимер, у мясников, уступивших крупным предприятиям в послевоенный период около 51% своих объемов производства. Говоря о специфике ремесленного производства, он выделяет типичные черты ремесленного мастера, являющегося для себя в одном лице одновременно кредитодателем, предпринимателем и рабочим на своем предприятии. После своего обучения каждый из них владеет в совершенстве и в полном объеме своим местерством. Ремесленная промышленность является крайне гетерогенной, разделенной на отрасли, производящие товары широкого потребления и оказание услуг, предприятия которой отличаются друг от друга по размеру и объему инвестиций. Большинство ремесленных предприятий занимает ключевые позиции в экономике (Wernet W. Zur Frage der Abgrenzung von Handwerk mit Industrie: die wirtschaftlichen Zusammenhänge in ihrer Bedeutung für die Beurteilung von Abgrenzungsfragen, Münster, 1965. S. 4, 64–65, 81–86).

[1669] Ольховая Л.В. Мелкая промышленность Урала в годы Первой мировой войны... С. 337.

[1670] Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России… С. 75.

[1671] Промысловые села принадлежали, как правило, «крупным помещикам, что обеспечивало их крестьянам определенную защиту от поборов местных властей» (История России XVIII – XIX веков / Л.В. Милов, Н.И. Цимбаев… С. 393).

[1672] См.: Балдин К.Е. Индустриальное развитие и образовательное пространство провинциального города в конце XIX – начале XX века (на примере Иваново-Вознесенска) // Лабиринт. 2014. № 1. С. 17–26.

оброчные крестьяне села заключили соглашение с канцелярией императора Петра I на поставку для нужд армии нескольких тысяч пар обуви (сапог и башмаков), кожаных мундиров и сёдел в течение нескольких лет. Шведский путешественник Строленберг, посещавший Кимры, в 1710 году писал: «В Кимрах находятся лучшие портные, сапожники, известные по всей России»[1673]. Их состояние традиционно интерпретировалось как переходное и временное.

Пытаясь показать развитие капитализма в России уже в XVIII в. и подогнать его под формационную схему, Н.И. Павленко, к примеру, говорит исключительно о мануфактуре или неизбежном переходе к ней, хотя ремесла продолжали существовать и развиваться помимо мануфактуры[1674]. Мануфактура ушла в прошлое, а ремесленные предприятия продолжали с переменным успехом существовать. Фетишизация товарного производства приводила к тому, что за товарами переставали замечать людей и социальные отношения, что затрудняло понимание того, что фабрика не всегда должна была вырастать из местной кустарной или ремесленной промышленности, способной существовать как независимый и самодостаточный экономический институт[1675]. Отметим, что мануфактуре вытеснить ремесло так и не удалось, тем более, что по словам К. Маркса многие из мануфактур представляли ничто иное как расширенную мастерскую цехового мастера[1676].

В.И. Ленин подметил в 1908 г., что «капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства. Целый ряд „средних слоев“ неминуемо вновь создается капитализмом (придаток фабрики, работа на дому, мелкие мастерские, разбросанные по всей стране ввиду требований крупной, например, велосипедной и автомобильной индустрии, и т. д.)»[1677]. Категоричность российского социал-демократа оставляет всего один

[1673] См. Кудинов Н.С. Кимрская земля. Тверь, 2007.
[1674] Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в. М.: 1962. С. 274–326.
[1675] Туган-Барановский М.И. Русская фабрика… С. 461.
[1676] Струмилин С.Г. История черной… С. 83.
[1677] Ленин В.И. ПСС. Т. 17. М., 1973. С. 25.

единственный возможный сценарий развития для мелких и средних производителей – «эти новые мелкие производители,– утверждает он, – так же неминуемо опять выбрасываются в ряды пролетариата»[1678]. Но, как показывает опыт, история, ввиду своей открытости, припасла разные варианты развития.

Еще довольно продолжительное время в России, практически вплоть до 1930-х гг., крупные предприятия тяжелой промышленности по совокупному продукту играли менее важную роль для народного хозяйства, чем городские ремесленники, крестьяне-кустари и промысловая кооперация. При этом все еще прослеживалась тесная связь фабричного производства с промысловыми гнездами. По материалам Всесоюзной переписи 1929 г. в выявленных 3175 промысловых гнездах насчитывалось 297 фабрик и заводов, связанных с мелкой промышленностью[1679]. Данные связи являлись структурным наследием дореволюционного промышленного развития, которое в ходе советской индустриализации, коллективизации и движения кооперации было, за редкими исключениями, ликвидировано.

Но ведь ручной или кустарный и ремесленный труд должен был, по словам С. Г. Струмилина, «неизбежно […] отступить перед машиной»[1680]. В

[1678] Там же; Гамбургский мясник К.-Д. Байя решительно возражает против, по его мнению некорректного, вывода К. Маркса о том, что малые и средние предприятия, мелкие промышленники, купцы и рантье, ремесленники и крестьяне, все слои общества в конечном итоге становяться пролетариями («[…] die kleinen Mittelstände, die kleinen Industriellen, Kaufleute und Rentiers, die Handwerker und Bauern, alle diese Klassen fallen ins Proletariat hinab»). Среди мясников Гамбурга в XX в. наблюдались как о во всем ремесле процессы механизации, машинизации и рационализации производства. Cit.: Baja K.-D. Ein Handwerk im Wandel. Soziale Wirklichkeit selbständiger FleischermeisterInnen in Fachgeschäften als Fokus für Prognosen zukünftirger Entwicklungen. Hamburg, 2001. S. 19; See: Handwerk im Widerstreit der Lehrmeinungen: das neuzeitliche Handwerksproblem in der sozialwissenschaftlichen Literatur, Forschungsberichte aus dem Handwerk, Band 3. Münster, 1960. S. 13–16; Heinrich W. Probleme des Klein- und Mittelbetriebes in Handwerk und Gewerbe. Münster-Westfalen, 1964.

[1679] Мелкая промышленность СССР по данным Всесоюзной переписи 1929 г.: Справочник. Вып. II. Мелкая гнездовая промышленность. М.; Л., 1932. с. XII; См.: Верняев И.И. Промысловые кластеры… С. 78.

[1680] Струмилин С.Г. История черной металлургии… Т. 1. С. 205; И.М. Кулишер анализируя развитие крестьянских промыслов второй половины XVIII – начала XIX века цитировал результаты исследований XVIII в.: «“Крестьянин весьма склонен к промышленной работе“. […] Тверская губерния в 80-х годах XVIII ст. вывозила на продажу до 10 милл. аршин крестьянского холста. Металлические изделия села Павлова распространились по всей России и даже вывозились в Персию, кустари приволжских местностей производили на продажу гвозди. Одни местности, как например различные села Кашинского уезда, были населены почти исключительно сапожниками и башмачниками, другие кузецами, в Гжельской волости почти все жители занимались приготовлением глиняной и фарфоровой посуды. В деревнях мы находим мебельный промысел, выделку колес, дуг, саней, но и такие производства, которые совершенно не находятся в связи с потребностями сельского населения, как тканье шелковых материй и лент, изготовление изделий из золота и серебра» (Кулишер И.М. Очерк истории… С. 134). Схожее структурное развитие наблюдалось в Западной Европе. В Средние века и раннее Новое время в Европе (и в других местах в мире)

свете сегодняшних знаний это далеко не так, если под ручным трудом понимать ремесло. На базе традиционных промышленно-промысловых кластеров возникли ведущие российские индустриальные районы, в которых происходил симбиоз различных форм промышленности: «В динамике симбиоза крупных и мелких заведений промышленно-промыслового кластера можно наблюдать своего рода циклы концентрации и рассредоточения, периодические флуктуации централизации и децентрализации кадров, промышленной культуры и технологий. На определенном историческом этапе за счет мелких промысловых мастерских кластера мог происходить рост крупных заведений – фабрик и заводов (казенные и помещичьи заведения XVIII – середины XIX в., капиталистические предприятия второй половины XIX – начала XX в., государственные и кооперативные предприятия советского периода). После цикла концентрации, обычно в результате локального, регионального или национального кризиса, наступает фаза децентрализации, роста мелких семейных и межсемейных промысловых заведений за счет крупных. Кадры, оборудование, культура и технологии „расползаются“ по домам и мастерским. На следующей фазе опять могут возобладать процессы концентрации в промышленно-промысловом кластере. Эти флуктуации можно проследить вплоть до современности»[1681].

появляются ремесленные цехи в основном в больших и малых городах, производящие товары в основном для местного рынка. Напротив, кустарные ремесленники в протоиндустриальных районах специализировались обычно на экспортных отраслях производства (Bert de Munck, Steven L. Kaplan and Hugo Soly (Eds.). Learning on the Shop Floor. Historical Perspectives… P. 10). То же самое, что и о петербургском, можно сказать о высокоспециализированном французском ремесле, производившем в основном для потребностей локального рынка (Duchhardt H. Europa am Vorabend... S. 120).

[1681] Верняев И.И. Промысловые кластеры… С. 78; См. об образовании промышленных районов в России: Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность…; Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России...; Кристиан Маркс пришет об аналогичных структурных признаках промышленной географии в Западной Европе: в Англии и в странах европейского континента, где расположение сегодняшних крупных промышленных районов в большинстве случаев совпадает с расположением традиционных промысловых и ремесленных кластеров. Навыки и способности ремесленников в таких районах служили профессиональной базой для будущих крупных промышленных предприятий. Распространив это заключение на Россию, можно сказать, что развитые ремесленная промышленность и кустарные промыслы стали необходимой предпосылкой не только для протоиндустриализация, появления мануфактур, заводов и фабрик, строительства «магналии» XVIII века – Санкт–Петербурга, но и сама индустриализация в трех старопромышленных районах России во второй половине XIX в. (Marx C. Wirtschaftliche Netzwerke // Europäische Geschichte Online (EGO), hg. vom Leibniz-Institut für Europäische Geschichte (IEG), Mainz 2012-08-13. URL: http://www.ieg-ego.eu/marxc-2012-de (Дата обращения: 22.11.2016)).

Названные флуктуации происходили с разной интенсивностью во всех старопромышленных районах, без исключения: «Тульское железоделательное производство, […] точно так же развилось под непосредственным влиянием железных заводов, устроенных еще в XVII веке и просуществовавших более 100 лет. „Заводы исчезли, – говорит исследователь тульской кустарной промышленности Борисов, – а знание ремесла осталось“»[1682].

М.И. Туган-Барановский, вместе с другими современными ему авторами, говорил о разнообразии возможных трансформаций ремесленного и фабричного производства: «[…] поглощение мелкого производства крупным может совершаться двояким образом: во-первых, крупное производство – фабрика – может возникать независимо от местного кустарного производства и затем, вызывая понижение цен товара, действовать угнетающим образом на кустарные промыслы, производящие аналогичные продукты; промысел в этом случае раздробляется и в конце концов нередко уничтожается. Во-вторых, крупное производство может возникнуть из самой кустарной промышленности путем естественной эволюции последней… Иначе говоря, концентрация или раздробление кустарной мастерской зависит от уровня техники в фабричном производстве. Если превосходство фабрики не очень велико, то кустарная мастерская постепенно вырастает в фабрику. Если же превосходство это огромно, то кустарная мастерская распадается, и промысел отмирает»[1683].

Так же, как и городское ремесло, кустарные промыслы старопромышленных районов пережили во время протоиндустриализации и индустриализации существенную трансформацию. Их двоякое развитие: в одних случаях крупное производство сокращало количество кустарей, в других – способствовало их росту, когда было выгодно отдавать работу на сторону или при закрытии заводов. Наличие профессиональных кадров в традиционных центрах кустарной промышленности напрямую или косвенно

[1682] Туган-Барановский М.И. Русская фабрика… 1997. С. 268.
[1683] Там же. С. 462.

влияло на возникновение предприятий крупной промышленности, что приводило к их сложному взаимодействию в условиях полиморфной экономики. Процессы, запущенные в пореформенное время во второй половине XIX, и особенно в период 1907–1913 гг., привели к дальнейшему подъему кооперативного движения, в связи с ремесленным производством в городах и промысловыми кластерами.

Важно подчеркнуть, что речь не идет о смене феодализма капитализмом, а значит о существовании неких социально-экономических формаций, и не об их возможно точной периодизации, но о различных сценариях развития, когда в конце XIX – начале XX века приходит разочарование в «манчестерском» капитализме и начинаются поиски способов социально приемлемого экономического развития. В это время пути народников-экономистов и легальных и леворадикальных марксистов все больше расходятся. Одни делают упор на обосновывании теоретической и практической базы в развитии ремесел и кустарных промыслов, другие отдают предпочтение ускоренному капиталистическому и индустриальному развитию. При этом как те, так и другие вынуждены искать объяснение слишком гетерогенной социально-экономической стратификации российского общества. В результате чего происходила как ассимиляция или колонизация определенных областей ремесленного уклада крупной промышленностью, так и кооперация последней с ремесленниками, влекущая за собой интеграцию ремесла в новый экономический порядок, вызванный ускоренной индустриализацией. Это привело к тому, что одну из ниш существования ремесло нашло в качестве поставщика полуфабрикатов и комплектующих крупным промышленным предприятиям.

Неудовлетворенность концепцией капитализма и капитала, как главного мотора экономического развития, толкала легального марксиста Туган-Барановского к идее развития всех видов кооперации, промыслов и ремесла. Ученый все больше отдалялся от современной ему парадигмы либерального капитализма, как и многие его современники, близкие к идеям народнического

толка. Занимаясь историей ремесла, где инновация порой не так очевидна, а традиция, казалось, и не собирается уступать ей место, невольно обращаешься к остроумному замечанию коллег Константина Бугрова и Александра Палкина, заметивших, что здесь мы имеем дело, в определенной степени, с «крадущимися инновациями» (технические новации в ремесле, переходящие в крупное производство) и «затаившимися традициями» (цехи, сословия, ремесленное производство).

Ремесленное, так же, как и крупное промышленное производство, прошло за время революций (промышленной, индустриальной и научно-технической) трансформацию, результатом которой стало появление, наряду с промышленными гигантами с совершенно автоматизированными линиями производства, малых и средних предприятий (МСП). Последние повысили свой творческий и производственный потенциал, сохранив при этом возможность реализации творческих способностей человека – мастера своего дела. МСП активно внедряли частичные механизацию и разделение труда вчера и совершенствуют производственные процессы с помощью компьютеризации и миниатюризации техники сегодня.

Современной индустрии также понадобилось пройти путь в несколько сотен лет, от мануфактуры до роботизированных линий производства. Следовательно, ремесло и ремесленная мастерская так же, как облик и степень компетенций мастера, эволюционировали, в соответствии с потребностями времени и запросами покупателей. Бессмысленно объявлять массовое производство абсолютным злом, как и ручной труд – панацеей от всех бед, тем более, что ремесленное производство перестало быть областью производства, использующей исключительно ручной труд, без применения машин. Преемственность традиций ремесленного производства в традиционных промысловых районах позволила стать им основными центрами производства, наример, стрелкового и холодного оружия в Туле, Ижевске, Златоусте[1684]. В

[1684] Перетягина А.В. Иностранные специалисты на заводах Вятской губернии в XIX в. // Вопросы истории. № 11 (Ноябрь 2013). С. 150–152.

настоящее время в Златоусте существует около дюжины небольших фирм по производству украшенного холодного оружия. Как тут не вспомнить примеры Туган-Барановского, когда крупное производство переставало существовать, рождая при этом ряд малых предприятий. Следовательно, можно сделать вывод, что чтобы оставаться конкурентоспособным, производство не обязательно должно увеличиваться и расти с неотвратимой «закономерностью». МСП, так же, как и крупные предприятия, имеют свои преимущества: высокий стандарт качества, близость к покупателю (шаговую доступность), более высокие этические стандарты.

Исходя из вышесказанного можно заключить, что ремесло, как и сельское хозяйство, развивается циклически, или по спирали[1685]. Исторический пример ремесленного труда помогает понять ценность ремесленной промышленности (МСП) сегодня. Осознание ее важности в развитии малых форм производства и творческого труда, в сочетании с идеей социальной справедливости, экологичного развития и современных технологий может открыть новые пути устойчивого развития в XXI веке[1686]. Сегодня ремесло возвращается в российское экономическое пространство в новой роли – гибкого, внутренне мобильного малого предприятия, сотрудники которого обладают уникальными навыками мастера, способного самостоятельно принимать решения и координировать свои действия с другими. Такое предприятие совмещает в себе как производство, так и лабораторию. Существование «ремесленной мастерской» в новом качестве – как фабрики будущего, стало возможным, благодаря миниатюризации машин. Поэтому залог успеха видится именно в комбинации разумного консерватизма (при сохранении определенных традиций) и модернизации; в сочетании

[1685] Баркер А. Алхимия инноваций. М., 2004. С. 25.

[1686] Американский социолог и философ Р. Сеннет пишет о близости или даже идентичности ремесленного и творческого труда: „An eagle-eyed reader will have noticed that the word creativity appears in this book as little as possible. This is because the word carries too much Romantic baggage — the mystery of inspiration, the claims of genius. I have sought to eliminate some of the mystery by showing how intuitive leaps happen, in the reflections people make on the actions of their own hands or in the use of tools. I have sought to draw craft and art together, because all techniques contain expressive implications. This is true of making a pot; it is also and equally true of raising a child“. See: Sennett R. The Craftsman… P. 290; см.: Vašek T. Work, Life, Bull, Shit...

традиционного и инновационного. Иная пробуксовка инноваций в современной России, как нам видится, имеет историческую связь с судьбой ремесленной мастерской и мастера в XIX – XX вв., т. е. малого и среднего предпринимательства. Дадим имя этому явлению как ловушка модернизации. Суть ее заключается в том, что некоторые факторы модернизации, обозначенные как побочные (погоня за рентой, безудержный рост и экспансия, коррупция, отчуждение рабочей силы от средств и продуктов производства, ее жесткая эксплуатация, отсутствие социальных гарантий), могут быть настолько сильными, что становятся угрозой модернизации, провозглашенной во имя экономического процветания, обусловленного техническим и социальным прогрессом.

Труд «ремесленника» в этом свете приобретает иной вес и иное значение, так как соответствует идеям малоотходного, не анонимного, близкого к потребителю, экологичного и самодостаточного производства. Такая форма производства не направлена на экспансивный рост, пожирание ресурсов и пробуждение нездоровых потребительских интересов, идущих вразрез идее устойчивого развития[1687].

В 1773 г. один из приверженцев промышленного развития Англии уверял лорда Уорвика, «что производители Бирмингема разгромят своих конкурентов с континента с помощью механизации и разделения труда и специализации»[1688]. Это высказывание лишь отчасти касалось тех же ремесленников по металлу Бирмингема, остававшихся узкими специалистами по производству качественного готового продукта, а не суррогатов и массовых копий оригинала – они оставались этим оригиналом[1689]. Мелкое производство, в случае с ремесленниками, и активно развивающийся капиталистический уклад часто противоречили друг другу, состоя в жесткой конкуренции. Но не всегда последний выигрывал и занимал ниши ремесленного производства, в силу своей

[1687] Клеман К. Труд не на рабочем месте // Отечественные записки. 2007. № 4. С. 37–55; Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3 (66). С. 95–107.
[1688] Мокир Дж. Меркантилизм, Просвещение и промышленная революция… С. 11.
[1689] Речь идет об известном центре металлообрабатывающих ремесел XIX в. в Англии.

специфики: дифференциации рабочих и технологических процессов, унификации, массовости, монотонности труда. Напротив, как показывает опыт Германии, где, в отличие от России, профессиональная корпорация ремесленников не прекратила своего существования, малые и средние предприятия нашли свои ниши производства, основанные как на индивидуальном заказе, так и на выполнении более крупных заказов больших компаний. Некоторые из таких фирм стали мировыми лидерами в своих нишах производства.

Именно в Германии с 1970-х гг., а затем с 1980- х годов в Англии, Бельгии, Нидерландах, других европейских странах, происходит радикальное изменение взглядов на цеховое ремесло[1690]. Доказано, что цехи привнесли важную часть в экономический рост Западной Европы и ее богатство[1691]. Они значительно снижали стоимость транзакций и способствовали распространению инноваций и технологий, посредством учеников и подмастерьев (Gesellenwalz)[1692]. Последние, в поисках работы, нередко добирались до Санкт-Петербурга[1693]. Корпоратизм во время индустриализации был не только совместим с рынком, но и развивался одновременно с ним, стимулируя взаимный рост. Цехи, гибко реагировавшие на запросы рынка, выступали его регулятором, что значительно снижало кризисные риски. Городское хозяйство находилось в своеобразном «freewheeling affair» (свободный ход, «в свободном полете»), что объясняет наличие огромного

[1690] См.: Pierenkemper T. Gewerbe und Industrie... S. 67–74.

[1691] См. напр.: Epstein S.R., Prak M. (ed.). Guilds, Innovation and the European Economy...; Farr J.R. Artisans in Europe…; Haupt H.-G. (Hrsg.). Das Ende der Zünfte...

[1692] См.: Elkar R.S. Umrisse einer Geschichte der Gesellenwanderungen... S. 85–116; Funder L. Aus meinem Burschenleben, mit einem Anhang Meines Lebens Maienzeit: Gesellenwanderung und Brautwerbung eines grazer Zuckerbäckers, 1862–1869. Band 45: Damit es nicht verloren geht, hrsg. v. E. Bruckmüller. Wien, 2000. 307 S.; Schwarz G. „Nahrungsstand“ und „erzwungener Gesellenstand“: Mentalité und Strukturwandel des bayerischen Handwerks im Industrialisierungsprozeß um 1860. Berlin, 1974. 264 S.; Wadauer S. Die Tour der Gesellen: Mobilität und Biographie im Handwerk vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. Frankfurt am Main; New York, 2005. 418 S.

[1693] Для того, чтобы стать мастером, немецкие подмастерья (Handwerksgeselle), получившие таковой статус после окончания ученичества и сдачи экзамена (Meisterstück), обязаны были пройти трехгодичное странствие (Gesellenwanderung, Tippelei, Walz, Wanderschaft), во время которого они повышали свою профессиональную подготовку у других мастеров (см., напр.: Reith R. Arbeitsmigration und Gruppenkultur deutscher Handwerksgesellen im 18. und 19. Jahrhundert // H.-G. Haupt, P. Marschalck (Hg.). Städtische Bevölkerungsentwicklung in Deutschland im 19. Jahrhundert. Soziale und demographische Aspekte der Urbanisierung im internationalen Vergleich. St. Katharinen, 1994. S. 1–26; Croix D. de la, Doepke M., Mokyr J. Clans, Guilds, and Markets: Apprenticeship Institutions and Growth in the Pre-Industrial Economy. March 2016. URL: http://faculty.wcas.northwestern.edu/~mdo738/research/delaCroix_Doepke_Mokyr_0317.pdf (14.04.2017); Elkar R.S. Lernen durch Wandern?.. S. 213–232).

количества вариантов решения задач в схожих ситуациях. Богатый материал в этом отношении дают ремесленные цехи Петербурга в XIX в.

Господствовавшая во взглядах многих российских государственных деятелей парадигма индустриального развития второй половины XIX в. была не в пользу ремесла. Оппоненты правительства, выступавшие за развитие последнего, видели в сложившейся правительственной политике («искусственного» насаждения крупных предприятий) корень проблем и считали более целесообразной организацию «местных и наиболее распространенных промыслов, изделия которых и прежде имели довольно обширный сбыт»; «вместо того, чтобы строить на счет казны фабрики и отдавать их потом купцам и помещикам, обратиться к живым народным силам и им дать возможность к дальнейшему развитию»[1694].

Ремесленники Петербурга образовывали важную социальную страту в экономической жизни города. Без них промышленное сердце столицы остановилось бы. Вопреки расхожему мнению об упадке ремесла с развитием крупной промышленности, в Петербурге наблюдался значительный рост числа ремесленников в большинстве отраслей. Ремесленные цехи, обретшие вторую жизнь в крупном производстве в виде обозначения производственных помещений, так же, как и мастера в промышленных цехах, были представлены горожанами, стабилизировавшими городское общество, в отличие от вчерашних крестьян, потерявших культурные ориентиры, задаваемые в деревне вековыми традициями. Заводское начальство, в случае с последним, было более свободно в выборе средств умаления прав своих рабочих – бывших крестьян, определяя высокую степень их эксплуатации и низкий уровень оплаты труда, чем с ремесленным мастером.

Во время экономической либерализации в ходе Великих реформ цехи не потеряли своей привлекательности как социально-экономический институт. В них продолжали массово вступать кроме ремесленных мастеров, ремесленники,

[1694] Корсак А.К. О формах промышленности... С. 128–129; Дорина Е.М. Кустарная промышленность...

временно записывающиеся в цехи: мещане, разночинцы, крестьяне и иностранцы. Это право, данное еще петровским указом, было подтверждено последующими ремесленными уставами, в том числе 1857 г.[1695]. Наличие цехов не мешало развиваться мелкой промышленности Петербурга. Согласно новому Положению о пошлинах от 1 января 1863 г., вводились свидетельства на производство разных видов (мещанских) промыслов и билетов на промышленные заведения, причем лица, взявшие их, получали право содержать неограниченное число промышленных заведений, при условии взятия на каждое заведение особого билета[1696].

Как же отразились механическая революция XIX в. и революция производительности труда в 1890-е годы непосредственно на ремесле[1697]? В России время усиленного промышленного роста относится примерно к 1840–1885 гг. Ему следует индустриализация с типичными резкими спадами и стремительным ростом, особенно в 1890-е и после 1909 г. до 1914 г. включительно. Многие ремесленные мастерские усиленно механизируются и моторизируются, что приводит к значительному повышению производительности труда. После короткого спада в начале 1890-х гг. и сокращения цеховых до 40 000 в 1892 г., начинается усиленный рост их числа, в основном за счет временноцеховых, до более чем 64 000 человек в 1899 г. После очередной рецессии 1899–1900 гг. цеховое ремесло продолжает свой стабильный рост, совпадавший с долгосрочным линейным трендом всего предыдущего XIX в., несмотря на последовавшие Первую Мировую войну и Великую русскую революцию 1905–1917 гг., что говорит об устойчивости ремесла как базисной формы производства.

История российского городского ремесла наглядно показывает, что петровские реформы послужили толчком в преобразованиях, касающихся не только верхушки общества: дворян, именитого купечества, крупных промышленников. В данных трансформационных процессах русского города

[1695] СЗ. Т. 11. Ч. 2: Устав ремесленный. СПб., 1857. С. 16.
[1696] ПСЗ-2. № 39118. 01.01.1863. *Высочайше утвержденное Положение о пошлинах*… С. 6.
[1697] Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М., 2016. С. 169.

принимали активное участие ремесленники и сопряженные с ними сословия мещан, мелкого и среднего купечества. Динамика развития ремесла в Санкт-Петербурге в период протоиндустриализации до 1860-х годов и, особенно, промышленной революции и индустриализации 1870-1890-х гг. показывает, что ремесленная промышленность, составлявшая, до появления мануфактур в XVIII в., заводов и фабрик в XIX в., на протяжении долгого времени основу городского хозяйства, оставалась, наряду с последними, важным экономическим фактором. Именно ремесленные мастерские определяли качество городского жизненного пространства, создавали удобства, без которых невозможно себе представить столицу имперского периода. Ремесло развивалось и росло, переживало взлеты и падения вместе с крупной промышленностью. В эпоху индустриализации индустриализировалось и само ремесло.

Долгосрочное развитие российской экономики, в том числе ремесел и кустарных промыслов, в рамках народнической интеллектуальной традиции, имело все основания претендовать на успех. В этом случае было бы возможным наряду с крупной промышленностью поддерживать развитие МСП. Это позволило бы выстроить более сбалансированную социально-экономическую систему. Можно с уверенностью сказать, что в условиях такой экономической модели не было бы необходимости прибегать к рычагам мобилизационной экономики и форсированных модернизаций ввиду достаточного наличия финансовых, производственных и человеческих ресурсов[1698].

[1698] См.: Зубков К.И. Феномен мобилизационной экономики: историко-социологический анализ // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Челябинск, 28-29 ноября 2009 г. / Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. Челябинск, 2009. С.64–71.

Заключение

Отвечая на поставленные во введении вопросы, можно сказать, что иллюзия начала все время «с нуля» в освоении новых технологий кроется в самой логике форсированных модернизаций. Хорошо обученные кадры никуда не девались, а использовались по мере «государственной необходимости», ввиду чего часто отсутствовала преемственность поколений, так характерная для предприятий ремесленного типа. Причина лежит еще и в неблагоприятных системных предпосылках:

– недостаточном развитии институтов ремесла и собственности;

– недостаточных механизмах передачи знаний;

– высокой профессиональной мобильности среди городских слоев населения и частой смене занятий в связи с либеральным изложением и пониманием права каждого на труд для «дневного пропитания».

В результате исследования стало возможным, выделить условно следующие периоды развития петербургского ремесла:

1712/1721–1785 гг. – инкубационный период;

1785–1846 гг. – относительный расцвет цехов, ослабление государственного контроля; расширение автономии, особенно иностранных цехов;

1847–1870-е гг. – время относительной стабильности;

1880-е–1913 гг. – промышленная революция – время высокой турбулентности и быстрого роста;

1914–1917 гг. – трансформация и упразднение ремесленного сословия.

Подводя итог, можно сделать вывод о парадоксальном развитии городского и сельского ремесла, подтверждающем выдвинутый тезис о том, что ремесло в эпоху индустриальной революции продолжало неуклонно развиваться. Политика русского правительства с 1722 по 1917 год в отношении ремесленников проводилась в рамках, заданных экономическими и

социальными реформами Петра I, предусматривавшими образование развитого городского ремесла, и Екатерины II., городская реформа которой способствовала образованию городских сословий, системы самоуправления и либерализации экономической жизни. Эта политика может быть признана успешной, если учесть формирование в Петербурге к середине XIX века ремесленного сословия, а затем ремесленной корпорации и развитого цехового самоуправления.

Формы взаимодействия (симбиоза) государственного и частного партнерства при наличии различных интересов могли принимать различные комбинации: от отношений на взаимовыгодной основе (мутуализм) – до отношений, выгодных только для одного партнера (комменсализм), чтобы назвать некоторые из вариантов ГЧП.

Найдены ответы на основные положения диссертационного исследования. Введение цехов способствовало профессионализации городского ремесла, спецификации таких понятий как стандарт, качество, профессиональная честь. Городское ремесло не только противостояло индустриализации, но и адаптировалось к новым условиям, став неотъемлемой частью этого процесса, предлагая необходимые квалифицированные кадры не только для ремесленных мастерских, подверженных процессам модернизации, но и для средних и крупных промышленных предприятий.

Высокий социальный статус городского цехового ремесленника по отношению к мещанину, рабочему или крестьянину приводил к росту его сословного и профессионального самосознания. Исключительно положительное реноме цехового ремесла Петербурга было достигнуто как за счет его столичного статуса, а значит более высоких требований публики к качеству продукции «по последней моде», так и за счет вестернизации ремесла благодаря большому числу иностранных ремесленников, заимствованию новейших технологий и западного опыта. Также ремесло Петербурга получало

огромный ресурс роста, благодаря постоянному притоку посадских и крестьянских ремесленников.

Показано, что ремесленная промышленность являлась важным компонентом необходимого профессионального базиса для индустриализации Петербурга. Вобрав в себя малое и среднее производство, ремесленная промышленность смогла стать, наряду с крупной капиталистической промышленностью, важным институтом развития городской промышленности и традиционных промысловых кластеров, используя методы синтеза новых знаний и технологий, приобретая гибридные формы существования.

Рассмотренная в этом контексте история промысловых кластеров в железоделательной и металлообрабатывающей промышленности показывает, что промысловые кластеры Центра и Северо-Запада имели потенциал, стать прототипами современных гибких сетей высокотехнологичных малых производств.

Показана важная роль в переосмыслении наследия народнической интеллектуальной традиции, для выработки сегодняшних концепций развития ремесел и культивирования культуры стартаперов и «газелей», способных стать драйверами экономического развития в сторону альтернативой «зеленой экономики» в посткапиталистическом мире.

Введение цехов во время петровских реформ стало важной новацией в процессе вестернизации русского общества. Цехи явились существенным инструментом социально-профессиональной модернизации городского ремесла. Понимая невозможность переноса точной копии западноевропейских цехов в России, законодатель придал им сильно модифицированную форму, максимально приближенную к российским условиям (временно- и вечноцеховые), что дало возможность развития, а затем и процветания цехов Петербурга, возникновения ремесленного сословия и профессиональной корпорации мастеров, отстаивавших свои права. Помимо ремесленного сословия, при определенных условиях ремеслами могли заниматься городские

жители, мещане, монастырские, митрополичьи, помещичьи и государственные крестьяне, для собственных потребностей и по заданию государства. Таким образом, петровское законодательство попыталось найти «средний» путь в развитии институтов ремесла, запретив, с одной стороны, заведение ремесленных мастерских, помимо цеховых мастеров, и, с другой стороны, ограничила монополию цехов, разрешив заниматься ремеслами всем «для дневного пропитания». Инновационные элементы, введенные в эпоху усиленной трансформации российского общества во время петровских реформ, невозможно делить на «искусственные» и «оригинальные», т. к. усвоение знаний, методика применения новых технологий имеют зачастую универсальный характер, независимый от национальной специфики. «Чисто национальные» решения принципиально возможны, но при детальном рассмотрении петровских реформ должно признать, что их успех заключается, прежде всего, в их универсальном характере.

Время между петровскими реформами, началом правления Екатерины II и городской реформой 1785 г. характеризуется пассивностью государства в развитии института цехов. Правительство «вспоминало» о цеховых только когда было необходимо выполнить какой-либо срочный заказ армии, флота или двора: во время Семилетней войны, при строительстве дворцовых помещений. С началом правления Екатерины II, городской реформой и введением ремесленного самоуправления открывается новая эра в истории цехов, воспринимавшаяся цеховыми как их начало - в 1785 г.

Основанием для введения цехов послужило желание законодателя поднять технический уровень ремесла и качество ремесленной продукции, упорядочить профессиональное образование. Основной причиной реформы ремесла послужила общая ускоренная модернизация российского общества, проводимая за счет вестернизации, прежде всего для удовлетворения потребностей двора, государства, армии и флота, что дало положительный эффект для всего населения России, и Петербурга в частности, ставшего центром мощного военно-промышленного комплекса, нуждавшегося в

высококвалифицированных специалистах. История петербургского ремесла показала, что для его развития оказалось недостаточно лишь воли законодателя, но понадобилось долгое время для формирования механизмов развития и возникновения цеховой традиции.

Не стоит недооценивать такие макроэкономические факторы, как первоначальное относительное несовершенство внутреннего юного городского рынка, а также оторванность Северной столицы большую часть года от внутреннего российского рынка, вплоть до начала XIX в. Все это время европейский рынок находился гораздо ближе к Петербургу (одна неделя пути от Любека на корабле), чем внутренний российский, что способствовало развитию ремесла столицы и большому проценту иностранных ремесленников, ускорявших, совместно с их российскими коллегами, проникновение новаций и новых технологий в ремесло. Только строительство сети железных дорог со второй половины XIX в. позволило устранить недостаток оторванности ремесленной промышленности Петербурга от внутреннего российского рынка. В город хлынул, казавшийся долгое время неиссякаемым, огромный поток дешевой рабочей силы из деревни. Сдерживающим фактором для развития ремесла, в первые десятилетия существования столицы, была и зависимость от внешнего и внутреннего рынка в поставках рабочих материалов, необходимых в ремесленном производстве. Так, например, высококачественный металл долгое время приходилось ввозить из Англии.

Как показывает опыт, депутатам Екатерининской законодательной Комиссии 1767-1768 гг. было не чуждо желание иметь хорошо организованные цехи в столицах. Но, как ее члены, так и члены правительства, поставили неправильный диагноз причин их стагнирования, полагая, что вся причина лежит лишь в планомерном и последовательном проведении воли законодателя на практике, а не в улучшении социальных и экономических

условий городского ремесла[1699]. Они встали перед аналогичной проблемой, что и в начале существования цехов – необходимостью развития экономической инфраструктуры и устранения социальных дисбалансов. Привилегии отдельных социальных слоев дворян и купечества, могущество государства и элиты дворянского сословия, не собиравшихся поступаться своим особым положением, позволяли оставаться им в более выигрышной экономической ситуации. Привязанность российской экономики к крепостному праву и закрепощенное состояние огромного числа крестьян не способствовали высвобождению необходимого человеческого капитала. Отмена крепостного права также не принесла большого облегчения для многих крестьян, вплоть до начала XX века, хоть и высвободила для развития ремесла Петербурга достаточное количество рабочих рук. Положительным эффектом освобождения крестьянства и образования земств явилось усиленное развитие кустарных промыслов и кооперации. Возросший профессионализм и самосознание ремесленников привели к организации цеховыми ремесленниками Петербурга двух ремесленных выставок 1885 и 1899 гг., на которых были представлены достижения ремесленной промышленности Петербурга.

Иностранные ремесленники Петербурга, находившиеся на особом положении и не платившие около ста лет налогов, лишаются данной привилегии к 1810 г., что приводит иностранные цехи к затяжному кризису, из которого они выходят лишь к концу 1830-х гг., когда число мастеров, подмастерьев и учеников до конца их существования стабильно держится в границах 1200–1300. К 1820- м годам некоторые цехи, особенно иностранный булочный, добиваются внушительного влияния и относительной монополии на производство своих изделий. Постепенная отмена цехов в Западной Европе, прежде всего в Германии в начале и прежде всего в середине XIX в., оказала существенное влияние на позиции по отношению к российским цехам более

[1699] См.: Рычков Н.Д. О цехах в России и Западной Европе… С. 812.

либерального правительственного крыла. Государственная комиссия Штакельберга в конце 1850-х – начале 1860-х годов внесла предложение об отмене цехов по результатам исследования положения цехов в России и в Западной Европе[1700]. Поначалу оно не нашло практического применения, тем более в столицах с многочисленными и влиятельными цеховыми корпорациями, но, начиная с 1880- х годов и до 1902 г., цеховое управление постепенно отменяется, посредством административных постановлений в большинстве городов России. За отсутствием правового инструментария, правительство не было в состоянии отменить институт временноцеховых мастеров и реформировать цехи во всесословные профессиональные корпорации. Тем не менее, внутренне развитие цехов, особенно после революции 1905–1907 годов, приводило к их внутренней либерализации и демократизации, к открытому и активному позиционированию цехов в организации профессионального образования и улучшении положения учеников. Резкое изменение по многим позициям наблюдалось в короткий период между ремесленными съездами 1900 и 1911 гг. Начало Первой Мировой войны, перешедшей в социальную революцию и гражданскую войну, существенно замедлило, а затем и прервало на многие десятилетия развитие ремесленной промышленности, которая лишь через сто лет после названных событий начинает вновь формироваться на новых началах.

Именно социально-экономические изменения последних лет заставляют задуматься о забытом наследии народнической экономической мысли и интеллектуальной традиции, у истоков которой стояли, среди прочих, В.П. Воронцов и Н.Ф. Даниельсон. Понятен конфликт В.И. Ленина с народнической интеллектуальной традицией и его глубинное неприятие ремесленничества, обусловленный его социальным происхождением из семьи высокопоставленного государственного служащего, в то время как Даниельсон происходил из семьи пивоваров. Идеи Воронцова, Даниельсона,

[1700] См.: Труды комиссии учрежденной в 1859 г... Ч. 1… С. 74.

Кропоткина, других деятелей народнической интеллектуальной традиции о ремесленной кооперации: потребительских и производственно-сбытовых кооперативах, дешевых кредитах и развитии кустарных промыслов, являются сегодня актуальными как никогда. Реабилитация народнической концепции ремесла и кустарных промыслов как альтернативной формы развития в посткапиталистическом мире может дать новые импульсы в развитии малого и среднего предпринимательства, в том числе в рамках ГЧП.

На протяжении многих веков ремесленничество играло важную роль в духовном, культурном, социальном и экономическом развитии человечества, профессиональном и социальном становлении многих поколений людей. Опыт дореволюционной России свидетельствует о том, что ремесленники, вплоть до начала XX в., являлись одной из наиболее устойчивых и экономически благополучных социальных групп, опирающихся на определенную духовно-ценностную основу, национальные традиции, экономические, социальные и правовые формы бытования. Количественный рост и качественное многообразие хозяйственных структур, систем подготовки кадров и общественных институтов в сфере ремесленничества во второй половине XIX – начале XX вв. не только обеспечивали ему сохранение в период индустриализации, но и открывали новые перспективы для дальнейшего развития. Историко-философская концепция (ремесленного) мастера в новом историческом освещении приобретает принципиально важное значение, в рамках международной дискуссии о перспективах будущего развития человечества в посткапиталистическом мире.

Санкт-Петербург XVIII – начала XX века являлся абсолютным лидером по технологическим и социокультурным инновациям в России, не в последнюю очередь благодаря наличию высокоспециализированного ремесла. Состоятельные российские и иностранные цеховые мастера составляли элиту ремесленного сословия не только Петербурга, но и всей России. Исходя из положения, что «любое сообщество, какое бы место оно ни занимало в общей структуре социума, обладает своей элитной группой», можно сказать, что

среди ремесленников Петербурга имелась своя элита[1701]. В контексте иерархии последних, здесь идет речь об элитах среднего уровня и об элитах низшего порядка.

Усилившееся явное и неявное взаимодействие с крупной промышленностью во время индустриализации 1880-х – 1900-х годов привело к интенсивному обмену знаниями и навыками. Пограничное положение Петербурга как «окна в Европу» способствовало трансферу технологий в обоих направлениях, как из Западной Европы в Россию, так и из России в Европу, особенно с конца XIX века. Северная столица обладала огромным потенциалом профессиональных знаний цеховых ремесленников, число которых в русских цехах достигало 65 000, включая мастеров, подмастерьев и учеников, а в иностранных – до 1300. Значение последних в процессе трансфера новых технологий трудно переоценить. Их доминирование на российском рынке на протяжении XVIII – XIX столетий достигалось, благодаря их преимуществам на «рынке технологий». Долгое время ремесленники иностранного происхождения, ввиду отдаваемого им предпочтения со стороны не только элит, но и средних слоев населения, играли роль лидера, на которого ориентировались мастера русских цехов. Постепенный перелом в сознании российских мастеров произошел примерно с 1840-х годов, когда они начинают понимать важность обмена профессиональным опытом, ремесленно-профессионального образования, участия в промышленных выставках, чтения профессиональных журналов.

Ремесленное образование С.-Петербурга XIX в. прошло непростой путь – от совершенного забвения до резонансных проектов и событий. Сильная поляризация между российскими крепостными и свободными, с одной стороны, и иностранными мастерами, с другой, существовавшая в начале XVIII в., постепенно преодолевается. К концу XIX в., ввиду последствий отмены крепостного права, гражданских реформ, возросшей мобильности и

[1701] Алексеева Е.В., Редин Д.А., Рей М.-П. «Европеизация», «вестернизация»… С. 14–15.

грамотности населения, социальные различия между ремесленниками иностранного происхождения и местными российскими постепенно сглаживаются. На протяжении рассматриваемого периода наблюдается возрастающая широкая кооперация между иностранными и русскими ремесленниками, заключавшаяся в принятии в обучение русских учеников и на работу русских рабочих и подмастерьев. Иностранцы, принявшие российское подданство, состояли не только в иностранных, но были представлены многочисленной группой в российских цехах. Позитивный тренд в развитии ремесленного ученичества на примере С.-Петербурга XIX в. указывает на положительное изменение социального и экономического статуса петербургских ремесленников.

Опыт ремесленников, в том числе портных, Санкт-Петербурга полезен к применению в дидактических целях обучения ремеслу сегодня. Он выражается в сочетании добротного общего и эстетического образования с профессиональным, как в специальных учебных заведениях (теория и практика), так и в ремесленных мастерских (практика). Уникальный опыт, в особенности цехового мастера, заключался в соединении двух качеств: профессионала в своем деле и специалиста по продвижению своего продукта на рынке, в качестве мелкого или среднего предпринимателя. Опыт ремесла XIX в. созвучен трендам современности. Философия сегодняшнего движения hand made предполагает сочетание высокого качества продукции, изготовленной с применением натуральных материалов, не причиняющих вреда здоровью потребителя, «заряженной» духовной энергией мастера, «вложившего душу» в свое произведение. Именно это сочетание позволяет говорить о возможности устойчивого развития будущих поколений, причем не в типичном социально-экономическом контексте эпохи капитализма и социализма XX в., но в более широком смысле экологического сознания, стремящегося к гармоничному существованию в обществе и в гармонии с окружающей средой, частью которой является человек.

Пути развития ремесленного образования в Петербурге XIX в. не были однозначными и прямолинейными. Должна была быть проделана трудная и многолетняя работа по убеждению властей и просвещению ремесленников, прежде чем все заинтересованные стороны поняли пользу образования ремесленных учеников для процветания ремесел. Это развитие было значимым не только для столицы, но и показательно для всего российского ремесленного образования. Несмотря на общую картину тяжелого положения ремесленных учеников, выявлен позитивный тренд в развитии ремесленного ученичества. Со временем русские ремесленники смогли преодолеть свое подчиненное положение и стать полноценными партнерами и конкурентами иностранных. Подобные исследования по истории ремесла поднимают его престижность, повышают самосознание ремесленников сегодня, показывая традицию, в перекличке с современностью, открывают перспективы в будущем.

С развитием ремесленного образования в России связано появление институтов, поставлявших квалифицированные кадры для мелкой, средней и крупной промышленности Петербурга. Новая столица Российской империи, с самого начала ее существования, стала тем экспериментальным пространством, в котором, с созданием цехов, проходили введение, апробация и «подгонка» новых социальных (самоуправление), профессиональных (введение технических стандартов) и образовательных (обучение учеников и подмастерьев) институтов. В тесной связи с этим стояли вопросы ремесленного и технического образования.

Показано, что ремесленные традиции играли важную практическую роль в развитии штучного (уникального) производства. Удалось выяснить, как менялось социальное и экономическое положение ремесленников Петербурга на протяжении длительного времени. На примере ремесленников столицы можно увидеть, как проходила вестернизация ремесла в Петербурге, ставшем европейской столицей России. Новая столица славилась своей роскошью, привлекая большое количество портных из Европы, что привело к

удивительному симбиозу и расцвету портного ремесла в XIX веке. Со временем, российские ремесленники смогли отойти от слепого подражания иностранным и развиться в самобытных мастеров.

История ремесла в России, особенно в контексте индустриализации второй половины XIX – начала XX вв., еще не написана и ждет своего глубокого исследования и осмысления. Например, именно фактор развитого ремесла позволил Петербургу стать крупнейшим индустриальным центром своего времени. Поэтому необходимо дальнейшее исследование роли ремесленников в промышленной революции, в индустриализации, в которой они принимали активное участие.

Индустриальная революция характеризовалась не столько вытеснением ремесла новыми формами крупного промышленного производства, неспособного полностью заменить первое, сколько углублением кооперации и взаимодействия ремесла (мелкой промышленности) со средней и крупной промышленностью[1702]. Причем, это взаимодействие происходило в обоих направлениях. Ремесленничество в полной мере пользовалось достижениями технической революции и организации труда, миниатюризацией техники и моторов (дизельные двигатели и электромоторы), смягчало промышленные кризисы. Крупная промышленность многое позаимствовала у ремесленников – культуру труда и технологии производства. Крупные производственные подразделения на заводах именовались именно цехами, соответственно литейному, кузнечному, столярному, колесному и другим ремеслам. Сама производственная иерархия на крупных промышленных предприятиях не сильно отличалась от мастерской цехового мастера, где работали ученики, рабочие, подмастерья и мастера.

«Ремесленная промышленность», как ее часто называли в XIX в., была, наряду с сельским хозяйством, на протяжении многих тысячелетий основной

[1702] Отметим, что имеется ввиду существование наряду с крупными капиталистичсекими «протоиндустриальных» ремесленных форм производства как альтернативных (см.: Побережников И.В. Протоиндустриализация как субпроцесс... С. 32). Это значит, что последние могут служить структурным элементом в новой архитектуре пост-капиталистической «зеленой» экономики.

сферой производства человечества с богатым опытом приспособления к различным социально-экономическим условиям, а потому не могла быть вытеснена бесследно из экономической жизни. В период индустриализации второй половины XIX в. она не существовала отдельно, как некий реликт прошлого, осужденный на отмирание, но была глубоко интегрирована в экономическую структуру городского хозяйства, хозяйства страны в целом. В этом состоит задача переосмысления роли ремесла в промышленной революции.

О том, что развитие мировой экономики пошло «не в ту сторону» и требует серьезной корректировки, говорит его движение от кризиса к кризису. Нам представляется необходимым пересмотреть историю и роль ремесла в отношении МСП, которые имеют генетическую связь с ремесленной мастерской. Их объединяет мастер-собственник – высококлассный специалист, менеджер производства и маркетолог-продавец. Эти уникальные компетенции дополняются особенностями МСП: семейственность, личный контакт и близость к производству и сотрудникам, работа в команде, гибкость производства, мобильность и взаимозаменяемость сотрудников. Все эти факторы способствует появлению инноваций и фирм с высоким инновационным потенциалом[1703]. Успешная кооперация МСП с крупными фирмами в Германии последних 30 лет показывает, что от сочетания компетенций и преимуществ как тех, так и других, выигрывают все. Не удивительно поэтому, что сегодня крупные концерны пытаются копировать успешные практики малых производств, создавая более мелкие функциональные подразделения и рабочие команды, в зависимости от целей и задач проекта. По сути, крупное предприятие становится конгломератом

[1703] См. Баркер А. Алхимия…; Бегиджанов П.М. Особенности инновационного предпринимательства и управление его развитием. М., 2002. 411 с.

малых предприятий, способных существовать отдельно, но пользующихся преимуществами крупного конвейерного производства[1704].

Данное исследование показывает, что необходима дальнейшая теоретическая и методологическая разработка истории русского ремесла, как самостоятельной и самодостаточной не капиталоемкой деятельности, обеспечивающей качество жизни на локальном уровне в «шаговой доступности». Необходим критический разбор двух научных теорий, определявших до сих пор угол зрения на ремесло и соответствующий критический дискурс: историзма и теории модернизации. Зародившись в середине XIX века, они органично дополнили друг друга, создавая теоретическую надстройку для промышленной революции. Сегодня этого недостаточно. Традиционный взгляд на ход и «закономерности» исторического развития не оставлял, как правило, места ремеслу в картине будущего. Ведь ремесло являлось «отжившим» и «отсталым» институтом, который неизбежно должен был уступить место «прогрессивному» крупному промышленному производству.

Полиморфность дореволюционной экономики была не только и не столько «проклятым» наследием феодализма и капитализма, сколько отражением разнообразия экономических возможностей по производству товаров разного качества – от массовой продукции до уникального произведения ремесленного мастера. Сегодня вектор развития экономики поменялся: частное предпринимательство, малые и средние («ремесленные») предприятия (МСП) могут стать именно тем драйвером «зеленого» роста и инструментом развития, который необходим в постоянно меняющемся мире и при необходимости адаптироваться в условиях рынка в рамках концепции устойчивого развития в сторону «зеленой» экономики[1705].

[1704] Neue Problemperspektiven und neue Erfolgsaussichten für kleinere und mittlere Unternehmen: Festgabe für Prof. Dr. Alfred Gutersohn zum 85. Geburtstag / hrsg. von Hans Jobst Pletner. Berlin; München; St. Gallen, 1989 (Internationales Gewerbearchiv. Sonderheft 3). S. 11.

[1705] См.: Липина С.А., Агапова Е.В., Липина А.В. Развитие зеленой экономики… С. 126–132.

Перспективы истории ремесла вырастают из концепции настоящего, формируя видение будущего. Р. Сеннет убедительно показал самоценность «интеллигентных рук», которые должны дополнить формирующийся интеллектуальный и научный потенциал страны. В техногенных обществах когнитивная и практическая деятельность изолированы. В ремесле они составляют единое целое, обеспечивая творческое развитие и занятость значительной части населения, социальную и экономическую стабильность, устойчивое развитие. В этой новой перспективе ремесло является альтернативной, а не взаимоисключающей формой хозяйствования. В этом смысле это может быть модернизация со знаком плюс.

В наступившем XXI веке социально-экономические детерминанты обуславливают возрождение и развитие малых производственно-ремесленных форм уже на новой технологической основе. Постиндустриальное общество, для которого характерен технологический прорыв в материальных отраслях экономики, возрастающий спрос на экологически чистые товары ручного производства и услуги индивидуального потребления, открывает для развития ремесленного производства – «фабрик будущего» – новые перспективы. В ближайшие годы для России, находящейся в контексте мирового промышленного развития, это потребует корректировки нормативно-правовых регуляторов в сфере ремесленничества и создания адекватной системы подготовки ремесленных кадров. Такой же корректировки требует и сама концепция модернизации «новой» России, не желающей работать так, как этого требуют от нее ее инициаторы, не в последнюю очередь ввиду того, что современное развитие России рассматривается всего лишь как «втор[ая] возможность построения „образцового“, „демократического“ капитализма, реализация которой в современных условиях проходит с большими противоречиями и изъянами»[1706].

[1706] Урал в контексте российской и мировой истории XX века... С. 14–15.

Роль ремесленников переосмысляется сегодня. Они интегрируются в современные концепции будущего устойчивого развития, так как отсутствие инфраструктуры ремесленных услуг напрямую сказывается на качестве жизни, городской и сельской среды. Причем, речь не идет о возвращении «назад» и возрождении неких «примитивных» форм производства, но о возрождении ремесла на новом технологическом уровне. С уничтожением социального и профессионального слоя ремесленников (народные промыслы и бытовые услуги сегодня являются лишь маленькими островками бывшего материка), был утерян огромный социальный и культурный капитал. Освобождение от физической работы благодаря машине, под знаком которого шло развитие крупного промышленного производства XIX и XX веков, принесло много благ, но и проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня – перепроизводство, границы роста, дефициты в личном общении, механическое исполнение продукта и минимум созидательной работы, разграничение рабочего и свободного времени в шкале ценностей как «неприятной необходимости» и «приятного отдыха». Сегодняшние тренды, в том числе и в больших концернах, направлены во многом именно на то, чтобы возродить ничто иное, как «достоинства и добродетели старого ремесла». Отсутствие мануального контакта с предметом труда, осязания производимого предмета сделало современного человека индустриально развитых стран в большинстве своем эмоционально беднее. Речь идет лишь о гармоничном соединении лучших практик прошлого и инструментов настоящего. В изменении горизонта сознания человек обретает самого себя, а жизнь приобретает новый смысл.

Автором показаны методологические подходы, использование которых позволит по-новому посмотреть на генетическую связь ремесленной мастерской с «генераторами инноваций» – современными малыми и средними предприятиями и актуализировать их историческое значение. Прослеживается четкая связь между устранением мелкого производителя и мелкого частного собственника – ремесленника, и обществом всеобщего дефицита прошлого.

Высокоавтоматизированная фабрика не смогла полностью заменить ремесленника. Причина этого кроется в наложении утопий, берущих свое начало в безграничной вере в разум эпохи Просвещения и НТР, зачастую не подкрепленную этическими нормами. Умение мыслить широко, абстракциями и абсолютами, категориями макроэкономики («Магнитки») отодвинуло на второй план микроэкономику (человека), в результате чего появились концептуальные дефициты, ставшие препятствием на пути создания сбалансированной экономики. Актуальное возрождение МСП вселяет надежду, что долгосрочный тренд будет изменен именно в пользу последней.

Перспективы дальнейшей разработки темы заключаются не только в узко практическом смысле разработки новых архивных фондов, касающихся истории ремесла и цехов, но и в получении новых ответов на вопросы, которые классическая экономическая теория не может решить удовлетворительно, например, почему остается экономическое неравенство. Тема ремесленников приобретает, в контексте устойчивого развития, новое звучание, новое полагание смысла и цели. Ремесленный труд, в новом видении, соединяет в себе универсальный метод в обеспечении экологического, социального и экономического равновесия. Комплексное видение ремесленника, как мультипликатора в сфере производства, социума и культуры, открывает новые горизонты и новые связи между прошлым, настоящим и будущим.

Список сокращений

ВИ – Вопросы истории

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения

ИЗ – Исторические записки

ИРТО – Императорское Российское Техническое общество

КВНОУП – Комиссия по введению нового общественного управления Петербурга

МСП – малое и среднее предпринимательство

НТР – научно-техническая революция

ОИ – Отечественная история

ПИР – Проблемы истории России

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив (Петербург)

Сб. РИО – Сборник императорского Русского исторического общества

СЗ – Свод законов Российской империи

ЦГИА СПб. – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы

DWDS – das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart / Словарный справочник немецкого языка в прошлом и настоящем.

GStA PK – Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz / Тайный государственный архив прусского культурного наследия, Берлин.

Список использованных источников и литературы

Источники

Российский государственный исторический архив (РГИА)

1. Ф. 18 (Департамент мануфактур и внутренней торговли министерства финансов): Оп. 2. Д. 180, 278, 296, 435, 471, 489, 623, 624, 625, 664, 782, 825, 854, 1382.
2. Ф. 20 (Департамент торговли и мануфактур министерства финансов): Оп. 3. Д. 1985, 2079, 2160, 2251, 2144 а, б.
3. Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов): Оп. 3. Д. 6, 96; Оп. 8. Д. 577.
4. Ф. 571 (Департамент разных податей и сборов министерства финансов): Оп. 3. Д. 337.
5. Ф. 1287 (Хозяйственный департамент министерства внутренних дел): Оп. 37. Д. 92, 93, 129, 135, 137, 171, 350, 409, 667, 846, 892, 1931, 1508; Оп. 38. Д. 78, 92, 413, 1058, 1072, 1281, 1952, 2254.
6. Ф. 1341 (Первый департамент Сената): Оп. 107. Д. 1389.

Российская национальная библиотека

7. Отдел рукописей. Ф. 885: Эрмитаж. № 558: Туманский Ф.О. Опыт повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Санкт-Петербургской губернии [...]. СПб., 1789/90.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.)

8. Ф. 221 (Петроградская купеческая управа (1846-1917)): Оп. 1. Д. 80.
9. Ф. 223 (Петроградская ремесленная управа (1785-1917)): Оп. 1. Д. 2328, 2332, 2333, 2334, 2340, 3444, 5279, 5349, 5427.
10. Жукова Н.Г. К истории Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга 1918–1936 (на правах рукописи, инв. №2485). Санкт-Петербург, 2002.

Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ)

11. Ф. 32 (Московский городовой магистрат, г. Москва): Оп. 4. Д. 2758.

Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz (GStA PK)

12. III. HA MdA (Ministerium der auswärtigen Angelegenheiten (1610 – 1805) 1806 – 1935, фонд министерства иностранных дел), III Nr. 12045 Ehescheidungsklage der Knack, geb. Westerburg in Berlin gegen ihren Ehemann, Schlossermeister F.W. Knack in St. Petersburg, 1836–1837 (Бракоразводное дело госпожи Кнак, урожд. Вестербург, в Берлине против ее мужа, слесарного мастера Ф.В. Кнака в Санкт-Петербурге, 1836-1837).

Законодательные акты

13. Петербургское немецкое собрание. Устав Ст. Петербургского немецкого собрания 1772. СПб., 1906.
14. Высочайшие указы и повеления императора Петра I [...]. Сборник РИО, т. XI.
15. Устав общества распространения художественно-ремесленного образования. СПб., [1912].
16. Обряды для Санкт-Петербургского русского булочного цеха. СПб., 1850; -"- бриллианто-золотого и серебряного цеха. СПб., 1856; -"- циркульного и парикмахерского цеха. СПб., 1854; -"- гончарного, печного и трубочистного цеха. СПб., 1856; -"- кондитерского цеха. СПб., 1850; -"- пряничного цеха. СПб., 1850; -"- сапожного цеха. СПб., 1852; -"- столярного цеха. СПб., 1856; -"- токарного цеха. СПб., 1851.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ-1). Т. 1–45. 1649–1825. СПб., 1830. Т. 1. № 1; Т. 3. № 1579; Т. 4. № 1910, 2449, 2485; Т. 5. № 2626, 2862, 3016, 3017, 3089, 3142, 3203, 3208, 3255, 3320; Т. 6. № 3621, 3708, 3710, 3980, 4054, 4102; Т. 7. № 4378, 4395, 4427, 4438, 4442, 4443; Т. 8. № 5811; Т. 11. № 8734, 8836; Т. 12. № 9012, 9201; Т. 13. № 10129; Т. 14. № 10486; Т. 15. № 11224; Т. 16. № 11880, 12290; Т. 20. № 14290; Т. 21. № 15331; Т. 22. № 15935, 16187 (16188: Ремесленное положение). Арт. 120–123, пп. 1–117; Т. 23. № 17438; Т. 24. № 18223; Т. 25. Т. 25. № 18663, 19187; Т. 27. № 20144; Т. 31. № 24116; Т. 32. № 25143; Т. 35. № 27467; Т. 39. № 30114; Т. 40. № 30513; Т. 42. Ч. 2. Реестр алфавитный.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ-2). Т. 1–55. 1825–1881. СПб., 1830–1884. Т. 17. № 15206; Т. 18. № 16624; Т. 20. № 19283; Т. 21. № 19721; Т. 27. № 26171; Т. 37. Ч. 1. № 38078; Т. 38. № 39118; Т 41. Ч. 1. № 43455.
19. Регламент Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, 1747 г. // Уставы Академии наук / отв. ред. Г. К. Скрябин. М., 1975.
20. Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 2: Устав о промышленности фабричной и заводской. Устав ремесленный. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857.
21. Свод законов Российской империи. Т. 9. Ч. 1. Отд. 3: Устав ремесленный. СПб., 1906.
22. Свод Законов Российской империи. Т. V. Устав о прямых налогах, раздел второй. Положение о государственном промысловом налоге. СПб., 1912. С. 44-69.

Материалы делопроизводства

23. III-й отчет о деятельности Общества распространения ремесленного образования среди бедного населения за 1906 год. СПб., 1907. С. V–VII.
24. Андреев Е.Н. О работе и об обучении малолетних рабочих / Е.Н. Андреев // Труды общества для содействия русской промышленности и торговле, издаваемые Комитетом Общества. Ч. 13. – СПб., 1883.
25. Бородаевский С.В. Ремесленная промышленность на Западе и в России / С.В. Бородаевский // Труды второго всероссийского съезда по ремесленной промышленности в Ст. Петербурге 1911 г. – СПб., 1911.

26. Векселя и денежные обязательства. Отметки выплат на счете портного Бригеля // Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. Москва; Ленинград : Academia, 1935 (Л. : тип. "Печатный двор" и тип. им. Володарского). 926 с.
27. Вольтке Г.С. О проекте ремесленного устава / Г.С. Вольтке // Труды второго всероссийского съезда по ремесленной промышленности в Ст. Петербурге 1911 г. – СПб. : Тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1911. – 293 с.
28. Дембо Г.И. Вопросы охранения здоровья малолетних ремесленников / Г.И. Дембо. Сообщение IV Отделению Русского общества охранения народного здравия. 28 апреля 1900 г. − СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1901. − 23 с.
29. Дембо Г.И. Пьянство среди малолетних ремесленников / Г.И. Дембо // Труды Всероссийского съезда по ремесленной промышленности в С.–Петербурге 1900 г., т. 3. − СПб., 1901. − С. 260–276.
30. Ершов М.П. Современное состояние ремесленных учебных заведений по данным 3 - го Съезда. (Дек. 1903 - янв. 1904) / М.П. Ершов. Докл. тов. пред. 3 секции М.П. Ершова : [С прил.]. – [Санкт-Петербург] : тип. И.Н. Скороходова, [1904]. – 54 с.
31. Журналы Пермского уездного земского собрания 42 оч. сессии 1911 г. Доклады комиссий и доклады управы с приложениями. Пермь: Пермское уездное земство, 1912.
32. Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Тертышный А.Т. Урал накануне великих потрясений 1917 года: (историографический очерк). Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 1997. 192 с.
33. Крестовников Н.К. Ремесленные цехи / Н.К. Крестовников // Труды Всероссийского Торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. – СПб. : Типография В.Киршбаума, 1896.
34. Мнение С.-Петербургской ремесленной управы по проекту положения об устройстве и содержании промышленных заведений и о надзоре за производством в них работ. СПб., 1897.
35. Нравственно-политический отчет за 1843 год // Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. М., 2006.
36. О состоянии 1-го женского ремесленного училища общества распространения ремесленного образования среди бедного населения. Доклад инспектора училища Авдия Ивановича Сковородова. [СПб., 1908].
37. Отчет о С. Петербургской ремесленной выставке 1885 года. СПб., 1885.
38. Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1866 год. СПб.: Типография Юлия Вигандта, 1867. 12, [73] с.; Отчет -"- за 1867 год. СПб.: Типография П. Вигандт, 1868. 14, [79] с.; Отчет -"- за 1868 год. СПб.: Типография П. Вигандт, 1869. 8, [73] с.; Отчет -"- за 1873 год. СПб.: Типография П. Вигандт, 1874. 75 с.; Отчет -"- за 1875 год. СПб.: Типография П. Вигандт, 1876. 63 с.; Отчет -"- за 1876 год. СПб.: Типография П. Вигандт, 1877. 94 с.; Отчет -"- за 1877 год. СПб.: Типография П. Вигандт, 1878. 88 с.; Отчет -"- за 1879 год. СПб.: Типография П. Вигандт, 1881. 94 с.; Отчет -"- за 1881 год.

СПб.: Типография П. Вигандт, 1882. 95 с.; Отчет -"- за 1882 год. СПб.: Типография П. Вигандт, 1883. 102 с.; Отчет -"- за 1884 год. СПб.: Типография П. Вигандт, 1885. 112 с.; Отчет -"- за 1886 год. СПб.: Типография П. Вигандт, 1887. 155 с.; Отчет -"- за 1887 год. СПб., 1888. 169 с.; Отчет -"- за 1888 год. СПб., 1890. 169 с.; Отчет -"- за 1889 год. СПб.: Типография П. Вигандт, 1891. 167 с.; Отчет -"- за 1890 год. СПб., 1892. 171 с.; Отчет -"- за 1891 год. СПб.: Типография П. Вигандт, 1895. 185 с.; Отчет -"- за 1896 г. СПб.: Типография В.Д. Смирнова, 1900. 127 с.; Отчет -"- за 1903 г. СПб.: Типография В.Д. Смирнова, 1906. 173 с.; Отчет -"- за 1908 г. СПб.: Типография В.Д. Смирнова, 1909. VIII, 210 с.; Отчет -"- за 1907 г. СПб.: Типография В. Д. Смирнова, 1908. VIII, 219 с.; Отчет -"- за 1911. СПб., 1914. 177 с.

39. Отчет Санкт-Петербургского общества поощрения женского художественно-ремесленного труда 1893–1894. СПб., 1894.
40. Петербургское ремесленное училище цесаревича Николая. Отчет по содержанию Ремесленного училища цесаревича Николая за 1886 год / Дом призрения и ремесленного образования бедных детей в С.-Петербурге. – СПб., 1887, 1896.
41. Подсчеты, приходо-расходные записи // Пушкин А.С. Полное собрание сочинении в 19 томах. Т. 17 (дополнительный). Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. / Отв. ред. Я.Л. Левкович, С.А. Фомичев. М. : Воскресенье, 1997. 744 с.
42. Пятидесятилетний отчет Александровской школы для детей бедных ремесленников С. Петербургского ремесленного общества. СПб., 1912.
43. Ракеев Г.Ф. Об улучшении положения ремесленных учеников / Г.Ф. Ракеев: Докл. Первому Съезду рус. деятелей по техн. образованию Г.Ф. Ракеева, уполномоченного от Попечительства Человеколюбивого о-ва для сбора пожертвований на воспитание и устройство бед. детей в мастерство, д. его чл. / [Георгий Ракеев]. – Санкт-Петербург : тип. С. Добродеева, 1890. – 16 с.
44. Ракеев Г.Ф. Об улучшении быта ремесленных учеников / Г.Ф. Ракеев // Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. 1889–1890. I отд. – СПб. : Владимирская типо-Лит., 1890. – С. 96–102).
45. Ракеев Г.Ф. Об ученичестве у мастеров / Г.Ф. Ракеев // Труды общества для содействия русской промышленности и торговле, Записки V отделения по кустарной и ремесленной промышленности 1889–91. – СПб., 1892. – С. 1–22.
46. Ракеев Г.Ф. Опыт применения ручного труда, как подготовки в обучении ремеслам / Г.Ф. Ракеев. Докл. Г.Ф. Ракеева, тов. пред. Попечительства Человеколюбивого о-ва для сбора пожертвований на воспитание и устройство бед. детей в мастерство. – СПб. : «Владим.» паровая типо-лит., [1896]. – 13 с.
47. Ракеев Г.Ф. Доклад / Г.Ф. Ракеев // Труды Всероссийского Торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде в 8 томах. Т. 1 : Общая часть. – СПб., 1897. – [238] с.
48. Ремесленная партия. Воззвание Организационного комитета «Ремесленной партии». – СПб.: С.П.Б. Ремесленная управа, 1906. – 2 с.

49. Ремесленная партия. Программа «Ремесленной партии». – [Санкт-Петербург], ценз. 1906. – 2 с.
50. Сб. РИО. Т. 43: Исторические сведения о Екатерининской Законодательной Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения. Ч. 6 / Собраны и напечатаны под наблюдением профессора В.И. Сергеевича. – СПб. : тип. Н. А. Лебедева, 1885. – X, 636 с.
51. Сельдишев Д.Г. О положении учеников ремесленных мастерских по действующему русскому законодательству / Д.Г. Сельдишев // Труды первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению 8–13 марта 1910 г. – СПб., 1910. – С. 431–443.
52. Труды Всероссийского съезда по ремесленной промышленности в С.–Петербурге 1900 г. Т. 1–3. – СПб., 1900–1901. – Т. 1: IX, 133, 185 с.; Т. 2: 476 с.
53. Труды второго всероссийского съезда по ремесленной промышленности, протоколы заседания от 17.01.1911 г. – СПб., 1911. – 428 с.
54. Штакельберг А. Цеховое устройство и свобода промышленности в Европе / А. Штакельберг // Труды комиссии, учрежденной в 1859 г. для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. : Ч. 1–5. Ч. 1. – СПб. : [б. и.], 1865. – XIV, 913 с.
55. Яроцкий В.Г. О вырождении ученичества у мастеров / В.Г. Яроцкий // Труды 1-го съезда по техническому и профессиональному образованию, II отделение. – СПб., 1890. С 106–113.
56. Энгельмейер П.К. О технических занятиях / П.К. Энгельмейер // Труды съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. II отделение: средние и низшие технические и ремесленные учебные заведения // Записки императорского русского технического общества и свод привилегий выдаваемых по департаменту торговли и мануфактур. – СПб., 1890. Вып. 11. – 467 с.

Проекты и записки

57. Готфрид Вильгельм Лейбниц. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. Москва: Рипол Классик, 2013. (репринт издания: Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. Изд. В. Герье. СПб., 1873).
58. Пропозиции Федора Салтыкова: Рукопись из собрания П.Н. Тихонова. СПб., б. г.
59. Фонвизин Д.И. Сокращение о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина / Д.И. Фонвизин. URL: http://fonvizin.lit-info.ru/fonvizin/articles/fonvizin/o-volnosti-francuzskogo-dvoryanstva.htm.
60. Экономические записки В.Н. Татищева // Исторический архив. Т. VII. М-Л., 1951.

Статистика

61. Веселовский К.С. Статистические исследования о недвижимых имуществах в Петербурге / К.С. Веселовский // Отечественные записки (1848). Т. 57. Ч. 2. № 3–4. С. 1–27.

62. Заблоцкий-Десятовский А.П. Статистические сведения о Санктпетербурге / изданы при Министерстве Внутренних Дел. Санктпетербург: в Гуттенберговой Типографии, 1836.
63. Кеппен П. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей России в 1851 году. СПб. : В Тип. Императорской Академии наук, 1857. – [8], 296 с.
64. Санкт-Петербург. 1703–2003: Юбилейный статистический сборник / Под ред. И.И. Елисеевой и Е.И. Грибовой. СПб., 2003. Вып.2.
65. Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов, получивших награды на мануфактурной выставке 1861 г. СПб., 1862.
66. Таблицы к статистическим сведениям о Санктпетербурге. СПб., 1836. Таблица № 25, 26.
67. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. XIII. СПб. 1885. – С. 1–432; Вып. XIV. СПб. 1885. – С. 4367–4598; Вып. XV. СПб. 1886. – С. 4759–4875; Вып.VL. СПб. 1880. С. 1–432; Нижегородский сборник Т.VII. – Н. Новгород. 1890; Т. X. – Н. Новгород. 1890.

Источники личного происхождения

68. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. – М. : Соцэкгиз, 1960. – 556 с.
69. Нартов А.К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого / А.К. Нартов / Предисл. и коммент. Л.Н. Майкова // Записки Императорской Академии наук, 1891. Т. 67. – 138 с.
70. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию / А. Олеарий. – СПб. : Издание А.С. Суворина, 1905. – 174 с.
71. Филипп Филиппович Вигель. Записки / Ф.Ф. Вигель. – М., 2000. – 590 с.

Справочные издания

72. Адрес-Календарь Санкт-Петербурга за 1812 год. – СПб., 1811.
73. Адрес-Календарь Санкт-Петербурга за 1827 год. – СПб., 1826.
74. Адрес-Календарь Санкт-Петербурга за 1833 год. – СПб., 1832.
75. Аллер С. Указатель жилищ и зданий С.-Петербурга или адресная книга. – СПб. : В Типографии Департамента народнаго просвещения, 1822. – XVI, 663 с.
76. Аттенгофер Г.Л. фон. Медико-топографическое описание Санктпетербурга, главнаго и столичнаго города Российской Империи / Г.Л. ф. Аттенгофер. – СПб. : Печатано при Императорской Академии Наук, 1820. – [4], XII, 432 с.
77. Благотворительность в России. Том. 2. 871 с. Ч. 2 : Список благотворительных учреждений. – С.-Петербург : Типо-литография Н.Л. Ныркина, [1907]. – 45 с.
78. Богданов А.И., Рубан В. Историческое, географическое и топографическое описание С.–Петербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 г. / А.И. Богданов, Рубан В. 1-е изд. – СПб. : [тип. Воен. коллегии], 1779. – 558 с.
79. Весь Петербург. Адресная и справочная книга. СПб., 1894. Отдел IV; Стб. 241; там же. СПб., 1898. Отдел IV; Стб. 255; там же. СПб., 1905. Отдел IV; Стб. 254; там же. СПб., 1908. Отдел IV; Стб. 281); там же. СПб., 1917 г. Отдел IV; Стб. 258.

80. Выставка российских мануфактурных изделий. Роспись вещам, выставленным на Первую публичную выставку российских изделий в С.-Петербурге 1829 года: С прил. высочайше утв. правил оной Выст.; Дополнение...; Реестр заводчиков, фабрикантов, художников и ремесленников, представивших свои изделия в Выставку 1829 года. – СПб., 1829. – 176 с.
81. Георги И.Г. Описание российско – императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом / И.Г. Георги; Вступ. ст. Пирютко. – СПб. : Лига, 1996. – 528 с.
82. Городские поселения в Российской империи. Т. 7. Столичный город С.-Петербург. СПб. : тип. Т-ва «Обществ. польза», 1864. XXXV, 607 с.
83. Дворец великого князя Владимира Александровича. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-tfN6r7MAE4 (10.12.2017).
84. Дом Валлота и Вольфа. Невский пр., 18, Большая Морская ул., 12, Мойки р. наб., 57. Available at: http://walkspb.ru/zd/nevskiy18.html.
85. Дом С.Г. Строганова. Невский пр., 17. Available at: http://walkspb.ru/zd/nevskiy17.html.
86. Доходный дом СПб. ремесленного общества. URL: http://www.citywalls.ru/house1663.html?s=d8p43dbdp2h16a75mrvs8251c1.
87. Здание банка И.В. Юнкер и К. URL: http://walkspb.ru/zd/nevskiy12.html).
88. Злобин К.К. Ведомость состоящим в С.-Петербурге фабрикам, мануфактурам и заводам на сентябрь 1794 г. / К.К. Злобин // РИО. 1867. № 1. С. 352–361.
89. Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства / И.К. Кирилов. 2-е изд. – М.: Наука, 1977. – 444 с.
90. Материалы для истории русского флота. Ч. 3 [Балтийский флот. 1702-1725]. СПб., 1866. [3], XX, 727 с.
91. Межов В.И. Русская историческая библиография : указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам : за 1800–1854 вкл. / В.И. Межов : [в 3 т.] / составил В. И. Межов. – СПб. : И. М. Сибиряков, 1892–1893. Т. 3: География. – Гидрография. – Орография. – Картография. – Путешествия. – Статистика. – Этнография. – История веры и церкви. – Агиология. – История народнаго просвещения и образования в России. – История академий, университетов, лицеев, гимназий и др. учебных заведений. – 1893 (Тип. И. Н. Скороходова). – X, 514 с.
92. Нистрем К. Адрес–календарь санктпетербургских жителей, т. 1–3. СПб., 1844. С. 135–515.
93. Описание С.-Петербургской ремесленной выставки 1899 года, составленное секретарем Совета экспертов Выставки М.М. Рейнке под руководством председателя Комиссии по устройству выставки П.И. Глуховского и изданное в пользу ремесленных отделений домов трудолюбия. – СПб. : [б. и.], 1900. – [2], II, 98, 215 с.
94. Пушкарев И.И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.–Петербургской губернии / И.И. Пушкарев. Ч. 3. – СПб. : изд. собств. иждивением авт., 1839–1842 (тип. Н. Греча). 1841. – [6], II, 168 с.

95. Реестр заводчиков, фабрикантов, художников и ремесленников, представивших свои изделия в Выставку 1829 года. Санкт-Петербург, 1829.
96. Садовников В.С. Панорама Невского проспекта // Воспроизведение литографий, исполн. И.Ивановым и П.Ивановым по акварелям В.С.Садовникова и изд. А.М.Прево в 1830–1835 г. / [Текст и публ. И.Котельниковой. Оформление макет С.Малахова]. Л., 1974.
97. Список ремесленных и технических учебных заведений ведомства министерства торговли и промышленности. Петроград, 1914.
98. Список фабрик и заводов г. Москвы и Московской губернии / Сост. фабрич. инспекторами Моск. губ. по данным 1916 г.; Отд. пром-сти М-ва торговли и пром-сти. М.: тип. А.И. Мамонтова, 1916.
99. Справочник кустарной промышленности г.Москвы и Московской губернии. М.-Ленинград (без даты выпуска).
100. Строгановский дворец. URL: http://walkspb.ru/zd/nevskiy17.html.
101. Торговый дом С.Эсдерс и К.Схейфальс – Швейная фабрика им. В.Володарского. URL: http://www.citywalls.ru/house473.html.
102. Указатель С.- Петербургской ремесленной выставки 1899 г. СПб., 1899.
103. Фабрика роялей „К.М. Шредер». URL: http://www.citywalls.ru/house13238.html.
104. Фабрики и заводы в С.-Петербурге и С.-Петербургской губернии в 1863 г. Вып. 2. – СПб. : Типография Санкт-Петербургского губернского правления, 1864. – 56 с.
105. Фабрики и заводы в С.-Петербурге и С.-Петербургской губернии в 1866 г. СПб. : Типография С.-П.-Б. губернского правления, 1868. – 52 с.
106. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Путеводитель в двух томах. СПб.: «Виктория плюс», 2009. Т. 1.
107. Шредер Ф.А. Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу, с историческими указаниями: С планом и картинкой / Ф.А. Шредер. – СПб. : печ. при 1-м Кадетском корпусе, 1820. – 244 с.
108. Шустов А.С. Санкт-петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летнему юбилею столицы / А.С. Шустов: Ил. альб. / Сост. и изд. А.С. Шустов. – СПб., 1903. – 432 с.
109. Georgi J.G. Versuch einer Beschreibung der russisch kayserlichen Residenzstadt St. Petersburg und der Merkwurdigkeiten der Gegend / J.G. Georgi. – SPb., 1790. – XVI, 13, 340 S.
110. Possart F. Wegweiser für Fremde in St. Petersburg oder ausführliches Gemälde dieser Hauptstadt und ihrer Umgebung / F. Possart. – Heidelberg : Engelmann, 1842. – 294 S.
111. Reimers H.Ch.v. St. Petersburg am Ende seines Ersten Jahrhunderts: mit Rückblicken auf Entstehung und Wachstum dieser Residenz unter den verschiedenen Regierungen während dieses Zeitraums / H.Ch.v. Reimers. – St. Petersburg; Penig, 1805. Bd. 1. 1805. – XL, 390 p.

Словари и энциклопедии

112. А. Я. Кустарная промышленность // Т. 17 (33): Култагой – Лёд. – СПб. : Типолитография И.А. Ефрона, 1896. – 482 с. – С. 121–127.
113. Белковский Г.А. Ремесло / Г.А. Белковский // Энциклопедический словарь. 1899 Т. 26А. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1899. С. 563.
114. Вейсман Э. Вейсманнов немецкий лексикон с латинским. Преложенный на российский язык / Э. Вейсман / [Пер. на рус. яз. И.И.Ильинский, И.П.Сатаров, И.С.Горлицкий]. Изд. 2-е. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1782. – 1017 с.
115. Гёльтергоф Ф. Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон / Ф. Гёльтергоф. – [Москва] : Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1771. – 656 с.
116. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля / В.И. Даль; под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ: [в 4 т.] 3-е изд. – СПб; М. : Товарищество М.О. Вольф, 1903-1909. – Т. 1: А-З. СПб.-М., 1903. XIV с., 1744 стб., VIII с.
117. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль . В 4-х т. Т. 3. М.: Русский язык – Медиа, 2003. – 2721 с.
118. Дементьев Е.М. Цехи в России / Е.М. Дементьев // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. − СПб., 1903. Т. 38 (75). − С. 131–134.
119. Дживелегов А.К. Цехи в Западной Европе / А.К. Дживелегов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 75. − СПб. : Семеновская Типолитография, 1903. − С. 130.
120. Н.С. (Н.Ф. Соловьев). Шредер, фирма по изготовлению фортепиано / Н.С. (Н.Ф. Соловьев) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Шм–Шр. Т. XXXIXа. – С. 858.
121. Поликарпов-Орлов Ф.П. Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище / . – М. : Синодаль. тип., дек. 1704. – 403 л.
122. Русский биографический словарь, Изд. Императорским Русским Историческим Обществом: под ред. Н.Д.Чечулина и М.Г. Курдюмова. – Санкт-Петербург : тип. Гл. упр. уделов, 1914. Т. 10. – 846 с.
123. Соловьев Н.Ф. Шредер, фирма по изготовлению фортепиано / Н.Ф. Соловьев // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Шм—Шр. Т. XXXIXа. С. 858.
124. Словарь Академии Российской. – Санктпетербург : При Имп. Акад. наук, 1789–1794. Ч. 5: от Р до Т; Ч. 6: от Т до конца. 1794. – 1084 стлб., 1064 стлб.
125. Соловьев Н.Ф. Фортепиано / Н.Ф. Соловьев // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Фо. Т. XXXVI. – С. 307.
126. Справочный указатель кустарных производств и кустарных мастеров. Вып. I–V. – СПб. : тип. В.Ф. Киршбаума, 1892–1902.
127. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка / И.И. Срезневский. [В 3 т.]. Т. 1-Ч. 2; Т. 3. Ч. 1–2. Т. 4. Репринт. изд. – М. : Книга, 1989.
128. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. В 4 т. / Пер. с нем. и дополн. О.Н.Трубачева. Т. 3. 3-е изд. – М. : Азбука – Терра, 1996. – 832 с.
129. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. Пер. с нем. и дополн. Академика РАН О. Н. Трубачева. Т. 3. – М. : Астрель Аст, 2004. – 830 с.

130. Фр.-Я. и А.Я. Профессиональное образование / Фр.-Я. и А.Я. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XXVa. – СПб., 1898. – С. 563–574.
131. Шеймин П.Н. Полиция / П.Н. Шеймин // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. Т. 24. – СПб. : Типо-Литография И.А. Ефрона, 1898. – С. 320–339.
132. Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. Т. 29. – СПб., 1895.
133. Heinsius Th. Vollständiges Wörterbuch der deutschen Sprache mit Bezeichnung der Aussprache und Betonung für die Geschäfts- und Lesewelt / Th. Heinsius. Leipzig : C.F. Schade, 1824.
134. Hayme Th., Dietherr M. Allgemeines Teutsches Juristisches Lexicon / Th. Hayme, M. Dietherr. – Leipzig, 1738. –1357 S.
135. Weismann E. Lexikon bipartitum latino-germanicum et germanico-latinum in quo latinitas prisca et pura ... ex probatissimis autoribus methodo perspicua explicatur / E. Weismann. Tl. 1–2. Stuttgart: o. V., 1673. – 1176 p.
136. Weismanns Petersburger Lexikon von 1731 (I–II) / . München : Verlag Otto Sagner, 1982, 1983. – 394 S., 788 S.
137. Zedler J.H. Grosses vollständiges Universallexikon Aller Wissenschaften und Künste / J.H. Zedler. Erste Auflage. – Halle und Leipzig, 1732–1754. Bd. 28. 1741.

Художественные и литератуно-публицистические произведения

138. Бахтиаров А.А. Брюхо Петербурга. Очерки столичной жизни / А.А. Бахтиаров. – Санкт-Петербург : Ферт, 1994. – 224 с.
139. Башуцкий А.П. Панорама Санкт-Петербурга / А.П. Башуцкий. Т. 1–3. – СПб. : типография вдовы Плюшар с сыном, 1834. – 263, 271, 379 с.
140. Долгоруков П. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта, 1860−1867 / П. Долгоруков. − М. : Новости, 1992. − 560 с.
141. Лесков Н.С. Островитяне / Н.С. Лесков // Полное собрание сочинений. Изд. 3. Т. 12. – СПб. : Изд. А.Ф. Маркса, 1902. – 192 с.
142. Перевод В. Вересаева. Античные гимны / Сост., общ. ред. А. А. Тахо-Годи. – М. : Изд-во Московского университета, 1988. – 362 с.
143. Пришвин М.М. Башмаки: Исследование журналиста / М.М. Пришвин. Москва; Ленинград : Гос. изд-во, 1925; Официальный сайт МОГП Талдом. URL: http://taldom-gorod.ru/index.php/nash-gorod/9-nash-gorod/21-istoriya-goroda?showall=1&limitstart=.
144. Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской / А.С. Пушкин. ─ Полное собрание сочинений в 10 тт. Т. 6. Критика и публицистика. – М. : ГИХЛ, 1959–1962. – 584 с. – С. 407–413.
145. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. под общ. ред. Д.Д. Благого и др. Т. 2 : Стихотворения. 1823-1836 / А.С. Пушкин / Примеч. Т. Цявловской. – М. : Гослитиздат, 1959. – 799 с.
146. Пыляев М.И. Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы / М.И. Пыляев. 2-е изд. – СПб. : А.С. Суворин, 1889. – 497 с.

147. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений / М.Е. Салтыков-Щедрин. В двадцати томах. С.А. Макашин (гл. ред.). М. : Художественная литература. – М., 1965. Т. 16, кн. 2.

Материалы периодической печати

148. А.П. Наши ремесленники / А.П. // Русское богатство. 1900. № 4. С. 160–172.
149. Архангельский Г.И. Жизнь в Санкт-Петербурге по статистическим данным / Г.И. Архангельский // Архив судебной медицины. 1869. Т. 2, разд. III. – С. 38-85; Т. 3, разд. III. – С. 84–143.
150. Об устройстве ремесленного сословия и ремесленной промышленности // ЖМВД. 1853. Отд. 2. Ч. 3. Кн. 5. 1853. С. 4.
151. Беззащитность ремесленных учеников // Вестник Европы. 1879. Т. 5. Кн. 10 (октябрь). С. 793–795.
152. Богданов Б. Итоги ремесленного съезда / Б. Богданов // Наша заря. 1911. № 2. С. 62–75.
153. Голос ремесленника. – СПб., 1906. 1–3 раза в нед. Ред.-изд. А. Ядров.
154. Женин Н. Еще несколько слов о наших ремесленниках / Н. Женин // Атеней, журнал критики, современной истории и литературы. Ч. 6. М., 1858. С. 519–526.
155. Иордан В.О. Ученики-ремесленники / В.О. Иордан // Русская мысль. 1894. Кн. 4. С. 1–24.
156. К вопросу о ремесленном обучении преимущественно детей // Детская помощь : журнал, по вопросам общей благотворительности : орган Общества попечения о неимущих и нуждающихся в защите детях в Москве. – Москва : Г. П. Смирнов-Платонов,. 1885. – С. 88–103.
157. Кнауф А.А. Замечание о проплавке кричных соков в доменных печах / А.А. Кнауф // Горный журнал. 1828. Кн. 4. С. 75–79.
158. Кнауф А.А. Известие об опыте, произведённом при С.Петербургском Александровском чугуннолитейном заводе, с примечаниями об Английском способе выделывания железа / А.А. Кнауф // Горный журнал. 1827. Кн. 9 (сентябрь). – СПб.: Типография Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1827. – С. 93–107.
159. Кнауф А.А. Обозрение чугуноплавильного действия и железного производства хребта Уральского в 1827 году / А.А. Кнауф // Горный журнал. 1830. С. 220–236.
160. Кнауф А.А. Известие о продолжении плавки железных руд дровами, в Сумбульском заводе Г. Фока / А.А. Кнауф // Горный журнал. 1830. С. 241–249.
161. Кнауф А.А. Сравнение чугуноплавильного действия Гарболовского Г. Генерал-Майора Кандибы завода, производящего плавку железных руд посредством угля, с таковым же действием Сумбульского завода Г. Полковника Фока, при коем плавка производится одними дровами / А.А. Кнауф // Горный журнал. 1830. С. 267–271.
162. Кнауф А.А. Об употреблении воды при наливных колесах / А.А. Кнауф // Горный журнал. 1835. Ч. 4. Кн. 12. – Санкт-Петербург: Типография Карла Крайя. – С. 488–491.
163. Кнауф А.А. О плавке железных руд на Кыштымских заводах / А.А. Кнауф // Горный журнал. 1832. Ч. 1. Кн. 3. С. 420–424.

164. Малин А. Второй всероссийский ремесленный съезд / А. Малин // Вестник Европы. 1911. Т.3 (март). С. 287–292.
165. Пискунов В. Еще несколько слов о наших ремесленниках / В. Пискунов // Современник. Т. 74. № 3 1859. С. 345. С траницы!
166. Попытка учредить клуб в 1801 году. Отношение генерал-губернатора графа фон-дер-Палена к статс-секретарю Брискерну, от 15-го января 1801 г., за № 200 // Русская старина, 1873. Т. 7. № 4. С. 576.
167. Сазонов Г. Программа для собрания сведений о русской народной артели / Г. Сазонов // Русская мысль. январь 1881. Кн. 1.
168. Смесь // Отечественные записки. Т. 59. № 7–8 (1848). С. 51.
169. Фортепианная фабрика Ф. Мюльбаха // Музыкальный свет. 1870. № 2. С. 6.

<u>Специальная литература</u>

170. 1-я Российская фортепианная паровая фабрика "К.М. Шредер" – Ленинградская фабрика мелких музыкальных инструментов им. А.В. Луначарского. Режим доступа: http://www.citywalls.ru/house13238.html.
171. 17 целей по преобразованию мира в области устойчивого развития, декларированные ООН. URL: http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/.
172. Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала / В.В. Адамов // Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. – Свердловск, изд. УрГУ. 1972. С. 225–256.
173. Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. : из истории формирования русской буржуазии / А.И. Аксенов. – М. : Наука, 1988. – 189 с.
174. Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение /Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2016. – 316 с. (сер. «Каменный пояс: взгляд сквозь тысячелетия»).
175. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.) / Е.В. Алексеева. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 368 с.
176. Алексеева Е.В., Редин Д.А., Рей М.-П. «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода / Е.В. Алексеева, Д.А. Редин, М.-П. Рей // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 3–20.
177. Алексеева Л.П. Г.И. Архангельский – санитарный врач / Л.П. Алексеева // Вопросы гигиены и методики гигиенических исследований. Сб. ст. – М. ; Л. : Гос. изд-во мед. лит. Ленингр. отд-ние, 1953. – 282 с. – С. 232.
178. Аллард Э. Сомнительные достоинства концепции модернизации / Аллард Э. // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 60–66.
179. Аллен Р. Глобальная экономическая история. Краткое введение / Аллен Р. – М. : Издательство института Гайдара, 2013. – 224 с.

180. Алымов В.К. К вопросу о положении труда в ремесленном производстве / Алымов В.К. // Народное хозяйство. 1904. Кн. 6 (ноябрь–декабрь). С. 3–5.
181. Аминов Т.М. Преподавание ручного труда в учебных заведениях дореволюционной России / Аминов А.Т. // Становление и развитие ремесленничества и профессионального ремесленного образования в России: сб. науч. ст. IV междунар. НПК. – Екатеринбург, 2011. С. 26–28.
182. Ананьев В.Г. «Очаги художественной культуры»: Провинциальные художественные музеи и кустарная промышленность в дискуссиях 1910-х гг. / Ананьев В.Г. // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5. № 1. С. 86–98.
183. Ананьич Н.И. К истории податных реформ 1880-х годов (Введение дополнительных сборов к промысловому налогу: 3-процентного и раскладочного) / Н.И. Ананьич // История СССР. 1979. № 1. С. 159–173.
184. Андреев А.И. Основание Академии Наук в Петербурге / А.И. Андреев // Петр Великий: Сборник статей / Под ред. доктора ист. наук А.И. Андреева. – М.-Л. : Изд. АН СССР, 1947. С. 284–333.
185. Андреев Н.В. История пермского городского самоуправления последней четверти XVIII – первой четверти XIX в. / Н.В. Андреев. – Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та; Пермь: Изд-во. Перм. гос. пед. ун-та, 2003. – 276 с.
186. Андреева Е.А. Петербург Петра I – «Город на костях»: Миф или правда. (1703–1712) / Е.А. Андреева // Меншиковские чтения – 2006 : Материалы чтений / Отв. ред. П.А. Кротов. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2006. Вып.4. С. 7–35.
187. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого / Е.В. Анисимов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. – 331 с.
188. Анисимов Е.В. Юный град. Петербург времен Петра Великого / Е.В. Анисимов. – СПб. : Д. Буланин, 2003. – 366 с.
189. Анисимов Е.В. Петр Великий. Личность и реформы / Е.В. Анисимов. – Москва [и др.] : Питер, 2009. – 446 с.
190. Анопов И.А. Опыт систематического обозрения материалов к изучению современного состояния среднего и низшего технического и ремесленного образования в России / И.А. Анопов. – СПб. : Тип. м-ва путей сообщения, 1889. – 556 с.
191. Антипова Т.Б. Традиционные ремесла и промыслы в «кормящем ландшафте» Нижнего Поволжья: потери и обретения / Т.Б. Антипова // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 3. С. 64–72.
192. Антропов Р.В. Влияние германского права эпохи либерализма на развитие российского законодательства / Р.В. Антропов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 4 (44). 2006. С. 23–28.
193. Антропов Р.В. Социальное законодательство Германии во второй половине XIX века: особенности, эволюция и роль в историческом процессе / Р.В. Антропов // Genesis: исторические исследования. 2015. № 3. С. 280–291.
194. Арапов Д.Ю., Балязин В.Н., Сахаров А.М. Ремесло / Д.Ю. Арапов, В.Н. Балязин, А.М. Сахаров // Большая Советская Энциклопедия. Т. 22. М., 1975. С. 6.

195. Артамонова Л.М. Просвещение как составная часть модернизации России в XVIII – первой половине XIX в. / Л.М. Артамонова // ПИР : исторический источник и исторический контекст: сб. науч. трудов. Вып. 10. Д.А. Редин (отв. ред.). – Екатеринбург, 2013. С. 159–178.
196. Артель и артельный человек / Сост., введение В. В. Аверьянова / Отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2014. – 688 с.
197. Архипова Л.М. Мелкая крестьянская промышленность центрально–черноземного района России в начале XX века / Л.М. Архипова. – М. : Прометей, 1995. – 162 с.
198. Арциховский А.В. Новгородские ремесла в XVI веке / А.В. Арциховский // Новгородский исторический сборник. 1939. № 6. С. 3–15.
199. Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь / А. Аузан. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 160 с.
200. Байкулова С.З., Матвеева Я.Ю. (сост.). Руководители Санкт-Петербурга / С.З. Байкулова, Я.Ю. Матвеева. Ред. А.Л. Бауман. – СПб. : ОЛМА Медиа Групп, 2003. – 576 с.
201. Баканов С.А. Демографическая деградация городов в старопромышленных районах Урала во второй половине (1960–2010) / С.А. Баканов // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5. № 1. С. 74–85.
202. Балагуров Я.А. Формирование рабочих кадров Олонецких петровских заводов (первая половина XVIII в.). Петрозаводск : Госиздат КФССР, 1955. – 120 с.
203. Балдин К.Е. Индустриальное развитие и образовательное пространство провинциального города в конце XIX – начале XX века (на примере Иваново-Вознесенска) / К.Е. Балдин // Лабиринт. 2014. № 1. С. 17–26.
204. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – М. : Логос-Альтера, Ecce Homo. 2003. – 272 с.
205. Баркер А. Алхимия инноваций / А. Баркер. – М. : Вершина, 2004. – 224 с.
206. Барченкова О.Б. Владимирская ремесленная управа в XIX начале XX в. / О.Б. Барченкова // Материалы исследований Российского Владимиро–Суздальского заповедника. Владимир. 2006. № 12. С. 8–13.
207. Барышников М.Н., Барышникова Т. Е. Женщины в составе петербургских предпринимателей в начале XX века / М.Н. Барышников, Т. Е. Барышникова // Барышников М.Н. (ред.). Предпринимательство и общественная жизнь Петербурга. Очерки истории. Сб. ст. – СПб.: Нестор, 2002. С. 34–50.
208. Барышников М.Н. (ред.). Предпринимательство и общественная жизнь Петербурга. Очерки истории / М.Н. Барышников. Сб. ст. – СПб. : Нестор, 2002. – 216 с.
209. Батышев С.Я. (науч. и лит. ред.). Энциклопедия профессионального образования : в 3 т. / С.Я. Батышев. – М. : Рос. акад. Образования : Проф. образование, 1998–1999. – 566, 440, 486 с.
210. Батышев С.Я., Новиков А.М., Осовский Е.Г. (науч. ред.). История профессионального образования в России / С.Я. Батышев, А.М. Новиков, Е.Г. Осовский. – М. : Ассоциация «Профессиональноеобразование», 2003. – 672 с.

211. Бахрушин С.В. Москва как ремесленный и торговый центр в XVI веке / С.В. Бахрушин // Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI – начала XVII веков, научные труды, т. 1. – М., 1952. С. 107–142.
212. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 1. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI – начала XVII в. / С.В. Бахрушин. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. 263 с.; Т. 2. – М., 1954. – 380 с.
213. Бахрушин С.В. Ремесленные ученики в XVII веке / С.В. Бахрушин // Научные труды. Т. 2. – М., 1954. С. 101–118.
214. Безобразов В.П. Народное хозяйство России. Московская (центральная) промышленная область / В.П. Безобразов. Ч. 1-3. – СПб. : Департамент торговли и мануфактур, 1882-1885. – Ч. 1. VIII+316+303 с.; Ч. 2. II+384 с.; Ч. 3. II+146 с.
215. Бегиджанов П.М. Особенности инновационного предпринимательства и управление его развитием / П.М. Бегиджанов. – М. : Монолит, 2002. – 411 с.
216. Бейлин И.Г., Парнес В.А. Александр Ефимович Теплоухов / И,Г. Бейлин. – М. : Наука, 1969. – 154 с.
217. Л.В. Беловинский. Кустарная Россия. Не знавший покоя // Пономарев Н.В., Денисюк Н.Ф. Кустарные промыслы в России. Кустарная Россия : очерки. – М. : Государственная публичная историческая библиотека России, 2017. – С. 3–22.
218. Белоусов С. Портной из Пензы Эгетмайер: мифы и реальность / С. Белоусов // Родина. 2013. № 11. С. 96–99.
219. Белявский К. 50-летие Ремесленной школы императора Александра II императорского женского патриотического общества / К. Белявский. – СПб. : тип. Спб. акц. общ. печ. дела в России Е. Евдокимов, 1899. – 52 с.
220. Белявский М.Т. Основание Академии наук в России / М.Т. Белявский // Вопросы истории. 1974. № 5. С. 16–28.
221. Бергсон А. Творческая эволюция / А. Бергсон. Авторизованный пер. с фр. В.А. Флеровой. – М.- СПб. : Русская мысль, 1914. – 330 с.
222. Бергсон А. Творческая эволюция / А. Бергсон. Пер. с. фр. В. Флеровой; Вступ. Ст. И. Блауберг. – М. : Терра-Книжный клуб. Канон-Пресс-Ц, 2001. – 384 с.
223. Берви–Флеровский В.В. Избранные экономические произведения в 2–х томах / В.В. Берви–Флеровский. – М. : Соцэкгиз, 1958-1959. – 618, 543 с.
224. Беспалова Л.Н. Социальная политика Отто фон Бисмарка в освещении «Вестника Европы» / Л.Н. Беспалова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. 7 (135). С. 69–75.
225. Бецкой И.И. Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания в России, обоего пола благородного и мещанского юношества : С прочими в пользу о-ва установлениями / И.И. Бецкой. – СПб. : Тип. Шнора, 1789. – 479 с.
226. Билимович А.Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков / А.Д. Билимович. Монография; сост. А.В. Соболев, сост. Л.В. Никифоров, сост. Т. Е. Кузнецова; Рос. акад. наук, Ин- т экон. – М. : Наука, 2005. – 190 с.

227. Бильбасов В.А. Дидро в Петербурге / В.А. Бильбасов. – СПб. : тип. И.Н. Скороходова, 1884. – 325 с.
228. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по истории лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования / Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина. – Л. : Наука, 1972. – 431 с.
229. Бирюкова Т. Вооружение глаза / Т. Бирюкова // Московская немецкая газета. URL : http://ru.mdz-moskau.eu/vooruzhenie-glaza/.
230. Блауг М. Коуз, Рональд Гарри / М. Блауг // 100 великих экономистов после Кейнса = Great Economists since Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past. – СПб. : Экономикус, 2009. – 384 с. – С. 128–130.
231. Блессинг Г. Профессиональный путь ремесленника / Г. Блессинг // Профессиональное образование. 2004. № 9. С. 16–17.
232. Бовыкин В.И. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России / В.И. Бовыкин. – М. : РОССПЭН, 1997. – 328 с.
233. Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления / А.Д. Богатуров, А.В. Виноградов // Полис. 1999. № 4. С. 60–69.
234. Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории / А.Д. Богатуров, А.В. Виноградов // Восток-Запад-Россия. – М., 2002. С. 109–128.
235. Боглачев С.В. Центральное училище технического рисования А.Л. Штиглица / С.В. Боглачев // Энциклопедия Санкт-Петербург. URL: http://encspb.ru/object/2804028810.
236. Ведина Т.Ф. Энциклопедия русских фамилий. Тайны происхождения и значения / Т.Ф. Ведина. – М.: АСТ, 2008. – 768 с.
237. Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков / С.К. Богоявленский / Отв. ред. и авт. предисл. С.О. Шмидт. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 603 с.
238. Божерянов И.Н. Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов / И.Н. Божерянов. – СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1897. – XXIV, 25 с.
239. Боков В. Немецкие оружейники на Златоустовском заводе / В. Боков // Журнал императорского российского военно-исторического общества, 1913, Кн. 5-6. С. 289-295; Кн. 7-8. С. 353-362, Кн. II. С. 519-529; Кн. 12. С. 602-615.
240. Бондаренко Ф.В., Микитюк В.П., Шкерин В.А. Британские механики и предприниматели на Урале в XIX – начале XX вв. / Ф.В. Бондаренко, В.П. Микитюк, В.А. Шкерин. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. – 86 с.
241. Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи / К. Бордэриу. – М. : Новое Литературное Обозрение, 2016. – 337 с.
242. Борисов А.В. Избирательный закон и организация системы выборов по городовым положениям 1870 и 1892 годов / А.В. Борисов // Изв. Пензенского гос. пед. ун-та им. В.Г.Белинского. 2011. № 23. С. 326–332.

243. Борисов В.П. Токарные художества Петра Великого / В.П. Борисов // Природа. № 7. 2004. С. 93–94.
244. Боровой С.Я. Кредит и банки России. (Середина XVII в. – 1861 г.) / С.Я. Боровой. – М., 1958. – 288 с.
245. Ботт И.К., Канева М.И. Русская мебель. История, стили, мастера / И.К. Ботт, М.И. Канева. – СПб. : Искусство-СПБ, 2003. – 507 с.
246. Боулз С. Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан / С. Боулз. Перевод с англ. Даниила Шестакова. – М. : Издательство института Гайдара 2017. – 336 с.
247. Бочкарева Е.С. Переход Златоустовских заводов в казенное владение в конце XVIII века / Е.С. Бочкарева // Вестник ЧелГУ. 2015. № 14. С. 109–115.
248. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II / Ф. Бродель, [в 3 ч.]; [пер. с фр. М.А. Юсима; послесл. А.Я. Гуревича, М.А. Юсима]. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
249. Бугров К.Д. «Камень, служащий основанием государству»: монархическая форма правления и особый статус дворянства в политической мысли XVIII в. / К.Д. Бугров // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (145). С. 143–156.
250. Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века / К.Д. Бугров, М.А. Киселев. – Екатеринбург : Издательство Уральского университете Университетское издательство, 2016. – 480 с.
251. Бугров К.Д., Киселев М.А. Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII в.? Принципы работы по входящим делам в Екатеринбургском уездном суде / К.Д. Бугров, М.А. Киселев // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 2. С. 29–36.
252. Бугров К.Д., Киселев М.А. Рец. на: A.K. Smith. For the common good and their own well-being: social estates in Imperial Russia / К.Д. Бугров, М.А. Киселев. N.Y. : Oxford university press, 2014. ix, 278 p. // Российская история. 2016. № 1. С. 172–175.
253. Булатов В.Ф. История петербургского приборостроительного завода им. А.А. Кулакова / В.Ф. Булатов. URL: http://www.computer-museum.ru/connect/ppz_kulakova.htm.
254. Вайсман Я.И., Рудакова Л.В. Стратегия устойчивого развития: учеб. Пособие / Я.И. Вайсман, Л.В. Рудакова. – Пермь : Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2008. – 486 с.
255. Валк С.Н., Дякин В.С. (ред.). История рабочих Ленинграда, т. 1. (1703 – февраль 1917) / С.Н. Валк, В.С. Дякин. – Л. : Наука, ЛО, 1972. – 555 с.
256. Вахромеева О.В. Петербургская ремесленница к концу XIX начале XX века / О.В. Вахромеева // Петербургские исследования: Сборник научных статей. – СПб., 2014. С. 40–50.
257. Векслер А.Ф., Крашенинникова Т.Я. Загородный проспект / А.Ф. Векслер, Т.Я. Крашенинникова. – М. : Центрполиграф, 2010. – 510 с.

258. Векслер А.Ф., Крашенинникова Т.Я. Владимирский округ. Большая и Малая Московские улицы и улица Правды / А.Ф. Векслер, Т.Я. Крашенинникова. – М : Центрполиграф, 2011. – 350 с.
259. Веретенко Т.Е. К вопросу о деятельности мастерской Генриха Гамбса (по документам ЦГИА) / Т. Е. Веретенко // Проблемы развития русского искусства. Вып. XVII, тематический сборник научных трудов, ред. И.А. Бартенев. – Ленинград, 1984. С. 68–75.
260. Верняев И.И. Промысловые кластеры как локальные этнографические группы: Хозяйство, социум, культур и идентичность (Европейская Россия, середина XIX — первая треть XX в.) / И.И. Верняев // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып. 1. С. 47–84.
261. Верняев И.И. Реформа 1861 г. в торгово-промышленном селе Павлово Нижегородской губернии / И.И. Верняев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 3. Ч. 1 (2012). С. 16–41.
262. Верняев И.И. Реформа 1861 г. в торгово-промышленном селе Павлово Нижегородской губернии / И.И. Верняев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 4. Ч. 2 (2012). С. 3–30.
263. Верняев И.И. «Незаметная промышленность»: крестьянские производящие промыслы России в теоретических концепциях и эмпирических исследованиях конца XVIII – начала XX в. / И.И. Верняев. Ч. II // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2014. № 4. С. 113–132.
264. Верняев И.И. «Незаметная промышленность»: крестьянские производящие промыслы России в теоретических концепциях и эмпирических исследованиях конца XVIII – начала XX в. / И.И. Верняев . Ч. I // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2014. № 2. С. 75–98.
265.
266. Виноградов В.В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 3–26.
267. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / В.В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1982. – 528 с.
268. Виноградов В.В. История слов: ок. 1500 сл. и выражений и более 5000 сл., с ними связ. / В.В. Виноградов. Отв. ред. Н.Ю. Шведова; ред.-сост. Е.С. Копорская [и др.]; Рос. акад. наук, Отд-ние лит. и яз. Науч. совет «Рус. яз.». Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М. : 1999. – 1138 с.
269. Винокуров С. Лихтенталь / С. Винокуров // Электронная энциклопедия «Российские немцы». Режим доступа: http://rusdeutsch-panorama.ru/jencik_statja.php?mode=view&site_id=34&own_menu_id=3914
270. Вишняков-Вишневецкий К.К. Иностранцы в структуре петербургского предпринимательства в начале XX века / К.К. Вишняков-Вишневецкий // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2004. № 7. С. 258–270.

271. Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий / Я.Е. Водарский, Э.Г. Истомина. – М. : ИРИ РАН, 2004. – 513 с.
272. Водарский Я.Е. Проект Регламента Главного магистрата и его редакции (1720 г.) / Я.Е. Водарский // Проблемы источниковедения. – М., 1962. Вып. 10. С. 195–207.
273. Водарский Я.Е. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма / Я.Е. Водарский . – М. : Наука, 1972. – 256 с.
274. Водянова И. Новая ремесленная экономика / New Artisan Economy / И. Водянова // Общество и экономика. 2009 (11-12). С. 210–217.
275. Водянова И.Н. Новая ремесленная экономика как вид малого предпринимательства / И.Н. Водянова // Проблемы современной экономики. 2010. № 2. С. 206–209.
276. Воздвиженская А. В России появилась первая микрофининсовая компания / А. Воздвиженская // Российская газета. 03.11.2016. URL: https://rg.ru/2016/11/03/v-rossii-poiavilas-pervaia-mikrofinansovaia-kompaniia.html.
277. Воробьев Н.Я. Очерки по истории промышленной статистики в дореволюционной России и в СССР: методы наблюдения и разработки / Н.Я. Воробьев. – М. : Госстатиздат, 1961. – 132 с.
278. Воронкова С.Р. Массовые источники по истории промышленности России конца XIX – начала XX века / Воронкова С.Р. – М. : Изд-во МГУ, 1995. – 104 с.
279. Воронцов В.П. Очерки кустарной промышленности в России / В.П. Воронцов. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1886. 233 с.
280. Воронцов В.П. Артель в кустарном промысле / В.В. [В.П. Воронцов]. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1895. – 200 с.
281. Воронцов, В.П. Артельные начинания русского общества / В.П. Воронцов. – СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1895. – 103 с.
282. Воронцов В.П. Судьба капиталистической России. Экономические очерки России / В.П. Воронцов // Экономика и капитализм. – М., 2008. С. 725–916.
283. Воронцов В.П. Судьбы капитализма в России. 1-е изд. в 1882 г. / В.П. Воронцов. – М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. – 65 с.
284. Вуори Т., Шрадер Э.Г. Фотоателье «H.Rentz & F. Schrader» в Санкт-Петербурге / Т. Вуори, Э.Г. Шрадер // Сб. «Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII—XX века): биографический аспект». Выпуск 3. – СПБ, МАЭ РАН, 2005. С. 115–121.
285. Гаврилов Д.Е. Теоретические основы развития ремесленной деятельности / Д.В. Гаврилов // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 311-313.
286. Гаврилова Е.В., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Трансляция научного опыта и личностное знание / Е.В. Гаврилова, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 28–35.
287. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного / Г.Г. Гадамер. – М. : Искусство, 1991. – 368 с.
288. Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII в. / А.И. Гайсинович // Известия Академии наук СССР. Отд. Общественных наук. 1931. VII серия. С. 523–568.

289. Галкин П.В. Из российского опыта административного надзора за городским самоуправлением (1870-е гг.) / П.В. Галкин // Новый исторический вестник. 2012. № 31. С. 60–67.
290. Гарбузова М.Б. Литейных дел мастер Чарльз Берд / М.Б. Гарбузова // Пятые открытые слушания «Института Петербурга». Ежегодная конференция по проблемам петербурговедения. 10-11 января 1998 г. URL: http://institutspb.ru/pdf/hearings/05-04_Garbuzova.pdf.
291. Гарбузова М.Б. Шотландская династия в Санкт-Петербурге / М.Б. Гарбузова // История Петербурга. 2002. № 5. С. 23–30.
292. Гейман В.Г. Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени / В.Г. Гейман // А.И. Андреев (ред.). Петр Великий. – М.-Л. : 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л. 1947. – С. 246–283.
293. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон / научн. ред. А.А. Белых; перевод с англ. А.В. Белых. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 535 с.
294. Гессен В.Ю. К истории ремесленного труда в Древней Руси / В.Ю. Гессен // Архив истории труда в России. – Пг., 1924. Кн. 11–12. С. 98–105.
295. Гестрелл П. Экономическое и социальное развитие России в начале XX в. / П. Гестрелл // Реформы или революция? Россия, 1861-1917: Материалы междунар. коллоквиума историков (4-7 июня 1990 г. / Редкол.: В.С. Дякин (отв. ред.) и др.). – СПб.: Наука. СПб. отд-ние, 1992. С. 182-187.
296. Гиляровский В. Москва и москвичи / В. Гиляровский. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 413 с.
297. Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы) / И.Ф. Гиндин. – М., 1960. – 415 с.
298. Глаголева А.П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века / А.П. Глаголева / Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 247 с.
299. Глаголева Е. Повседневная жизнь Франции в эпоху Ришелье и Людовика XIII / Е. Глаголева . – М. : Молодая гвардия, 2007. – 332 с.
300. Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Интеграция аграрного окружения в заводское производство (Урал, Западная Сибирь XVIII – первой половины XIX в.) / С.В. Голикова, Н.А. Миненко, И.В . Побережников. – Екатеринбург : Банк Культурной информации, 1995. – 54 с.
301. Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России. Взаимодействия и противоречия. XVIII – первая половина XIX века / С.В. Голикова, Н.А. Миненко, И.В . Побережников. – М. : 2000. – 258 с.
302. Город С.-Петербург с точки зрения медицинской полиции / Под ред. И.В. Еремеева. – СПб., 1897. – IV, 740 с.
303. Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста / П. Грегори. 27.07.2015. URL: http://statehistory.ru/5165/Ekonomicheskaya-istoriya-Rossii-chto-my-o-ney-znaem-i-chego-ne-znaem--Otsenka-ekonomista/.

304. Громыко М.М. Развитие Тюмени как ремесленно–торгового центра в XVIII в. / М.М. Громыко // Города феодальной России : Сб. статей памяти Н.В. Устюгова / под ред. В.И. Шункова. – М. : Наука, 1966. – С. 397–409.
305. Громыко И.Н. Русско-латинский словарь / И.Н. Громыко. – Минск : Новое знание, 2000. – 464 с.
306. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1972. – 318 с.
307. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А.Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1990. – 395 с.
308. Гурушина Н.Н., Поткина И.В. Английские капиталы и частное предпринимательство в России // Бовыкин В.И. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России / Н.Н. Гурушина, И.В. Поткина. – М. : РОССПЭН, 1997. – С. 54−119.
309. Гурьянова В.В. Ремесло в городах Тверского края во второй половине XVIII века / В.В. Гурьянова // Города Европейской России. Повседневная жизнь горожан: Сб. статей. – Тверь, 1992. – Ч. II. С. 341–348.
310. Гуськова Т.К. Эволюция горнозаводского хозяйства Урала во второй половине XIX – начале XX вв. / Т.К. Гуськова // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Сб. статей / Отв. ред. В. В. Адамов. – Свердловск : [б. и.], 1972. – С. 257–267.
311. Давыдова С.Г. Развитие малого предпринимательства в Великом Новгороде: прошлое и настоящее // Псковский регионологический журнал. 2010. № 9. С. 19-25
312. Дальманн Д. Менталитет московских немцев / Д. Дальманн // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. – М. : Внешторгиздат, 1997. – 356 с. – С. 337–354.
313. Дальманн Д. Петербургские немцы в XVIII столетии: крестьяне, ремесленники, предприниматели / Д. Дальманн // Немцы в России: петербургские немцы = Die Deutschen in Russland: Petersburger deutsche: сб. ст. / РАН; С.-Петерб. науч. центр; Ин-т истории естествознания и техники; С.-Петерб. фил. и др.; отв. ред. Г.И. Смагина. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. – 624 с. – С. 156–163.
314. Даниельсон Н.Ф. (Николай-он). Апология власти денег как признак времени / Н.Ф. Даниельсон // Русское богатство. 1895. № 1. Отд. 2. С. 155−185.
315. Даниельсон Н.Ф. (Николай-он). Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства / Н.Ф. Даниельсон. − [Санкт-Петербург] : тип. В. Безобразова и К°, ценз. 1880. − 66 с.
316. Данилова Л.В. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII начале XVIII в. (по материалам г. Ярославля) / Л.В. Данилова // История СССР. 1957. № 3. С. 87–115.
317. Дашкевич Л. А., Микитюк В. П. Увеличение численности немецкого населения и его роли в экономике и культуре Урала / Л.А. Дашкевич, В.П. Микитюк // Кириллов В. М., Дашкевич Л. А. и др. (ред.). Немцы на Урале в XVII – начале XX вв. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. С. 26–51.

318. Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» / М. Дингес // Одиссей. Человек в истории. История в сослагательном наклонении? − М., 2000. − С. 96-124.
319. Дитятин И.И. Столетие С.-Петербургского городского общества. 1785—1885 гг. / И.И. Дитятин. − С.-Петербург: типография Шредера, 1885. − 403 с.
320. Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. – Ярославль, 1875–1877 / И.И. Дитятин. 2 т. Т. 1: Города России в XVIII столетии. Ярославль, 1875. −508 с.; Устройство и управление городов России. Т. 2: Городское самоуправление в настоящем столетии. − Ярославль, 1877. −565 с.
321. Довнар-Запольский М.В. Организации Московских ремесленников в XVII в. / М.В. Довнар-Запольский // ЖМНП. 1910. Вып. XXIX. № 9. С. 131–164.
322. Дорина Е.М. Трансформация хозяйственного строя кустарей Московской губернии в контексте модернизации экономики России втрой половины XIX – начала XX столетий / Е.М. Дорина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитраные науки. Выпуск 2 (82). 2010. С. 224–229.
323. Духавнева А.В. Воскресная школа как образовательное учреждение в системе общего образования взрослых в России второй половины XIX – начала XX вв. / А.В. Духавнева // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2011. № 8. С. 40–46.
324. Душкова Н.А., Григорова В.А. Государственная политика стимулирования кустарного производства во второй половине XIX в. : опыт прошлого для развития современного предпринимательства / Н.А. Душкова, В.А. Григорова // Клио. № 4 (112). 2016. С. 50–55.
325. Дьяконова И.А. Прямые германские инвестиции в экономику имперской России / // Бовыкин В.И. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. – М. : РОССПЭН, 1997. – С. 120–152.
326. Дэвид-Фокс М. Введение: Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России / И.А. Дьяконова // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Имперский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара : Издательство «Самарский университет», 2000. – 376 с. – С. 121–162.
327. Егоров В.Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX в.) / В.Г. Егоров. Монография. – Казань : Изд-во Казанск. Ун-та, 2005. – 330 с.
328. Егоров В.Г. Социальная структура городского ремесла второй половины XIX начала XX вв. в отечественном обществоведении / В.Г. Егоров // Вопросы истории и культурологии: Научные труды. – М. : Изд–во Моск. ун–та леса, 2008. Вып. 343. – С. 3–18.
329. Егоров В.Г., Чистова С.М. Городское ремесленное производство России в отечественной историографии / В.Г. Егоров, С.М. Чистова. – М. : , 2009. – 272 с.
330. Егоров В.Г. Социальный состав ремесленного населения России во второй половине XIX в. / В.Г. Егоров // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 28–39;

331. Егоров В.Г., Зозуля О.А. Трансформация кустарных промыслов России во второй половине XIX в. / В.Г. Егоров, О.А. Зозуля // Вопросы истории. № 6. Июнь 2015. С. 88–102.
332. Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т.В. Егорова. – М.: «Аделант», 2014. – 800 с.
333. Еремичева М.А. Предприниматели-иностранцы в Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX веков (статистический анализ) / М.А. Еремичева // Барышников М.Н. (ред.). Предпринимательство и общественная жизнь Петербурга. Очерки истории. Сб. ст. – СПб. : Нестор, 2002. – С. 8–29.
334. Ермак С. Дружить с головой / С. Ермак / «Smart city – история не про внедрение технологий, но про осмысление того, как функционирует город» // Эксперт. Урал. 4.9.2017. № 36 (739). С. 29–30.
335. Ермакова О.К. Условия службы западноевропейцев по контракту в первой половине XIX в. / О.К. Ермакова // Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII– начало XX в.) Коллективная монография / отв. ред. Е.В. Алексеева. – Екатеринбург, 2011. – 405 с. – С. 248–256.
336. Ермакова О.К. Иностранные мастера – основатели оружейного дела в Златоусте (первая половина XIX в.) / О.К. Ермакова // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия – Гуманитарные науки, 2012. № 4–5. С. 40–44.
337. Ермакова О.К. Опыт привлечения иностранных специалистов на Камские заводы в первой половине XIX в. в контексте промышленной модернизации / О.К. Ермакова // Модернизация в условиях освоения восточных регионов в XVIII–XX вв. – Екатеринбург, 2012. – 168 с. – С. 78–89.
338. Ермакова О.К. Государственная политика привлечения иностранных специалистов на уральские заводы (первая половина XIX в.) / О.К. Ермакова // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 242–252.
339. Ерошкина А. Русский шотландец Чарльз Берд – первый в России владелец пароходов/ . URL: http://www.vrns.ru/history/2358/.
340.
341. Ефанов А.В. К вопросу о ценностях современного ремесленничества / А.В. Ефанов // Становление и развитие ремесленничества и профессионального ремесленного образования в России: сб. науч. ст. 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Рос. гос. проф.- пед. ун-т, 2011. – С. 17–22.
342. Ефанов А.В., Моисеев А.В. Исследование историко-педагогического наследия отечественного ремесленного образования (онтологический, аксиологический и функциональный аспекты) / А.В. Ефанов, А.В. Моисеев // Инициативы XXI века. 2014. № 4. С. 80–82.
343. Ефанов А.В., Моисеев А.В. Становление институциональных норм ремесленного обучения в Уральском регионе в XVII–XVIII вв. / А.В. Ефанов, А.В. Моисеев // Образование и наука. 2014. 7 (116). С. 103-114.

344. Ефименко Т.П. Очерк организации городских ремесленников в Московском государстве XVI и XVII веков / Т.П. Ефименко // Журнал министерства юстиции. 1914. № 4. С. 114–162.
345. Заводы стоят: Как в Петербурге проводят рейвы в промышленных зданиях. URL: http://www.the-village.ru/village/weekend/industry/234491-factory-rave).
346. Загорский Ф.Н. Андрей Константинович Нартов, 1693–1756 / Ф.Н. Загорский / АН СССР. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 166 с.
347. Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I / Е.И. Заозерская / Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1947. – 190 с.
348. Заозерская Е.И. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII века / Е.И. Заозерская // Вопросы истории. 1949. № 6. С. 70–84.
349. Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII века / Е.И. Заозерская / Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 516 с.
350. Заозерская Е.И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII в. (К вопросу о начальных формах экспроприации сельского и городского населения в России) / Е.И. Заозерская // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII-XVIII вв.). Сб. ст. Ред. кол. Л.Г. Бескровный, Е.И. Заозерская, А.А. Преображенский. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 540 с. – С. 144–189.
351. Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков: К вопросу о генезисе капитализма в России / Е.И. Заозерская / АН СССР. Ин-т истории СССР. – М. : Наука, 1970. – 476 с.
352. Заремба-Калиновский Ф.М. Разсуждение о цехах ремесленных, в отношениях политическом и в особенности политико-экономическом: С присовокуплением нужных исторических известий / Поднесенное Философскому Императорскаго Дерптскаго университета факультету для получения докторскаго достоинства Фелицияном Зарембою, в октябре месяце 1816 года / Ф.М. Заремба-Калиновский. – Митава : в типографии Стефенгагена и сына, 1817. – 74 с.
353. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. / В.Н. Захаров. – М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – 344 с.
354. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века / В.Н. Захаров. – М.: Наука, 2005. – 718 с.
355. Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. / В.Н. Захаров, Ю.А. Петров, М.К. Шацилло. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 296 с.
356. Зимин П.П. История фортепиано и его предшественников / П.П. Зимин. – М. : Изд. Музыка, 1968. – 215 с.
357. Зозуля О.А. Земские инициативы в контексте политики государства по повышению эффективности функционирования кустарной промышленности (на примере московской и Нижегородской губерний) / О.А. Зозуля // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 658–663.

358. Зубков К.И. Феномен мобилизационной экономики: историко-социологический анализ / К.И. Зубков // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Челябинск, 28-29 ноября 2009 г. / Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. – Челябинск : ООО «Энциклопедия», 2009. – 571 с. – С. 64–71.
359. Зыбин С.А. История Тульского императора Петра Великого оружейного завода : 1595 г., 1712-1912 / С.А. Зыбин. Т.1. – М. : типо-лит. торг. д. И.Н. Грызунов и К°, 1912. – 374 с.
360. Иван Тихонович Посошков. Книга о скудости и о богатстве. Завещание отеческое / И.Т. Посошков. Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. В. Козлова, Л. Н. Вдовина. – М. : РОССПЭН, 2010. – 592 с.
361. Иванов А.А. История Петербурга в старых объявлениях / А.А. Иванов. – М.; СПб. : Центрполиграф, 2008. – 542 с.
362. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII начало XX века) / Н.А. Иванова Н.А., В.П. Желтова. – М. : Новый хронограф, 2010. – 752 с.
363. Иванова Н.И. Немецкие предприниматели в Санкт–Петербурге (XVIII–XIX вв.) / Н.И. Иванова. – СПб. : ИОВ РАО, 2002. – 266 с.
364. Интервью с Кристиной Конде де Берольдинген // DE Magazin Deutschland, Ru 2/2013. URL: https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/germania-evropa/kultura-sozdaet-identicnost-i-cto-v-nastoasee-vrema-nuznee-vsego
365. Ионов А.Н. Отечественная историография городского управления в Российской империи 1785–1870 гг. / А.Н. Ионов // Вестник Ярославского гос. ун-та им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 26–29.
366. Ипполитова Г.А. Владельцы фортепианной фабрики «Я. Беккер» (1841–1917) / Г.А. Ипполитова // Немцы Санкт–Петербурга: Наука, Культура, Образование. СПб., 2005. С. 339–354.
367. Истомина Э. Г. Мелкая промышленность Подмосковья во второй XIX – начала XX века: историко-географический аспект / Э.Г. Истомина // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. [Сб. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова, Рус. геогр. о-во, Моск. центр; [Ред.-сост. А. Э. Каримов]. – М. : Янус-К, 1997. – С. 178–203. – 270 с.
368. История железнодорожного транспорта России: [В 2 т. / Под общ. ред. Е.Я. Красковского, М.М. Уздина; Предисл. Г.М. Фадеева] Т. 1: 1836–1917 / [С.В. Амелин, Ф.К. Бернгард, Г.И. Богданов и др.]. – СПб ; М. : Петербург. гос. ун-т путей сообщ., 1994. – 335 с.
369. История мастеров Шредер и фирмы К.М. Шредер. Режим доступа: http://www.euroroyal.ru/MODELS/aboutschroder.htm.
370. История Москвы: в 6 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. М. : Изд-во Акад. наук СССР. Т. 3: Период разложения крепостного строя / ред. Н. М. Дружинин и М. К. Рожкова. – М. : 1954. – 870 с.

371. История России с древнейших времен до конца XVII века / Л.Н. Вдовина, Н.В. Козлова, Б.Н. Флоря; под ред. Л.В. Милова. – М. : Эксмо, 2010. – 768 с.
372. История России XVIII-XIX веков / Л.В. Милов, Н.И. Цимбаев; под ред. Л.В. Милова. – М. : Эксмо, 2006. – 782 с.
373. Казанцев Б.Н. Законодательство русского царизма по регулированию крестьянского отхода в XVII-XIX вв. / Б.Н. Казанцев // Вопросы истории. № 6. Июнь 1970. С. 20-31.
374. Калинин И. Вернуть: вещи, платье, мебель, жену и страх войны. Виктор Шкловский между революционным бытом и теорией остранения / И. Калинин // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 62 (2005), S. 351–386.
375. Калинин И. Виктор Шкловский. Фигуры и жанры теоретического воображения / И. Калинин // Новое литературное обозрение. № 128 (4/2014). С. 1–28.
376. Калугина З.И., Фадеева О.П. Новая парадигма сельского развития / З.И. Калугина, О.П. Фадеева // Мир России. Социология. Этнология. 2009. Т. XVIII. № 2. С. 34–49.
377. Каменская Н.Е. Зарождение оптического производства в дореволюционной России (фабрика оптических инструментов И.Я. Урлауба) / Н.Е. Каменская // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2017. Т. 17. № 5 (сентябрь–октябрь). С. 109–113.
378. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа) / А.Б. Каменский. – М. : РГГУ, 2001. – 575 с.
379. Каменский А.Б., Корчмина Е.С. Реформирование экономики / А.Б. Каменский, Е.С. Корчмина // Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в. В 4 т. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. А.Б. Каменский. – М. : Политическая энциклопедия, 2016. – 429 с.
380. Кара-Мурза С.Г. Дорога в СССР. Как «западная» революция стала русской / С.Г. Кара-Мурза. – М. : ТД Алгоритм, 2016. – 206 с.
381. Кармашев В. Очерк истории Петроградского телефонно-телеграфного завода имени тов. Кулакова / В. Кармашев. – Пг.: Заводоупр. и Завком, 1923. – 46 с.
382. Карпунина Е.К. Развитие многоукладности как ориентир современной экономической политики России / Е.К. Карпунина // Социально-экономические явления и процессы, 3–4 (25-26). 2011. С. 140–144.
383. Карташова М.В. «Межбюджетные трансферты» в правительственной кустарно-промышленной политике российской империи в начале XX в. (с использованием ГИС и статистического анализа) / М.В. Карташова // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2013. № 4. С. 72–77.
384. Карташова М.В. Структура кустарных промыслов в российской империи / М.В. Карташова // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2016. № 1–2. С. 15–17.
385. Кашаева Ю.А. Основные направления изучения кустарных промыслов Пермской губернии конца XIX – начала XX вв. в дореволюционной и советской историографии / Ю.А. Кашаева // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VI Всерос.

науч. конф., 7 апр. 2004 г.: [в 2 т.]. Т. 2 / Урал. гос. техн. ун-т [и др.]; [редкол.: В.В. Запарий (гл. ред.) и др.]. – Екатеринбург : АМБ, 2004. Т. 1.
386. Келлер А.В. Немцы в Москве XVI – начала XX вв.: их культурная и общественная жизнь / А.В. Келлер // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы (сборник докладов Международной научной конференции, посвященной 850-летию Москвы. – М. : Внешторгиздат, 1997. – С. 53–105.
387. Келлер А.В. 1851–2020 : Всемирные выставки от Лондона до Екатеринбурга / А.В. Келлер // Уральский предприниматель. Апрель 2013. № 11. С. 48–51.
388. Келлер А.В. Андрей Кнауф на Урале – между инновацией и традицией 1797–1811 гг. / А.В. Келлер // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Индустриальная организация Урала в XVIII–XXI вв. – Екатеринбург : [УрФУ], 2014. – Т. 1. – С. 181–189.
389. Келлер А.В. «Средневековый институт» или инновация в духе Петровских реформ? Цехи в России и корпоративное самоуправление ремесленников на примере Санкт-Петербурга с начала XVIII до начала XX века / А.В. Келлер // Россия XXI. 2014. № 5. С. 74–95.
390. Келлер А.В. Становление и развитие ремесленного образования в Санкт-Петербурге начала XVIII – начала XX вв. / А.В. Келлер // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 227–240.
391. Келлер А.В. «Raisond'etat» и «частный интерес» в России конца XVIII – начала XIX в.: на примере А. Кнауфа в горнозаводской промышленности Урала, 1797–1833 / А.В. Келлер // Bylye gody, 2015, Vol. 37, Is. 3. P. 508-518.
392. Келлер А.В. Петербургский портной – законодатель мод первой половины XIX века / А.В. Келлер // Россия XXI. № 1. 2015. С. 92–111.
393. Келлер А.В. Вытесняется и отмирает? История русского городского ремесла в контексте теории модернизации: к постановке проблемы / А.В. Келлер // Quaestio Rossica. 2017. № 1. С. 15-31.
394. Келлер А.В. Мост из традиции в современность: Цехи Санкт-Петербурга в эпоху индустриализации – новые перспективы / А.В. Келлер // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Vol. 3. № 1. 2017. 178–190.
395. Келлер Е.Э. Торговля деревьями в Петербурге XVIII в. / Е.Э. Келлер. URL: http://www.parter-nov.ru/articles/trading_trees.
396. Керов В.В. Рец. на: Н.А. Иванова, Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века) / В.В. Керов // Российская история, № 6, 2010. С. 183–185.
397. Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. / А.А. Кизеветтер. – М. : Унив. тип., 1903. – VI, 810 с.
398. Кириллов В.М., Дашкевич Л.А., Корепанов В.П., Микитюк В.П. и др. Немцы на Урале в XVII – начале XX вв.: Коллективная монография / Кириллов В.М., Дашкевич Л.А., В.П. Корепанов, В.П. Микитюк. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. – 288 с.

399. Киселева М.С., Чумакова Т.В. Вхождение России в интеллектуальное пространство Европы: между Царством и Империей / М.С. Киселева, Т.В. Чумакова // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 22–40.
400. Киселева М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII–начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености / М.С. Киселева. – М. : Прогресс-Традиция, 2011. – 472 с.
401. Китанина Т.М. Рабочие Петербурга в 1800–1861 гг.: промышленность, формирование, состав, положение рабочих, рабочее движение / Т.М. Китанина. – Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1991. – 297 с.
402. Китанина Т.М. Рабочее сословие и правительственная политика в первой половине XIX в. / Т.М. Китанина // Мавродинские чтения. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. – 248 с.
403. Китанина Т.М. Роль крестьянства в формировании промышленных рабочих Санкт-Петербурга в период генезиса капитализма / Т.М. Китанина // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. темат. сб. науч. тр. / Калинингр. гос. ун-т; редкол. Г.П. Жидков [и др.]. – Калининград : Изд-во КГУ, 1994. – 134 с.
404. Киттары М.Я. Мысли о современных нуждах нашего народного хозяйства. Несколько слов о московских цехах / М.Я. Киттары // Н. Бабст. Речи, произнесенные в торжественном собрании Московского университета, 12 января 1860 года. – М. : Университетская типография, 1860 . – [4], 52, 19 с., 1860. С. 31–52.
405. Клеман К. Труд не на рабочем месте / К. Клеман // Отечественные записки. 2007. № 4. С. 37–55.
406. Клокман Ю.Р. Социально–экономическая история русского города. Вторая половина XVIII–го века / Ю.Р. Клокман. – М. : Наука, 1967. – 335 с.
407. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. / Сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Александрова. – М. : Правда, 1991. – 624 с.
408. Ковальченко И.Д. Об особенностях работы по найму помещичьих крестьян России в первой половине XIX века / И.Д. Ковальченко // Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. – М. : Наука, 1965. – С. 396–397.
409. Ковригина В.А. Ремесленники московской немецкой слободы в конце XVII – первой четверти XVIII века / В.А. Ковригина // Русский город. Вып. 9. – М. : Изд-во: Москов. ун-т Москва, 1990. – С. 182–201.
410. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. (20–е – начало 60-х годов) / Н.В. Козлова. – М. : Археографический центр, 1999. – 384 с.
411. Колесова Н. «J. Becker» в жизни М.А. Балакирева / Н. Колесова // Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных. 2013. № 4 (7). С. 37–46.
412. Колобаев А. Тайны «девочки с куклой» / А. Колобаев. Опубликовано: 18 Июля 2017 // Совершенно секретно. No.7/396, июль 2017. URL: http://www.sovsekretno.ru/articles/id/5734/.
413. Коновалова М.Е. Технологическая многоукладность и ее роль в структурной сбалансированности экономики России / М.Е. Коновалова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. № 5(24). 2008. С. 9–11.

414. Копанев А.И. Население Петербурга в первой половине XIX века / А.И. Копанев. – М.–Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 155 с.
415. Копанев А.И. Ремесленники Петербурга первой половины XIX в. / А.И. Копанев // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике. Материалы II Сов.–фин. симпозиума по соц.–экон. истории, 13–14 дек. 1972 г. / Ред. коллегия: Н.Е. Носов (отв. ред.) [и др.] – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. – С. 78–89.
416. Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук / Ю.Х. Копелевич. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – 211 с.
417. Корелин А.П., Шацилло К.Ф. П.А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России / А.П. Корелин, К.Ф. Шацилло // Революция в начале века: революция и реформа. – М. : РГГУ, 1995. – С. 6–42.
418. Корепанова С.А. Выставочная деятельность в России в XIX веке: Промышленные и научно-промышленные выставки / С.А. Корепанова. – Екатеринбург: Издательство КВАДРАТ, 2007. – 320 с.
419. Корсак А.К. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России / А.К. Корсак. – М. : Тип. Грачева и К°, 1861. – 310 с.
420. Космодемьянская А.И. Модель профобразования европейского уровня / А.И. Космодемьянская // Профессиональное образование. 2004. № 9. С. 14–15.
421. Коуз Р. Очерки об экономической науке и экономистах / Р. Коуз. – М.-СПб. : Издательство института Гайдара, 2015. – 288 с.
422. Кочеткова Н. Династия мебельщиков Гамбсов в Петербурге / Н. Кочеткова // Немцы и немецкая культура в истории Санкт-Петербурга = Die Deutschen und die deutsche Kultur in der Geschichte von Sankt Petersburg : [Сб. по материалам конф. учащихся Школ. центра Гос. Эрмитажа, 24 мая 1997 г.] / Гос. Эрмитаж. [Шк. центр]. – СПб : Гос. Эрмитаж АО «Славия», 1997. – С. 94–99.
423. Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России / Г.Е. Кочин. Сост. Г.Е. Кочин. Под ред. акад. Б. Д. Грекова. – М : Акад. наук СССР, 1937. – 488 с.
424. Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени / О.Е. Кошелева. – М.: ОГИ, 2004. – 486 с.
425. Кошелева О.Е. Полиция есть душа гражданства / О.Е. Кошелева // Отечественные записки. № 2 (17). 2004. URL: http://www.strana-oz.ru/2004/2/policiya-est-dusha-grazhdanstva#s4.
426. Краткие сведения, касающиеся введения и распространения ручного труда в С.- Петербургских детских приютах. – СПб. : Типолитография А.Вине-ке, 1899. – 4 с.
427. Кремлев А.Н. Об отмене телесного наказания для ремесленных учеников / А.Н. Кремлев. – СПб., 1900. – Ч. 1–3. Здесь ч. 3. С. 297–299.
428. Кронгауз А. Фабрично–заводские и ремесленные ученики в царской России / А. Кронгауз // Исторический журнал. 1941. № 2. С. 99–111.

429. Кропоткин П.А. Анархия: [Сборник] / П.А. Кропоткин; Сост. и предисл. Р.К. Баландина. – М. : Айрис-пресс, 2002. – 574 с.
430. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции / П.А. Кропоткин. – М. : Самообразование, 2007. – 240 с.
431. Кропоткин П.А. Государство, его роль в истории / П.А. Кропоткин // Он же. Анархия, ее философия, ее идеал. – М. : ЭКСМО, 2004. – 864 с. – С. 617-676.
432. Кропоткин П.А. Поля, фабрики и мастерския ; Промышленность, соединенная с земледелием, и умственный труд с ручным / П.А. Кропоткин; Пер. с англ. А. Н. Коншина ; Под ред. автора. – 4-е изд., пересм. автором и знач. доп. – [Петербург ; Москва] : Голос труда, [1921]. – 272 с.
433. Кропоткин П. А. Этика: Избранные труды / П.А. Кропоткин. – М. : Политиздат, 1991. – 495 с.
434. Кудинов Н.С. Кимрская земля / Н.С. Кудинов. –Тверь : ГЕРС, 2007. – 284 с.
435. Кудлай К.А. История фортепианного производства / К.А. Кудлай. http://novo-piano.narod.ru/about5.htm.
436. Кузьмин М.Н. Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России / М.Н. Кузьмин. – Челябинск : Южно-Уральское кн. изд-во, 1971. – 280 с.
437. Кулишер М.И. Цехи у нас и в Европе / И.М. Кулишер // Русская мысль. 1887. Кн. 11. С. 32–72; кн. 12. С. 74–88.
438. Кулишер И.М. Очерк истории русской промышленности / И.М. Кулишер. – Петроград : К.-О. Петрогубпрофсов, 1922. – 156 с.
439. Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. 3-е издание стереотипное / И.М. Кулишер . – Челябинск : Социум, 2008. – 743 + XIV с.
440. Курцев И.В. Основные положения системы ведения хозяйств при малых формах предпринимательства / И.В. Курцев // Достижения науки и техники АПК. №10. 2007. С. 15–20.
441. Ларина Я. Осмысление роли образования в государственном строительстве: проекты Генриха Фика первой четверти XVIII века / Я. Ларина // «Регулярная академия учреждена будет…». Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / ред. И. Федюкин, М. Лавринович. – М. : Новое изд-во, 2015. – 406 с.
442. Лахман Р. Что такое историческая социология? / Р. Лахман. – М. : Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2016. – 240 с.
443. Левин И.И. Германские капиталы в России / И.И. Левин. – Петроград «Тип. Шурухта И.», 1918. – 92 с.
444. Леднев В.П. Профессионально-педагогическое образование на Урале: становление и развитие / В.П. Леднев. – Екатеринбург : Издательство РГППУ, 2004. – 141 с.
445. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Изд. 5-е. Т. 17. – М. : Издательство политической литературы, 1973. – 656 с.

446. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. Т. 3: Развитие капитализма в России; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Изд. 5-е. – М. : Госполитиздат, 1979. – 792 с.
447. Летопись Российской Академии наук. Т. 1, 1724–1802 / отв. ред. Н. И. Невская. – СПб. : Наука, 2000. – 994 с.
448. Лефевр А. Социальное пространство / А. Лефевр // Неприкосновенный запас. 2010. 2 (70). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1-pr.html.
449. Лешков В.Н. Очерк древних русских законов о ремесленной и заводской промышленности / В.Н. Лешков // Москвитянин. 1852. № 23, декабрь, кн. 1, отд. III.
450. Лившиц Р.С. Размещение промышленности в дореволюционной России / Р.С. Лившиц. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – 295 с.
451. Лизунов П.В. Биржевые артели Петербурга: два века истории (XVIII– начало XX в.). Отечественная история и историческая мысль в России XIX – начала XX веков: Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали / П.В. Лизунов. – СПб. : Нестор-История, 2006. – С. 257–266.
452. Липина С.А., Агапова Е.В., Липина А.В. Развитие зеленой экономики в России: Возможности и перспективы / С.А. Липина, Е.В. Агапова, А.В. Липина. – М. : Ленанд, 2018. – 328 с.
453. Лодкина Т.В., Марченко Л.А. История развития воскресных школ в России (до 1917 г.) / Т.В. Лодкина, Л.А. Марченко // Мир образования – образование в мире. 2013. № 4. С. 24–32.
454. Луман Н. Дифференциация / Н. Луман / пер. с нем. Б. Скуратова. – М. : Логос, 2006. – 320 с.
455. Луппов С.П. История строительства Петербурга первой четверти XVIII века / С.П. Луппов. – М., 1957. – 195 с.
456. Лурье Л. Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка / Л. Лурье. Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2011. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1016811/Lure__Piterschiki._Russkiy_kapitalizm._Pervaya_popytka.html.
457. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века / П.Г. Любомиров. – М. : Госполитиздат, 1947. – 763 с.
458. Люксембург Р. Накопление капитала. Т. 1-2. Перевод под редакцией Ш. Дволайского. С предисловием В. Мотылева. Изд. 5. Государственное социально-экономическое издательство. – М.-Л., 1934. – 463 с.
459. Люцидарская А.А. Промышленное развитие г. Томска во второй половине XVII в. / А.А. Люцидарская // Города Сибири : (Экономика, управление и культура городов Сибири в досов. период) / Отв. ред. канд. ист. наук О. Н. Вилков ; АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1974. – 297 с. – С. 60-75.
460. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР / П.И. Лященко. Т. 1. Т. 1: Докапиталистические формации. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1947. – 664 с.

461. Магсумов Т.А. Казанское ремесленное училище в конце XIX – начале XX века: проблемы функционирования ремесленного образования / Т.А. Магсумов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 41–46.
462. Маленко А.Т. К вопросу о подготовленности мастеров ремесленного обучения дореволюционной профессиональной школы России / А.Т. Маленко // Некоторые вопросы истории педагогики, вып. 13. – М. : НИИ ОП АПН СССР, 1971. – 47 с. – С. 33–43.
463. Мансуров Б. Охтенские Адмиралтейские селения : Историческое описание / Б. Мансуров. – 4 т. – СПб. : тип. Мор. м-ва, 1856. – [2], IV, 171 с.
464. Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии: (Опыт исследования) / П. Манту. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 448 с.
465. Маршалл А. Принципы политической экономии / А. Маршалл. – М. : Директ-Медиа, 2012. – 2127 с.
466. Матвеев В.Ю. «Разных художеств мастера» (Новые архивные материалы к истории русской культуры первой половины XVIII в.) / В.Ю. Матвеев // Наука и культура России XVIII в. Сб. ст. – Л., 1984. – С. 144–177.
467. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России / А.Н. Медушевский. – М. : Текст, 1994. – 320 с.
468. Мезин С.А. Взгляд из Европы : французские авторы XVIII века о Петре I. / С.А . Мезин. – Саратов, 2003. – 214 с.
469. Мезин С.А. Пётр I во Франции / С.А. Мезин. – СПб. : Издательство «Европейский Дом», 2015. – 310 с.
470. Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему / П. Мейсон. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. – 416 с.
471. Мелкая промышленность СССР по данным Всесоюзной переписи 1929 г.: Справочник. Вып. II. Мелкая гнездовая промышленность. – М.; Л. : Соцэкгиз, 1932. – XXII, 195 с.
472. Мерль Ш. Существует ли «трансатлантическая модернизация»? Размышления роли России в концепте «модернизация» / Ш. Мерль // Диалог со временем. 2016. № 57. С. 5–23.
473. Микитюк В.П. Российско-немецкие предприниматели и их участие в экономической жизни / В.П. Микитюк // Сб. ст.: Кириллов В.М. и др. Немцы на Урале… – С. 71–86.
474. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л.В. Милов. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – 573 с.
475. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну / Б.Н. Миронов. В 3 т. Т. 1. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. – 896 с.
476. Михайлин В.[Ю]. Раб как антропологическая проблема / В.Ю. Михайлин // НЛО. № 142. Т. 2 (6/2016). Рабство как интеллектуальное наследие и культурная память. URL: http://www.nlobooks.ru/node/8201.

477. Михайлов В.В. Итоги 25-тилетней деятельности Постоянной комиссии по техническому образованию / В.В. Михайлов: Докл., сост. В.В. Михайловым и В.В. Сабаниным и прочит. в экстр. заседании 18 дек. 1893 г. – [Санкт-Петербург] : тип. И.Н. Скороходова, [1893]. – 16 с.
478. Многонациональный Петербург: История. Религии. Народы / Н.В. Бессонов, В.А. Дмитриев, В.А. Дымшиц и др. – СПб. : Искусство–СПБ, 2002. – 869 с.
479. Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х – 90-е годы XX столетия) / Е.С. Строев, С.А. Никольский, В.И. Кирюшин и др.; Под ред. Е.С. Строева. М. : Колос, 2001. – 620 с.
480. Мокир Дж. Меркантилизм, просвещение и промышленная революция / Дж. Мокир // Пространство экономики. № 1. Том 4. 2006. С. 7–31.
481. Мокир Дж. Рычаг богатства: Технологическая креативность и экономический прогресс / Дж. Мокир / пер. с англ. Н. Эдельмана ; науч. ред. Т. Дробышевская, А. Смирнов. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2014. – 504 с.
482. Молева М.Н. Цеховая организация художников в Москве XVII–XVIII вв. / М.Н. Молева // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 43–54.
483. Молинари Г.де. Производство и распределение богатств : курс политической экономии / Г. де Молинари; пер. на рус. яз. под ред. Я. А. Ростовцева. – Изд. 2-е. – М. : URSS : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», [2012]. – X, 382 с.
484. Мошенский С.З. Рынок ценных бумаг Российской империи / С.З. Мошенский. М. : Экономика, 2014. – 559 с.
485. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX века. Правительственная политика / В.А. Нардова. – Л. : Наука, 1984. – 260 с.
486. Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века / В.А. Нардова. – СПб. : Наука, 1994. – 157 с.
487. Немцы на Урале XVII – XXI вв.: Коллективная монография / В. М. Кириллов, Л. А. Дашкевич, В. П. Корепанов, В. П. Микитюк и др. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. – 288 с.
488. Никитская Е.А. Воскресная школа как феномен педагогической действительности: история и современность / Е.А. Никитская // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2008. № 9. С. 121-132.
489. Николаев С.Ф. Хранители леса: Александр Ефимович и Фёдор Александрович Теплоуховы / С.Ф. Николаев. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1957. – 48 с.
490. Николаевский дом призрения престарелых и увечных граждан Санкт-Петербургского купеческого общества // Санкт-Петербург. Энциклопедия. URL: http://www.encspb.ru/object/2855731819?lc=ru.
491. Никонов В.А. Словарь русских фамилий / В.А. Никонов. – М. : Школа-Пресс, 1993. – 222 с.
492. Новиков И.А. И. Ф. Фелькнер и управление Златоустовскими заводами на рубеже XVIII-XIX вв. (по материалам Объединенного государственного архива Челябинской области) / И.А. Новиков // http://www.kraeved74.ru/pages/article517.html.

493. Новлянская М.Г. Иван Кирилович Кирилов. Географ XVIII века / М.Г. Новлянская. – М., Л. : Наука, 1964. – 142 с.
494. Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. Избранные произведения / Сост. Я.И. Кузьминов. – М. : Республика, 1994. – 416 с.
495. Образы Петербурга. Из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга. – СПб. : Артдеко, 2002. – 248 с.
496. Ойкен В. Основы национальной экономии / В. Ойкен. – М. : Экономика, 1996. – 351 с.
497. Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика / Ю.П. Окунцов.– М. : Вече, 2011. – 254 с.
498. Ольховая Л.В. К истории развития мелкой промышленности Урала в конце XIX – начале XX в. / Л.В. Ольховая // Вопросы экономической истории и экономической географии. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. – 278 с. – С. 39–50.
499. Ольховая Л.В. Мелкая промышленность Урала в годы Первой мировой войны / Л.В. Ольховая // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности / Урал. гос. ун-т. – Свердловск : Б. и., 1972. – 376 с. – С. 333–345.
500. Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй. Просвещенный абсолютизм в России / О.А. Омельченко. – М. : Юрист, 1993. – 428 с.
501. Опыт российских модернизаций XVIII–XIX века / Отв. ред. В.В. Алексеев. – М. : Наука, 2000. – 244 с.
502. Орехов А.М. Товарное производство и наемный труд в промышленности по переработке животного сырья в Нижнем Новгороде XVII в. / А.М. Орехов // Русское государство в XVII в. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 440 с. – С. 75–109.
503. Орлов А. Содействие земства кустарной промышленности / А. Орлов // Известия Московской губернской земской управы. Вып 1–2. 1912.
504. Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства / Ю.М. Осипов. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 382 с.
505. Основные вехи истории университета в картинках и лицах [Режим доступа]. URL: http://voenmeh.ru/univercity/history/story.
506. Остром Э. Постановка задачи исследования институтов / Э. Остром // Экономическая политика. 2009. № 6. С.89–110.
507. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. Т. 3. – М. : Большая российская энциклопедия, 2000. – 623 с.
508. Очерк деятельности министерства государственных имуществ по развитию и улучшению кустарной промышленности в 1888–1890 гг. – СПб., 1890. – 56 с.
509. Очерки истории Ленинграда. Т. 1: Период феодализма (1703–1861). – М.–Л. : Издательство Академии наук СССР, 1955. – 896 с.; Т. 2: Период капитализма (вторая плоловина XIX века). М.-Л., 1957. – 885 с.
510. Очерки истории технических наук в Санкт-Петербурге (XVIII–XIX вв.) / отв. ред. Ю.Ф. Тарасюк. – СПб. : Нестор-История, 2009. – 436 с.

511. Очерки русской культуры XVIII века. Ред. Б. А. Рыбаков, ч. 1–6. – М. : Изд-во МГУ, 1985. – 384 с.
512. Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. / Н.И. Павленко. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 536 с.
513. Павловский Б.В. Касли / Б.В. Павловский. – Свердловск : Свердловское книжное издательство, 1957. – 87 с.
514. Павленко Н.И. Одворянивание русской буржуазии в XVIII / Н.И. Павленко // История СССР. 1961. № 2. С. 71–87.
515. Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века / Н.И. Павленко. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 564 с.
516. Павловский Б.В. Крепостные художники Худояровы / Б.В. Павловский. – Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1963. – 43 с.
517. Павловский Б.В. Художественный металл Урала XVIII-XIX веков / Б.В. Павловский. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1982. – 205 с.
518. Патина Т.А. Инфраструктура финансовой поддержки субъектов малого предпринимательства / Т.А. Патина // Молодой ученый. 2014. № 19. С. 346–349.
519. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Т. 2: Период свободного договора в условиях самодержавного режима (с 1861 по 1906 г.) / К.А. Пажитнов. – Пг. : Былое, 1924. – 296 с.
520. Пажитнов К.А. Ремесленное устройство в Московской Руси и реформа Петра / К.А. Пажитнов // Исторические записки. – М., 1940. № 8. – С. 163–173.
521. Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма / К.А. Пажитнов. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 207 с.
522. Панкратова А.М. Формирование пролетариата в России (XVII–XVIII вв.) / А.М. Панкратова. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 491 с.
523. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 527 с.
524. Пензин Э.А. А.С. Ярцов – горный деятель и ученый / Э.А. Пензин // ПИР. Вып. 4 : Евразийское пограничье. – Екатеринбург : Волот, 2001. – С. 315–328.
525. Перетягина А.В. Иностранные специалисты на заводах Вятской губернии в XIX в. / А.В. Перетягина // Вопросы истории. № 11 (Ноябрь 2013). С. 150–152.
526. Перова М.В. Цеховая организация ремесленного населения России середины XIX в.: функции, общественное значение и направления деятельности / // Омский научный вестник. 1 (75) 2009. С. 13–18.
527. Петрухинцев Н. Раннее европейское влияние на Петра I: Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в. / Н. Петрухинцев // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. № 1. С. 198–218.
528. Пирогов Н.И. О Воскресных школах // Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. – М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1952. – 704 с.
529. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863-1917 гг. / Л.Ф. Писарькова – М.: Издательство объединения "Мосгорархив", 1998. – 568 с.

530. Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до великих реформ : обычай, повинность, право / Л.Ф. Писарькова // Отечественная история. 2001. № 3. С. 25–39.
531. Писарькова Л.Ф. Российское правительство и проблема выборности руководящего состава органов городского самоуправления (1870-1914 гг.) / Л.Ф. Писарькова // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Б.В. Ананьича. Санкт-Петербургский институт истории РАН. – СПб. : Дм. Буланин, 2003. – 324 с. – С. 118–122.
532. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума / Л.Ф. Писарькова. – М. : Новый хронограф : АИРО-XXI, 2010. – 735 с.
533. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории / С.Ф. Платонов / Вступит. ст. А.Н. Фукса. – М. : Высш. шк., 1993. – 735 с.
534. Плошинский Л.О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен / Л.О. Плошинский. – СПб. : Тип. Э. Веймара, 1852. – 309 с.
535. Побережников И.В. Модернизация: теоретические и методологические проблемы // Экономическая история. Обозрение / И.В. Побережников / Под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 7. – М., 2001. С. 163–169.
536. Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции / И.В. Побережников // ПИР. Вып. 4: Европейское пограничье. – Екатеринбург : НПМП «Волот», 2001. – С. 217–245.
537. Побережников И.В. Проблема полиморфизма в современных теориях социального развития / И.В. Побережников // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв.: К 90-летию со дня рождения В.В. Адамова: Сб. науч. ст. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. (Вопр. истории Урала. Вып. 18). – С. 126-136.
538. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И.В. Побережников. – М. : РОССПЭН, 2006. – 237 с.
539. Побережников И.В. Парадигма модернизации в историческом исследовании // Урал в модернизационной динамике России XX века / И.В. Побережников. – Екатеринбург : Изд-во «Сократ», 2015. – 440 с. – С. 197–214.
540. Побережников И.В. Протоиндустриализация как субпроцесс и стадия модернизации: теоретические проблемы / И.В. Побережников // Экономическое развитие и практика реформ (История мировой экономики, вып. 4): Сб. ст. – М. : Институт экономики РАН, 2015. – 349 с. – С. 14–34.
541. Побережников И.В. Акторы российской имперской модернизации: проблемы и перспективы исследования / И.В. Побережников // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 16–25.
542. Погребенский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX – XX вв.) / А.П. Погребенский. – М. : Госфиниздат, 1954. – 268 с.

543. Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии / С.А. Подолинский. – М. : Белые Альвы, 2005. – 160 с.
544. Поздняков А.Н. История педагогики и образования за рубежом и в России: Учебное пособие / А.Н. Поздняков. – Саратов : Издательский центр «Наука», 2009. – 143 с.
545. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / М. Полани / общ. ред. В.А. Лекторского, В.И. Аршинова; предисл. В.А. Лекторского. – Москва : Прогресс, 1985. – 344 с.
546. Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. Перевод с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова и А.П. Шурбелева. Под общей редакцией С.Е. Федорова. – СПб. : Алетейя, 2002. – 320 с.
547. Поликарпов В.В. От Цусимы к февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века / В.В. Поликарпов. – М. : «Индрик», 2008. – 550 с.
548. Политов В. Выдержать характер / В. Политов // Умное производство. URL: http://www.umpro.ru/index.php?page_id=17&art_id_1=255&group_id_4=36.
549. Положение учеников ремесленных училищ в дореволюционной Твери // Красный архив, 1941. Т. 1 (104). С. 143–150.
550. Полянский Ф.Я. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII века / Ф.Я. Полянский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1960. – 200 с.
551. Пономарев Н.В., Денисюк Н.Ф. Кустарные промыслы в России. Кустарная Россия: очерки / Н.В. Пономарев, Н.Ф. Денисюк. – М. : Государственная публичная историческая библиотека России, 2017. – 319 с.
552. Пономарева В.В. Академия наук и становление научного знания в России / В.В. Пономарева // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 5–16.
553. Поткина И.В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности иностранцев в России. 1861–1916 / И.В. Поткина // Бовыкин В.И. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. – М. : РОССПЭН, 1997. – 321 с.
554. Поткина И.В. Иностранные предприниматели и их гражданский статус в Российской империи / И.В. Поткина // Российская история. 2014. № 4. С. 166–172.
555. Приваловская Г.А. Территориальная структура хозяйства староосвоенных районов / Г.А. Приваловская. – М. : Наука, 1995. – 181 с.
556. Проблемы становления профессионального ремесленного образования в России: коллективная монография / Г.М. Романцев [и др.]; под ред. Г.М. Романцева. – Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2012. – 233 с.
557. Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации российской политической элиты в первой половине XVIII в. / Я.И. Прокопенко // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / Германский ист. ин-т в Москве ; отв. сост. Н. Н. Петрухинцев, Лоренц Эррен. – Москва : РОССПЭН, 2013. – 455 с. – С. 149–177.
558. Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I / Я.И. Прокопенко // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) : сборник статей / Европейский ун-т в Санкт-

Петербурге ; [под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой]. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 364 с. – С. 323–337.
559. Пронина И.А. Декоративное искусство в Академии художеств: Из истории русской художественной школы XVIII – первой половины XIX века (К 225–летию Академии художеств СССР) / И.А. Пронина / АХ СССР. Научно-исслед. ин-т теории и истории изобр. искусств. – М. : Искусство, 1983. – С. 14–15.
560. Пронина И.А. Ломоносов и основание Академии художеств / И.А. Пронина // URL: http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st009.shtml.
561. Пронштейн А.П. Великий Новгород в XVI веке / А.П. Пронштейн. – Харьков : Изд-во Харьк. ун-та, 1957. – 288 с.
562. Пругавин В.С. Промыслы Владимирской губернии / В.С. Пругавин. Вып. 1. – М. : А. Баранов, 1882–1884. – 26 с. (Труды состоящей под председательством Московского генерал–губернатора князя В.А. Долгорукова Комиссии по устройству кустарного отделения на Всероссийской промышленно–художественной выставке 1882 года). Александровский уезд. 1882.
563. Пругавин В.С. Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда Владимирской губернии / В.С. Пругавин. – М. : А. Баранов, 1884. – 397 с.
564. Рабочие Ленинграда 1703–1975. – Л. : Изд-во «Наука». Ленинградское отделение. 1975. – 359 с.
565. Радецкий И.М. Мученики темного царства. Ответы на вопросы о положении ремесленных детей / И.М. Радецкий. – СПб. : М.М. Ледерле и К°, 1894. – 44 с.
566. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг. – 5-е изд. – М.: Инфра-М, 2007. – 495 с.
567. Резанов В.А. Взгляд на ход портного мастерства в России и на учение крестьянских мальчиков ремеслам, в особенности портному, с изложением некоторых правил, клонящихся к достижению скорейшего способа изучения мастерства, с приложением рисунков покроя военного платья, вычисленного по масштабу / В.А. Резанов. – СПб. : Гутенберговая тип., 1847. – 4, IV, 23 с.
568. Ремесленник, изданный другом ремесленника. – СПб., 1863.
569. Ремесленные училища. Школы ремесленных учеников. – СПб. : [б. и.], 1909.
570. Римская-Корсакова Т. Музей-заповедник Н.А. Римского-Корсакова усадьба Любенск / Т. Римская-Корсакова. – СПб. : Сударыня, 2002.
571. Рогатко С.А. Выдающиеся продовольственные предприниматели России / С.А. Рогатко. – М. : Пищепромиздат, 1999. – 196 с.
572. Рождественский Н.Ф. Основания государственного благоустройства, с применением к российским законам / Н.Ф. Рождественский. – СПб. : тип. Н. Греча, 1840. – 479 с.
573. Роль эндогенных и экзогенных факторов в развитии российской цивилизации (XVIII – начало XX в.) / Е.В. Алексеева, И.В. Побережников, С.А. Нефедов, К.И. Зубков, Е.А. Курлаев, О.К. Ермакова, Л.А. Дашкевич, Е.Ю. Казакова-Апкаримова, О.Н.

Яхно; РАН, УрО, Ин-т истории и археологии; УрФУ, Ин-т гуманитарных наук и искусств; отв ред. Е.В. Алексеева. – Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2014. – 248 с.
574. Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М. : Издательство АН СССР, 1948. – 802 с.
575. Рыбаков Ю.Я. Промышленная статистика России XIX века : источниковедческое исследование / Ю.Я. Рыбаков. – М. : Наука, 1976. – 277 с.
576. Рыбаков Ю.Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX века (источниковедческие очерки) / Ю.Я. Рыбаков. – М. : Наука, 1986. – 212 с.
577. Рыбников А.А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий: доклад Организационного бюро по созыву Земского съезда по вопросам о совместной деятельности земств по сбыту кустарных изделий / А.А. Рыбников. – М. : Тип. П.П. Рябушинского, 1913. – 6, 242, 174 с.
578. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России / П.Г. Рындзюнский. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 559 с.
579. Рындзюнский П.Г. Мелкая промышленность: ремесло и мелкотоварное производство / П.Г. Рындзюнский // Очерки экономической истории России первой половины XIX века : сб. ст. под ред. М.К. Рожковой. – М. : Соцэкгиз, 1959. – 403 с. – С. 62-117.
580. Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–е – 80–е годы XIX в.) / П.Г. Рындзюнский. – М. : Наука, 1966. – 261 с.
581. Рындзюнский П.Г. Сословноподатная реформа 1775 г. и городское население // Общество и государство феодальной России / В. Т. Пашуто (ред.). – М, 1975.
582. Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. 1850– 1880 гг. / П.Г. Рындзюнский. – М. : Наука, 1978. – 296 с.
583. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века / П.Г. Рындзюнский. – М. : Наука, 1983. – 269 с.
584. Рычков Н.Д. О цехах в России и Западной Европе / Н.Д. Рычков // Русский вестник. 1863. Т. 47. № 11. С. 789–822.
585. Саблин В.А. Промыслы и их роль в крестьянском хозяйстве Европейского Севера в 1910-е – 1920-е годы / В.А. Саблин // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / Гл. ред. Г.В. Судаков. Сост. С.А. Тихомиров. – Вологда : Книжное наследие, 2007. – С. 258-267.
586. Спец лит Савари де Брюлон Ж. Экстракт Савариева лексикона о комерции / Ж. Савари де Брюлон. Пер. с фр. С. Волочков. – [Санктпетербург] : [Тип. Акад. наук], [1747]. – [12], 58, 937, 52 с.
587. Сакович С.И. Социальный состав московских цеховых ремесленников 1720–х годов / С.И. Сакович // Исторические записки. № 42. М., 1953. С. 238–261.
588. Санкт-Петербургская фабрика оптических инструментов Ив. Як. Урлауба. Сост. Е.Н. Трындин. 2005. URL: http://optic10.narod.ru/Urlaub.htm.Ремесленные курсы для народных учителей при императорском русском техническом обществе 1880–1881. – СПб. : [б. и.], 1881.

589. Сапоговская Л.В. Оригинальность «оригинального строя» горнозаводской промышленности Урала по В.В. Адамову // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX – XX вв.: К 90-летию со дня рождения В.В. Адамова: Сб. науч. ст. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 292 с. – С. 60–71.
590. Сафронова А.М. Подготовка учеников инструментального дела для заводов Урала в Академии наук в 1735-1739 гг. / А.М. Сафронова // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы V региональной научной конференции, декабрь 2002 г. – Екатеринбург : Издательство Гуманитарного университета, 2003. – С. 77–80.
591. Сахаров А.М. Города северо–восточной Руси XIV–XV вв. / А.М. Сахаров. – М. : Изд. Московского университета, 1959. – 238 с.
592. Сахаров А.М. Цехи в России / А.М. Сахаров // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М. : Советская энциклопедия, 1974. – С. 762–763.
593. Сванидзе А.А. (Отв. ред.). Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1: Жизнь города и деятельность горожан / А.А. Сванидзе. – М. : Наука, 1999. – 345 с.
594. Сванидзе А.А. (Отв. ред.). Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Том 4. Extra muros: город, общество, государство / А.А. Сванидзе. – М. : Наука, 1999. – 354 с.
595. Сванидзе А.А. (Отв. ред.). Город в средневековой цивилизации Западной Европы / А.А. Сванидзе. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. – М. : Наука, 2000. – 378 с.
596. Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 3 (1): У водоразделов мысли / П. Флоренский. – М. : Издательство «Мысль», 2000. – 623 с.
597. Северюхин Д.Я. Дом призрения и ремесленного образования бедных детей в Санкт-Петербурге / Д.Я. Северюхин // Санкт-Петербург. Энциклопедия. [Режим доступа]. URL: http://www.encspb.ru/object/2855740459?lc=ru.
598. Северюхин Д.Я. Общество распространения ремесленного образования среди бедного населения Санкт-Петербурга и его пригородов в память 200–летия Петербурга / Д.Я. Северюхин // Санкт-Петербург. Энциклопедия. [Режим доступа]. URL : http://www.encspb.ru/object/2811805887?lc=ru.
599. Семенова Л.Н. Рабочие петербургских заводов артиллерийского ведомства в первой половине XVIII века // Исследования по истории феодально–крепостнической России / Л.Н. Семенова. – М.–Л. : Наука. [Ленингр. отд-ние], 1964. – 210 с. – С. 69–115.
600. Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века / Л.Н. Семенова. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 216 с.
601. Семенова Л.Н. Иностранные мастера в Петербурге в первой трети XVIII в. / Л.Н. Семенова // Наука и культура России XVIII в.: Сб. ст. – Л. : [б. и.], 1984. – 260 с. – С. 201–224.
602. Семенова Л.Н. Снабжение хлебом Петербурга в XVIII в. (правительственная политика) / Л.Н. Семенова // Н.В. Юхнева. Петербург и губерния… С. 5–20.

603. Семенова Л.Н. Быт и население Санкт–Петербурга (XVIII век) / Л.Н. Семенова. – М. : Весь Мир ; СПб. : Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1998. – 227 с.
604. Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие / Р. Сеннет // Логос. 2008. № 3 (66). С. 95–107.
605. Сербина К.Н. К вопросу об ученичестве в ремесле русского города XVII века / К.Н. Сербина // Исторические записки. Т. 18 / отв. ред. Б.Д. Греков; АН СССР, Ин–т истории. – М., 1946. – С. 148–168.
606. Сербина К.Н. Очерки из социально–экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVIII веках / К.Н. Сербина. – М.–Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 487 с.
607. Сербина К.Н. Крестьянская железоделательная промышленность Северо-Западной России XVI – первой половины XIX в. / К.Н. Сербина / АН СССР. Ин-т истории СССР. Ленингр. отд-ние. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. – 264 с.
608. Сербина К.Н. Ремесло и мануфактура в России в XVI–XVII веках / К.Н. Сербина // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. – 199 с. – С. 20–31.
609. Сербина К.Н. Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI – первой половины XIX в. / К.Н. Сербина. – Л. : Наука, 1978. – с. 192.
610. Сергеев М.В. Фортепианное дело в Петербурге XIX века: (По материалам русской периодической печати) / М.В. Сергеев // Российская культура глазами молодых ученых. Вып. 3. – СПб. : 1994. – С. 74–92.
611. Сергеев М.В. Новые материалы о фортепианных мастерах России XVIII – первой половины XIX вв. / М.В. Сергеев // Вопросы музыкального источниковедения и библиографии: Сб. ст. – СПб., 2001. – 212 с. – С. 39–51.
612. Сергеев М.В. Русские периодические издания для ремесленников / М.В. Сергеев // Книга. Культура. Общество: Сб. науч. тр. по мат. 12–х Смирдинских чтений. Т. 154. – СПб., 2002. – С. 100–107.
613. Сергеев М.В. Формирование системы изданий для русских ремесленников XVIII–XX вв. / М.В. Сергеев // Печать и слово Петербурга. Петербургские чтения 2003. СПб. : Изд-во СЗИП, 2003. – С. 10–16.
614. Сергеев М.В. Петербургский ремесленник XVIII века / М.В. Сергеев // Печать и слово Петербурга: Петербургские чтения 2003. – СПб. : Изд-во СЗИП, 2003. – С. 245–252.
615. Сергеев М.В. К 200-летию фортепианного мастера Якоба Беккера / М.В. Сергеев // Mosaiikki (Jyväskylä). 2011. № 8. С. 24–29.
616. Сергеев М.В. Музыкально-инструментальное дело в России по материалам первых мануфактурных выставок (1829–1839) / М.В. Сергеев // Научные дискуссии. Т. 3. 2015. С. 16–22.
617. Сергеев М.В. Музыкально-инструментальное производство в России в первой четверти XIX века / М.В. Сергеев // Научные дискуссии. Том 1. 2015. С. 32–37.
618. Сергеев М.В. Первая фортепианная фабрика в России : Новые открытия / М.В. Сергеев // Общество и цивилизация. Т. 2. 2015. С. 130–136.

619. Сергеев М.В. Профессия фортепианного мастера в России. Цеховой ремесленник как классический тип настройщика фортепиано / М.В. Сергеев // Opera Musicologica. № 2 (28). 2016. С. 75–92.
620. Сергеев М.В. Фортепианный мастер Иоганн Фридрих Шредер (1785–1852): К 200-летию основания фирмы «C. M. SCHRÖDER / М.В. Сергеев // Музыковедение. № 9. 2016. С. 43–49.
621. Сергеев М.В. «Он оставляет по себе добрую память, не оскорбив ничьего слуха»: Петербургский фортепианный мастер К. Вирт / М.В. Сергеев // Научный вестник Московской консерватории. № 1 (28). 2017. С. 18–33.
622. Сергеев М.В. Фортепианная фирма «C.M. Schröder» в 1852–1889 гг. В поисках совершенного инструмента и всеобщего признания / М.В. Сергеев // Музыковедение. № 3. 2017. С. 22–33.
623. Серова Е.В. Крестьянские неземледельческие промыслы Верхнего Поволжья (вторая половина XIX – начало XX века / Серова Е.В. – Ярославль, 1999. –108 с.
624. Симоненко Г.Ф. Государство, общество и право с точки зрения законов народного хозяйства: Опыт политико-экономического анализа государственной и общественной деятельности / Г.Ф. Симоненко / [Соч.] Григория Симоненко. Т. 1. – М. : П.Е. Чеглаков, 1870–1872. О значении государственной деятельности как одной из сфер народного хозяйства. – 1870. – XXXVIII, 508 с.
625. Симонян Р., Кочегарова Т. Новый Ганзейский союз – оптимальный формат сотрудничества России и Евросоюза / Р. Симонян, Т. Кочегарова // Власть. № 12. 2009. С. 22–23.
626. Синова И.В. Повседневная жизнь ремесленных мастерских на рубеже XIX–XX вв. / И.В. Синова // Человек в истории: героическое и обыденное: материалы науч.–практ. конф., посв. Году российской истории (Петрозаводск, 18–20 сент. 2012 г.). – Петрозаводск : Изд–во ПетрГУ, 2012. – С. 77–81.
627. Синова И.В. «…Следить за добрыми и отеческими отношениями мастеров к своим ученикам…». Документы о ремесленном ученичестве на рубеже XIX–XX вв. в Центральном государственном историческом архиве Санкт–Петербурга / И.В. Синова // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 76–92.
628. Синова И.В. Ремесленное ученичество в Санкт–Петербурге во второй половине XIX – начале XX века: дискурс повседневной жизни / И.В. Синова // Труды Карельского научного центра РАН. № 4. 2013. Серия «Гуманитарные исследования». Выпуск 4. – С. 68–73.
629. Синова И.В. Повседневная жизнь детей трудящегося населения Санкт–Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв. / И.В. Синова. – СПб. : Астерион, 2013. – 148 с.
630. Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX– начале XX вв.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения / И.В. Синова. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. – 288 с.

631. Скогорева Е.В. Становление промышленности и появление первых фабрик и заводов в Саанкт-Петербургской губернии в XVIII веке / Е.В. Скогорева // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 11-4. – С. 722-727.
632. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1979. Вып.6 (Зипунъ–Иянуарий). – 360 с.; Вып. 7, 1982; Вып. 9. – М : Наука, 1982. – 358 с.; Вып. 22 (Раскидатися–Рященко). – М. : Наука, 1997. – 298 с.
633. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 2. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. – 247 с.; Вып. 11. – СПб. : Наука, 2000. – 256 с.
634. Смирнова М. Для чего время? Чтоб его тратить. Интервью с Андреем Битовым / М. Смирнова // Российская газета - Федеральный выпуск № 7279 (113), май 2017. URL: https://rg.ru/2017/05/25/andrej-bitov-receptov-pravilnoj-zhizni-tochno-net.html.
635. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М. : Издательство социально-экономической литературы, 1962. – 688 с.
636. Смолко В.А. Концепции современного естествознания / В.А. Смолко. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 769 с.
637. Смородинская Н.В. Смена парадигмы мирового развития и становление сетевой экономики / Н.В. Смородинская // Экономическая социология. Т. 13. № 4. Сентябрь 2012. С. 95–115.
638. Смурова О.В. Между городом и деревней : (образ жизни крестьянина-отходника во второй половине XIX - начале XX вв.) / О.В. Смурова: монография / Смурова О.В. – Кострома : Изд-во КГТУ, 2009. – 203 с.
639. Соболев А.В. Кооперация: экономические исследования в русском зарубежье: монография / А.В. Соболев. – М. : Дашков и К^0, 2013. – 360 с.
640. Соколовский С. Бремя традиции: прошлое в настоящем российской антропологии / // Антропологический форум. № 15. С. 205–220.
641. Смагина Г.И. (ред.). Немцы Санкт–Петербурга: наука, культура, образование = Die Deutschen in Sankt–Petersburg: Wissenschaft, Kultur, Bildung / Г.И. Смагина. – СПб., 2005.
642. Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период / Е.И. Соловьева. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1981. – 329 с.
643. Стенник Ю.В. Эстетическая мысль в России XVIII в. / Ю.В. Стенник // XVIII век. Сборник 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. – Л. : Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1986. – 292 с. – С. 37–51.
644. Степанов Н. Сравнительно–исторический очерк организации ремесленной промышленности в России и западно–европейских государствах / Н. Степанов. – Киев : Университетская типография, 1864. – 164 с.
645. Стоклицкая-Терешкович В.В. Немецкий подмастерье XIV-XV веков / В.В. Стоклицкая-Терешкович. – М. : Изд-во АН СССР, 1933. – 58 с.
646. Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города X–XV веков / В.В. Стоклицкая-Терешкович. – М. : Издательство Социально-экономической литературы, 1960. – 351 с.

647. Столпянский П. В царстве фижм, мушек, париков и кринолинов / П. Столпянский // Столица и усадьба. 1914. Июнь. № 9–10.
648. Столпянский П.Н. Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования 1704–1914 / П.Н. Столпянский. – Л. : Ленингр. губ. сов. проф. союзов, 1925. – 199 с.
649. Столпянский П.Н. Музыка и музицирование в Старом Петербурге / П.Н. Столпянский. 1-е изд. – Л., 1984.
650. Струмилин С.Г. Промышленный переворот в России / С.Г. Струмилин. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1944. – 47 с.
651. Струмилин С.Г. История Черной металлургии в СССР / С.Г. Струмилин. Т. 1. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – 535 с.
652. Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России / С.Г. Струмилин. – М. : Соцэкгиз, 1960. – 548 с.
653. Сычев Н.В. Диалектика многоукладной экономики / Н.В. Сычев. – М. : ВИУ, 1999. – 318 с.
654. Сычев Н.В. Многоукладная экономика: (Полит.-экон. исслед.). – М. : ВИУ, 1999. – 290 с.
655. Тараканова Е.С. Гаскойн и русские пушки / Н.В. Сычев // Север. 2001. № 4-5-6. – С. 96–114; № 7-8. – С. 165–177; № 10-11. – С. 187–201.
656. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. / К.Н. Тарновский. – М. : Радикс, 1995. – 280 с.
657. Татищев В.Н. Избранные произведения / В.Н. Татищев. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. – 464 с.
658. Терборн Й. Мир : Руководство для начинающих / пер. с ангнл. Е.М. Горбуновой, Л.Г. Титаренко; под науч. Ред. С. М. Гавриленко; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом «Высшей школы экономики», 2015. – 336 с.
659. Терещенко А.А. Городское ремесленное производство Центрально–Черноземного края во второй половине XIX в / А.А. Терещенко // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2008. № 1. С. 50–57.
660. Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в. / Д.В. Тимофеев. – Челябинск : Энциклопедия, 2011. С. 8–15.
661. Тимофеев Д.В. Методология «истории понятий» : от теории к практике исследований истории общественной мысли России первой четверти XIX века / Д.В. Тимофеев // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 155–168.
662. Тихомиров М.Н. О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси (XI–XV вв.) / М.Н. Тихомиров // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 22–33.
663. Тихомиров М.Н. Древнерусские города / М.Н. Тихомиров. – М. : Государственное издательство Политической литературы, 1956. – 477 с.
664. Тиц Б. Ремесленное ученичество / Б. Тиц. – СПб. : тип. М.А. Александрова, 1908. – 56 с.
665. Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в. Организация и финансирование / С.Р. Томпстон. URL: http://statehistory.ru/books/Styuart-Ross-

Tompston_Rossiyskaya-vneshnyaya-torgovlya-XIX---nachala-XX-v--Organizatsiya-i-finansirovanie/2.
666. Троицкий В.И. Организация золотого и серебряного дела в Москве в XVII в. / В.И. Троицкий // Исторические записки. – М., 1941. Т. 12. С. 96–127.
667. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII – XVIII в. / В.И. Троицкий // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. ст. к семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетия научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза. – М. : Наука, 1964. С. 281–319.
668. Тромонин К. О художестве в ремеслах / К. Тромонин. – М. : Унив. тип., 1846. 32 с.
669. Трубицына О.В., Саввина О.А. Из истории возникновения воскресных школ в России / О.В. Трубицына, О.А. Саввина // Территория науки. 2007. № 1. С. 112-117.
670. Туган-Барановский М.И. П.Ж. Прудон : Его жизнь и общественная деятельность / М.И. Туган–Барановский. – СПб. : Тип. Ю.Н. Эрлих, 1891. (Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Флорентия Павленкова). – 80 с.
671. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование / М.И. Туган–Барановский. – СПб. : Изд. О.Н. Поповой, 1900. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. – 561 с.
672. Туган-Барановский М.И. Д.С. Милль : Его жизнь и учёно-литературная деятельность / М.И. Туган–Барановский. – СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1892. – 88 с.
673. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации / М.И. Туган–Барановский. – М. : Университет имени А.Л. Шанявского, 1916. – 521 с.
674. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации / М.И. Туган–Барановский / Предисл., коммент.: Л.А. Булочникова, Г.Н. Сорвина, Т.П. Субботина. – М. : Экономика, 1989 (репринт 1916 г. изд.). – 509 с.
675. Туган–Барановский М.И. К лучшему будущему. Сборник социально–философских Произведений М.И. Туган–Барановский. – М.: РОССПЭН, 1996. – 528 с.
676. Туган-Барановский М.И. Избранное: Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. / М.И. Туган–Барановский. – М. : Наука, 1997. – 734 с.
677. Туган–Барановский М.И. Основы политической экономии / М.И. Туган – Барановский. – М. : РОСППЭН, 1998. – 662 с.
678. Туган–Барановский М.И. Социальная теория распределения / М.И. Туган–Барановский // Социальная теория распределения / С.И. Солнцев, М.И. Туган–Барановский, А.Д. Билимович : под ред. М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычковой. – М. : Наука, 2009. – 436 с. – С. 297–374.
679. Тульчинский Г.Л. Корпоративные социальные инвестиции и социальное партнерство: технологии и оценка эффективности / Г.Л. Тульчинский, учеб. Пособие; Санкт-Петербургский филиал Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики». СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ. – СПб., 2012. – 236 с.
680. Тюфилин А.М. Записка о состоянии ремесленности / А.М. Тюфилин. – Казань : Тип. В.М. Ключникова, 1906. – 23 с.

681. Ульянова Г.Н. Миграция в Москву в конце XVIII – начале XIX века по купеческим сказкам VI ревизии 1811 года / Г.Н. Ульянова // Миграции. Формирование Российского государства : материалы Международных семинаров исторических исследований «От Рима к Третьему Риму», 2010—2015 гг. : сб. ст. / общая редакция П. Каталано, Ю.А. Петрова; пер. на ит. яз. К. Трочини; пер. на рус. яз. И. Двизовой, К. Трочини; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, Нац. совет исследований Италии, Римский ун-т «Ла Сапиенца». – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2015. – 343 с. – С. 94–116.
682. Ульянова Г.Н. Сукно, водка и красители: предпринимательницы из немецких семей в России в 19 – начале 20 в. / Г.Н. Ульянова // Большое будущее. Немецкое предпринимательство в России. – Берлин-Москва, 2000. С. 90–97.
683. Урал в контексте российской и мировой истории XX века: историографическая концептуализация. – Екатеринбург : Издательство «Сократ», 2017. – 392 с.
684. Устюгов Н.В. Ремесло и мелкое товарное производство в русском государстве XVII в. / Н.В. Устюгов // Исторические записки. № 34. 1950. С. 166–197.
685. Ушинский К.Д. Ученики ремесленные в Петербурге / К.Д. Ушинский // Архив К.Д. Ушинского: [в 4 т.] / сост. и подгот. к печати В.Я. Струминский; Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т теории и истории педагогики. – М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1959–1962. Т. 4: Ранние работы первого десятилетия научно-литературной деятельности К.Д. Ушинского (1846–1856 гг.). 1962. – 719 с.
686. Ушинский К.Д. Воскресные школы. Письмо в провинцию / К.Д. Ушинский // Ушинский К. Д. Избранные педагогические произведения / [сост. Н. А. Сундуков]. – М. : Просвещение, 1968. – 557 с. – С. 67–80.
687. Ушинский К.Д. Необходимость ремесленных школ в столицах / К.Д. Ушинский // Избранные педагогические произведения / [сост. Н.А. Сундуков]. – М. : Просвещение, 1968. – 557 с.
688. Фадеева О. П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию / О.П. Фадеева / под ред. З. И. Калугиной. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2015. – 262 с.
689. Феллер В. Введение в историческую антропологию. Опыт решения логической проблемы философии истории. – М. : Кнорус, 2005. – 672 с.
690. Филипенок С.А. Личностное знание и личностный опыт в процессе самосознания / С.А. Филипенок // Философия и культура. 2012. № 11 (59). С. 109–119.
691. Филипенок С.А. Личностный опыт в творческом процессе. Эпистемологический анализ / С.А. Филипенок // Эпистемология креативности. М., 2013. С. 272–288.
692. Флеровский В. (В.В. Берви–Флеровский). Положение рабочего класса в России / В.В. Берви-Флеровский. – СПб. : Издание Н.П. Полякова, 1869. – 502 с.
693. Фор Э. Опала Тюрго. 12 мая 1776 г. / Э. Фор. – М. : Прогресс, 1979. – 567 с.
694. Фриз Г.Л. Сословная парадигма и социальная история России / Г.Л. Фриз // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Имперский период : Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара : Издательство «Самарский университет», 2000. – 332 с. С. 121-162.

695. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории / Э.Г. Фуруботн, Р. Рихтер / Пер. с англ. под ред. В. С. Катькало, Н. П. Дроздовой. – СПб. : Издат. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2005. – XXXIV + 702 с.
696. Хайек Ф.А. фон. Индивидуализм и экономический порядок / Ф.А. фон Хайек. – М. : Изограф, 2000. – 287 с.
697. Ханыков В.Н. К вопросу о женском труде в России / В.Н. Ханыков. – М. : тип. и лит. А.С. Клименкова, 1899. – 20 с.
698. Харитонович Д.Э. Ремесло: Цехи и миф / Д.Э. Харитонович // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4-х томах / Отв. ред. А.А. Сванидзе. – М. : Наука, 1999. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. – 345 с. – С. 118–124.
699. Хёйзинга Й. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры / Й. Хёйзинга. Составление, предисловие и перевод Д. В. Сильвестрова, комментарий и указатель Д.Э. Харитоновича. – СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2011. – 409 с.
700. Хорошкевич А.Л. Ремесло Пскова по немецко-русскому словарю начала XVII в. / А.Л. Хорошкевич // Города феодальной России. Сборник статей памяти Н.В. Устюгова. – М. : Наука, 1966. – С. 207–215.
701. Цивилизации (сб. ст.) / Институт всеобщей истории РАН. – М. : Наука, 1992. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века / отв. ред. А.О. Чубарьян; [сост. О.В. Воробьева]. 2015. – 271 с.
702. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство / А.В. Чаянов. – М. : Экономика, 1989. – 492 с.
703. Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации / А.В. Чаянов. – М. : Наука, 1991. – 456 с.
704. Чебанов С.В. Личностное знание и техники понимания / А.В. Чаянов // Вестник Тверского государственного университета. 2010. № 31 (Филология). С. 238–244.
705. Чередниченко А. Когда отзвучал финальный аккорд. Бизнес-центр вытеснил музыкальную фабрику, но не мастеров / А. Чередниченко // Санкт-Петербургские ведомости. 30.09.2015.
706. Черноухов Э.А. Оспопрививание в частных горнозаводских округах Урала в первой половине XIX в. / Э.А. Черноухов // Урал индустриальный: материалы всерос. науч. конф. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2011. – Т. 1. – С. 366– 370.
707. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П.Я. Черных. Т. 1. – М. : Русский язык, 1999. – 621 с.
708. Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. / Н.Д. Чечулин. – СПб. : Сенатск. тип., 1906. – 380 с.
709. Шамин С.М. Россия после Петра I: реакция на преобразования в области языка (по материалам Коллегии иностранных дел) / С.М. Шамин // Русский язык и литература во времени и пространстве : Сборник научных статей и докладов. К 45-летию Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина. – М. : Гос. ин-т русского яз. им. А.С. Пушкина, 2011. – 407 с. – С. 180–188.

710. Шапиро А.Л. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время / А.Л. Шапиро // Ученые записки Ленингр. гос. педагогического института им. М.Н. Покровского, т. V. Исторический факультет, вып. I. – Л., 1940. С. 23–53.
711. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория / А.Е. Шаститко / 4-е перераб. и доп. изд. – М. : ТЕИС, 2002. – 591 с.
712. Шацилло М.К. Иностранцы в составе российского предпринимательства / М.К. Шацилло // Бовыкин В.И. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. – М. : РОССПЭН, 1997. – 321 с. – С. 34–53.
713. Шепелева В.Б. Кустари в теории, стратегии и тактике большевиков от империализма до НЭПа / В.Б. Шепелева // Вестник Омского университета. 1997. № 2. С. 47–50.
714. Ширгазин О.Р. География кустарной промышленности России в начале XX века / Ширгазин О.Р. // Наследие и современность : Информ. сб. / [Сост. А.В. Каменец]. – Вып. 5. – М. : Рос. НИИ культур. и природ. Наследия, 1997. – 112 с.
715. Шишкин В.М. Петербург губернский. Из истории местных государственных учреждений / В.М. Шишкин. – М. : ЗАО «Центрполиграф», 2010. – 317 с.
716. Шкловский В.Б. О теории прозы / В.Б. Шкловский. – М. : Изд. Федерация, 1929. – 266 с.
717. Шкловский В.Б. Избранное / В.Б. Шкловский. В 2-х т. Т. 2. Тетива. – М. : Худож. Лит., 1983. – 640 с.
718. Шрадер Т.А. (ред.). Немцы в Санкт–Петербурге (XVIII—XX века): биографический аспект / Т.А. Шрадер: Материалы постояннодействующей конф. Вып. 2. – СПб. : [б. и.], 2002. – 204 с.
719. Шумахер Э. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / Э. Шумахер. Перевод с англ. Даниила Аронсона. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 352 с.
720. Шумкин Г.Н. Производство ствольного железа на казенных горных заводах Урала в середине XIX в. / Г.Н. Шумкин // Історичний архів. Наукові студії: Збірник наукових праць. Миколаев, 2014. Вип. 12. С. 112–117.
721. Шумкин Г.Н. К вопросу о месте Николаевского завода в истории русской промышленности / Г.Н. Шумкин // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2015. № 4. С. 192–204.
722. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития / Й.А. Шумпетер. – М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. – 401 с. (Воспроизведено по изд. : Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М. : Прогресс, 1982).
723. Шунков В.И. Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639–1640 гг. / В.И. Шунков // Исторические записки. Т. 5. 1939. С. 102–117.
724. Щавинская Л.Б. Обучение строительному ремеслу в Томской губернии во второй половине XIX начале XX в. / Л.Б. Щавинская // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2013. № 4. С. 257–262.
725. Эймонтова Р.Г. Идеи просвещения в обновляющейся России: (50–60-е гг. XIX в.) / Р.Г. Эймонтова. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 1998. – 407 с.

726. Юнгар С. Финляндские ремесленники в С.–Петербурге / С. Юнгар // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. – 199 с. – С. 90–99.
727. Юнус М., Жоли А. Создавая мир без бедности. Социальный бизнес и будущее капитализма = Vers un monde sans pauvrete / М. Юнус, А. Жоли / Пер. И. Савельева. – М. : Альпина Паблишерз, 2010. – 306 с.
728. Юсти И.Г.Г. Основание силы и благосостояния царств, или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного Благочиния / И.Г.Г. Юсти, перев. с немецк. Иван Богаевский. Ч. 1–4. – СПб. : При Имп. Акад. наук, 1772–1775.
729. Юхнева Н.В. (ред.). Старый Петербург: историко–этнографичесике исследования / Н.В. Юхнева. – Л. : Наука, 1982. – 200 с.
730. Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга / Н.В. Юхнева. – Л. : Наука, 1984. – 223 с.
731. Юхнева Н.В. (ред.) Петербург и губерния. Историко–этнографические исследования / Н.В. Юхнева. – Л. : Наука, 1989. – 173 с.
732. Юхнева Н.В. Немцы в многонациональном Петербурге / Н.В. Юхнева // Немцы в России: люди и судьбы / Отв. ред. Л.В.Славгородская. Ред.-сост. Г.И. Смагина. – СПб. : Дм. Буланин, 1998. – 312 с. – С. 56–68.
733. Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. / А.И. Юхт / Отв. ред. А.А. Преображенский. – М. : Наука, 1985. – 368 с.
734. Юхт А.И. Поборник новой России: Василий Никитич Татищев / А.И. Юхт // Историки России. XVIII — начало XX века / Члены редколлегии : М.Г. Вандалковская, Р.А. Киреева, Л.А. Сидорова, А.Е. Шикло ; Отв. ред. чл.-кор. РАН А.Н. Сахаров; Институт российской истории РАН. – М. : НИЦ «Скрипторий», 1996. – С. 6–27. – 688 с.
735. Ядров А.И. В защиту русских цехов / А.И. Ядров, вып. 1. – СПб. : Типография И.М. Комелова, 1897. – 178 с.
736. Ядров А.И. О сохранении цехового управления / А.И. Ядров. – СПб. : Типография инженера Г.А. Бернштейна, 1897. – 32 с.
737. Ядров А.И. Голос ремесленника. Об упадке ремесленной промышленности / А.И. Ядров. – СПб. : [б. и.], 1900.
738. Янов А.Л. Одиссея русской автократии / А.Л. Янов // Перспективы. № 2. 1991. С. 77–93.
739. Янсон Ю.Э. (ред.). Население Петербурга по исчислению 15 июля 1888 года. СПб.: тип. Шредера, 1889.
740. Янсон Ю.Э. С.-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. СПб.: тип. Шредера, 1891/1892.
741. Яцунский В.К. Крупная промышленность России в 1790-1860 гг. // Очерки экономической истории России первой половины XIX века : сб. ст. под ред. М.К. Рожковой. – М. : Соцэкгиз, 1959. – 403 с. – С. 118–220.
742. Abel W. (Hg.). Handwerksgeschichte in neuer Sicht / W. Abel. 2. Aufl. – Göttingen : Schwartz, 1978. – 284 S.

743. Ackermann A. Das Eigene und das Fremde: Hybridität, Vielfalt und Kulturtransfers / A. Ackermann // Friedrich Jaeger; Jörn Rüsen (Hrsg.) : Handbuch der Kulturwissenschaften. 3 Bde. – Stuttgart / Weimar : Metyler, 2004, Bd. 3. – 551 S., S. 138–154.
744. Ahrens H. Naturrecht, oder Philosophie des Rechts und des Staates: Bd. 2: Das System des Privatrechts, die Staatslehre und die Prinzipien des Völkerrechts: auf dem Grunde des ethischen Zusammenhanges von Recht und Kultur / H. Ahrens. 6., durchaus neu bearb., durch die Staatslehre und die Prinzipien des Völkerrechts verm. Aufl. – Wien : Gerold & Sohn Verlag, 1871. – 531 S.
745. Algan Y., Benkler Y., Morell M-F., Hergueux J. Cooperation in a Peer-Production Economy: Experimental Evidence from Wikipedia. 2013. URL: http://spire.sciencespo.fr/hdl:/2441/5ulf84sluc9vlb5mrjr32mfetg/resources/cooperation-in-peer-production.pdf (Дата обращения: 17.01.2015).
746. Althusser L., Balibar E. Das Kapital lesen / L. Althusser, E. Balibar. Bd. 1. – Reinbek : Rohwolt, 1972. – 756 S.
747. Amburger E. Die Anwerbung ausländischer Fachkräfte für die Wirtschaft Russlands vom 15. bis ins 19. Jahrhundert / E. Amburger. – Wiesbaden : Harrassowitz, 1968. – 200 S.
748. Amburger E. „Knauff, Andreas“ / E. Amburger // Neue Deutsche Biographie. 12. 1979. – S. 161–162.
749. Amburger E. Andreas Knauff und die Knauffschen Hüttenwerke im Ural / E. Amburger. Sammelband: Fremde und Einheimische im Wirtschafts- und Kulturleben des Neuzeitlichen Russlands. Ausgewählte Aufsätze. Hrsg. v. Klaus Zernack. Wiesbaden : Franz Steiner, 1982 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa 17). – 326 S., S. 122–130.
750. Arendt H. Vita activa oder Vom tätigen Leben, 1958 / H. Arendt // Hubig Ch. [Hrsg. u.a.]. Machdenken über Technik: Die Klassiker der Technikphilosophie und neuere Entwicklungen. – Berlin : Ed. Sigma, 2013. – 546 S. S. 58–62.
751. Arnold J.H., Hilton M., Rüger J. (ed.). History After Hobsbawm: Writing the Past for the Twenty-first Century / J.H. Arnold, M. Hilton, J. Rüger. – Oxford University Press, 2018. – P. 163–164.
752. Aßmann K. Verlag–Manufaktur–Fabrik. Die Entwicklung großbetrieblicher Unternehmensformen im Göttinger Tuchmachergewerbe / K. Aßmann // W. Abel (Hg.). Handwerksgeschichte in neuer Sicht... – S. 211–240.
753. Baja K.-D. Ein Handwerk im Wandel. Soziale Wirklichkeit selbständiger FleischermeisterInnen in Fachgeschäften als Fokus für Prognosen zukünftirger Entwicklungen / K.-D. Baja. – Hamburg, 2001.
754. Balandier G. Anthropologie politique / G. Balandier. – Paris : Presses universitaires de France, 1984. – 238 p.
755. Bater J.H. St. Petersburg. Industrialization and change (Studies in urban history 4, hrsg. v. H. J. Dyos) / J.H. Bater. – London : Hodder & Stoughton Educational, 1976. – 532 p.
756. Beck U., Bonß W. Die Modernisierung der Moderne / U. Beck, W. Bonß. Frankfurt a. M. : suhrkamp taschenbuch wissenschaft 1508, 2001. – 320 S.

757. Beck U., Bonß W., Lau C. Theorie reflexiver Modernisierung: Fragestellungen, Hypothesen, Forschungsprogramm / U. Beck, W. Bonß // Beck U., Bonß W. (Hrsg.). Die Modernisierung der Moderne. – Frankfurt a. M. :, 2001. – S. 11–59.
758. Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom / Y. Benkler. – New Haven and London : Yale University Press. 2006. – 515 p.
759. Benkler Y. The Penguin and the Leviathan: How Cooperation Triumphs Over Self-Interest / Y. Benkler. New York : Crown Business, 2011. – 272 p.
760. Benkler Y. Practical Anarchism: Peer Mutualism, Market Power, and the Fallible State / Y. Benkler // Politics and Society 4(2). 2013. – P. 213–251.
761.
762. Benkler Y. Peer Production and Cooperation, forthcoming / Y. Benkler // J. M. Bauer & M. Latzer (eds.), Handbook on the Economics of the Internet. Cheltenham and Northampton, Edward Elgar. Cheltenham : Edward Elgar Pub., 2016. – 590 p.
763. Berger M. Arbeit, Selbstbewusstsein und Selbstbestimmung bei Hegel. Zum Wechselverhältnis von Theorie und Praxis / M. Berger. Hegel-Jahrbuch. Sonderband. – Berlin : Akademie Verlag, 2012. – 312 S.
764. Bergmann J. Das Berliner Handwerk in den Frühphasen der Industrialisierung / J. Bergmann. – Berlin : Colloquium Verlag, 1973. – 401 S.
765. Binney M. Empire, Spectacle and the Patriot King: British Responses to the Eighteenth-Century Russian Empire / M. Binney // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. № 2. P. 385–405.
766. Blaut J.M. The colonizer's model of the world: geographical diffusionism and Eurocentric history / J.M. Blaut. – New York, NY : The Guilford Press, 1993. – 246 p.
767. Bonnell V.E. Roots of rebellion; workers' politics and organisations in St. Petersburg and Moscow, 1900–1914 / V.E. Bonnell. – Berkeley, Los Angeles, and London : University of California Press. – 560 p.
768. Braun H.-J. Billig und schlecht? Franz Reuleaux' Kritik an der deutschen Industrie und seine wirtschaftspolitischen Vorschläge 1876/77 / H.-J. Braun // Kultur und Technik. 9. Jahrgang 1985. Heft 2. – S. 106–114.
769. Böhmert V. Freiheit der Arbeit. Beiträge zur Reform der Gewerbegesetze / V. Böhmert. – Bremen : Strack, 1858. – 404 S.
770. Brears R.C. The Green Economy and the Water-Energy-Food Nexus / R.C. Brears. 1st edition. – London : Palgrave Macmillan, 2017. – XIV, 423 p.
771. Brower D.R. The Russian city between tradition and modernity : 1850–1900 / D.R. Brower. – Berkeley : University of California Press, 1990. – 253 p.
772. Brunner O. Europäisches und russisches Bürgertum / O. Brunner // Neue Wege der Verfassungs- und Sozialgeschichte. 3. Unveränderte Aufl. – Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1980. – 344 S.
773. Brunner O, Conze W., Koselleck R. (Hrsg.). Geschichtliche Grundbegriffe : Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. 8 Bände in 9. Klett-Cotta, Stuttgart 1972–1997.
774. Busch M. Deutsche in St. Petersburg 1865–1914 : Identität und Intergration / M. Busch. – Essen : Klartext, 1995. – 288 S.

775. Caplan S.L. Le meilleur du monde. Les boulangers de Paris au XVIIIe siècle / S.L. Caplan. – Paris : Fayard, 1996. – 766 p.
776. Carillo M.R., Zazzaro A. The Enigma of Medieval Craft Guilds: A Model of Social Inertia and Technological Change / M.R. Carillo, A. Zazzaro // Salvadori N. Old and New Growth Theories. – Cheltenham : Edward Elgar, 2001. P. 1–33.
777. Cerutti C. Mestieri e privilege : nascita delle corporazioni a Torino, secoli XVII–XVIII / C. Cerutti. – Turin : Einaudi, 1992. – 279 p.
778. Coase R. The Institutional Structure of Production / R. Coase // The American Economic Review, vol.82, n 4. 1992. – Pp. 713–719.
779. Cochrane J.H. Guilds / J.H. Cochrane // The Grumpy Economist. John Cochrane's blog. 17.11.2014. Available at: http://johnhcochrane.blogspot.ru/2014/11/guilds.html?m=1.
780. Crisp O. Labor and industrialisation in Russia / O. Crisp // The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VII. Part 2. London : Cambridge University Press, 1976. Pp. 308–415.
781. Crisp O. Studies in the Russian Economy before 1914 / O. Crisp. – London : Palgrave Macmillan UK, 1976. – 278 p.
782. Croix D. de la, Doepke M., Mokyr J. Clans, Guilds, and Markets: Apprenticeship Institutions and Growth in the Pre-Industrial Economy / D. de la Croix, M. Doepke, J. Mokyr. March 2016. Available at: http://faculty.wcas.northwestern.edu/~mdo738/research/delaCroix_Doepke_Mokyr_0317.pdf.
783. Croix D.d.l., Doepke M., Mokyr J. More than family matters: Apprenticeship and the rise of Europe / D. de la Croix, M. Doepke, J. Mokyr, 02 March 2017. Available at: http://voxeu.org/article/apprenticeship-and-rise-europe.
784. Crowston C. Women, Gender, and Guilds in Early Modern Europe: An Overview of Recent Research / C. Crowston // International Review of Social History. 53 (2008). P. 19–44.
785. Dämon K. Die heimlichen Stars / K. Dämon // Institut für Mittelstandsforschung der Universität Mannheim. Available at: http://www.ifm.uni–mannheim.de.
786. Dahlmann D. Die Provinz wählt: Rußlands Konstitutionell-Demokratische Partei und die Dumawahlen 1906–1912 / D. Dahlmann. – Köln; Weimar; Wien : Böhlau, 1996. – 509 S.
787. Dahlmann D., Scheide C. (Hrsg.). "…das einzige Land in Europa, das eine grosse Zukunft vor sich hat.": Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert / D. Dahlmann, C. Scheide. Veröffentlichungen des Instituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im Östlichen Europa (Том 8). – Klartext Verlagsges. Mbh, 1998. – 687 S.
788. Dahlmann D., Trees P. (Hg.). Von Duma zu Duma. Hundert Jahre russischer Parlamentarismus Beiträge zur parlamentarischen Entwicklung in Rußland von den Anfängen bis in die Gegenwart / D. Dahlmann. – Göttingen : V & R Unipress, 2009. – 442 S.
789. Das Töpfer-, Ofensetzer-, Kupferschmiede- und Klempnergewerbe im Spannungsfeld von industrieller Revolution und Gewerbefreihei // SHK-Handwerk in Sachsen : 1800 bis 1861

: Industrielle Revolution und Gewerbefreiheit. Available at: https://de.m.wikibooks.org/wiki/SHK-Handwerk_in_Sachsen:_1800_bis_1861:_Industrielle_Revolution_und_Gewerbefreiheit.
790. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart (DWDS). Fabrik. Available at: https://www.dwds.de/wb/Fabrik.
791. Davids K., Munk B.D. Innovation and Creativity in Late Medieval / K. Davids, B.D. Munk // Late Medieval and Early Modern European Cities. – Aldershot : Ashgate, 2014. – P. 1–33.
792. Day Ch.R. Schools and Work. Technical and Vocational Education in France since the Third Republic / Ch.R. Day. – Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 2001. – 236 p.
793. Declercq R. World Market Transformation. Inside the German Fur Capital Leipzig 1870–1939 / R. Declercq. – New York, London : Routledge, 2017. – 236 p.
794. Degele N., Dries C. Modernisierungstheorie. Eine Einführung / N. Degele, C. Dries. – München : Fink, 2005 – 315 p.
795. Dekkers R. (R)Evolution: Organizations and the Dynamics of the Environment / R. Dekkers. – Berlin, 2005. – 522 p.
796. Der Goldene C. Bechstein Luxusflügel // Memento vom 18. Juli 2013 im Webarchiv archive.is; Alexander Skrjabin: Briefe. Mit zeitgenössischen Dokumenten und einem Essay von Michail Druskin. Hrsg. und Übersetzung der Briefe Skrjabins sowie der Dokumente aus dem Russischen von Christoph Hellmundt; Übersetzung des Essays von Michail Druskin von Gertraude Krueger. – Leipzig : Verlag Philipp Reclam jun., 1988 (= Reclams Universal-Bibliothek, Bd. 1260: Kunstwissenschaften). – 440 S.
797. Ditt K. Fabrikarbeiter und Handwerker im 19. Jahrhundert in der neueren deutschen Geschichtsschreibung / K. Ditt // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft. Göttingen, 1994. Nr. 2. S. 289–320.
798. Dolge A. Pianos and their makers / A. Dolge. Covina, California : Covina Publishing Company, 1911. – 478 p.
799. Drucker P.F. The New Society of Organizations / P.F. Drucker // Harvard Business Review. 1992. 70 (5). P. 95–104.
800. Duchhardt H. Europa am Vorabend der Moderne : 1650–1800 / H. Duchhardt. – Stuttgart : Ulmer, 2003. – 464 S.
801. Dürig W. Wandel des Berufsbildes des selbständigen Handwerkmeisters in der wissensorientierten Ökonomie / W. Dürig // Lagemann, B., Löbbe, K. &. Schrumpf, H. (Hrsg.): RIW–Mitteilungen – Wirtschaftlicher Strukturwandel und Wirtschaftspolitik auf dem Weg in die wissensbasierte Ökonomie, Bd. 53,Wirtschaftlicher Strukturwandel. – 2002. – S. 107–126.
802. Dushkova N.A., Grigorova V.A. The state policy of stimulating handicraft production in the second half of the XIX century: expirience oft he past fort he development of modern entrepreneurship / N.A. Dushkova, V.A. Grigorova// Klio. 4(112). 2016. P. 50–55.
803. DWDS. Handwerk. Available at: https://www.dwds.de.
804. DWDS. Manufaktur. Available at: https://www.dwds.de/wb/Manufaktur.

805. DWDS. Werkstatt. Available at: https://www.dwds.de/r/plot?q=Werkstatt.
806. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities / S.N. Eisenstadt // Daedalus. 2000. Vol. 129. No. 1. Iss. Multiple Modernities. P. 1–31.
807. Eisenstadt S.N. Tradition, Change, and Modernity / S.N. Eisenstadt. – New York : John Wiley & Sons, 1973. – 367 p.
808. Ehmer J. Die Herkunft der Handwerker in überregionalen städtischen Zentren: Zürich, Wien, Zagreb zur Mitte des 19. Jahrhunderts / J. Ehmer // Handwerk in Mittel– und Osteuropa: Mobilität, Vermittlung und Wandel im Handwerk des 18. und 20. Jahrhunderts. – München, 1987. – S. 47–68.
809. Ehmer J. Ökonomischer und sozialer Strukturwandel im Wiener Handwerk – von der industriellen Revolution bis zur Hochindustrialisierung / J. Ehmer // U. Engelhardt (Hg.). Handwerker in der Industrialisierung. – Stuttgart, 1984. – S. 78–104.
810. Ehmer J. Schuster zwischen Handwerk und Fabrik. Zum Verhältnis von sozialem Profil und politischorganisatorischem Verhalten einer Berufsgruppe / J. Ehmer // H. Konrad u. W. Maderthaner (Hrsg.), Neuere Studien zur Arbeitergeschichte = Materialien zur Arbeitergeschichte 35, Bd. 1. Wien : Europa Verlag, 1984. S. 3–23.
811. Ehmer J. Soziale Traditionen in Zeiten des Wandels. Arbeiter und Handwerker im 19. Jahrhundert / J. Ehmer , (= Studien zur Historischen Sozialwissenschaft 22). – Frankfurt/Main; New York : Campus, 1994. – 355 S.
812. Elkar R.S. Fragen und Probleme einer interdisziplinären Handwerksgeschichte / R.S. Elkar // R.S. Elkar (Hg.). Deutsches Handwerk in Spätmittelalter und früher Neuzeit: Sozialgeschichte – Volkskunde – Literaturgeschichte. GBWSG, Hg. v. W. Abel. Bd. 9. – Göttingen, 1983. – S. 3–32.
813. Elkar R.S. Lernen durch Wandern? Einige kritische Anmerkungen zum Thema „Wissendstransfer durch Migration“ / R.S. Elkar // Handwerk in Europa. Vom Spätmittelalter bis zur Frühen Neuzeit / hrsg. von Knut Schulz unter Mitarbeit von Elisabeth Muller-Luckner. – Munchen : Oldenbourg, 1999. – 344 S. S. 213–232.
814. Elkar R.S. Umrisse einer Geschichte der Gesellenwanderungen im Übergang von der frühen Neuzeit zur Neuzeit. Problemskizze und Zwischenergebnisse / R.S. Elkar // R.S. Elkar (Hg.), Deutsches Handwerk in Spätmittelalter und Früher Neuzeit. – Göttingen, 1983. – S. 85–116.
815. Engelhardt U. (Hg.). Handwerker in der Industrialisierung. Lage, Kultur und Politik vom späten 18. bis ins frühe 20. Jahrhundert / U. Engelhardt. – Stuttgart : Klett-Cotta, 1984. – 667 S.
816. Epstein S.R. Craft Guilds, Apprenticeship, and Technological Change in Preindustrial Europe / S.R. Epstein // The Journal of Economic History. 1998. Vol. 58, No. 3. P. 684–713.
817. Epstein S.R. Craft Guilds in the Pre-modern Economy: A Discussion / S.R. Epstein // Economic History Review. 61. 2008. P. 155–174.
818. Epstein S.R. Freedom and Growth : The Rise of States and Markets in Europe, 1300-1750 / S.R. Epstein . – London: Routledge, 2000. – 223 p.

819. Epstein S. R., Haupt H. G., Poni C., Soly H. (red.). Guilds. Economy and Society / S.R. Epstein, H.G. Haupt, C. Poni, H. Soly. – Sevillla Fundación Fomento de la Historia Económica, 1998. – 183 p.
820. Epstein S.R., Prak M. (eds.). Guilds, Innovation and the European Economy, 1400–1800 / S.R. Epstein. M. Prak. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – viii + 352 p.
821. Epstein S.R. Technology, Skills and the Pre-modern Economy in the East and the West: Essays Dedicated to the Memory of S.R. Epstein / S.R. Epstein. – Leiden : Brill, 2013. – 353 p.
822. Epstein K. The Genesis of German Conservatism. / K. Epstein. – Princeton : Princeton University Press, 2015. – 748 p.
823. Farr J.R. Artisans in Europe, 1300-1914 / J.R. Farr. – Cambridge; New York : Cambridge University Press, 2000. – 320 p.
824. Farr J.R. Review of Munck B.d., Kaplan S.L. and Soly H. (Eds.). Learning on the Shop Floor : Historical Perspectives on Apprenticeship / J.R. Farr. – New York and Oxford : Berghahn Books, 2007 // Economic History Review. 62. 1. 2009. P. 235-237.
825. Faulwetter S. Unternehmensentwicklung. München und Mehring. Zur Entwicklung des Gewerberechts in thüringischen Staaten / S. Faulwetter. – Frankfurt, München u.a. : Peter Lang, 2011. – XLVIII, 394 S.
826. Ferguson E.S. Das innere Auge. Von der Kunst des Ingenieurs / E.S. Ferguson. – Basel : Birkhäuser Basel, 1993. – 223 p.
827. Fikenscher G.W.A. Beitrag zur Geschichte der Handwerke und Zünfte : Geschichte der Kaltschmidte, Keßler, jetzt Kupferschmidte des Baiersdorf'schen Circel-Maaßes und des darüber dem Hause Brandenburg zustehenden Schutzes / G.W.A. Fikenscher. Weißenfels : Böse 1803. – 100 S.
828. Firnhaber J.H. Historisch-politische Betrachtung der Innungen und deren zweckmäßige Einrichtung / J.H. Firnhaber. – Hannover : Helwig, 1782. – 118 S.
829. Fischer W. Der Staat und die Anfänge der Industrialisierung in Baden 1800–1850. Bd. 1 : Die staatliche Gewerbepolitik / W. Fischer. Berlin : Duncker & Humblot, 1962. – 402 S.
830. Fischer W. Wirtschaft und Gesellschaft im Zeitalter der Industrialisierung. Aufsätze – Studien – Vorträge / W. Fischer. – Göttingen: Vanderhoeck & Ruprecht, 1972. – 547 S.
831. Fox R.; Guagnini A. Education, technology and industrial performance in Europe : 1850–1939 / R. Fox; A. Guagnini. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – 320 p.
832. Funder L. Aus meinem Burschenleben, mit einem Anhang : Meines Lebens Maienzeit : Gesellenwanderung und Brautwerbung eines grazer Zuckerbäckers, 1862–1869 / L. Funder. Band 45: Damit es nicht verloren geht, hrsg. v. E. Bruckmüller. – Wien : Böhlau Verlag, 2000. – 307 S.
833. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Comparative Perspective: A book of Essays / A. Gerschenkron. – Cambridge, Mass. : Belknap Press of Harvard University Press, 1962. – 456 p.
834. Gessner D. „Industrialisiertes Handwerk“ in der Frühindustrialisierung. Ein Beitrag zu den Anfängen der Industrie am Mittelrhein und Untermain. 1790–1865 / // Archiv für hessische Geschichte und Altertumskunde Neue Folge 40, 1982. S. 251–301.

835. Gestwa K. Proto-Industrialisierung in Russland: Wirtschaft, Herrschaft und Kultur in Ivanovo und Pavlovo, 1741–1932 / . – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. – 680 p.
836. Geyer D. Staatsaufbau und Sozialverfassung. Probleme des russischen Absolutismus am Ende des 18. Jahrhunderts / K. Gestwa // Cahiers du monde russe et soviétique. Année 1966. Volume 7. Numéro 3. P. 366–377.
837. Geyer D. „Gesellschaft“ als staatliche Veranstaltung. Sozialgeschichtliche Aspekte des russischen Behördenstaates im 18. Jahrhundert // D. Geyer (Hg.). Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland. – Köln, 1975. – S. 20–52.
838. Gimpel H. Interview with Thomas W. Malone on “Collective Intelligence, Climate Change, and the Future of Work / H. Gimpel // Business & Information Systems Engineering: 2015. Vol. 57: Iss. 4. P. 275-278.
839. Götz I. Unternehmenskultur: die Arbeitswelt einer Grossbäckerei aus kulturwissenschaftlicher Sicht / I. Götz. Münchner Beiträge zur Volkskunde, Bd. 19. – Münster u.a. : Waxmann, 1997. – 280 S.
840. Goodman J., Honeyman K. Gainful Pursuits : The Making of Industrial Europe. 1600–1914 / . London : Edward Arnold, 1988. – 262 p.
841. Green Economy Policies, Practices and Initiatives. Green economy in the context of sustainable development and poverty eradication. Available at: https://sustainabledevelopment.un.org/partnerships/greeneconomy.
842. Gregory P. Russian National Income, 1885–1913 / P. Gregory. – Cambridge : New York, 1982. – xiv, 359 p.
843. Grober U. Die Entdeckung der Nachhaltigkeit / U. Grober. – München : Kunstmann, 2010. – 300 S.
844. Gronewold E., Ohl G. Bönhasen – Pfuscher – Freimeister: die “handarbeitende Classe“ St.Paulis im 19. Jahrhundert / E. Gronewold, G. Ohl. – Hamburg : im Selbstverlag, 1990. – 46 p.
845. Grootaers D. Histoire de l’enseignement technique et professionnel en Belgique : 1860–1960 / D. Grootaers. – Bruxelles : EVO, 1994. 593 p.
846. Gross H. Selbstverwaltung und Staatskrise in Rußland 1914–1917. Macht und Ohnmacht von Adel und Bourgeoisie am Vorabend der Februarrevolution / H. Gross. – Wiesbaden, 1981. – 175 S.
847. Gutman M. Toward the Modern Economy : Early Industry in Europe. 1500–1800 / M. Gutman. – New York : Alfred A. Knopf, 1988. 257 p.
848. Hahn H.-W. Die Industrielle Revolution in Deutschland / H.-W. Hahn. – München : Oldenbourg Verlag, 2005. – XII, 160 p.
849. Hahn H.-W. Die Industrielle Revolution in Deutschland. Enzyklopädie deutscher Geschichte / H.-W. Hahn. 3. Ausgabe. – München : De Gruyter Oldenbourg Verlag, 2011. – 193 S.
850. Hahn H.-W. Zwischen Fortschritt und Krisen: die vierziger Jahre des 19. Jahrhunderts als Durchbruchsphase der deutschen Industrialisierung / H.-W. Hahn. – München : Stiftung Historisches Kolleg, 1995. – 47 S.

851. Hamburg G.M. Russia's Path Toward Enlightenment: Faith, Politics, and Reason, 1500–1801 / G.M. Hamburg. Yale University Press, 2016. – 900 p.
852. Handbook of Collective Intelligence. Malone T.W., Bernstein M.S. (Eds.). – Cambridge, MA : MIT Press, 2015. – 232 p.
853. Harper D. Working Knowledge. Skill and Community in a Small Shop / D. Harper. – Chicago : University Of Chicago Press, 1987. – 224 p.
854. Hasfeld R. Berufsausbildung im Großherzogtum Baden: zur Geschichte des «dualen Systems» im Handwerk / R. Hasfeld. – Köln [u.a.] : Böhlau. – XII, 457 S.
855. Haumann H. Kapitalismus im zaristischen Staat 1906 – 1917 : Organisationsformen, Machtverhältnisse und Leistungsbilanz im Industrialisierungsprozeß / H. Haumann. – Königstein : Hain, 1980. – 324 S.
856. Haumann H. Unternehmer in der Industrialisierung Rußlands und Deutschlands. Zum Problem des Zusammenhangs von Herkunft und politischer Orientierung / H. Haumann // Scripta Mercaturae. Bd. 20. Heft 1–2. 1986. – S. 143–161.
857. Haupt H.-G. (Hrsg.). Das Ende der Zünfte: ein europäischer Vergleich / H.-G. Haupt. – Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 2002. – 285 S.
858. Haupt H.-G. Neue Wege zur Geschichte der Zünfte in Europa / H.-G. Haupt // Idem. (Hrsg.). Das Ende der Zünfte: ein europäischer Vergleich. – Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 2002. – 285 S. – S. 9–38.
859. Haupt H.-G. Die Werkstatt / H.-G. Haupt // Haupt H.-G. Orte des Alltags. Miniaturen aus der europäischen Kulturgeschichte. – München : Beck, 1994. – 291 S.
860. Hazon F. Storia della formazione tecnica e professionale in Italia. – Roma : Armando, 1991 / F. Hazon. – 159 p.
861. Heller K. Die Geld- und Kreditpolitik des Russischen Reiches in der Zeit der Assignaten (1768–1839/43) / K. Heller. – Wiesbaden : Steiner, 1983. – VI, 273 S.
862. Henning F.-W. Die Industrialisierung in Deutschland 1800 bis 1914 / F.-W. Henning. 9. Auflage. – Paderborn : Schöningh-Verlag, 1995. – 308 S.
863. Herzig A. Kontinuität und Wandel der politischen und sozialen Vorstellungen Hamburger Handwerker 1790–1870 / A. Herzig // U. Engelhardt (Hg.). Handwerker in der Industrialisierung… S. 294-319.
864. Hessische Biografie, Datensatz Nr. 4786: Beilstein, Conrad Friedrich. Available at: http://www.lagis-hessen.de/pnd/118508474.
865. Hickson C.R. and Thompson E.A. A new theory of guilds and European economic development / C.R. Hickson // Expplorations in Economic History. 28 (1991). P. 127-168.
866. Hildermeier M. Bürgertum und Stadt in Rußland 1760–1870. Rechtliche Lage und soziale Struktur / M. Hildermeier. – Köln, Wien : Böhlau Verlag, 1986. – 708 S.
867. Hildermeier M. Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution / M. Hildermeier. – München : C.H. Beck Verlag, 2013. 1504 S.
868. Hogan H. Forging revolution: (metalworkers, managers and the state in St. Petersburg), 1890–1914 / H. Hogan. – Indiana : Bloomington. 1993. – XIV, 319 p.
869. Huber H. Im Mittelalter wurde weniger gearbeitet als heute / H. Huber // Die Presse. 27.02.2013. Available at:

http://diepresse.com/home/wirtschaft/hobbyoekonom/1347291/Im-Mittelalter-wurde-weniger-gearbeitet-als-heute.
870. Hubig Ch. Historische Wurzeln der Technikphilosophie / Ch. Hubig // Christoph Hubig [Hrsg. u.a.]. Machdenken über Technik: Die Klassiker der Technikphilosophie und neuere Entwicklungen. – Berlin : Ed. Sigma, 2013. – S. 19–40.
871. Huisman T.J. Universities: Challenges to the last guild in a new information age / T.J. Huisman // NJAS – Wageningen Journal of Life Sciences, Volume 59, Issues 1–2. March 2012. P. 3–5.
872. Irrgang B. Religion und Technologie. Anmerkungen zu einem eher verdrängten Problem / B. Irrgang // Journal of the European Society for Catholic Theology. 1 (2010). 1. S. 3–23.
873. Irrgang B. Technologietransfer transkulturell. Komparative Hermeneutik von Technik in Europa, Indien und China / B. Irrgang. – Frankfurt a.M. : Peter Lang, 2006. – 248 S.
874. Ivanova N.I. Deutsche Handwerker und Unternehmer in St. Petersburg vom Beginn des 19. Jahrhunderts bis zum Jahre 1913 / N.I. Ivanova // Dittmar Dahlmann u. Carmen Scheide (Hrsg.), „... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat“… – S. 275–312.
875. Jackson M.V. Fraunhofers Spektren. Die Präzisionstechnik als Handwerkskunst / M.V. Jackson. – Göttingen : Wallstein-Verl., 2009. – 295 S.
876. Jans G. 10 Motivations-Tricks der Hahner-Twins: Anna und Lisa Hahner über Running und Marathon / G. Jans. Available at: http://www.ispo.com/knowhow/id_79709534/motivations-tricks-der-hahner-twins-im-running-und-marathon.html.
877. Jones E. The European Miracle: Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia (2rd ed.) / E. Jones. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 344 p.
878. Jörissen J., Kopfmüller J., Brandl V., Paetau M. Ein integratives Konzept nachhaltiger Entwicklung / J. Jörissen, J. Kopfmüller, V. Brandl, M. Paetau. Forschungszentrum Karlsruhe GmbH. – Karlsruhe, 1999. – 200 S.
879. Justi I.H.G. Grundfeste der Macht und Glückseligkeit der Staaten, oder ausführliche Darstellung der gesamten Policey-Wissenschaft / I.H.G. Justi. – Aalen : Scientia Verl., Neudr. d. Ausg. Königsberg, 1760. – 782 S.
880. Justi I.H.G. Grundsätze der Polizeiwissenschaft / I.H.G. Justi. 1., 2. und 3. Aufl. – Göttingen, 1756, 1759, 1782.
881. Kapitalismus und Alternativen. Available at: http://www.bpb.de/apuz/211037/kapitalismus-und-alternativen.
882. Kaplan S.L. Reconsidering Apprenticeship: Afterthoughts / S.L. Kaplan // Economic History Review. 62. 1. 2009. P. 203–215.
883. Karafyllis N.C. (Hg.). Das Leben führen? Lebensführung zwischen Technikphilosophie und Lebensphilosophie / N.C. Karafyllis. Für Günter Ropohl zum 75. Geburtstag. – Berlin : edition sigma, 2014. – 288 S.
884. Karafyllis N.C. Das technische Dasein. Eine phänomenologische Annäherung an technologische Welt- und Selbstverhältnisse in aufklärerischer Absicht / N.C. Karafyllis //

E. Hörl (Hg.). Die technologische Bedingung. Beiträge zur Beschreibung der technischen Welt. – Berlin : Suhrkamp, 2011. – S. 229–266.
885. Karafyllis N.C. Handwerk, Do-it-yourself-Bewegung und die Geistesgeschichte der Technik. Ein philosophischer Werkstattbericht / N.C. Karafyllis // Technik. Zeitschrift für Kulturphilosophie, Heft 2013/2. S. 305–328.
886. Karafyllis N.C. Stichwort „Homo faber/Technik“/ N.C. Karafyllis // Eike Bohlke, Christian Thies (Hg.). Handbuch Anthropologie. – Stuttgart/Weimar : Metzler, 2009. – S. 340–344.
887. Karafyllis N.C., Haar T. (Hg.). Technikphilosophie im Aufbruch / N.C. Karafyllis. Festschrift für Günter Ropohl. – Berlin : edition sigma, 2004. – 278 S.
888. Kaufhold K.H. Das Gewerbe in Preußen um 1800 / K.H. Kaufhold. (Göttinger Beiträge zur Wirtschafts– und Sozialgeschichte, Band 2). – Göttingen : Schwartz, 1978. – 557 S.
889. Kaufhold K. H. Das Handwerk zwischen Anpassung und Verdrängung / K.H. Kaufhold // H. Pohl (Hg.). Sozialgeschichtliche Probleme in der Zeit der Hochindustrialisierung (1870–1914). Paderborn, 1979. – S. 103–141.
890. Keller A. Das Deutsche Theater und die Entwicklung der deutschen Gesellschaft in St. Petersburg im 18. und 19. Jahrhundert. Magisterarbeit / A. Keller. GRIN Verlag, 2001. – 141 S.
891. Keller A.V. Der deutsch-russische Unternehmer Andreas Knauf im Ural. Der Aufstieg / A.V. Keller // Quaestio Rossica. 2013. № 1. S. 144-159.
892. Keller A.V. Der deutsch-russische Unternehmer Andreas Knauf. Der Praktiker im Ural // A.V. Keller. Quaestio Rossica. 2014. № 1. S. 206-218.
893. Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914 / A. Keller. – Frankfurt a. M. u.a. : Peter Lang Verlag, 2002. – 601 S.
894. Keller A. Die Zünfte in Russland und die Anfänge der städtischen Selbstverwaltung / A. Keller // Mittelständische Wirtschaft, Handwerk und Kultur im baltischen Raum. Von der Geschichte zur Gegenwart und Zukunft / Schmidt B. (Hg.). – Hamburg : DOBU, 2006. – 333 S., S. 227–231.
895. Kreittmayr W.X.A.F. Frhr. v. Grundriss des Allgemeinen Deutsch- und Bayerischen Staatsrechts / W.X.A.F. Frhr. v. Kreittmayr. – Frankfurt und Leipzig, 1769. – 537 S.
896. Kienapfel I. Tagungsbericht: «Geschichte des Handwerks – Handwerk im Geschichtsbild». Probleme der Archivierung, Forschung und Vermittlung / I. Kienapfel. 16.09.2013 Berlin // Archivar. Mai 2014. Vol. 67. Issue 2. P. 182–184 // H-Soz-Kult, 08.03.2014. Available at: www.hsozkult.de/conferencereport/id/tagungsberichte-5261.
897. Kiesewetter H. Die Industrialisierung Sachsens. Ein regional-vergleichendes Erklärungsmodell / H. Kiesewetter. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag. 2007. – 630 S.
898. Kirchner W. Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Rußlands 1815–1914 / W. Kirchner. – St. Katharinen : Scripta-Mercaturae-Verl., 1986. – 409 S.
899. Kirchner W. Über das deutsche Unternehmertum und die ökonomische Europäisierung Rußlands / W. Kirchner // D. Dahlmann, C. Scheide (Hg.). „... das einzige Land“… – S. 49–64.

900. Kleinen H. Die Einzelhandelstätigkeit des Handwerks / H. Kleinen. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1963. – VIII, 172 S.
901. Klemisch H., Rauhut I. Wissenslandkarte – Berufsbildung für nachhaltiges Wirtschaften im Handwerk. Schrift zur nachhaltigen Unternehmensentwicklung / H. Klemisch, I. Rauhut. – München und Mehring : Rainer Hampp Verlag, 2009. – VIII, 223 S.
902. Kluge A. Die Zünfte / A. Kluge. 2. Aufl. – Stuttgart : Franz Steiner, 2009. – 522 S.
903. Kocka J. Arbeit im Kapitalismus. Lange Linien der historischen Entwicklung bis heute / J. Kocka. Available at: http://www.bpb.de/apuz/211041/arbeit-im-kapitalismus-lange-linien-der-historischen-entwicklung-bis-heute.
904. Koselleck R. Begriffsgeschichten : Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache / Reinhart Koselleck. Mit zwei Beitr. von Ulrike Spree und Willibald Steinmetz sowie einem Nachw. zu Einl.-Fragmenten Reinhart Kosellecks von Carsten Dutt. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2006. 569 S.
905. Kovrigina V.A. Die Deutschen im Moskauer Handwerk in der zweiten Hälfte des 17. und im ersten Viertel des 18. Jahrhunderts // Hamburger Beiträge zur Geschichte der Deutschen im europäischen Osten, 4 hrsg. v. Norbert Angermann. – Lüneburg 1997. – 44 S.
906. Krempl S.-T. Paradoxien der Arbeit oder: Sinn und Zweck des Subjekts im Kapitalismus / S.-T. Krempl. – Bielefeld : transcript Verlag, 2011. – 339 S.
907. Kriedte P., Medick H., Schlumbohm J. Eine Forschungslandschaft in Bewegung: Die Proto-Industrialisierung am Ende des 20. Jahrhunderts / P. Kriedte, H. Medick, J. Schlumbohm // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte, Bd. 1998/2. S. 9–20.
908. Kriedte P., Medick H., Schlumbohm J. Industrialization before Industrialization / P. Kriedte et al. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – 336 p.
909. Kron G. Growth and decline. Forms of Growth. Estimating Growth in the Greek World / G. Kron // E. Lo Cascio, A. Bresson, F. Velde (eds.). The Oxford Handbook of Economies in the Classical World (Oxford: Oxford University Press).
910. Kurz H.D. Endogenous Growth / H.D. Kurz // Clark D.A. (ed.). The Elgar Companion to Development Studies. – Cheltenham : Edward Elgar, 2006. – 757 p.
911. Kurz H.D., Salvadori N. Endogenous Growth Theory and Development Economics / H.D. Kurz // Dutt A.K., Ros J. (eds.). International Handbook of Development Economics. – Cheltenham : Edaward Elgar, 2008. – P. 207–222.
912. Latham S., Rogers G. Modernism. Evolution of an Idea / S. Latham, G. Rogers. – London : Bloomsbury Publishing, 2015. – 272 p.
913. Lange S. Zur Bildungssituation der Proletarierkinder im 19. Jahrhundert : Kinderarbeit und Armenschulwesen in der sächsischen Elbstadt Pirna / S. Lange. – Berlin : Volk und Wissen, 1978. – 274 S.
914. Lehmann-Carli G., Drosihn Y., Klitsche-Sowitzki U. Russland zwischen Ost und West?: Gratwanderungen nationaler Identität / G. Lehmann-Carli, Y. Drosihn, U. Klitsche-Sowitzki. – Berlin : Frank & Timme GmbH, 2011. – 264 S.
915. Lenger F. Sozialgeschichte der deutschen Handwerker seit 1800 / F. Lenger. – Frankfurt/Main : Suhrkamp, 1988. – 259 S.

916. Lenger F. Polarisierung und Verlag: Schuhmacher, Schneider und Schreiner in Düsseldorf 1816–1861 / F. Lenger // U. Engelhardt (Hg.). Handwerker in der Industrialisierung... – S. 127–145.
917. Lenger F. Zur Sozialgeschichte des rheinischen Stadthandwerks im 19. Jahrhundert / F. Lenger // Rheinische Vierteljahresblätter. 1988. Nr. 52. S. 171–189.
918. Lenger F. Zwischen Kleinbürgertum und Proletariat: Studien zur Sozialgeschichte der Düsseldorfer Handwerker 1816–1878 / F. Lenger. Diss. – Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1986. – 332 S.
919. Lis C., Soly H. Craft Guilds in Comparative Perspective : The Northern and Southern Netherlands, A Survey / C. Lis, H. Soly // Prak et al. (eds.). Craft Guilds in the Early Modern Low Countries… – P. 1–31.
920. Lis C., Soly H. Worthy Efforts: Attitudes to Work and Workers in Pre-Industrial Europe / C. Lis, H. Soly. – Leiden : Brill, 2012. – xiv, 664 pp.
921. Lomtev D. Deutsche in der musikalischen Infrastruktur Russlands / D. Lomtev. – Lage-Hörste : BMV-Verl. Burau, 2012. – 264 S.
922. Lucassen J. (ed.). Global Labour History. A State of the Art / J. Lucassen. – Bern etc. : Peter Lang,, 2006. – 790 p.
923. Lucassen J., Moor T.d., Zanden J.L.v. (eds.). The Return of the Guilds / J. Lucassen, T.d. Moor, J.L.v. Zanden. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 270 p.
924. Lucassen J., De Moor T., and Zanden J.L.van. The Return of the Guilds: Towards a Global History of the Guilds in Pre-industrial Times / J. Lucassen, T.d. Moor, J.L.v. Zanden // International Review of Social History 53. 2008. P. 5–18.
925. Luttwak E. Turbo capitalism. Winners and Losers in the Global Economy / E. Luttwak. – London : Weidenfeld & Nicolson, 1998. – 241 p.
926. Marshall A. Principles of Economics / A. Marshall. London : Macmillan, 1890. – xxviii, 754 p.
927. Marshall A. Principles of Economics / A. Marshall. London: Macmillan and Co. 8th ed. 1920. URL : http://oll.libertyfund.org/titles/1676.
928. Marx C. Wirtschaftliche Netzwerke / C. Marx // Europäische Geschichte Online (EGO), hg. vom Leibniz-Institut für Europäische Geschichte (IEG), Mainz 2012-08-13. Available at: http://www.ieg-ego.eu/marxc-2012-de.
929. Marx K. Das Kapital / K. Marx. 18. Aufl. – Berlin : Dietz 1972. – 955 S.
930. Max Weber zur Russischen Revolution von 1905. Schriften und Reden 1905–1912, hrsg. v. Wolfgang Mommsen in Zusammenarbeit mit Dittmar Dahlmann, MWG I/Bd. 10, – Tubingen : Mohr Siebeck, 1989. – XV, 855 S.
931. McKean R.B. Saint Petersburg between the revolutions: (workers and revolutionaries, June 1907–February 1917) / R.B. McKean. – New Haven, CT : Yale University Press, 1990. – 606 p.
932. McKay J.P. Ausländische Unternehmer im zarischen Rußland 1860–1914 / J.P. McKay // D. Dahlmann, C. Scheide (Hrsg.), „... das einzige Land“.... – S. 65–86.

933. McKay J.P. Pioneers for profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialisation 1885–1913 / J.P. McKay. – Chicago etc. : University of Chicago Press, [1970]. – XIII, 442 p.
934. MacLachlan A.J. Der Übergang vom Handwerker zum Unternehmer in Mainz 1830–1860 / A.J. MacLachlan // Ulrich Engelhardt (Hrsg.). Handwerker in der Industrialisierung. Lage, Kultur, Politik vom späten 18. Bis ins frühe 20. Jahrhundert. – Stuttgart, 1984. – S. 146–164.
935. Mendels F. Proto-Industrialization: The First Phase of the Industrialization Process / F. Mendels // The Journal of Economic History. 1972. Vol. 32. № 1. P. 241–261.
936. Middell M. Kulturtransfer und transnationale Geschichte / M. Middell // M. Middell (Ed.). Dimensionen der Kultur- und Gesellschaftsgeschichte: Festschrift für Hannes Siegrist zum 60. Geburtstag / . – Leipzig : Leipziger Universitätsverlag, 2007. – 408 S. S. 49–69.
937. Minard P. Die Zünfte in Frankreich am Ende des 18. Jahrhunderts: Analyse ihrer Abschaffung / P. Minard // Haupt, H.-G. (Hg.). Das Ende der Zünfte... – S. 181–196.
938. Misik R. Kaputtalismus / R. Misik. – Berlin : Aufbau-Verlag, 2016. – 224 p.
939. MKM Museum Küppersmühle für moderne Kunst, Duisburg. Available at: http://www.museum-kueppersmuehle.de/.
940. Modernisierung durch Transfer im 19. und frühen 20. Jahrhundert / / Hrsg. T. Giaro. – Frankfurt a.M. : Vittorio Klostermann, 2006. – VIII, 344 S.
941. Mohr D. Auseinandersetzungen um Gewerbereformen und um die Einführung der Gewerbefreiheit im Königreich Hannover / D. Mohr. – Göttingen, Univ., Diss., 2001.
942. Mohl R. v. Die Polizei-Wissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates / R.v. Mohr. 3. Aufl., Bd. 2. – Tübingen : H. Laupp, 1866. – 716 S.
943. Mössner U. Das Ende der Gier: nachhaltige Marktwirtschaft statt Turbokapitalismus / U. Mössner. – München : Oekom, 2011. – 213 S.
944. Mokyr J. The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy / J. Mokyr. – Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2002. – 386 p.
945. Mokyr J. The Enlightened Economy: an Economic history of Britain, 1700-1850 / J. Mokyr. – Harmondsworth : Penguin Press, 2004. – 550 p.
946. Mokyr J. The Enduring Riddle of the European Miracle / J. Mokyr. 2002. Available at: https://pdfs.semanticscholar.org/cd8f/1e78fb87473b8325987a30aa575592fa06f5.pdf.
947. Moore J.W. Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism / J. Moore. 2016. Sociology Faculty Scholarship. Paper 1. Available at: http://orb.binghamton.edu/sociology_fac/1.
948. Müller K. Nachholende Modernisierung? Die Konjunkturen der Modernisierungstheorie und ihre Anwendung auf die Transformation der osteuropäischen Gesellschaften / K. Müller // Leviathan Vol. 19. No. 2. 1991. S. 261–291.
949. Mumford L. Mythos der Maschine. Kultur, Technik und Macht / L. Mumford. –Wien : Europaverlag, 1974. – 855 S.
950. Munk B.d. Artisans, Products and Gifts: Rethinking thr History of Material Culture in Early Modern Europe / B.d. Munk // Past and Present. 224. 2014. P. 56–57.

951. Munk B.d. Construction and Reproduction: The Training and Skills of Antwerp Cabinetmakers in the Sixteenth and Seventeenth Centuries / B.d. Munk // Munck B.d., Kaplan S.L. and Soly H. (Eds.). Learning on the Shop Floor... P. 85–110.
952. Munck B.d. Gilding golden ages: perspectives from early modern Antwerp on the guild debate, c. 1450 – c. 1650 / B.d. Munk // European Review of Economic History (2011) Vol. 15 (Iss 2). P. 221–253.
953. Munck B.d. Guilds, Product Quality and Intrinsic Value. Towards a History of Conventions? / B.d. Munk // Historical Social Research, Vol. 36. 2011. No. 4. P. 103–124.
954. Munck B.d. How did guilds define human capital? „Social capital in the creation of human capital“ in Antwerp guilds, 15th and 16th century / B.d. Munk // The Return of the Guilds, Conference of the Global Economic History Network Utrecht, Utrecht University 5-7 October 2006. Available at: http://www.cgeh.nl/return–guilds–programme.
955. Munck B.d., Kaplan S.L., Soly H. (Eds.). Learning on the Shop Floor. Historical Perspectives on Apprenticeship / Munk B.d., S.L. Kaplan, H. Soly. – New York & Oxford : Berghahn Books, 2007. – IX+232 p.
956. Munck B.d. Technologies of Learning. Apprenticeship in Antwerp from the 15th century to the end of the ancien régime / B.d. Munk . – Turnhout : Brepolis Publ, 2007. – XII+306 p.
957. Nachhaltiges Wirtschaften – Stand der Transformation zu einer Green Economy // Walz R., Gotsch M., Gandenberger C., Peters A., Bodenhiemer M., Günther E. – Karlsruhe : Fraunhofer ISI, 2017. – 28 S.
958. Neue Problemperspektiven und neue Erfolgsaussichten für kleinere und mittlere Unternehmen : Festgabe für Prof. Dr. Alfred Gutersohn zum 85. Geburtstag / hrsg. von Hans Jobst Pletner. – Berlin; München; St. Gallen : Duncker u. Humblot, 1989 (Internationales Gewerbearchiv. Sonderheft 3). – 103 S.
959. Newton L. Capital Networks in the Sheffield region, 1850–1885 / L. Newton // J. F. Wilson and A. Popp, eds. Industrial Clusters and Regional Business Networks in England, 1750–1970. Aldershot : Ashgate, 2003. P. 130–164.
960. North D. Structure and Change in Economic History / D. North. – New York : Norton, 1981. – 228 p.
961. Novak Clinkscale M. Makers of the Piano: 1820-1860 / Clinkscale M. Novak. Vol. 2. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – 487 p.
962. Ogilvie S. Can We Rehabilitate the Guilds? A Sceptical Re-Appraisal / S. Ogilvie. 2007. URL: https://doi.org/10.17863/CAM.5174
963. Ogilvie S. Guilds, efficiency, and social capital: evidence from German proto-industry / S. Ogilvie // Economic History Review. 57 (2). 2004. P. 286–333.
964. Ogilvie S.C. Proto-Industrialization in Germany / S. Ogilvie // Sheilagh C. Ogilvie and Markus Cerman (eds.) : European Proto-Industrialization. – Cambridge : Cambridge University Press; 2nd edition, 1996. – 288 p. – P. 118-136.
965. Ostrom E. A general framework for analyzing sustainability of social-ecological systems / E. Ostrom // Science. 2009. 325(5939). P. 419–422.

966. Ostrom E. Understanding institutional diversity / E. Ostrom. – Princeton : Princeton University Press, 2005. – 355 p.
967. Petersen S. Vom „Schwachstarktastenkasten“ und seinen Fabrikanten. Wissensräume im Klavierbau 1830 bis 1930 / S. Petersen. – Münster : Wachsmann Verlag, 2011. – 269 S.
968. Pierenkemper T. Gewerbe und Industrie im 19. und 20. Jahrhundert / T. Pierenkemper. – München : Oldenbourg, 2007. – VIII, 162 S.
969. Pierenkemper T. Technik in der industriellen Revolution. Wirtschaftshistorische Gedanken zum deutschen Fall / T. Pierenkemper // König W., Schneider H. (Hrsg.). Die technikhistorische Forschung in Deutschland vor 1800 bis zur Gegenwart. – Kassel : Kassel University Press GmbH, 2007. – 378 p. – S. 257–284.
970. Pintner W.M. Russian Economic Policy unter Nicolas I. / W.M. Pintner. – Ithaca/USA 1967. – X, 291 p.
971. Pipes R. Social Democracy and the St. Petersburg labor movement, 1885–1897 / R. Pipes. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1963. – 63, x1 + 154 p.
972. Polanyi M. Implizites Wissen / M. Polanyi. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1985. – 94 p.
973. Popp A., Wilson J. Conclusion // Industrial Clusters and Regional Business Networks in England, 1750-1970 / A. Popp, J. Wilson, edited by John Wilson and Andrew Popp. – Aldershot, Hampshire : Ashgate, 2003. – P. 271–283.
974. Portal R. Die russische Industrie am Vorabend der Bauernbefreiung / R. Portal // Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland, hrsg. v. D. Geyer. Köln : Kiepenheuer und Witsch, 1975. – 412 S. S. 133–163.
975. Prak M., Lis C., Lucassen J., Soly H. (eds.). Craft guilds in the early modern Low Countries: work, power and representation / M. Prak, C. Lis, J. Lucassen, H. Soly. – Aldershot, UK : Ashgate Publishing, 2006. – xii + 269 p.
976. Propris de L., Lazzeretti L. Measuring the Decline of a Marshallian Industrial District: The Birmingham Jewellery Quarter / L. De Propris, L. Lazzeretti // Regional Studies. 2009. 43:9. Pp. 1135-1154.
977. «Proto-Industrialization». Franklin Mendels, reply by Lawrence Stone // The New York Review of Books. October 25, 1984 ISSUE. Available at: http://www.nybooks.com/articles/1984/10/25/proto-industrialization/.
978. Pusterla M. (Hg.). Die Basler Zünfte: Geschichte und Entwicklung der Zünfte, Ehren- und Vorstadtgesellschaften von 1226 bis heute / M. Pusterla. – Basel : Spalentor-Verl. 2008. – 127 S.
979. Puttkamer J.v. Die Anfänge der russischen Arbeiterschutzgesetzgebung und ihre westeuropäischen Vorbilder / J.v. Puttkamer // Reformen in Rußland des 19. und 20. Jahrhunderts: Westliche Modelle und russische Erfahrungen, hrsg. v. Dietrich Beyrau u.a. Frankfurt/Main, 1996. S. 85–107.
980. Puttkamer J.v. Fabrikgesetzgebung in Rußland vor 1905 : Regierung und Unternehmerschaft beim Ausgleich ihrer Interessen in einer vorkonstitutioneller Ordnung / J.v. Puttkamer. (Beiträge zur Geschichte Osteuropas Bd. 20). – Köln : 1996. – XII, 506 S.
981. Quandt S. (Hg.). Kinderarbeit und Kinderschutz in Deutschland 1783–1976 : Quellen und Anmerkungen / S. Quandt. (Geschichte – Politik. Materialien und Forschung, Hg. v. Günter

C. Behrmann, Karl–Ernst Jeismann, Erich Kosthorst u.a.). – Paderborn : F. Schöningh, 1978. – 157 S.
982. Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth- Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach / M. Raeff // The American Historical Review. Vol. 80. Nr 5 (Dec. 1975). P. 1221–1243.
983. Randeria S. Verwobene Moderne: Zivilgesellschaft, Kastenbindungen und nicht-staatliches Familienrecht im (post)kolonialen Indien / S. Randeria // Randeria S. (Ed. at all). Konfigurationen der Moderne: Diskurse zu Indien, Soziale Welt Sonderband 15. – Baden-Baden : Nomos, 2004. – S. 155–178.
984. Rapp F., Ropohl G. Historische und systematische Übersicht / F. Rapp, G. Ropohl // In: Hubig C. (Hrsg. u.a.). Machdenken über Technik : Die Klassiker der Technikphilosophie und neuere Entwicklungen. – Berlin : Ed. Sigma, 2013. – S. 41–54.
985. Rasch G. Die Gewerbe-Gesetzgebung des Preussischen Staates, mit allen darauf bezüglichen bis heute ergangenen abändernden und ergänzenden Bestimmungen / G. Rasch. – Berlin : H. Bieler, 1857. – 445 S.
986. Reith R., Grießinger A. Lehrlinge im deutschen Handwerk des ausgehenden 18. Jahrhunderts. Arbeitsorganisation, Sozialbeziehungen und alltägliche Konflikte / R. Reith, A. Grießinger // Zeitschrift für historische Forschung. Jg. 13. 1986. – S. 149–199.
987. Reith R. Arbeits- und Lebensweise im städtischen Handwerk: zur Sozialgeschichte der Augsburger Handwerksgesellen im 18. Jahrhundert (1700–1806) / R. Reith . Diss. – Konstanz, 1988.
988. Reith R. Zur beruflichen Sozialisation im Handwerk vom 18. bis ins frühe 20. Jahrhundert, Umrisse einer Sozialgeschichte der deutschen Lehrlinge / R. Reith // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. 76. 1989. – S. 1–27.
989. Reith R. (Hrsg. u. Autor mehrerer Beiträge). Lexikon des alten Handwerks. Vom späten Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert / R. Reith. – München : Beck, 1990. – 325 S.
990. Reith R. Arbeitsmigration und Gruppenkultur deutscher Handwerksgesellen im 18. und 19. Jahrhundert / R. Reith // H.-G. Haupt (Hg.). Städtische Bevölkerungsentwicklung in Deutschland im 19. Jahrhundert. Soziale und demographische Aspekte der Urbanisierung im internationalen Vergleich. St. Katharinen, 1994. – S. 1–26.
991. Reith R. Technische Innovationen im Handwerk der Frühen Neuzeit? Traditionen; Probleme und Perspektiven der Forschung / R. Reith // K. H. Kaufhold, W. Reininghaus. Stadt und Handwerk in Mittelalter und früher Neuzeit. – Köln, Weimar : Böhlau, 2000. – X, 312 p. – S. 21–60.
992. Reith R., Meyer T. Luxus und Konsum – eine historische Annäherung / R. Reith, T. Meyer. (Cottbuser Studien zur Geschichte von Technik, Arbeit und Umwelt, Bd. 21). – Münster; New York; München ; Berlin : Waxmann, 2003. – 256 S.
993. Reith R. Art. Werkstatt / R. Reith // Enzyklopädie der Neuzeit. 14. 2011. – Sp. 986–989.
994. Reith R., Pichler R., Dirninger C. (Hg.). Innovationskultur in historischer und ökonomischer Perspektive. Modelle, Indikatoren, und regionale Entwicklungslinien / R. Reith, R. Pichler, C. Dirninger. – Innsbruck ; Wien ; München ; Bozen : Studien-Verl., 2006. – 256 S.

995. Reith R., Dahlmann D. (Hg.). Elitenwanderung und Wissenstransfer im 19. und 20. Jahrhundert (Migration in Geschichte und Gegenwart) / R. Reith, D. Dahlmann. – Essen : Klartext, 2008. – 249 S.
996. Reith R. Mitschrift von Johann Beckmanns Vorlesung zur Kameral- und Polizeiwissenschaft entdeckt – und digitalisiert / R. Reith. Available at: https://www.uni-salzburg.at/index.php?id=23353.
997. Reininghaus S.W. Gewerbe in der frühen Neuzeit / S.W. Reininghaus. München : Oldenbourg, 1990. – IX, 141 S.
998. Reininghaus W. (Hrsg.). Zunftlandschaften in Deutschland und den Niederlanden im Vergleich / W. Reininghaus. – Münster : Aschendorff, 2000. – 151 S.
999. Rentzsch H. Gewerbefreiheit und Freizügigkeit : Mit bes. Berücksichtigung der gewerblichen Zustände im Königreich Sachsen und des Gewerbegesetz-Entwurfes von 1860 nach statist. Quellen bearb. / H. Rentzsch. Dresden : Am Ende, 1861 – 209 S.
1000. Rentzsch H. Zünfte oder Gewerbefreiheit / H. Rentzsch. – Dresden, 1862.
1001. Resasade H. Zur Kritik der Modernisierungstheorien: Ein Versuch zur Beleuchtung ihres methodologischen Basissyndroms / H. Resasade. – Opladen : Leske + Budrich, 1984. – 203 p.
1002. Review: Grant J.A. // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History 3.3 (2002) 533-536. Available at: https://muse.jhu.edu/article/18754/summary.
1003. Riehl W.H. Die Deutsche Arbeit / W.H. Riehl. – Stuttgart : Cotta'sche Buchhandlung, 1861. – X+330 S.
1004. Richardson G. A Tale of Two Theories: Monopolies and Craft Guilds in Medieval England and Modern Imagination / G. Richardson // Journal of the History of Economic Thought. 23. 2001. P. 217–242.
1005. Richardson G. Guilds, laws, and markets for manufactured merchandise in late–medieval England / G. Richardson // Explorations in Economic History. 41. 2004. P. 1–25.
1006. Rieber A. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia / A. Rieber. – Chapel Hill (N. C.) : University of North Carolina Press, 1982. – 464 p.
1007. Rifkin J. The Empathic Civilization : The Race to Global Consciousness In a World In Crisis / J. Rifkin. – NY : Tarcher Perigee, 2010. – 688 p.
1008. Rifkin J. The Third Industrial Revolution: How Lateral Power is Transforming Energy, the Economy, and the World / J. Rifkin. – Palgrave Macmillan, 2011. – 304 p.
1009. Rifkin J. Die Null-Grenzkosten-Gesellschaft. Das Internet der Dinge, kollaboratives Gemeingut und der Rückzug des Kapitalismus / J. Rifkin. – Frankfurt/M. ; New York, NY : Campus-Verl., 2014. – 525 S.
1010. Rifkin J. The Zero Marginal Cost Society: The internet of things, the collaborative commons, and the eclipse of capitalism / J. Rifkin. – Hampshire : Palgrave Macmillan, 2014. – 356 p.
1011. Roelcke E. «Verachtet mir die Meister nicht» / E. Roelcke // Deutschlabdfunk Kultur. Unter der Rubrik: Tradition und Wirklichkeit des Handwerks. Available at: http://www.deutschlandfunkkultur.de/tradition-und-wirklichkeit-des-handwerks-verachtet-mir-die.1024.de.html?dram:article_id=343339.

1012. Rosser G. The Art of Solidarity in the Middle Ages. Guilds in England 1250–1550 / G. Rosser. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 235 p.
1013. Roussanova E. „Deshalb ist mir um meinen Ruhm nicht bange ...“ / E. Roussanova – Zum 100. Todestag des deutsch-russischen Chemikers Friedrich Konrad Beilstein (1838–1906). Begleitheft zur Ausstellung in der Bereichsbibliothek Chemie (BBN) der Niedersächsischen Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen vom 26. Oktober bis 27. November 2006 und in der Bibliothek des Departments Chemie der Universität Hamburg vom 8. bis 22. Dezember 2006. – Norderstedt; Hamburg, 2006. – 124 S.
1014. Roussanova E. Friedrich Konrad Beilstein : Chemiker zweier Nationen. Sein Leben und Werk sowie einige Aspekte der deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen in der zweiten Hälfte des 19 Jahrhunderts im Spiegel seines brieflichen Nachlasses / E. Roussanova. Hamburg : Norderstedt, 2007. – 685 S.
1015. Ruckmann J. The Moscow Business Elite : A Social and Cultural Portrait of Two Generations. 1840-1905 / J. Ruckmann. – DeKalb, Ill. : Northern Illinois UP, 1984. – 288 p.
1016. Sabel C.F., Zeitlin J. Historical Alternatives to Mass Production: Politics, Markets and Technology in Nineteenth Century Industrialization / C.F. Sabel, J. Zeitlin // Past & Present. Vol. 108. Issue 1 August 1985. P. 133–176.
1017. Sabel C.F., Zeitlin J. (eds.). World of Possibilities : Flexibility and Mass Production in Western Industrialization / C.F. Sabel, J. Zeitlin. – New York : Cambridge University Press, 1997. – 510 p.
1018. Sack F. Integration und Anpassung des Handwerks in der industriellen Gesellschaft. Dargestellt am Schreinerhandwerk in Deutschland / F. Sack. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1966. – VIII, 278 S.
1019. Saunders D. Russia in the Age of Reaction and Reform, 1801–1881 / D. Saunders. – London/New York : Longman, 1992. – 400 p.
1020. Scheidler F. Das Ende der Megamaschine / F. Scheidler. – Wien : Promedia, 2015. – 272 S.
1021. Scherer H. Der Aufbruch aus der Mangelgesellschaft. Die Industrialisierung Rußlands unter dem Zarismus (1860–1914) / H. Scherer. Giessen : Focus-Verlag, 1985. – 350 S.
1022. Scherer J. Kulturologie. Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität / J. Scherer. – Göttingen : Wallstein Verlag, 2003. – 188 S.
1023. Schlagenhauf W. Historische Entwicklungslinien des Verhältnisses von Realschule und technischer Bildung: von den Anfängen bis zur Mitte des 20. Jahrhunderts / W. Schlagenhauf. – Frankfurt am Main u. a. : Peter Lang, 1997. – XV, 496 S.
1024. Schmid K.-P. Bechstein: Wohlklang aus Seifhennersdorf / K.-P. Schmid // URL: zeit.de. 23. April 1998.
1025. Schulte to Bühne J. Das Bäckerhandwerk 1896 bis 1996 am Beispiel der Stadt Münster / J. Schulte to Bühne. – Münster, 2000. – 216 S.
1026. Schulz K. Handwerk, Zünfte und Gewerbe: Mittelalter und Renaissance. Eine Wirtschaftsgeschichte 800–1800 / K. Schulz. – Darmstadt : WBG, 2010. – 304 S.

1027. Schwarz G. „Nahrungsstand“ und „erzwungener Gesellenstand“: Mentalité und Strukturwandel des bayerischen Handwerks im Industrialisierungsprozeß um 1860 / G. Schwarz. – Berlin : Duncker und Humblot, 1974. – 264 S.
1028. Sedatis H. Liberalismus und Handwerk in Südwestdeutschland: Wirtschafts- und Gesellschaftskonzeptionen des Liberalismus und die Krise des Handwerks im 19. Jahrhundert / H. Sedatis. – Stuttgart : Klett-Cotta, 1979. – 243 S.
1029. Sennett R. The Craftsman / R. Sennett. – New Haven : Yale University Press, 2008. – 326 p.
1030. Seumer M. Vom Reinigungsgewerbe zum Gebäudereiniger-Handwerk: die Entwicklung der gewerblichen Gebäudereinigung in Deutschland (1878 bis 1990) / M. Seumer. – Wiesbaden : Franz Steiner Verlag, 1998. – X, 393 S.
1031. Share M. The Central Workers Circle of St. Petersburg, 1889–1894 : A Case study of the "Workers' Intelligentsia" / M. Share. – New York and London : Routledge, 1987. – 396 p.
1032. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / A. Smith. – London : W. Strahan and T. Cadell, 1776. – 744 p.
1033. Spree R. Das Wachstum von Volkswirtschaften. Theorie und historische Erfahrung / R. Spree // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1994. Nr. 1. S. 109–130.
1034. Spree R. Business Cycles in History / R. Spree // Munich Discussion Paper. No. 2001-1. Munich, 2002. – P. 11–12.
1035. Sprenger R. Die hohe Kunst der Herrenkleidermacher Tradition und Selbstverständnis eines Meisterhandwerks / R. Sprenger. – Wien; Köln; Weimar : Böhlau, 2009. – 242 S.
1036. Spur G. Vom Wandel der industriellen Welt durch Werkzeugmaschinen, eine kulturgeschichtliche Betrachtung der Fertigungstechnik / G. Spur. – München, Wien : Hanser, 1991. – 628 S.
1037. Steffens S. Schneiderei, Konfektion, Heimarbeit. Aspekte des Zerfalls und der Umstrukturierung eines städtischen Handwerks in Belgien (19. bis Frühen 20. Jahrhundert) / S. Steffens // Tijdschrift Voor Sociale Geschiedenis. 20. 1994. S. 428–460.
1038. Steffens T. Die Arbeiter von Petersburg 1907 bis 1917. Soziale Lage, Organisation und spontaner Protest zwischen zwei Revolutionen / . – Freiburg : Univ., Diss., 1985. – 641 S.
1039. Steidl A. Auf nach Wien!: die Mobilität des mitteleuropäischen Handwerks im 18. und 19. Jahrhundert am Beispiel der Haupt- und Residenzstadt / A. Steidl. – Wien : Böhlau, 2003. – 233 S.
1040. Steidl A. Between home and workshop. Regional and social mobility of apprentices in 18th and 19th centuries Vienna / A. Steidl // Les intermédiaires du travail. Acteurs du recrutement et de la gestion des travailleurs, (XVIe-XXIe siècle) – Nouvelles approches et nouveaux objets du fait religieux en sciences sociales – Varia. 2017: 129-131. Available at: https://mefrim.revues.org/2491.
1041. Steiner B. Die Nebenfolgen in der Geschichte. Eine historische Soziologie reflexiver Modernisierung / B. Steiner. Mit einem Begleitwort von Ulrich Beck // (Historische

Zeitschrift. Beihefte N. F. 65, eds. Andreas Fahrmeir und Lothar Gall). – Berlin ; München ; Boston : Walter De Gruyter, 2015. – 141 S.
1042. Sterne des Handwerks 2016. Available at: http://www.zorn.mercedes-benz.de/de/desktop/about-us/news-overview/sterne-des-handwerks-2016.html.
1043. Stolleis M. Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland: Bd. 2. Staatsrechtslehre und Verwaltungswissenschaft, 1800–1914 / M. Stolleis. – München : C.H.Beck, 1992. – 486 S.
1044. Stolz S. Die Handwerke des Körpers: Bader, Barbier, Perückenmacher, Friseur; Folge und Ausdruck historischen Körperverständnisses / S. Stolz. – Marburg : Jonas, 1992. – 352 S.
1045. Storch H. Gemählde von St. Petersburg / H. Storch. Teil 2. – Riga : J.F. Hartknoch, 1794. – 522 S.
1046. Stüben I. Das deutsche Handwerk: der große Befähigungsnachweis (Meisterbrief) als Kriterium des Marktzutritts / I. Stüben. – Magdeburg : docupoint, 2007. – 532 S.
1047. Summerfield P. Technical education and the state since 1850: historical and contemporary perspectives / P. Summerfield. – Manchester : Manchester University Press, 1990. – 223 p.
1048. Surh G.D. 1905 in St. Petersburg: labor, society and revolution / G.D. Surh. – Stanford : Stanford University Press, 1989. – 456 S.
1049. The Cambridge History of Russia. Volume 2: Imperial Russia, 1689–1917. Edited by Dominic Lieven, London School of Economics and Political Science. – Cambridge University Press, 2006. – 794 p.
1050. The Return of the Guilds, Conference of the Global Economic History Network Utrecht, Utrecht University 5–7 October 2006. Available at: http://www.cgeh.nl/return–guilds–programme.
1051. The Wedgwood Family Blog. Available at: http://wedgwoodfamily.blogspot.ru/2007/04/churchyard-house-and-pottery-works.html.
1052. Thomas M. Neustart Transformation, oder Hip Hop an der Elbe? Große Theorien und kleine Gemeinschaften. Einleitung / M. Thomas // M. Thomas (Hg.). Transformation moderner Gesellschaften und Überleben in alten Regionen : Debatten und Deutungen. Texte aus dem Brandenburg-Berliner Institut für Sozialwissenschaftliche Studien (Bd. 3), Brandenburg-Berliner Institut für Sozialwissenschaftliche Studien. – Münster u.a. : LIT Verlag, 2011. – 266 S. – S. 9–28.
1053. Thompson E.P. The Making of the English working class / E.P. Thompson. – New-York : Vintage Books, 1966. – 848 p.
1054. Thompson E.P. Time, Work-Discipline, and Industrial Capitalism / E.P. Thompson // Past and Present. 38. 1967. – P. 56–97.
1055. Tuchtenhagen R. Bildung als Auftrag und Aufgabe. Deutsche Schulen in St. Petersburg 1704–1934 / R. Tuchtenhagen // Deutsche in St. Petersburg und Moskau vom 18. Jahrhundert bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Nordost-Archiv. NF Bd. III/1994 Heft 1. – S. 63–87.

1056. Tuchtenhagen R. Osteuropäische Geschichte en panne / R. Tuchtenhagen // Osteuropa. 5. 1999. S. 518–526.
1057. Uhl K. Räume der Arbeit: Von der frühneuzeitlichen Werkstatt zur modernen Fabrik / K. Uhl // Europäische Geschichte Online (EGO), hg. vom Leibniz-Institut für Europäische Geschichte (IEG), Mainz 2015-11-03. Available at: http://www.ieg-ego.eu/uhlk-2015-de.
1058. Ure A. The philosophy of manufactures; or, An exposition of the scientific, moral, and commercial economy of the factory system of Great Britain / A. Ure. Available at: https://archive.org/details/philosophymanuf00uregoog.
1059. Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch / M. Vasmer. Bd. 1–3. – Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1953, 1955, 1958. – Bd. 1–3. – 712, 712, 697 S.
1060. Vašek T. Work, Life, Bull, Shit. Warum die Trennung von Arbeit und Leben in die Irre führt / T. Vašek. – München : Riemann Verlag, 2013. – 287 S.
1061. Vogler G. Europas Aufbruch in die Neuzeit : 1500–1650 / G. Vogler. Stuttgart : Ulmer 2003. – 528 S.
1062. Wadauer S. Die Tour der Gesellen: Mobilität und Biographie im Handwerk vom 18. bis zum 20. Jahrhundert / S. Wadauer. – Frankfurt am Main; New York : Campus, 2005. – 418 S.
1063. Walter F. Bauwerke der Kurfürstenzeit in Mannheim / E. Walter. – Augsburg : Dr. B. Filser, 1928. – 86 S.
1064. Wernet W. Geschichte des Handwerks in Deutschland / W. Wernet. Dortmund, 1953. 136 S.
1065. Wernet W. Handwerk im Widerstreit der Lehrmeinungen: das neuzeitliche Handwerksproblem in der sozialwissenschaftlichen Literatur (Forschungsberichte aus dem Handwerk. 3) / W. Wernet. – Münster /Westf. : Handwerkswissenschaftl. Institut, 1960. – 131 S.
1066. Wernet K.F. Handwerksgeschichte als Forschungsgegenstand / K.F. Wernet. Tl. 1, 2. – Münster/Westf. : Handwerkswissenschaftl. Institut Münster, 1961. –203 S., 248 S.
1067. Wernet W. Kurzgefasste Geschichte des Handwerks in Deutschland / W. Wernet. Vierte Auflage. – Dortmund : Verlagsanstalt des Westdeutschen Handwerks, 1963. – 238 S.
1068. Wernet W. Zur Abgrenzung von Handwerk und Industrie. Die wirtschaftlichen Zusammenhänge in ihrer Bedeutung von Abgrenzungsfragen / W. Wernet. (Forschungsberichte aus dem Handwerk, Bd. 11). – Münster/W., 1965.
1069. Wernet W. Wettbewerbs– und Absatzverhältnisse des Handwerks in historischer Sicht Bd. 1: Nahrung, Getränke, Genußmittel / W. Wernet. – Berlin : Duncker u. Humblot, 1967. – 472 S.
1070. Wischermann C., Nieberding A. Die institutionelle Revolution. Eine Einführung in die deutsche Wirtschaftsgeschichte des 19. und frühen 20. Jahrhunderts / C. Wischermann, A. Nieberding. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2004. – 309 S.
1071. Wissel E. Die Entwicklung des Nürnberger Gewerbes zwischen 1648 und 1806 / E. Wissel. – Stuttgart : G. Fischer, 1968. – XV, 212 S.

1072. Wissel E. Des alten Handwerks Recht und Gewohnheit / E. Wissel. Bd. 1–2. – Berlin : : Colloquium-Verl., 1971, 1974. – XII, 524 S.; X, 589 S.
1073. Wissenschaftsbeziehungen im 19 Jahrhundert zwischen Deutschland und Russland auf den Gebieten Chemie, Pharmazie und Medizin. Personendatenbank. Beilstein, Friedrich Konrad. Available at: http://drw.saw-leipzig.de/10014.html.
1074. Woolley A.W., Ishani A., and Malone T.W. Collective Intelligence and Group Performance. Current Directions / A.W. Woolley // Psychological Science. Vol. 24. No. 6. 2015. P. 420–424.
1075. Zelnik R.E. Labor and Society in Tsarist Russia. The Factory Workers of St. Petersburg 1855–1870 / R.E. Zelnik. – Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1971. – 450 p.
1076. Zentralverband des deutschen Handwerks. Beschäftigte / Umsätze. Available at: https://www.zdh.de/daten-fakten/betriebszahlen/beschaeftigte-umsaetze.html.
1077. Ziegler D. Die Industrielle Revolution / D. Ziegler. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005. – VII, 152 S.

Рукописи (диссертационные и дипломные работы)

1078. Агулина С.В. Становление и развитие воспитательно-благотворительных учреждений для детей в России, середина XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Агулина Светлана Вячеславовна. М., 1996.
1079. Алимова Л.Б. Художественная промышленность России XVIII – начала XX веков: производство декоративно–прикладной роскоши: автореф. дис. ... д–р ист. наук / Алимова Лилия Баторгалиевна. Челябинск, 2007.
1080. Антонов О.Ю. Развитие кустарных промыслов Воронежской губернии во второй половине XIX–начале XX веков: автореф. дис. … канд. ист. наук / Антонов Олег Юрьеви. М., 2014.
1081. Ватутина В.В. Социально–экономическая трансформация кустарных промыслов Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX столетий: автореф. дис. … канд. ист. наук / Ватутина Виктория Владимировна. Орел, 2010.
1082. Волобуева Т.О. Эволюция городского костюма как отражение модернизационных процессов в российском обществе второй половины XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Волобуева Татьяна Олеговн. М., 2008.
1083. Гонтарь С.М. Генезис творчества художников и мастеров фирмы Фаберже: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Гонтарь Сергей Михайлович. СПб., 2000.
1084. Дорина Е.М. Кустарная промышленность Московской губернии в конце XIX – начале XX веков. Проблема капитализации и модернизации: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Дорина Елена Михайловна. Рязань, 2010.
1085. Ермакова О.К. Западноевропейские специалисты на казенных заводах Урала в первой половине XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук / Ермакова Ольга Константиновна. Екатеринбург, 2013.
1086. Кашаева Ю.А. Кустарные промыслы Пермской губернии (конец 1880–х–1914 г.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Кашаева Юлия Анатольевна. Пермь, 2007.

1087. Киселев М.А. Возникновение российского промышленного законодательства в 1-й четверти XVIII в.: автореф. дис. … канд. ист. наук / Киселев, Михаил Александрович. Екатеринбург, 2010.
1088. Мельникова О.Н. Из истории развития часового производства в России: XVIII – начало XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук / Мельникова Ольга Николаевна. М., 2004.
1089. Моисеев А.В. Развитие ремесленного образования на Урале в XVII – начале XX вв. (Историко-педагогический аспект): автореф. дис. канд. пед. наук / Моисеев Андрей Викторович. Екатеринбург, 2015.
1090. Ольховая Л.В. Мелкая промышленность Урала XVIII — начала XX в. (1905–1913): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ольховая Л.В. Свердловск, 1964.
1091. Попинова М.В. Развитие воскресных школ в России как формы образования взрослых: Середина XIX - начало XX веков: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Попинова Марина Вячеславовна. Ярославль, 2001. 22 с.
1092. Синова И.В. Дети трудящегося населения в городском российском социуме в 1861–1914 гг.: проблемы девиантности и виктимизации (на материалах Санкт-Петербурга): дис. … д-р ист. наук / Синова Ирина Владимировна. СПб., 2014. 436 с.
1093. Фукленков С.А. Кустарные промыслы Новгородской губернии в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. … канд. ист. наук / Фукленков Сергей Александрович. СПб., 2008.
1094. Черноухов Э.А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы: дис. … д-р ист. наук / Черноухов Эдуард Анатольевич. Екатеринбург, 2017.
1095. Чистова С.М. Отечественная историография городского ремесленного производства России: дис. … канд. ист. наук / Чистова Светлана Михайловна. М., 2010.

Список таблиц

Таблица 1: Ремесленники Адмиралтейства (выборочно), 1715–1721 гг.. 179

Таблица 2: Стратификация городского сословия в Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII–XIX вв. (тыс. муж. пола; %). 281

Таблица 3: Лидирующие губернии по крестьянскому отходу в Петербург в 1869 г.. 387

Таблица 4: Взысканные суммы налогов с иностранных ремесленников-мастеров в российских цехах в 1811–1816 гг.....444

Таблица 5: Взысканные суммы налогов с иностранных ремесленников-подмастерьев в российских цехах 1811–1816 гг.. 445

Таблица 6: Взысканные суммы налогов с иностранных ремесленников-учеников в российских цехах 1811–1816 гг.. 445

Таблица 7: Налоги с ремесленников в иностранных цехах в 1818–1821 гг.. 450

Таблица 8: Списки отдельных цехов Дитмара и Корфа. 454

Таблица 9: Внутрицеховые налоги с иностранных ремесленников в 1849, 1850 и 1851 г.. 459

Таблица 10: Доходы ремесленной казны иностранных ремесленников в 1850 и 1851 г., руб. сер.. 460

Таблица 11: Фортепианные мастерские и фабрики Петербурга в 1863 г.. 477

Таблица 12: Фортепианные мастерские и фабрики Петербурга в 1866 г.. 478

Таблица 13: Основанные промышленные предприятия между 1881 и 1897 гг.. 497

Список рисунков

Рисунок 1: Среднестатистическая частотность употребления слова «Handwerk» (ремесло).....108

Рисунок 2: Российские цехи Санкт-Петербурга всего, 1722–1919.....135

Рисунок 3: Среднестатистическая частотность употребления слова «Werkstatt» (ремесленная мастерская) в немецком языке на 1 млн. токенов, 1600–2000 гг.. 135

Рисунок 4: Среднестатистическая частотность употребления слова «Manufaktur» (мануфактура) в немецком языке на 1 млн. токенов, 1600–2000 гг.. 172

Рисунок 5: Среднестатистическая частотность употребления слова «Fabrik» (фабрика) в немецком языке на 1 млн. токенов, 1600–2000 гг.. 173

Рисунок 6: Мастера российских и иностранных цехов выборочно, 1766 г.....229

Рисунок 7: Мастера российских и иностранных цехов выборочно, 1789/1790 г.....230

Рисунок 8: Число цеховых ремесленников в XVIII в. 231

Рисунок 9: Рабочие мануфактур, фабрик, заводов и ремесленных мастерских Санкт-Петербурга, 1801–1900 гг 389

Рисунок 10: Цеховые ремесленники в XIX веке ..……... 390

Рисунок 11: Динамика роста числа ремесленников в XIX в.…… 391

Рисунок 12: Количество мастеров в иностранных цехах ..…….. 448

Рисунок 13: Количество ремесленников российских цехов и экономические кризисы в России ……..... 508

Рисунок 14: Удельный вес ремесленников к населению города 510

Рисунок 15: Количество ремесленников к общей численности населения Санкт-Петербурга, 1862–1900 гг……... .511

Рисунок 16: Общее число ремесленников, XVIII – начало XX в. ……... 512

Приложения

Приложение № 1

Ремесленные головы и старшины ремесленных цехов 1810-1917 гг.

Время в должности	Имя старшин и их помощников
Немецкие цехи	
1810–1816	Кожевенный мастер Готфрид Симон Гюнтер (Gottfried Simon Günter)
1816–1842	Часовых дел мастер Август Дитмар (August Dittmar)
Русские цехи	
1822–1823	Афанасий Васильевич Панов
1824–1825	Зиберт (Siebert, Seifert)
1829–1835	Трубицын
1836–1840	Илья Титов
2.4.1840–1844	Бардовский
1844–1850	Петр М. Матвеев, товарищи: Ф.Н. Лиман и И.В. Баулин. Н.М. Комаров в управе.
1850–1853	Д.И. Розенберг, товарищи: С.И. Малков и С.Ф. Шишкин
1853–1856	?
1856–1859	Никита Максимович Комаров
1859–1862	А.Т. Устинов
1862–1864	Егор Ефимович Малков
1864–1868	Александр Иванович Блюм; Федор Семенов, Александр Крестьянинов, Федор Чернышев; заседатели: Николай Гибнер, Алексей Осокин, секретарь К. Кульман.
1868–1871	серебряных дел мастер Григорий Григорьевич Петровский
1871 – Oktober 1879	булочник Даниил Петрович Полозов; члены: Н.А. Озерецкий, П.С. Петров, И.И. Александров; заседатели: И.С. Мозжухин, Н.К. Иогансон (1872); П.С. Петров, И.И. Александров, Н.А. Лебедев; заседатели: И.С. Мозжухин, Н.К. Иогансон (1875-1876)
1879 Oktober – 1882	портной Никанор Афанасьевич Лебедев выбран временно ремесленным старшиной; члены: П.С. Петров, заседатели: И. Богданов, Е.И. Танненберг (1880).

1882–1889	Ефрем Иванович Иванов, члены: М. Беляев, М. Дейч, В. Александров; заседатели: Я. Пуса, В. Иванов (1883), бухгалтер В. Седов; заседатели: Я. Пуса, А. Тиландер (1884); члены: А. Детроа, В. Трутнев, Р. Гибнер; заседатели: М. Лихачев, В. Иванов (1886); члены: В. Трутнев, А. Шниринг, В. Титов; заседатели: М. Лихачев, В. Иванов (1887); Трутнев, Р. Гибнер, А. Шниринг; заседатели: М. Лихачев, В. Иванов (1888).
1889–1895	Владимир Емельянович Владимиров; члены: В. Трутнев, А. Шниринг, В. Титов; заседатели: М. Лихачев, В. Иванов.
1896–1897	Цеховой староста И. Астафьев, помощник Е. Малышев, сборщик податей С. Фирсов, цеховой маклер М. Долинский
1897 (август) – 1905 (1903?)	Тимофей Афанасьевич Загребин (1893, 1897 член ревизионной комиссии)
1903, 1905–1909	Александр Алексеевич Иванов, члены: Н. Штурц, А. Жуков, М. Тру, заседатели: Н. Новиков, К. Скворцов (1903); лишь заседатель П. Елисеев и бухгалтер И. Сергиенко (1907)
7. April 1909 – 1912	Фердинанд Фердинандович Николаи; члены: Н. Штурц, А.Я. Шефер, заседатели: Н. Новиков, К. Скворцов, бухгалтер Заварин (1909, 1910).
1912–1914	?
1914–1917	А.Ф. Иванов (1906 – староста серебряно-позументного цеха)

Приложение № 2

Цеховые ремесленники 1766 г.

№	Цех	Немецкие цехи	Российские цехи		Всего
			Вечно-цеховые	Времен-ноцеховые	
1	Золотой и серебряный	76 (1)	12 (1)	6	94
2	Шпажный	7 (2)	-	-	**7**
3	Медно-золоченый	21 (3)	-	-	**21**
4	Медно-котельный	8 (4)	3 (2)	12	**23**
5	Медно-литейный		2 (3)		**2**
6	Медно-чеканный	2 (5)	-	-	**2**
7	Кузнечный	40 (6)	17 (4)	6	**63**
8	Оловяничный	-	1 (5)	-	**1**
9	Слесарный	26 (7)	-	-	**26**
10	Ножевой	1 (8)	-	-	**1**
11	Игольный	1 (9)	-	-	**1**
12	Булавочный	3 (10)	-	-	**3**
13	Токарный	4 (11)	-	-	**4**

№	Цех	Немецкие цехи	Российские цехи		Всего
			Вечно-цеховые	Времен-ноцеховые	
14	Золотошвейный	9 (12)	-	-	**9**
15	Позументный	5 (13)	19 (6)	-	**24**
16	Шляпный	1 (14)	1 (7)	-	**2**
17	Сапожный	65 (15)	75 (8)	53	**193**
18	Скорняжный	6 (16)	6 (9)	-	**12**
19	Портной	145 (17)	28 (10)	4	**177**
20	Перчаточный	11 (18)	-	-	**11**
21	Шапочный	-	11 (11)	3	**14**
22	Рукавичный	-	5 (12)	-	**5**
23	Замшевый	1 (19)	-	-	**1**
24	Тюфячный		1 (13)	-	**1**
25	Пуговичный, шёлковый и гарусный	11 (20)		-	**11**
26	Прядильный		23 (14)	-	**23**
27	Шпалерный	1 (21)	-	-	**1**
28	Красильный	2 (22)	1 (15)	-	**3**
29	Стульный	8 (23)	-	-	**8**
30	Столярный	71 (24)	4 (16)	-	**75**
31	Оконичный	12 (25)	9 (17)	3	**24**
32	Плотничный		2 (18)		**2**
33	Золотарный по полименту	1 (26)	-		**1**
34	Резной и золотарный	1 (27)	-	-	**1**
35	Резной	2 (28)	-	-	**2**
36	Резной деревянный	-	3 (19)		**3**
37	Резной костяной	-	-	4 (20)	**4**
38	Каменно-гранильный		7 (21)		**7**
39	Гончарный		16 (22)	8	**24**
40	Бочарном		1 (23)		**1**
41	Мясной	18 (29)	29 (24)	-	**47**
42	Булочный и хлебный	30 (30)	-	-	**30**
43	Конфектный	3 (31)	-	-	**3**
44	Пряничный	1 (32)	-	-	**1**
45	Калачный	-	1 (25)		**1**
46	Кухмистерный	1 (33)		-	**1**

№	Цех	Немецкие цехи	Российские цехи		Всего
			Вечно-цеховые	Времен-ноцеховые	
47	Ременной	4 (34)	-	-	**4**
48	Седельный	38 (35)	-	-	**38**
49	Каретный	34 (36)	3 (26)	9	**46**
50	Колесный	-	1 (27)		**1**
51	Шорный	4 (37)	-		**4**
52	Стенных и карманных часов	5 (38)	-		**5**
53	Инструментальный	3 (39)	-	-	**3**
54	Живописный	6 (40)	2 (28)	-	**8**
55	Живописный и золотарный	6 (41)	-	-	**6**
56	Статуйный	1 (42)	-	-	**1**
57	Точильный	1 (43)	59 (29)	5	**65**
58	Штукатурный и лепной	2 (44)	2 (30)	-	**4**
59	Обойный	1 (45)	-	-	**1**
60	Трубочистный	6 (46)	-	-	**6**
61	Книжный переплетный	17 (47)	-	-	**17**
62	Пергаментный	1 (48)	-	-	**1**
63	Фонарный	2 (49)	-	-	**2**
64	Карточный	1 (50)	-	-	**1**
65	Мыльный	-	2 (31)	-	**2**
66	Помадный	1 (51)	2 (32)	-	**3**
67	Табакерочный	2 (52)	-	-	**2**
68	Свечно-сальный	-	4 (33)	14	**18**
69	Свечно-восковой		11 (34)	7	**18**
70	Фельдшерный		54 (35)	11	**65**
71	Парикмахерный	41 (53)	1 (36)	21	**63**
Всего		**770**	**418**	**166**	**1354**

Источник: ЦГИА СПб. Ф. 221. Оп. 1. Д. 80; составлено в 1766 г. по ревизским сказкам 1747 и 1764 гг.; 36 российских и 53 немецких или 89 цехов всего, из них 18 смежных.

Приложение № 3

Цеховые и нецеховые ремесленники Санкт Петербурга, 1789/1790 г.

Цех, №	Название	Российские цехи				Немецкие цехи	Всего
		Мастера	Подма-стерья	Учени-Ки	Средняя величина мастерской		
1	Хлебники[1707]	9	-	-	9	77[1708]	**86**
2	Кондитеры[1709]	-	-	-	-	11[1710]	**11**
3	Пирожники[1711]	-	-	-	-	-	**-**
4	Русские конфетчики с пряничниками	13	57	65	10,4	-	**135**
5	Производство макарон и вермишели					5[1712]	
6	Мясники	90	50	50	2,1	20[1713]	**210**
7	Русские харчевни	51	10	15	1,5	-	**76**
8	Поваренное искусство (мастера или повара)[1714]	2				5	**7**
9	Пивовары[1715]	1					**1**
10	Портные[1716]	178	295	365	4,7	210	**1048**
11	Сапожники	255	-	270	2,1	54[1717]	**579**

[1707] Русские хлебники пекут свои хлебы тверже и по большею частию полумесяцем, как то калачи, однако же и других видов. Другие пекут только кислые, ржаные хлебы из решотной муки. Число русских калашников весьма велико, но при всем том записалось пекарями только девятеро (с. 199).

[1708] Немецкие и прочие чужестранные. Они пекут белый крупитчатый хлеб разными видами, и чистый ржаной хлеб, для коего мука высеивается ручным ситом, отчего и называется оный хлеб ситный (с. 198).

[1709] Прянишники причисляются к кондитерам (с. 199).

[1710] Гораздо больше того немцев и французов служит кондитерами при дворе и у знатных господ. Искусственные пирамиды с ландшафтами или с историческими и другими изображениями, также с храмами, эмблемами и прочим, что приближает сие ремесло к художествам, мало употребляется при дворе и на столах вельмож (с. 199).

[1711] Русских пирожников весьма много, поскольку простые пироги из сеяной пшеничной муки, вареные в масле и сале, также маленькие пирожки и пряженцы из теста с рубленым мясом, с рыбою, с яйцами, с кашею, с капустою, с дикими плодами, с репою, с грибами и прочим, составляют всеобщую пищу, а часто и единственное кушанье простого человека. У иностранных печенье пирогов есть постороннее дело хлебников, из коих некоторые делают и пряники, также кондитеров и поваров. Бывает однако ж, что пирожное дело, так как и печенье облатов, есть единственное упражнение бедных людей и вдов. (с. 199).

[1712] Нецеховые.

[1713] Немецкие мясники занимаются большею частию деланием свежих и копченых колбас, подобных брауншвейгским, также копчентем окороков, свиных голов, бычьих языков и говядины (с. 200).

[1714] Публично в трактирах и харчевнях. Трактирщики записаны купцами третьей гильдии и имеют привилегии. Повара в клобах бывают из тамошних служителей. Домашних поваров здесь больше всего мест (с. 200).

[1715] Из здешних трех аглинских и многих немецких записался в гильдии один только русский.

[1716] Сие ремесло имеет здесь отменно много худых мастеров, ибо кроме многих баб и других женщин, делающих женское платье, большая часть господ имеет обученных портных из крепостных своих людей, кои шью ливреи на служителей, также домашнее платье и прочее (с. 201).

[1717] Отсюда данные приводятся с июля 1790 г.

12	Женские башмачники	77	155	116	4,5	-	**348**
13	Производители русских котов[1718]	62	72	54	3,0	-	**188**
14	Шубники	24[1719]	40	60	5,2	-	**124**
15	Кожевники[1720]	-	-	-	-	-	**-**
16	Перчаточники	11[1721]	-	-	11	14	**25**
17	Шапошники	39	50	-	2,3	21	**110**
18	Шляпники	20	33	32	4,3	7	**92**
19	Работающие вату[1722]						
20	Производство тюфяков	3	-	-	3	-	**3**
21	Позументщики[1723]	75	59	34	2,2	9	**177**
22	Немецкие пуговщики для шитых пуговиц[1724]	-	-	-	-	15	**15**
23	Золотошвеи[1725]						Несколь-ко
24	Красильщики[1726]	6	2	4	2	-	**12**
25	Печатные мастера выбоек и набоек (набойщики)	9	-	-	9	-	**9**
26	Мастерицы модных вещей[1727]	-	-	-	-	-	**-**
27	Перяники и живописцы опахал[1728]	-	-	-	-	-	**-**

[1718] Коты: дамская обувь с низким каблуком, красной оторочкой и шнурками.

[1719] Русские шубники большею частью и торгуют шубами (с. 201).

[1720] Много русских не записавшихся кожевников, кои имеют свои чаны для подметок на рыночных площадях перед лавками или и в своих домах. Есть также несколько русских и немецких сыромятников и клееваров и по крайней мере один для замшей, все не записавшиеся в цехи (с. 201); Сыромятник — «изготовитель кож (без дубления)». Сыромятником называли мастера по выделке особой кожи – сыромяти. Она была грубая, твердая, прочная, только из неё делали конскую упряжь (Ведина Т.Ф. Энциклопедия русских фамилий. Тайны происхождения и значения. М.: АСТ, 2008; Никонов, В.А. Словарь русских фамилий. М.: Школа-Пресс, 1993).

[1721] Русскими перчаточниками делаются для простого народа из черной кожи. Они бывают с большими раструбами и часто весьма красиво вышиты (с. 202).

[1722] Нецеховые, а большая часть пеньковой и бумажной ваты делается гвардейскими солдатами (с. 202).

[1723] Также делают нашивки и тесьмы. Некоторые производят сие ремесло на фабриках (с. 202). В городе имеется шесть позументных фабрик, где работают золотые и серебряные бахромы, гасы и галуны. Они принадлежат купцам, а работа производится наемными мастерами.

[1724] Металлические пуговицы привозятся большею частию из заграницы, делаются также поясными мастерами (с. 202).

[1725] Шитье мишурою здесь даже для театра не употребительно (с. 202).

[1726] Есть многие не записавшиеся русские и иностранные ремесленники, кои красят и перекрашивают шелковые, шерстяные, бумажные и льняные материи (с. 202).

[1727] Производят женский убор: шляпы, чепчики, цветы, накладки, нашивки и прочее по французским, английским и прочим образчикам или рисункам. Сверх того доставляются купцам подобные сему товары от многих господских служанок и горничных (с. 202).

[1728] Немного, поскольку большая часть такого наряда сюда привозится из чужих краев. По той же причине немного мастеров и живописцев опахал, также мастеров парасолей. Отчасти привозятся иностранцами, отчасти производятся на месте и продаются разноскою (с. 202-203). Парасоль – ручной складной щиток, от дождя и солнца; зонтик.

28	Парикмахеры[1729]	43	-	22	1,5	73	**138[1730]**
29	Брадобреи или цирюльники	82	22	33	1,7	12	**149**
30	Помадчики[1731]	41	28	15	2,0	-	**84**
31	Каменщики[1732]	5	-	-	-	-	**5**
32	Каменотесы[1733]	5000	-	-	-	-	**5000 и более[1734]**
33	Аспидный черепичник	1					**1**
34	Стекольщики	85	86	70	1,84	14	**255**
35	Плотники	577	-	-	-	-	**577[1735]**
36	Столяры	124	285	175	4,7	90	**674**
37	Шпалерщики (гобеленщики)	20	19	-	2	4	**43**
38	Свечники	28	14	20	2,2	-	**62**
39	Гребенщики	2	6	-	4	-	**8**
40	Ременщики	57	65	71	3,4	12	**205**
41	Седельники	-	-	-	-	59	**59**
42	Пергаментщики	2	-	-	2	-	**2**
43	Канатчики	32	59	10	3,2	-	**101**
44	Каретники	86	126	123	3,9	43	**378**
45	Стульники	-	-	-	-	15	**15**
46	Бочкари	1	-	-	1	-	**1**
47	Пробочники	9	10	30	5,4	-	**49**
48	Токари	51	22	-	1,4	13	**86**
49	Насосный мастер	1	-	-	1	-	**1**
50	Переплетчики	9	-	-	9	26	**35**
51	Русский цех кузнецов	88	77	53	2,5	60	**278**

[1729] Но как парики здесь мало употребительны, а почти всяк одевающийся в немецкое платье, до самого ремесленного ученика и горнишной девки, должен быть причесан, то в сем цеху главное дело прическа. Сверх же того, не говоря о служителях, коих большая часть умеет причесывать, есть еще великое число настоящих, хотя нецеховых парикмахеров, принадлежащих частию к посадским (с. 203).

[1730] Есть еще великое число настоящих, хотя нецеховых парикмахеров, принадлежащих болшею частию посадским (с. 203).

[1731] Благовонная вода, мыло, пудра, румяна и помада составляют здесь весьма ходячий товар, прокормливающий многих свободных, нецеховых художников. Единственно помадчики записались в русский цех (с. 203).

[1732] Немного немецких, английских и других иностранных мастеров, кои работают свободно. Великое число русских каменщиков. Среди них также полировщики и штукатуры (с. 203-204).

[1733] Как и каменщики большею частью олонецкие крестьяне и горожане, кои живут здесь временно. Они нецеховые и записаны в управе благочиния ради паспортов (с. 204).

[1734] Каменщики и каменотесы.

[1735] Не записанные в цехи. За исключением по одиночке живущих иностранных мастеров, здешние плотники суть крестьяне из разных губерний, умеющие работать топором, бывают они иногда адмиралтейские матросы, а также и здешние посадские. Они работают поодиночке или обществом на подряд (с. 204).

52	Слесарный цех	-	-	-	-	61	**61**
53	Ножовщики	2	-	-	2	-	**2**
54	Шпажники	-	-	-	-	5	**5**
55	Точильщики	48	-	-	48	3	**51**
56	Часовые мастера	3	-	-	3	30	**33**
57	Оловянщики	3	-	-	3	6	**9**
58	Тазники	-	-	-	-	7	**7**
59	Жестянщики	22	64	23	3,95	-	**109**
60	Дробьевые мастера	2	-	-	2	-	**2**
61	Медники	38	45	30	1,5	10	**123**
62	Русские поясники	17	30	30	4,5	7	**84**
63	Игольщики	-	-	-	-	4	**4**
64	Золотых дел мастера и серебряники (в т.ч. мастеров галантерейных вещей и граверов)	44	16	14	1,7	110	**184**
65	Горшечники (в т.ч. гончары и печники)	56	66	17	2,5	-	**139**
66	Сургучники	4	-	-	4	Большое число ино-странных	**4**
67	Цех немецких трубочистов	-	-	-	-	19	**19**
68	Иконописцы	70	45	42	2,2	-	**157**
69	Шпалерщики	23	19		2,2	4	**46**
70	Перяник	1			1	12	**13**
71	Паяльщики	4			4		**4**
72	Галантерейных вещей				-	27	**27**
73	Граверы	-	-	-	-	2	**2**
74	Щеточники				-		Несколь-ко
Итого		**2606**	**1288**	**1843**		**1171**	**6908**[1736]

Георги И.-Г. Описание... Ч. 1. СПб., 1794. С. 236-253 (репринт: СПб., 1996. С. 193-207).

[1736] Без каменщиков и каменотесов.

Приложение № 4

Прошение Е. Гринберга

«Я неоднократно жаловался на нерадение и дерзких поступков моих учеников, из коих двое уже были наказываемы при полиции; в дополнение сего я еще прошение подал в январе сего года на дерзкие поступки Петра Кумова.

В настоящее время еще Иван Петров Лукин зачастую уходит со двора без ведома моего на частную работу и нисколько не исполняет мою волю. А именно 23 января отлучался три раза; приходя в 9 часов вечера в спальню моих учеников его еще не было дома, в 12 же часов ночи я опять справился об нем, но и тогда его еще не было дома, усмотрев у дворника огонь я отправился туда и застал его играющим в карты; за сие поведение я объявил ему выговор и выгнал вон из дворницкой, но он мало того что наговорил мне разного рода дерзости осмелился схватить за грудь с угрозами.

Перед Рождеством тот же Иван Лукин послан был мною с работою в Кадетскую линию в церковь св. Екатерины мученицы[1737]. Сдав работу в продолжительном времени он явился домой и объявил мне явиться за получением денег. Но не имев времени быть 1 января, отправился 31-го, послав его с работою в 12-ю линию, куда он исходил почти полдня; когда же явился к церковному старосте за получением денег, явился им Иван Лукин; на спрос мой, что ему нужно и кто его послал, он мне объявил, что пришел за деньгами, будто бы я о том забыл; пришед домой я ему опять сделал выговор чтобы он без ведома моего не осмеливался ходить за деньгами, но он мне наговорил страшные дерзости и сказал, что не желает у меня более учиться, а желает быть сапожником.

Перетерпев так часто подобного рода неслыханных дерзостей от моих учеников вынуждают меня убедительнейше просить ремесленную управу Ивана Лукина примерно наказать; ибо чрез обманных и дерзких их поступков, я скоро не буду иметь существование»[1738].

[1737] Евангелическо-лютеранская церковь св. Екатерины на Васильевском острове.

[1738] ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 3444. Л. 7. Адрес проживания Гринберга: Васильевская часть, 2 квартал по 3-й линии в доме Семенова № 20.

Приложение № 5

Ремесленники Петербурга 1722-1919 гг.

Год	Российские цехи								Российские цехи всего	Мастера иностран-ных цехов	Цеховые ремеслен-ники всего	Ремеслен-ников всего
	Вечноцеховые				Временноцеховые							
	Мастера	Подмаст.	Ученики	Итого	Мастера	Подмаст.	Ученики	Итого				
1721												**1455[1]-**
1722					-	-	-	**-**	**535[2]**	-		
1724	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**		-	**1566[3]**	**-**
1741[4]	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**642**	399	**1041**	**-**
1742	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**806**	257	**1063**	
1743	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**709[5]**	575	**1284[6]**	**-**
1745									**642**	399	**1041[7]**	
1755											**705[8]**	
1761	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**330**	797	**1127[9]**	**-**

[1] Гайсинович А.И. Цехи в России… С. 539.
[2] Пажитнов. Проблема. С. 48. В это число входило: мастера 82,0%, подмастерья 3,38%, и ученики – 14,62% или соответственно: 439, 18 и 78. Из них иностранцев 387 чел. или 72,34% общего числа цеховых, а русских 148 чел. или 27,66% (Гайсинович А.И. Цехи в России… С. 539).
[3] Пажитнов. Проблема. С. 48, 57. Имеется и другая цифра в 1766 цеховых (Гайсинович А.И. Цехи в России… С. 544).
[4] Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974. С. 34.
[5] Пажитнов. Проблема. С. 57.
[6] Кизеветтер. Посадская... С. 155. Из них 17,6% посадских и 82,4% «непосадских людей», т.е. временноцеховых.
[7] Там же.
[8] Гайсинович А. И. Цехи в России… С. 544.

1766[10]	418	-	-	**-**	166	-	-	**-**	**584**	770	**1354**	**-**
1783	678	-	-	**-**	1554	-	-	**-**	**2232**	ca. 1000	**3232**	**-**
1786[11]	811	-	-	**-**	3058	-	-	**-**	**3869**	1208	**5077**	**-**
1789/ 1790[12]									**5737[13]**	1171	**6908**	**-**
1793	-	-	-	**-**	-	-	-	**317**	**ca. 5500**	ca. 1200	**ca. 6700**	**-**
1796	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**ca. 5086**	-	**-**	**-**
1801	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**10738[14]**	ca. 1500	**12238**	**-**
1803	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**-**	2381[15]	**-**	**-**
1808	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**7823**	ca. 3000[16]	**10823**	**-**
1810	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**-**	1047[17]	**-**	**-**
1811	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**15631[18]**	1048	**16679**	**-**

[9] Полянский Ф. Я. Городское ремесло… С. 133.
[10] ЦГИА СПб. Ф. 221. Оп. 1. Д. 80; составлено 1766 по ревизиям 1747 и 1764 гг.
[11] Туманский Ф. Опыт повествования о [...] Ст. Петербургской губернии [...]. СПб., 1789/90 // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Эрмитаж 558.
[12] Георги И.Г. Описание... СПб.: Лига, 1996. С. 193-207; Указаны как вечные, так и временные цеховые мастера российских цехов: мастеров 2606, подмастерьев 1288, учеников 1843.
[13] Здесь учтены не все ремесленники, так как для некоторых ремесел Георги дает лишь приблизительные сведения: например, пирожников – «весьма много», кожевников – «много», золотошвей – «несколько», перяников и живописцев опахал – «немного», сургучников – «большое число иностранных», щеточников – «несколько».
[14] Башуцкий А.П. Панорама… 1834. С. 84.
[15] РГИА. Ф. 571. Оп. 3. Д. 337. Л. 5.
[16] В это число входят мастера, подмастерья и ученики.
[17] В это число входят 1047 мастеров, 521 подмастерьев и 230 учеников, или 1798 чел. всего; По данным городской думы в немецких цехах должно было быть 3234 ремесленника, после уточнения – 2753: 1527 мастеров, 727 подмастерьев и 469 учеников. От этого числа необходимо было вычесть по требованию ремесленного головы Гюнтера 955 ремесленников или 480 мастеров, 236 подмастерьев и 239 учеников, принявших российское подданство и перешедших в российские цехи. В результате чего оставалось 1798 ремесленников. Несколько позже это число снизилось до 810 ремесленников или 399 мастеров, 279 подмастерьев и 132 учеников (РГИА. Ф. 571. Оп. 3. Д. 337. Л. 58-59); Цифры за период с 1811 по 1815 также взяты из этого архивного дела.
[18] Башуцкий А.П. Панорама… 1834. С. 84.

1812	-	-	-	**2013**[19]	-	-	-	**-**	**-**	910	**-**	**-**
1813	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**-**	860	**-**	**-**
1814	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**-**	822	**11424**	**-**
1815	-	-	-	**6436**	-	-	-	**3732**	**10168**	*820*	***10988***	**-**
1816	-	-	-	**2827**[20]	-	-	-	**-**	**-**	-	**-**	**-**
1817	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**13043**			**-**
1819	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**-**	939[21]	**-**	**-**
1820	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**16000**[22]		**-**	**-**
1821	-	-	-	**4527**	-	-	-	**-**	**7187**[23]	589[24]	**7908**	**-**
1822										721		
1825	3150	-	-	**-**	2536	6440	-	**-**	**-**	965[25]	**-**	**-**
1830	-	-	-	**3640**[26]	-	-	-	**-**	**-**	-	**-**	**-**
1831	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**11795**[27]	-	**-**	**-**

[19] Очерки истории Ленинграда. Т. 1. С. 486, 515. Указано только мужское население.
[20] Копанев А.И. Ремесленники... С. 79.
[21] Шредер Ф.А. Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу, с историческими указаниями: С планом и картинкой. СПб. : печ. при 1-м Кадетском корпусе, 1820. С. 237: «Пекарей 112; цырюльников 4; переплетчиков 12; оружейников 4; конфетчиков 10; токарей 27; мясников 6; делателей бронзовых и позолоченых вещей 24; золотых дел мастеров 106; стекольщиков 4; перчаточников 12; делателей хирургических инструментов 4; клавикордных мастеров 20; жестянников 10; меховщиков 9; медников 16; пуговичников 5; малеров 10; парукмахеров 6; позаментщиков 10; шорников 10; седельников 65; кузнецов 48; слесарей 26; портных 165; трубочистов 14; башмачников и сапожников 45; колесников 36; стульников 4; столяров 75; приготовителей табаку 4; часовщиков 30; оловянишников 6».
[22] Аттенгофер Г.Л. фон. Медико-топографическое описание Петербурга. СПб., 1820. С. 265: «Половина из них иностранцы».
[23] Башуцкий А.П. Панорама... 1834. С. 84.
[24] Рапорт барона Корфа от 10 октября 1842 г. // РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 92: О ревизии иностранной ремесленной управы Корфом в Петербурге. Л. 23.
[25] Кроме 965 мастеров имелось 713 подмастерьев или всего 1.678 цеховых ремесленников в иностранных цехах (РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 435: Список Московской ремесленной управы. Л. 5).
[26] Копанев А.И. Ремесленники... С. 79.
[27] Башуцкий А.П. Панорама… 1834. С. 84.

1832	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**27279**[28]	-	**10121**[29]	**-**
1833[30]	-	-	-	**3954**	-	-	-	**22011**	**25965**	-	**-**	**-**
1834	-	-	-	**5054**	-	-	-	**22101**	**27155**[31]	353	**27508**	**-**
1835[32]	-	-	-	**4015**	-	-	-	**10581**	**14596**	-	**-**	**-**
1836	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**-**	371	**23221**	**-**
1839[33]				**6782**				**16626**	**23408**			
1840[34]	3468							**17584**		1300[35]		
1841[36]	-	-	-	**6137**	-	-	-	**16511**[37]	**22648**	1073[38]	**23721**[39]	**-**
1842								**24703**[40]				
1843	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**15277**[41]	1328[42]	**-**	**-**
1844[43]	-	-	-	**4721**	-	13249	12823	**26072**	**30793**	6879[44]	**-**	**-**

[28] Там же. С. 84.
[29] Только цеховые мастера.
[30] Копанев А.И. Ремесленники… С. 79.
[31] В это число входят 1.186 временноцеховых иностранных мастеров. В 1834 г. среди налогоплательщиков числятся 25.035 мещан и цеховых.
[32] Копанев А.И. Ремесленники... С. 79.
[33] Пушкарев И.И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии. Ч. [1]-4. [Ч. 1]. СПб., 1839. С. 46. Среди вечноцеховых 2989 мужского и 3793 женского пола.
[34] Очерки истории Ленинграда. Т. 1. С. 515. Указано только мужское население.
[35] По сведениям ремесленного головы Дитмара.
[36] Пушкарев И.И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.–Петербургской губернии. Ч. [1]-4. Ч. 3. СПб., 1841. С. 30. Среди вечноцеховых – 3468 мужского пола и 2669 женского пола.
[37] Мужского пола.
[38] Мужского пола.
[39] Из них 21052 мужского пола и 2669 женского пола.
[40] Из них 15043 принадлежали крестьянскому сословию (Рындзюнский П.Г. Городское гражданство… С. 452).
[41] Очерки истории Ленинграда. Т. 1. С. 513. Указаны только цеховые мастера.
[42] Там же. С. 518.
[43] Там же. С. 515-516. Указано только мужское население. По другим данным в Петербурге насчитывалось записанных в ремесленные цехи подмастерьев и учеников:

1846	-	-	-	**-**	5620	13576	10413	**29609**[45]	**-**	1059[46]-	**-**	**-**
1847	-	-	-	**5038**[47]	5362	13046	9753	**28161**[48]	**33199**	-	**-**	**-**
1848	-	-	-	**5260**	5818	13713	10766	**30303**[49]	**35563**	-	**-**	**-**
1849	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**-**	1300[50]	**-**	**-**
1850	-	-	-	**5551**[51]	-	-	-	**-**	**-**	4000[52]	**-**	**-**
1851	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**		1064	**32088**	**-**
1852	-	-	-	**5447**[53]	-	-	-	**-**	**-**	-	**-**	**-**
1854	1177	1752	138	**3067**[54]	5068	13414	11262	**29744**	**32811**	1056	**33867**	**-**
1855	1100	1636	107	**2843**	4690	11158	9427	**25275**	**28118**	-	**-**	**-**
1856	-	-	-	**-**	4581	10333	8441	**23355**	**-**	-	**-**	**-**
1858	-	-	-	**-**	-	-	-	**25659**[55]	**27090**[56]**-**	-	**-**	**-**
1866	1084	2466	29	**3579**	5309	12672	7709	**25690**	**29269**	ca. 1100	**30369**	**75000**

крепостного состояния – 16689 (64,1%), свободного состояния – 9384 (35,9%) (Рындзюнский П.Г. Городское гражданство… С. 429).

[44] Сюда входят 1312 мастеров, 2259 подмастерьев и 3308 учеников.

[45] Копанев А.И. Ремесленники. С. 79.

[46] Очерки истории Ленинграда. Т. 1. С. 518.

[47] Там же. С. 515. Указано только мужское население. Здесь А.И. Копанев указывает 28514 временноцеховых.

[48] Копанев А.И. Ремесленники… С. 79.

[49] Там же. Ремесленники… С. 79.

[50] Согласно более подробным статистическим данным А.И. Копанева, в иностранных цехах в 1840-х гг. числилось 1312 мастеров, рабочих: 977 крепостного и 1282 свободного состояния и учеников – 2041 крепостного и 1267 свободного состояния (Копанев А.И. Ремесленники... С. 88).

[51] Очерки истории Ленинграда. Т. 1. С. 515. Указано только мужское население.

[52] Сюда входят 1300 мастеров, 1200 подмастерьев и 1500 учеников.

[53] Очерки истории Ленинграда. Т. 1. С. 515. Указано только мужское население.

[54] Всего сословие вечноцеховых насчитывало 6039 человек, из которых 2972 не занимались ремеслом.

[55] С членами семей насчитывалось 68490 человек.

[56] Пажитнов К.А. Проблема… С. 187.

1867	1087	2366	16	**3469**	5462	13475	8800	**27837**	**31306**	-	**-**	**-**
1868	1176	3002	466	**4644**	4880	13067	7094	**25041**	**29685**	ca. 1200	**30885**	**-**
1869	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	***17678***[57]	ca. 1200	**-**	**85000**[58]
1870	ca. 1200	-	-	**2727**	ca. 6000	-	-	**25092**	**27819**[59]	ca. 1200	**-**	**-**
1872	915	2887	3	**3805**	5566	15480	8558	**29604**	**33409**	ca. 1200	**34609**	
1873	1097	2901	2	**4000**	6946	16006	9189	**32141**	**36141**	ca. 1200	**37341**	**-**
1874	1076	3060	3	**4139**	6861	18150	10741	**35752**	**39891**	ca. 1200	**41091**	**-**
1875	1042	2889	0	**3931**	6950	21261	12869	**41080**	**45011**	ca. 1200	**46211**	**-**
1876	1128	3087	2	**4217**	7121	21901	13601	**42623**	**46840**	ca. 1200	**48040**	**-**
1877	1109	3199	0	**4308**	6660	21566	13169	**41395**	**45703**	ca. 1200	**46903**	**-**
1878	-	-	-	***20461***	-	-	-	***44247***	***64708***[60]	ca. 1200	**-**	**-**
1879	1176	3152	2	**4330**	7090	22833	13076	**42999**	**47329**	ca. 1200	**48529**	**-**
1880	1072	3167	-	**4239**	6595	22512	13376	**42483**	**46722**	ca. 1200	**47922**	**-**
1881	1157	3352	-	**4509**	7010	22889	13759	**43658**	**48167**	ca. 1200	**49367**	**-**
1882	1158	3374	-	**4532**	7070	22621	13171	**42862**	**47394**	ca. 1200	**48594**	**-**
1883	1086	3770	-	**4856**	7006	22705	13143	**42854**	**47710**	ca. 1200	**48910**	
1884	1172	4021	-	**5193**	7103	22075	12571	**41749**	**46942**	ca. 1200	**48142**	**-**
1886	1256	4199	-	**5455**	7764	24186	12610	**44560**	**50015**	ca. 1200	**51215**	**-**
1887	1331	4313	-	**5644**	7856	17807	9284	**34947**	**40591**	ca. 1200	**41791**	**-**

[57] Сюда включены лишь вечно- и временноцеховые мастера с членами семей.
[58] Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга… С. 57.
[59] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1281. Л. 2 об.
[60] Члены семей включительно (РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1954. Л. 8).

1888	1336	4466	-	**5802**	7733	18363	9375	**35471**	**41273**	ca. 1200	**42473**	**-**
1889	1418	4601	-	**6019**	7767	18509	9574	**35850**	**41869**	ca. 1200	**43069**	**-**
1890	1429	4582	-	**6011**	7756	18434	9695	**35885**	**41896**	ca. 1200	**43096**	**99889**
1891	1512	4550	-	**6062**	7449	19351	10436	**37236**	**43298**	ca. 1300	**44598**	**-**
1892	1346	4214	-	**5560**	6414	16005	ca. 12000	**34419**	**39979**	ca. 1300	**41279**	**-**
1894[61]	1512	4550	-	**6062**	7221	22160	ca. 12000	**41381**	**47443**[62]	1303[63]	**48746**[64]	**-**
1895		-	-	**-**	-	-	-	**-**	**53554**[65]		**54854**	**-**
1.1.1896	1115	4193		**5308**[66]	5864	21168	11087	**38119**	**43427**	ca. 1300	**44727**	
1.1.1897	1182	3957		**5139**[67]	6246	23104	10871	**40221**	**45360**	ca. 1300	**46690**	
1899	-	-	-	**-**	-	-	-	**-**	**64228**[68]		**65528**	**-**
1900	1613	-	-	**-**	8662	-	13655	**-**	**52075**[69]		**53375**	**126757**[70]
1910	1203	-	-	**-**	8587	-	13523	**-**	**56286**[71]		**57586**	**150000**
1919									**60090**[72]			

[61] Пажитнов К.А. Проблема… С. 187-188.
[62] Доклад К.Д. Кудрявцева // Труды всероссийского съезда по ремесленной промышленности. Т. 2. СПб., 1901. С. 225.
[63] В это число входят 751 мастер и 552 подмастерья.
[64] На Охте числилось 109 мастеров и 485 подмастерьев или 594 всего. У Пажитнова дана цифра в 37340 цеховых ремесленников (Пажитнов К.А. Проблема... С. 173).
[65] Среди них 9030 мастеров, 30 350 подмастерьев и 14 174 учеников (Доклад С. В. Бородаевского // Труды всероссийского съезда по ремесленной промышленности. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1900. С. 109).
[66] Всего в сословии числилось 10 583 лиц м.п. и 11 911 ж.п. или 22 494 всего (Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1896 г. СПб., 1900. С. 78).
[67] Всего в сословии числилось 10 734 лиц м.п. и 12 191 ж.п. или 22 925 всего (Там же).
[68] Среди них 10 371 мастер, 36 075 подмастерьев и 17 782 ученика (Доклад С.В. Бородаевского // Труды. С. 109).
[69] Всего имелось 27 403 подмастерья и 14 397 ученика.
[70] Среди всех 260 118 занятых в промышленности имелось 126 757 ремесленников и 133 361 рабочих на 631 крупном предприятии (История города Петербурга за 200 лет. СПб., 1905. С. 72).
[71] Всего насчитывалось 31 038 подмастерьев и 15 458 учеников (Пажитнов К.А. Проблема… С. 173).
[72] Там же.

Источники: Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете…» - град святого Петра. СПб., 1999; Аллер С. Указатель жилищ и зданий С.-Петербурга или адресная книга. СПб., 1822; Валк С.Н., Дякин В.С. (ред.). История рабочих Ленинграда, т. 1. (1703 – февраль 1917). Л., 1972. С. 8-9; Веселовский К.С. Статистические исследования о недвижимых имуществах в Санкт-Петербурге // Отечественные записки. 1848. Т. 57. Ч. 2. № 3–4. С. 11; Георги И.-Г. Описание (...). СПб., 1794 (репринт: СПб., 1996. С. 193-207; см. также немецкое издание этого автора 1790 г.: Versuch einer Beschreibung der Russisch Kaiserlichen Residenzstadt St. Petersburg und der Merkwürdigkeiten der Gegend); ЖМВД. 1832. Ч. 6. № 2. С. 44; ЖМВД. 1834. Ч. 11. № 1. С. 23; История города Петербурга за 200 лет. СПб., 1905. С. 72; Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903. С. 103, 162-164; Копанев А.И. Ремесленники Петербурга в первой половине XIX века // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике. Л., 1975. С. 79; Кочин Г.Е. Население Петербурга до 60-х годов XVIII века // Очерки истории Ленинграда. Л., 1955. Т. 1. С. 102, 280, 487, 513; Липский А.А. На Население Петербурга по переписи 15 декабря 1881 г. СПб., 1884; Луппов, С. П. История строительства Петербурга первой четверти XVIII века. М., 1957. С. 166; Отчет С. Петербургской ремесленной управы за 1854 год // ЖМВД. 1854. Ч. 14. С. 1-9; Отчет С. Петербургской ремесленной управы за 1855 г. // ЖМВД. Ч. 19. Кн. 7. Отд. 2. С. 8-9; Отчеты С.-Петербургской ремесленной управы за 1866-68, 1873-82, 1884, 1886, 1891, 1903, 1906-1910 гг. Спб., 1867-1869, 1875-83, 1885, 1887-1894, 1906-1909, без года публикации, 1913; Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952. С. 48, 57, 173, 187-188; Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646-1858). М. 1972. Вып. III. С. 339; Переписи населения России. Вып. IV. С. 6; Переписи населения России. Вып.V-VII, IX-XI; Ремесленники и ремесленное управление в России. Петроград, 1916. С. 32; РГАДА. Ф. 248. Оп. 58. Д. 58/3629, l. 62-72; Пушкарев И.И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии. Ч. [1]-4. [Ч. 1]. Санкт-Петербург: тип. Н. Греча, 1839-1841; РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 667. Л. 72; там же. Оп. 38. Д. 1281. Л. 2-3; Д. 1954. Л. 1, 8; Д. 2530. Л. 2-3; Ф. 571. Оп. 9. Д. 9. Л. 1-124; там же. Д. 1860. Л. 14, 20, 32, 34, 49, 53; Ф. 571. Оп. 3. Д. 337. С. 1-5; Ф. 18. Оп. 2. Д. 435; Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России М.: Из-во Академии наук СССР, 1958. С. 429; Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1-2. СПб., 1872. С. 110-111, 118-120; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. СПб., 1903; Труды всероссийского съезда по ремесленной промышленности. Т. 1-3. СПб., 1900-1901; Туманский Ф.О. Опыт повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Санкт-Петербургской губернии [...]. СПб., 1789/90 // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 885: Эрмитаж. № 558; Указатель статистических таблиц столичного города С. Петербурга за 1821 год // РГВИА. ВУА. Д. 19008; ЦГИА СПб. Ф. 221. Оп. 1. Д. 80; Шредер Ф. Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу с историческими указаниями. СПб., 1820; Шустов А.С. Санкт-петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летнему юбилею столицы: Ил. альм. СПб., 1903. С. 1; Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 56-65; Янсон Ю.Э. (ред.). Население Петербурга по исчислению 1888 года. СПб., 1889; Он же. С.-Петербург по переписи 1890 года. СПб., 1892; Steffens T. Die Arbeiter von Petersburg 1907 bis 1917. Soziale Lage, Organisation und spontaner Protest zwischen zwei Revolutionen. Freiburg i. Br., 1985. S. 45.